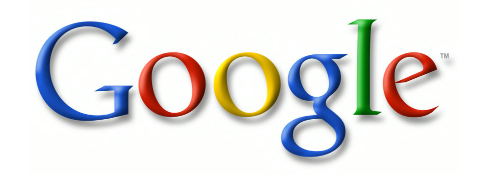
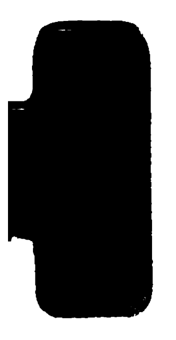
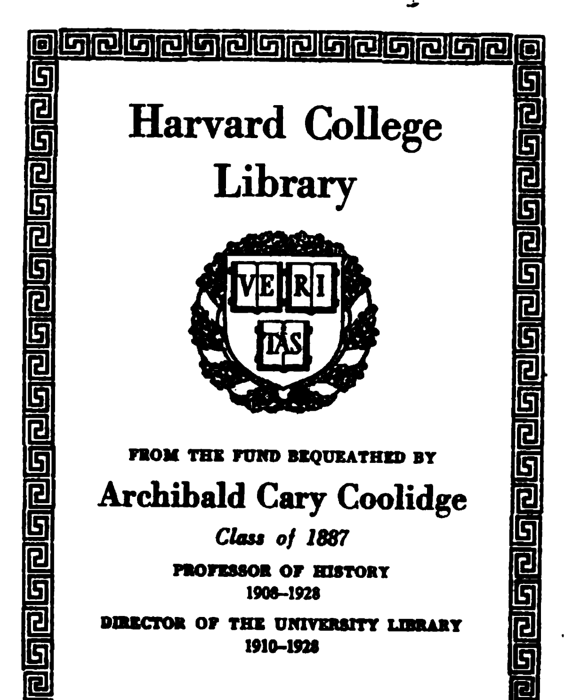







Harvard College
Library
VE RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

написанная

КЪ СТОЛѢТНЕМУ ЕГО ЮБИЛЕЮ

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПЕДАГОГІИ

СТЕПАНОМЪ ШЕВЫРЕВЫМЪ.

1755—1855.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХЪ

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1855.

Печатать позволяется.

Ректоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
Аркадій Альфонскій.

Москва, Января 4-го дня, 1855 года.



ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ

всеподданнѣйшее приношеніе

АВТОРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая Исторія Императорскаго Московскаго Университета написана въ исполненіе первой задачи Высочайше утвержденной въ 8-й день Марта 1851 года программы приготовленій Университета къ празднованію его столѣтняго юбилея. Исторія заключаетъ въ себѣ, согласно программѣ, обозрѣніе всѣхъ Государственныхъ постановленій и Правительственныхъ мѣръ, относящихся къ Московскому Университету; память щедротъ Монаршихъ и всѣхъ благихъ дѣйствій Кураторовъ, Министровъ и Попечителей на пользу Университета; воспоминаніе о частныхъ приношеніяхъ его благотворителей; исторію преподаванія наукъ въ Университетѣ, въ постепенномъ ихъ развитіи; ученую, педагогическую, литературную и общественную дѣятельность членовъ Университета; возрастаніе его учебныхъ пособій; наконецъ вліяніе Университета на образованіе Россіи въ лицѣ извѣстныхъ его питомцевъ.

Исторія раздѣлена по періодамъ царствованій: 1) Императрицы Елисаветы Петровны и Петра III Ѳеодоровича, 2) Императрицы Екатерины II Алексѣевны, 3) Императора Павла Петровича, 4) Императора Александра Павловича и 5) благословенно Царствующаго Императора Николая Павловича.

Матеріалами для труда послужили:

1) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

2) Періодическое Сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія (1803—1817), 44 нумера.

3) Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія (1821—1823), 9 частей.

4) Записки Департамента Народнаго Просвѣщенія (1825—1828), 3 книги.

5). Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834—1854), 84 части.

6) 15 томовъ актовъ Конференціи Университета за первое его пятнадцатилѣтіе, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ документовъ 1786 года. Они писаны на Русскомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, и подарены въ библіотеку Университета И. М. Снегиревымъ.

7) Переписка первыхъ иностранныхъ Профессоровъ Университета съ Миллеромъ, хранящаяся въ его портфеляхъ въ Главномъ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За сообщеніе этихъ любопытныхъ документовъ, равно и другихъ изъ Архива, Авторъ Исто-

ріи считаетъ обязанностію свидѣтельствовать искреннюю благодарность свою Главному Начальнику Архива Князю М. А. Оболенскому.

8) Московскія Вѣдомости, начиная съ 26-го Апрѣля, перваго дня ихъ изданія, въ 1756 году. Наиболѣе полное собраніе Вѣдомостей принадлежитъ также Архиву. Собраніе прежнее въ Университетѣ истреблено пожаромъ 1812 года. Довольно полное пріобрѣтено недавно вновь, благодаря стараніямъ Библіотекаря С. П. Полуденскаго. Третье собраніе въ Москвѣ принадлежитъ С. Д. Полторацкому. Авторъ Исторіи свидѣтельствуетъ также благодарность свою извѣстному Русскому Библіографу, Сергѣю Дмитріевичу, за доставленіе средствъ пользоваться его библіотекою. То, чего недоставало въ этихъ трехъ собраніяхъ, сообщено было изъ Императорской Публичной Библіотеки дружелюбнымъ усердіемъ одного изъ библіотекарей, питомца нашего Университета А. Ѳ. Бычкова, и трудами другаго нашего же питомца А. Ѳ. Гильфердинга, еще въ то время, когда онъ былъ Студентомъ въ Университетѣ. Печатные списки Студентовъ, которые прилагались къ Вѣдомостямъ въ прежнія времена, собраны за все столѣтіе (за исключеніемъ списка 1762 года). Списокъ Студентовъ за 1769 годъ былъ найденъ черезъ припечатаніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

9) Каталоги лекцій и объявленіе объ актахъ. Самые древніе были доставлены И. М. Снегиревымъ и

подарены имъ Университету. Богатое собраніе ихъ находится въ Архивѣ. Есть нѣсколько каталоговъ въ Библіотекѣ Университета. Нѣкоторые благосклонно сообщены были А. Д. Чертковымъ и П. Ил. Страховымъ. Въ своемъ мѣстѣ упоминается объ этихъ каталогахъ, отъ кого получены они и за какіе именно академическіе годы. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и въ другихъ, служила Автору большимъ пособіемъ:

10) Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgegeben von Backmeister, St.-Petersburg. 1772—1787. 11 томовъ.

11) Рѣчи и разсужденія Профессоровъ, читанныя на торжественныхъ актахъ. Наибольшее собраніе принадлежитъ также Архиву. Семь томовъ рѣчей древнихъ подарены въ Университетскую Библіотеку И. М. Снегиревымъ. Другіе десять томовъ рѣчей, древнихъ и новыхъ, также и разсужденій, подарены въ нее же П. Ил. Страховымъ. Университетъ имѣлъ, кромѣ того, свою прежнюю коллекцію. Всѣ эти собранія послужили весьма важнымъ пособіемъ, за которое Авторъ не можетъ не выразить искренней своей признательности почтеннымъ жертвователямъ. Сюда же принадлежатъ и 4 тома Рѣчей Русскихъ Профессоровъ, изданные Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ 1819 — 1823 годахъ.

12) Бумаги перваго Попечителя Моск. Унив. М. Н.

Муравьева. За сообщеніе этихъ драгоцѣнныхъ документовъ Авторъ благодаритъ М. П. Погодина.

13) Отчеты Московскаго Университета, печатанные при актахъ, начиная съ 1814 года.

14) Отчеты ежегодные, представляемые въ печатныхъ экземплярахъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, начиная съ 1835 года.

15) Труды и изданія самихъ Профессоровъ.

16) Періодическія изданія при Университетѣ, начиная съ самыхъ первыхъ лѣтъ его существованія.

Сіи послѣдніе источники, равно какъ и многіе другіе, упоминаются въ ссылкахъ, напечатанныхъ въ Примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ главамъ Исторіи.

Исторія развитія каждой отдѣльной науки въ Университетѣ содержится въ Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ и Преподавателей, который такимъ образомъ составляетъ необходимое дополненіе къ предлагаемой книгѣ.

Авторъ Исторіи Императорскаго Московскаго Университета сочтетъ себя счастливымъ, если трудами своими вызоветъ другихъ къ подобнымъ трудамъ, или къ указанію новыхъ источниковъ, какіе, вѣроятно, скрываются до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ. Праздникъ нашъ соединитъ, конечно, въ Университетѣ многихъ его питомцевъ, которые могутъ тому содѣй-

ствовать. Мысль же праздника отзовется непремѣнно во всѣхъ концахъ нашего Отечества и побудитъ отсутствующихъ къ тому же самому: ибо въ какомъ же углу Россіи нѣтъ Университетскаго Студента, котораго сердце не откликнулось бы святымъ благодарнымъ чувствомъ Московскому Университету, 12-го Января 1855 года?

С. Шевыревъ.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ царствованіе

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

и

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III. ѲЕОДОРОВИЧА.

отъ 12-го Января 1755 г. до 29-го Іюня 1762 года.

(ГЛАВЫ I и II.)

ГЛАВА I.

КУРАТОРСТВО И. И. ШУВАЛОВА И ВЪ НАЧАЛѢ Л. БЛУМЕНТРОСТА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мысли Государей древней Руси объ ученыхъ и Университетахъ —Мысли Петра Великаго о томъ же. — Мысль при учрежденіи Академіи Наукъ.—Его же мысль объ Университетѣ.—Олицетвореніе ея въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.— Императрица Елисавета. — Шуваловъ.—Ломоносовъ. — Проэктъ объ учрежденіи Московскаго Университета. — Мысли, выраженныя Шуваловымъ въ проэктѣ. — День и годъ утвержденія проэкта. — Причины, почему Университетъ учрежденъ въ Москвѣ.— Права и преимущества Московскаго Университета. — Три Факультета.—Обязанности Профессоровъ. — Студенты. — Двѣ Гимназіи. — Лекціи публичныя и приватныя. — Штатная сумма. — Кураторы: Шуваловъ и Блументростъ. — Директоръ Аргамаковъ. — Домъ для Университета и двухъ Гимназій. — Открытіе Университета. — Рѣчь Барсова. — Медаль Университета.—Актъ 1756 года. — Указъ 17-го Мая 1756 года. — Указъ 5-го Марта 1756. — Университетская Типографія.—Книжная лавка. — Московскія Вѣдомости. — Библіотека. — Акты. — Академическая конференція. — Актъ Гимназіи. — Диспутъ Студентовъ. — Кончина Аргамакова. — Заботы Шувалова. — Новый Директоръ Мелиссино.—Внутренняя Исторія Университета. — Первые Профессоры Университета: — Поповскій.—Барсовъ. — Шаденъ.—Фроманнъ.— Дильтей. — Рейхель, Келлнеръ и Ростъ. — Первый каталогъ лекцій. — Курсъ Физики. — Второй каталогъ лекцій. —

дней до своей кончины другу своему Штелину въ этихъ достопамятныхъ словахъ: «На смерть взираю спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что̀ началъ для пользы отечества, для славы наукъ, и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.»

Они не исчезли. Они должны были найти себѣ исполненіе, но въ другомъ видѣ. Учрежденіе Московскаго Университета было дальнѣйшимъ развитіемъ той же мысли, которую питалъ Петръ Великій, созидая Академію.

Его же мысль объ Университетѣ.

Въ проэктѣ Академіи, который подписанъ Петромъ Великимъ Января 28-го 1724 года, сказано, что для распространенія наукъ и художествъ въ государствѣ есть два рода учрежденій: Университетъ и Академія. Университетъ есть собраніе ученыхъ, которые обучаютъ молодыхъ людей высшимъ наукамъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь находятся; Академія же есть собраніе ученыхъ и искусныхъ людей, которые не только знаютъ науки въ ихъ современномъ состояніи, но и сами стараются черезъ новыя изобрѣтенія ихъ усовершенствовать и умножить, а обученіемъ другихъ не занимаются. Хотя Академія должна вмѣщать въ себѣ тѣже самыя науки какъ и Университетъ и состоять изъ тѣхъ же членовъ; но въ государствахъ изобильныхъ учеными, Университеты отдѣляются отъ Академій: учебныя занятія могли бы отвлечь Академиковъ отъ тѣхъ размышленій и разысканій, которыми они должны приводить науки въ лучшее состояніе и тѣмъ приносить пользу Профессорамъ и Студентамъ; съ другой стороны Университетъ высшими изслѣдованіями своихъ ученыхъ могъ бы быть отвлеченъ отъ главной своей цѣли — отъ

обученія, и молодые люди въ слѣдствіе того были бы оставлены.

Исполнить послѣднюю мысль Петра Великаго было предназначено Московскому Университету. Онъ обреченъ былъ съ самого начала на обученіе молодыхъ людей и на приготовленіе ихъ къ службѣ государственной по всѣмъ ея отраслямъ. Вся исторія его есть исторія постояннаго, полезнаго и вѣрнаго служенія этой государственной цѣли.

Олицетвореніе ея въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Три имени, драгоцѣнныхъ для исторіи Русскаго просвѣщенія, соединяются въ нашемъ умѣ при мысли о началѣ Московскаго Университета, имена: Императрицы Елисаветы, Шувалова, Ломоносова.

Петръ Великій торжествовалъ въ Москвѣ свою Полтавскую побѣду въ то время, когда пришла къ нему вѣсть о рожденіи любимой его дочери. Русская красавица на Русскомъ престолѣ сіяла прелестью кротости. Она продолжала всѣ начинанія своего Родителя; при ней съ новою силою пробудился Русскій духъ, послѣ временнаго стѣсненія. При ней заговорилъ стихами Ломоносова Русскій Языкъ. Пѣвецъ вложилъ въ уста Императрицѣ тѣ слова, которыми хотѣлъ изобразить ея душу:

Императрица Елисавета.

И воля данная мнѣ свыше
Въ уста прощенье, въ сердцѣ Богъ!

Елисавета уничтожила въ Россіи смертную казнь. Елисавета же основала Московскій Университетъ.

Шуваловъ названъ въ Указѣ Января 24-го, 1755 г., «изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла.» Онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія качества души и умѣлъ породнить религіозное воспитаніе древняго Русскаго человѣка съ

Шуваловъ.

потребностями современнаго образованія. Онъ былъ благочестивъ, набоженъ и милостивъ къ бѣднымъ; онъ же былъ любезенъ и вѣжливъ въ свѣтскомъ общежитіи, какъ немногіе, по словамъ самого Вольтера; въ семействѣ служилъ примѣромъ покорности сыновней; при Дворѣ, миролюбіемъ и смиреніемъ побѣждалъ самыхъ опасныхъ враговъ и соперниковъ. Повсюду, во всѣ сношенія съ людьми вносилъ онъ ясныя чувства кроткаго и спокойнаго сердца. Горячо любилъ онъ отечество; словесность, искусство и наука плѣнили его за границею, но онъ хотѣлъ наслаждаться ими не только самъ: онъ желалъ насадить ихъ въ отечествѣ. На этомъ поприщѣ честно послужилъ онъ двумъ Государынямъ. Эта мысль сблизила его съ Ломоносовымъ: письма Ломоносова къ Шувалову, въ Русской словесности, прекрасный памятникъ благородной дружбы между вельможею и писателемъ. На 28-мъ году жизни совершилъ онъ лучшее свое дѣло — основалъ Московскій Университетъ.[6]

Ломоносовъ. Съ именемъ Ломоносова соединяется мысль о томъ, какъ Русской человѣкъ, съ призваніемъ къ наукѣ, любитъ ее и служитъ ей. Вся жизнь Ломоносова, отъ младенчества до кончины, была непрерывнымъ подвигомъ на пользу науки отечественной. Онъ завѣщалъ каждому Русскому ученому, какъ должно понимать отношеніе науки къ Религіи и къ государству, и связь наукъ между собою. Онъ, у престола Елисаветы, въ то время когда гремѣла семилѣтняя война, былъ постояннымъ предстателемъ за науку и ставилъ ея славу выше славы военной.[7] Пророчественно говорилъ онъ о Московскомъ Университетѣ, обращаясь къ Основательницѣ его и обѣщая успѣхи наукамъ и ученію:

Когда Твой Университетъ
О имени Твоемъ[8] подъ солнцемъ процвѣтетъ;
Тобою данными красуясь вѣчно правы,
Для истинной красы Россійскія державы.

Ломоносовъ бесѣдовалъ съ Шуваловымъ объ учрежденіи Московскаго Университета и читалъ черновое доношеніе его на имя Правительствующаго Сената.

Мы это узнаёмъ изъ письма Ломоносова къ Шувалову, которое сохранилось.[9] Ученый радуется великою радостію о томъ, что предпріятіе, словесно объявленное ему Шуваловымъ, приводится въ дѣйствіе, «*къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества;*» предлагаетъ свои услуги; желаетъ видѣть планъ; обѣщается черезъ десять дней доставить свой, цѣлый и полный; предварительно же повторяетъ то, чтò говорилъ изустно, чтобы планъ сдѣлать широкой, а не узкой, чтобы число Профессоровъ и жалованныхъ Студентовъ было довольное, расчитанное на будущія времена, а не стѣсненное теперешнею скудостію въ людяхъ ученыхъ. Тутъ же Ломоносовъ предлагаетъ три Факультета, раздѣленіе ихъ по наукамъ, въ Юридическомъ и Медицинскомъ по три Профессора, а въ Философскомъ шесть; при Университетѣ Гимназію, какъ разсадникъ необходимый, «безъ которой Университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ.»

Проэктъ объ учрежденіи Московскаго Университета.

Императрица Елисавета благоволила утвердить проэктъ Шувалова 12-го Января 1755 года. Число мѣсяца встрѣчается съ подобнымъ же числомъ, когда, по повелѣнію Петра, состоялся Сенатскій указъ объ учрежденіи Академіи Наукъ. Кромѣ того, говорятъ по преданію, что Шуваловъ хотѣлъ подарить мать свою, Татіану, въ день имянинъ ея, лучшимъ дѣломъ своей жизни, Московскимъ Университетомъ.

Мысли, выраженныя Шуваловымъ въ проэктѣ.

Мысль Петра вполнѣ созрѣла. Учрежденіе Московскаго Университета возъимѣло начало свое въ томъ движеніи, которое Великій далъ образованію нашего отечества. Съ этой поры всѣ просвѣщенные люди въ Русскомъ государствѣ и во главѣ ихъ стоявшее Правительство убѣдились, что «наукамъ обязаны просвѣщенные народы тѣмъ, что они превознесены и прославлены надъ людьми, живущими во тьмѣ невѣдѣнія»; что «чрезъ науки Петръ Великій совершилъ тѣ подвиги, которыми вновь возвеличено было наше отечество, а именно: строеніе городовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей и другія блага нашего общежитія.»

День и годъ утвержденія проэкта.

Эти мысли выразилъ Иванъ Ивановичь Шуваловъ въ началѣ доношенія своего о необходимости основать Университетъ въ Москвѣ, которое Правительствующій Сенатъ слушалъ 19-го Іюля 1754 года. Эти мысли повторилъ Сенатъ въ докладѣ своемъ на Высочайшее имя, и истину ихъ утвердила Августѣйшая Основательница Университета безсмертнымъ Указомъ своимъ Января 12-го 1755 года, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Здѣсь Императрица изволила ясно обнаружить, что созданіе Университета было плодомъ ея всечаснаго попеченія и труда объ исполненіи всѣхъ славныхъ предпріятій Петра Великаго. Здѣсь премудро изрекла она, что «всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется; что слѣдовательно нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей Имперіи всякое полезное знаніе,» — и далѣе благоволила изъяснить, что одушевленный сею мыслію, Шуваловъ представилъ Сенату проэктъ объ учрежденіи въ Москвѣ одного Университета и двухъ Гимна-

зій; что, дѣйствуя такъ, «изобрѣтатель того полезнаго дѣла,» усердствовалъ Ей и Отечеству.

Такими мыслями озарено было рожденіе Университета. Желая вызвать таланты отовсюду для воспринятія наукъ, Правительство даровало средства ученія людямъ всѣхъ свободныхъ званій. Дворяне и разночинцы учились въ разныхъ Гимназіяхъ; но когда получали опи званіе студентовъ, Университетъ соединялъ сословія.[10] Крѣпостные люди не иначе могли быть допущены въ Гимназію и Университетъ, какъ получивъ увольнительное свидѣтельство отъ своихъ помѣщиковъ.[11]

Причины, почему Университетъ учрежденъ въ Москвѣ.

Москва была избрана мѣстомъ для перваго Русскаго Университета. Пять причинъ выставлено въ Указѣ такому избранію: 1. великое число въ Москвѣ живущихъ дворянъ и разночинцевъ; 2. положеніе столицы въ сердцѣ Русскаго государства; 3. дешевыя средства къ содержанію; 4. обиліе родства и знакомства у студентовъ и учениковъ; 5. великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ.

Сіе послѣднее обстоятельство входило особенно въ виды предусмотрительнаго Правительства, какъ ясно изъ Указа. Помѣщики, желая преподать ученье своимъ дѣтямъ, согласное съ современными требованіями, и образовать достойныхъ людей на службу Государынѣ, не щадили на то издержекъ; даже бѣднѣйшіе жертвовали для того послѣднимъ достаткомъ, а между тѣмъ сами, не будучи въ силахъ судить о достоинствѣ учителей или сыскать лучшихъ, брали такихъ, которые всю жизнь свою проводили лакеями, парикмахерами, или въ другихъ подобныхъ ремеслахъ. Правительство, создавая Университетъ, желало пособить попеченіямъ и недостаткамъ родителей и образо-

зовать способныхъ Русскихъ наставниковъ, которые изъ Москвы простерли бы свое вліяніе на все пространство Русской Имперіи и дали бы возможность основать Русскія училища. Однимъ изъ предметовъ ожиданій Правительства было, что распространеніе свѣта познаній послужитъ также къ истребленію въ простомъ народѣ суевѣрія, расколовъ и ересей, проистекающихъ отъ невѣжества.

Права и преимущества Московскаго Университета.

Императрица благоволила обѣщать свое особенное покровительство Университету и выгоды по службѣ его достойнымъ питомцамъ. Посредниками этого покровительства назначались Кураторы, знатныя особы, облеченныя довѣренностію Императрицы, которые могли лично докладывать о случающихся нуждахъ Университета Ея Императорскому Величеству.

Съ этимъ Высочайшимъ покровительствомъ соединены были важныя преимущества. Университетъ не подчинялся никакому иному присутственному мѣсту, кромѣ Правительствующаго Сената, и ни отъ какого инаго мѣста не былъ обязанъ принимать повелѣній. Профессоры и Учители Университетскаго вѣдомства, безъ позволенія Кураторовъ и Директора, не были повинны никакому другому суду, кромѣ Университетскаго. Всѣ чиновники Университета были освобождены отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ другихъ сборовъ.

Посредникомъ между Кураторомъ и Университетомъ во внутреннемъ управленіи сего послѣдняго назначался Директоръ. Обязанностью его было, согласно данной инструкціи, править доходами Университета и пещись объ его благосостояніи; учреждать вмѣстѣ съ Профессорами ученіе въ Гимназіяхъ и Университетѣ; сноситься и вести переписку со всѣми присутственными

мѣстами по дѣламъ, касающимся до Университета; представлять обо всемъ Куратору на его утвержденіе.

Университетъ, въ отношеніи ко внутреннему своему устройству, согласно съ уставомъ Академіи Наукъ, раздѣленъ былъ на три факультета: Юридическій, Медицинскій и Философскій. Попеченіе о Богословскихъ наукахъ предоставлено Святѣйшему Сѵноду. Во всѣхъ Факультетахъ предположено быть десяти Профессоаамъ: въ Юридическомъ тремъ: Профессорамъ Юриспруденціи всеобщей, Россійской и Политики; въ Медицинскомъ также тремъ: Химіи съ примѣненіемъ къ Химіи Аптекарской, Натуральной Исторіи, Анатоміи въ связи съ Медицинскою практикой; въ Философскомъ четыремъ: Философіи, которая обнимала Логику, Метафизику и Нравоученіе; Физики Экспериментальной и Теоретической; Краснорѣчія (Ораторіи и Стихотворства); Исторіи Всеобщей и Русской, съ вспомогательными науками: Древностями и Геральдикою. Три Факультета.

Профессоры читали пять дней въ недѣлю; по субботамъ должны были сходиться въ засѣданія Конференціи подъ предсѣдательствомъ Директора; здѣсь сносились они между собою и съ Директоромъ обо всемъ, что касалось ученія, распорядковъ его и самихъ студентовъ. Профессоръ не имѣлъ права читать науку по своей системѣ или по автору, имъ произвольно избранному: онъ обязанъ былъ подчиниться въ этомъ суду и утвержденію Конференціи и Куратора. Всѣ публичныя лекціи предлагаемы были на Латинскомъ, или на Русскомъ языкѣ, смотря по предмету и потому, иностранецъ ли Профессоръ или природный Русской. Обязанности Профессоровъ.

Студенты.

Желающіе слушать лекціи въ Университетѣ по экзамену принимались въ студенты и получали право носить шпагу. Студенты оканчивали ученье Университетское въ три года. Они, также какъ и Профессоры, не подчинялись никакому иному суду, кромѣ Университетскаго. Въ случаѣ проступка, Директоръ, или наказывалъ ихъ, или отсылалъ къ тому суду, до котораго дѣло относилось. При концѣ каждаго мѣсяца, въ послѣднюю субботу, они должны были держать между собою приватные диспуты, подъ руководствомъ Профессоровъ, на тезисы, за три дни имъ объявленные. Въ концѣ каждаго полугодія передъ наступленіемъ вакаціи, такіе диспуты совершались публично, въ присутствіи любителей наукъ. Ежегодно, восемь медалей, золотыхъ и серебряныхъ, смотря по надобности, раздавалось студентамъ въ награду за лучшія сочиненія, написанныя въ теченіи мѣсяца на заданныя темы. Эта раздача наградъ должна была сопровождаться публичнымъ торжествомъ, при которомъ вмѣнено было въ обязанность Профессорамъ «представлять учащемуся въ Университетѣ Россійскому юношеству съ достойными похвалами Высокомонаршее попеченіе Ея Императорскаго Величества о благополучіи Ея подданныхъ вообще и особливо неизреченныя щедроты къ Университету.» Окончившимъ курсъ ученія студентамъ выдавались, за подписаніемъ Директора и всѣхъ Профессоровъ, аттестаты, по которымъ они могли опредѣляться прямо въ гражданскую службу и имѣть преимущества передъ другими.

Двѣ Гимназіи.

Для приготовленія студентовъ къ Университету служили двѣ Гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Инспекторомъ надъ Гимназіею назначался одинъ изъ Профессоровъ Университета. Въ

каждой Гимназіи учреждалось по четыре школы; въ каждой школѣ по три класса. Первая школа была Россійская; въ ней три класса соотвѣтствовали тремъ ступенямъ: Грамматикѣ и чистотѣ слога, Стихотворству и Краснорѣчію. Вторая школа была Латинская; въ ней соблюдалась постепенность отъ первыхъ основаній Латинскаго языка до чтенія самыхъ трудныхъ писателей. Третья школа первыхъ основаній наукъ: въ нижнемъ классѣ обучали Ариѳметикѣ, въ среднемъ Геометріи и Географіи, въ высшемъ сокращенной Философіи. Четвертая школа знатнѣйшихъ Европейскихъ языковъ: въ ней ученіе предлагалось съ тою же постепенностію. Введено было и признано за нужное изученіе Греческаго языка. Предполагалось со временемъ ввести и языки восточные. Отличные ученики изъ Гимназій по экзамену прямо поступали въ Университетъ. Могли родители и не обучать дѣтей своихъ Латинскому языку и высшимъ наукамъ: въ такомъ случаѣ, ученіе ихъ располагаемо было иначе, согласно съ потребностями того званія, которому они принадлежали. 22-мъ параграфомъ проэкта предполагалось имѣть 20-ть студентовъ на жалованьѣ, чтобы изъ нихъ опредѣлять въ Гимназію Учителями; казеннокоштнымъ же ученикамъ опредѣлено быть въ числѣ 50-ти.

Профессорскія лекціи были двоякія: публичныя и приватныя. Каждый Профессоръ обязанъ былъ ежедневно, кромѣ воскресенья и субботы, не менѣе двухъ часовъ, читать свою науку публично для всѣхъ слушателей, не требуя съ нихъ никакой платы; кромѣ того, онъ имѣлъ право читать для желающихъ приватные курсы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы публичные не потерпѣли отъ того никакой остановки, ни препятствія. Лекціи публичныя и приватныя.

Штатная сумма.

Сумма, которой Шуваловъ испрашивалъ у Правительства для основанія Университета, была не велика: 10,000 руб. Правительствующій Сенатъ увеличилъ ее и опредѣлилъ 15,000 руб., сверхъ того 5,000 на первое обзаведеніе для покупки книгъ и прочаго, какъ сказано въ указѣ. Славные благотворители Университета, Демидовы, при самомъ основаніи его, подарили ему 13,000 р. и черезъ два года еще восемь.

Кураторы: Шуваловъ и Блументростъ, и Директоръ Аргамаковъ.

Кураторами назначены были двое: Иванъ Ивановичь Шуваловъ и Архіатеръ Блументростъ. Шуваловъ, въ теченіи первыхъ лѣтъ, дѣятельно участвовалъ въ первоначальномъ образованіи Университета; получивъ другое дипломатическое назначеніе въ 1762 году и пробывъ до 1777 г. за границею, онъ, по возвращеніи, не переставалъ ходатайствовать у Престола о благѣ Университета. До самой кончины своей, послѣдовавшей 14-го Ноября 1797 года, Шуваловъ постоянно носилъ званіе Куратора. Блументростъ имѣлъ только почетный титулъ. Въ этомъ назначеніи участвовала прекрасная мысль связать учрежденіе Петрово, Академію, которой Блументростъ былъ первымъ Президентомъ, съ новорожденнымъ Университетомъ Московскимъ. Блументростъ не долго былъ въ званіи Куратора: онъ скончался въ Москвѣ, вскорѣ по открытіи Университета.

При назначеніи этихъ лицъ, Указомъ Января 17-го, Кураторамъ вмѣнено въ обязанность вносить въ Правительствующій Сенатъ на разсмотрѣніе статьи инструкціи для Профессоровъ и Учителей, законы для студентовъ въ Университетѣ и для учениковъ въ Гимназіи, какъ необходимые въ пополненіе проэкту. Директоромъ Университета назначенъ былъ Коллежскій Совѣтникъ Алексѣй Михайловичь Аргамаковъ.

За полгода слишкомъ до открытія Университета, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1754 года, Сенатъ озаботился приготовленіемъ дома для помѣщенія Университета и его Гимназій. Домъ бывшей Аптеки у Куретныхъ или Воскресенскихъ воротъ съ прилежащими къ нему покоями, въ которыхъ прежде была австерія, тотъ самый домъ, гдѣ нынѣ помѣщается Московская Градская Дума, получилъ это назначеніе. Указомъ Сената предписано было Архитектору Князю Дмитрію Ухтомскому привести домъ Аптеки въ исправность, и, разобравъ покои австеріи, устроить на-ихъ мѣстѣ съ приличнымъ украшеніемъ Университетскую залу. На издержки приказано отпустить изъ Статсъ-Конторы потребованную Архитекторомъ сумму, тысячу рублей. Домъ для Университета и двухъ Гимназій.

Здѣсь, въ этомъ домѣ, Апрѣля 26-го 1755 года, на другой день послѣ праздника коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны, открытъ былъ Университетъ, съ своимъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ разсадникомъ, двумя Гимназіями[12]. Въ 8-мъ часу утра учители съ учениками собрались въ обновленномъ домѣ. Черезъ печатныя программы приглашены были къ торжеству знатныя особы, родители учениковъ, иностранцы, именитое купечество. Первыя молитвы Богу принесены были Наставниками и юношествомъ университетскимъ, передъ началомъ ученія, въ церкви Казанской Богоматери. Открытіе Университета.

По возвращеніи изъ храма, въ большой залѣ говорили рѣчи: Русскую Магистръ Барсовъ, Латинскую Магистръ Поповскій, Французскую учитель Лабомъ, Нѣмецкую учитель Литкенъ.

Барсовъ говорилъ *о пользѣ учрежденія Московскаго Университета*. Исчисливъ благодѣянія Императрицы Рѣчь Барсова.

народу: прощеніе виновныхъ, уступленіе недоимокъ, облегченіе тягостей, сложеніе податей, доставленіе новыхъ пользъ и преимуществъ, ораторъ указалъ на значеніе новаго благодѣянія, оказаннаго Русскому народу учрежденіемъ Университета. Въ немъ Императрица *«самое ученіе все* своему народу даровала:» ибо съ именемъ Университета должно представлять «все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія.» Говоря въ первый разъ объ наукѣ въ новорожденномъ ея разсадникѣ, Профессоръ возвышенно понялъ ея назначеніе. Ставъ твердо на Христіанскую точку зрѣнія и признавъ грѣхопаденіе человѣка за непреложную истину, онъ поставилъ цѣлью наукъ, «хотя отчасти наградить уронъ,» понесенный нами, «онымъ громкимъ паденіемъ естества нашего,» и «возвратить намъ естество наше, возвратить насъ естеству нашему.» Шествуя такимъ путемъ, науки будутъ содѣйствовать нашему благополучію. Въ ряду наукъ, Барсовъ указалъ особенно на мѣсто занимаемое Философіею, которая, по его мнѣнію, «пріобучаетъ разумъ къ твердому познанію истины, чтобъ оный напослѣдокъ знать могъ, въ чемъ наше истинное благополучіе заключается; разсматриваетъ силы и свойства нашихъ душъ, и изъ того опредѣляетъ наши должности въ разсужденіи Творца нашего, въ разсужденіи населяющихъ съ нами землю человѣковъ, въ разсужденіи высшихъ, нисшихъ, равныхъ, своихъ, чужихъ, кровныхъ, знаемыхъ, пріятелей и непріятелей.» Въ заключеніе рѣчи, обратившись къ родителямъ, наставникъ указалъ имъ, съ какою любовію Монархиня принимаетъ участіе въ ихъ попеченіи о честномъ воспитаніи и полезномъ обученіи дѣтей, и какъ, слагая съ нихъ бо́льшую часть издержекъ, пріемлетъ ихъ на себя. Въ тотъ же самый день, какъ слово Барсова сказано было въ Москов-

скомъ Университетѣ, Ломоносовъ, его наставникъ, говорилъ свое Похвальное слово Петру Великому въ торжественномъ собраніи Академіи.

Руское угощеніе не миновало гостей, приглашенныхъ на праздникъ. Иллюминація привлекла особенно народное любопытство. Она изображала Парнассъ. Минерва ставитъ на немъ обелискъ во славу Императрицы. У подошвы обелиска многіе младенцы упражняются въ наукахъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ незабвенное имя Шувалова. Рогъ изобилія и источникъ водъ тутъ же, какъ символы будущихъ плодовъ ученія. Ученикъ съ книгою всходитъ по ступенямъ къ Минервѣ, которая принимаетъ его съ любовію. Съ пальмоваго дерева младенецъ ломаетъ вѣтви и держитъ въ рукѣ вѣнцы и медали: награды всегда готовыя для успѣвающихъ.

Кромѣ этой картины, иллюминація представляла еще садъ съ аллеями и деревьями. Всѣ Университетскіе покои и башня до самаго верха были освѣщены и внутри и снаружи. Музыка инструментальная, трубы, литавры, слышны были цѣлый день, «какъ звукъ радостнаго и всѣмъ любезнаго торжества.»

Внутри покоевъ галлерея съ портиками была убрана грудами конфектъ. Между столбовъ стояли фигуры младенцевъ съ разными математическими инструментами, съ книгами, географическими картами и глобусами въ рукахъ; посреди галлереи былъ натуральный фонтанъ; на фронтонахъ ея сіяли имя и гербъ Куратора и основателя Университета.

Цѣлый день и почти всю ночь, до четвертаго часа по полуночи, несчетное число народа тѣснилось около Университетскаго дому. Вечернее угощеніе внутри покоевъ соотвѣтствовало утреннему. Такъ всенародно праздновала Москва, 26-го Апрѣля 1755 года, вмѣстѣ

съ коронаціею Императрицы и рожденіе своего Университета.

Медаль Университета.

Въ память основанія Университета была выбита медаль художникомъ Дасье (Dassier). На одной сторонѣ изображенъ бюстъ Императрицы Елисаветы съ надписью вокругъ: D. G. Elisabetha I. Imp. Autocr. omn. Ross. Другая надпись на противоположной сторонѣ: Nova sibi monumenta paravit. Внизу Acad. Mosq. instit. MDCCLIV. Здѣсь вырѣзанъ въ глубинѣ Кремль съ своими храмами и башнями, съ частью Москвы рѣки, съ Воскресенскими воротами, близь которыхъ замѣтно выдается зданіе Университета. Кремль озаренъ восходящимъ солнцемъ. У монумента, на которомъ виденъ вензель Елисаветы Первой, въ лаврахъ и оливахъ, увѣнчанный короною, возсѣдаетъ сама Императрица, лѣвой рукою опершись на щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба, а правою указывая на аттрибуты наукъ. Справа видны символы наукъ: змѣя Эскулапова, глобусы земной и небесной, и въ основаніи книга съ крестомъ — Евангеліе; слѣва книги и аттрибуты искусствъ: палитра съ кистію, ступка для красокъ, рѣзецъ и циркуль. Годъ 1754 указываетъ на то, что мысль объ Университетѣ входила уже тогда въ совѣщанія государственныя, и донесеніе Шувалова слушано было въ Сенатѣ 19-го Іюля 1754 года.

Актъ 1756 года.

Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по основаніи, Университетъ и Гимназія только что приходили въ постепенное устройство. Ученіе однако было, хотя и не вполнѣ органическое. Замѣчательно, что комплектъ 50 казеннокоштныхъ былъ уже весь замѣщенъ еще въ 1755 году.[13] Ровно черезъ годъ, также 26-го Апрѣля, Университетъ праздновалъ актъ. Молились въ томъ же Казанскомъ соборѣ. Профессоръ Поповскій

читалъ Русскую рѣчь и оду. Польза, сила, вліяніе вновь рожденнаго Университета ясно тогда сознавались и обществомъ и наставниками. Ораторъ говорилъ посѣтителямъ: «Толикое множество дѣтей вашимъ тщаніемъ, вашими совѣтами и повелѣніями толь ревностно и почти ежедневно въ сіе мѣсто стекающихся довольно показываетъ, коль истинное и высокое мнѣніе, коль великое почтеніе и любовь къ ученію имѣете.» Въ какомъ-то пророчественномъ восторгѣ предрекалъ онъ Университету великое будущее, уже надъ нимъ теперь сбывшееся: «Безчисленныя тысячи нашего потомства, говорилъ онъ, прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны . . . Дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего премудрою Государынею учрежденнаго мѣста произойдутъ судіи правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе.» Прилежнѣйшимъ Студентамъ и ученикамъ розданы были публично медали золотыя и серебряныя, присланныя Кураторомъ Шуваловымъ къ Директору. При раздачѣ объявлено было награждаемымъ: «Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня и Самодержица, въ знакъ Высочайшаго Своего благоволенія, жалуетъ васъ сими медалями за вашу прилежность.» Въ Студентахъ встрѣчаемъ имя Дмитрія Аничкова, бывшаго потомъ Профессоромъ Философіи и Математики; въ ученикахъ благородныхъ имена, впослѣдствіи славныя: Якова Булгакова, Григорія Потемкина, Дениса Фонъ-Визина. Обычную иллюминацію представилъ Университетъ въ новомъ домѣ своемъ, на Моховой. Здѣсь прозрачная картина въ 12 аршинъ вышины и въ 8 ширины изображала празднество Музъ на берегу Москвы рѣки, съ двумя надписями, Латинскою и

торами были иностранцы, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Гойеръ.

Книжная лавка.

Книжная лавка открыта была въ домѣ, что̀ на Моховой, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Она снабжала Университетъ и Гимназіи всѣми учебными книгами и инструментами, которые выписывала изъ чужихъ краевъ. Профессоръ Шаденъ устроилъ ея сношенія съ Тюбингеномъ. Здѣсь, съ самаго начала, продавались Латинская Грамматика, Целларіевъ Лексиконъ, Латинскіе классики и другія книги по цѣнамъ довольно дешевымъ.[14]

Московскія Вѣдомости.

Изданіе Московскихъ Вѣдомостей при Университетѣ началось въ пятницу, Апрѣля 26-го дня 1756 года. Въ этотъ самый день вышелъ первый ихъ нумеръ, черезъ годъ по открытіи Университета. Этимъ изданіемъ первые завѣдывали Профессора Словесности: Поповскій и особенно Барсовъ. Съ самаго начала Московскія Вѣдомости сообщали Русской публикѣ о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ Россіи и Западной Европы. Черезъ нихъ Сенатъ обнародывалъ Высочайшіе указы; Университетъ извѣщалъ Москву о своихъ торжествахъ, которыя совершались три раза въ году: въ день Высочайшей коронаціи, въ день тезоименитства Императрицы, въ день восшествія на престолъ. Прибытіе новыхъ Профессоровъ въ столицу, открытіе новыхъ курсовъ, защищеніе диссертацій, диспуты между Студентами, имена произведенныхъ въ Студенты, награды имъ и ученикамъ, имена исключенныхъ за нехожденіе на лекціи, принадлежали также къ числу постоянныхъ новостей Университетскихъ, которыя Россія узнавала черезъ Вѣдомости. Жизнь общественная и промышленная въ Москвѣ обязана была имъ своимъ первымъ движеніемъ.

Типографія, книжная лавка и Вѣдомости были, съ самаго начала Университета, постояннымъ источникомъ важной части его доходовъ.

3-го Іюля 1756 года, была открыта въ Университетѣ для любителей наукъ и охотниковъ до чтенія, Библіотека, «состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ», и съ тѣхъ поръ бывала всегда отворена по середамъ и субботамъ, отъ 2 до 5 часовъ пополудни. Библіотека.

Тезоименитство Императрицы 5-го Сентября Университетъ праздновалъ на другой день торжественнымъ актомъ, на которомъ вновь пріѣхавшій Профессоръ Шаденъ говорилъ Латинскую рѣчь: *о причинахъ наукъ.* Восшествіе на престолъ было также праздновано на другой день: многочисленная публика слушала Русскую рѣчь Поповскаго: *О преизяществѣ Краснорѣчія.* Акты.

Съ Октября мѣсяца 1756 года начались засѣданія Академической конференціи: первое происходило 16-го Октября. Разсуждали о публичныхъ лекціяхъ, о распредѣленіи часовъ между Профессорами, о нуждахъ Гимназій; положили собираться два раза въ недѣлю. Кураторъ черезъ Директора торопилъ Профессоровъ напечатать къ новому году программы лекцій. Заботились о томъ, чтобы Типографія издала скорѣе Orbis pictus Commenii и чтобы черезъ газеты объявлена была подписка на эту книгу для опредѣленія потребнаго числа экземпляровъ, что̀ и было исполнено въ 64 № Вѣдомостей 3-го Декабря. Въ Гимназіяхъ заботились особенно объ успѣхахъ въ языкѣ Французскомъ; назначали въ нисшіе классы учителей уже изъ Студентовъ для этого языка; требовали, по приказанію Куратора, чтобы ученики умѣли хорошо писать на немъ. Академическая Конференція.

Были жалобы на взятки учителей: строгое обращено на то вниманіе[15]. Нужно было также опредѣлить обязанности Ассессоровъ, трехъ чиновниковъ при Директорѣ, которые нерѣдко входили въ столкновеніе съ Ректоромъ Гимназіи. Власть ихъ была ограничена по случаю распрей, происшедшихъ между Ректоромъ Шаденомъ и Ассессоромъ Веревкинымъ, и Ректоръ помимо ихъ прямо сносился съ Академическою Конференціей.

Актъ Гимназіи.

Желая отдавать публичный отчетъ въ своихъ первоначальныхъ успѣхахъ, новорожденная Гимназія 16-го Декабря учредила актъ, въ которомъ ученики ея на языкахъ Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Греческомъ и Италіянскомъ, славили пользу наукъ вообще и особенно въ Россіи, и щедрость своей Государыни. Тутъ, между другими, въ числѣ первыхъ являются Булгаковъ и Фонъ Визинъ. Ректоръ Шаденъ заключилъ актъ рѣчью: *«о средствѣ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться»*.

Диспутъ Студентовъ.

На другой день 17-го Декабря, Университетъ представилъ Московскому обществу диспутъ Студентовъ по предмету Философіи, подъ руководствомъ Профессора Фроманна. Тезисы, заранѣе объявленные посредствомъ печати, защищаемы были Студентами: Петромъ Дмитріевымъ и Егоромъ Булатницкимъ. Опровергали же ихъ Студенты: Антонъ Любинскій, Аввакумъ Рудаковъ, Иларіонъ Садовскій, Иванъ Ѳедоровъ[16].

Кончина Аргамакова.

Директоръ Аргамаковъ скончался въ началѣ 1757 года. Конференція, по приказанію Куратора, образовалась тогда изъ трехъ Ассессоровъ: Веревкина, Князя Хованскаго и Хераскова, и изъ трехъ Профессоровъ: Поповскаго, Дильтея и Фроманна. Ректоръ Шаденъ,

по гимназическимъ дѣламъ, занималъ мѣсто въ конференціи за особеннымъ столомъ. Засѣданія начались 24-го Февраля. Инспекторомъ Гимназіи опредѣленъ былъ Профессоръ Дильтей; Секретаремъ конференціи учитель Французскаго языка при Гимназіи, Лабомъ. Ассессоры, чередуясь еженедѣльно, доносили Куратору обо всемъ, что происходило въ Университетѣ.

Шуваловъ неутомимо слѣдилъ всѣ первоначальные шаги своего учрежденія. Рѣчи Профессорамъ назначались по его приказанію. Тезисы для студенческихъ диспутовъ просматривалъ и утверждалъ онъ. На содержаніе недостаточныхъ бѣдныхъ Студентовъ онъ послалъ къ покойному Директору Аргамакову тысячу рублей.[17] Ассессоръ Херасковъ завѣдывалъ особенно дѣятельностію Типографіи, которая печатала оды и рѣчи Ломоносова, Опытъ о человѣкѣ Попе въ Русскомъ переводѣ Поповскаго, Монтекукулевы записки, Orbis pictus Commenii: всѣ листы посылались къ Куратору на утвержденіе. Синодальная цензура передѣлала многіе стихи въ переводѣ Поповскаго и испортила въ нихъ цезуру. Шуваловъ много заботился о томъ, чтобы Поповскій исправилъ размѣръ стиховъ, не нарушая смысла, указаннаго цензорами; но эти стихи остались безъ исправленія, а напечатаны были крупнымъ шрифтомъ. Къ дому Аптеки присоединили еще домъ Князя П. И. Рѣпнина: здѣсь строился флигель; планы фасада и внутренняго расположенія утверждалъ Шуваловъ; верхнія комнаты назначались для помѣщенія пансіонеровъ, при которыхъ должны были жить Студенты. До того же времени всѣ учащіеся помѣщались на квартирахъ и выдавалось имъ содержаніе. Въ Апрѣлѣ признано за лучшее нанять обержу имъ для пищи. Полицейскій надзоръ за учениками ввѣренъ былъ двумъ офицерамъ: Кожину и

Заботы Шувалова.

Прыткову. Ассессоры полагали нужнымъ подчинить Студентовъ надзору Профессора и рекомендовали для этой цѣли Поповскаго, «какъ человѣка усердія къ Университету исполненнаго.» Въ началѣ Марта, по приказанію Шувалова, происходили экзамены ученикамъ Гимназіи казеннокоштнымъ, съ тою цѣлію, чтобы достойныхъ оставить на казенномъ содержаніи, негодныхъ же исключить и замѣнить прилежными. 6-го Марта былъ публичный актъ, на которомъ Профессоръ Элоквенціи Поповскій говорилъ похвальное слово покойному Директору Университета, Аргамакову. За рѣчью, слѣдовалъ диспутъ на Французскомъ языкѣ изъ Права Естественнаго, между учениками, приватно учившимися у Профессора Дильтея, Борисомъ Салтыковымъ и Петромъ Безобразовымъ. Имъ возражали на тезисы Профессора̀, учители и посторонніе ученые изъ присутствовавшихъ: бойкостію отвѣтовъ они изумили собраніе.[18] На актѣ 24-го Апрѣля Профессоръ Дильтей говорилъ Латинскую рѣчь: Panegyricus de juribus et praerogativis ex coronatione solemni emanantibus. Она была напечатана съ Русскимъ переводомъ Магистра Попова. Шувалова радовали успѣхи учениковъ. Посылались къ нему также списки разночинцевъ, учившихся въ Гимназіи: лучшіе изъ нихъ назначались для того, чтобы поступить въ художники по части различныхъ искусствъ. Здѣсь должно было образоваться и актерамъ. Изъ этой Гимназіи вышли знаменитый Архитекторъ Баженовъ и послѣ извѣстный актеръ Плавильщиковъ.

Шувалова озабочивали весьма суммы Университета. По кончинѣ Аргамакова, денежныя дѣла, отъ его ли нерадѣнія, отъ тѣхъ ли, кто окружалъ его при смерти, остались въ безпорядкѣ. Канцелярія, не смотря на настоятельныя требованія Куратора, не могла отдать отчета въ расходѣ суммъ за первые два года суще-

ствованія Университета[19]. Шуваловъ спрашивалъ также настойчиво отвѣта въ суммахъ, подаренныхъ Демидовыми. Статсъ-Контора не всегда исправно и въ сроки отпускала штатную сумму, отъ чего бывали большія затрудненія въ содержаніи чиновниковъ и въ экономическихъ оборотахъ. Ассессоры жаловались, что студентамъ и ученикамъ, состоящимъ на казенномъ содержаніи, денегъ достаетъ только на пищу, что они просятъ объ одеждѣ. Существовалъ странный обычай отдавать казенныя суммы въ заемъ частнымъ людямъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы увеличивать проценты.[20]

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 24-го Апрѣля 1757 года, Канцеляріи Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино опредѣленъ былъ въ Директоры Университета. 11-го Маія пріѣхалъ онъ въ Москву и 13-го вступилъ въ управленіе дѣлами. Новый Директоръ Мелиссино.

Имя Мелиссино принадлежитъ къ числу достопамятныхъ и драгоцѣнныхъ именъ для Москвы и ея Университета. Сынъ Греческаго лѣкаря, выѣхавшаго изъ Венеціи при Петрѣ Великомъ, онъ родился въ 1718 году. Мѣстомъ воспитанія его былъ Сухопутный Кадетскій корпусъ. Любовь къ наукамъ и Словесности была отличительною чертою его характера.

Но прежде нежели взглянемъ на дѣйствія новаго Директора, отъ внѣшней исторіи Университета перейдемъ къ его внутреннему образованію и посмотримъ, какими средствами устроилось въ немъ сословіе Профессоровъ, которыхъ дѣйствія мы отчасти уже видѣли въ общественныхъ событіяхъ Университетской жизни. Внутренняя исторія Университета.

Первые двое, участвовавшіе въ самомъ торжествѣ открытія, были Профессоръ Поповскій и Магистръ Первые Профессоры Университета.

Барсовъ: оба Русскіе, оба питомцы Московскихъ духовныхъ школъ и Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Поповскій

Николай Никитичъ Поповскій былъ ученикомъ Ломоносова въ Русской Словесности. Ломоносовъ, замѣтивъ въ немъ дарованіе, открылъ ему искусство своего стихосложенія, представилъ его Шувалову, искалъ для него Ректорскаго мѣста при Академической Гимназіи; но Поповскій получилъ только мѣсто Конректора.[21] Въ 1754 году онъ уже былъ извѣстенъ Академіи и Шувалову стихотворнымъ переводомъ поэмы Попе: *Опытъ о человѣкѣ.* Поповскій былъ первымъ Профессоромъ Русской Словесности, или, какъ тогда говорилось, Элоквенціи, въ Московскомъ Университетѣ. Въ лицѣ его эта каѳедра ведетъ свое начало отъ самого Ломоносова, какъ его наставника. Но поприще свое въ Университетѣ Поповскій началъ открытіемъ философскихъ лекцій. Въ 1755 году онъ говорилъ вступительную рѣчь, которая была напечатана въ первый разъ въ Ежемѣсячныхъ Академическихъ сочиненіяхъ того же года, въ Августѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, показавъ надлежащее отношеніе Философіи къ другимъ наукамъ, онъ выразилъ замѣчательную для своего времени мысль, что Философія требуетъ языка народнаго для всей полноты своего развитія, и, первый въ Россіи, возсталъ противъ исключительнаго употребленія Латинскаго языка въ преподаваніи этой науки. Языкомъ Русскимъ, и въ стихахъ и въ прозѣ, владѣлъ онъ, какъ писатель необыкновенно даровитый. Классическое образованіе въ древней Словесности имъ было усвоено. Изъ новыхъ языковъ онъ лучше разумѣлъ языкъ Французскій и даже поэму Попе перевелъ съ Французскаго. Пылкій характеръ подвергалъ его иногда непріятнымъ столкновеніямъ въ жизни.

Барсовъ.

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, сынъ справщика Московской Духовной Типографіи, въ Академіи Наукъ

равно отличался успѣхами въ Математикѣ и въ Словесности. Поприще свое въ Университетѣ и въ Гимназіи онъ началъ преподаваніемъ Математики; по смерти же Поповскаго, перешелъ на каѳедру Русской Словесности и съ честью занималъ ее до конца своей жизни, до самаго 1791 года. Строгость и чистота нравственнаго характера были постоянными чертами его дѣятельной и трудолюбивой жизни. Окруженный Профессорами иностранцами, онъ въ первыя 36 лѣтъ бытія Университета былъ въ немъ постояннымъ представителемъ Русской стихіи, и, конечно, всѣхъ болѣе содѣйствовалъ тому, чтобы наука въ Университетѣ заговорила чистымъ Русскимъ языкомъ: такъ исполнилъ онъ на дѣлѣ мысль, выраженную предмѣстникомъ его, Поповскимъ. Барсовъ, первый, указалъ на то, какъ наука должна быть возведена у насъ до высшаго Христіанскаго значенія: родителямъ, наставникамъ, ученикамъ, непрерывно напоминалъ о необходимомъ соединеніи ученія съ благочестіемъ. Въ Университетскихъ торжественныхъ собраніяхъ онъ былъ постояннымъ органомъ патріотическихъ чувствъ. Шуваловъ призвалъ его въ Университетъ: въ знакъ благодарности онъ посвятилъ ему свои рѣчи. Все молодое поколѣніе уважало Барсова. Карамзинъ былъ однимъ изъ его почитателей.

Іоганнъ Матіасъ Шаденъ пріѣхалъ въ Москву, Іюня 11-го 1756 года, и назначенъ Шуваловымъ прямо въ Ректоры Гимназіи. Онъ былъ родомъ Венгерецъ изъ Пресбурга, питомецъ тамошней Гимназіи, потомъ Магистръ Философіи Тюбингенскаго Университета, и въ этой наукѣ ученикъ Баумейстера. Изъ Тюбингена вызванъ онъ былъ Шуваловымъ прямо въ Университетъ. Пріѣхавъ въ Москву, въ публичномъ собраніи Іюня 26-го 1756 года, онъ говорилъ Латинскую рѣчь: De Шаденъ.

Gymnasiis in Moscovia rite aperiundis (о надлежащемъ заведеніи Гимназій въ Россіи). Съ тѣхъ поръ, въ теченіи двадцати лѣтъ, онъ былъ постоянно Ректоромъ обѣихъ Московскихъ Гимназій и въ нихъ считался основателемъ истиннаго классическаго ученія, утвержденнаго на познаніи древней Словесности. Онъ самъ занималъ высшіе классы, Греческій и Латинскій, изъ которыхъ ученики Гимназіи прямо производимы были въ Студенты. Шаденъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ и языкахъ. Самъ будучи ученикомъ Баумейстера, онъ слѣдилъ однако за развитіемъ Нѣмецкой Философіи до Канта. Ученіе Философіи нравственной онъ примѣнялъ къ наукѣ Права и Законовѣдѣнію. Фонъ Визинъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что Шаденъ имѣлъ отмѣнное дарованіе читать лекціи и изъяснялся необыкновенно внятно: онъ слушалъ у Шадена Логику на Латинскомъ языкѣ. Его Латинскія рѣчи принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ произведеній ученой дѣятельности Университета. М. Н. Муравьевъ называлъ ихъ настоящими трактатами Философіи и градоправительственной науки. Кромѣ Гимназіи, онъ занимался воспитаніемъ юношества и частнымъ образомъ. Въ его пансіонѣ получилъ образованіе Карамзинъ. Неутомимое исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей было главною чертою Шадена. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ подвергался порицаніямъ за излишнюю горячность характера и порывы гнѣва. Уступивъ мѣсто Ректора Профессору Маттеи въ 1776 году, онъ преподавалъ потомъ въ Университетѣ Естественное право и Политику. До 1797 года, ровно сорокъ одинъ годъ, Шаденъ добросовѣстно и постоянно служилъ благу Университета.

Фроманнъ. Вмѣстѣ съ Шаденомъ въ одно и тоже время, пріѣхалъ въ Московскій Университетъ и Профессоръ Фи-

лософіи, Іоганнъ Генрихъ Фроманнъ. Академикъ Миллеръ, по желанію Шувалова, выписалъ его изъ Штутгарда. Ему поручено было преподаваніе Логики, Метафизики и Нравоученія. Онъ не отличался особенными дарованіями; но добросовѣстно исполнялъ свою обязанность. Послѣ девяти лѣтъ преподаванія, въ 1765 году онъ оставилъ Россію по разстроенному здоровью.

Филиппъ Генрихъ Дильтей, Докторъ обоихъ правъ и членъ Майнцкой Академіи, двоюродный братъ славнаго географа Бюшинга, Профессора въ Геттингенѣ, пріѣхалъ въ Москву изъ Вѣны, въ Сентябрѣ 1756 года, и жилъ сначала въ домѣ самого Директора Аргамакова. По нѣкоторыхъ признакамъ можно предполагать, что онъ былъ Славянскаго происхожденія. Въ перепискѣ съ Миллеромъ онъ просилъ его о присылкѣ Чешской Грамматики, вновь тогда вышедшей, и скорѣе, чѣмъ другіе иностранные Профессоры, выучился по Русски. Образованіе свое онъ получилъ въ Инспрукскомъ, Страсбургскомъ и Вѣнскомъ Университетахъ: сей послѣдній далъ ему дипломъ на званіе Доктора. Довольно хорошо владѣлъ Дильтей языкомъ Французскимъ и писалъ на немъ свободно, хотя неправильно, усвоивъ себѣ въ Москвѣ даже ошибки противъ этого языка, свойственныя Русскимъ. Дильтей былъ собственно первымъ основателемъ юридическаго Факультета въ Московскомъ Университетѣ и, сначала одинъ, преподавалъ въ немъ всѣ науки. Въ 1756 году Октября 31, открылъ онъ публичныя свои лекціи о правахъ рѣчью, къ слушанію которой Кураторъ приглашалъ особою программою. [22] Имъ же начаты и первыя лекціи Всеобщей Исторіи. Въ Ноябрѣ объявилъ онъ и приватный историческій курсъ для желающихъ. Дильтей усвоилъ себѣ Русскій языкъ, весьма скоро познакомился съ Русскимъ законодательствомъ и, первый, Дильтей.

началъ примѣнять общія начала права къ изученію нашихъ отечественныхъ законовъ. Онъ былъ замѣчателенъ у насъ и своею педагогическою дѣятельностію: издалъ много полезныхъ учебныхъ, особенно географическихъ книгъ. Кромѣ студентовъ, руководствовалъ и другихъ учениковъ, которые, подъ его наблюденіемъ, переводили на Русскій языкъ дѣльныя книги.[23] Преподаваніе Дильтея въ Московскомъ Университетѣ продолжалось до 1781 года.

Рейхель, Келлнеръ и Ростъ.

Профессоры Рейхель, Келлнеръ и Ростъ были выписаны изъ чужихъ краевъ Академикомъ Миллеромъ. Первые двое пріѣхали въ Москву изъ Лейпцига, Іюня 21-го 1757 года: оба питомцы Лейпцигскаго Университета, члены Лейпцигскаго общества свободныхъ искусствъ, друзья и кліенты Готтшеда, который рекомендовалъ ихъ Миллеру. Какъ Готтшедіанцы, они не нравились Ректору Шадену: онъ съ перваго раза объявилъ имъ свое неблаговоленіе и негодовалъ на Миллера и Штелина за ихъ избраніе.[24] И Келлнеръ, и Рейхель, были выписаны для того, чтобы занять каѳедру Нѣмецкаго языка и краснорѣчія при Университетѣ. Но двое лекторовъ оказались излишними для одного и того же предмета. Келлнеру поручена была Всеобщая Исторія. Онъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что не готовилъ себя для этой каѳедры. Довольствовался руководствомъ Ролленя. Касательно Русской Исторіи, просилъ совѣтовъ у Миллера. Не долго дѣйствовалъ онъ въ Университетѣ: послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, умеръ 25-го Февраля 1760 года, въ домѣ Дильтея.

Рейхель сначала преподавалъ Нѣмецкій языкъ и литературу, слѣдуя руководству Готтшеда, также Исторію наукъ и Словесности; по смерти Келлнера, онъ перешелъ на каѳедру Всеобщей Исторіи. Рейхель при-

надлежитъ къ числу Профессоровъ иностранныхъ, дѣйствовавшихъ съ большою пользою на молодое поколѣніе Студентовъ. Фонъ-Визинъ, подъ его руководствомъ, перевелъ басни Гольберга. Рейхель, первый изъ Профессоровъ, предпринялъ періодическое изданіе, въ которомъ участвовали питомцы Университета. Много препятствій встрѣчалъ онъ въ жизни: боролся съ бѣдностью; исправлялъ должность домашняго учителя вмѣстѣ съ Профессорскою; побѣдить совершенное незнаніе Русскаго языка было ему труднѣе нежели другому. Онъ можетъ быть названъ и первымъ преподавателемъ Статистики, потому что читая Исторію государствъ новѣйшихъ, онъ заключалъ ее статистическимъ обозрѣніемъ каждаго государства.

Іоганнъ Іоакимъ Юлій Ростъ былъ выписанъ изъ Геттингена и пріѣхалъ также въ половинѣ 1757 года. Два предмета были его назначеніемъ: Англійскій языкъ, Чистая и особенно прикладная Математика. Онъ былъ въ Московскомъ Университетѣ первымъ образователемъ той части Философскаго Факультета, которая обнимала Физико-Математическія науки. Барсовъ читалъ чистую Математику; Ростъ Геодезію и Геометрію подземную, Механику съ Гидравликой и Гидростатикой, основанія гражданской Архитектуры и горнаго дѣла, впослѣдствіи и Физику.

Таковы были первые основатели Университетскаго ученія. С. Петербургская Академія Наукъ, Тюбингенъ, Штутгардъ, Вѣна, Лейпцигъ и Геттингенъ доставили Московскому Университету первыхъ его наставниковъ. Въ теченіе лѣтъ мы увидимъ, какъ присоединятся къ нимъ и другіе товарищи.

Первый каталогъ лекцій.

Ранѣе начала 1757 года мы не имѣемъ каталога публичныхъ лекцій, и едва ли въ 1756 году былъ онъ изданъ, судя по тому вступленію, какимъ начи-

нается первое объявленіе. Только трое обозначены здѣсь: Дильтей публично читалъ курсъ Естественнаго и Народнаго Права и Всеобщей Исторіи, приватно Право Естественное на Французскомъ языкѣ, также для желающихъ Гражданское Римское и Право Государственное Римской Имперіи, на Латинскомъ или Французскомъ, Италіянскомъ или Нѣмецкомъ языкахъ. Поповскій объяснялъ Саллустія: Войну съ Катилиною и потомъ Югуртинскую, предлагалъ основанія слога по Гейнекцію и Риторику по Эрнестію, упражнялъ Студентовъ въ сочиненіяхъ Латинскихъ и Русскихъ. Фроманнъ читалъ публично Метафизику и Логику, упражнялъ Студентовъ въ диспутахъ, приватно для желающихъ читалъ Логику, или курсъ Исторіи Философіи по Французски. Для гимнастическихъ упражненій Университетъ предлагалъ также искусныхъ учителей.

Курсъ Физики.

Въ продолженіи этого полугодія объявленъ былъ отъ Университета первый курсъ экспериментальной Физики; его открылъ Маія 21 Аббатъ Франкози, на Французскомъ языкѣ въ большой аудиторіи. Собраніе было не малочисленно: между слушателями были и дамы.

Второй каталогъ лекцій.

Въ объявленіи о лекціяхъ послѣдней половины 1757 года ученіе распредѣлено уже гораздо подробнѣе. Кромѣ лекцій Дильтея, Фроманна, Поповскаго и Франкози, Шаденъ преподавалъ Греческій языкъ, Греческія и Римскія Древности, введеніе въ свободныя науки, для охотниковъ Нумизматику и Геральдику; Барсовъ Математику по Русски; Магистръ Данило Савичь Географію; Келлнеръ Всеобщую Исторію и Нѣмецкое краснорѣчіе; Папафило Италіянскій и Греческій языки; Ростъ Англійскій языкъ и приватно для желающихъ Механику, военную и гражданскую Архитектуру, и

первыя три части Чистой Математики; Гильомъ Рауль Французскій языкъ, съ объяененіемъ Латинскихъ авторовъ на Французскомъ и Французскихъ на Латинскомъ языкѣ; Рейхель Грамматику Нѣмецкаго языка и правила Нѣмецкаго краснорѣчія, равно Исторію Философіи и Литературы. Предлагаются также учители фехтованія и рисованія. Въ этомъ болѣе подробномъ распредѣленіи предметовъ видно уже доброе вліяніе новаго Директора, Мелиссино.

Развитіе молодыхъ силъ новорожденнаго Университета, привлекая вниманіе Правительства, побуждало его налагать на Профессоровъ новыя обязанности, въ благоразумныхъ видахъ улучшенія частнаго воспитанія и приведенія всѣхъ учебныхъ средствъ къ государственному единству. Еще изъ проэкта Шувалова мы видимъ, какъ Правительство озабочено было тѣмъ вредомъ, который происходилъ въ домашнемъ воспитаніи отъ легковѣрія невѣжественныхъ родителей, принимавшихъ къ себѣ въ домъ всякаго иностранца, иногда лакея, парикмахера или другаго какого ремесленника, въ воспитатели дѣтей. Благодѣтельнымъ указомъ Маія 5-го 1757 года положена преграда злоупотребленіямъ иностранцевъ. Университетъ въ Москвѣ, равно какъ Академія Наукъ въ Петербургѣ, назначены были мѣстами испытанія для всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали въ Россію съ педагогическою цѣлію: учить въ домахъ или заводить школы. Всѣ учители и содержатели пансіоновъ, бывшіе на лицо въ Россіи, должны были немедленно явиться въ Академію или въ Университетъ на экзаменъ. Тѣ, которые принимали къ себѣ учителей безъ аттестатовъ, или не объявя держать бы стали, подвергались штрафу по сту рублей. Учителей же, которые безъ аттестатовъ будутъ имѣть школы, прика-

Указъ 5 Мая 1757 года объ испытаніи иностранныхъ учителей.

зано высылать за границу. Особливымъ Сенатскимъ указомъ повелѣно было дать знать всѣмъ жителямъ Москвы, чтобы они представили своихъ учителей въ Университетъ для экзамена, въ срокъ отъ 1-го до 15-го Іюня, а для всѣхъ губерній ближнихъ назначить срокомъ для той же явки Августа 1-е число, подъ опасеніемъ взысканія штрафа, означеннаго въ указѣ отъ 5-го Маія; для дальнихъ же губерній Университетъ ожидалъ опредѣленія срока явки отъ своего Куратора. Такимъ образомъ, съ 1757 года, Московскій Университетъ началъ постоянное и ревностное исполненіе наложенной на него Правительствомъ задачи наблюдать за домашнимъ воспитаніемъ и повѣрять его въ тѣхъ иностранцахъ, которые на себя его принимаютъ.

Де ла Мессальеръ, секретарь Французскаго посольства, бывшаго у насъ въ царствованіе Елисаветы, въ своихъ запискахъ подъ 1757 годомъ говоритъ: «Nous fûmes assaillis par une nuée de Français de toutes couleurs, dont la plupart, après avoir eu des démêlés avec la police de Paris, sont venus infester les régions septentrionales. Nous fûmes étonnés et affligés de trouver chez beaucoup de grands seigneurs des déserteurs, des banqueroutiers, des libertins, et beaucoup de femmes du même genre, qui, par la prévention que l'on a en faveur des Français, étaient chargés de l'éducation des enfans de la plus grande importance; il faut que cette écume de notre patrie se soit étendue, dit-on, jusqu'à la Chine, j'en ai trouvé partout. M. l'Ambassadeur crut qu'il était de la décence de proposer au ministère Russe de faire des recherches de conduite, et un triage pour renvoyer par mer les sujets les plus verreux à leur destination.» — Посольство пріѣхало въ Петербургъ 2-го Іюля 1757 года, а указъ, касавшійся иностранныхъ учителей, подписанъ былъ

Апрѣля 29 въ томъ же году, и объявленъ через Сенатъ Маія 5-го дня. Изъ проэкта же Шувалова мы видѣли, что Правительство наше противодѣйствовало вреднымъ злоупотребленіямъ иностранцевъ еще въ 1755 году.

Другой указъ того же года, Ноября 6-го, касается учрежденія Академіи Художествъ. Зачатая по мысли Шувалова, который хотѣлъ науки водворить въ отечествѣ вмѣстѣ съ искусствами, Академія первоначально была отраслію Университета. Въ указѣ объявлено, почему молодые Русскіе люди, не смотря на великую склонность и природное дарованіе, не успѣваютъ въ искусствахъ: причина тому незнаніе иностранныхъ языковъ, для уразумѣнія толкованій мастера, и наукъ, для художества необходимыхъ. А потому «можно нѣкоторое число взять способныхъ изъ Университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ принадлежащимъ къ художеству: ими можно скоро доброе начало и успѣхъ видѣть.» Гимназія разночинцевъ преимущественно назначалась для этой цѣли. Число такихъ учениковъ, которые опредѣлены были для художествъ, 2-го Іюля 1757 года было 24.[25] Они учились пѣть у Дуни, рисовать у Стенглина, инструментальной музыкѣ у Клима Яновскаго, механическимъ искусствамъ у Шульца. Французъ Дюбуле училъ ихъ по Французски; но такъ какъ онъ Русскаго языка не зналъ, то ему данъ былъ въ помощники, для первоначальнаго объясненія съ учениками, Студентъ Панкратій Полонскій.

Указъ 6 Ноября 1757 года объ Академіи Художествъ.

Третій указъ Декабря 22 дня былъ вызванъ въ этомъ году новостью отношеній Университета къ судебнымъ мѣстамъ, которыя не разумѣли еще совершенно новаго учрежденія, не смотря на указъ Мар-

Указъ 22 Декабря 1757 года объ отношеніи Университета къ присутственнымъ мѣстамъ.

та 5-го 1756 года. Директоръ Мелиссино писалъ въ своемъ рапортѣ 2-го Іюня къ Куратору: «Требую повелѣнія, какъ мнѣ поступать съ судебными мѣстами, которыя по равному Университета съ Коллегіями градусу намъ подчинены. Они не только медленно, но почти совсѣмъ исполненія по Указамъ Университетнымъ не дѣлаютъ и репортовъ о полученіи и исполненіи оныхъ никогда не присылаютъ, и чрезъ сіе презрѣніе къ Университету великую терпимъ въ дѣлахъ остановку.» Шуваловъ негодовалъ на эти неисправности; приказывалъ Канцеляріи Университета подать жалобу въ Сенатъ, а къ нему прислать экстракты университетскихъ требованій и званія мѣстъ, куда они посылались.[26] Кромѣ того, бывали иногда случаи, что присутственныя мѣста требовали учителей къ суду помимо Кураторовъ и Директора, не признавая правъ суда университетскаго. О подобномъ случаѣ, который былъ съ Французскимъ Лекторомъ Билономъ, Профессоръ Юриспруденціи Дильтей упоминаетъ въ примѣчаніи къ одной изъ рѣчей своихъ.[27] Магистратъ хотѣлъ арестовать Билона за долги, но Университетъ за него вступился.

Шуваловъ, по донесеніямъ Директора, ходатайствовалъ за права Университета. Указомъ Декабря 22 дается снова знать во всѣ судебныя мѣста, какими прерогативами Московскій Университетъ снабженъ; какъ Директоръ его, заботясь въ силу данной ему инструкціи о благостояніи Университета, вмѣстѣ съ Профессорами правя его доходами и учреждая ученіе въ Гимназіи, со всѣми присутственными мѣстами по дѣламъ, касающимся до Университета, ведетъ переписку, и въ заключеніе отъ Сената повелѣно:» всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ впредь онаго Университета учителей, безъ сношенія съ тѣмъ Университетомъ от-

нюдь собою по дѣламъ касающимся до нихъ не брать, подъ опасеніемъ взысканія за то по указамъ.»

Мелиссино явился достойнымъ помощникомъ Шувалова въ заботахъ о ввѣренномъ ему Университетѣ. Съ примѣрною добросовѣстностію вникалъ онъ сначала въ положеніе дѣлъ. Какъ добрый Христіанинъ, прежде всего обратилъ вниманіе на религіозное воспитаніе юношества и на помощь, которой требовало оно въ случаѣ болѣзней. Спустя нѣсколько дней по вступленіи своемъ въ должность, такъ писалъ онъ къ Шувалову: «По Высочайшему матернему милосердію Всемилостивѣйшей Государыни нашей въ Университетѣ учащемуся юношеству ничто такъ къ доброму воспитанію не нужно, какъ прежде всего влагать въ сердца ихъ страхъ Божій, знаніе Христіанскаго закона и его таинствъ. Я думаю, что Вашему Превосходительству угодно будетъ, если я испрошу отъ здѣшней Сѵнодской Конторы по близости къ Университету находящуюся пустую церковь почти на самомъ дворѣ Грузинскаго Царевича Бакара: Университетскій Іеромонахъ, снабженъ будучи всѣми потребными къ священнослуженію вещами и штатомъ церковныхъ причетниковъ, можетъ въ совершенномъ порядкѣ исправлять свою должность; всякой день, въ нѣкоторый положенный часъ, онъ можетъ давать ученикамъ изъясненія катихизиса и букваря.» Эта должность поручена была Іеромонаху Ефрему, который преподавалъ ежедневно Катихизисъ въ Гимназіи для благороднаго юношества.

Попечительность Мелиссино.

Подать скорую и удобную помощь больнымъ было второю заботою сострадательнаго Директора. Лѣкарства для учениковъ отпускаемы были изъ государственной Главной Аптеки на деньги изъ суммы университетской; но если случалось послать за лѣкарствомъ послѣ по-

луночи, то или не скоро, или совсѣмъ его не отпускали. А потому настояла необходимость имѣть Университету свою, хотя небольшую, аптеку. Ученики и учители жили по городу разсѣянно: для осмотра и пользованія необходимо было изъ Медицинской Коллегіи вытребовать нѣсколько искусныхъ подлѣкарей и цирюльниковъ. Записные больные ученики пользовались тою же пищею какъ и здоровые, что̀ во многихъ болѣзняхъ причиняло вредъ: отсюда настояла другая необходимость построить лазаретъ, чтобы больные, живучи вмѣстѣ съ здоровыми, не заражали ихъ своими болѣзнями. Во всѣхъ этихъ нуждахъ подана была возможная помощь; но заведеніе аптеки было отложено. Для больныхъ же университетскихъ Мелиссино пріискалъ дивизіоннаго врача Люпса, который соглашался безъ платы исправлять эту должность, лишь бы только остаться всегда въ Московской дивизіи и именоваться Университетскимъ Докторомъ.

Давъ религіозное руководство гимназическому ученію и призрѣвъ больныхъ, Мелиссино дѣятельно и бодро принялся за устроеніе самаго ученія въ Университетѣ и Гимназіи. Сто́итъ сравнитъ программу университетскихъ лекцій за вторую половину 1757 года съ програмою за первую, чтобы увидѣть, какъ полнѣе уже въ той развито стало преподаваніе. Профессорамъ Гимназіи: Шадену, Барсову, Росту, Папафило и другимъ, назначены были лекціи и въ Университетѣ. Кромѣ ихъ, Мелиссино воспользовался прибытіемъ новыхъ Профессоровъ, Рейхеля и Келлнера.

Программа Гимназическаго ученія.

Программа же преподаванія гимназическаго, по всему вѣроятію, самая первая, напечатана была при Мелиссино. Ученіе въ ней развито было весьма подробно. Во главѣ поставлено преподаваніе Православ-

наго Катихизиса. Шаденъ, какъ Ректоръ обѣихъ Гимназій, объемлетъ краткій курсъ Философіи и древней Словесности, для желающихъ предлагаетъ даже языки Еврейскій и Халдейскій. Два учителя Словесности Латинской и Русской, которыя тогда соединялись: Яремскій и Константиновъ, были Магистрами Академіи Наукъ. Сверхъ того для начатковъ Латинскаго языка: Ничь, Фрязинъ и Ворошнинъ. Для Математики чистой двое: Чернавскій и Соловьевъ. Сверхъ того для Геодезіи практической въ полѣ, для воинской Архитектуры и воинскихъ экзерцицій Маіоръ Михельсонъ, для Ариѳметики гражданской Рудинъ. Исторію и Географію на Французскомъ языкѣ преподавалъ Графъ Ранцау, на Нѣмецкомъ Магистръ Оттенталь. Начаткамъ Политики училъ Шевалье Менвилльеръ. Для Французскаго языка было пять учителей: Лабомъ, Дюбуле, Билонъ, Фишеръ и Соколовскій. Для Нѣмецкаго языка столько-же: Литкенъ, Лимбергъ, Агентовъ, Рехтъ и Журовскій. Лабомъ и Литкенъ преподавали высшія правила слога, и кромѣ того обязаны были читать газеты съ своими учениками, Лабомъ Французскія, Литкенъ Нѣмецкія, сопровождая чтеніе примѣчаніями историческими и географическими. Ростъ училъ Англійскому языку и Архитектурѣ воинской, Папафило по Италіянски и по Гречески. Нѣкоторые изъ иностранныхъ учителей преподавали желающимъ на своихъ языкахъ особые предметы. Гимназія для разночинцевъ имѣла сверхъ того четырехъ учителей: Магистра Попова, Ермолаева, Ласинскаго и Зубкова, которые преподавали науки общія, необходимыя для образованія художниковъ. Учители искусствъ уже прежде были упомянуты. Всѣхъ учителей обѣ Гимназіи имѣли 36: 16 Русскихъ и 20 иностранцевъ.

Такъ распредѣлилъ Мелиссино ученіе на второе

полугодіе передъ наступленіемъ лѣтней ваканціи. Между тѣмъ самъ неутомимо присутствовалъ на лѣтнихъ экзаменахъ, по 8 часовъ въ сутки, и знакомился съ дарованіями и успѣхами учениковъ.

Заботы Шувалова.

Шуваловъ, какъ видно изъ ордеровъ его, дѣятельно заботился о томъ, чтобы умножено было время ученія въ Гимназіяхъ, особливо для учениковъ, состоявшихъ на Государевомъ содержаніи; онъ сѣтовалъ на праздность и учениковъ и учителей, на малое для занятій время; желалъ, чтобы въ свободные часы задаваемы были ученикамъ особливыя упражненія; совѣтовалъ прилежныхъ поощрять книгами или другими подарками.

Мы видѣли, что изученіе иностранныхъ языковъ было особенно распространено въ Гимназіи. Это была также мысль Шувалова: въ познаніи языковъ онъ хотѣлъ приготовить для будущихъ студентовъ орудія, необходимыя къ познанію наукъ въ ихъ современномъ состояніи. Языки шли чрезвычайно успѣшно. Скоро между казеннокоштными образовались студенты, которые были въ состояніи помогать иностранцамъ въ первоначальномъ обученіи питомцевъ Гимназіи.

Шуваловъ жаловался однако на слишкомъ большое число учителей въ Гимназіяхъ. Суммы Университетской становилось мало, а Профессоровъ еще и половины не было: между тѣмъ двое вновь пріѣхавшихъ изъ Лейпцига Магистровъ, Рейхель и Келлнеръ, ожидали жалованья. Кураторъ надѣялся впрочемъ, что по мѣрѣ того какъ ученики будутъ совершенствоваться въ языкахъ и переходить въ Студенты, число учителей въ Гимназіяхъ будетъ убавляться.

Трудно было Директору ладить съ этимъ множествомъ лицъ разныхъ націй и разныхъ воспитаній, которыя соединялись въ Гимназіи. Происходили еже-

дневныя ссоры между Ректоромъ и учителями. Маіоръ Михельсонъ, Капитаны Траубенталь и Чернавскій, люди военные, гордились своими рангами и считали себѣ въ тягость подчиняться Ректору Шадену. Шевалье де Менвильеръ и Дюбуле, по своимъ предметамъ, также ставили себя выше повиновенія Ректору и скорѣе желали оставить Университетъ, чѣмъ быть подъ Ректорскимъ начальствомъ. Конечно, и самъ Шаденъ пылкимъ характеромъ своимъ раздражалъ ихъ самолюбіе. Шуваловъ, тревожимый донесеніями Директора объ этимъ распряхъ, такъ отвѣчалъ ему:» Изъ присланнаго репорта отъ 9-го Іюня я увидѣлъ, что учители Михельсонъ, Траубенталь, Чернавскій, также Менвильеръ и Буле, не хотятъ быть въ вѣдѣніи Ректорскомъ, первые, сказывая за резонъ, что офицеры; но когда они пошли въ такую должность, которая имъ должна быть извѣстна, то имъ надобно было то предусмотрѣть и осторожность принять въ своихъ обязательствахъ, а шли просто въ учители: такъ ихъ и вести было должно: намъ надобна способность для ученія, а не ранги. Менвильеръ и Буле еще того менѣе имѣютъ причины; но чтобы не сдѣлать неспокойства, отдаю сіе на волю вашу; только жаль, что впредь другимъ примѣръ быть можетъ.» Мелиссино миролюбивымъ своимъ характеромъ умѣлъ погашать иногда эти распри.

Поведеніе юношества возбуждало взаимныя заботы и Куратора и Директора. Когда Мелиссино, заключивъ контрактъ съ обержистомъ, который долженъ былъ готовить столъ для Студентовъ и учениковъ, послалъ его къ Шувалову на утвержденіе; Шуваловъ требовалъ непремѣннаго условія, чтобы въ Университетской обержи карточная игра никакъ не была терпима, что и было исполнено. Для присмотра за великимъ числомъ учениковъ въ Гимназіяхъ, Мелисси-

но предлагалъ истребовать изъ Кадетскаго Корпуса отъ двухъ до четырехъ исправныхъ унтеръ-офицеровъ. Караулъ при Университетѣ былъ строго наблюдаемъ. Но иногда недоставало солдатъ для него: потому Шуваловъ приказалъ изъ разночинцевъ небольшой къ наукамъ способности выбрать роту галебардировъ и ими замѣнять недостатокъ солдатъ въ караулѣ. Ассессору Веревкину получено было особенною инструкціею охранять Университетъ отъ пожара.

Отчетъ въ суммахъ послѣ покойнаго Аргамакова затруднялъ новаго Директора. Онъ въ своихъ рапортахъ называетъ это дѣло конфузнымъ. При вступленіи въ должность, денегъ въ кассѣ нашелъ 1480 руб. Часты были жалобы Мелиссино на недостатокъ суммы. Домъ Университета требовалъ и поправокъ и пристроекъ. Однажды стѣна въ Латинскомъ классѣ учителя Фрязина чувствительно треснула, а какъ начали чинить, то ускорили ея разрушеніе. Жалованье учителямъ и ученикамъ простиралось до 16,000 рублей. Иногда и Профессоры и учители по мѣсяцамъ не получали жалованья и терпѣли нужду. Суммы, ходившія за проценты по частнымъ рукамъ, приводили въ затрудненіе. [28] Шуваловъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы Университету пожалована была деревня и даже получилъ на то обѣщаніе Императрицы.

Кураторъ требовалъ, чтобы типографія сама себя оплачивала. Мелиссино надѣялся того достигнуть, когда книги, ею напечатанныя, пойдутъ въ продажу. Типографія переведена была къ Воскресенскимъ воротамъ. Состояніе ея не было цвѣтущее. Изданіе Сочиненій Ломоносова остановилось за тѣмъ, что не доставало *иже съ краткою*: выписали изъ Петербурга. Въ этомъ году однако первый томъ былъ оконченъ печатаніемъ; шрифтъ въ этомъ изданіи довольно кра-

сивъ; вышелъ и Опытъ о человѣкѣ Попе, переведенный Поповскимъ; обѣ книги въ числѣ 1200 экземпляровъ. Учебныя книги также дѣятельно печатались. Шуваловъ по временамъ строгими выговорами побуждалъ наборщиковъ къ исправности и поспѣшности. Херасковъ наблюдалъ за типографіею. Барсовъ издавалъ Вѣдомости. Заимствовались статьи изъ Петербургскихъ газетъ. Выписывались иностранныя изъ Германіи и Италіи, какъ напримѣръ: La gloria corrente dell'anno presente. Журналы ученые Шуваловъ присылалъ на свой счетъ.

Связь Университета съ Московскимъ обществомъ въ публичныхъ его торжествахъ составляла также предметъ попеченій Шувалова. Онъ опасался, чтобы не употребляли во зло вниманія публики; приказывалъ, чтобы рѣчи на экзаменахъ гимназическихъ были короче и не въ тягость слушателямъ; на актахъ же публичныхъ 26-го Апрѣля пространнѣе, но ихъ должны говорить Профессоры, а не учители. «Оная матерія» говоритъ Шуваловъ, «такъ уже истощена, въ которой науки и другъ друга похваляемъ, что весьма осторожно въ послѣднемъ поступать должно.»

Вся эта дѣятельная переписка Куратора и Директора, имѣвшая предметомъ одну пользу Университета, принадлежитъ къ числу прекрасныхъ воспоминаній его первоначальной исторіи. Мелиссино былъ вполнѣ оживленъ быстрыми отвѣтами Шувалова на всѣ его представленія. «Крайнее чрезъ то чувствую въ должности моей ободреніе,» писалъ онъ къ Шувалову: «надобно мнѣ быть неблагодарнѣйшему изъ всѣхъ людей и недостойнымъ имени честнаго человѣка, чтобы, видя всегдашнее истинное попеченіе ваше о университетскихъ пользахъ.....» [29]

Экзамены Студентамъ и Гимназистамъ въ 1757 го- Актъ 12 Іюня 1757 года.

ду заключились актомъ 12-го Іюня, на которомъ отличные изъ нихъ публично говорили рѣчи. Въ числѣ другихъ Матвѣй Афонинъ, впослѣдствіи ученикъ Линнея и Профессоръ, и Яковъ Булгаковъ, будущій славный дипломатъ, говорили рѣчи Латинскія о пользѣ военной науки, а Денисъ Фонъ-Визинъ рѣчь Нѣмецкую о лучшемъ способѣ къ обученію языковъ.

Поѣздка Мелиссино въ Петербургъ.

Іюня 15-го, съ разрѣшенія Шувалова, Директоръ Мелиссино отправился въ Петербургъ «для исправленія нѣкоторыхъ самонужнѣйшихъ университетскихъ дѣлъ.» Въ награду за успѣхи и прилежаніе, онъ взялъ съ собою для представленія Куратору, двоихъ Студентовъ, Василія Троепольскаго и Петра Семенова, и лучшихъ учениковъ Дворянской Гимназіи, а именно: Бориса Салтыкова, Князя Василія Хованскаго, Петра Безобразова, Дмитрія Бабарыкина, Александра и Николая Кариныхъ, Александра Павлова, Григорья Потемкина, Князя Леона Грузинскаго, Петра Киселева, Ѳедора Щукина, Князя Аврама Кантакузина, Александра Шереметева, Михаила Загряжскаго, Дмитрія Камынина, Ивана Черницова.

Іюля 27-го, всѣ эти благородные ученики и Студенты, съ Директоромъ Мелиссино, были на куртагѣ представлены Шуваловымъ Ея Императорскому Величеству. Государыня жаловала ихъ къ рукѣ, а нѣкоторые удостоены были Ея бесѣды.

Высочайшія награды ученикамъ.

Въ тоже самое время, «для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества въ наукахъ,» по представленію Шувалова, Императрица пожаловала ихъ чинами. Борисъ Салтыковъ произведенъ былъ въ армейскіе Прапорщики; въ капралы Гвардіи: Григорій Потемкинъ, Петръ Безобразовъ, Дмитрій Бабарыкинъ, Дмитрій Камынинъ, Князь Аврамъ Кантакузинъ, Ни-

колай Каринъ, Князь Леонъ Грузинскій, Петръ Аргамаковъ, Иванъ Черновъ, Михаилъ Загряжской, Александръ Шереметевъ, и всякому дано на волю проситься въ тотъ полкъ, кто куда пожелаетъ. Князь Василій Хованскій и Николай Щукинъ пожалованы въ пажи ко Двору Ея Величества. Петръ Киселевъ, Александръ Павловъ, Александръ Каринъ, бывшіе уже въ службѣ, остались при тѣхъ же чинахъ, съ обѣщаніемъ производства по старшинству, когда они получатъ изъ Университета аттестаты въ военную или въ гражданскую службу. Студентамъ же, Василію Троепольскому, Петру Семенову, и регистратору при Университетской Канцеляріи, Ивану Гостунскому, обѣщано отъ Куратора производство въ будущемъ, когда они представятъ отъ Университета аттестаты, а теперь приказано выдать денежное награжденіе за труды ихъ.

Мелиссино, возвратясь въ Москву 4-го Сентября, былъ пораженъ сердечною утратою. Онъ нашелъ въ гробѣ жену свою. Московскія Вѣдомости сохранили память этого грустнаго событія.[30]

Ученье въ Университетѣ открыто было еще до пріѣзда Директора, 20-го Августа, при собраніи множества любителей наукъ, въ числѣ которыхъ былъ Графъ Кейзерлингъ и кавалеры изъ свиты Французскаго посольства. Ректоръ Шаденъ говорилъ Латинскую рѣчь, Магистръ Оттенталь Нѣмецкую, учитель Лабомъ Французскую. 5-ое Сентября отпраздновано на другой день актомъ, въ которомъ Профессоръ Фроманнъ говорилъ Латинскую рѣчь. Открытіе ученія 20-го Августа.

Сношенія между Куратором и Директоромъ продолжались также дѣятельно. Устроеніе больницы для записныхъ учениковъ весьма занимало Шувалова: онъ желалъ, или помѣстить ее въ Репнинскомъ домѣ, Новые недостатки въ суммѣ.

или построить для нея особенный домъ, чему сдѣлать смѣту; обѣщалъ тогда же прислать врача, Профессора Медицины и Химіи. Жалобы о нуждахъ учениковъ и учителей изъ Москвы повторялись тѣже. Шуваловъ писалъ къ Директору, Октября 16: «Я съ великимъ сожалѣніемъ увидѣлъ изъ присланнаго вами отъ 9-го Октября репорта, что бѣдные ученики столь много претерпѣваютъ нужды, и я о томъ уже къ вашему Высокородію писалъ, чтобы сдѣлать распоряженіе, сколько надлежитъ для каждаго ученика въ годъ платья и обуви; ибо вы сами очевидно нужды ихъ видя, свободнѣе расположить можете и мнѣ прислать на разсмотрѣніе.» Отъ 3-го Ноября Шуваловъ писалъ еще: «Я слышалъ, что не токмо разночинцы, но и благородные ученики (какъ сказываютъ къ сожалѣнію достойно) великую нужду терпятъ въ платьѣ, обуви и пищѣ. Избѣгая такихъ отъ постороннихъ нареканій, изволите потрудиться сдѣлать для всѣхъ учениковъ, какъ благородныхъ, такъ и разночинцевъ, смѣту во всемъ вышеписанномъ содержаніи, не выключая самой малѣйшей къ ихъ нуждамъ принадлежащей мелочи и что̀ для издержки на нихъ будетъ годовой всей суммы, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.»

Частныя пожертвованія.

Между тѣмъ успѣхи ученья привлекали вниманіе общества. Кромѣ суммы, внесенной Демидовыми на содержаніе Студентовъ, наслѣдники Акинѳія Никитича подарили Университету минералогическій кабинетъ. Акинѳій Никитичь пріобрѣлъ этотъ кабинетъ въ Фрейбергѣ, что̀ въ Саксоніи, и оттуда вывезъ его въ Петербургъ, а потомъ въ Сибирь, гдѣ Демидовъ открылъ Колыванскую серебряную руду. Кабинетъ былъ умноженъ еще въ Сибири—и оттуда возвращенъ въ Петербургъ. Тогда наслѣдники владѣльца, уже умершаго, предложили И. И. Шувалову драгоцѣнное собраніе безмездно

для Московскаго Университета—и оно, въ 1759 г., было перевезено въ Москву, сначала поручено надзору Директора Хераскова и помощника Библіотекаря, Савича, и лежало довольно открыто въ Библіотекѣ; за тѣмъ поступило въ вѣдѣніе Профессора Минералогіи, Керштенса, и отъ него въ 1770 году перешло подъ надзоръ Профессора Афонина. Къ сожалѣнію, въ актахъ не осталось ученаго описанія этому кабинету; но судя по числовому инвентарію, собраніе минералогическое простиралось до 6,000 штукъ.[51] Тайный Совѣтникъ Собакинъ завѣщалъ Университету 2,500 руб. на вспоможеніе учащимся или на содержаніе питомцевъ: на проценты съ этихъ денегъ, отданныхъ въ частныя руки, содержалось два Студента. Супруга Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Марья Михайловна Наумова пожертвовала тысячу рублей. Университетъ благодарилъ ее печатнымъ объявленіемъ. Шуваловъ приказалъ немедленно употребить эту сумму на Студентовъ и учениковъ.

Классъ художниковъ.

Классъ Дюбуле, въ которомъ учились будущіе художники, былъ переведенъ вмѣстѣ съ учителемъ въ Петербургъ, гдѣ зачиналась тогда уже Академія Художествъ, хотя въ маломъ еще зародышѣ. Шувалову непріятно было, что многіе ученики увольнялись изъ Университета безъ его вѣдома, жалуясь на непорядки, будто бы въ немъ происходившіе. Дорожа славою своего новаго учрежденія, Кураторъ требовалъ не увольнять никого безъ его вѣдома. Притязанія иностранцевъ учителей не совсѣмъ еще прекратились: Папафило хотѣлъ получить званіе Профессора, какъ въ другихъ Университетахъ, но Шуваловъ отказалъ ему. — Ученіе Университета начинало приносить плоды уже въ ученикахъ своихъ. Студентъ Ан-

тонъ Любинскій объявлялъ черезъ газеты для желающихъ приватные уроки изъ Ариѳметики и Геометріи «Математическимъ порядкомъ.»

Мысль о литературномъ обществѣ при Университетѣ.

Мелиссино хотѣлъ оживить при Университетѣ и литературную дѣятельность. Замыслили основать общество, о началѣ котораго Профессоръ Рейхель говоритъ съ насмѣшкою въ письмѣ къ Миллеру. Сдѣлали два засѣданія, выбрали членовъ, собрали деньги, назначили Президента и Вице-Президента, двухъ Секретарей и т. д. «Risum teneatis amici! C'est l'histoire en abrégé.»— Директоръ, однако, хотѣлъ соединить начало литературной дѣятельности общества съ праздникомъ любимаго начальника. Въ Ноябрѣ Университетъ не забывалъ дня рожденія и имянинъ своего основателя. Утромъ молились за него въ церкви. Обѣдали у Директора, и послѣ трапезы Мелиссино открылъ у себя первое засѣданіе общества: Херасковъ читалъ стихи, Профессоръ Рейхель краткую рѣчь о благодѣяніяхъ Куратора Университету, Поповскій Русскую оду, Лабомъ Французскую рѣчь. Слушатели были многочисленны, между ними и высшее духовенство. Мысль Мелиссино, здѣсь являющаяся только въ слабомъ зародышѣ, исполнена была позднѣе учрежденіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія, когда онъ самъ получилъ уже мѣсто втораго Куратора при Университетѣ.

1757 годъ, по окончаніи экзаменовъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, окончили публичными диспутами Студентовъ, изъ предмета Юриспруденціи подъ руководствомъ Дильтея, изъ Онтологіи подъ наблюденіемъ Фроманна.

Указы 1758 года, касающіеся Университета.

Университетъ успѣхами своего ученія обращалъ уже на себя благосклонное вниманіе Правительства. Въ 1758 году, Высочайшій Указъ, свидѣтельствуя, что въ Университетѣ и двухъ его Гимназіяхъ, дворяне и раз-

ночинцы, какъ всѣмъ довольно извѣстно, съ немалою пользою и успѣхомъ обучаются, снова подтверждаетъ и объявляетъ во всенародное извѣстіе тѣ права и преимущества, которыя Высочайше дарованы были питомцамъ Университетскимъ: снова обѣщано дворянамъ немедленное производство по представленіямъ и аттестатамъ Московскаго Университета; записаннымъ же въ воинскую и гражданскую службу съ продолженіемъ ихъ ученія и сохраненіе старшинства по службѣ.

Безпорядки, замѣченные Правительствомъ въ отчетности первыхъ двухъ лѣтъ, вызвали, конечно, указъ Маія 26-го, которымъ приказано ежегодные отчеты по штатной суммѣ отсылать изъ Московскаго Университета прямо въ Ревизіонъ - Коллегію, а въ Сенатъ подавать только рапорты.

Основаніе Университета въ сердцѣ Россіи само собою вызвало потребность найти средства къ тому, чтобы связать это учрежденіе съ образованіемъ дворянства и свободныхъ сословій во внутреннихъ губерніяхъ. Достигнуть этой цѣли невозможно было иначе, какъ посредствомъ Гимназій. Указомъ Іюля 21-го учреждена была Казанская Гимназія, также для дворянъ и разночинцевъ и на тѣхъ же правахъ, какъ обѣ Московскія. Поводомъ къ учрежденію, какъ объявлено въ указѣ, послужило доношеніе Московскаго Университета, въ которомъ было сказано, что «для размноженія наукъ въ Имперіи необходимо надобно учредить, кромѣ Москвы и Петербурга, Гимназіи, изъ которыхъ бы молодые люди, оказующіе успѣхи своего понятія и ученія, могли выходить въ Московскій Университетъ и Петербургскую Академію для обученія наукъ, получивъ въ томъ мѣстѣ первыя основанія.» Университетъ долженъ былъ снабдить новоучрежденную Гимназію своими учителями, а жалованье

Учрежденіе Казанской Гимназіи.

производить имъ изъ Университетской суммы, получаемой отъ таможенныхъ откупщиковъ.

Учебный планъ Шувалова.

Казанская Гимназія была только первоначальнымъ опытомъ исполненія весьма обширнаго и сложнаго плана, который патріотическое усердіе Шувалова простирало на все наше отечество. Въ 1760 году, Кураторъ въ доношеніи на имя Сената представлялъ, какъ необходимо было для пользы государства, чтобы дворянскія дѣти, не вступая въ службу до 18 лѣтъ, учились въ Кадетскомъ Корпусѣ, или въ Академіи, или въ Московскомъ Университетѣ, и потомъ опредѣлялись бы въ службу; тѣ же, которые учились дома, должны быть обязаны, передъ вступленіемъ въ службу, предстать на испытаніе въ означенныя заведенія. Но для того, чтобы Дворянство по всей Россіи имѣло средства приготовлять себя къ тому высшему ученію, необходимо въ знатныхъ городахъ учредить Гимназіи, въ которыхъ бы обучали нужнымъ Европейскимъ языкамъ и первымъ основаніямъ наукъ; по маленькимъ же городамъ учредить школы, въ которыхъ обучать Русской грамотѣ, Ариѳметикѣ и прочимъ первымъ основаніямъ. Изъ сихъ первоначальныхъ школъ ученики должны выходить въ Гимназіи, изъ Гимназій въ Кадетскій Корпусъ, въ Академію, въ Университетъ, а изъ сихъ трехъ мѣстъ въ дѣйствительную службу. Высочайшимъ Указомъ Ноября 15-го представленіе Шувалова признано за весьма полезное обществу, какъ внушеніе его патріотическаго усердія, и повелѣно составить подробные штаты и планъ учрежденію Гимназій и школъ въ губерніяхъ. Полезная мысль Шувалова осуществилась гораздо позднѣе, только въ царствованіе Императора Александра.

Число казеннокоштныхъ учениковъ.

Изъ оффиціальныхъ объявленій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыя печатала Канцелярія Универ-

ситета, мы знаемъ, что въ началѣ 1758 года, Университетскихъ казеннокоштныхъ учениковъ, дворянъ и разночинцевъ, было сто человѣкъ и что содержаніе ихъ столомъ обходилось ежедневно въ пять рублей, а въ круглый годъ въ 1825 руб.[32]

Керштенсъ, первый Профессоръ Медицинскаго Факультета.

Въ 1758 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Москву Магистръ Свободныхъ наукъ и Философіи и Докторъ Медицины, Іоганнъ Христіанъ Керштенсъ, чтобы занять мѣсто Профессора Химіи и Металлургіи въ Университетѣ, и немедленно вступилъ въ свою должность.[33] Шуваловъ черезъ Миллера выписалъ Керштенса изъ Лейпцигскаго Университета. Готтшедъ, вѣроятно, содѣйствовалъ этому вызову, равно какъ вызову Рейхеля и Келлнера. Но Керштенса рекомендовали еще болѣе двѣ диссертаціи, напечатанныя имъ въ Лейпцигѣ въ 1757 году: 1) De maturatione ut causa perfectionis corporum organicorum, 2) De maturatione ut causa novae valetudinis. Онъ былъ первымъ Профессоромъ въ Университетѣ по Медицинскому факультету и по отдѣленію Естественныхъ наукъ, равно и врачемъ Университетской больницы. Керштенсъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, въ теченіи десятилѣтней практики, познакомился весьма основательно съ болѣзнями свойственными нашему народу и климату, и примѣнился къ мѣстнымъ средствамъ и обычаямъ жизни, къ произведеніямъ нашей природы, въ отношеніи къ тѣмъ врачебнымъ средствамъ, которыя предлагалъ противъ Русскихъ недуговъ.[34] Лекціи Керштенса объявлены въ первый разъ въ каталогѣ лекцій 13-го Августа 1758 года: для приготовленія тѣхъ, которые желаютъ обучаться Медицинѣ, онъ преподавалъ теоретическую и экспериментальную Физику, а по окончаніи этой науки Минералогію, слѣдуя Картгейзеру.

Распря Профессоровъ о старшинствѣ.

Лекціи не были распредѣлены еще по факультетамъ. Замѣчателенъ въ каталогахъ лекцій, Латинскомъ и Русскомъ, различный порядокъ Профессоровъ: въ Латинскомъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Дильтей, въ Русскомъ Поповскій[35]. Эта разница объясняется тѣми спорами, которые происходили въ конференціяхъ между Профессорами о старшинствѣ мѣстъ и надоѣдали Директору и Куратору. Иностранные ученые требовали, по примѣру Университетовъ иностранныхъ, распредѣленія по факультетамъ въ томъ же порядкѣ: юридическій первый, медицинскій второй, философскій третій. Это мнѣніе, въ силу западнаго обычая, которому подражали, восторжествовало въ объявленіяхъ лекцій; въ засѣданіяхъ конференціи, однако, велѣно было наблюдать старшинство службы. Но и въ этомъ заключался опять новый поводъ къ распрямъ. Поповскій считалъ себя самымъ старшимъ, ссылаясь на то, что первый, какъ Профессоръ, вступилъ въ должность. Дильтей и Фроманнъ предъявляли свои контракты, которые были заключены съ ними Шуваловымъ, еще прежде вступленія Поповскаго въ должность. Дильтей, какъ строгій законникъ, никакъ не уступалъ своего мѣста. Вотъ почему Поповскій, какъ видно, сколько могъ, избѣгалъ засѣданій конференціи. Съ Фроманномъ они какъ будто чередовались: попеременно, то тотъ, то другой, записаны отсутствовавшими.

Распредѣленіе лекцій по факультетамъ.

Въ каталогѣ лекцій 1759 года[36], въ первый разъ встрѣчаемъ распредѣленіе по факультетамъ. Дильтей, во главѣ всѣхъ, одинъ, представляетъ факультетъ юридическій; за нимъ Керштенсъ, также одинъ, факультетъ медицинскій или медическій, какъ его тогда называли; въ факультетѣ философскомъ слѣдуютъ по порядку Фроманнъ, Поповскій, Ростъ,

Барсовъ, Савичъ, Рейхель, Келлнеръ, Билонъ. Замѣчательно, что Дильтей для права Естественнаго, Керштенсъ для Физики, Фроманнъ для Космологіи и Психологіи, указываютъ на одного руководителя, Лейпцигскаго ученаго, Винклера. Впослѣдствіи Керштенсъ, какъ видно изъ каталога лекцій 1761 года, присоединилъ къ руководствамъ сочиненія Фогеля и Боэргава. Ростъ училъ Математикѣ на Латинскомъ языкѣ; но при немъ былъ Студентъ, по Русски объяснявшій для неразумѣвшихъ то, что Профессоръ говорилъ по Латыни.

Протоколы Конференціи.

Секретаремъ Конференціи въ 1758 году былъ уже питомецъ Университета, прапорщикъ Салтыковъ; его смѣнилъ въ 1759 году Лекторъ Билонъ. Всѣ протоколы писаны были тогда на Французскомъ языкѣ. Замѣчательно опредѣленіе членовъ конференціи[57] не давать никакихъ наградъ ученикамъ, не учившимся Латинскому языку, чтобы понудить ихъ къ этому занятію, которое считалось необходимѣйшимъ. Но это опредѣленіе, однако, не нашло отголоска въ начальствѣ. Поповскій предлагалъ[58] читать Философію на Русскомъ языкѣ для тѣхъ учениковъ, которые возвратились изъ Петербурга, равно и для тѣхъ, которые не хотятъ учиться по Латыни, или выросли уже изъ лѣтъ и потому не могутъ сдѣлать успѣховъ въ этомъ языкѣ. Онъ назначалъ Яремскаго для Русскихъ чтеній. Но Профессоры никакъ не согласились на его предложеніе: они, хотя и признавали эти чтенія полезными для небольшаго числа учениковъ, но опасались, чтобы подобный примѣръ, облегчивъ способъ разумѣнія Философіи для нѣкоторыхъ, не отвлекъ и другихъ отъ изученія Латинскаго языка, которое составляетъ главную цѣль учрежденія Университета и основаніе всѣхъ наукъ

и къ которому бо̀льшая часть не имѣетъ никакой склонности.[39] Поповскій желалъ, какъ видно, такимъ путемъ достигнуть исполненія той же самой мысли, которую уже выразилъ въ своей вступительной лекціи 1755 года. Но время еще не созрѣло для того, чтобы ей придти въ исполненіе.

Питомцы Университета и Гимназій.

Плоды ученія все болѣе и болѣе обнаруживались въ даровитыхъ питомцахъ Университета. Нѣсколько Студентовъ и учениковъ назначено было переводчиками, съ жалованьемъ, въ Кенигсбергъ, который въ семилѣтнюю войну былъ занятъ нашими войсками. Это назначеніе замѣняло имъ награды золотыми медалями. Въ числѣ ихъ встрѣчаются Матвѣй Афонинъ и Александръ Карамышевъ, впослѣдствіи отправленные въ Упсалу учиться у Линнея. Студенты, Троепольскій и Семеновъ, опредѣлены были въ помощники Барсову при изданіи Вѣдомостей. Студентъ Петръ Соймоновъ училъ въ Гимназіи Французскому языку и Миѳологіи. Вновь учрежденная Казанская Гимназія требовала учителей. Ассессоръ Веревкинъ посланъ былъ туда Директоромъ; Магистръ Оттенталь Инспекторомъ; Дювилларъ учителемъ Французскаго языка; Студенты, Любинскій и Моревъ, изъ которыхъ каждому было подъ 40 лѣтъ, для Математики и языка Латинскаго. Въ 1759 году Казанская Гимназія имѣла уже 111 учениковъ, дворянъ и разночинцевъ. Университетъ, по приказанію Куратора, въ Вѣдомостяхъ 10-го Августа, объявилъ о первыхъ успѣхахъ Казанскаго училища по экзамену 28 Іюня, и здѣсь, въ числѣ достойныхъ похвалы за прилежность, успѣхи и доброе поведеніе, въ первый разъ, печатно встрѣчается имя Гавріила Державина.[40]

Должность Инспектора Гимназіи.

Должность Инспектора Гимназіи правили Профессоры: то Дильтей, то Поповскій, то Фроманнъ. Вид-

но, что она была сопряжена съ большими трудностями. Начальство желало, чтобы правилъ ею Русскій Профессоръ, которому природный языкъ давалъ возможность входить въ прямыя сношенія съ учениками и ближе наблюдать за ихъ поведеніемъ. Но Поповскій тяготился этою должностію, потому что она отвлекала его отъ ученыхъ и литературныхъ занятій.

Первые Студенты изъ учениковъ Гимназіи.

Въ первый разъ Университетъ произвелъ Студентовъ изъ учениковъ своихъ Гимназій на актѣ 27 Апрѣля 1759 года.[41] До тѣхъ же поръ Студенты его были изъ питомцевъ духовныхъ Академій или Семинарій.[42] Шаденъ никакъ не хотѣлъ ускорить этого производства изъ нисшихъ классовъ Гимназіи, хотя и были тамъ, особенно между разночинцами, ученики даровитые и успѣвшіе, и Профессоръ Дильтей думалъ, что можно бы было еще въ 1758 году произвесть человѣкъ 15 въ Студенты. Въ числѣ произведенныхъ 1759 года мы встрѣчаемъ Василія Рубана, извѣстнаго писателя, и Семена Десницкаго, Профессора Юриспруденціи.

Умноженіе штатной суммы.

Въ томъ же самомъ 1759 году, какъ бы въ награду за то, что Университетъ имѣлъ счастіе, какъ онъ самъ выразился тогда, принести прещедрой Основательницѣ своей и Покровительницѣ, первые плоды учрежденныхъ при немъ Гимназій въ лицѣ ихъ учениковъ, произведенныхъ въ Студенты, Императрица Елисавета Петровна умножила его доходы. Повелѣно было, по контракту, заключенному съ Оберъ-Директорами, Саввою Яковлевымъ и Михаиломъ Гусятниковымъ, о содержаніи въ С. Петербургѣ и Москвѣ питейныхъ сборовъ съ 1759 года впредь на 7 лѣтъ, изъ учиненной ими къ прежнему откупу наддачи отсылать изъ Каммеръ-Коллегіи въ Московскій Уни-

верситетъ ежегодно по 20,000 рублей. Такимъ образомъ штатная сумма его, вмѣсто прежней въ 15,000 рублей, стала съ этихъ поръ въ 35,000.

Число Студентовъ въ 1760 году.

Въ 1760 году на казенномъ коштѣ Студентовъ было 30: изъ нихъ четверо назначали себя для театра; учениковъ Гимназіи 100, которые были такъ распредѣлены:[45] 12 благородныхъ и 12 разночинцевъ должны были заниматься Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, безъ древнихъ языковъ; 76 шли Латинскими классами. Казеннокоштные ходили въ мундирахъ.[44] Сверхъ ста, 18 учениковъ изъ разночинцевъ составляли труппу Московскаго театра и содержимы были на иждивеніи Локателли, который завѣдывалъ Русскимъ театромъ и Италіянской оперой. Изъ этихъ 18-ти десятеро должны были учиться музыкѣ вокальной и инструментальной, двое театральной живописи и шестеро танцамъ. Университетъ имѣлъ такимъ образомъ средства для своего домашняго театра, которымъ иногда угощалъ своихъ посѣтителей. Такъ напримѣръ, 28 Апрѣля 1760 года, въ день своего акта, вечеромъ, Университетъ пригласилъ знатныхъ особъ и дворянство въ Оперной домъ на Италіянскую интермедію.

Препятствія успѣхамъ ученія.

Шуваловъ и Мелиссино не мало препятствій встрѣчали успѣхамъ ученія, но боролись съ ними неутомимо. Они заключались и въ ученикахъ и въ учителяхъ.

Ученье, какъ было видно, не вошло еще въ потребность семейной и общественной жизни. Родители сами ему противились и отвлекали дѣтей своихъ отъ науки. Директоръ умолялъ Куратора не давать отпусковъ иначе, какъ только на время вакацій. Онъ находилъ, что, если исключить дни вакаціонные, праздники, воскресенья, субботы, то дней учебныхъ въ году

останется только сто, а для нѣкоторыхъ учениковъ, отлучавшихся по причинѣ болѣзней или семейныхъ праздниковъ, бывающихъ по разу или по два въ недѣлю, не болѣе тридцати или сорока. Даровитые ученики, начавшіе дѣло съ успѣхомъ, отвлекаемы были родителями, которые требовали отъ нихъ преждевременнаго вступленія въ службу. Иногда же, обратно, ученье служило только предлогомъ, чтобы укрываться отъ службы: ни служить не шли, ни въ классы не ходили. Ректоръ не рѣдко приносилъ въ конференціи жалобы на отсутствіе учениковъ. Мѣрами наказанія употребляли черную доску въ Гимназіи, карцеръ въ заключеніе каждаго мѣсяца, наконецъ совершенное исключеніе изъ Гимназіи съ припечатаніемъ имени въ Вѣдомостяхъ. Протоколы конференцій 1759 — 1761 годовъ наполнены именами исключенныхъ. Въ реэстрѣ семидесяти выключенныхъ изъ Университета за лѣность и нехожденіе въ классы, который припечатанъ къ 34 № Вѣдомостей 1760 года, встрѣчаемъ имена, впослѣдствіи славныя, Григорія Потемкина и Николая Новикова, который въ спискѣ учениковъ 1758 года показанъ достойнымъ награжденія. Новиковъ три года былъ записанъ понапрасну во Французскомъ классѣ. Потемкинъ сначала оказалъ блистательные успѣхи. Мы видѣли его въ числѣ учениковъ, сопровождавшихъ Мелиссино въ 1757 году. Обѣ крайности характеризуютъ великолѣпнаго Князя Тавриды, который и въ школѣ обнаружилъ тотъ же непостоянный характеръ, какимъ отличался въ жизни: легко охлаждался онъ къ тому, что̀ прежде его занимало, и отъ жизни дѣятельной переходилъ къ скукѣ и равнодушному бездѣйствію. Но Потемкинъ, какъ увидимъ, на верху почестей и славы, хранилъ всегда благодарную память о мѣстѣ своего ученія.

Иногда второстепенные начальники, не разумѣя

своихъ обязанностей, вредили также дѣлу воспитанія. Вотъ анекдотъ, характеризующій нравы того времени: онъ случился передъ масляницей 1758 года, въ отсутствіи Директора. Ученикъ изъ дворянъ хотѣлъ подставить ногу учителю; учитель замѣтилъ его намѣреніе и далъ ученику пощечину. Ученикъ принесъ жалобу канцеляріи. Наряженъ судъ: судили Ассессоръ Херасковъ, Ректоръ Шаденъ, Профессоры Дильтей и Фроманнъ. Учителю сдѣлали выговоръ, и сказали, что онъ могъ бы искать удовлетворенія другимъ путемъ, но теперь лишился права: ибо пощечины давать запрещено. Приговорили: учителю и ученику просить другъ у друга прощенія. Но ученикъ не ограничился этимъ удовлетвореніемъ: въ понедѣльникъ на масляницѣ онъ отправился съ жалобою къ другому Ассессору Веревкину, за которымъ была очередь, и Веревкинъ обѣщалъ ему удовлетвореніе блистательное. Онъ приказалъ солдатамъ взять подъ арестъ учителя: солдаты не застали его дома, но пришли къ нему на другой день рано утромъ и прямо съ постели отвели его подъ караулъ. Оказалось, что и учителя взяли не того: Веревкинъ перемѣшалъ имена, и велѣлъ взять одного вмѣсто другаго.[45]

Второе препятствіе къ успѣхамъ ученія заключалось въ самихъ наставникахъ и ихъ положеніи въ службѣ и обществѣ. Шуваловъ жаловался на учителей и даже на Профессоровъ за недостатокъ дѣятельности. Директоръ хотѣлъ наложить на каждаго учителя шесть часовъ преподаванія въ день; но не знали, куда дѣвать это время, потому что ученики и безъ того цѣлый день были заняты. Къ тому же ихъ жалованье было весьма ограничено; самое большее, при особенномъ покровительствѣ, не превышало 200 р.; безъ частныхъ уроковъ они существовать не могли, и многіе стали проситься въ отставку, узнавъ объ умноженьи

часовъ ученія. Профессоры, получивъ замѣчаніе Куратора, просили наименовать между ними недостойныхъ: такіе готовы были, смиренно покоряясь его мнѣнію, немедленно оставить Университетъ.

Профессоры ординарные получали 500 р. жалованья, экстраординарные 400. Освобожденіе отъ полицейскихъ повинностей предлагало весьма важныя права для тѣхъ, которые могли имѣть домà свои въ Москвѣ. Всѣ принадлежавшіе къ Университету домовладѣльцы не давали постоя солдатамъ, не держали ночныхъ сторожей, не мостили улицъ. Эти права такъ скоро вошли въ обычай, что даже Студенты покупали домà на свое имя, чтобы только освобождать ихъ отъ полицейскихъ повинностей.[46]

Нѣкоторые изъ Профессоровъ приватными уроками довольно скоро нажили себѣ состояніе: такъ особенно Ростъ и Дильтей, который имѣлъ свой домъ на Козьемъ болотѣ. Дильтей бралъ за частные уроки по 12 р. въ годъ съ ученика за каждый предметъ. Эти занятія отвлекали его часто отъ публичныхъ лекцій; онъ справедливо подвергся нареканію отъ товарищей въ нехожденіи на лекціи и долженъ былъ даже выдержать процессъ съ Университетомъ. Рейхель не имѣлъ его средствъ. Онъ, до полученія мѣста Профессора, долженъ былъ жить учителемъ въ частномъ домѣ и терпѣлъ горькую нужду. Лекціи ему назначены были послѣ обѣда, отъ 4-хъ до 6-ти часовъ. Все утро посвящалъ урокамъ въ домѣ, гдѣ жилъ. По обычаю Русскихъ баръ поздно обѣдать, весьма часто на тощій желудокъ отправлялся онъ въ Университетъ на лекцію; а зимою возвращаться послѣ 6-ти часовъ домой, въ ночной темнотѣ, была новая для него непріятность! Профессоръ опасался сдѣлаться жертвой множества собакъ, бѣгавшихъ по улицамъ.[47]

Иногда пристрастіе Ректора иноземца къ своимъ знакомымъ вовлекало его въ предосудительный выборъ учителя. Какой-то разорившійся содержатель бархатной фабрики, Швейцарецъ, получилъ такое мѣсто; но мнѣніе Профессоровъ выразилось, однако, довольно сильно противъ этого назначенія, и учитель скоро былъ отставленъ.

Поведеніе нѣкоторыхъ наставниковъ возбуждало также негодованіе начальства. Магистръ Яремскій нѣсколько разъ получалъ выговоры отъ конференціи и потомъ уволенъ отъ учительской должности, не смотря на свой умъ и познанія. Поповскій и Дильтей оставили по себѣ также печальную память преданія.[48] Между Дильтеемъ и содержателемъ частнаго пансіона, Бойе де Роке, была въ трактирѣ непріятная исторія. Ихъ судили въ конференціи. Дильтей подозрѣвалъ противъ себя дѣйствіе партіи и въ томъ числѣ Хераскова; но долженъ былъ въ засѣданіи принести извиненіе передъ всѣми членами въ неосновательности своихъ подозрѣній.

Свидѣтельство Фонъ-Визина о состояніи Университета.

Намъ сохранилось отъ славнаго ученика Университета и очевидца печальное свидѣтельство объ этихъ недостаткахъ, сопровождавшихъ дѣтство его первоначальнаго бытія. Фонъ-Визинъ въ своемъ Чистосердечномъ Признаніи говоритъ: «Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего Университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній Университетъ[49] уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ.» — «Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; Латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ

пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ Латинскій, такъ и Россійскій языкъ зналъ очень хорошо.»[50] Анекдоты Фонъ-Визина объ Университетскихъ экзаменахъ обнаруживаютъ его комическое дарованіе. Учитель Латинскаго языка пятью пуговицами кафтана обозначалъ условно съ учениками пять Латинскихъ склоненій, а четырьмя пуговицами на камзолѣ четыре спряженія. Ученики должны были отвѣчать на его вопросы: какого склоненія имя? какого спряженія глаголъ? смотря потому, за какую пуговицу онъ хваталъ пальцами. Отвѣтъ, за который онъ получилъ медаль изъ класса Географіи, очень забавенъ. Спросили: куда Волга впадаетъ? одинъ ученикъ сказалъ: въ Черное море, другой въ Бѣлое, Фонъ-Визинъ простодушно отвѣчалъ: не знаю. Трудно здѣсь отличить, что̀ принадлежитъ фантазіи комика и что̀ существенной правдѣ.

Фонъ-Визинъ три раза жалованъ былъ медалями въ Университетѣ: въ первый разъ въ 1756 г., безъ означенія предмета, за который присуждена была ему медаль; второй разъ получилъ золотую въ 1759 году за первенство въ высшихъ классахъ; третій разъ также золотую въ 1761 году съ обозначеніемъ, что онъ заслужилъ ее изъ Нѣмецкаго высшаго класса.[51] Въ 1760 году присуждена была Фонъ-Визину также золотая медаль за отличіе вообще, но вмѣсто медали онъ былъ награжденъ воинскимъ чиномъ.

Но не смотря на комическіе анекдоты, которыхъ матеріалъ доставленъ былъ поэту экзаменами Гимназіи, Фонъ-Визинъ, по его собственному признанію, съ благодарностію вспоминалъ объ Университетѣ. «Въ немъ, обучаясь по-Латыни, говоритъ онъ, положилъ я основаніе нѣкоторымъ моимъ познаніямъ. Въ немъ научился я довольно Нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.»

Фонъ-Визинъ разсказываетъ о своей зимней по-

ѣздкѣ въ Петербургъ съ Директоромъ Меллиссино.[52] Онъ и супруга его имѣли за нимъ и за другими дѣтьми родительское попеченіе. Четырнадцати-лѣтній Фонъ-Визинъ былъ представленъ Директоромъ Шувалову. «Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна,» (скажемъ словами самого Фонъ-Визина), «принявъ насъ весьма милостиво, и взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ. Онъ спросилъ меня: чему я учился?»—«По Латынѣ,» отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ Латинскаго языка, съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но Государыня не выходила.»

Акты и диспуты.

Акты въ Университетѣ совершались съ обычною торжественностью, которая была въ духѣ и нравахъ времени. День коронаціи Императрицы, 25 Апрѣля, день Ея тезоименитства, 5-го Сентября, всегда сопровождались празднествами. Съ днемъ коронаціи своей Августѣйшей Основательницы соединялъ Университетъ и память открытія въ немъ ученія.[53] Кромѣ этихъ двухъ дней, окончаніе Іюльскихъ и Декабрскихъ экзаменовъ сопровождалось также актами и публичными диспутами Студентовъ, рѣчами учениковъ Гимназіи на древнихъ и новыхъ языкахъ. На актахъ, когда производимы были Студенты, торжественно вручались шпаги тѣмъ, которые еще не имѣли права носить ихъ. Награждали медалями золотыми, серебряными, въ большомъ количествѣ, и книгами. Высшее духовенство, знатныя особы Москвы, иностранцы и все образованное общество принимали постоянное участіе въ этихъ торжествахъ. Высокопреосвященный Тимоѳей, Митрополитъ Московскій и Сѣвскій, при-

сутствовалъ на диспутахъ Студентовъ и выражалъ имъ свое удовольствіе. Университетъ къ своимъ торжествамъ приглашалъ весьма затѣйливыми объявленіями, на большихъ листахъ, печатанными по-Латыни и по-Русски. Каждый разъ сочинялось новое. Вотъ образчикъ подобнаго объявленія въ 1760 году.

«Божіимъ поспѣшествованіемъ къ торжествованію Высочайшаго дня Тезоименитства Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, въ имѣющемъ быть сего Сентября шестаго дня публичномъ въ Университетѣ собраніи въ третьемъ часу пополудни, и къ слушанію рѣчи, которую при семъ случаѣ онагожъ Университета Магистръ Антонъ Барсовъ на Россійскомъ языкѣ говорить будетъ: О намѣреніи, съ какимъ учиться должно, всѣхъ любителей наукъ чрезъ сіе съ надлежащимъ почтеніемъ призываетъ Императорскій Московскій Университетъ.» (Печатано при И. М. У. 1760 году.) Другая половина листа предлагала тоже самое, строка въ строку, на языкѣ Латинскомъ.

Рѣчь, произнесенная Барсовымъ: О цѣли ученія, весьма замѣчательна.[54] Сначала онъ разбираетъ различныя о томъ мнѣнія: выше всѣхъ ставитъ то, которое утверждаетъ, что науки нужны для наукъ; касается съ участіемъ и простонароднаго мнѣнія, выражаемаго обыкновенными словами родителей, отдающихъ сына въ ученье: «будь счастливъ, будь уменъ, душа моя.»—«Бѣдные люди,» говоритъ онъ далѣе, «ищутъ черезъ науки средствъ жизни: объ нихъ, какъ о покойныхъ, надобно говорить хорошо, или ничего говорить не слѣдуетъ.» Но строго возстаетъ наставникъ противъ тѣхъ, которые видятъ въ ученіи орудіе роскоши, сребролюбія и лихоимства: они желали бы, чтобъ ученье дѣтямъ ихъ безъ всякаго труда досталось.—Чтобы ука-

Рѣчь Барсова въ 1760 году.

5*

зать на прямое, благодѣтельное вліяніе науки на человѣка, ораторъ представляетъ безпомощное состояніе его при самомъ рожденіи и въ лѣтахъ младенчества, и какъ ученіе помогаетъ человѣку изъ него выйти. «Всѣ науки,» говоритъ онъ, «если между прочими многими ихъ видами съ нѣкоторой стороны ихъ разсматривать, не иное что покажутся какъ только собраніе важнѣйшихъ опытовъ въ разномъ родѣ вещей, примѣчательными и остроумными людьми усмотрѣнныхъ, съ пріобщеніемъ произведенныхъ ими изъ того разсужденій и правилъ, служащихъ къ способнѣйшему и скорѣйшему дѣйствованію.»—«Сколько память всѣхъ или многихъ вѣковъ долговременнѣе и разными случаями изобильнѣе, нежели жизнь всякаго человѣка, столько основательное знаніе наукъ во всякомъ дѣлѣ должно быть сильнѣе и надежнѣе одного собственнаго испытанія.» — Такъ ученіе изобразилъ Барсовъ въ видѣ великаго приготовленія черезъ опыты другихъ къ опыту собственной жизни во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ. Краснорѣчивымъ эпизодомъ касается ораторъ той славы, которую науками пріобрѣли государства и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ. Заключаетъ онъ такъ: конецъ и намѣреніе ученія есть *знаніе*. Но знаніе подобно оружію: и во благо, и во зло употребить его можно. Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ знаніемъ сердце—а въ немъ добродѣтель. Знаніе должно быть дверію къ добродѣтели. Честное сердце предпочитается великому разуму. Но и этимъ нельзя ограничиться: надъ добродѣтелью возвышается законъ и благочестіе Христіанское, «безъ котораго никакое знаніе истинно полезно и никакая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ.» Наставникъ приглашаетъ всѣхъ питомцевъ науки «утвердиться въ законѣ и православіи.»

Такъ понималъ отношеніе Науки къ Вѣрѣ достойный ученикъ Ломоносова. Такъ ученіе въ сердцѣ Москвы, въ новомъ своемъ разсадникѣ, утверждалось на живой основѣ ея, на древнемъ непоколебимомъ нашемъ благочестіи. Первыя рѣчи Профессоровъ касались болѣе общихъ основаній науки и ученія. Надобно было уяснить эти основанія обществу, вниманіе котораго не было еще пріучено къ разрѣшенію такихъ вопросовъ. Впослѣдствіи, рѣчи Профессоровъ приняли болѣе спеціальный характеръ, и обнаруживаютъ приложеніе изслѣдованій науки къ потребностямъ жизни практической.

Иллюминаціи.

Университетъ сопровождалъ государственныя торжества роскошными иллюминаціями. Вѣкъ любилъ эти пышныя, огненныя аллегоріи, которыя Ломоносовъ, въ сѣверной столицѣ, переводилъ на языкъ стихотворный. Оба дома Университета, у Воскресенскихъ воротъ и на Моховой, Апрѣля 26-го, горѣли въ огняхъ, и освѣщалась иногда башня Воскресенская, какъ въ первый день открытія. Описаніе иллюминаціи 1759 года дошло до насъ.[55] Она въ серединѣ изображала храмъ, посвященный Истинѣ. Богиня, въ бѣлой одеждѣ, сходила на облакѣ въ середину храма, который сограждень былъ на камнѣ, въ знакъ вѣчной неразрушимости. Солнцемъ въ правой рукѣ Истина озаряла все зданіе; въ лѣвой держала она лавровую вѣтвь, въ знакъ побѣды надъ врагами. Враги эти были: грабительство, зависть и невѣжество. Поверженные, лежали они внизу храма. Надъ самымъ же храмомъ возвышалась Вѣчность, съ закрытой головою, потому что начало ея неизвѣстно, и съ обнаженными ногами, потому что настоящее время, черезъ которое она проходитъ, нами познается. Въ серединѣ объяснялось посвященіе храма надписью: «Елисаветъ I Все-

милостивѣйшая Истиннѣ и Музамъ. 1755 году въ 14 лѣто государствованія своего.» Слава и Минерва парили по обѣ стороны храма. Эмблемы указывали на свѣтъ наукъ и на ихъ любимцевъ: тутъ орелъ летѣлъ къ солнцу и къ нему возносилъ птенцовъ своихъ. Къ воротамъ храма, растворенным по обѣ его стороны, шли науки, сопровождаемыя искусствами: по правую руку тѣ, которыя утверждаются на вѣрности исторической: 1) Исторія, 2) Юриспруденція, 3) Драматическая Поэзія, 4) Музыка; по лѣвую руку шли науки, основанныя на доказательномъ познаніи: 1) Логика въ видѣ диспутующаго человѣка, 2) Медицина, 3) Математика съ своими прикладными знаніями, 4) Архитектура. При наукахъ и искусствахъ геніи несли ихъ аттрибуты. Замѣчательно, что Драматическая Поэзія держала въ рукахъ своихъ маску, изображавшую Комедію, а геній сзади несъ окровавленный кинжалъ, какъ знакъ Трагедіи. Иллюминація горѣла въ тотъ самый день, какъ будущій славный комикъ, тогда еще пятнадцатилѣтній ученикъ Гимназіи, получилъ золотую медаль за первенство въ высшихъ ея классахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ первой Главѣ.

1. Истор. Госуд. Росс. Т. VIII. 112 стран.

2. Тамъ же, Т. XI. 89 стран.

3. Peter der Grosse und Leibnitz. Von Dr. Moritz C. Posselt. 1843. стран. 218.

4. См. Указъ Императрицы Екатерины I, Декабря 21-го дня 1725 года, въ которомъ сказано: «Понеже всѣмъ извѣстно есть, какое попеченіе имѣлъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество о обученіи народа своего, для чего намѣренъ уставить Академію Наукъ, о которой и опредѣленіе въ Сенатѣ изволилъ учинить въ прошломъ 1724 году Генваря въ 12 день, и потомъ Профессоровъ и прочихъ потребныхъ людей для такой Академіи еще при жизни своей выписать указалъ, которые уже и прибыли.»

5. Дѣянія Петра В. Т. IX. 60.

6. Годъ рожденія Шувалова опредѣляютъ 1727. Это основано на слѣдующемъ выводѣ. Скончался онъ 1797 года, Ноября 14-го. Преосвященный Анастасій Братановскій сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ, при погребеніи Шувалова Ноября 17-го, что онъ *прежилъ семьдесятъ лѣтъ*. По вычитаніи 70-ти изъ 1797, выходитъ 1727 годъ. Но вотъ еще другое данное, встрѣчающееся въ письмѣ Вольтера къ Шувалову, отъ 1-го Августа 1758 года. Вольтеръ писалъ: J'apprends que vous n'avez que vingt-cinq ans, et je suis étonné de la profondeur

et de la multiplicité de vos connoissances. Объ годахъ Шувалова Вольтеръ слышалъ отъ людей, ему близкихъ, Воронцова и Салтыкова. Въ такомъ случаѣ, Шувалову былъ 23-й годъ, когда онъ основалъ Университетъ, и родился онъ въ 1733 году. День рожденія его былъ 1-го Ноября. Въ этотъ день Ломоносовъ подарилъ Шувалова своею поэмою: Петръ Великій.

7. Ода 16: Великая Елисаветъ
И силу кажетъ и державу;
Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу
И выше, какъ военный звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Отрывокъ:

Рушитель знанія свирѣпой брани звукъ,
Подъ скипетромъ твоимъ защитникъ сталъ наукъ.

8. Извѣстно, что Университетъ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Профессоры называли alma Universitas Elisabethana.

9. Напечатано при Рѣчахъ и Стихахъ, произнесенныхъ въ Торж. Собр. И. М. У., Іюня 26-го, 1830 года.

10. 39 статья Проэкта. Для различенія дворянъ отъ разночинцевъ, учиться имъ въ разныхъ Гимназіяхъ; а какъ уже выдутъ изъ Гимназіи и будутъ студентами, у вышнихъ наукъ такимъ быть вмѣстѣ какъ дворянамъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію.

11. 26 статья Проэкта.

12. Санктпетербургскія Вѣдомости 1755 года N 39. Изъ Москвы отъ 1-го Маія. Описаніе инавгураціи при начинаніи Гимназіи Московскаго Императорскаго Университета сего 1755 года Апрѣля 26-го дня. Такъ напечатано въ Академическихъ Вѣдомостяхъ; но рѣчь Барсова, какъ сказано было въ ея заглавіи, была говорена при открытіи Университета.

13. Это видно изъ писемъ Аргамакова къ Академику Миллеру. Сей послѣдній рекомендовалъ Директору двоихъ сыновей Г-жи Тарбеевой. Аргамаковъ отвѣчаетъ, что будетъ заботиться о томъ, чтобы они были приняты въ число казеннокоштныхъ.

14. Виргилій—35 коп., Овидій—85, Горацій—25, Теренцій—25, Плавтъ—75, Ювеналъ—15, Авзоній—25, Юлій Цезарь — 50, Корн. Непотъ — 20, Тацитъ—65, Флоръ—35, Юстинъ — 35, Эпиктетъ Греч. и Лат.—15, Разговоры Эразмовы—55, Лексиконъ Целларія—1 р. 30, Латинская Грамматика—70 к. Всѣ книги въ переплетѣ.

15. Adhuc querelae motae sunt praeceptores turpes in scholis exactiones facere, quod prohibendum est.

16. Вотъ для примѣра нѣсколько тезисовъ. «1. Логика не есть навыкъ и орудіе къ познанію прочихъ наукъ, но дѣйствительно между науками должна почитаться. 2. Логика приноситъ великую пользу, хотя и не избѣжала совсѣмъ отъ подозрѣнія, будто бы она не была полезна. 3. Логика не есть только умозрительная наука, но и къ дѣйствію клонится. 4. Однако не смотря на то прочимъ наукамъ по справедливости предпочитается. 5. Кто не имѣетъ знаковъ подробнаго понятія, о томъ не должно думать, будто бы имѣлъ идею только смѣшанную (конфузную). 6. Знакъ возможности какой-нибудь вещи состоитъ въ томъ, когда мы разумѣемъ способъ, какъ она въ бытіе притти можетъ. 7. А знакъ бытія въ томъ, когда она или себя самую понимаетъ, или другимъ представляться можетъ. 9. Душа человѣческая сама себѣ всегда извѣстна. 9. Однако не всегда имѣетъ подробныя о вещахъ идеи. 10. Исправленіе разума есть начало исправленія душевной воли... 16. Нѣтъ рока, и онъ есть одинъ вымыселъ ложныхъ философовъ. 17. Существа вещей суть необходимыя, а не произвольныя. 18. Дѣйствія человѣческія могутъ быть и добры и злы естественно и сами въ себѣ еще прежде законоположенія.... 20. Этика есть основаніе Юриспруденціи Натуральной. А Этика и Юриспруден-

ція Натуральная вмѣстѣ суть основаніемъ Политики. Слѣдовательно никто не можетъ быть добрымъ Политикомъ, если прежде не будетъ добрымъ человѣкомъ. 21. Но наипаче счастливъ тотъ, кто почитаетъ Физику, которая больше всѣхъ наукъ служитъ къ умноженію пользы общества, и къ утвержденію благочестія.» — Въ библіотекѣ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ находится Латинскій экземпляръ тѣхъ же тезизовъ — и диспутовавшіе Студенты обозначены именами городовъ тѣхъ Семинарій, откуда они перешли въ Университетъ: Любинскій Kioviensis, Рудаковъ Pereslaviensis, Садовскій Nisnenovogrodensis, Ѳедоровъ Susdalensis, Дмитріевъ Mosquensis, Булатницкій Kioviensis.

17. Рапортъ 27-го Февраля 1757 г. Изъ партикулярнаго Вашего Превосходительства къ покойному Директору письма увѣдомились мы, что милосердуя о недостаточныхъ бѣдныхъ содержащихся на Университетскомъ коштѣ учениковъ пожаловали на исправленіе оныхъ нуждъ тысячу рублевъ, о чемъ симъ В. П — ву напомянуть смѣлость приняли.

18. Вотъ нѣсколько тезисовъ, которые ученики защищали:

1. Il y a un droit naturel, qui est immuable et indispensable.

2. La définition du droit naturel, que l'Empereur Justinien a donnée, disant, que le droit naturel est celui, que la nature a enseigné à tous les animaux, est très fausse.

3. La Jurisprudence naturelle est une science pratique.

4. L'action humaine a deux principes, l'entendement et la volonté; la première faculté est nécessaire, et l'autre libre.

5. L'entendement agit de trois façons par de simples perceptions qui sont toujours vraies, par des jugemens, et par des raisonnemens.

6. La conscience est le jugement des actions propres; elle peut précéder l'action, ou la suivre, étant certaine, ou probable, vraie ou fausse, douteuse, scrupuleuse, ou insensible...

8. Afin qu'une action positive puisse être imputée, il suffit qu'elle ne soit pas involontaire, mais afin qu'une action négative soit imputée, il faut que celui, qui a manqué d'agir, en ait eu le pouvoir et l'occasion.

9. Les loix naturelles nous prescrivent les devoirs envers Dieu, envers nous-mêmes, et envers notre prochain.

10. Le premier devoir est de connoître Dieu, l'être suprême, doué de toutes les perfections, qui chatiera les crimes et récompensera les vertus.

19. Рапортъ Кн. Хованскаго Февраля 3-го дня 1757 г. «Смѣты вшедшей въ И. М. У. суммѣ денежной за неимѣніемъ о томъ въ канцеляріи извѣстія сдѣлать невозможно, по той же причинѣ и объ остаткѣ оной есть ли что на лицо нынѣ, такъ какъ и о расходахъ не вѣдомо.» — Рапортъ Веревкина отъ 20-го Марта. «Сколько въ приходѣ денегъ было въ И. М. Унив. 755 и 756 годовъ при покойномъ Директорѣ Г. Аргамаковѣ, тому при семъ приложена вѣдомость; по смерти его въ наличности ничего не осталось, а куда оныя, на что и когда употреблены, о томъ Вашему Превосходительству въ короткомъ времени отрепортовать никакимъ образомъ не можно. Со всевозможною прилежностію въ счетахъ трудимся и когда увидѣть ихъ изволите, то простите конечно нашу въ томъ медленность.» Рапортъ Кн. Хованскаго отъ 3-го Апрѣля 1757 г. «О подаренной отъ Господъ Демидовыхъ суммѣ вообще съ опредѣленною на Университетъ суммою къ Вашему Превосходительству не представлено въ извѣстіе за тѣмъ, что еще какъ порядочной оной пріему записки, такъ и расходу за великими затрудненіями не можно было окончить; а оставлено о томъ съ ясностію Ваше Превосходительство увѣдомить при окончаніи счетовъ. По особливому же В. П. приказанію о приходѣ оной доносится, что при основаніи Университета отъ тѣхъ Господъ Демидовыхъ принято и въ расходъ записано тринадцать тысячъ. А въ послѣднее время покойнаго Директора Г. Аргамакова при отъѣздѣ его за нѣсколько дней безъ всякаго вида принято еще восемь

тысячъ, и того всей суммы двадцать одна тысяча, которой расходу счетъ особливо сочиняется и при окончаніи во извѣстіе къ В. П. имѣетъ быть присланъ.»

20. Рапортъ 27-го Февраля 1757 г. «Графиня Прасковья Юрьевна Салтыкова (Штатсъ-дама) проситъ, дабы отсрочить ей въ ея долгу тысячи рублевъ въ Университетъ на полгода, на что ожидаемъ вашего повелѣнія.»

21. Конректоръ не есть корректоръ, а старшій послѣ Инспектора Гимназіи: мѣсто, соотвѣтствующее теперь старшему надзирателю. Какъ Инспекторъ наблюдалъ за преподаваніемъ учителей, такъ Конректоръ за ученіемъ учениковъ.

22. «И понеже наука о Правахъ по природѣ есть какъ бы основаніе всѣхъ правъ и законовъ, изъ котораго бы человѣкъ и Богу всея натуры главнѣйшей причинѣ, и самому себѣ и ближнему въ общемъ житіи правильныя должности производить и находить могъ: того ради также и въ семъ Университетѣ сіе ученіе дѣйствительно учредить надлежитъ.» Изъ печатнаго объявленія, которое такъ начинается: «Кураторъ Императорскаго Московскаго Университета во извѣстіе.»

23. Въ 1763 году напечатана книжка: *Новое описаніе сферы*, переведенная съ Французскаго Василіемъ Кочубеемъ. При концѣ этой книжки напечатаны имена учениковъ, учащихся у Дильтея: 1. Князь Михаилъ Михаиловичь Вадбольскій, 2. Василій Васильевичь Кочубей, 3. Павелъ Аѳанасьевичь Аѳросимовъ, 4. Ѳедоръ Ѳедоровичь Скрыпицынъ, 5. Петръ Степановичь Степановъ, 6. Павелъ Степановичь Степановъ, 7. Николай Ивановичь Вельяминовъ.

24. Впрочемъ впослѣдствіи изгладились, какъ видно, между Шаденомъ и Рейхелемъ недружелюбныя отношенія. Шаденъ въ рѣчи своей 1770 года называетъ Рейхеля своимъ искреннимъ другомъ и почтеннѣйшимъ сотоварищемъ, и благодаритъ его за сообщеніе нѣкоторыхъ ученыхъ примѣчаній къ его рѣчи, заимствованныхъ Рейхелемъ изъ Исторіи Университетовъ.

25. См. Рапортъ Мелиссино Шувалову сего числа.

26. См. Ордеръ Шувалова отъ 9-го Іюня 1757 года.

27. Рѣчь Дильтея, говоренная 21-го Апрѣля 1774 года: De foro connexaque ejus jurisdictione. Примѣчаніе на стран. 17.

28. Веревкинъ писалъ къ Мелиссино во время его пребыванія въ Петербургѣ: «Представляю Вашему Высокородію о взысканіи въ Петербургѣ съ Г. Гвардіи Подпоручика Кропотова 3190 руб. да съ Серенія 4000 руб.» Впослѣдствіи запрещено было отдавать Университетскія деньги въ частныя руки, безъ разрѣшенія Куратора, а при Аргамаковѣ видно раздавались.

29. Въ черновой копіи съ донесенія 16-го Іюня 1757 года, которое писано было рукою самого Мелиссино, конецъ не дописанъ.

30. См. Москов. Вѣд. 1757 г. Сентября 12-го. N 73.

31. См. 14 томъ Протоколовъ Университетской конференціи. Стран. 73 и 275.

32. «Желающимъ Университетскихъ казенныхъ учениковъ Дворянъ и Разночинцевъ, всего сто человѣковъ, трактовать столовыми припасами, и брать за каждый день со всѣхъ обще по пяти рублевъ, и того въ годъ 1825 рублевъ, явиться въ Канцеляріи Московскаго Императорскаго Университета немедленно.»

33. Московск. Вѣд. 1758 г., Апрѣля 3-го.

34. См. Рѣчь его 1769 г. Апр. 22. «Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноженію недостаточнаго народонаселенія.» Она написана по-Латыни и переведена по-Русски.

35. См. каталоги лекцій 1758 года въ портфеляхъ Миллера, находящихся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

36. См. Каталогъ въ портфеляхъ Миллера и другой экземпляръ въ подаренныхъ Моск. Университету каталогахъ И. М. Снегиревымъ.

37. 1758 г., 26-го Іюня.

38. Въ томъ же году, Сентября 19-го.

39. Mrs les autres Professeurs nonobstant qu'ils croient aussi que cela sera utile à ce petit nombre des écoliers craignent, que la facilité qu'il y aura d'entendre les leçons philosophiques n'entraine tous les autres écoliers et ne les détourne de l'étude de la langue latine, qui est le but principal de l'institution de l'Université et le fondement de toutes les sciences, et pour laquelle la plupart n'ont point d'inclination.

40. Моск. Вѣд. 1759 года, N 64. «Наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: Гвардіи Капралъ Николай Левашовъ, Гвардіижъ солдатъ Сергѣй Полянскій и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ и нижеписанные еще за свою прилежность, успѣхи и доброе поведеніе, похвалы достойными нашлись, а именно: Василей и Дмитрей Родіоновы, Петръ Нармацской, Гаврила Державинъ, Алексѣй и Петръ Норовы.»

41. Въ описаніи торжества сказано: «Московской Императорской Университетъ... нынѣ въ первые по начатіи своемъ имѣетъ щастіе принесть Ея Императорскому Величеству, Премудрой Основательницѣ своей и Покровительницѣ, плоды учрежденныхъ при ономъ Гимназій, чрезъ произведеніе изъ оныхъ нѣкотораго числа учениковъ въ Университетскіе Студенты.»

42. Такъ въ актахъ конференцій 1758 года сказано, что Троицкой Лавры прислано было четверо Студентовъ: Илья Грачевскій, Дементій Соколовъ, Александръ Репьевъ, Петръ Бражниковъ. Другіе присылались изъ Кіева, какъ напримѣръ Егоръ Булатницкій, отлично успѣвшій въ Италіянскомъ языкѣ и издавшій въ 1759 году Новую Италіянскую Грамматику, собранную и переведенную изъ разныхъ авторовъ; также присылались изъ Семинарій.

43. Тоже число Студентовъ и учениковъ показано въ книжкѣ у Профессора Фроманна, изданной имъ въ Тюбингенѣ, по выходѣ изъ Университета, въ 1768 году: Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico.

44. См. въ Моск. Вѣд. 1761 года N 11 напечатанный вызовъ желающимъ сдѣлать мундиры на сто человѣкъ.

45. Изъ переписки Дильтея съ Миллеромъ: письмо отъ 9-го Марта 1758 года.

46. Изъ переписки Профессора Роста съ Миллеромъ: письмо отъ 9-го Іюля 1761 года.

47. Изъ переписки Профессора Рейхеля съ Миллеромъ.

48. Поповскій сопровождалъ Мелиссино въ Петербургъ въ началѣ 1758 года. Дильтей писалъ къ Миллеру, что Поповскій поѣхалъ за тѣмъ, чтобы Профессоровъ оклеветать въ пьянствѣ передъ Шуваловымъ, тогда какъ онъ самъ первый ему предается. Сохранилось черновое письмо Миллера, въ которомъ онъ увѣряетъ Дильтея, что Поповскій ничего подобнаго не говорилъ въ Петербургѣ.

49. Писано въ то время, когда Фонъ-Визинъ приближался къ пятидесяти годамъ жизни, слѣд. незадолго до кончины, т. е. 1792 года: ибо Фонъ-Визинъ скончался 48 лѣтъ.

50. Фонъ-Визинъ говоритъ, вѣроятно, объ Магистрѣ Яремскомъ.

51. Въ прибавленіи къ Вѣдомостямъ 1761 года въ числѣ учениковъ высшихъ класовъ, получившихъ золотыя медали, четвертымъ поставленъ «Денисъ Фонъ-Визинъ, предъ которымъ хотя въ Нѣмецкомъ вышшемъ классѣ имѣетъ преимущество Ростиславъ Татищевъ; однакожъ какъ оный въ томъ классѣ таковыя медали получалъ прежде: то нынѣ оную уступилъ помянутому второму по немъ ученику Фонъ-Визину.» Въ 1758 году Фонъ-Визинъ показанъ достойнымъ награжденія изъ класса историческаго и географическаго Магистра Оттенталя, но не сказано, чтобы это награжденіе была медаль.

52. Трудно опредѣлить годъ этой поѣздки. Въ 1757 году это быть не могло: всѣ ученики, которыхъ бралъ Мелиссино съ собою, въ Вѣдомостяхъ поименованы; но Фонъ-Визина и брата его между ними нѣтъ. Къ тому же эта поѣздка была въ Іюлѣ, а Фонъ-Визинъ говоритъ,

что они ѣздили зимою. Императрица на куртагѣ выходила, а на томъ, гдѣ былъ Фонъ-Визинъ, она не изволила выйти. Это могло быть зимою въ началѣ 1758 года. Мы знаемъ изъ писемъ Дильтея къ Миллеру, что Мелиссино въ Январѣ былъ въ Петербургѣ и Поповскій сопровождалъ его; но о какой же супругѣ Директора упоминаетъ Фонъ-Визинъ? Мелиссино овдовѣлъ въ Августѣ 1757 года. Не знаю, былъ ли онъ женатъ вторично.

53. Въ прибавленіи къ 34 N Московскихъ Вѣдомостей 1760 года сказано: «оный же высочайшій день (25 Апрѣля), яко день основанія Императорскаго Московскаго Университета, торжествованъ» и проч.

54. Она не была напечатана. Рукописный экземпляръ ея находится въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

55. Въ документахъ, подаренныхъ И. М. Снегиревымъ Университету.

ГЛАВА II.

КУРАТОРСТВО И. И. ШУВАЛОВА И Ѳ. П. ВЕСЕЛОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ.

Кураторъ Ѳ. П. Веселовскій. — Пріемъ отъ Университета Куратору. — Ордера Шувалова въ 1761 году. — Ордера Веселовскаго. — Занятія Конференціи. — Кончина Императрицы Елисаветы. — Распредѣленіе лекцій въ 1761 и 1762 годахъ. — Посѣщеніе Гетмана. — Изданія при Университетѣ. — Славные питомцы Университета въ царствованіе Елисаветы I и Петра III.

—

Въ 1760 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, Генералъ-Маіоръ Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій пожалованъ былъ въ Кураторы Московскаго Университета. Важныя дипломатическія занятія Шувалова, вѣроятно, были причиною этому назначенію. Мы видимъ его, Марта 7, участникомъ въ трактатѣ между Россійскимъ, Французскимъ и Австрійскимъ Дворами, котораго предметомъ было продолженіе войны общими силами противъ Короля Прусскаго, и Марта 10 такимъ же участникомъ въ союзномъ трактатѣ съ Даніею и Франціею. Но Шуваловъ, какъ учредитель Университета, до конца жизни своей оставался первымъ его Кураторомъ. Кураторъ Ѳ. П. Веселовскій.

Поприще Веселовскаго было дипломатическое и военное. Онъ, въ 1717 году, когда Англійское духовенство предлагало Петру Великому соединеніе Церкви Англійской съ Россійскою, успѣлъ построить въ Лон-

донѣ храмъ православный. Мѣсто Куратора получилъ онъ въ лѣтахъ довольно преклонныхъ, когда старость и недуги, съ нею сопряженные, его удручали. Старецъ искалъ сельскаго уединенія и часто изъ Москвы удалялся въ деревню. Веселовскій отличался здравымъ образомъ мыслей въ вопросѣ о воспитаніи; но видно не чувствовалъ въ себѣ силъ, чтобы привести ихъ въ исполненіе. Такъ писалъ онъ къ Миллеру, по случаю Англійской книги Броуна о воспитаніи, которую Миллеръ ему доставилъ: «Хорошій кодексъ законовъ и доброе воспитаніе, примѣненное къ духу правленія, къ религіи, къ нравамъ и къ характеру націи, къ состоянію искусствъ и торговли и къ народонаселенію—все это прекрасныя мысли въ умозрѣніи, но исполнить ихъ на дѣлѣ, вотъ дѣло, вотъ трудъ (hoc opus, hic labor)—и Г. Броунъ едва ли съумѣетъ указать къ тому средства, если бы даже онъ былъ и на мѣстѣ дѣйствія.» [1]

Пріемъ отъ Университета Куратору.

Новый Кураторъ пріѣхалъ въ Москву 16-го Декабря, почти четыре мѣсяца спустя послѣ своего назначенія. 22-го Декабря былъ сдѣланъ ему торжественный пріемъ отъ Университета. Директоръ, Ассессоры, Профессоры, Магистры и Информаторы, всѣмъ корпусомъ, явились къ нему въ домъ въ 10-мъ часу утра. Директоръ представилъ всѣхъ Куратору, который обнадежилъ ихъ «всякимъ защищеніемъ и попечительствомъ.» Всѣ съ Кураторомъ отправились въ Университетскій домъ, что у Воскресенскихъ воротъ, и здѣсь въ засѣданіи Университетской конференціи Мелиссино привѣтствовалъ Куратора краткою рѣчью, на которую Веселовскій отвѣчалъ. Обѣ рѣчи сказаны были на Французскомъ языкѣ и напечатаны немедленно въ Вѣдомостяхъ съ Русскимъ переводомъ. [2] Мелиссино воздалъ похвалу достоинству и

дарованіямъ новаго Начальника, и отъ лица всего сословія приносилъ благодарность Императрицѣ за такое избраніе, которымъ утверждалось благосостояніе Университета. Веселовскій, отклонивъ отъ себя всѣ похвалы, приглашалъ всѣхъ, усердіемъ и стараніемъ помочь недостатку силъ его въ достиженіи цѣли, чтобы процвѣлъ успѣхами новорожденный Университетъ. Онъ называлъ его учрежденіемъ необходимымъ для счастія Отечества, учрежденіемъ, которое въ лѣтописяхъ Имперіи составитъ эпоху самую замѣчательную между чудесами славнаго царствованія Императрицы Елисаветы, и просвѣщая и счастливя ея подданныхъ, увѣковѣчитъ славу Ея имени и Ея щедроты передъ позднѣйшимъ потомствомъ.

Послѣ этого торжественнаго обряда въ конференціи, Веселовскій въ томъ же домѣ осматривалъ университетскую библіотеку, минералогическій кабинетъ, химическую лабораторію, типографію, словолитную палату и книжную лавку. Въ типографіи поднесены были Куратору стихи на разныхъ языкахъ Факторомъ Гойеромъ:[3] Греческіе и Латинскіе сочинялъ Дильтей, Французскіе Лекторъ Билонъ, Нѣмецкіе Профессоръ Рейхель, Русскіе неизвѣстно кто [4]. Греческій и Нѣмецкій шрифты въ первый разъ являлись въ печатномъ образцѣ, вышедшемъ изъ станковъ университетской типографіи. Въ 1761 году, Января 16, Кураторъ въ первый разъ посѣтилъ аудиторіи Университета и классы Гимназіи въ домѣ, что на Моховой. Студенты и ученики привѣтствовали его рѣчами на разныхъ языкахъ. Нѣсколько времени слушалъ онъ философскую лекцію Фроманна, и потомъ присутствовалъ во время обѣда казеннокоштныхъ учениковъ.

Не долго Веселовскій правилъ должность Куратора: это продолжалось до начала царствованія Екате-

рины II. Во время коронаціи Императрицы въ Москвѣ, старецъ, желавшій покоя, уступилъ мѣсто свое Ададурову.

Ордера Шувалова въ 1761 году.

Въ теченіи этого краткаго времени, весь 1761 годъ, Шуваловъ почти также дѣятельно слѣдилъ всѣ дѣйствія Университета, какъ и прежде. Мы имѣемъ книгу ордеровъ его Директору за этотъ годъ. [5] Разскажемъ ихъ содержаніе. Шуваловъ требовалъ, чтобъ въ аттестатахъ, выдаваемыхъ Студентамъ и ученикамъ, обозначались именно предметы, которые они знаютъ, и чтобы эти аттестаты выдавались послѣ публичныхъ экзаменовъ, два раза въ годъ, а не когда кто пожелаетъ экзаменоваться, какъ это было въ обычаѣ. Его озабочивали тѣ ученики, которые, будучи записаны въ службу, уклонялись отъ нея подъ предлогомъ ученья, а ученьемъ не занимались. Шуваловъ находилъ такое злоупотребленіе предосудительнымъ для Университета и строго требовалъ списка именъ всѣхъ тѣхъ, которые такъ поступали, обѣщаясь разослать ихъ по командамъ ихъ, гдѣ кто служитъ. Предписывалъ снабдить Казанскую Гимназію учителями; требовалъ, по вызову Медицинской Канцеляріи, 30-ти Студентовъ, хорошо знающихъ Латинскій языкъ, для изученія Медикохирургіи; переводчика въ Мануфактуръ-Коллегію съ хорошимъ знаніемъ языковъ Нѣмецкаго и Французскаго. Художники-актеры, увеселявшіе театромъ Московское общество, его также занимали. Слухи объ ихъ своеволіи на сценѣ доходили до него. «Я слышалъ,» пишетъ онъ къ Директору, «что наши комедіанты, когда хотятъ играютъ, а когда не хотятъ, то изполовина начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ не докончавъ оставляютъ причиною представляя холодъ, изъ которыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода, ни прибыли, и

тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народу съѣзжается гораздо прежняго менѣе, слѣдственно и денежной сборъ противъ дѣлаемыхъ во время спектакля издержекъ гораздо недостаточенъ; того ради изволите приказать, чтобы въ оныхъ спектакляхъ должность комедіантовъ исправляема была съ лучшимъ порядкомъ.» [6] Въ другой разъ, черезъ нарочную эстафету, потребованы были комедіанты въ Петербургъ, съ своимъ лучшимъ театральнымъ платьемъ. Актерамъ Русскаго театра приказано быть по прежнему подъ дирекціею Хераскова, и ему смотрѣть за театромъ по контракту, заключенному съ Локателли. Достойнѣйшимъ изъ актеровъ дозволялось дать шпаги. Хераскову поручено было договориться съ Италіянскими пѣвцами о концертахъ, но Университету отнюдь въ это не вступаться. Весьма хотѣлось Шувалову построить театръ въ Москвѣ, и онъ дозволялъ выдать заимообразно для того десять тысячъ изъ Университетской суммы. Молодые люди, достойно окончившіе курсъ, возбуждали участіе въ Шуваловѣ. Прапорщикъ Борисъ Салтыковъ былъ имъ отправленъ въ Женеву съ жалованьемъ отъ Университета, для продолженія ученія. [7] Это тотъ самый любознательный Салтыковъ, который былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Шувалова и Вольтера по случаю сочиненія симъ послѣднимъ Исторіи Петра Великаго, который привозилъ ему письма, матеріалы историческіе, чай и Русскіе мѣха отъ Шувалова. Изъ устъ молодаго человѣка Вольтеръ любилъ слушать восторженныя похвалы своему Русскому Меценату, какъ онъ называлъ его. Салтыковъ изображалъ Вольтеру прекрасную душу Шувалова, высокій и благодѣтельный его характеръ, любовь къ искусствамъ и покровительство, всегда готовое дарованію. Къ Салтыкову прибѣгалъ иногда Вольтеръ съ вопросами въ

затруднительныхъ мѣстахъ исторіи Петра Великаго: таково письмо его объ раскольникахъ. [8]

Шуваловъ былъ привѣтливъ въ дарованію вполнѣ достойному и снисходителенъ къ нему въ случаѣ вины его. «Отлучку Студента Маслова», пишетъ онъ отъ Декабря 17, «въ самовольство не считать, ибо онъ у меня явился и свои законныя нужды представилъ, и хотя оный штрафа и достоинъ, что безъ позволенія отлучился, но въ разсужденіи его прилежанія и успѣха въ наукахъ то ему простить.»

Дѣятельность Университетской типографіи была предметомъ его заботъ непрерывныхъ. Онъ требовалъ реэстра всѣхъ книгъ, какія въ ней были напечатаны со времени ея учрежденія. Ему непріятно было, что литеры, которыя онъ заказывалъ для нея въ Англіи, оказались негодными. Весьма часто посылалъ онъ въ Университетъ книги для перевода или печати, такъ напримѣръ: Dictionnaire abrégé de la Bible, Инструкцію Короля Прусскаго его генералитету. Университетъ содержалъ на жалованьѣ своихъ переводчиковъ, двухъ братьевъ Каховскихъ, которые были его Студентами.

Ордера Веселовскаго.

Веселовскій завѣдывалъ ближайшими дѣлами Университета, во всемъ однако подчиняясь его учредителю. [9] Произошли нѣкоторыя перемѣны въ назначеніи Профессоровъ, къ пользѣ учебнаго дѣла. Ордеромъ 21-го Января, по рекомендаціи Директора и конференціи, Магистръ Барсовъ, «за ревность къ публичной съ начала Университета службѣ и познаніе наукъ и по другимъ добрымъ качествамъ,» былъ назначенъ Ординарнымъ Профессоромъ Элоквенціи на мѣсто умершаго Поповскаго, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Рейхель получилъ званіе Экстраординарнаго Профессора, съ окладомъ по 400 р. въ годъ, и

ему поручена, по смерти Келлнера, каоедра Всеобщей Исторіи, сверхъ Нѣмецкой Словесности и Ученой Исторіи. На время отсутствія Роста каоедра Математики была поручена Студенту Семену Лобанову, питомцу Университета. Ростъ заключилъ новый контрактъ съ Шуваловымъ въ Петербургѣ: ему дали мѣсто Ординарнаго Профессора Математики (съ окладомъ въ 500 р.) и поручили преподаваніе Англійскаго языка (за 100 р. въ годъ). Должность Инспектора обѣихъ Гимназій Дильтей сдалъ Профессору Фроманну, публично, по окончаніи Декабрскаго экзамена, и прочтено было тутъ же весьма убѣдительное предписаніе Куратора учителямъ и ученикамъ объ ихъ отношеніяхъ къ новому Инспектору.

Произошли безпорядки въ Казанской Гимназіи. Оттуда возвратились Оттенталь и Дювилларъ, и представили Куратору донесеніе, которое было отправлено къ Шувалову. Веревкина обвиняли въ растратѣ казенныхъ денегъ. Его лишили мѣста, а въ Казань отправили Магистра Савича, давъ ему для большей важности званіе Профессора, командующаго Казанскими Гимназіями, и обязавъ его нѣсколькими часами преподаванія. Савичъ, по мнѣнію его товарищей, былъ человѣкъ трудолюбивый и дѣльный, неспособный быть пятымъ колесомъ въ каретѣ или служить только для парада. [10] Каоедра Опытной Физики и Оптики, по отъѣздѣ Савича, была поручена Профессору Росту. Веселовскій благоразумно сознавалъ, что жалованье Профессорамъ и информаторамъ (такъ назывались въ то время учители Гимназіи) было слишкомъ ограничено. Онъ охотно употреблялъ власть свою въ ихъ пользу и дѣлалъ прибавки. Информаторъ Латинскаго языка въ низшихъ классахъ, Иванъ Фрязинъ, получалъ 80 р.; Вавила Ермолаевъ, информаторъ въ Гимназіи разночинцевъ, 60 р. въ годъ:

каждому прибавлено по 20-ти. Веселовскій покровительствовалъ находившемуся тогда при Университетѣ Прапорщику, Ипполиту Богдановичу, который былъ записанъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта безъ жалованья. Еще въ 1761 году онъ былъ опредѣленъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера. [11] Кураторъ приказалъ производить ему жалованья 90 р. въ годъ.

Когда наступили экзамены, то ученики, считавшіеся на службѣ, *отгуливая* отъ ученья, просили аттестатовъ передъ экзаменами, подъ предлогомъ производства по полкамъ. Кураторъ приказалъ, по окончаніи вакаціи, всѣмъ объявить, что никому, до истеченія мѣсяца послѣ экзамена, аттестатовъ выдавать не будетъ. Строгій къ исполненію обязанностей ученья и службы, Веселовскій былъ снисходителенъ къ проступкамъ молодаго возраста. Студента Заборова хотѣли исключить, за дурное поведеніе: Кураторъ предписалъ не исключать, потому что онъ въ первый разъ при немъ впалъ въ вину, а наказать только карцеромъ. Студентъ Дмитрій Голенищевъ былъ исключенъ вовсе за нехожденіе на лекціи и имя его объявлено въ газетахъ; но онъ съ раскаяніемъ пришелъ къ Куратору и былъ вновь имъ принятъ въ Университетъ.

Веселовскій предписалъ Ассессорамъ присутствовать въ засѣданіяхъ Канцеляріи съ правомъ голоса и помогать Директору въ хозяйственныхъ дѣлахъ Университета. Присутствіе столь многихъ членовъ умножило значеніе Канцеляріи. Въ Іюнѣ 1761 года, Мелиссино уѣхалъ въ Ригу, по случаю смерти своего тестя, и должность его началъ исправлять Херасковъ.

Занятія конференціи.

Еще до назначенія Веселовскаго Куратором, Конференція занималась составленіемъ проэкта Универ-

ситетскаго устава и новыхъ штатовъ. Въ протоколахъ засѣданій ея 1760 и 1761 года значится безпрерывно чтеніе этого проэкта, какъ главное занятіе Членовъ Университета. Къ сожалѣнію, не находимъ въ нихъ никакихъ подробностей объ содержаніи этого проэкта; но изъ переписки Роста съ Профессоромъ Миллеромъ [12] узнаемъ, что проэктъ штатовъ составленъ былъ въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, что ихъ сумма ежегодная простиралась для одного Университа на 65,000, р., для Гимназій на 15,000, всего же на 80,000 рублей. Рейхель, наклонный видѣть особенно комическую сторону въ дѣлахъ человѣческихъ, говорилъ въ своихъ письмахъ, что такой колоссальный Университетъ могъ бы быть годенъ не только для Россіи, но что имъ можно бы было снабдить всю Германію; что если бы предположенные Профессоры всѣхъ 4-хъ факультетовъ съ ихъ Деканами, Синдиками, актуаріями и проч. внезапно могли упасть къ намъ съ неба, то откуда бы для такого числа Ординарныхъ и Экстраординарныхъ Профессоровъ, Докторовъ, Магистровъ, Лекторовъ и проч., нашлось достаточное число Студентовъ и слушателей? [13]

Кончина Императрицы Елисаветы.

Въ 1761 году Декабря 25, Московскій Университетъ лишился своей Августѣйшей Основательницы, Императрицы Елисаветы Петровны. Въ краткое царствованіе Императора Петра III дѣятельнѣе продолжались занятія Конференціи по предмету Устава и штатовъ Университета.

Веселовскій предписалъ Ассессорамъ Канцеляріи участвовать въ засѣданіяхъ Университетской Конференціи и вмѣстѣ съ Профессорами сократить и поправить прежде сдѣланный штатъ, такимъ образомъ, чтобы онъ сходнѣе былъ съ состояніемъ и обычаями нашего государства. [14] Но такъ какъ дѣло, не

смотря на это предписаніе, дѣло все еще не согласно съ его желаніями; то Кураторъ назначилъ особую коммиссію изъ четырехъ Профессоровъ: Фроманна, Керштенса, Роста и Рейхеля, которые обязаны были сочинить новый регламентъ и представить Куратору на разсмотрѣніе. Въ своемъ ордерѣ онъ выражаетъ надежду, что соединенными силами четыре Профессора наискорѣйшимъ образомъ сократятъ новый регламентъ и что возможно будетъ наконецъ поднести его Государю Императору.[15]

Распредѣленіе лекцій въ 1761 и 1762 годахъ.

По каталогамъ лекцій 1761 и 1762 года, дошедшимъ до насъ,[16] мы видимъ, что во время Кураторства Веселовскаго преподаваніе въ Университетѣ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ. Въ юридическомъ факультетѣ Дильтей, одинъ, читалъ, то право Естественное по Винклеру, то право Римское, соединяя приватное преподаваніе съ публичнымъ. Въ Медицинскомъ факультетѣ, Керштенсъ, также одинъ, читалъ то Химію по Фогелю и Боэргаву, то Минералогію съ Химіею металлургическою и доцимастическою, соединяя въ преподаваніи теорію съ практикой. Въ Философическомъ факультетѣ, Фроманнъ читалъ Логику, Моральную Философію и Метафизику, слѣдуя Винклеру; Барсовъ объяснялъ Цицероновы рѣчи и преподавалъ правила Риторики по Эрнестію, упражняя Студентовъ въ переводахъ и въ слогѣ; Рейхель читалъ Всеобщую Исторію политическую, Исторію ученую въ Университетской Библіотекѣ, которой былъ онъ Библіотекаремъ, и правила Нѣмецкаго слога; въ 1761 году Роста не было: вмѣсто его Савичъ читалъ Опытную Физику по Винклеру, а Лобановъ Чистую Математику; въ 1762 году Ростъ соединилъ уже оба предмета и къ нимъ присовокупилъ Геодезическую практику и Геометрію подземную; наконецъ Лекторъ

Билонъ преподавалъ Французской языкъ, читалъ со Студентами Телемака и домашніе разговоры, и упражнялъ ихъ въ переводахъ съ Французскаго на Латинской и съ Латинскаго на Французской языкъ.

Посѣщеніе Гетмана.

Въ 1761 году Ноября 12-го, Ясновельможный Малороссійскій Гетманъ, Лейбгвардіи Измайловскаго полка Подполковникъ и Президентъ Академіи Наукъ, Графъ Кирила Григорьевичь Разумовскій, въ сопровожденіи многихъ Московскихъ вельможъ и Г. Н. Теплова, посѣтилъ Московскій Университетъ и его Гимназіи. Въ письмѣ Профессора Роста къ Миллеру сохранилось подробное описаніе этого посѣщенія. Гетманъ имѣлъ намѣреніе основать подобное училище высшихъ наукъ въ Батуринѣ, о чемъ велъ переписку съ Миллеромъ.[17] Отсюда объясняется, почему съ такимъ особеннымъ вниманіемъ онъ осматривалъ Московскій Университетъ. Въ сопровожденіи Куратора, онъ вошелъ сначала въ Латинскій классъ Ректора Шадена, гдѣ встрѣтили его рѣчью и стихами Латинскими, и здѣсь выслушалъ переводъ на Русскій языкъ изъ Цицероновыхъ писемъ, потомъ историческую лекцію Профессора Рейхеля. Въ большой аудиторіи Профессоръ Барсовъ встрѣтилъ его Русскимъ привѣтствіемъ. Профессоръ Фроманнъ взошелъ на каѳедру и прочелъ лекцію объ вѣроятности (de probabilismo). За тѣмъ слѣдовали юридическіе тезисы: de principibus juris naturae, между Студентами Дильтея. Изъ большой аудиторіи Гетманъ перешелъ во Французскіе классы Билона, Бойе, и въ Латинскій классъ Попова. За тѣмъ поѣхали въ домъ, гдѣ живутъ пансіонеры; Гетманъ осмотрѣлъ его, типографію и словолитню; посѣтилъ камеру, гдѣ читаются физическія лекціи. Показавъ инструменты, Профессоръ Ростъ прочелъ лекцію: de pressione et compressione aëris, и сдѣ-

лалъ опыты, сюда относящіеся, съ надлежащимъ вычисленіемъ. Въ заключеніе Гетманъ осматривалъ минералогическій кабинетъ, химическую лабораторію, гдѣ показаны были нѣкоторые малые опыты, и наконецъ библіотеку. Обзоръ Университета окончился обѣдомъ у Куратора.

Изданія при Университетѣ.

Литературная и типографская дѣятельность при Университетѣ, съ каждымъ годомъ, оживлялась болѣе и болѣе. Газеты возбуждали внимательное участіе публики. Въ 1760 году невозможно было найти въ книжной лавкѣ полнаго экземпляра газетъ за предшествовавшій годъ.[18] Отъ учебныхъ руководствъ для разныхъ языковъ, изданныхъ за границею, Университетъ переходилъ къ перепечатаннымъ или передѣланнымъ на Русскій языкъ у себя. Веселовскій, въ началѣ 1761 года, приказалъ типографіи печатать всѣхъ Латинскихъ авторовъ съ тою цѣлію, чтобы станки ея не оставались праздными. Дильтей оживлялъ ихъ также печатаніемъ своихъ юридическихъ и историческихъ курсовъ, которые, впрочемъ, незрѣлостію своею не возбуждали сочувствія въ другихъ Профессорахъ. Херасковъ печаталъ свои оды, комедіи и трагедіи. Изъ книгъ особенно замѣчательныхъ напечатаны были: Сочиненія Ломоносова, Поповскаго переводъ въ стихахъ Опыта о человѣкѣ Попе, его же переводъ Локковой книги о воспитаніи, Записки Графа Монтекукули или главныя правила военной науки вообще, Житіе и сокращеніе Философіи Бакона, Боссюэтово разсужденіе о Всеобщей Исторіи, Баумейстерова Логика, переведенная Студентомъ Александромъ Павловымъ, Басни Гольберга, переводъ Студента Дениса-Фонъ-Визина, комедіи Мольера въ переводахъ Кропотова и Чаадаева.

Къ 1759 году относится первое объявленіе о выходѣ періодическаго изданія отъ Университета въ 1760.[19] Это было *Полезное увеселеніе*, которое выходило въ 1760, 1761 и 1762 годахъ. Издателемъ былъ Херасковъ. Здѣсь напечатаны были многія его стихотворенія. Встрѣчается иногда имя жены его и Сумарокова. Здѣсь напечатаны оды Горація, переведенныя Поповскимъ. Кромѣ того принимали участіе Шишкинъ, Хрущовъ, Ржевскій, Каринъ, Нартовъ, Нарышкинъ, Павелъ Фонъ Визинъ, Домашневъ, Денисъ Фонъ Визинъ, Павелъ Потемкинъ, Студенты Соколовъ, Орловъ, Булгаковъ, Приклонскій, Санковскій, Аничковъ, Рубанъ, Золотницкій. Здѣсь въ первый разъ и весьма часто встрѣчается имя Ипполита Богдановича.

Въ 1761 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ,[20] Конференція разсуждала объ упражненіяхъ Студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и о переводахъ, которыми могли бы они, подъ руководствомъ Профессоровъ, снабжать періодическое изданіе Университета. Находили большія тому препятствія въ занятіяхъ лекціями, въ повтореніяхъ; но главное заключалось въ томъ, что иностранные Профессоры плохо знали Русскій языкъ и что все бремя исправленія переводовъ тяготѣло на одномъ Профессорѣ Барсовѣ, который и безъ того былъ занятъ редакціею Вѣдомостей.

Въ 1762 году Профессоръ Рейхель предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія или смѣшанная Библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ.* Оно выходило четыре раза въ годъ. Профессоръ въ предисловіи говоритъ о важности и пользѣ періодическихъ сочиненій — и матеріалами для своего из-

данія преимущественно назначаетъ познанія въ Физикѣ, Экономіи, Нравоученіи, политической и ученой Исторіи. Здѣсь первою статьею мы встрѣчаемъ переводъ Дениса Фонъ-Визина: Менардово изысканіе о зеркалахъ у древнихъ (изъ Histoire de l'Académie des Inscriptions et de belles-lettres). Часто подъ переводами встрѣчается это славное имя. Здѣсь Профессоръ Рейхель представилъ вниманію публики Русскій переводъ романа Аббата Террасона: Сиѳъ, сдѣланный тѣмъ же переводчикомъ, и отдалъ ему справедливость въ знаніи Нѣмецкаго языка.[21] Въ переводахъ, кромѣ того участвовали: Павелъ Фонъ Визинъ, Михаилъ Агентовъ, Петръ Лопухинъ, Александръ Корсаковъ, Яковъ Дашковъ, Студентъ Владиміръ Золотницкій, Студентъ Иванъ Калиновскій и другіе. Изданіе имѣло практическое направленіе и касалось предметовъ, болѣе потребныхъ для жизни. Но Профессоръ не нашелъ никакихъ выгодъ въ продолженіи этого изданія, предпринятаго на иждивеніи университетскаго книгопродавца Вевера. Рейхелю трудно было ладить и съ молодыми переводчиками, изъ которыхъ каждый хотѣлъ переводить свое, и съ книгопродавцемъ, наблюдавшимъ только свои выгоды, и наконецъ всего болѣе съ собственнымъ незнаніемъ Русскаго языка.[22]

Такъ ученая и литературная дѣятельность Профессоровъ и Студентовъ, при самомъ началѣ Университета, оживляла станки его Типографіи. Но случалось иногда, что денежныя выгоды требовали отъ Типографіи другихъ, совершенно противоположныхъ занятій. Въ 1763 году, напримѣръ, она должна была напечатать 448,000 листовъ съ разлиневанными рубриками, что̀ отняло у нея три или четыре мѣсяца во вредъ трудамъ, болѣе полезнымъ распространенію образованія.

Взглянемъ на тѣхъ питомцевъ, которыхъ образовалъ Университетъ, въ царствованіе Елисаветы I и Петра III, въ теченіе первыхъ осьми лѣтъ своего существованія. Въ краткое время, много дарованій успѣлъ онъ вызвать для разныхъ поприщъ жизни. Видно, что учрежденіе пришлось по Русской почвѣ, отвѣчало потребностямъ времени. Четырехъ Профессоровъ приготовилъ Университетъ для себя: Математика и Философа Аничкова, Естествоиспытателя Афонина, Юристовъ Десницкаго и Третьякова, изъ которыхъ трое послѣднихъ были отправлены за границу; а пятаго, также будущаго Профессора и перваго своего Ректора, Чеботарева, произвелъ въ Студенты. Четыре государственныхъ мужа учились въ эти годы въ его Гимназіяхъ: Князь Григорій Александровичь Потемкинъ-Таврическій, Яковъ Ивановичь Булгаковъ, Графъ Аркадій Ивановичь Морковъ и Свѣтлѣйшій Князь Петръ Васильевичь Лопухинъ, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта,[23] изъ которыхъ второй занимаетъ отличное мѣсто между самыми дѣятельными переводчиками Екатерининскаго періода. Нѣсколько писателей вышло изъ его Студентовъ: во главѣ ихъ Денисъ Ивановичь Фонъ-Визинъ, который вступилъ въ Гимназію въ 1755 году, прошелъ всѣ ея классы съ отличіемъ, получилъ нѣсколько золотыхъ медалей и произведенъ въ Студенты, можетъ быть, въ 1762 году.[24] Сверстниками его были братъ его, Павелъ Ивановичь, впослѣдствіи Директоръ Университета, его образовавшаго, и Сергѣй Герасимовичь Домашневъ, потомъ Вице-Президентъ Академіи Наукъ. Ипполитъ Ѳедоровичь Богдановичь былъ также вольнымъ слушателемъ Университетскихъ лекцій и имъ обязанъ своимъ образованіемъ. Упомянемъ Башилова, достойнаго сотрудника Шлецера, и Рубана, дѣятельнаго журналиста и переводчика въ пе-

Славные питомцы Университета въ царствованіе Елисаветы I и Петра III.

ріодъ Екатерининской Литературы. Кромѣ того, Университетъ приготовилъ чиновниковъ для будущей Коммиссіи Уложенія, далъ нѣсколько отличныхъ учителей Кадетскому Корпусу, какъ напримѣръ Лобанова, Пермскаго, Алексѣева, и своимъ Гимназіямъ Московскимъ и Казанской. Въ 1763 году, въ объявленіи объ урокахъ гимназическихъ, встрѣчаемъ между учителями имена Студентовъ: Ефима Орлова, Алексѣя Теплова, Семена Сватковскаго, Илью Ѳедорова, Ивана Тихомирова, Ивана Калиновскаго и другихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

ко второй Главѣ.

1. Письмо писано по-Французски.

2. См. Прибавленіе къ 102 N Моск. Вѣд. 1760 года, Декабря 22-го.

3. Экземпляръ стиховъ сохранился въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ дѣлъ.

4. Подробности взяты изъ писемъ Дильтея къ Миллеру, гдѣ всѣ авторы поименованы, кромѣ Русскаго.

5. Шестой томъ рукописной коллекціи актовъ, подаренной Университету И. М. Снегиревымъ.

6. Ордеръ Января 1761 года.

7. Ордеръ Августа 1761 года. Жалованья было 350 р. Это долженъ быть не тотъ Салтыковъ, который былъ Секретаремъ Конференціи. Изъ одного документа видно, что сей послѣдній назывался Александромъ.

8. J'abuse des bontés de M. de Soltikof. Je le supplie de me mander comment on écrit le nom des sectaires appelés dans mes Mémoires Kalkonistky, ou Ratzoniski, ou Ralkoniky, ou Roskolchiqui.

Qui sont donc ces gens-là dont le nom me fait donner au diable?

Et les Worsko-jésuites, ou vlorsko-jésuites, qui sont ils? je n'y entends rien. Tous ces drôles-là ne valent pas la peine qu'on en parle, à moins qu'ils ne soient bien ridicules, comme sont chez nous tous nos fanatiques.

9. Книга ордеровъ Веселовскаго также сохранилась и составляетъ 7-й томъ помянутой коллекціи.

10. Изъ переписки Роста съ Миллеромъ.

11. Такъ сказано въ біографической статьѣ о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ. Вѣстникъ Европы. 1803. т. IX. стр. 5.

12. Письмо отъ 1761 года Іюля 16-го.

13. Письмо Рейхеля къ Миллеру отъ 1763 года 10-го Августа.

14. Ордеръ Февраля 5-го 1762 года.

15. Ордеръ Марта 5-го того же года.

16. Catalogus praelectionum publicarum in alma Elisabethana Universitate habendarum. Anno 1761. April. 26. Реэстръ публичныхъ лекцій, имѣющихъ преподаваться въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ отъ 28-го Іюня сего 1762 году по 28-й день того жъ мѣсяца 1763 году. Тотъ же самый каталогъ существуетъ и на Латинскомъ языкѣ. Всѣ три документа находятся въ коллекціи, подаренной И. М. Снегиревымъ Московскому Университету.

17. Отрывки этого проэкта сохранились въ портфеляхъ Миллера.

18. Изъ письма учителя Гимназіи Лимберга къ Миллеру, который поручалъ ему набрать полный экземпляръ газетъ 1759 года.

19. Московскія Вѣдомости 1759 года N 78.

20. Протоколъ засѣданія 20-го Октября.

21. Должно думать, что переводъ сдѣланъ былъ съ Нѣмецкаго перевода.

22. Рейхель въ письмахъ своихъ къ Миллеру приноситъ такія жалобы: «Вы справедливо замѣчаете, что довершеніемъ моего періодическаго изданія я обязанъ счастливому случаю. Въ переводчикахъ недостатка не было; хороши ли они были, про то знаютъ боги; но это племя искаженное. Они не хотятъ переводить то, что предлагаютъ имъ, но выбираютъ сами, а выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на особенныя матеріи. Если бы я съ этими людьми не взялъ возжей въ руки, изъ моего періодическаго изданія вышла бы помойная яма. Слава Богу, что я еще такъ успѣлъ; но впередъ буду остороженъ. Особенно съ такими книгопродавцами не желалъ бы имѣть дѣла». Онъ жалуется на Вевера, что за содѣйствіе его къ переводу басенъ Гольберга не только не получилъ онъ экземпляра Русскаго перевода, но даже не возвратилъ и Нѣмецкаго подлинника, за который Веверу заплатилъ деньги.

23. О томъ, что Свѣтлѣйшій Князь Лопухинъ былъ питомцемъ Университета говоритъ Профессоръ Геймъ въ рѣчи своей: Ueber den Zustand der Wissenschaften in Russland unter dem Paul dem Ersten und von den Verdiensten dieses erhabenen Monarchen um dieselben, произнесенной Іюня 29-го, 1799 г., и напечатанной тогда же съ Русскимъ переводомъ подъ заглавіемъ: О состояніи наукъ въ Россіи подъ покровительствомъ Императора Павла Перваго. Вотъ слова изъ этой рѣчи по современному переводу: «Чье сердце не исполнится радости и не возгордится мыслію, что величайшей довѣренности Монаршей удостоенный, всѣми Россіянами досточтимый Князь Лопухинъ, у насъ положилъ основаніе тѣмъ знаніямъ, которыя дѣлаютъ его нынѣ способнымъ отправлять съ тонкимъ благоразуміемъ толь важныя и многообъемлющія ввѣренныя ему званія, и исполнять самыя труднѣйшія должности къ удовольствію своего Государя и къ счастію многочисленныхъ народовъ? По справедливости возгордится Университетъ такимъ воспитанникомъ, тѣмъ паче, что

онъ съ чувствомъ признательности помнить его, и не оставляетъ споспѣшествовать общеполезной цѣли сего столь полезнаго училища.» Петръ Лопухинъ встрѣчается въ спискахъ съ 1759 года, слѣдомъ за Денисомъ фонъ-Визинымъ, и въ 1761 году произведенъ въ Студенты.

24. Говорю: можетъ быть, потому что не отыскавъ нами единственный печатный списокъ Студентовъ, произведенныхъ въ 1762 году. См. объ этомъ въ концѣ 4-й главы.

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
въ царствованіе
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. АЛЕКСѢЕВНЫ.

отъ 28-го Іюня 1762 г. до 6-го Ноября 1796 года.

(ГЛАВЫ III, IV, V и VI.)

ГЛАВА III.

СОДЕРЖАНІЕ.

Московскій Университетъ при Екатеринѣ II. — Узаконенія Императрицы, касающіяся Университета. — Щедроты Императрицы Екатерины Университету. — Пожертвованія частныхъ лицъ Московскому Университету. — Кураторы въ царствованіе Екатерины II.

—

Московскій Университетъ, основанный Императрицею Елисаветою и ущедренный своею Основательницею, является, въ царствованіе Екатерины II, уже государственнымъ учрежденіемъ, глубоко пустившимъ корни свои въ жизнь народа и дѣйствующимъ согласно намѣреніямъ Правительства, въ неутомимомъ стремленіи его къ образованію Отечества. Иностранцы, въ началѣ по необходимости призванные въ Университетъ, живучи въ Москвѣ, все болѣе и болѣе примѣняются къ духу и потребностямъ нашей жизни и наконецъ, по большей части, уступаютъ мѣсто Русскимъ Профессорамъ, уже собственнымъ воспитанникамъ Университета, довершившимъ свое ученое образованіе за границею. Наука, до сихъ поръ не знавшая иного языка кромѣ Латинскаго, въ устахъ новаго Рускаго поколѣнья ученыхъ открываетъ для себя народный органъ — Русскій языкъ. Московскій Университетъ при Екатеринѣ II.

Разсмотримъ сначала узаконенія, касающіяся Университета въ царствованіе Екатерины II. Въ 1763 г.[1] Узаконенія Императрицы, касающі-

ася. Универ-ситета.

Академія Художествъ окончательно отдѣлена была отъ Московскаго Университета—и повелѣно получаемые ею 20,000 рублей изъ таможенныхъ сборовъ и 6,000 изъ Штатсъ-Конторы отпускать прямо въ Академію. Управленіе этимъ учрежденіемъ, за отлучкою Шувалова, поручено Бецкому; но Шуваловъ однако, до конца жизни своей, оффиціально сохранялъ титулъ перваго учредителя Академіи Художествъ. Въ 1766 г. истекалъ срокъ Высочайшему повелѣнію отпускать въ теченіи семи лѣтъ по 20,000 рублей изъ винныхъ доходовъ на содержаніе Университета. Сенатъ донесъ о томъ Императрицѣ, указалъ на высоко-нравственное значеніе Университета въ отношеніи къ воспитанію юношества и испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія касательно этой суммы. Императрица повелѣла отпускать ее по прежнему.[2] Кромѣ того, указомъ 1782 г. Іюня 1-го, прибавлено къ штатной суммѣ Университета еще 6000 рублей, впредь до изданія новаго штата, ради «пользы,» какъ въ указѣ сказано, «которую многія мѣста заимствуютъ отъ умноженія въ Московскомъ Университетѣ наукъ и учащихся и для дальнѣйшаго того распространенія.»

Отдача суммъ Университета въ частныя руки, хотя умножала проценты, но привела самые капиталы его въ большое разстройство. Отдавать же деньги подъ залоги деревень Университетъ не имѣлъ права, потому что законы не позволяли присвоивать ему деревень и писать на имя свое крѣпости: въ случаѣ несостоятельности должниковъ его, надлежало бы прямо продавать ихъ съ аукціона. Указомъ 5-го Маія 1775 года, повелѣно Университету ввѣрять свои капиталы Дворянскимъ банкамъ по 6-ти процентовъ, съ тѣмъ, чтобы они не вычитали у него на свои расходы шестаго процента со ввѣренной имъ суммы.

Извѣстны обширные планы Императрицы Екате-

рины о распространеніи просвѣщенія по всей Россіи. Она намѣревалась основать Университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ, и учредить Гимназіи въ большей части губернскихъ городовъ Россіи[3]. Сумма, назначенная для Университетовъ, простиралась до 568,687 рублей[4]. Мысль Екатерины была исполнена Императоромъ Александромъ, но въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Болѣе дѣятельное вниманіе обращено было Правительствомъ, по настоявшей потребности, на образованіе нисшихъ классовъ народа. Съ этою цѣлію учреждена была Коммиссія для народныхъ Училищъ, указомъ 7-го Сентября 1782 года. Московскій Университетъ, вмѣстѣ съ Академіею Наукъ, былъ назначенъ въ помощники Коммиссіи въ ея важныхъ занятіяхъ. Указъ 4-го Марта, 1784 года, говоритъ: «Коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ, по дѣламъ ей ввѣреннымъ на пользу и просвѣщеніе народное, имѣя надобность въ ученыхъ людяхъ, ни отъ кого въ томъ лучшаго пособія заимствовать не можетъ какъ отъ Нашихъ здѣшней Академіи Наукъ и Московскаго Университета.» А потому Профессоры его и Адъюнкты могли быть призываемы въ Коммиссію, съ сохраненіемъ должностей своихъ и жалованья при Университетѣ. Когда указомъ 7-го Іюня, 1785 года, предписано было Московскому Главнокомандующему, Графу Якову Александровичу Брюсу, завести по всѣмъ частямъ столичнаго города народныя училища и между ними одно Главное, согласно съ наставленіями, заимствованными у Коммиссіи, для той цѣли учрежденной,—объ Московскомъ Университетѣ сказано было, что онъ, вмѣстѣ съ Заиконоспасскою Академіею, обязанъ подать въ этомъ дѣлѣ помощь всевозможную. Когда, указомъ 29-го Января 1786 года, повелѣно было Коммиссіи сочинить планъ

для учрежденія Университетовъ и Гимназій въ разныхъ концахъ Россіи, Московскій Университетъ обязанъ былъ тѣмъ же «всемѣрнымъ пособіемъ» передъ Коммиссіей, когда она того потребуетъ.

Правительствующій Сенатъ, въ 1777 году, предложилъ Московскому Университету вопросъ: можетъ ли онъ экзаменованными и достойными учителями наполнить всѣ мѣста, имѣющія въ нихъ нужду, равно удовольствовать и отдаленныхъ отъ Москвы жителей, желающихъ имѣть таковыхъ для обученія дѣтей своихъ? Университетъ отвѣчалъ, что не имѣя свѣдѣнія ни объ мѣстахъ, ни о семействахъ, нуждающихся въ учителяхъ, онъ требуемаго извѣстія представить Сенату не можетъ. Тогда повелѣно было Сенатскимъ указомъ, Октября 30-го 1777 года, чтобы Университетъ доставилъ свѣдѣніе Сенату о томъ, сколько со времени учрежденія Университета донынѣ вышло въ учители Студентовъ, и впредь постоянно давалъ бы знать Сенату, сколько ихъ когда выпущено будетъ и съ какими аттестатами[5]. Кромѣ ограниченнаго числа выходившихъ въ учители Студентовъ и огромнаго количества повсемѣстныхъ требованій, Университетъ не могъ удовлетворить видамъ Правительства доставленіемъ Русскихъ учителей и по другой еще причинѣ. Иностранное воспитаніе брало повсюду въ Россіи перевѣсъ надъ отечественнымъ. Во всѣхъ городахъ заводимы были пансіоны заѣзжими иностранцами. Въ частные дома приглашали по преимуществу иностранцевъ. Указъ 1757 года, Маія 5-го, оставался безъ исполненія. Многіе иностранные учители въ Москвѣ и замосковныхъ городахъ содержали отъ себя пансіоны и школы, а иные жили въ партикулярныхъ домахъ и обучали юношество, не имѣя ни откуда на то свидѣтельства и надлежащихъ аттестатовъ. Университетъ черезъ объявленіе въ своихъ Вѣдомостяхъ,[6]

подтверждалъ имъ силу Именнаго указа; школамъ и пансіонамъ, ему извѣстнымъ, обѣщалъ свое содѣйствіе присутствіемъ членовъ Университета на ихъ испытаніяхъ; учителямъ же, не являвшимся для экзамена, назначалъ сроки и угрожалъ штрафами; но въ отвѣтъ на угрозы являлись весьма немногіе. Университетъ доносилъ о томъ Сенату, въ 1772 году, Декабря 31-го. Но Сенатъ отложилъ еще чинить исполненіе о подтвержденіи указа 1757 года.[7]

Въ 1785 году, указомъ Октября 7-го, повелѣно было всѣ пансіоны и школы въ Москвѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по установленіямъ или жалованнымъ грамотамъ ввѣрены особенному духовному или свѣтскому управленію, осмотрѣть особенной Коммисоіи, которая должна была состоять изъ членовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, изъ двухъ ученыхъ духовныхъ особъ по назначенію Пресвященнаго Архіепископа Московскаго и изъ двухъ Профессоровъ Московскаго Университета. При осмотрѣ слѣдовало наблюдать: совершается ли ученіе относительно Закона Божія, для Русскихъ по точности догматовъ Православной Вѣры нашей, для иновѣрныхъ по ихъ исповѣданіямъ; чтобы всякое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были; чтобы для ученія употреблялись преимущественно книги, изданныя Коммисcіею для народныхъ училищъ, или употребляемыя въ другихъ училищахъ; чтобы учители были испытаны въ знаніяхъ, способностяхъ, нравѣ и образѣ мыслей. Всѣ училища, несоотвѣтствующія симъ требованіямъ, приказано упразднить, а новыя заводить не иначе, какъ по дозволенію Приказа, куда на этотъ конецъ приглашать двухъ духовныхъ особъ, назначенныхъ Преосвященнымъ, и двухъ Профессоровъ Московскаго Университета.

Наравнѣ съ Академіей Наукъ, Университетъ, по-

слѣдующая: «Повелѣніемъ и щедротою Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя начато строеніе сего главнаго корпуса Императорскаго Московскаго Университета Царствованія Ея въ двадесятъ пятое лѣто, отъ Рождества Христова въ 1786 году, при Наслѣдникѣ Ея Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ и Супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ и чадѣхъ Ихъ Благовѣрныхъ Государѣхъ, Великихъ Князѣхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ, и Благовѣрныхъ Государыняхъ Великихъ Княжнахъ Александрѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ и Маріи Павловнѣ. При главномъ начальствѣ въ ономъ Университетѣ Господъ Кураторовъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Оберъ-Камергера и разныхъ орденовъ Кавалера Ивана Ивановича Шувалова, Тайнаго Совѣтника Ивана Ивановича Мелиссино и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михаила Матвѣевича Хераскова. Строеніе производилось подъ смотрѣніемъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и онаго жъ Университета Директора Павла Ивановича Фонъ-Визина Архитекторомъ Надворнымъ Совѣтникомъ Матвѣемъ Козаковымъ.»

Начало слѣдующаго 1787 года ознаменовано было новою щедротою Императрицы: годовой доходъ Университета, кромѣ 6,000 рублей, пожалованныхъ указомъ 1782 года, умноженъ еще суммою въ 9,000 руб. Въ 1788 году, по ходатайству Куратора Мелиссино, Московскій Главнокомандующій Петръ Дмитріевичь Еропкинъ выпросилъ у Императрицы домъ Межевой Канцеляріи, въ которомъ помѣщенъ былъ Благородный Пансіонъ при Университетѣ.

Въ 1791 году, Апрѣля 5-го, освященъ былъ новоустроенный въ самомъ домѣ Университета храмъ во

имя Св. Великомученицы Татіаны, «въ незабвенное воспоминаніе достойно чтимаго дня, въ который утвержденъ проэктъ объ Университетѣ.» Митрополитъ Платонъ совершилъ освященіе церкви и сказалъ по этому случаю слово: «*О важности и силѣ освященія храма.*» Онъ указалъ на семь даровъ Духа Святаго, которыми храмъ содержится, украшается и утверждается: на премудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе и страхъ Божій. Онъ далъ совѣтъ, какъ воспитывать въ себѣ, въ церкви Бога живаго, во внутреннемъ храмѣ своемъ, эти святые дары, — и здѣсь прилично мѣсту, гдѣ внѣшній храмъ устроенъ, говорилъ особенно о премудрости, о необходимости соединенія разума съ любовію; отличилъ мудрость духовную отъ плотской тѣми признаками, на какіе въ ней указываетъ самъ Апостолъ, и такъ заключилъ свое слово: «Нынѣ освятили мы храмъ сей: а чрезъ то благоволилъ Господь обоя совокупить во едино. Училище наукъ и училище Хрістово стали быть соединенны: мудрость мірская внесенная во святилище Господне становится освященною: одно другому спомоществуетъ; но притомъ одно другимъ утверждается. Свѣтъ малый и свѣтъ великій происходитъ отъ единаго Отца Свѣтовъ. Прекрасное зрѣлище, когда дикая маслина, будучи привита къ маслинѣ тучной и благоплодной, дѣлается и сама плодоносною.

«Вы, рачители премудрости, вы, здѣшняго знаменитаго училища питомцы, сей священный союзъ храните благочестіемъ и добродѣтелію. Въ затрудненіяхъ вашего понятія, во искушеніяхъ своихъ, притекайте къ сему святилищу, и открывайте свои нужды съ сыновнею свободностію, Отцу щедротъ и Богу всякія утѣхи. Отверзайте уста алчущія правды и наполнитеся духа. Сей храмъ будетъ васъ освящать невидимымъ Божіимъ присутствіемъ: а вы его освящайте своимъ

благоговѣніемъ: такимъ образомъ изъ одного храма устроите два: или паче два соедините въ единъ, въ жилище Господне.

«Ты же вездѣсущій и вся исполняющій! подаждь храму сему ту благодать, да чего воспросятъ у Тебе на мѣстѣ семъ, и Ты услыши на небеси горѣ, и милостивъ буди имъ. Аминь.»[10]

Слово Архипастыря умилило всѣхъ, ему внимавшихъ. Іеромонахъ Викторъ, опредѣленный къ храму въ настоятели, говорилъ Митрополиту благодарственное слово. Кураторъ Мелиссино, отъ имени всего училища, поднесъ ему привѣтственные стихи.

Наступила Пасха. Готовились служить воскресную утреню въ новоосвященномъ храмѣ. Пріѣзжаетъ нарочно посланный отъ Императрицы и привозитъ въ даръ Университету полную богатую ризницу для его церкви. Внезапно престолъ и жертвенникъ облеклись въ новыя одежды; потиръ и дискосъ покрыты сіяющими воздухами; на аналои надѣты пелены изъ богатой золотой парчи, обложенной серебрянымъ гасомъ; Священники облачились въ новое благолѣпіе. Даръ, которымъ Государыня какъ бы христосовалась съ Университетомъ въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, умножилъ въ сердцахъ Начальниковъ, Профессоровъ и питомцевъ, радость духовнаго торжества.

Строеніе заложеннаго въ 1786 году зданія продолжалось семь лѣтъ. Въ теченіи этого времени, Университетъ, по недостатку помѣщенія, не могъ разсылать повсюду обычныхъ приглашеній къ торжествамъ своимъ. Но въ 1793 году, Октября 26-го, празднуя бракосочетаніе Государя Великаго Князя Александра Павловича и Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны, Университетъ открылъ въ первый разъ для торжественнаго акта свою новую большую аудиторію.

Подражая щедротамъ Императрицы, многія частныя лица благородно соревновали другъ другу въ пожертвованіяхъ Университету. Здѣсь съ благодарностью помянемъ имена ихъ и дары, ими принесенные.

Пожертвованія частныхъ лицъ Московскому Университету.

Прокопій Акинѳіевичь Демидовъ, въ 1779 г. Января 11-го, наканунѣ незабвеннаго дня учрежденія, при письмѣ на имя Шувалова, прислалъ 10,000 рублей для Московскаго Университета, и въ томъ же году, Іюня 30, когда Университетъ праздновалъ актъ свой въ присутствіи перваго своего учредителя, Шувалова, и одинъ изъ Студентовъ-пансіонеровъ Демидова сказалъ своему благодѣтелю благодарное привѣтствіе, Прокопій Акинѳіевичь прислалъ къ Шувалову другіе 10,000 рублей. Вольное Россійское собраніе, учрежденное Куратором Мелиссино, избрало Демидова въ свои Члены и привѣтствовало его особенною рѣчью. Сумма, пожертвованная Демидовымъ, подъ названіемъ *Демидовскаго пансіона*, отдана была въ Московскій банкъ съ тѣмъ, чтобы на проценты, съ нея получаемые, могли содержаться въ Университетѣ шестеро Студентовъ и выходить не только въ учители, но и въ Профессоры. Въ 1779 году, въ число Демидовскихъ пансіонеровъ приняты были Студенты: Яковъ Рѣпинъ, Василій Аршеневскій, Матвѣй Гавриловъ, Михаилъ Степановъ, Николай Поповъ, Михаилъ Багрянской; изъ нихъ, впослѣдствіи, Аршеневскій и Гавриловъ были Профессорами. Конференція, съ позволенія Кураторовъ, поручила Демидовскихъ пансіонеровъ подъ надзоръ Профессору фонъ Шварцу, который обязанъ былъ прилагать объ нихъ особенное стараніе въ учебномъ и педагогическомъ отношеніяхъ. Студенты, 20-го Ноября, подъ руководствомъ Профессоровъ Шварца и Сырейщикова, ѣздили благодарить Прокопія Акинѳіевича.

Университетъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы въ сердцахъ питомцевъ постоянно жива была благодарность къ ихъ благотворителямъ. Для этой цѣли употреблялъ онъ нѣкоторые обряды на своихъ публичныхъ торжествахъ. Сюда относится въ 1774 году благодарное воспоминаніе о Тайномъ Совѣтникѣ, Сенаторѣ Михаилѣ Григорьевичѣ Собакинѣ, учредившемъ стипендію для двухъ Студентовъ: это воспоминаніе произносили публично его пансіонеры на двухъ языкахъ, Латинскомъ и Русскомъ. Такъ и Демидовскіе питомцы обязаны были, по предписанію Шувалова, ежегодно на актѣ благодарнымъ словомъ привѣтствовать или вспоминать своего благодѣтеля.

Въ 1786 году, по кончинѣ Прокопія Акинѳіевича, Ноября 14-го, родственники совершали его погребеніе: Университетъ прислалъ его питомцевъ ко гробу усопшаго. Непритворное усердіе и благодарность, обнаруженныя ими при этомъ обрядѣ, возбудили вниманіе родственниковъ покойнаго. Братъ, супруга, дѣти и всѣ его ближніе выразили черезъ газеты свою благодарность и Начальству Университета и тѣмъ питомцамъ, «которые примѣрнымъ наблюденіемъ порядка, благопристойности и нелестнаго сожалѣнія изъявили послѣдній и достохвальный долгъ благодарныхъ чувствованій къ умершему.»

Супруга Прокопія Акинѳіевича, Татьяна Васильевна, и сыновья его, Акакій, Левъ и Аммосъ Прокопьевичи, въ 1789 году, почтили память покойнаго благотворителя Университета новою жертвою и подарили ему тотъ знаменитый гербарій, который Демидовъ самъ собиралъ съ необыкновеннымъ стараніемъ, и также нѣкоторую часть его библіотеки.

Въ 1783 году скончался другой благотворитель Университета, Коллежскій Ассессоръ Яковъ Борисовичь

Твердышевъ. Онъ пожертвовалъ Московскому Университету на содержаніе извѣстнаго числа Студентовъ также 20,000 рублей, кромѣ другой такой же суммы, опредѣленной имъ на благотворительныя учрежденія въ Москвѣ. Университетъ почтилъ память его стихами на его погребеніе, которыя тогда же были напечатаны въ Вѣдомостяхъ. Въ 1785 году, Марта 12-го, Свѣтлѣйшій Царевичь Грузинскій, Георгій Вахтанговичь, подарилъ Университету для той же цѣли 10,000 рублей. Университетъ публично выразилъ Царевичу свою благодарность, обѣщаясь поселить ее въ сердцахъ питомцевъ, которые будутъ ему обязаны дарами образованія.

Въ 1782 году, Іюня 15-го, одинъ неизвѣстный объявилъ Кураторамъ письменно о намѣреніи своемъ учредить при Университетѣ Семинарію переводчиковъ для переложенія лучшихъ иностранныхъ писателей и особенно нравоучительныхъ сочиненій на Русской языкъ. Съ этою цѣлію онъ принялъ на себя обязанность содержать на своемъ иждивеніи шестерыхъ Студентовъ и сверхъ того содѣйствовать всѣми средствами Студентамъ Университетской Семинаріи въ ихъ ученыхъ упражненіяхъ. Друзья жертвователя послѣдовали его примѣру и обѣщались содержать еще десятерыхъ Студентовъ.

Такая ревность любителей образованія одушевила иностранныхъ ученыхъ, жившихъ въ Москвѣ, на такіе же подвиги. Профессоръ Іоаннъ Георгъ Шварцъ взялся читать публичныя лекціи безъ жалованья и платы. Его примѣру послѣдовалъ Лиценціатъ правъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ теоретическихъ юриспрудентовъ, Шнейдеръ. Онъ вступилъ въ Университетскую службу безъ жалованья и объявилъ публичный курсъ: *о силѣ законовъ*, по руководству Монтескье, на Латин-

скомъ языкѣ *для* Студентовъ, на Французскомъ *для* любителей изъ Русскаго Дворянства. Университетъ далъ титулъ Почетнаго Профессора Лиценціату Шнейдеру, въ знакъ благодарности за его безмездный трудъ.

Похвальные подвиги Русскихъ и иностранцевъ на пользу просвѣщенія въ Россіи воспламенили многихъ патріотовъ на пожертвованія. Такъ основалось при Университетѣ *Ученое дружеское Общество* и поставило цѣлью своей взаимной связи способствовать, сколько возможно, распространенію Русской Словесности. Мы увидимъ послѣ, какъ Новиковъ оживлялъ типографскіе станки Университета, дѣйствуя отъ имени общества, и какъ въ этомъ прекрасномъ разсадникѣ разцвѣлъ и созрѣлъ умственными силами нашъ славный Карамзинъ.

Маіоръ Лейбъ-гвардіи, Петръ Алексѣевичь Татищевъ, одушевленный полезною мыслію учрежденія Семинаріи для переводчиковъ, принялъ на себя также содержаніе шестерыхъ Студентовъ. Многіе неизвѣстные благотворители скрывали въ этомъ полезномъ дѣлѣ имена свои. Дружеское Общество, умноживъ свои средства, желало быть полезнымъ и для духовныхъ училищъ, а потому на мѣста шести Татищевскихъ пансіонеровъ изъявило намѣреніе принять Студентовъ изъ духовныхъ Семинарій. Тогда-то изъ Троицкой Академіи и Семинаріи приняты были Студенты, Матвѣй Десницкій и Стефанъ Глаголевскій, которыхъ, впослѣдствіи, ожидалъ Святительскій санъ на Митрополіи С. Петербургской и Новгородской подъ славными именами Михаила и Серафима.

Примѣры же Профессоровъ Шварца и Шнейдера побудили одного изъ достойнѣйшихъ иностранныхъ учителей въ Москвѣ, Борденаве, принять на себя безмездное обученіе Французскому языку въ Университетской Гимназіи.

Фамилія Демидовымъ не переставала благотворить Университету и Русскому просвѣщенію. Подобныя пожертвованія были въ ихъ семейномъ духѣ, сдѣлались благородными признаками ихъ рода. Павелъ Григорьевичь Демидовъ, двоюродный братъ Прокопія Акинѳіевича, основатель впослѣдствіи Ярославскаго Лицея, еще въ 1778 году, началъ свои благотворенія Московскому Университету.

Кураторы и Профессоры намѣрены были устроить при Университетѣ модельную камеру и опредѣлили на то ежегодную сумму. Демидовъ, узнавъ о томъ, прислалъ немедленно въ Университетъ превосходное собраніе моделей, относящихся до горнаго и плавильнаго искусства и представляющихъ разныя штольны, шахты, печи, машины и инструменты. Все это собраніе было, по заказу его, изготовлено лучшими мастерами въ Фрейбергѣ, Саксонскомъ городѣ, славномъ горными заводами. Должно замѣтить, что металлургія и горное дѣло преподаваемы были въ Университетѣ Профессоромъ Ростомъ и что такое собраніе моделей являлось необходимымъ пособіемъ для его каѳедры. Сверхъ того Демидовъ прислалъ въ даръ Университету 28 банокъ съ рѣдкими экземплярами изъ царства животныхъ, сохранявшимися въ спиртѣ. Онъ пріобрѣлъ ихъ самъ въ Парижѣ изъ кабинета одного ученаго.

Готовились начать каменное строеніе въ Университетѣ: Никита Акинѳіевичь Демидовъ, узнавъ о томъ, написалъ къ Шувалову, 1779 года Декабря 11-го, письмо, въ которомъ обѣщался выставить для кровли Университетскаго дома 5,500 листовъ чернаго аршиннаго желѣза съ своихъ заводовъ, — и исполнивъ обѣщаніе, въ 1781 году Маія 8-го, прислалъ еще 800 пудъ лучшаго связнаго желѣза на укрѣпленіе стѣнъ Университетскаго дома.

Оберъ-Шталмейстеръ, Генералъ-Аншефъ и Дѣйствительный Камергеръ, Петръ Спиридоновичь Сумароковъ, въ 1780 году, подарилъ Университету домъ свой за Красными воротами, на Ольховцѣ, съ садомъ и оранжереями, для заведенія ботаническаго сада или для другой цѣли. Университетъ, въ знакъ благодарной памяти, опредѣлилъ этому дому называться Университетскимъ Сумароковскимъ. Цѣль жертвователя не была достигнута. Ботаническій садъ при Университетѣ былъ устроенъ гораздо позднѣе. Домъ же Сумароковскій отдавался внаймы.

Надворный Совѣтникъ Борисъ Михайловичь Салтыковъ, бывшій питомецъ Университета, любимецъ Шувалова и пріятный собесѣдникъ Вольтера въ его Фернейскомъ уединеніи, узнавъ о намѣреніи Университета построить новый каменный флигель для своихъ классовъ, по любви къ наукамъ и особенно къ мѣсту своего образованія, прислалъ ему въ подарокъ 500 тысячъ городоваго кирпича. Черезъ Салтыкова же, Членъ С. Петербургской Академіи Наукъ, Профессоръ Химіи и Ботаники, Лаксманнъ, въ 1783 году, подарилъ Университетскому кабинету Сибирскіе камни разнаго рода съ описаніемъ. Въ 1794 году, Титулярный Совѣтникъ Петръ Стариковъ принесъ въ даръ Университету порядочное количество золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ наилучшихъ штуфовъ и разныхъ Сибирскихъ камней. Нерѣдко, черезъ свои Вѣдомости, Университетъ изъявлялъ благодарность свою Вологодскому помѣщику, Алексѣю Александровичу Засѣцкому, за древнія книги и рукописи, и за рѣдкія произведенія природы.

Поминая тѣхъ, которые съ своими пожертвованіями завѣщали намъ имена свои, не забудемъ и неизвѣстнаго жертвователя, который въ 1770 году при-

слалъ Университету Липпертову Дактиліотеку, состоящую въ 3,000 снимкахъ съ лучшихъ древнѣйшихъ рѣзныхъ камней, а въ 1772 собраніе Шведскихъ медалей, снятыхъ искусствомъ славнаго медальера Гедлингера, и портретъ Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова. Жертвователь любилъ сопровождать дары свои стихами. Университетъ утѣшалъ его, печатая стихи и извѣщая публику объ дарахъ, а подлинныя его письма хранилъ въ Библіотекѣ. Въ 1779 году, Декабря 14-го, неизвѣстный любитель наукъ прислалъ въ библіотеку Университета болѣе ста бронзовыхъ медалей, большею частію Русскихъ, весьма искусно сдѣланныхъ.

Этотъ рядъ прекрасныхъ благотвореній отъ частныхъ лицъ нашему Университету, совершенныхъ въ царствованіе Екатерины II, мы заключимъ благородною чертою знаменитаго питомца его, Князя Потемкина - Таврическаго. Григорій Александровичъ всегда съ благодарностію помнилъ о мѣстѣ своего ученья, гдѣ раскрылись его счастливыя способности. Онъ хотѣлъ выразить свои признательныя чувства Университету на дѣлѣ — и, въ началѣ 1791 года, опредѣлилъ доходы съ своей Ачуевской дачи, съ ея рыбными ловлями и солеными озерами, на умноженіе Университетскаго капитала. Но Университетъ узналъ о томъ, уже по кончинѣ своего благодарнаго и великодушнаго питомца. Генералъ-Поручикъ Атаманъ войска Донскаго, Алексѣй Ивановичъ Иловайскій, принявъ по просьбѣ Свѣтлѣйшаго въ свое смотрѣніе и охраненіе помянутые доходы, все что было собрано по кончину доброхотнаго дателя, 7,468 рублей доставилъ Московскому Университету.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины (1762—1796), кромѣ Шувалова, который до конца жизни

Кураторы въ царствованіе Екатерины II.

сохранялъ званіе учредителя и перваго Куратора Московскаго Университета, было три Куратора: Ададуровъ съ 1762 по 1771 годъ (въ дѣятельной должности), Мелиссино съ 1771 по конецъ своей жизни и Херасковъ съ 1778 до новаго Университетскаго Устава при Императорѣ Александрѣ, когда Кураторы замѣнились Попечителями.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ третіей Главѣ.

1. Указъ 2-го Марта 1763 года.

2. Указъ 20-го Февраля, 1766 года. Мнѣніе Сената выражено слѣдующими словами: «какъ въ семъ Училищѣ главное наученіе производится о настоящемъ познаніи душевныхъ добродѣтелей и ко исправленію нравовъ на Богоугодное и обществу полезное употребленіе»....

3. Указъ 4-го Сент. 1784 и 29-го Января 1786 года.

4. Указъ 16-го Октября, 1786 года.

5. Эти рапорты Московскаго Университета Сенату о выпущенныхъ изъ него Студентахъ должны храниться въ Сенатскомъ Архивѣ, но только не въ Москвѣ, а въ С. Петербургѣ.

6. Московскія Вѣдомости 1771 года. N 19-й.

7. Указъ 30-го Октября 1777 года.

8. Указъ Августа 19-го, 1781 года.

9. Этихъ стиховъ нѣтъ въ полномъ собраніи сочиненій Ломоносова. Вотъ они:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ, зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ Наукъ усердствуя плодомъ.

Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ нисходитъ до Наукъ,
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

10. Поучительныя слова Митрополита Платона. Томъ 15.

ГЛАВА IV.

КУРАТОРСТВО И. И. ШУВАЛОВА И В. Е. АДАДУРОВА.

СЪ ОКТЯБРЯ 1762 ГОДА ДО ФЕВРАЛЯ 1771 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ.

—

Василій Евдокимовичъ Ададуровъ былъ воспитанникомъ Академической Гимназіи въ Петербургѣ и нѣсколько времени Адъюнктомъ Математики; есть преданіе, что онъ преподавалъ Русской языкъ Императрицѣ Екатеринѣ II, когда она была еще Великою Княгинею. Передъ полученіемъ Кураторской должности, онъ служилъ въ Оренбургѣ, въ званіи товарища Губернатора. Немилость тяготѣла надъ нимъ въ царствованіе Императрицы Елисаветы. Изъ Оренбурга онъ велъ весьма В. Е. Ададуровъ.

дѣятельную переписку съ Академикомъ и бывшимъ наставникомъ своимъ, Миллеромъ; посылалъ ему чучелы и скелеты сайги для Академіи и для Линнея, также Арабско-Персидскія книжки религіозно-нравственнаго содержанія; самъ въ замѣну просилъ у Миллера всѣхъ современныхъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ сочиненій, для себя, и особенно учебныхъ книгъ для своей одиннацатилѣтней дочери, воспитаніемъ которой Ададуровъ занимался классически. Съ перемѣною царствованія, благодаря сильной протекціи, Ададуровъ въ 1762 году переселился въ Москву, а вскорѣ послѣ коронаціи Императрицы Екатерины II, въ концѣ Октября, пожалованъ въ Кураторы Московскаго Университета.

Ададуровъ въ тоже самое время былъ Президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи въ Москвѣ, много занимался осмотромъ и описаніемъ фабрикъ, а въ началѣ 1764 года пожалованъ въ Сенаторы. Дворъ находился еще тогда въ Москвѣ, когда онъ вступилъ въ Кураторскую должность. Въ письмахъ къ Миллеру жалуется онъ на безпорядки, какіе нашелъ въ экономическомъ содержаніи Университета; говоритъ о заботахъ своихъ у Двора, какъ бы поправить это плачевное состояніе, и о трудностяхъ, встрѣчаемыхъ имъ отъ происковъ людей, которые были виновниками безпорядковъ[3]. Профессоръ Рейхель увѣдомлялъ Миллера, что гнѣвъ новаго Куратора обращался особенно на канцелярію Университета.

Въ 1763 году Іюля 10-го, Директоръ Московскаго Университета, Мелиссино, былъ переведенъ Оберъ-Прокуроромъ въ Святѣйшій Сѵнодъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и съ 2000 р. годоваго оклада. На мѣсто его, Іюля 13-го, Директоромъ Университета назначенъ Надворный Совѣтникъ Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ, съ чиномъ Канцеля-

Директоръ М. М. Херасковъ.

ріи Совѣтника и съ 800 р. годоваго жалованья. Кромѣ того, для управленія дѣлами Канцеляріи и для наблюденія за расходомъ и денежными суммами, назначенъ былъ въ помощь Директору Титулярный Совѣтникъ Семенъ Жегулинъ, съ чиномъ Коллежскаго Ассессора и 500 р. въ годъ жалованья.

Имя Хераскова, уже встрѣчавшееся намъ и прежде, принадлежитъ также къ числу именъ, незабвенныхъ для Московскаго Университета. Миновала въ наше время его литературная слава; но память его будетъ жить въ лѣтописяхъ Университетскаго образованія. Почти все поприще его жизни и службы, отъ первой извѣстности до конца дней, за исключеніемъ одного только краткаго эпизода, было посвящено Московскому Университету. Съ именемъ Хераскова соединяется также память незабвеннаго основателя Университетскаго Благороднаго Пансіона, колыбели Жуковскаго и другихъ славныхъ мужей нашего отечества.

Пересмотръ проэкта Устава.

Ададуровъ былъ неутомимо-ревностенъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Прежде всего, по именному указу и Сенатскому повелѣнію, онъ добросовѣстно занялся пересмотромъ того огромнаго проэкта устава и штатовъ Университета, которые были уже начертаны Профессорами. У Миллера, съ которымъ продолжалъ онъ переписку, просилъ онъ штатовъ и регламента Академіи Наукъ, чтобы сообразоваться съ ними; просилъ также и совѣтовъ его, какъ ученаго, вполнѣ знакомаго съ состояніемъ Университетовъ Германіи. Къ этому времени, какъ думаю, относится черновая записка Миллера, хранящаяся въ его портфеляхъ и заключающая въ себѣ мысли его объ учрежденіи Московскаго Университета. Судя по тѣмъ Профессорамъ, [a] о которыхъ онъ здѣсь упоми-

Записка Миллера.

наетъ, опредѣляю время этого проэкта. Миллеръ думалъ, что Кураторъ съ Профессорами долженъ быть связанъ самою тѣсною, неразрывною связью, которой не должна была, по его мнѣнію, полагать никакой преграды Канцелярія Куратора. Въ первый разъ въ этомъ проэктѣ изложена мысль о Ректорѣ, избираемомъ Профессорами временно изъ каждаго факультета по очереди. Жалованья Профессорамъ, замѣчаетъ Миллеръ, назначено больше противъ многихъ Университетовъ Германіи; но это потому, что въ сихъ послѣднихъ существуютъ еще старинные уставы, утвержденные тогда, когда деньги были слишкомъ дороги: въ Университетѣ же Геттингенскомъ, который учрежденъ недавно, жалованье увеличено противъ старыхъ Университетовъ. Порядокъ факультетовъ Миллеръ полагаетъ также какъ за границею: юридическій, медицинскій и философскій, ссылаясь на то, что иностранцы, призываемые въ Россію, оскорбляются, когда юриспрудента сажаютъ въ конференціи ниже Профессора Философіи. Старшинство же службы должно быть наблюдаемо въ засѣданіяхъ факультетовъ.

Касательно доходовъ Университета, Миллеръ увлекся странною мыслію: онъ желалъ, чтобы Правительство отвело села и деревни для Университета въ такомъ количествѣ, чтобы доходы съ нихъ равнялись 30,000 руб. Онъ указывалъ даже на имѣнія около Москвы, отошедшія отъ монастырей по указу 26-го Февраля 1764 года; желалъ, чтобы Университету дано было право пріобрѣтать имѣнія на деньги, жертвуемыя благотворителями. Начальники Университета, Шуваловъ и Мелиссино, также думали; но Правительство поступило благоразумнѣе, рѣшивъ, что управленіе помѣстьями также мало принадлежитъ ученымъ, какъ и духовенству.

Миллеръ настаивалъ на томъ, чтобы Профессорамъ опредѣлены были значительные чины, согласно съ общимъ устройствомъ государственной службы въ Россіи; чтобы Профессоръ отличенъ былъ чиномъ отъ домашняго учителя, который во многихъ домахъ Русскихъ стоялъ тогда наравнѣ съ лакеемъ. Академикъ разбираетъ причины тому, отъ чего дворяне не идутъ въ Профессоры; находитъ необходимымъ внушить дворянству любовь къ наукамъ, открыть ему путь къ нимъ черезъ соединеніе занятій ученыхъ съ преимуществами служебными. Эти средства, по его мнѣнію, у насъ тѣмъ необходимѣе, что въ Россіи нѣтъ средняго сословія, а въ разночинцахъ наука будто бы приняться не можетъ, по причинѣ ихъ дурныхъ нравовъ и отсутствія у нихъ всякаго воспитанія.

Ученый Нѣмецъ, не смотря на то, что добросовѣстно изучалъ наше отечество, не понялъ въ немъ значенія духовнаго сословія, которому у насъ суждено было произвести наибольшее число ученыхъ. Профессоры Университетовъ Русскихъ были, по большей части, дѣтьми служителей алтарей Господнихъ.

Между тѣмъ какъ Ададуровъ трудился надъ разсматриваніемъ проэкта, Профессоръ Рейхель, пробывъ 4 мѣсяца въ Петербургѣ, привезъ на имя Профессоровъ отъ Тайнаго Совѣтника и Сенатора, Адама Васильевича Олсуфьева, письмо, въ которомъ выражена была Высочайшая воля Императрицы, чтобы они «сочинили точному Императорскаго Московскаго Университета положенію и содержанію штатъ, употребя на то съ полученія сего не болѣе трехъ недѣль времени,» и оный штатъ для поднесенія Ея Величеству прислали бы къ нему. Письмо было прочтено въ конференціи, и Профессоры опредѣлили собираться ежедневно для скорѣйшаго окончанія этой работы.

Дѣйствіе Рейхеля было причиною непріятностей

между нимъ и Куратором. По случаю процесса Дильтея и разговора, бывшаго между нимъ и Директоромъ, сдѣланъ былъ Рейхелю именемъ Правительствующаго Сената выговоръ въ засѣданіи Конференціи. Между тѣмъ Профессоры возложили на Рейхеля окончательное сочиненіе проэкта штатовъ и просили Куратора, чтобы онъ на это время освободилъ его отъ лекцій; но Кураторъ на то никакъ не согласился и замѣтивъ, что Рейхель и безъ того отъ 8-го Декабря 1765 года по Апрѣль 1766 г. прочелъ не болѣе двухъ или трехъ лекцій, приказалъ ему быть исправнѣе, и другимъ Профессорамъ остерегаться подобныхъ злоупотребленій. Но Рейхель принесъ оправданіе свое противъ этихъ обвиненій. Это дѣло окончилось также вторичнымъ ему выговоромъ отъ Куратора.

Проэктъ Университетскаго Устава былъ написанъ Профессорами на Латинскомъ языкѣ. По именному повелѣнію, сообщенному черезъ Правительствующій Сенатъ Университетской Канцеляріи, переводъ Устава на Русскій языкъ порученъ былъ Профессору Барсову, который, будучи отягченъ многосложными занятіями, просилъ 17-го Ноября освободить его на время отъ Инспекторства Гимназіи, и получивъ помощь въ этомъ занятіи отъ Ректора Шадена, 8-го Декабря 1767 года, представилъ переводъ Устава, который и былъ черезъ Канцелярію препровожденъ въ Сенатъ.

Приглашеніе ученыхъ.

Послѣ устава и штатовъ, Кураторъ принялся дѣятельно за умноженіе средствъ ученія приглашеніемъ мужей ученыхъ. Настояла крайняя надобность образовать полнѣе факультеты юридическій и медицинскій. Для перваго Ададуровъ вызвалъ черезъ Миллера ученаго Нѣмца, Лангера, который, по оконча-

нія ученія своего въ Университетахъ Геттингенскомъ и Іенскомъ, въ 1759 г., былъ вызванъ въ Петербургъ въ домашніе наставники къ одному молодому человѣку. Здѣсь пробылъ онъ пять лѣтъ. Университетъ Кильской черезъ своего Куратора Барона де-Сальдернъ приглашалъ Лангера на каѳедру Экстраординарнаго Профессора—и въ то же самое время сдѣлано было ему предложеніе отъ Куратора Ададурова черезъ Академика Миллера для занятія каѳедры въ Московскомъ Университетѣ. Лангеръ предпочелъ Москву. Онъ не имѣлъ степени Доктора, что Ададурову было непріятно; однако не смотря на то, въ 1764 г., 12-го Августа, Лангеръ введенъ былъ въ Университетскую конференцію самимъ Куратором — и здѣсь прочелъ двѣ пробныя лекціи: de pactis ex jure naturae и потомъ: de successione ab intestato ex jure civili. Тогда же заключенъ съ нимъ контрактъ на три года и дана ему каѳедра Ординарнаго Профессора съ окладомъ 500 рублей въ годъ и съ квартирою въ домѣ Университета. Это назначеніе было особенно необходимо потому, что контракту съ Дильтеемъ истекалъ срокъ и его увольняли по нѣкоторымъ неудовольствіямъ. Кураторъ поручалъ Лангеру стараться особенно о пріобрѣтеніи познаній въ языкѣ Русскомъ, чтобы Профессоръ могъ скорѣе ввести занятія и Русскою Юриспруденціею. Лангеръ началъ читать Право положительное всеобщее, по системѣ Неттельбладта, но съ 1765 года сталъ уже требовать для своихъ лекцій экземпляра Россійскихъ указовъ. Въ томъ же году онъ занялъ мѣсто Секретаря Конференціи, по смерти Билона, и съ тѣхъ поръ протоколы конференціи писаны были на Латинскомъ языкѣ, который, по образу мыслей того времени, казался гораздо приличнѣе для дѣлъ ученыхъ.

Профессоръ Юриспруденція, Лангеръ.

Профессоръ Медицины, Эразмусъ.

Профессору Керштенсу было поручено чтеніе Врачебнаго Веществословія. Кромѣ его, для медицинскаго факультета былъ приглашенъ Профессоръ Эразмусъ, акушеръ, уже извѣстный въ Москвѣ съ 1757 года. Медицинская коллегія опредѣлила его на это мѣсто. Въ 1762 году онъ издалъ діэтетическую книгу: *Наставленіе, какъ каждому человѣку вообще въ разсужденіи діэты, а особливо женщинамъ въ беременности, въ родахъ и послѣ родовъ себя содержать надлежитъ.* Въ 1765 году онъ имѣлъ уже свой собственный домъ въ Москвѣ, на большой Дмитровкѣ, у Страстнаго монастыря, принадлежавшій прежде Князю Михаилу Ивановичу Долгорукому. Ададуровъ не вдругъ получилъ отъ Медицинской Коллегіи изъ Петербурга согласіе на то, чтобъ Эразмусъ, бывшій Докторомъ при повивальномъ домѣ въ Москвѣ, занялъ каѳедру въ Университетѣ. Баронъ Александръ Ивановичь Черкасовъ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе, довольно долго медлилъ отвѣтомъ. Эразмусъ, первый, открылъ каѳедру Анатоміи, Хирургіи и повивальнаго искусства въ Университетѣ и читалъ вступительную лекцію, 17-го Сентября 1764 года; но контрактъ съ нимъ трехлѣтній могъ быть заключенъ только въ Мартѣ 1765 года. Для лекцій Эразмуса устроенъ былъ анатомическій театръ. Въ слѣдующемъ году, Января 22-го, онъ просилъ дать двухъ прислужниковъ для его прозектора, и немедленно озаботился переводомъ на Латинскій языкъ и напечатаніемъ въ Университетской типографіи анатомическихъ таблицъ Шааршмидта. Преподаваніе не могло идти успѣшно по причинѣ трудности, съ какою Профессору надобно было доставать трупы для своихъ лекцій. 11 Ноября 1766 г., Эразмусъ представлялъ Конференціи, что ему необходимъ трупъ: Конференція просила Директора, чтобы онъ за тѣмъ отнесся съ просьбою къ полиціи.[5] Въ 1767

году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, Профессоръ Анатоміи три раза повторялъ туже самую просьбу о доставленіи труповъ въ театръ анатомическій; но все его просьба не исполнялась.[4]

Съ Шаденомъ и Рейхелемъ, которымъ истекали сроки, Кураторъ возобновилъ контракты. Особенно пріятно было Ададурову удержать Шадена Ректоромъ при Университетской Гимназіи: онъ умѣлъ оцѣнить его осьмилѣтнюю опытность, которая юношеству принесла уже много пользы. На каѳедру Нѣмецкаго языка и Литературы приглашенъ былъ въ 1763 году Лекторъ Гельтергофъ. Преподаваніе Французской Словесности, послѣ умершаго Лектора Билона, поручено было на время Италіянцу Котти, который училъ Италіянскому языку въ Гимназіи. Но вскорѣ замѣнилъ его Лекторъ де-Лери, а потомъ съ 1765 года Генрихъ де-Лави, въ теченіи 15 лѣтъ обучавшій Французскому языку въ Россіи. Не смотря на то Конференція потребовала отъ де-Лави пробной лекціи.

Возобновленіе контрактовъ.

Лектора.

Университетская канцелярія имѣла весьма непріятный процессъ съ Профессоромъ Дильтеемъ. Директоръ жаловался на него Куратору за частыя отлучки отъ лекцій. Въ самомъ дѣлѣ, приватные курсы, какъ видно, отвлекали Профессора отъ исполненія публичныхъ обязанностей. У него удержали жалованье. Нашли еще какіе-то недочеты въ типографіи, по случаю напечатанной имъ Универсальной Исторіи. Дильтей принесъ жалобу въ Сенатъ на канцелярію. Въ ней онъ исчислялъ обиды, ему сдѣланныя, что будто бы отвлекали Студентовъ отъ его лекцій, оскорбляли его въ старшинствѣ, удержали его жалованье безъ причины. Началось слѣдствіе; сдѣланы запросы

Процессъ съ Дильтеемъ.

главныя жалобы его состояли въ томъ, что кабинетъ физическій содержимъ былъ въ совершенномъ безпорядкѣ и что не рѣдко Профессоръ долженъ былъ отказывать Студентамъ въ опытахъ потому, что машины были неисправны. Въ 1766 году съ Ростомъ заключенъ былъ контрактъ еще на трехлѣтіе.

Выбытіе Профессора Фроманна и его книжка о Россіи.

Профессоръ Логики, Метафизики и Нравоученія Фроманнъ, послѣ осьмилѣтняго преподаванія въ Университетѣ этихъ предметовъ по Винклеру, пожелалъ возвратиться въ свое отечество. Его отпустили съ одобрительнымъ аттестатомъ 1-го Августа 1765 года. Тюбингенскій Университетъ предложилъ ему экстраординарную каѳедру Философіи — и Фроманнъ, благодарный Московскому Университету, избралъ предметомъ для разсужденія, которое долженъ былъ защищать, при вступленіи на каѳедру: *Состояніе наукъ и искусствъ въ Имперіи Русской*. Благородно высказалъ онъ здѣсь много похвальнаго во славу нашего отечества: успѣхи наши въ наукахъ были тогда неслыханною новостью за границею,[6]

Русскіе ученые.

Кураторъ, съ самаго начала своего вступленія въ должность, видя какъ непрочны Профессоры иностранцы для Университета, обратилъ вниманіе на Русскихъ молодыхъ ученыхъ, которые или учились за границею или успѣвали въ Московскомъ Университетѣ. Глазговская Академія прислала одобрительные аттестаты Студентамъ Третьякову и Десницкому, которые учились въ Глазговѣ. Афонинъ и Карамышевъ находились въ Упсалѣ подъ руководствомъ Линнея. Для чистой Математики рано образовались у насъ свои ученые, безъ пособія заграничныхъ Университетовъ. Семенъ Лобановъ, Адъюнктъ и Магистръ, былъ вызванъ изъ Университета въ Сухопутный Кадетскій Кор-

пусъ, въ 1762 году. На его мѣсто поступили двое: Магистръ Дмитрій Аничковъ и Баккалавръ Илья Ѳедоровъ. Первому поручено было заниматься со Студентами высшими частями чистой Математики, а второму Ариѳметикою съ тѣми, которые были въ ней слабы. По удаленіи Профессора Фроманна, въ 1765 году, Магистрамъ Аничкову и Урбанскому предложены были пробныя лекціи изъ Философіи, и въ слѣдствіе того Аничкову, кромѣ чистой Математики, поручено было чтеніе Логики и Метафизики, которое онъ и началъ съ 176⅚ академическаго года, слѣдуя Винклеровымъ Institutiones Philosophiae universae. Магистръ Аничковъ.

Семенъ Зыбелинъ и Петръ Веніаминовъ въ 1765 году возвратились въ Москву изъ-за границы. Совершивъ первоначальное образованіе въ Заиконоспасской Академіи, они приняты были въ Московскій Университетъ въ самый годъ его основанія. Здѣсь слушали лекціи Поповскаго, Барсова, Дильтея и Фроманна. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Университетѣ, Веніаминовъ, за болѣзнію Папафило, преподавалъ въ Гимназіи Греческой языкъ. Шуваловъ отправилъ ихъ сначала въ Кенигсбергъ. Здѣсь усовершенствовались они въ языкѣ Нѣмецкомъ: слушали Философію и Математику у Бука, Физику опытную у Тешке, Анатомію у Бюттнера по руководству Гейстера, и съ нимъ вмѣстѣ разсѣкали трупы, приватный курсъ Медицины у Вернера по Шульцу, публичныя лекціи Физіологіи и Патологіи у знаменитаго Архіатера Короля Прусскаго, Боля (Bohl), Ботанику по Турнефору и врачебное веществословіе Фогелія у Тизена, практическую клинику по Гофманну у Гартманна, Химію по Юнкеру у Ломейера, Хирургію у Росція. Изъ Кенигсберга, въ Іюнѣ 1763 года, переѣхали они въ Лейденъ; здѣсь занятія ихъ были не менѣе сложны. Между прочимъ Веніаминовъ и Зыбелинъ.

слушали Физіологію у знаменитаго Албинія, Патологію и Химію у славнаго Гаубія, съ сыномъ Албинія разсѣкали трупы. Науки естественныя преподаны имъ были по современнымъ руководствамъ въ подробности. Они посѣщали славный ботаническій садъ въ Лейденѣ. Здѣсь, въ 1764 году, пріобрѣли они докторскія степени. Зыбелинъ отправился въ Берлинъ, гдѣ занимался еще Минералогіей у Профессора Брандиса, Химіей у Маргграфа въ его лабораторіи, Анатоміей у Мекелія, клинической практикой въ больницѣ Charité. Веніаминовъ между тѣмъ оставался въ Лейденѣ и продолжалъ свои занятія.

Докторскія диссертаціи свои Веніаминовъ и Зыбелинъ прислали въ Московскій Университетъ. Ададуровъ отдалъ ихъ на разсмотрѣніе Профессору Керштенсу. Керштенсъ отвѣчалъ, что по этимъ диссертаціямъ онъ не можетъ судить объ ихъ познаніяхъ, потому что за границею ученыя разсужденія могутъ быть написаны и другими Студентами. Кураторъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, потребовалъ Зыбелина и Веніаминова въ Москву. Въ Москвѣ Конференція подвергла ихъ не испытанію, но только ученой бесѣдѣ о предметахъ, относящихся къ теоретической Медицинѣ, къ Естественной Исторіи и особенно къ Ботаникѣ; за тѣмъ прочли они пробныя лекціи, и съ 176$\frac{5}{6}$ академическаго года открыли экстраординарные курсы: Веніаминовъ Ботанической Философіи съ гербаризаціею въ лѣтнее время, Зыбелинъ Теоретической Медицины, по руководству Людвигія, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала Физіологія здороваго человѣческаго тѣла съ принадлежащими къ ней Семіологіею и Діэтетикой, потомъ Патологія съ своею Семіологіею и наконецъ Общая Терапія. Занявъ каѳедры профессорскія, Веніаминовъ и Зыбелинъ желали пріобрѣсти право Медицинской практики. Они просили о томъ Университетъ, который, не имѣя воз-

можности самъ снабдить ихъ этимъ правомъ, черезъ Куратора ходатайствовалъ о томъ у Медицинской Коллегіи. Но разрѣшеніе приходило весьма медленно.

Третьяковъ и Десницкій.

Третьяковъ и Десницкій были отправлены Шуваловымъ въ Англію, въ Глазговскій Университетъ, находящійся въ Шотландіи. Они присылали оттуда аттестаціи отъ Профессоровъ своихъ и въ отчетахъ писали, что слушаютъ лекціи юридическія, медицинскія, математическія. Конференція, ничего не знавшая объ ихъ отправленіи, не ожидала ничего добраго отъ такого смѣшенія предметовъ и встрѣтила Докторовъ Глазговскаго Университета съ предубѣжденіемъ, когда они возвратились въ отечество, въ Іюлѣ 1767 года. Они сами пожелали предстать на экзаменъ и потомъ читать лекціи на Русскомъ языкѣ. Адодуровъ приказалъ немедленно допустить ихъ къ испытанію, но лекціи читать на Латинскомъ языкѣ для того, чтобы Профессоры иностранцы могли точнѣе судить объ нихъ. Экзаменъ изъ юриспруденціи назначенъ былъ 13-го Августа. Генералъ-Прокуроръ Сената Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій увѣдомилъ Директора Хераскова, что, по Высочайшему повелѣнію, при экзаменѣ долженъ былъ присутствовать Оберъ-Секретарь третьяго Департамента Правительствующаго Сената, Самуилъ Денъ. Генералъ-Прокуроръ приложилъ при письмѣ вопросы на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, предложенные отъ Сената. Вотъ образчики нѣкоторыхъ вопросовъ: «Истолковать законъ о поручителяхъ и тѣхъ, кои кому прикажутъ въ чемъ вѣрить. А особливо, «Разнствуютъ ли, и какимъ образомъ, поручители отъ тѣхъ, кои прикажутъ кому въ чемъ вѣрить? и порука по порукѣ отъ тѣхъ поручителей, кои въ случаѣ недоимки должника и поручителя, обязались платить?

своей жизни и которому посвящаетъ бо́льшую часть труда и времени. Но Конференція не переставала его требовать, по настоятельному приказанію Адодурова: «означенныхъ докторовъ и въ Математическихъ наукахъ непремѣнно освидѣтельствовать строжайшимъ образомъ, дабы изъ того можно было усмотрѣть, съ какою ревностію и прилежаніемъ старались они исполнить повелѣніе своего главнаго командира, и за употребленной на нихъ казенной немалой коштъ какіе они учинили успѣхи и въ математическихъ наукахъ; а сверхъ того, чтобы и отъ нихъ самихъ впредь напраснаго на команду нареканія быть не могло, будто-бы ихъ въ тѣхъ наукахъ, для которыхъ они въ чужіе краи наиболѣе были отправлены, не захотѣли и освидѣтельствовать, и тѣмъ употребленной на нихъ казенный коштъ якобы пренебрегли втунѣ.» Десницкій снова не пошелъ на экзаменъ, сославшись на дипломъ Академіи Глазговской, въ которомъ успѣхи его въ Математикѣ хотя и обозначены, но ясно видно, что не ее избралъ онъ главнымъ предметомъ занятій своей жизни.

Такимъ образомъ къ концу 1767 года Университетъ Московскій, кромѣ Барсова, имѣлъ уже пять Русскихъ молодыхъ Профессоровъ, которые образовались изъ его питомцевъ. Мысль Поповскаго читать науку на Русскомъ языкѣ, выраженная въ первой его вступительной лекціи и тщетно повторяемая имъ въ засѣданіяхъ конференціи, жила въ ученикахъ его. Это былъ тотъ 1767 годъ, когда Коммиссія о сочиненіи проэкта новаго Уложенія начала свои дѣйствія въ Москвѣ. Государыня посѣтила тогда древнюю столицу. Директоръ Херасковъ, отъ 19-го Ноября, писалъ въ Петербургъ къ Куратору Ададурову. «Ея Императорское Величество указать соизволила, что въ Университетѣ пристойнѣе бы читать лекціи на Русскомъ языкѣ, а особливо Юриспруденцію, что де нео[illegible]-

Высочайшее повелѣніе читать лекціи на Русскомъ языкѣ.

но повторя, соизволила Всевысочайше повелѣть, дабы о томъ стараться.» Повелѣніе Императрицы немедленно было исполнено. Кураторъ предписалъ Конференціи, въ противность прежнему своему приказанію, объявить Докторамъ факультетовъ, юридическаго и медицинскаго: Десницкому и Третьякову, Веніаминову и Зыбелину, а Магистру Аничкову, чтобы они впередъ публичныя лекціи свои читали на языкѣ Русскомъ, а техническіе термины наукъ прибавляли бы на языкѣ Латинскомъ. Въ слѣдствіе того, въ 1768 году, Января 15-го, въ 5 № Московскихъ Вѣдомостей было напечатано: «Съ сего 1768 году въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ для лучшаго распространенія въ Россіи наукъ, начались лекціи во всѣхъ трехъ факультетахъ природными Россіянами на Россійскомъ языкѣ. Любители наукъ могутъ въ тѣ дни и часы слушать, которыя онымъ въ лекціонномъ каталогѣ назначены.» Въ 13 лѣтъ своего существованія Московскій Университетъ совершилъ важный подвигъ, и мысль перваго Русскаго въ немъ Профессора, Поповскаго, была исполнена.

8-го Маія Веніаминовъ и Зыбелинъ были возведены въ званіе Ординарныхъ Профессоровъ, Десницкій и Третьяковъ въ званіе Экстраординарныхъ, и начали засѣдать въ Конференціи. Зыбелину на 1769 годъ поручено было преподаваніе Анатоміи. Контракту съ Эразмусомъ срокъ вышелъ, и онъ оставилъ Университетъ.[7] Веніаминову же, съ половины 1769 года, поручено преподаваніе Физіологіи, Патологіи и общей Терапіи.

Магистръ Аничковъ, нѣсколько лѣтъ читавшій чистую Математику, Логику и Метафизику, желалъ получить званіе Ординарнаго Профессора. Члены Конференціи были на то согласны. Кураторъ также изъ- Диссертація Аничкова

явилъ свое согласіе, но требовалъ отъ него Латинской диссертаціи съ переводомъ на Русскій языкъ и публичнаго защищенія тезисовъ изъ оной, по обычаю другихъ Университетовъ. Аничковъ, по этому случаю, написалъ разсужденіе изъ натуральнаго Богословія: *о началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія*, въ которомъ выразилъ нѣсколько мыслей, противныхъ истинамъ Религіи. Разсужденіе, по какому-то недосмотру цензуры факультетской, было напечатано. Но профессоры Дильтей, Керштенсъ, Ростъ, Барсовъ, Рейхель и Лангеръ, въ засѣданіи Конференціи 24-го Августа 1769 года, торжественно объявили, что они протестуютъ противъ мнѣній, изложенныхъ въ этомъ разсужденіи.[8] Профессоръ Рейхель, въ особенной Латинской рѣчи, укорялъ Аничкова въ томъ, что онъ слишкомъ увлекся Лукреціемъ, котораго Рейхель называлъ между философами пролетаріемъ, porcum ex grege Epicuri, заимствуя свое сравненіе изъ Эрнести. Аничковъ исправилъ свое разсужденіе и вновь его издалъ.[9] Но ординарной каѳедры онъ не получилъ прежде 1771 года, не смотря на неоднократныя представленія Конференціи. Кураторъ, при всякомъ случаѣ печатанія рѣчей отъ Университета, предписывалъ Профессорамъ быть какъ можно осторожнѣе. Аничковъ, впослѣдствіи, загладилъ вину своего перваго увлеченія весьма строгимъ религіозно-нравственнымъ возрѣніемъ на свою науку.

Афонинъ. Въ 1769 г. возвратился въ Москву питомецъ ея Университета, Афонинъ, отправленный въ Кенисбергъ еще въ 1758. Въ Кенисбергѣ, пользуясь покровительствомъ Русскаго Губернатора, Николая Андреевича Корфа, онъ и Карамышевъ, его товарищъ, учились сначала годъ Нѣмецкому языку и были приняты въ Кенигсбергскій Университетъ Студентами. Потомъ, подъ ру-

ководствомъ Профессора Философіи Іоанна Бука, въ теченіи года и четырехъ мѣсяцевъ, прошли курсъ Математики, Логики, Физики экспериментальной, Метафизики съ ея частями: Онтологіею, Космологіею и Психологіею. Въ то время, какъ они переходили уже къ послѣдней части Метафизики, къ Богословію естественному, Кураторъ Шуваловъ просилъ новаго Кенигсбергскаго Губернатора, Василія Ивановича Суворова, выбрать двоихъ Русскихъ и отправить въ Швецію для изученія Земледѣлія и наукъ горныхъ. Суворовъ выбралъ Афонина и Карамышева. Изъ Кенигсберга они отправились лѣтомъ въ Стокгольмъ, прямо къ нашему Чрезвычайному Послу Графу Ивану Андреевичу Остерману, въ домѣ котораго провели всю лѣтнюю вакацію. Графъ Остерманъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами въ Упсальскій Университетъ, къ славному Профессору Древностей Іоанну Ире. Въ домѣ Ире они жили во все время пребыванія своего въ Швеціи. Зная, что основаніе науки Земледѣлія заключается въ Наукахъ Естественныхъ, они предались изученію сихъ послѣднихъ. Славный Линней былъ ихъ руководителемъ. Съ нимъ прошли они Зоологію и особенно Ботанику, по новой современной методѣ, изучая каждое растеніе и относя его къ своему классу, порядку, роду и виду. Минералогію слушали они у Адъюнкта Химіи, Андрея Гидстрёма, а Химію доцимастическую и Металлургію у знаменитаго Профессора Іоанна Готшалька Валлерія. Занимаясь этими науками, выучились и Шведскому языку. Земледѣліемъ и луговодствомъ Афонинъ занимался самъ собою, руководствуясь чтеніемъ извѣстныхъ сочиненій, и между прочимъ однимъ сочиненіемъ самого Валлерія.

Въ 1766 году, 17-го Маія, Афонинъ защищалъ въ Упсальскомъ Университетѣ свою диссертацію: *о приложеніи Естественной Исторіи къ общежитію*, подъ

рые отъ воздуха разрушены быть могутъ, особенно означилъ.» Химическій кабинетъ сданъ былъ Керштенсомъ лаборанту. Незлопамятная Конференція, которою управлялъ тогда Тейльсъ, выдала Керштенсу аттестатъ такой же какъ и Профессору Фроманну; но Кураторъ выразилъ за то свое неудовольствіе исправлявшему должность Директора. Предметы, которые преподавалъ Керштенсъ, съ 1770 года перешли къ Веніаминову и его помощнику Кандидату Сибирскому, на котораго указалъ Зыбелинъ. Сибирскаго подвергли экзамену изъ Медицины теоретической, т. е. Анатоміи и Хирургіи, изъ клинической практики, Химіи и Ботаники, и потребовали отъ него пробной лекціи. Онъ прочелъ ее 28-го Сентября въ присутствіи Конференціи и Студентовъ; удовлетворительно отвѣчалъ на вопросы, предложенные Профессорами касательно ея содержанія, и былъ немедленно допущенъ къ чтенію публичныхъ лекцій, объявленныхъ въ каталогѣ.

Сибирскій.

Преподаваніе наукъ въ 177$\frac{0}{1}$ году.

Въ послѣдній годъ кураторства Ададурова, по каталогу лекцій 177$\frac{0}{1}$ Академическаго года[13], такъ распредѣлено было преподаваніе наукъ въ Московскомъ Университетѣ. Профессоры назначены по старшинству. Дильтей читалъ о правѣ морскомъ по Россійскому морскому уставу, присоединяя къ тому главныя правила изъ Локценія; преподавалъ положительную Юриспруденцію по второму тому Неттельбладтовой системы, и повторялъ Вексельное право по книгѣ имъ изданной; Барсовъ Риторику по Эрнестію, объяснялъ Цицерона и Виргилія, оды и похвальныя слова Ломоносова; Ростъ военную и гражданскую Архитектуру и 6 главъ изъ Кригеровой Натуральной Философіи; Рейхель Всеобщую Исторію; Лангеръ Естественную Юриспруденцію или первую часть Неттельбладтовой системы;

Веніаминовъ Химію по Фогелю и Натуральную Исторію простыхъ аптекарскихъ лѣкарствъ; Зыбелинъ Анатомію и Хирургію по Лудвигію; Десницкій Пандекты Римскаго права сравнительно съ правомъ Россійскимъ; Третьяковъ Исторію и древности Римскаго права по Гейнекцію; Афонинъ Ботаническую терминологію по Линнею съ гербаризаціею въ весеннее время; Аничковъ Логику и Метафизику по Баумейстеру и сверхъ того Ариѳметику, Геометрію и Тригонометрію по Вейдлеру; Гельтергофъ Этимологію, Синтаксисъ и Стилистику Нѣмецкаго языка: де-Лави Французскую Литературу; Кандидатъ Сибирскій Физіологическую Семіотику и Діэтетику, а по окончаніи этихъ наукъ Патологію по Лудвигію.

Шаденъ не показанъ въ каталогѣ университетскихъ лекцій; но онъ весьма обширно дѣйствовалъ въ Академической Гимназіи. Въ его классъ вступали ученики, вновь производимые въ Студенты, и отъ него уже переводимы были окончательно въ Университетъ. Въ этомъ классѣ, соединявшемъ Гимназію съ Университетомъ, Шаденъ читалъ Начальныя основанія Философіи по Баумейстеру, Исторію Философіи и Словесности по Гейнекцію, Исторію просвѣщенія по Гейманну, Гейнекціевы основанія изящнаго стиля и Риторику по Фоссію съ объясненіями авторовъ Греческихъ и Римскихъ. Случайно сохранилась книга Латинскихъ записокъ Студента Ивана Теряева, изъ класса Профессора Шадена, относящихся къ 1769, 1770 и 1771 годамъ[14]. Теряевъ, по спискамъ 1770 года, значится вторымъ въ числѣ произведенныхъ въ Студенты изъ класса Шадена. Въ запискахъ первое мѣсто занимаетъ Фоссіева Риторика, приспособленная къ Латинскому языку. За нею слѣдуютъ практическія занятія учащихся на Латинскомъ языкѣ, состоящія въ распространеніи предложеній и далѣе въ краткихъ со-

чиненіяхъ въ формѣ письма и разсужденія. Постепенный ходъ этихъ занятій весьма замѣчателенъ. Въ нихъ соблюдена ясно правильность перехода отъ Этимологіи, черезъ Синтаксисъ, къ Риторикѣ. За тѣмъ слѣдуютъ опредѣленія изъ Риторики Бреславльской, идея Исторіи Философіи по Гейнекцію, картина просвѣщенія по Гейманну или сокращеніе его книги: Conspectus Reipublicae litterariae. Здѣсь приложена весьма замѣчательная систематическая таблица всѣхъ наукъ съ распредѣленіемъ ихъ на факультеты: Философскій, Юридическій, Медицинскій и Богословскій. Распредѣленіе заимствовано, судя по ссылкѣ, изъ Моргофова Полигистора и Штоллевой Исторіи наукъ. Распредѣленію наукъ по факультетамъ предпосланы общія гуманическія свѣдѣнія, преподаваемыя въ Гимназіяхъ. За тѣмъ слѣдуютъ еще въ запискахъ отрывки, касающіеся Ораторіи, просодіи стихотворной и прозаической, синтаксиса, изъ Философіи Баумейстера, примѣры силлогизмовъ и приложеніе ихъ теоріи къ разсужденію о честности. Разсматривая этотъ учебникъ, видишь, какая строгая формальность господствовала во всемъ ученіи и какой дисциплинѣ подвергалась мысль въ ея развитіи.

Руководства Профессоровъ.

Чтобы получить понятіе о состояніи наукъ, преподаваемыхъ въ 1770 году въ Университетѣ, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя книги, служившія руководствами для Профессоровъ: заглавія сохранились въ актахъ Конференціи. Вейдлеровы сочиненія служили главнымъ руководствомъ для Математики; Баумейстерова Philosophia definitiva и его же Elementa Philosophiae для Философіи; Гейнекцій, Эрнести и Фоссій для Словесности. Для Физики Керштенсъ употреблялъ Крафтовы praelectiones in Physicam, Физику Винклера, Профессора, который въ Лейпцигѣ славил-

ся въ то время, подражая своими электрическими опытами молніи и грому, и опытную Физику Ноллета. Въ 1769 г. Винклеровы Institutiones physices замѣнены были Кригеровымъ сокращеніемъ Физики (Epitome), и Профессоры заботились о переводѣ этой книги на Русской языкъ. Десницкій, въ 1769 году, требовалъ Heineccii Institutiones и Пандектовъ по 25 экземпляровъ и къ нимъ комментаріевъ Vinnii, Woetii, Noodii, по два экз., Corpus juris civilis въ Голландскомъ изданіи въ 6 экз., Указовъ Россійскихъ, Кормчей Книги, стариннаго Своднаго Уложенія, дѣланнаго по послѣдней Коммиссіи по 1 экз.; кромѣ того въ Юридическомъ Факультетѣ господствовала Неттельбладтова Система Универсальной Юриспруденціи. Книги Медицинскаго Факультета въ 1769 году были: Шааршмидтовы Анатомическія таблицы; Людвигія физіологическія, патологическія, терапевтическія наставленія; его же физическая исторія царства растеній; его же медицинскія наставленія; Спильмана химическія наставленія; Бланкарда Медицинскій Лексиконъ; Цинneція фундаментальная Ботаника; Картгейзера основанія Медицинскаго Вещесвословія; его же Фармакологія; Бухнеровы основанія Медиц. Веществословія; Винсловова изъясненія анатомическія.

Кромѣ преподаванія наукъ въ Университетѣ, какъ старшіе Профессоры, такъ и молодые ихъ товарищи, исполняли многія порученія Правительства и трудились надъ умноженіемъ учебныхъ пособій. Особенные труды Профессоровъ.

Въ 1770 году Высочайше повелѣно было «Профессорамъ и прочимъ знающимъ довольно Россійскую Исторію»,[16] начертать проэкты для изображеній, заимствованныхъ изъ нея, на плафонахъ дворца, котораго строеніе предполагалось въ Кремлѣ. Профессоръ Барсовъ, по именному повелѣнію Императрицы, трудился

заграничныхъ Университетовъ, къ чести и славѣ Университета Московскаго и для выгоднаго обмѣна на иностранныя книги. Кураторъ соглашался на это предложеніе, но съ условіемъ, чтобы избѣжать казенныхъ издержекъ. Въ 1770 г. онъ предписывалъ Конференціи наблюдать, чтобы въ рѣчахъ Профессоровъ не могло быть статей, выписанныхъ слово въ слово изъ другихъ книгъ. Поводомъ къ предписанію, вѣроятно, было обвиненіе Дильтея въ подобномъ заимствованіи.

Университетское Краснорѣчіе отзывалось разумнымъ словомъ на событія государственныя, двигавшія впередъ просвѣщеніе и содѣйствовавшія благополучію народному; боролось съ предразсудками невѣжества, которое враждовало съ науками; разъясняло многіе вопросы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука можетъ быть приложена къ жизни; наконецъ утверждало самыя основанія наукъ въ Россіи, согласно съ основаніями отечественной жизни, возбуждало къ нимъ любовь и открывало великія надежды въ будущемъ для ихъ развитія.

Произнося панегирики Императрицѣ Екатеринѣ II, Профессоры славили всѣ событія ея царствованія, ускорявшія движеніе умственнаго и нравственнаго образованія въ народѣ. Когда Правительство заботилось о распространеніи въ Россіи прививанія оспы, истреблявшей, безобразившей и увѣчившей по тогдашнему счисленію четвертую часть рода человѣческаго, и Императрица сама рѣшилась для примѣра привить ее себѣ и Наслѣднику Престола: Университетъ, въ слѣдъ за всею Москвою, праздновавшею это событіе всенароднымъ праздникомъ на Ивановой площади[18], торжествовалъ 10-го Ноября, 1768 года, благополучное совершеніе этого подвига; Барсовъ произнесъ слово по этому случаю, а Декабря 5-го Зыбелинъ, какъ опытный врачь, сказалъ рѣчь: *О пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной предъ естественною съ*

моральными и физическими доказательствами противу неправомыслящихъ.

Ростъ, говоря *о проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ, особливо животныхъ, проистекаютъ*[19], примѣнялъ изслѣдованія современныхъ ему ученыхъ: Роберта Бойля, Гамбергера, Краценштейна, Дезагюльера и другихъ къ благоустроенію людскихъ жилищъ въ городахъ и домахъ. По этому случаю, онъ давалъ полезные совѣты объ удаленіи кладбищъ изъ городовъ, говорилъ противъ обычая погребать мертвыхъ въ церквахъ, ссылался на благоразумныя учрежденія первоначальной Христіанской церкви и на статьи соборовъ. — Тотъ же Профессоръ Ростъ, зная, какъ важно производство соли въ Россіи, какъ Русскаго продукта, столько любимаго народомъ, говорилъ рѣчь: *О удобнѣйшемъ приготовленіи лучшей соли изъ соляныхъ источниковъ* (1769).[20]—Зыбелинъ, разсуждая *О дѣйствіи воздуха въ человѣкѣ и путяхъ, которыми въ него входитъ* (1766), указывалъ на необходимость связи между познаніемъ природы и Медициною. Замѣчательно его же слово: *О причинѣ внутренняго союза частей между собою, и о происходящей изъ того крѣпости въ тѣлѣ человѣческомъ* (1768), тѣми современными изслѣдованіями предмета, которыя относятся къ вопросу. — Веніаминовъ, въ словѣ *О постахъ, какъ средствѣ, предохранительномъ отъ болѣзней* (1769), разсуждаетъ о постѣ, какъ глубокомысленный врачь, видя въ немъ лучшее врачебное средство къ предотвращенію болѣзней и къ борьбѣ съ ними, когда онѣ насъ постигаютъ, и какъ православный Христіанинъ указываетъ на Церковь, соблюдающую постами наше здоровье въ различныя времена года. Примѣняя врачебныя правила къ обычаямъ и привычкамъ народа, онъ укоряетъ его въ порокѣ неумѣренности его же пословицею: *душа мѣра*. — Весьма

замѣчательна рѣчь Керштенса, сказанная 22-го Апрѣля 1769 года. Она содержитъ *Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноженію не довольнаго числа людей въ Россіи.* Подъ этимъ заглавіемъ она вышла тогда въ Русскомъ переводѣ и была пущена въ народъ.[21] Врачь удивляется недостаточности Русскаго населенія. Если положить, говоритъ онъ, что на квадратной верстѣ можетъ жить 400 человѣкъ, то въ Россіи 2 милліона квадратныхъ верстъ (по тогдашнему счисленію) готовы для 800 милліоновъ жителей, — а за отнятіемъ пространствъ необитаемыхъ, покрайней мѣрѣ для 200 милліоновъ, и между тѣмъ число ихъ немного выше двадцати. Профессоръ обращаетъ вниманіе на причины, вредящія умноженію народонаселенія Русскаго, и на то ужасное явленіе, что четвертая часть младенцевъ умираетъ въ Россіи. Онъ входитъ въ обычаи и нравы народа; умѣетъ признать въ нихъ доброе и обличить вредное. Всѣ эти наблюденія врача служатъ только введеніемъ къ изслѣдованію болѣзней, особенно господствующихъ въ Русскомъ народѣ, и къ предписанію врачебныхъ пособій, которыя врачь указываетъ въ мѣстныхъ же средствахъ народной жизни и Русской природы. Много хвалитъ Керштенсъ нашу баню, простоквашу, квасъ съ мятой, пищу изъ тертаго хлѣба. Травы, полезныя во врачебномъ отношеніи, наименованы здѣсь Латинскими и народными Русскими названіями.

Болѣе другихъ долженъ былъ бороться съ предразсудками народными Профессоръ Анатоміи, нуждавшійся въ трупахъ для своей науки. Эразмусъ сказалъ двѣ Латинскія рѣчи, переведенныя на Русскій языкъ: 1) *О противностяхъ анатомическаго ученія увеселеніемъ и превеликою онаго пользою несравненно превышаемыхъ;* и 2) *О нынѣшнемъ состояніи врачебной науки въ Россіи.*

сравнивая оное съ закономъ Иппократовымъ. Въ первомъ изъ этихъ словъ Эразмусъ нападаетъ на тѣхъ невѣжественныхъ враговъ науки, которые сравнивали анатомовъ съ мясниками и живодерами; далѣе защищаетъ се противъ тѣхъ хулителей, которые медиковъ называли безбожниками. Самъ раскрывъ премудрое устройство человѣческаго тѣла, согласное съ его назначеніемъ, Профессоръ приводитъ трактаты славныхъ врачей, доказывавшихъ бытіе Божіе изъ премудраго устроенія разныхъ органовъ тѣлесныхъ: Фр. Гофманна изъ устроенія всего тѣла, Гамбургера изъ разсмотрѣнія сердца, Тиммія изъ разсмотрѣнія спины, Донатовъ способъ изъ руки, Штурміевъ изъ глаза, и т. д.

Возставать на предразсудки невѣжества, вредившіе у насъ ходу науки, помогалъ Нѣмецкому Профессору и Русскій Проф. Математики и Философіи, Аничковъ, своими рѣчами: 1) *О томъ, что міръ сей есть яснымъ доказательствомъ премудрости Божіей, и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю* (1767); 2) *О свойствахъ познанія человѣческаго и о средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ разныхъ заблужденій* (1770).

Третьяковъ въ рѣчи своей: *О происшествіи и учрежденіи Университетовъ въ Европѣ на государственныхъ иждивеніяхъ* (1768), указывалъ на значеніе и происхожденіе этихъ государственныхъ разсадниковъ просвѣщенія. — Десницкій, своимъ Русскимъ краснорѣчіемъ напоминавшій рѣчи Ломоносова, призывалъ Русскихъ, чтобы они къ славѣ воинскаго оружія присоединили и славу правосудія. Въ словѣ: *О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію Юриспруденціи* (1768), онъ стремился утвердить въ отечествѣ свою науку на всемірномъ и отечественномъ основаніи. Въ другомъ словѣ: *О причинахъ казней по дѣламъ криминальнымъ,* (1770), какъ питомецъ Англійской юриспруденціи, Десницкій, можетъ быть, увлекался возрѣніями Ан-

глійскихъ юристовъ на право; но умѣлъ однако, какъ Русскій, становиться выше формальной строгости Англійскаго воззрѣнія и говорилъ, что «восприявшій на себя плоть и кости человѣческія Единородный Сынъ Божій приказуетъ Христіанину любить враги свои и добротворить ненавидящимъ его.» Вполнѣ сочувствуя войнамъ Императрицы противъ Турокъ, въ защиту Христіанскаго человѣчества, такъ выражался въ то время Профессоръ объ одушевленіи всего Русскаго народа противъ враговъ Христіанства: «Онъ тронутъ жалостію, человѣколюбіемъ и по сущему Христіанству старается доказать себя истиннымъ поборникомъ православія и побѣдителемъ надъ врагомъ, противъ котораго не токмо Христіанство совокупно съ человѣчествомъ, но и всякая тварь вооружаться должны. Сей варваръ, презрѣвъ законъ натуры, поправъ нагло святость правъ народныхъ и овладѣвъ насильно мѣстами, православнымъ отъ Бога дарованными, ругается просвѣщеннымъ державамъ, истребляетъ Христіанскій родъ, разлучаетъ мужей съ женами, дѣтей съ родителями, нарушаетъ непорочность дѣвицъ, похищая оныхъ въ дань избраннѣйшими изъ православныхъ народовъ, и рождаемыхъ въ неволѣ и поруганіи изъ плѣнницъ невинныхъ младенцевъ извергаетъ на съѣденіе звѣрямъ. Спѣшите, милосердые Россы, къ восхищенію человѣчества отъ толикихъ бѣдъ! Столь справедливымъ причинамъ вашего возстанія, и столь полезнымъ вашимъ для рода человѣческаго предпріятіямъ не могутъ не споспѣшествовать Христіанскій Богъ и человѣчество.»

Дильтей, стараясь приводить науку права въ систему и дать ей прочное основаніе, согласное съ закономъ Вѣры, въ своей рѣчи: De unico, vero et adaequato juris naturalis principio (1763), въ такой простотѣ выражалъ его: ama Deum super omnia et cole eum,

conserva te ipsum et perfice te, ama et cole societatem, nosce te ipsum; а въ другой рѣчи своей: de eo, quod justum est circa beneficia minorennibus concessa, si in dolo reperti sunt (1768), торжественно приводилъ слова, которыми Императрица Екатерина отвѣчала Берлинской Академіи, поднесшей Ея Величеству дипломъ на званіе Члена: «Mon savoir se borne à connoître, que tous les hommes sont mes frères, et à ne point m'écarter de ce principe dans toutes les actions de ma vie.»

Рейхель, ближайшій наставникъ Фонъ-Визина, своими рѣчами старался распространить то изящное образованіе, которое новѣйшимъ народамъ завѣщано древними. Въ рѣчи своей: *Объ искусствахъ, процвѣтавшихъ у народовъ древнихъ* (1770)[22], онъ изложилъ значеніе Торевтики, Пластики, Живописи и Зодчества, съ современнымъ знаніемъ дѣла, слѣдуя новымъ открытіямъ Винкельмана и другихъ археологовъ.

Но глубиною основательнаго воззрѣнія на науку, на значеніе ея въ Университетѣ и на связь съ жизнію, отличаются рѣчи Профессора Шадена. Вникая въ содержаніе ихъ можно вполнѣ сочувствовать КураторуАдадурову, который выражалъ радость свою Миллеру, что могъ удержать Шадена на мѣстѣ Ректора Гимназіи[23]. Вотъ основныя положенія изъ его слова *о душѣ законовъ*[24]: «Есть Богъ, — вотъ главная и первая истина, составляющая душу всѣхъ истинъ; какъ Богъ есть начало и конецъ всего, такъ существенная и притомъ чистѣйшая любовь къ Богу есть душа всѣхъ законовъ. Истинны слова Фабра: «всякой законъ, ко-«торый напослѣдокъ и въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ «во всякомъ обществѣ, большемъ ли, или меньшемъ, «не можетъ разрѣшиться на любовь Божію, достоинъ

«названъ быть именемъ глупости, мучительства, бре-«дни, и проч., а не закономъ.» Божество и величество ограничиваютъ себя законами. Съ отвращенiемъ минуя Гоббесово мнѣнiе, что сила есть душа гражданскихъ законовъ, Профессоръ полагаетъ душу ихъ въ общемъ благѣ. Переходя отъ главнаго вопроса къ значенiю Университетовъ въ государствѣ, Профессоръ утверждаетъ, что они упрочиваютъ единство его, водворяя единообразный способъ въ ученiи и воспитанiи, и указываетъ на ихъ специальное назначенiе образовывать учителей и знающихъ законы чиновниковъ. Другое слово, произнесенное Шаденомъ, еще замѣчательнѣе. Предметъ его: *О правѣ обладателя въ разсужденiи воспитанiя и просвѣщенiя науками и художествами подданныхъ*[25]. Слѣдя мысли, изложенныя въ этомъ словѣ, нельзя не изумиться тому, какъ Профессоръ иноземецъ съумѣлъ тотчасъ поставить науку въ Россiи на томъ основанiи, на которомъ она должна стоять и какъ правильно уразумѣлъ ея отношенiя. Въ приступѣ ораторъ хвалитъ обычай Русскихъ предковъ, начинавшихъ всякое дѣло молитвою — и отъ сего обычая переходитъ логически къ философской мысли: законъ всѣхъ вещей есть тотъ, что всему своя причина; нелѣпы философы, признающiе случай. Разсматривая происхожденiе обществъ изъ первоначальнаго побужденiя человѣка обезопасить свое существованiе и проистекшiе отсюда разные образы правленiя, ученый отдаетъ преимущество монархическому и указываетъ на несчастiя республикъ... Самое высшее право Самодержца заключается, по его слову, въ распространенiи между подданными наукъ и художествъ... Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ Самодержавiя есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанiю. Законъ монархiи есть благоденствiе обладателя, а въ

немъ цѣлость и счастіе подданныхъ.... О высшихъ и среднихъ училищахъ въ государствѣ такъ говоритъ ораторъ: «Училища оныя Университетами и Гимназіями называются, попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, что способствуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость. И такъ неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, честностію и доброправіемъ одаренныхъ; любовію къ истинѣ и Отечеству, любовію къ Государю пылающихъ; отъ немаловременнаго упражненія искусныхъ, опытами просвѣщенныхъ, существенность и свойство монархіи свѣдущихъ, и наконецъ истинную честь хранящихъ; притомъ когда учащіеся, послѣ довольнаго по правиламъ нравственной Семіотики испытанія, токмо достойные вводимы будутъ въ святилище тѣхъ наукъ, которыя мыслей требуютъ непорочныхъ, душевныхъ силъ непосредственныхъ и способныхъ ко вмѣщенію верховныхъ добродѣтелей и мудрости превосходнѣйшей!»

Касаясь эпизодомъ вопроса о связи души съ тѣломъ, какъ высшаго вопроса философскаго и подчиняя остроту разума могуществу вѣры, Шаденъ призываетъ вѣру на помощь для рѣшенія сего вопроса: «Православная Вѣра да отверзетъ вамъ завѣсу, скрывшую эту тайну: власть ея всемогуща, премудра и недостатки всѣ отъять готова.»

Говоря о воспитаніи чувствъ, педагогъ утверждаетъ, что въ Россіи особенно должно дѣйствовать на нихъ воспитаніемъ, потому что у народовъ сѣвера груба чувствительность.

Духъ училищъ долженъ быть, по его мнѣнію, согласованъ съ государственными потребностями.

Разбирая оба способа изслѣдованія, аналитическій и синтетическій, философъ утверждаетъ, что одинъ безъ другаго недостаточенъ, и совѣтуетъ начинать съ анализа и переходить къ синтезу.

Сильно говоритъ онъ противъ односторонности умозрѣнія въ наукѣ: «Повѣрьте, и доднесь бы человѣческій родъ стеналъ подъ симъ толь мучительнымъ суетнаго умозрѣнія бременемъ, еслибы въ изслѣдованіе вещей и природы вникнувъ, испытаніе не воздвигло Баконовъ, Картезіевъ, Невтоновъ, Лейбницiевъ, Вольфіевъ; еслибы не возстали Меценаты; еслибы народовъ Правители, вознегодовавъ на праздное умозрѣніе, и его свергнувъ иго, не благоволили вспомоществовать мужамъ симъ щедротою и предположеніемъ случаевъ, отверзающихъ поле прекрасное ради плодоноснаго испытанія.» — «Препираются философы, законоучители препираются, прѣнія врачи творятъ.... единственно математики въ необуреваемомъ и тихомъ пристанищѣ наслаждаются покоемъ.» — «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возобуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ кого Зиждитель, а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? не ожидайте. Оно поелику возгордѣвшись въ ѳирной своей крѣпости засѣдаетъ, и не радѣя, или еще презирая вещей естества, сотворенныя премудрымъ Создателемъ природы, новыя сплетаетъ съ помощію своего вѣрнаго приспѣшника, воображенія роскошнаго; и намъ хваля ихъ представляетъ, какъ откровенія: то отъ общей чувствительности и отъ любви къ благу народ-

нему только неотмѣнно удаляется, что никто почти его правилъ и наставленій постигнуть не можетъ; и то не чудесно, когда уже само себя не разумѣетъ. Какъ же просвѣтить, какимъ образомъ исправить другихъ?»

Признавая необходимымъ дѣленіе наукъ, философъ въ тоже время вооружается противъ ихъ раздѣленія и желаетъ, чтобы онѣ соединялись; возстаетъ на цеховое значеніе наукъ въ Нѣмецкихъ Университетахъ, на излишество книгъ; указываетъ на возможность сократить число ихъ; признаетъ необходимымъ учрежденіе воспитательной, центральной Академіи, которая была бы душою всѣхъ Университетовъ и хранительницею нравственнаго въ нихъ свѣта. Исполненный надеждъ на страну, которую онъ избралъ себѣ отечествомъ и которой духъ такъ ясно сознавалъ свѣтлымъ умомъ своимъ, Шаденъ, въ заключеніи рѣчи, такъ говоритъ объ ней: «Россія есть истинно такая страна, которую никакія сѣмена предразсужденій, художествамъ и наукамъ враждебныхъ, ядомъ еще своимъ не заразили и не повредили: въ ней ни единаго нѣтъ закона, который бы запиналъ распространеніе мудрости и добродѣтели, отъ неискуснаго происшедъ законоположенія, съ каковыми другія страны еще борются: въ ней потребенъ единственно вертоградарь, доброту сѣмянъ и земли свѣдущій!» Разсматривая содержаніе рѣчей Шадена, мы видимъ, какъ справедливо, М. Н. Муравьевъ, бывшій въ 1769 году ученикомъ его, сдѣлавшись Попечителемъ Университета, называлъ ихъ «настоящими трактатами Философіи и градоправительственной науки.»

При Университетѣ дѣятельно продолжалось изданіе Московскихъ Вѣдомостей. Барсовъ до 1765 года занимался ими постоянно; въ этомъ же году редакція по- Вѣдомости.

ручена была Профессору Веніаминову. Въ ней участвовали переводчики изъ отличнѣйшихъ Студентовъ Университета: таковы двое Козловскихъ, Андрей Шокутинъ, Григорій Блудовъ. Въ числѣ ихъ упоминается и Морковъ, впослѣдствіи Графъ и дипломатъ.[26] Содержаніе Вѣдомостей, въ царствованіе Екатерины, все болѣе и болѣе оживлялось извѣстіями о внутренней жизни Двора и государства: таковы описанія привитія оспы Императрицѣ, дѣтямъ Академіи Художествъ и Воспитательнаго Дома, описанія праздниковъ по случаю перваго событія, придворныхъ спектаклей и каруселей (1766), актовъ Гимназіи Московской, актовъ, прологовъ и театровъ Гимназіи Казанской, успѣховъ перваго саженія картофеля въ Новгородѣ (1767) и проч. Въ прибавленіи къ Вѣдомостямъ 1769 г., № 146, напечатано особенно наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры по солнцу, сдѣланное въ Казанской Гимназіи. Кураторъ много занимался успѣхомъ и особенно слогомъ Вѣдомостей. Отправляя ихъ постоянно къ Миллеру, онъ черкалъ на нихъ свои замѣтки на нововводимыя слова, которыя ему не нравились, какъ на примѣръ: *всенародство*, *обнародованіе*, *предметъ*.[27]

Журналы и книги при Университетѣ.

Многіе литераторы трудились при Университетѣ. Херасковъ въ 1763 году издавалъ *Свободные часы*, ежемѣсячно: участники въ нихъ почти тѣ же, которыхъ видѣли мы и въ Полезномъ Увеселеніи 1760 года. Въ томъ же году Богдановичъ издавалъ *Невинное упражненіе*, а въ 1764 году Студентъ Василій Санковскій *Доброе намѣреніе*, въ двухъ книжкахъ. Ададуровъ дѣятельно сообщалъ Миллеру все то, что выходило при Университетѣ: кромѣ помянутыхъ періодическихъ изданій, Басни и Эпистолы Хераскова, Жизнь Сиоа царя Египетскаго въ переводѣ Фонъ-Визина, Краткое понятіе о наукахъ для употребленія малолѣтныхъ дѣ-

той, на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ съ Русскимъ переводомъ, Сказки Тысяча и одна ночь въ переводѣ Богдановича. Посылая послѣднюю книгу Миллеру, Ададуровъ писалъ: «Съ тѣмъ ли переводчикъ выдалъ ее въ народъ, ut similes habeant labra lactucas, или и самъ услаждался тѣми повѣстьми, то уже все равно. Кому наскученъ Бова Королевичь, тому и оныя ночи не наскучатъ. Но какъ и сказки могутъ къ читанію произвести привычку, то и оныя повѣсти какъ забаву, такъ и нѣкоторую пользу въ себѣ заключаютъ.» Тысяча и одна ночь въ переводѣ Богдановича такъ понравилась публикѣ, что въ 1767 году произвела два подражанія: Тысяча и одинъ часъ, и Тысяча и одна четверть часа. Кураторъ усердно заботился о движеніи книжной торговли при Университетѣ; намѣревался учредить отъ Университета переписку съ надежными иностранными книгопродавцами; желалъ для пользы общей установить дешевле цѣну книгъ, продаваемыхъ отъ Университета; наводилъ о томъ справки въ Академіи Наукъ и въ Кадетскомъ Корпусѣ. Къ числу книгъ, особенно замѣчательныхъ, вышедшихъ въ 1770 году, принадлежитъ Исторія Россійская Татищева, двѣ части первой книги (1768 и 1769). Сынъ автора, Евграфъ Васильевичь Татищевъ, подарилъ рукопись Исторіи, написанной отцемъ его, Московскому Университету. Университетъ опредѣлилъ ее напечатать и изданіе поручилъ Профессору Зыбелину; но множество именъ собственныхъ, искаженныхъ въ рукописи, приводили въ затрудненіе Профессора-Медика — и Университетъ обратился къ Академику Миллеру, который принялъ на себя печатаніе. Замѣчательно также собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ, изданіе которыхъ иные догадочно приписываютъ Профессору Барсову. Въ началѣ 1771 года вышелъ 1-й томъ Записокъ Сюлли, переведенныхъ по Высочайше-

му повелѣнію, «ради того что Сюлли въ своемъ управленіи умѣлъ согласить два предмета: умноженіе сокровищъ владѣтеля и облегченіе податей народа»: такъ сказано въ объявленіи современномъ. Записки издавались на счетъ Кабинетной суммы Ея Величества. Прежніе питомцы Университета двигали литературу въ Сѣверной столицѣ: Башиловъ издавалъ *И то и сіо* (1769), Рубанъ *Ни то ни сіо* (1769) и *Трудолюбивый Муравей* (1771), Новиковъ *Трутень* (1769) и *Парнасскій Щепетильникъ* (1770).[28]

Испытанія иностранцамъ.

Конференція Профессоровъ продолжала прежнія свои занятія по испытаніямъ иностранцевъ, домашнихъ учителей, и выдавала имъ аттестаты. Въ нѣкоторыхъ непріятныхъ случаяхъ жизни она же за нихъ вступалась. Графъ Іосифъ Пенже (Pinget), обучавшійся въ Парижскомъ Университетѣ, членъ Римской Аркадской академіи и Кавалеръ Ордена Св. Іерусалимскаго Гроба Господня, получилъ аттестатъ въ 1762 году на преподаваніе Французскаго, Латинскаго и Италіянскаго языковъ, Исторіи и Географіи. Въ 1763 году онъ жилъ въ домѣ помѣщика Григорова и по какой-то причинѣ получилъ приказаніе оставить домъ его, но помѣщикъ задержалъ его вещи. Пенже принесъ жалобу Конференціи, которая просила Канцелярію Куратора представить эту жалобу Генералъ-Фельдмаршалу и Градоначальнику Москвы Графу П. С. Салтыкову. Конференція вступалась и за права Университета. Полиція назначила постой въ домахъ у нѣкоторыхъ его членовъ. Ассессоръ Тейльсъ донесъ о томъ Конференціи и опредѣлено жаловаться на то Куратору.

Диспуты Студентовъ.

Публичные диспуты между Студентами бывали не такъ часто, какъ прежде. Дильтей, какъ юристъ, особенно любилъ ихъ. Въ 1766 году, Іюня 30-го, на актѣ

производилъ Латинскій диспутъ, подъ его руководствомъ, на 12-ть тезисовъ изъ Вексельнаго права. Защищали тезисы Студенты Родіонъ Гвоздиковскій и Сергѣй Вороновъ; возражали Михаилъ Баталзинъ, Андрей Роговъ, Григорій Комовъ и Яковъ Яковлевъ.[29] Въ 1768 году, 13-го Августа, Кураторъ возобновилъ приказаніе Членамъ Конференціи на счетъ приватныхъ и публичныхъ диспутовъ между Студентами: всѣ факультеты согласились немедленно исполнить его волю, за исключеніемъ Медицинскаго, который объявилъ, что диспута быть не можетъ, потому что въ немъ всего одинъ студентъ и диспутовать ему не съ кѣмъ.[30] Кромѣ диспутовъ, Студенты являлись иногда на публичные акты съ своими разсужденіями на Латинскомъ или Русскомъ языкѣ. Такъ на актѣ 30-го Іюня 1769 года, казеннокоштные Студенты читали: Иванъ Сибирской— по-Латинѣ *Опытъ минералогической Технологіи, о тѣлахъ сгараемыхъ, искусствомъ произведенныхъ, вынапываемыхъ изъ земли;* Иванъ Борзовъ по-Русски: *къ однимъ ли купцамъ векселя, или ко всякому изъ обывателей въ государствѣ принадлежать могутъ?*

Конференція Профессоровъ неднократно поднимала вопросъ о томъ, чтобы Студенты не менѣе трехъ лѣтъ, а ужъ покрайней мѣрѣ не менѣе двухъ, оставались въ философскомъ факультетѣ до перехода въ юридическій и медицинскій; но, къ сожалѣнію, это благое предположеніе почти никогда не исполнялось. Сами же Профессоры обоихъ практическихъ факультетовъ жаловались на недостатокъ Студентовъ у себя и просили ускорить переводъ ихъ изъ философскаго. Въ Маѣ 1764 г. Медицинская Коллегія потребовала 25-ти Студентовъ отъ Университета: Конференція сильно возстала противъ такой уступки, утверждая, что если отдадутъ, то на пять лѣтъ остановится дѣло ученія и

Мѣры ученія и дисциплины.

образованіе факультетомъ, а Профессоры подвергнутъ себя упрекамъ въ томъ, что не произвели людей полезныхъ государству. Въ 1767 году, 18 Студентовъ было взято въ Коммиссію сочиненія проекта Новаго Уложенія. Молодые люди такъ были ободрены этою высокою честію, что подали просьбу въ Конференцію о выдачѣ имъ докторскихъ дипломовъ отъ Университета, которые однако не были выданы. Конференція сокрушалась тогда, что опустѣлъ Университетъ. Профессоры юристы представили, что осталось въ ихъ факультетѣ всего четыре Студента, — и Конференція опредѣлила уступить имъ изъ философскаго пятерыхъ. Конечно, нетерпѣніе юношества и самихъ родителей, не обузданное строгостью прочнаго закона, было, по большей части, причиною того, что Студенты не оканчивали полнаго курса. Изъ актовъ Конференціи 1770 году видно, что 300 Студентовъ вышли изъ Университета, не окончивъ курса, и что только двое юристовъ: Иванъ Берзовъ и Алексѣй Артемьевъ, вполнѣ его докончили. Артемьевъ въ 1777 году издалъ своего сочиненія «Краткое начертаніе Римскихъ и Россійскихъ правъ, съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторіи,» посвященное Мелиссино. Это сочиненіе есть первый печатный опытъ историческаго изученія Русскихъ законовъ сравнительно съ Римскими, оцѣненный учеными современниками.[51]

Студенты и ученики Гимназіи помѣщались въ зданіи у Воскресенскихъ воротъ; сторонніе приходили на уроки до обѣда и послѣ обѣда. Въ 1763 году, въ концѣ Октября, когда уже ночь наступала въ пять часовъ, Конференція просила у Куратора согласія не продолжать уроковъ послѣ обѣда болѣе часу, потому что ученики, приходившіе въ Университетъ, подверга-

лись опасности ночью быть или съѣденнымъ собаками, или ограбленнымъ ворами.

Шуваловъ не разъ предписывалъ быть мягче съ учениками и избѣгать жестокости въ наказаніяхъ. Учитель Рехтъ, въ 1766 году, за неисполненіе этого предписанія, самъ подвергся наказанію Конференціи. Въ засѣданіи того же года Марта 23-го, она возставала противъ обычая учителей бить ферулами по рукамъ учениковъ Гимназіи и предлагала замѣнить это наказаніе крестьянскою одеждою.

Студенты ходили всегда, даже гуляя за городомъ,[32] въ мундирахъ зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ, обшлагами и подбоемъ. Они носили шляпы и шпаги; послѣднія вручались имъ на актахъ торжественно, при производствѣ ихъ въ Студенты. Разночинцамъ шпага давала благородство. Какъ Студенты, такъ и пансіонеры, ходили напудренные.[33] За проступки Студенты и Информаторы гимназіи наказывались лишеніемъ шпагъ. Кромѣ того, за дурное поведеніе сажали Студентовъ на хлѣбъ и на воду, одѣвали на три дня въ крестьянское платье, лишали жалованья за мѣсяцъ. Кураторъ предписывалъ: на деньги, вычтенныя у Студентовъ изъ жалованья за дурное поведеніе, покупать Библіи на Славянскомъ языкѣ и другія книги, какъ для Студентовъ, такъ и для учениковъ казеннаго содержанія.

Что касается до Библіи, то Кураторъ приказывалъ имѣть на каждую камеру по три экземпляра Библіи Славянской, Латинской, Французской и Нѣмецкой, и обязывать Студентовъ читать ее по воскресеньямъ. Гимназическая библіотека, служившая ученикамъ и Студентамъ, была весьма изобильно снабжена книгами: господствовали всѣ Латинскіе классики въ изданіяхъ Целларія; авторы же, объясняемые въ классахъ, имѣлись въ 20-ти экземплярахъ.

Изъ лучшихъ Студентовъ избирались цензора для наблюденія за поведеніемъ учениковъ Гимназіи и самихъ Студентовъ.[24] Цензора назывались также и камерными. За всѣми Студентами наблюдали Эфоры, которыхъ назначали изъ Информаторовъ.

Въ важныхъ проступкахъ, Студентовъ судили Профессоры, по назначенію Конференціи. Судъ преимущественно поручался юристамъ. Такъ Дильтей судилъ дѣло Студентовъ Теплова и Доброхотова. Записки объ этихъ дѣлахъ въ актахъ Конференціи писаны также на Латинскомъ языкѣ. Не безъ затрудненій было Секретарю Лангеру выражать по-Латинѣ слова изъ Русскаго быта. Такъ въ одно дѣло между Студентами объ украденной казенной простынѣ замѣшанъ былъ квасникъ, которому ее передали: надобно было квасника назвать по-Латинѣ, и онъ названъ cerevisiae secundariae coctor.

Отъ Студента, благородно понимающаго свои обязанности и отношенія къ Университету, требовалось повиновенія его законамъ и полнаго сознанія достоинства того училища, которому онъ принадлежалъ. Студентъ обязанъ былъ во всей жизни своей избѣгать всего того, что̀ могло бы оскорбить значеніе и повредить его благу и выгодамъ Университета. Истинное благочестіе, неутомимое прилежаніе къ наукамъ, поведеніе благородное, вмѣнены въ обязанность; строго запрещены шумныя сходки, пьянство и всякія игры, въ карты и въ кости. За обиду, Студенту нанесенную, онъ не долженъ былъ мстить, ни самъ ни дѣломъ, ни словомъ, ни побуждать другаго къ отмщенію, а искать удовлетворенія законнаго, и вообще избѣгать всякой ссоры. Во время ученія, не имѣлъ онъ права ни дѣлать долговъ, ни продавать своего имущества. Въ случаѣ удаленія отъ Университета за проступокъ, всегдашняго, долженъ былъ навсегда уже его оставить,—временнаго,

на срокъ отлученія, ему опредѣленный. Эти обязанности выражены въ формѣ присяги, которую Профессоръ Керингенсъ, исполняя должность Инспектора Гимназіи, предложилъ Конференціи на Латинскомъ языкѣ.[35] — Начальство вообще было милостиво и снисходительно къ проступкамъ юношества. Тѣхъ Студентовъ, которые публично нарушали достоинство своего званія, оно отсылало обратно въ тѣ заведенія, откуда они были приняты, или къ ихъ родителямъ.

Въ теченіи девятилѣтняго дѣятельнаго кураторства Ададурова встрѣчаемъ слѣдующія извѣстныя имена Студентовъ: Аркадій Морковъ (1763), Григорій Крупениковъ (1763), первый Инспекторъ Университетскаго Пансіона, Андрей Роговъ (1763), впослѣдствіи Адъюнктъ, Иванъ Сибирской (1754), впослѣдствіи Профессоръ, Евгеній Сырейщиковъ (1768), также Профессоръ, Карлъ Габлицъ (1768), товарищъ Министра удѣловъ. Приведемъ имена Студентовъ, принятыхъ въ 1767 году въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія: 1) Адріанъ Максимовъ, 2) Трофимъ Вишняковъ, 3) Михаилъ Баталзинъ, 4) Семенъ Веницеевъ, 5) Иродіонъ Гвоздиковскій, 6) Адріанъ Гостунцовъ, 7) Матвѣй Донской, 8) Максимъ Егоровъ, 9) Г. Журавлевъ, 10) Иванъ Зыковъ, 11) Иванъ Смирной, 12) Борисъ Борковскій, 13) Иванъ Кашинцовъ, 14) Иванъ Несмѣяновъ, 15) Максимъ Полубояриновъ, 16) Алексѣй Гладкой, 17) Николай Сацыперовъ и 18) Подпоручикъ Перепечинъ.

Студенты и ученики, впослѣдствіи извѣстные.

Должно замѣтить, что многіе ученики лучшихъ дворянскихъ фамилій не были производимы въ Студенты, потому что не нуждались въ дворянской шпагѣ, уже числясь на службѣ съ малыхъ лѣтъ по обычаю тогдашняго времени. Рѣдко встрѣчаются имена Князей: Василія Касаткина-Ростовскаго, Александра

Шихматова, Семена Салагова. Денисъ и Павелъ Фонъ-Визины едва ли были произведены въ Студенты, потому что въ 1760 году получили награды воинскими чинами. Мы не можемъ утвердить того положительно за отсутствіемъ списка учениковъ, произведенныхъ въ Студенты въ 1762 году, единственнаго, котораго отъискать не могли за все столѣтіе и въ которомъ должны бы встрѣтиться имена Фонъ-Визиныхъ, судя по ходу ихъ ученья, если только были они студентами. Фонъ-Визинъ самъ въ запискахъ своихъ называетъ себя студентомъ.

Въ 1768, 69, 70 и 71 годахъ, въ спискахъ учениковъ Гимназіи весьма часто встрѣчается имя Ивана Тургенева, получающаго награды изъ разныхъ классовъ, а въ 1768 и 69 годахъ, имя ученика Михаила Муравьева съ тѣмъ же отличіемъ изъ Катихизиса, языковъ Нѣмецкаго и Французскаго. Въ объявленіяхъ объ актѣ Гимназіи 1769 года Декабря 17-го, Муравьевъ отличается въ произношеніи рѣчей Нѣмецкой и Французской у Лекторовъ Гелтергофа и де-Лави.[36] Муравьевъ, тогда ученикъ Гимназіи, былъ двоюродный братъ Куратору Ададурову.[37] Такъ, въ послѣдніе годы его дѣятельнаго кураторства, Гимназія Университетская воспитывала будущаго славнаго и послѣдняго Директора Университета, Ивана Петровича Тургенева, и перваго его Попечителя, наставника Императора Александра, покровителя Карамзина, олицетворившаго въ себѣ идеалъ Попечителей Университета, Михаила Никитича Муравьева.

Знатный посѣтитель.

Московскій Университетъ привлекалъ тогда вниманіе знаменитыхъ иностранныхъ путешественниковъ. Въ концѣ Ноября 1770 года предписано было отъ Графа Салтыкова принять Прусскаго Принца Генриха, «какъ знатную партикулярную особу.» Универ-

ситетъ, по приказанію Куратора, долженъ былъ встрѣтить именитаго гостя безъ рѣчей и показать ему аудиторіи, кабинеты, библіотеку, камеры студентовъ и учениковъ.

Ададуровъ въ 1770 году жилъ болѣе въ Петербургѣ, но до конца жизни своей, послѣдовавшаго въ 1778 г., сохранялъ почетный титулъ Куратора Московскаго Университета, хотя уже дѣятельно и не правилъ этою должностію. Академія Наукъ, не за долго до его кончины, избрала его въ свои Почетные Члены.[89] Директоръ Херасковъ, Высочайшимъ указомъ 18-го Маія 1770 года, назначенъ былъ въ Вицепрезиденты Бергъ-Коллегіи. Тейльсъ временно исправлялъ его должность. Удаленіе Ададурова.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ четвертой Главѣ.

1. См. письмо Ададурова къ Миллеру 3-го Февраля 1763 года.

2. Дильтей, Лангеръ, Керштенсъ, Эразмусъ, Ростъ, Барсовъ и Рейхель.

3. См. 10 томъ актовъ Конференціи, стр. 281.

4. См. 11 томъ акт. Конф. стр. 325.

5. Въ 11 N Московскихъ Вѣдомостей 1759 года Французской механистъ, Петръ Дюмолинъ, объявлялъ, что «каждый день отъ 4 до 9 часовъ будетъ показывать слѣдующія куріозныя самодѣйствующія машины: 1) маленькая Бернская крестьянка, которая 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты. 2) Машинка, здѣланная кинарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая. 3) Разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма куріозныя и чрезвычайныя картины.» Въ 23 N напечатано: «Французской Механистъ Дюмолинъ, о которомъ прежде сего публиковано было, что онъ показывалъ удивительную машину, которая однимъ разомъ шесть лентъ тчетъ, и самодѣльную кинарейку, которая поетъ разныя аріи, объявляетъ чрезъ сіе, что въ его кабинетъ прибавлены еще слѣдующія штуки, а именно: великолѣпная электрическая машина, которою онъ будетъ дѣлать разные и весьма куріозные эксперименты.

Картина представляющая ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многія движущіяся изображенія дорожныхъ

людей и возовъ, и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ, такъ натурально какъ бы живые; другая картина представляетъ голову движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ.

Руской мужикъ, которой голову и глаза движетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ.

Движущійся Китаецъ, которой такъ хорошо здѣланъ, что не можно вообразить, чтобъ то была машина.

Сіи послѣдніи двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную.

Онъ такъ же недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которою онъ долгое время трудился. Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное плавая въ суднѣ. Сія машина есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ искусство произвесть.

6. Заглавіе книжки Фроманна: Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico, quas auctoritate amplissimae facultatis philosophicae munus Professoris Philosophiae extraordinarii clementissime sibi demandatum rite auspicaturus defendet Ioh. Henricus Fromann Philos. et L. A. Mag. respondente Iohanne Friderico Woelffing, Schorndorffensi, serenissimi stipendiario et laureae secundae candidato. Ad diem XV. Octobris 1766, in aula nova. Tubingae. На 32—35 стр. напечатано краткое извѣстіе объ Исторіи Московскаго Университета — и каталогъ лекцій за 176⅞ академическій годъ.

7. См. протоколъ Конференціи 14-го Января, 1769 года т. 13. стр. 2.

8. Протоколъ 24-го Августа въ 13 Т. Акт. Конфер. стр. 172. Professores Dilthey, Kerstens, Coll. Cons. Rost, Barsow, Reichel, Schaden et Langer his paucis declarant, se non posse in partes opinionum, quae in dissertatione latina et ruthenica Dni Mag. Anitzkow, pro loco Professoris ordinarii in facultate philosophica, de ortu et progressu religionis naturalis hactenus ad diem 24 hujus mensis distributa hinc inde

spargunter transire, eosque contra eas protestari hic solemni ter, si quid inde damni dedecorisque Universitati oboriatur.

9. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ хранится рукописная рѣчь Професcора Рейхеля.

10. Dissertatio Academica demonstrans usum Historiae Naturalis in vita communi, quam consent. experient. facult. med. in illustri Academia Upsaliensi, praeside viro nobilissimo atque experientissimo Dno Doct. Carolo v. Linnè, etc., publice examinandam submittit auctor et respondens Matheus Aphonin, Nobil. Moscov. Rossus. D. XVII Maji. 1766. Upsaliae.

11. Къ біографіи Аѳонина, помѣщенной въ Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ (Т. 1. стран. 42), приложены литографированныя fac-simile обоихъ аттестатовъ.

12. Kerstens. Natur-und Kunst-kabinet. 1-tes Bandes 6 Stücke. Iena. 1755—56. (Болѣе не вышло.) Книга находится въ библіотекѣ Московск. Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

13. Экземпляръ каталога лекцій, съ 1-го Августа 1770 года по конецъ Іюня 1771 года, сохранялся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

14. Эта рукопись доставлена была намъ Магистромъ Московскаго Университета Д. Н. Дубенскимъ.

15. Актовъ Конференціи Т. 14, стран. 371-373.

16. Что Предисловіе это сочинено Шаденомъ, мы узнали то изъ рѣчи его, говоренной въ 1770 году Іюня 30.

17. Рѣчь Рейхеля, произнесенную въ 1762 году Октября 3-го о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ, перевелъ ученикъ его Денисъ Фонъ-Визинъ.

18. Были выставлены для народа жареный быкъ и фонтаны съ виноградными винами, Ноября 6-го, 1768 года.

19. Рѣчь 1765 года Апрѣля 22-го, напечатанная по-Латинѣ и по-Русски, безъ имени автора; но изъ Московскихъ Вѣдомостей 1765 г. № 33 мы узнаемъ, что она произнесена была Ростомъ.

20. Oratio de faciliori melioris fontium salis praeparatione.

21. Эта рѣчь очень рѣдка. Экземпляръ ея находится въ библіотекѣ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

22. Латинское заглавіе рѣчи: Oratio de artibus veterum, quibus ingenium et manus artificum laudantur.

23. Письмо Ададурова къ Миллеру отъ 29-го Іюня 1764 года: «Ре́ктора при Гимназіи удержалъ прежняго и вновь заключилъ контрактъ съ нѣкоторыми для него выгодами, въ разсужденіи осьмилѣтней его въ Университетѣ бытности и оказаннаго похвальнаго поведенія и немалой трудами его пользы.»

24. De anima legum. 1767. Апрѣля 23-го. Слово тогда же вышло въ Русскомъ переводѣ.

25. 1770 года 30-го Іюня. Заглавіе выставлено по современному Русскому переводу Ильи Грачевскаго. Латинское: Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia.

26. Жалуясь Миллеру на недостатокъ переводчиковъ для Вѣдомостей, переходящихъ въ другія мѣста, Ададуровъ прибавляетъ: «какъ и недавно Господинъ Морковъ, который во Французскомъ языкѣ имѣлъ весьма довольное знаніе, и уже переводилъ изрядно не только на Русскомъ, но и на Французскомъ языкѣ, опредѣленъ по его желанію въ Иностранную Коллегію.» (Изъ письма отъ 4-го Октября 1764 года.)

27. «Простите мнѣ, что я въ вѣдомостяхъ временемъ кое-гдѣ причеркиваю. Невоздержаніе мое тому причиною, когда *всенародство* или иное, что̀ мнѣ не нравится, замѣчаю какъ неупотребительное и странное.» — «Однако я не столько о себѣ думаю, чтобъ почиталъ свои мнѣнія лутче другихъ. Можетъ быть что я и ошибаюсь. Съ нашими издателями оныхъ не могъ за краткостію времени увидѣться. Что касается до *обнародованія*, то оно такъ же мало на Русское походитъ, какъ и *предметъ*; однако и *поселенія* значить не можетъ.»

28. Другіе приписываютъ это изданіе Чулкову.

29. Объявленіе о диспутѣ сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

30. Communicavit Magnificus Dominus Director et praelegit mandatum Ill. et Excellentissimi Domini Curatoris de disputationibus menstruis in posterum apud Universitatem habendis, idque sine omni exceptione, aut ulteriori Professorum ea de re repraesentatione. Huic mandato se morem gesturos esse promiserunt omnes Professores, praeter illos facultatis Medicae, qui, quum unicum tantum habeant studiosum, eo ipso ab hoc mandato se exceptum iri crediderunt, et impossibile sit, ut unicus secum ipso disputare queat. (Т. 12. Акт. Конфер. стран. 117.)

31. Russ. Biblioth. von Bakmeister. Т. 7. стран. 401.

32. Это видно изъ исторіи Студента Ивана Попова, которая содержится въ письмѣ Куратора Ададурова (т. 12 Акт. Конференціи 1768 стран. 207.)

33. Т. 14. Акт. Конфер. стран. 575. Предписаніе Ададурова о томъ, какъ принимать знатныхъ особъ.

34. Ордеръ Куратора Ададурова 10-го Авг. 1765 г.

35. Т. 9 Акт. Конфер. 1765 г. стран. 183.

36. Объявленіе сохранилось въ библіотекѣ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Der Herr Michael Mourawieff wird von der Gottesfurcht, als der vornehmsten Tugend, handeln, und seine Mitschüler dazu reizen. — Mr. Michel Mouravieff prononcera un Discours, touchant les différentes sortes de stile et remerciera très-humblement l'illustre Auditoire de sa bienveillance, au nom et de la part de ses condisciples ce qui terminera les exercices de cette année 1769.

37. Изъ письма Ададурова къ Миллеру, отъ 19-го Февраля 1764 года, видно, что отецъ Михаила Никитича Муравьева, Статскій Совѣтникъ Никита Артамоновичъ, былъ дядя Ададурову и жилъ въ Петербургѣ въ домѣ Сенатора Николая Ероѳеевича Муравьева.

38. N0 88 Моск. Вѣд. 1778 года.

ГЛАВА V.

КУРАТОРСТВО И. И. ШУВАЛОВА, В. Е. АДАДУРОВА И И. И. МЕЛИССИНО.

(отъ 17 февраля 1771 по 28 июня 1778 года).

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе въ должность Куратора Мелиссино.—Способъ ученія, изданный Кураторомъ. — Англійскій языкъ порученъ Десницкому. — Правила поведенія Студентовъ. — Вольное Россійское Собраніе. — Чума въ Москвѣ. — Преподаваніе наукъ. — Особые труды Профессоровъ.—Акты Университета. — Рѣчи. — Вѣдомости и ихъ извѣстія.—Возвращеніе Шувалова изъ-за границы.—Дѣйствія Вольнаго Россійскаго Собранія. — Труды Студентовъ. — Диспуты. — Театръ Студентовъ. — Имена Студентовъ, впослѣдствіи извѣстныхъ.

—

17-го Февраля, 1771 года, Тайный Совѣтникъ и Опекунъ Воспитательнаго Дома И. И. Мелиссино вступилъ въ должность Куратора Московскаго Университета. Университетъ назвалъ это событіе счастливымъ; онъ принялъ съ радостію начальника, ему уже знакомаго, который, будучи Директоромъ, неутомимо радѣлъ о пользахъ Университета. Утромъ новый Кураторъ былъ у присяги. Пополудни посѣтилъ частное засѣданіе Конференціи Университета и ввелъ въ нее новаго Директора, Статскаго Совѣтника Михаила Васильевича Приклонскаго. Въ 4-мъ часу

Вступленіе въ должность Куратора Мелиссино.

12

нія, изданный Куратором.

дать въ свѣтъ *Способъ ученія*, приготовляющаго къ Университету. Марта 16-го 1771 года, онъ былъ напечатанъ отъ имени Конференціи на языкахъ: Русскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ[5]. Во главѣ правилъ сказано: «Никто, не имѣющій воспитанія самъ, другихъ воспитывать не можетъ»: отсюда важность нравственнаго характера въ наставникѣ, какъ образцѣ для учениковъ своихъ. Главное вниманіе обращено на изученіе языковъ иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, и предложены подробно правила словеснаго образованія, начиная съ яснаго произношенія буквъ азбуки до чтенія и толкованія писателей какъ на этихъ языкахъ, такъ и на языкѣ отечественномъ. Замѣчательны правила, предписывающія стараться *ученіемъ не истребить охоты къ ученію;* при переводахъ съ иностранныхъ языковъ на Русской указывать на сходства и различія между языкомъ природнымъ и иностраннымъ. Исторія названа наставницею жизни, Философіею, приноровленною ко всѣмъ ея случаямъ: потому учителю Исторіи вмѣнено въ обязанность дать преподаванію нравоучительный характеръ; методъ предложенъ хронологическій въ связи съ синхронистическимъ; предписано, чтобы ученикъ все пересказывалъ своими словами, а не затверживалъ наизусть; даны въ пособія Исторіи Географія древняя, средняя и новая съ введеніемъ въ сферу, Генеалогія Государей и Геральдика. Въ преподаваніи Математики требуется способа раціональнаго, съ доказательствами. Университетъ могъ уже обнародовать такой *Способъ ученія* для всѣхъ наукъ, потому что всѣ руководства и учебныя пособія, оригинальныя или большею частію переводныя, даже Грамматики всѣхъ языковъ иностранныхъ и образцы для чтенія и переводовъ, были имъ уже изданы. Онъ предлагаетъ учителямъ свои учебники, а кромѣ того даетъ обѣщаніе издать и другія, «или

напечатанныя исправить, а особливо выбранныя мѣста изъ самыхъ лучшихъ писателей упомянутыхъ языковъ, для употребленія въ классахъ.» При обнародованіи этого Способа ученія, имѣлось въ виду, какъ ясно изъ заключительныхъ словъ, дѣйствовать на домашнее воспитаніе, чтобы учащіеся дома были наставляемы одинаковымъ образомъ съ Гимназическими учениками. Такъ достигалась одна изъ важнѣйшихъ цѣлей учрежденія Университета—приведеніе воспитанія въ Россіи къ государственному единству. Съ этою цѣлію Университетъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда происходили обыкновенно экзамены, назначалъ особенные дни, въ которые содержатели частныхъ пансіоновъ обязаны были непремѣнно приводить учениковъ своихъ въ Гимназію для испытанія вмѣстѣ съ ея учениками, и предлагалъ родителямъ присылать на эти экзамены дѣтей съ домашними ихъ наставниками, для повѣрки ихъ ученія, оставляя впрочемъ исполненіе сей послѣдней мѣры на произволъ родителей. [4]

Англійскій языкъ порученъ Десницкому.

Въ способѣ ученія упомянуты три новыхъ Европейскихъ языка: Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій, но отсутствуетъ Англійскій, вѣроятно, за недостаткомъ учителей. Скоро тому пособили. Профессоръ Десницкій, превосходно знавшій по Англійски, принялъ на себя это преподаваніе. Въ Апрѣлѣ 1771 года, напечатано было въ Вѣдомостяхъ: [5] «Императорскій Московскій Университетъ, вѣдая надобность и пользу Англійскаго языка, не меньшую въ ученомъ свѣтѣ, какъ и въ самой коммерціи, приказалъ Г. Профессору Десницкому обучать оному языку два раза въ недѣлю.» Предложено постепенное изученіе языка, начиная съ Грамматики до стиля и чтенія писателей, и Профессоръ обѣщалъ издать Англійскую Хрестоматію.

Правила поведенія Студентовъ.

Тогда же вскорѣ напечатаны были на полулистѣ правила поведенія для Студентовъ: мы уже знакомы съ проэктомъ этихъ правилъ, приведеннымъ выше. Студенты, вмѣсто присяги, обязаны были подавать въ знакъ обѣта правую свою руку (data in fidem dextra, какъ сказано въ Латинскомъ текстѣ). Эти правила, за подписомъ членовъ Конференціи, выдавались Студенту для руководства. Шестымъ параграфомъ запрещены дуэль и секундантство, подъ опасеніемъ наказаній, опредѣленныхъ военными постановленіями.

Вольное Россійское Собраніе.

Мелиссино приступилъ немедленно къ исполненію своей любимой мысли, къ основанію литературнаго и ученаго общества при Университетѣ. Вспомнимъ, какъ еще будучи Директоромъ, онъ соединялъ, у себя въ домѣ, Профессоровъ и литераторовъ для чтенія ихъ произведеній. Въ Вѣдомостяхъ 7 Іюня 1771 года, напечатано было *Объявленіе Любителямъ Россійскаго языка*, въ которомъ сказано, что Императорскій Московскій Университетъ «вознамѣрился для исправленія и обогащенія Россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вольное Россійское Собраніе*.» Члены могли быть присутствующими и отсутствующими. Источниками для трудовъ и изданій указаны: во 1-хъ Россія съ своими разнообразными народами и климатами, во 2-хъ общественныя и частныя хранилища книгъ и рукописей, въ 3-хъ судебные архивы, какъ сокровищница для исторіи Русскаго законовѣдѣнія. «Исправленіе и совершеніе Россійскаго языка» показано какъ особливый предметъ Собранія, «а сочиненіе правильнаго Россійскаго Словаря по азбукѣ» первымъ трудомъ присутствующихъ членовъ. Сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ не

иначе могли быть напечатаны, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія и исправленія. Побудителемъ къ учрежденію Вольнаго Россійскаго Собранія названъ Кураторъ Мелиссино, споспѣшникомъ его въ этомъ дѣлѣ Директоръ Приклонскій. Университетская библіотека открыта была Членамъ Собранія. Въ заключеніе Университетъ приглашалъ «всѣхъ любителей наукъ, а особливо Россійскаго слова, желающихъ вступить въ сіе собраніе членами, какъ духовныхъ, такъ свѣтскихъ», заблаговременно объявить Директору Университета о желаніи своемъ принять участіе въ трудахъ Собранія и присылать свои сочиненія и переводы. Первое засѣданіе «для установленія порядка и расположенія трудовъ» между членами, предположено было Августа 2-го дня, пополудни въ три часа, въ университетскомъ домѣ, что̀ у Воскресенскихъ воротъ.

Кромѣ членовъ Университета, многія знатныя особы и любители словесности изъявили желаніе участвовать въ Собраніи—и оно, согласно предположенію, было открыто 2-го Августа. Въ этомъ засѣданіи опредѣлили собираться одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 4 до 7 или отъ 3 до 6 часовъ пополудни; всѣмъ, участвующимъ въ Конференціи университетской, быть членами Собранія; Предсѣдателемъ одному изъ Кураторовъ, а намѣстникомъ его Директору, и тутъ же объявлены Предсѣдателемъ Мелиссино, а намѣстникомъ его Приклонскій; положено быть одному безсмѣнному Секретарю, и назначенъ имъ Профессоръ Краснорѣчія Барсовъ, и двумъ годовымъ; число Дѣйствительныхъ Членовъ опредѣлено 51, а Почетныхъ неопредѣленное; въ случаѣ несогласія мнѣній, всѣ дѣла рѣшать балотированіемъ; если Императрица удостоитъ Собраніе Высочайшаго покровительства, праздновать день сего событія ежегодными торжествами и съ того времени выдавать членамъ

печатные патенты, и проч. Новый Председатель открылъ Собраніе рѣчью, въ которой говорилъ о пользѣ такихъ учрежденій у древнихъ и новыхъ народовъ и указалъ на занятія общества, обращая преимущественное вниманіе на Русскій языкъ и науки, требующія отъ него помощи для выраженія своихъ понятій. Онъ приглашалъ членовъ ко взаимному соревнованію въ критикѣ произведеній другъ друга; но въ критикѣ благородной, не оскорбительной, а только полезной совершенствованію языка.

Чума въ Москвѣ. Занятія Собранія, начавшіяся весьма дѣятельно, вскорѣ прерваны были заразою, которая обнаружилась въ Москвѣ, съ наибольшею силою въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ 1771 года. Эта чума, во время Турецкой войны, занесена была въ столицу изъ Валахіи черезъ Молдавію, Польшу, Малую Россію, города: Кіевъ, Сѣвскъ и Брянскъ. Первые признаки ея показались еще въ Ноябрѣ 1770 года. Въ началѣ 1771 года стало умирать множество народа на одной суконной фабрикѣ за Москвою рѣкою: только въ Мартѣ мѣсяцѣ о томъ узнали. Тогда Еропкину поручено было храненіе Москвы. Въ Іюлѣ начала пустѣть столица. Въ Августѣ смертность вдругъ увеличилась. Въ Сентябрѣ умерло 21,401 человѣкъ; въ Октябрѣ 17,561. Только въ Ноябрѣ смертность значительно уменьшилась.

Не смотря на такое ужасное состояніе города, общественная дѣятельность Университета долго не прерывалась. Мы видѣли, что Собраніе открыто было Кураторомъ въ то время, когда жители, опасаясь болѣзни, стали уже выселяться изъ города. Изданіе Вѣдомостей Университетскихъ прекратилось только 22-го Ноября, во вторникъ; [6] но возобновлено съ

1-го Января 1772 года. Студенты и ученики были уволены съ паспортами въ деревни или другіе города. Но въ 4-мъ нумерѣ Январскихъ Вѣдомостей Университетъ объявлялъ, чтобы уволенные, по причинѣ бывшей здѣсь заразительной болѣзни, съ паспортами въ деревни и неявившіеся на срокъ Студенты и ученики казеннаго содержанія, явились въ Университетъ немедленно и, конечно, не позднѣе 1-го Марта: въ противномъ случаѣ будутъ исключены изъ Университета.

Два Профессора Медицинскаго факультета при Университетѣ, Зыбелинъ и Веніаминовъ, были членами Медицинскаго совѣта, собраннаго для прекращенія язвы; участвовали въ мнѣніяхъ касательно опредѣленія и врачеванія болѣзни; были врачами: Зыбелинъ въ 1-й части города, заключавшей въ себѣ Кремль, Китай-городъ и часть Бѣлаго города, а Веніаминовъ въ 4-й, вмѣстѣ съ лѣкаремъ и операторомъ Университетскимъ, Керестури. [7] Оба ученые дѣйствовали съ самопожертвованіемъ. На актѣ 1772 года Апрѣля 22, когда Университетъ приглашалъ жителей успокоенной Москвы, къ празднованію рожденія Императрицы, Профессоръ Ростъ говорилъ рѣчь: *О вредномъ воздухѣ въ жилищахъ особливо простаго народа примѣчаемомъ и о средствахъ удобныхъ къ поправленію онаго.* [8] Предметъ былъ избранъ согласно съ обстоятельствами времени: Профессоръ полагалъ, что чума распространялась не однимъ прикосновеніемъ, но также черезъ сырой и гнилой воздухъ. Въ южныхъ земляхъ холодное время ослабляетъ чуму; въ Москвѣ, напротивъ, осенью она усилилась. Замѣчено было, что нисшій классъ подвергся наиболѣе заразѣ, что фокусомъ чумныхъ испареній была замоскворѣцкая суконная фабрика съ тѣснымъ и многимъ народонаселеніемъ. Профессоръ въ рѣчи обращаетъ вниманіе на всѣ эти обстоятельства и

предлагаетъ средство самое дешевое къ очищенію воздуха въ жилищахъ простаго народа, приспособивъ къ Русской печи желѣзную трубу, изобрѣтенную Англичаниномъ Самуэлемъ Суттономъ.

Преподаваніе наукъ.

Въ теченіи первыхъ семи лѣтъ съ половиною кураторства Мелиссино (1771—1778 Іюня 28) такъ шло преподаваніе въ Московскомъ Университетѣ.

Дильтей читалъ военное право по руководству Россійскаго военнаго устава и притомъ военной процессъ, изъясненіе Адмиралтейскаго регламента и право Морское, исторію Россійскаго права, книги Пандектовъ содержащія уголовное право примѣнительно къ Русскимъ законамъ, Неттельбладтову систему универсальной положительной юриспруденціи, право вексельное по своей книгѣ, и занималъ Студентовъ практически юридическими сочиненіями.

Барсовъ объяснялъ Эрнестіевы начала Риторики и Бургіевы Elementa Oratoria, рѣчи Цицерона, Энеиду Виргилія, Гораціевы Оды и Эпистолы, Комедіи Плавта и Теренція, похвальныя слова и оды Ломоносова; показывалъ употребительнѣйшіе Латинскіе и Русскіе стихотворные метры, и упражнялъ Студентовъ въ сочиненіяхъ и переводахъ, на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ.

Ростъ читалъ Математику Чистую, Оптику и Механику по Вейдлеру и Винклеру, ученіе о треніи, Гидростатику и Аэрометрію, военную Архитектуру и Гидравлику по Вейдлеру, а въ удобное время занималъ Студентовъ геодезическими упражненіями.

Рейхель излагалъ духовное, свѣтское, экономическое и ученое состояніе знатнѣйшихъ Европейскихъ Государствъ, Статистику, исторію учености, древнюю Исторію вкратцѣ, Исторію знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ; давалъ понятіе о современныхъ ему го-

сударственныхъ учрежденіяхъ; объяснялъ историческую часть Геснеровой книги: Isagoge in eruditionem universalem; предлагалъ первыя основанія политической, церковной, ученой и философической Исторіи, вспомогательныя историческія науки, и сообщалъ слушателямъ прагматическія свѣдѣнія о происшествіяхъ послѣднихъ столѣтій Европы.

Шаденъ, 2-го Августа 1772 года, сложилъ съ себя званіе Ректора обѣихъ Гимназій и сдалъ его новоприбывшему изъ Германіи Лейпцигскому Магистру Маттеи, а самъ принялъ каѳедру Практической Философіи при Московскомъ Университетѣ и по этому случаю произнесъ рѣчь: de haeresibus Criticorum. Въ теченіи обозначенныхъ лѣтъ Шаденъ читалъ Практическую Философію по Винклеру; объяснялъ Пуффендорфово сочиненіе de officiis hominis et civis; излагалъ Народное право по Ваттелю, Политику по Бильфельду и «правила приватнаго благоразумія, или экономіи.»

Лангеръ объяснялъ Неттельбладтову систему Естественной Юриспруденціи; читалъ Политику по своему руководству, слѣдуя порядку Вольфія; Народное право по Неттельбладту, — и 177$\frac{4}{5}$ Академическимъ годомъ заключивъ свои чтенія въ Московскомъ Университетѣ, выѣхалъ за границу.

Веніаминовъ читалъ Врачебное Веществословіе, по Фогелю, объяснялъ клиническую практику, предлагалъ Теоретическую Химію по Фогелю, съ химическими опытами, и рецептуру. Смерть, постигшая Веніаминова въ 1775 году, прекратила его чтенія.

Зыбелинъ читалъ Анатомію по Винслову и Хирургію по Лудвигію; по смерти Веніаминова, Химію по Фогелю съ надлежащими опытами и Врачебное Веществословіе по его же книгѣ; объяснялъ фармацевто-химическое приготовленіе важнѣйшихъ лѣкарствъ; упражнялъ въ немъ слушателей; предлагалъ

клиническую Медицину по Лудвигію, при чемъ изъяснялъ «наилучшіе врачеванія способы, не только знатнѣйшихъ древнихъ врачей, но и славнаго во первыхъ Бургава, такъ же и другихъ новѣйшихъ знаменитыхъ мужей мнѣнія и ихъ изобрѣтенія во врачебномъ искусствѣ.»

Десницкій объяснялъ Пандекты Римскаго права, Институты по Гейнекцію и другимъ, всегда сравнительно съ Правомъ Россійскимъ. Кромѣ того онъ преподавалъ Англійскій языкъ по собственной Грамматикѣ.

Третьяковъ — титулы изъ Дигестовъ: о знаменованіи словъ и о разныхъ правилахъ въ законахъ, сравнительно съ Правомъ Россійскимъ; читалъ Исторію Права и Римскихъ Древностей по Гейнекцію. Смерть 1776 годомъ прекратила жизнь и лекціи Третьякова.

Афонинъ читалъ Минералогію, Философію Ботаники съ герборизаціею въ лѣтнее время, и Зоологію, слѣдуя во всемъ Линнею. Болѣзнь въ 1776 году прекратила его чтенія и заставила Афонина переселиться изъ Москвы въ Крымъ, въ 1777 году.

Аничковъ, Инспекторъ обѣихъ Гимназій, преподавалъ Логику и Метафизику по Баумейстеру, Психологію и Естественное Богословіе, Вейдлерову Ариѳметику, Геометрію и Тригонометрію, и упражнялъ слушателей въ философскихъ преніяхъ

Берландъ де-ла Бордельеръ, подъ именемъ Почетнаго Профессора, на Французскомъ языкѣ объяснялъ газеты критически и исторически, и притомъ сообщалъ разныя достопримѣчательности изъ генеалогіи, геральдики, хронологіи, нумизматики, дипломатики и древностей, далѣе изъ Естественной исторіи, Архитектуры военной и гражданской и проч. и проч. Этотъ курсъ читался публично для желающихъ, но продолжался только два года (1772 — 1774). Тотъ же Профес-

соръ намѣренъ былъ издавать для отсутствующихъ листочекъ подобнаго содержанія съ анекдотами, примѣчаніями и проч. и проч.; но изданіе не состоялось. Объ этомъ курсѣ было особенное объявленіе въ газетахъ.

Кандидатъ Сибирской по Лудвигію читалъ Патологію, Терапію, Физіологію, Діэтетику, Физіологію спеціальную и Физіологическую Семіотику.

Керестури, питомецъ Пештскаго Университета, Лѣкарь Московскаго Военнаго Госпиталя, Прозекторъ и Операторъ, еще въ 1765 году предлагавшій списокъ вещей нужныхъ для анатомическаго театра, устроеннаго Профессоромъ Эразмусомъ, съ $177\frac{5}{6}$ Академическаго года, принялъ на себя анатомическія и хирургическія лекціи Зыбелина, перешедшаго на каѳедру покойнаго товарища своего, Веніаминова. Керестури съ того времени читалъ Неврологію и Спланхнологію по Винклеру, Хирургію по Лудвигію, всю Анатомію по Пленку.

Вечь, Докторъ Вѣнскаго Университета и ученикъ Парижскаго Профессора, Теофила Бордѐ, врачь Павловской больницы, Экстраординарный Профессоръ, съ $177\frac{7}{8}$ Академическаго года началъ лекціи Патологіи, Гигіены и всеобщей Терапіи по Людвигію.

Съ того же года началъ свои лекціи и Скіаданъ, Экстраординарный Профессоръ, родомъ Грекъ, Докторъ Лейденскаго университета. Предметомъ лекцій его была «Наука о Самопознаніи, или Основательное самого себя познаніе, къ верховному человѣческому благу руководствующее.»

Каѳедру Нѣмецкаго языка и Словесности во всѣ годы занималъ Магистръ Философіи и Свободныхъ наукъ, Лекторъ Гельтергофъ.

Каѳедру Французскаго языка и Словесности съ $177\frac{1}{2}$ года по $177\frac{5}{6}$ г. Лекторъ Сен-Никола, а съ $177\frac{5}{6}$

года Лекторъ Бодуэнь, жившій нѣсколько времени домашнимъ учителемъ въ домѣ Фонъ-Визиныхъ.

Въ Академической Гимназіи при Университетѣ Ректоръ Маттеи занималъ высшій классъ древней Филологіи съ 177½ года и объяснялъ Горація, Теренція, Плинія, Лукіана, Демосѳена, Исократа и Виргилія. Въ 1777 году, 2-го Августа, вступая въ должность Ректора, онъ произнесъ рѣчь: de interpretandi facultate ejusque praestantia et difficultate. Онъ же читалъ древности по Бурманну и упражнялъ въ Латинскомъ Краснорѣчіи. Чеботаревъ читалъ Логику и Нравоученіе по Гейнекцію, (Elementa Philosophiae rationalis et moralis), на Русскомъ языкѣ. Магистръ Урбанскій Риторику Бургіеву. Видимый свѣтъ Коменіевъ объясняли трое: Фрязинъ по-Латинѣ, Графъ Пенже по Французски, Гавриловъ по Нѣмецки. Исторія и Географія читались по Фрейеру и Шацу. Введено преподаваніе Татарскаго языка, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины, и поручено учителю Арасланову. Число учителей наукъ и художествъ доходило до 35. Замѣчательно, что учители художествъ были все Русскіе.

Особые труды Профессоровъ.

Особые труды Профессоровъ были слѣдующіе. Профессоръ Ростъ съ 177⅞ Академическаго года читалъ публичный курсъ экспериментальной Физики, по руководству Кригера, въ Университетскомъ домѣ, что у Воскресенскихъ воротъ, два раза въ недѣлю, по два часа, и, кромѣ Студентовъ, приглашалъ «всѣхъ постороннихъ, *всякаго званія* и обоего пола любителей и рачителей наукъ, къ слушанію лекцій и къ смотрѣнію чинимыхъ физическихъ опытовъ.» Профессоръ читалъ лекціи по-Латинѣ, а при немъ Студентъ объяснялъ ихъ по-Русски для непонимающихъ. Иногда Ростъ отдѣлялъ опыты отъ лекцій: курсъ читалъ

до обѣда, а опыты предлагалъ послѣ обѣда, вѣроятно, для тѣхъ любителей, которые болѣе изъ любопытства, нежели изъ любознательности, приходили на его лекціи. Судя по продолжительности этого курса, онъ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ.

Дильтей объявлялъ три приватныхъ курса у себя на дому: 1) первыя основанія Исторіи Универсальной, 2) новое Описаніе сферы, 3) Нравоученіе, Логику и Право Естественное. За каждый курсъ слѣдовало ему платить по 24 р. сер. съ уплатою трети денегъ впередъ. Кто же хотѣлъ слушать лекціи у себя на дому (lectionem privatissimam), тотъ за всѣ курсы долженъ былъ платить Профессору по 300 р. сер. въ годъ, или по 100 р. сер. за каждый порознь, но съ тѣмъ, чтобы всякой разъ привозить и отвозить Профессора въ своей каретѣ и на своихъ лошадяхъ. Дильтей намѣревался еще «учредить приватное училище служительскихъ дѣтей, въ которомъ хотѣлъ обучать ихъ на Россійскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ языкахъ, читать, писать и говорить правильно, Катихизису, Исторіи, Географіи, Нравоученію, Ариѳметикѣ, началамъ Землемѣрія, Домостроительству, Архитектурѣ и Бухгалтеріи, а особливо наукѣ, какъ воспитывать юношество, *съ пользою для своихъ господъ*, чтобъ могли вступать въ домы дядьками, домашними секретарями и прикащиками.» Купленъ былъ домъ для этой цѣли Профессоромъ; приготовлены учители; объявлена цѣна умѣренная по 60 р. сер. въ годъ, исключая одежды и книгъ;[10] но проэктъ образованія крѣпостныхъ гувернеровъ, по видимому, не имѣлъ успѣха. Дильтей же издалъ въ 1772 году: *Начальныя основанія Вексельнаго права, а особливо Россійскаго, купно и Шведскаго*; перевелъ на Нѣмецкій языкъ и издалъ въ 1774 году, съ посвященіемъ Епископу Николаю Сестренцевичу, Высочайшія церковныя по-

становленія Императрицы Екатерины II, касающіяся всѣхъ Римско-Католическихъ подданныхъ Россійскаго государства.[11] Онъ же продолжалъ неутомимо свои изданія: универсальной Исторіи 4-й томъ (1773) и Essai Géographique sur la Russie avec le Blason et la Généalogie de la maison régnante, compilé de différens auteurs et manuscripts par P. H. Dilthey (1771). Переводчиками на Французской и Русскій языки этой компиляціи были ученики Дильтея: конногвардеецъ Петръ Петровичь Бибиковъ и сержантъ артиллеріи Николай Михайловичь Мацневъ. Дильтей былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и напечаталъ въ трудахъ его статью: *о вырождающихся травахъ*.[12]

Барсовъ былъ безсмѣннымъ Секретаремъ Вольнаго Россійскаго Собранія и двигалъ его литературную дѣятельность. Онъ же былъ Цензоромъ печатаемыхъ въ Университетской типографіи книгъ, которыя были важны количествомъ и достоинствомъ. Миллеръ издавалъ тогда Россійскую Исторію Татищева и Степенную книгу. Выходили Записки путешествія Шереметева, Письма къ нему Петра Великаго и Письма Шереметева къ Петру; Записокъ Сюлли въ переводѣ печатался уже 4-й томъ на иждивеніи Высочайшаго Кабинета. Самъ Барсовъ, въ 1776 году, издалъ 2-й томъ *Бильфельдовыхъ политическихъ наставленій*, имъ самимъ переведенный. Императрица, въ 1775 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, празднуя въ Москвѣ торжество мира, пожаловала Барсову чинъ Коллежскаго Совѣтника.

Статистическія лекціи Профессора Рейхеля, бывшаго библіотекаремъ Университета, были переведены съ Латинскаго на Русскій языкъ ученикомъ его, Студентомъ Байбаковымъ, который перешелъ въ монашеское званіе съ именемъ Аполлоса и былъ учителемъ Риторики въ Московской Академіи, а въ 1776

году Ректоромъ Троицкой Семинаріи. Онѣ изданы были подъ заглавіемъ: «*Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ*, собранное изъ публичнаго въ 1773 году обученія Исторіи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и до самыхъ новѣйшихъ временъ продолженное.»[15] Издатель пользовался своими собственными записками и Латинскою тетрадью своего Профессора. Это, по словамъ Бакмейстера, первая Статистика, вышедшая на Русскомъ языкѣ. Здѣсь описаны государства: Испанія, Португаллія, Франція, Великобританія, Соединенные Нидерланды, Данія, Швеція, Польша, и каждое изъ осьми государствъ въ отношеніяхъ естественномъ, церковномъ, политическомъ, экономическомъ и ученомъ, какъ по современному его состоянію, такъ и съ частыми указаніями на прошедшее. Подъ именемъ естественнаго положенія страны разумѣются, кромѣ природы и населенія, нравы, обычаи и наклонности народа. Замѣчательны слова Рейхеля объ Россіи того времени: «теперь Европа раздѣлена на двѣ главныя партіи: къ одной принадлежитъ Австрія и домъ Бурбонскій, къ другой Великобританія съ своими союзниками. Но при точнѣйшемъ наблюденіи легко замѣтить, что въ сѣверной части Европы Россія поддерживаетъ равновѣсіе,» препятствуя, прибавляетъ Бакмейстеръ, въ Германіи перевѣсу Австрійскаго и Брандебургскаго дома. Кромѣ того, Рейхель издалъ въ 1773 году *Краткую Исторію о Японскомъ государствѣ*, тоже самое подъ заглавіемъ: *Исторія о Японскомъ государствѣ*, въ 1778 г., и перевелъ на Нѣмецкій языкъ Догматы Христіанскія Православныя вѣры, въ Богословскомъ ученіи предложенные и изъясненные Архимандритомъ Ѳеофилактомъ (1773).

Изъ иностранныхъ Профессоровъ въ эти годы своею дѣятельностію у насъ и за границею особенно славенъ былъ Профессоръ Маттеи. Въ 1773 году онъ издалъ Греческую Христоматію въ пользу обѣихъ Гимназій и образчикъ лексикона по рукописямъ. Будучи допущенъ по Высочайшему повелѣнію къ Греческимъ рукописямъ Сѵнодальной библіотеки, онъ неутомимо печаталъ въ Университетской типографіи рукописи, содержавшія сочиненія Христіанскихъ и языческихъ писателей, и въ 1776 году издалъ описаніе Греческихъ рукописей Сѵнодальной библіотеки. [14] Издержки на это изданіе даны были ему Потемкинымъ, о чемъ объявлено было и въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ. Шуваловъ и Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ дали деньги на изданіе нѣкоторыхъ Плутарховыхъ разсужденій, открытыхъ Маттеи.

Лекторъ Гельтергофъ, въ 1771 году, издалъ Россійской Целларій, или Этимологической Россійской Лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ Россійскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ, также съ сокращенною Россійскою Этимологіею. Миллеръ побуждалъ и поощрялъ Гельтергофа къ этому труду.

Между учителями, или, какъ ихъ называли тогда, информаторами Гимназіи, особенною дѣятельностію отличался Чеботаревъ, готовившійся быть Профессоромъ Университета. Еще въ 1766 году, будучи студентомъ, онъ сдѣланъ былъ кустосомъ Университетской библіотеки, а послѣ помощникомъ библіотекаря, и въ 1767 году опредѣленъ въ информаторы Исторіи. Въ 1776 году онъ произведенъ былъ въ Экстраординарные Профессоры Логики и Нравоученія при Гимназіи, а въ 1778 году въ Ординарные. Уже извѣстный своимъ переводомъ Крат-

кой Всеобщей Исторіи Фрейера, которую издалъ онъ съ своимъ предисловіемъ, обнаруживающимъ ясный взглядъ на преподаваніе этой науки, и съ прибавленіемъ Ломоносовскаго Краткаго Россійскаго Лѣтописца, Чеботаревъ въ 1776 году издалъ *Географическое методическое описаніе Россійской Имперіи*, съ надлежащимъ введеніемъ къ основательному познанію земнаго шара и Европы вообще. Профессоръ Перевощиковъ въ своихъ чертахъ изъ Исторіи И. М. Университета назвалъ эту книгу образцовою въ своемъ родѣ. [15] Она, кромѣ общаго географическаго введенія, отличающагося рѣдкою отчетливостію, представляетъ полную картину современнаго состоянія Россійской Имперіи, раздѣленной тогда на 22 губерніи, и содержитъ весьма любопытныя топографическія подробности о городѣ Москвѣ и о Московскомъ Университетѣ.

Акты Университета.

Акты Университетскіе происходили еще съ бо́льшею торжественностію въ обрядахъ, которую любилъ Мелиссино. При производствѣ учениковъ въ Студенты въ торжественномъ собраніи, одинъ изъ нихъ обыкновенно обращался съ Латинскою просительною рѣчью къ Директору, Директоръ съ такою же рѣчью къ Куратору, Кураторъ произносилъ Латинскую похвалу Ректору, Профессорамъ и Студентамъ, и самъ изъ рукъ своихъ раздавалъ шпаги ученикамъ и медали Студентамъ. Минута въ самомъ дѣлѣ была для нихъ торжественная. На глазахъ столицы наука давала, вмѣстѣ со шпагою, дворянское достоинство людямъ всѣхъ званій. Этотъ обрядъ былъ выше, по своему значенію, рыцарскаго обряда феодальныхъ временъ Запада. Новые Студенты читали благодарственныя рѣчи и стихи. Въ описаніи акта 30 Іюня 1775 года встрѣчаемъ

имя Студента Страхова, который говорилъ Латинскую благодарственную рѣчь. Актъ заключался всегда привѣтствіемъ посѣтителямъ отъ Инспектора обѣихъ Гимназій. Эту должность правилъ въ то время Профессоръ Аничковъ.

На актахъ, которые бывали въ Университететѣ по случаю царскихъ торжествъ, Мелиссино ввелъ въ обычай совершать публично ученыя производства. Такъ въ 1776 году, на актѣ 22-го Апрѣля, Маттеи и Чеботаревъ были произведены въ Экстраординарные Профессоры: изъ нихъ первый говорилъ Латинскую благодарственную рѣчь, а второй Русскую. Въ 1778 году Января 23-го, когда Университетъ праздновалъ рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, Мелиссино произвелъ Чеботарева, Веча и Скіадана въ Ординарные Профессоры, а Сибирскаго, Керестури, Гельтергофа и Бодуэня въ Экстраординарные. Тогда же информаторы: Синьковскій, Фрязинъ, Климовъ и Роговъ, произведены въ Магистры, а Студентъ Верещагинъ въ Баккалавры. Оба дома Университетскіе, у Воскресенскихъ воротъ и на Моховой, бывали въ такіе дни вечеромъ иллюминованы.

Кромѣ двухъ царскихъ праздниковъ, дня рожденія Императрицы Екатерины II (Апрѣля 21), съ которымъ Университетъ соединялъ память дня своего открытія (Апрѣля 26), и дня восшествія на престолъ (Іюня 29), въ который онъ праздновалъ заключеніе своего Академическаго года, совершались еще въ стѣнахъ его торжества по случаю важныхъ государственныхъ событій. Профессоръ Краснорѣчія Барсовъ всходилъ тогда на ораторскую каѳедру и говорилъ Русское слово. Въ 1775 году, Іюля 25, онъ славилъ послѣдствія мира, заключеннаго съ Портою

при Кучукъ-Кайнарджи: независимое положеніе Крыма, ограниченіе Турецкой власти въ княжествахъ Валахскомъ и Молдавскомъ и въ странахъ Греческихъ, и помощь тѣмъ поданную единовѣрнымъ съ нами народамъ. Въ 1776 году Октября 15, торжествуя бракосочетаніе Великаго Князя Цесаревича Наслѣдника Павла Петровича съ Великою Княгинею Маріею Өеодоровною, а въ 1778 году Января 23 рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, Университетъ устами Барсова выражалъ радостныя чувства Русскаго сердца о томъ, какъ этими двумя событіями утверждались надежды всей Россіи на наслѣдованіе престола Имперіи. Рожденіе Александра Павловича, кромѣ того, праздновано было рѣчами на всѣхъ языкахъ, какіе только преподавались при Университетѣ, даже на Татарскомъ.

Въ рѣчахъ на темы ученыя замѣтно въ Профессорахъ двоякое стремленіе: или дѣйствовать на умственное и нравственное усовершенствованіе жизни отечества, распространеніемъ здравыхъ и основательныхъ понятій во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, касающихся человѣческаго образованія; или наукою приносить пользу общежитію и усиливать внѣшнее благосостояніе народа. Юридическое разсужденіе Десницкаго: *о вещахъ священныхъ, святыхъ и принятыхъ въ благочестіе, съ показаніемъ правъ, какими оныя у разныхъ народовъ защищаются* (1772—Апрѣля 22), разъясняетъ Русскому человѣку понятія о святомъ и священномъ въ религіи и государствѣ. Въ другомъ разсужденіи: *о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими* (1775 Іюня 30), Рѣчи.

Профессоръ возноситъ Христіанское понятіе о супружествѣ надъ всѣми другими понятіями, Въ третьемъ разсужденіи Десницкаго: *о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства, и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ высокопокровительствуемыхъ училищахъ* (1778 Апрѣля 22), ясно и глубоко сознана необходимость науки законовѣдѣнія, систематическаго изложенія всѣхъ правъ Россійскихъ, каѳедры теоретической и практической, основательнаго познанія общихъ наукъ для юриста, и предложенъ планъ книги Россійскихъ персональныхъ правъ. Шаденъ въ своей рѣчи: *о правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей*[16], указываетъ на значеніе семейства въ обществѣ и на задачу въ немъ родителей— на воспитаніе дѣтей; сознаетъ необходимость для каждаго государства имѣть свою систему воспитанія, тѣсно связанную съ его общественными потребностями; проходитъ всѣ періоды воспитанія по возрастамъ, побуждаетъ матерей къ кормленію младенцевъ; нападаетъ на Руссо, отдаляющаго своего Эмиля отъ общества; превосходно излагаетъ обязанности наставника и учителя; грозно преслѣдуетъ предразсудки Русскихъ дворянъ, ищущихъ воспитателей для дѣтей своихъ по рынкамъ, между портными и парикмахерами; выставляетъ необходимость школъ; призываетъ родителей содѣйствовать ихъ совершенствованію, и наконецъ все заключаетъ обращеніемъ къ Религіи, безъ которой нѣтъ успѣха въ воспитаніи. Авторъ этой рѣчи вполнѣ обнаружилъ свое право на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ воспитателемъ Карамзина. Профессоръ Аничковъ въ рѣчи своей: *о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи познанія человѣческаго* (1774), указываетъ на обманы чувствъ и на предразсудки, какъ на пре-

пятствія науки въ стремленіи ея къ истинѣ. Замѣчательна, по высокому нравственному значенію въ вѣкѣ матеріализма, рѣчь того же Профессора-философа: *о невещественности души человѣческой и изъ оного происходящемъ ея безсмертіи* (1777). Высокую практическую пользу для общества и для Русскаго народа должны были имѣть три слова Зыбелина: 1) *о вредѣ, проистекающемъ отъ содержанія себя въ теплотѣ излишней* (1773); 2) *о правильномъ воспитаніи съ младенчества въ разсужденіи тѣла, служащемъ къ размноженію въ обществѣ людей* (1775); 3) *о сложеніяхъ тѣла человѣческаго и о способахъ, какъ оныя предохранять отъ болѣзней* (1777). Во всѣхъ трехъ рѣчахъ опытный и проницательный врачь предлагаетъ множество полезныхъ совѣтовъ, примѣняясь къ Русской природѣ и Русской жизни съ ея нравами и обычаями. Замѣчательна также своимъ свѣтлымъ взглядомъ рѣчь Профессора Веча: *о способахъ, какъ дѣлать примѣчанія и наблюденія по Врачебнымъ искусствамъ*[17], гдѣ врачь называетъ искусство наблюденія совѣщаніемъ съ природою для испытанія свойствъ ея и дѣйствій.

Цѣлью практической житейской пользы отличаются—рѣчь Афонина: *о пользѣ, знаніи, собираніи и расположеніи чернозему, особливо въ хлѣбопашествѣ* (1771), гдѣ Профессоръ предложилъ сельскимъ хозяевамъ собирать всякія зѐмли и располагать ихъ такъ, какъ Минералоги располагаютъ свои кабинеты, съ запискою свойствъ, названія уѣзда, деревни и самаго поля, съ котораго земля взята; рѣчь Роста: *о вредномъ воздухѣ въ жилищахъ простаго народа*, съ содержаніемъ которой мы уже знакомы; его же рѣчь: *о удобныхъ способахъ къ утушенію свирѣпствующихъ въ Россіи пожаровъ*[18]; рѣчь Сибирскаго: *химическое разсужденіе*

о сгараемыхъ тълахъ, естествомъ и искусствомъ произведенныхъ (1778). Юридическія рѣчи Дильтея отличались также практическимъ характеромъ. Таковы: 1) *о конкурсѣ вексельныхъ заимодавцевъ, и о томъ что вексели точно до однихъ купцовъ принадлежатъ* (1771) [19] и 2) de libello supplici (1776).

Вѣдомости и ихъ извѣстія.

Московскія Вѣдомости, издаваемыя при Университетѣ, въ теченіи этого времени, чрезвычайно какъ выиграли во внутреннемъ составѣ и содержаніи. Величина ихъ текста выросла вдвое, особенно съ 1776 года. Извѣстія о Русскомъ Дворѣ и его праздникахъ, о пріемѣ пословъ, о путешествіи Великаго Князя Павла Петровича въ Берлинъ, описанія праздниковъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, особенно со времени открытія намѣстничествъ, много оживили ихъ. Нашли необходимымъ надбавить на нихъ цѣну [20]. Съ 1778 года начали при Вѣдомостяхъ ежемѣсячно печататься «Извѣстія Императорскаго Воспитательнаго Дому, къ удовольствію общества служащія.»

Изъ Вѣдомостей 1774 года извлекаемъ извѣстія о нѣкоторыхъ событіяхъ, относящихся къ Университету. 5-го Января, на публичныхъ упражненіяхъ юношества, которыя совершались на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, кромѣ знатныхъ особъ и публики, присутствовали Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій, Ея И. В. Лейбъ-Кирасирскаго полку Вице-полковникъ, Принцъ Сальмъ-Сальмскій, Каммергеръ Короля Испанскаго Графъ Крильонъ, Полковникъ Браунъ, присланный ко Двору Ея И. В. отъ Римскаго Императора и Императрицы съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ В. К. Павла Петровича и В. Княгини Наталіи Алексѣевны. Принцъ Сальмъ-Сальмскій

и Графъ Крильонъ осматривали Университетскую типографію, библіотеку, физическую камеру, гдѣ для нихъ дѣлали опыты, и минералогическій кабинетъ.

13-го Марта, въ томъ же году наслѣдный Принцъ Гессенъ-Дармштадскій, Лудовикъ, родной братъ Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, посѣтилъ Университетъ и осматривалъ библіотеку, физическую камеру, минералогическій кабинетъ, анатомическій театръ и типографію. Въ физической камерѣ для него дѣлали опыты, а въ типографіи печатали стихи на языкахъ Нѣмецкомъ, Французскомъ и Русскомъ. Въ большой аудиторіи, Профессоръ Рейхель говорилъ Принцу рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ; Студенты и ученики говорили рѣчи на Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ и Русскомъ языкахъ.

Въ 1775 году Типографія М. Университета привѣтствовала Графа Никиту Ивановича Панина стихами на разныхъ языкахъ, а въ 1777 году Князя Станислава Понятовскаго Латинскимъ стихотвореніемъ.

Возвращеніе Шувалова изъ-за границы.

Къ событіямъ, радостнымъ для Университета, относится возвращеніе И. И. Шувалова изъ-за границы въ С.-Петербургъ, 17-го Сентября 1777 года. Университетъ выразилъ свою радость «первому своему учредителю и Куратору» одою Студента Ивана Верещагина, которую Кураторъ Мелиссино перевелъ на Нѣмецкой языкъ стихами. И подлинникъ и переводъ были напечатаны.

Дѣйствія Вольнаго Россійскаго Собранія.

Января 14-го, 1772 года, Вольное Россійское Собраніе возобновило засѣданія свои, прекращенныя моровою язвою, въ томъ же домѣ у Воскресенскихъ воротъ. Почетными членами этого общества были: Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, Князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ и многія другія знатныя особы;

дѣйствительными, кромѣ всѣхъ Профессоровъ Университета, Княгиня Дашкава, Веревкинъ, Миллеръ, Протоіерей Алексѣевъ, Рычковъ, Нартовъ, Новиковъ, Рубанъ, Навроцкій, Бакмейстеръ, Демидовъ (П. Г.), Потемкинъ (Г. А.), Князь Щербатовъ историкъ, Потемкинъ (П. С.), Плещеевъ, Домашневъ, Херасковъ, Майковъ (В. И.), Фонъ Визинъ (Д. И.), Коваленской (М. И.), Плещеевъ (С. И.), Сумароковъ, Муравьевъ (М. Н.), Томанскій (Ѳ. О.), Зоричь и другіе. Лучшіе Студенты являются аускультантами общества: въ числѣ ихъ видимъ Падерина, будущаго учителя Исторіи при Гимназіи.

Собраніе дѣлало разные опыты къ сочиненію Русскаго Словаря; разсматривало Словарь Церковный, составленный трудами члена своего, Протоірея Алексѣева, и въ 1773 году издало его, посвятивъ Императрицѣ, а въ 1776 году дополненіе къ этому Словарю; также Введеніе къ Астраханской Топографіи; писало ко всѣмъ преосвященнымъ Архіереямъ Россійскимъ и къ нѣкоторымъ другимъ духовнымъ особамъ письма о сообщеніи Собранію рѣдкихъ словъ въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ мало извѣстныхъ, также лѣтописей и другихъ памятниковъ историческихъ; послало къ Архіереямъ и Губернаторамъ экземпляры напечатаннаго въ Университетской типографіи Географическаго Словаря съ просьбою просмотрѣть, дополнить и исправить статьи, касающіяся мѣстъ, ими управляемыхъ. Собираніе и приведеніе въ азбучный порядокъ реченій для общаго Словаря Россійскаго поручено было одному изъ членовъ. Собраніе въ засѣданіяхъ своихъ выслушивало этотъ словарь и опредѣляло реченія, готовыя къ изданію. — Съ 1774 года по 1778-й оно издало четыре тома Опыта Трудовъ своихъ. Въ нихъ напечатаны: въ довольномъ числѣ замѣчательныя старинныя грамоты и другіе акты;

рѣчи Мелиссино, Профессоровъ Барсова и Зыбелина; многія любопытныя историческія статьи, какъ на примѣръ: Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ Гвардіи; переводы съ Англійскаго, въ которыхъ видимъ участіе Княгини Дашкавой, и переводы съ Французскаго; стихотворенія и въ ихъ числѣ переводы въ стихахъ изъ Горація, и оригинальныя произведенія М. Н. Муравьева, между которыми встрѣчаемъ написанное гекзаметромъ его стихотвореніе: Роща.[92]—Князь П. И. Рѣпнинъ, почетный членъ Общества, въ 1777 году предложилъ двѣ задачи съ преміею во 100 р. сер. каждую и третью съ преміею въ 50 р.. Первая задача была: указать ближайшія и лучшія средства и правила къ усовершенствованію и обогащенію языка, въ особенности Россійскаго; вторая: изготовить нравоученіе, на подобіе катихизиса, которое для юношества могло бы служить вѣрнымъ руководствомъ; третья: Латинскіе техническіе термины по приложенному списку, или совершенно удобнымъ для постояннаго употребленія способомъ перевести по-Русски равнозначительными словами, или по крайней мѣрѣ достаточно объяснить. За исключеніемъ нѣкоторыхъ названій наукъ, всѣ эти словà, числомъ отъ трехъ до четырехъ сотъ, были заимствованы изъ Логики и Метафизики. Срокъ представленію сочиненій на эти задачи былъ назначенъ 1-го Марта 1778 года. — Засѣданія Собранія были по прежнему торжественны. Многія знатныя особы на нихъ бывали. Здѣсь являлся нерѣдко и Потемкинъ, когда наѣзжалъ въ Москву. Онъ сиживалъ за столомъ, обратясь спиною къ Мелиссино, котораго не любилъ, и лицомъ къ безсмѣнному Секретарю Барсову, своему любимому наставнику, и выставляя на показъ бриллiантовыя пряжки башмаковъ своихъ, щеголялъ ими передъ Студентами, которые въ мундирахъ, стоя вокругъ,

присутствовали при этихъ засѣданіяхъ. Петръ Ивановичь Страховъ, красовавшійся тогда въ ряду Студентовъ, помнилъ эти засѣданія и передалъ подробности своему племяннику, Петру Иларіоновичу.

Труды Студентовъ.

Студенты и питомцы Московскаго Университета являются въ то время весьма полезными дѣятелями въ Русской литературѣ; переводятъ и издаютъ множество дѣльныхъ книгъ.

Бывшій слушателемъ Московскаго Университета, тогда уже Коллежскій Ассессоръ, Н. И. Бантышъ-Каменскій издалъ для Университетскихъ питомцевъ двѣ полезныя Латинскія книги, которыя безпрерывно находились въ ихъ рукахъ: *Риторику Бурія* (1776), извѣстную также подъ именемъ Риторики Бреславской (Vratislavensis), и *Баумейстеровы Элементы новѣйшей Философіи*. Первую онъ снабдилъ Русскими примѣрами и примѣчаніями, а списокъ Нѣмецкихъ писателей замѣнилъ спискомъ книгъ, вышедшихъ на Русскомъ языкѣ, числомъ до 900, раздѣливъ ихъ на 7 отдѣленій. Изъ предисловія ко второй книгѣ мы узнаемъ, что во всѣхъ училищахъ Русскихъ, гдѣ только преподавалась Философія, Баумейстеровъ учебникъ служилъ единственнымъ руководствомъ — и не смотря на то, экземпляры книги были такъ рѣдки, что молодые люди принуждены бывали, или платить за нихъ дорогою цѣною, или даже списывать ихъ. Чтобы пособить этому недостатку, Бантышъ-Каменскій предпринялъ это изданіе. Въ первомъ томѣ помѣстилъ онъ Логику Баумейстера съ прибавленіемъ законовъ діалектики или искусства преній изъ Философіи Ѳеофана Прокоповича и ученія о логическихъ различеніяхъ изъ Логики Вейссе. Во второмъ томѣ напечатана Баумейстерова Метафизика; въ третьемъ Физика или извлеченіе изъ Винклеровой Philosophia Contemplativa; четвер-

тый томъ, или практическая Философія, раздѣленъ на 7 частей: первыя четыре — Всеобщая практическая Философія, Право Естественное, Нравоученіе и Политика, перепечатаны по Баумейстеру; послѣднія три — Экономическое Право, публичное государственное и церковное извлечены издателемъ изъ сочиненій Тюммига, Винклера, Крюгера, Голльманна и Капцена[22].

Другіе полезные труды Студентовъ Университета были: Гибнеровы Сто четыре Священныя Исторіи и четыре сочиненія Ѳеофана Прокоповича, переведенныя Студентомъ Матвѣемъ Соколовымъ; послѣдній переводъ посвященъ былъ Преосвященному Платону.— Родіонъ Гвоздиковскій, служившій въ Коммиссіи Уложенія, перевелъ съ Французскаго Опытъ народнаго воспитанія, или чертежъ наукъ, въ пользу юношества, сочиненный Де-ла-Шалотомъ. — Андрей Байбаковъ, Студентъ 1768 года, учитель поэзіи въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и Членъ Вольнаго Россійскаго Собранія, издалъ Правила піитическія въ пользу юношества, обучающагося въ Академіи. — Студентъ Фридрихъ (Ѳедоръ) Габлицъ издалъ Клавикордную школу, Лёлейна, или краткое и основательное показаніе къ согласію и мелодіи практическими примѣрами изъясненное, переводъ съ Нѣмецкаго. — Студ. Александръ Шумлянскій перевелъ съ Нѣмецкаго сочиненіе Геллерта: Учительныя разсужденія противъ немощной и болѣзненной жизни.

Диспуты Студентовъ бывали рѣже, чѣмъ въ первоначальное время Университета. Въ 1773 году, 28-го Августа, подъ руководствомъ Профессора Аничкова, былъ диспутъ между четырьмя Студентами, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя Князя Василія Касаткина-Ростовскаго, на два тезиса Русскихъ и на два Латинскихъ, взятыхъ изъ Логики и Метафизики, изъ уче- Диспуты.

нія о душѣ и Богѣ. Приглашены были на диспутъ только лица, принадлежавшія къ Университету.

Диспутъ 23-го Сентября 1775 года былъ торжественнѣе. Руководствовалъ Дильтей. Тезисы были изъ Вексельнаго права. Защищали ихъ двое Студентовъ, а четверо оспаривали. Вотъ два изъ тезисовъ; 1) Jus cambiale, objective acceptum, est complexus legum cambialium et consuetudinum, subjective acceptum, habitus practicus leges cambiales recte intelligendi, rite interpretandi, et ad facta cambialia dextre explicandi.— 2) Cambium est contractus nominatus, litteralis et stricti juris, quo pecunia alicui ita datur, ut is pro certa mercede eandem alio in loco sive danti, sive alii cuidam solvi curet, aut etiam in eodem loco post certum temporis lapsum restituat vel danti, vel cui is praeceperit pecuniam solvi. — На этомъ диспутѣ присутствовалъ бывшій ученикъ Университета, послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира новопожалованный 10-го Іюля Графъ Россійской Имперіи, Генералъ Аншефъ и Кавалеръ Ордена Св. Ап. Андрея Первозваннаго и Св. Георгія 2-го класса, украшенный свѣжими лаврами побѣдъ надъ Турками, Григорій Александровичь Потемкинъ, признававшій себя всегда за благодарнаго питомца Университета. Извѣстная охота его къ преніямъ позволяетъ предполагать, что онъ самъ принималъ участіе въ диспутѣ. Университетъ поднесъ тогда ему собраніе небольшихъ стихотвореній въ честь его, на Русскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Италіянскомъ языкахъ, напечатанное на полуторѣ листѣ въ Университетской типографіи. Къ этому случаю, или вѣроятнѣе къ подобному другому, относится анекдотъ, сохранившійся въ устныхъ преданіяхъ Университета и записанный Бантышъ-Каменскимъ. Потемкинъ, увидѣвъ Профессора Барсова, сказалъ ему: «помните ли, Антонъ Алексѣевичь, какъ вы было выключили меня

изъ Университета?» — Ваша Свѣтлость тогда сего заслуживали, отвѣчалъ простодушный Профессоръ. Барсовъ въ 1776 году послалъ ему рѣчь свою на бракосочетаніе В. Князя Павла Петровича. Изъ всѣхъ отношеній Потемкина къ Университету видно, какъ онъ любилъ мѣсто своего воспитанія и какое живое принималъ участіе въ его успѣхахъ. Тогда-то, больнаго Афонина, своего бывшаго товарища, купившаго ему нѣкогда Бюффона на свои деньги, Потемкинъ въ 1777 году переселилъ въ Крымъ и далъ ему покойное мѣсто, соотвѣтствовавшее его познаніямъ.

Въ 1777 году 1-го Апрѣля происходилъ публичный диспутъ изъ права государственнаго или публичнаго универсальнаго, какъ его тогда называли, и народнаго, на шесть Латинскихъ тезисовъ, между Профессоромъ Шаденомъ и Студентомъ Василіемъ Скочковскимъ. Въ доказательство того, какъ Шаденъ былъ всегда провозвѣстникомъ хранительныхъ началъ монархическаго правленія, приводимъ четвертый тезисъ этого диспута: Libratis omnibus et commodis et incommodis, quae cuilibet regiminis formae peculiaria sunt, apparebit, Monarchiae primas esse concedendas.

Театръ Студентовъ.

Студенты играли иногда на театрѣ, который заведенъ былъ вновь въ 1777 году. Апрѣля 25-го они представляли передъ публикой трагедію Сумарокова: Синавъ и Труворъ, и комедію: Нечаянное возвращеніе. Въ 1778 году, на другой день послѣ акта Января 23-го, было также представленіе на студенческомъ театрѣ.

Имена Студентовъ впослѣдствіи извѣстныя.

Въ числѣ учениковъ, произведенныхъ въ Студенты, встрѣчаемъ имена Андрея Брянцова (1771), Князя Константина Енгалычева, Михаила Падерина, Ѳедора

Политковскаго (1775), Петра Страхова (1775), Петра Плавильщикова (1775), Ѳеодосія Курику (1777), Матвѣя Гаврилова (1777), Василія Аршеневскаго (1777), Князя Ивана Долгорукаго (1778), Ермила Кострова (1778). Въ 1778 году, Января 23-го, на актѣ, которымъ Университетъ торжествовалъ рожденіе В. К. Александра Павловича, Ермилъ Костровъ читалъ оду, а на актѣ Іюня 30-го Князь И. М. Долгорукій, произведенный тогда въ Студенты, Французскіе стихи: Triomphe d'Apollon sur l'ignorance. Князь Иванъ Михаиловичь принадлежитъ также къ числу благодарныхъ учениковъ Университета: ему посвятилъ онъ лучшій плодъ своего дарованія — *Бытіе сердца моего.* Приведемъ слова изъ посвященія. Чувства, ихъ одушевляющія, ведутъ начало свое отъ этого времени.

«Назвавъ книгу мою *Бытіе моего сердца*, говоритъ Авторъ, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ отъ Университета.

«Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами умственнаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущенъ на поприще жизни гражданской. Въ немъ обучался туне. — Тамъ благотворная душа *Шувалова*, назидательныя попеченія *Мелиссино*, плодовитый геній *Хераскова* образовали умъ и сердце Россіянъ! Память ихъ покровительства и благоволенія ко мнѣ снидетъ со мною во гробъ! — Тамъ искусные воздѣлатели словеснаго вертограда: *Барсовъ, Рейхель, Ростъ* съ терпѣніемъ и кротостію изучали меня познаніямъ пріятнымъ и столь необходимымъ для жизни счастливой, для достиженія въ мірѣ семъ цѣли спокойнаго существованія, для истиннаго благородства нашего одушевленія. — Тамъ прилежный наставникъ мой отъ самаго дѣтства и опытной руководитель *Чеботаревъ* пролагалъ мнѣ пути къ возвышенной нравственности и по-

добіемъ собственнаго сердца своего убѣждалъ вѣрить, что нѣтъ безъ скромности и добродѣтели благихъ дней въ подлунномъ мірѣ. — Забуду ли тѣхъ прославившихся въ Отечествѣ нашемъ людей: *Страхова*, *Курику*, *Политковскаго*, *Кострова*, коихъ осмѣливаюсь назвать своими сотоварищами по тому только отличному преимуществу, что я удостоенъ былъ чести внимать вмѣстѣ съ ними превосходнымъ лекціямъ нашихъ поучителей, сидѣть рядомъ съ ними на одной и той же лавкѣ, и изъ коихъ каждой, съ снисхожденіемъ обращая на меня взоры свои, преподавалъ мнѣ ту мѣру понятія, какая необходима была, дабы сколько нибудь сблизить страшное разстояніе между ихъ дарованіями и моими слабыми успѣхами? — Забуду ли самые стѣны тогдашняго храма Музъ, въ которыхъ испытывалъ я каждодневно столь великія щедроты Небесъ? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ и развалины ихъ любезнѣе всего дивнаго въ зодчествѣ нашего вѣка!!»

Съ благодарностію припоминаетъ потомъ Авторъ Камина, какъ Университетъ, и послѣ его вступленія въ свѣтъ, привязалъ его къ себѣ литературною дѣятельностію, какъ далъ ему званіе Аускультанта Вольнаго Россійскаго Общества, какъ потомъ почтилъ его дипломомъ Почетнаго Члена Общества Любителей Словесности.

Въ этомъ отголоскѣ любви къ Университету одного изъ его питомцевъ какъ бы слышится голосъ всѣхъ его сверстниковъ. Свято чтили они мѣсто своего воспитанія — и любовь къ нему погасала на землѣ только съ ихъ жизнію.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ пятой Главѣ.

1. Эта рѣчь сохранилась въ 6-мъ Томѣ Собранія рѣчей и актовъ, подареннаго И. М. Снегиревымъ Московскому Университету, на Латинскомъ языкѣ; но тогда напечатана была съ Русскимъ переводомъ.

2. Моск. Вѣд. 1771 г. № 16.

3. Экземпляры на всѣхъ четырехъ языкахъ сообщены П. Ил. Страховымъ.

4. Моск. Вѣд. 1771 года № 46.

5. № 29.

6. Вышелъ послѣдній № 1771 года, 93-й. О праздновании тезоименитства Императрицы 24-го Ноября напечатано во 2-мъ № 1772 года.

7. Описаніе моровой язвы, бывшей въ стол. гор. Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ. Напечат. 1775 г. при И. М. У. 249, 250 и 331.

8. Заглавіе Русскаго современнаго перевода, а Латинское: Sermo de aëre nocuo in tricliniis praesertim plebejorum: et quomodo ille facili negotio salubrior reddi potest. Оба экземпляра находятся въ 6-мъ Томѣ коллекціи рѣчей, подаренной Университету И. М. Снегиревымъ. Русской переводъ рѣчи продавался тогда по 25 коп. (№ 40. М. Вѣд. 1772 года).

9. Каталоги лекцій за эти годы сохранились въ портфёляхъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ и въ первыхъ пяти томахъ Бакмейстеровой Russische Bibliothek. Кромѣ того каталогъ лекцій за $177\frac{7}{8}$ годъ во 2-мъ Томѣ

коллекціи, подаренной Университету И. М. Снегиревымъ. Профессоры здѣсь поставлены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ находятся въ каталогахъ лекцій.

10. Моск. Вѣд. 1777 года № 4.

11. Allergnädigste Kirchenordnung Ihro Kayserlichen Majestät Catharina II. Selbstherrscherinn aller Reussen etc. etc. für alle römischcatholische Gemeinen des Russischen Reichs. M. 1774.

12. VII. Часть Тр. В. Э. О. 1767 г.

13. Переведено съ Латинскаго. Печатано при И. М. У. 1775.

14. Notitia codicum manuscriptorum graecorum Bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae graeco-Rossicae.

15. Московскій Городской Листокъ 1847 года. № 192.

16. De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum, circa educationem liberorum. 1773 Апрѣля 22.

17. Такъ переведено по-Русски въ современномъ № (54) Вѣдомостей 1777 года. Латинское заглавіе: De arte observandi et experiundi in medicis.

18. Sermo de commodis in Rossia contra incendiorum furorem adminiculis. 1774 Іюня 30.

19. Латинское заглавіе: De concursu creditorum cambialium, cambiisque ad solos mercatores merito restringendis.

20. На 1777 годъ повышена цѣна Вѣдомостей: вмѣсто 6 р. на ордин. бумагѣ съ прибавленіями, онѣ продавались по 7 руб., а на бѣлой бумагѣ вмѣсто 7 по 8 руб.

21. Т. IV. 1778. стран. 295.

22. Заглавія обѣихъ книгъ, изданныхъ Б. Каменскимъ: 1) Ioh. Frider. Burgii elementa oratoria, ex antiquis atque recentioribus, facto praeceptorum delectu, tironibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentis sensim ad difficiliora et summa justo ordine manuducendis et prudenter instituendis accommodata; antea quidem in usum Gymnasiorum Vratislavensium nunc vero juventutis Rossicae revisa, aucta, et emendata. Edidit Nicolaus Bantisch - Kamenski. Typis Imp. Mosq. Univers.

1776. 2) M. Frid. Crist. Baumeisteri Elementa Philosophiae recentioris, pluribus sententiis exemplisque ex veterum scriptorum Romanorum monimentis illustrata; nunc vero Physica, nec non Oeconomica, Publica et Ecclesiastica Iurisprudentia, quibus accessit duplex appendix, exhibens regulas disputandi atque distinguendi, aucta; usibus juventutis Rossicae adornata. Edidit Nicolaus Bantisch-Kamenski. Typis Imper. Mosq. Univers. 1777.

ГЛАВА VI.

КУРАТОРСТВО И. И. ШУВАЛОВА, В. Е. АДАДУРОВА, И. И. МЕЛИССИНО И М. М. ХЕРАСКОВА, ДО ОКОНЧАНІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

от 28-го июня 1778 года до 6-го ноября 1796 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Херасковъ Кураторомъ. — Учрежденіе Университетскаго Благороднаго Пансіона. — Типографскій контрактъ съ Новиковымъ.— Учрежденіе Педагогической семинаріи. — Возвращеніе Мелиссино. — Открытіе Ученаго Дружескаго Общества. — Преподаваніе (1778—1796). — Особые труды Профессоровъ. — Вольное Россійское собраніе. — Рѣчи Профессоровъ. — Посѣщенія Шувалова. — Юбилей двадцатипятилѣтія. — Посѣщеніе Императора Іосифа II. — Другія внѣшнія событія. — П. И. Фонъ-Визинъ Директоромъ. — Кончина Графа З. Г. Чернышева. — Открытіе Народныхъ Училищъ. — Открытіе Общества Любителей Учености. — Производство перваго Доктора Медицины. — Кончина Мелиссино. — Литературная дѣятельность Университета при Новиковѣ. — Содержатели типографіи: Свѣтушкинъ и Окороковъ, Ридигеръ и Клаудій. — Имена Студентовъ, впослѣдствіи извѣстныхъ. — Студенческій уставъ. — Собраніе питомцевъ. — Студенческая жизнь по преданіямъ очевидцевъ.

—

28-го Іюня 1778 года, Императрица Екатерина II, въ день восшествія своего на престолъ, пожаловала перваго учредителя Университета, И. И. Шувалова, въ Оберъ-Каммергеры, а М. М. Хераскова, который въ Іюлѣ 1775 года оставилъ по своему желанію долж- Херасковъ Кураторомъ.

ность Вицепрезидента Бергъ-Коллегіи, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, назначила Куратором Университета съ окладомъ изъ Статсъ-Конторы по 1875 р. въ годъ. Мелиссино, сохранивъ званіе Куратора, получилъ въ тоже время Высочайшее позволеніе ѣхать за границу.

Учрежденіе Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Первая мысль Мелиссино была учредить Вольное Россійское Собраніе, первая мысль Хераскова учредить Вольный Пансіонъ при Университетѣ. Объявленіе объ немъ напечатано въ первый разъ Декабря 15-го, 1778 года, въ 100 номерѣ Московскихъ Вѣдомостей, и повторено Января 5-го, 1779 года, въ номерѣ второмъ.

Судя по быстрому успѣху этого заведенія, можно справедливо заключить, что оно отвѣчало потребностямъ времени. Первымъ намѣреніемъ Университетскато начальства было, съ начала 1779 года, открыть Вольный Пансіонъ только на 12 питомцевъ, по причинѣ тѣсноты дома; оно обѣщало обучать ихъ, содержать и воспитывать на томъ же основаніи, какъ и другихъ Университетскихъ пансіонеровъ. Годы вступающимъ дѣтямъ опредѣлены были не моложе 9-ти и не старѣе 14-ти. Плата годовая за полное содержаніе, кромѣ бѣлья и прачки, 80 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы они взносимы были впередъ. Желающіе могли имѣть особый столъ и платили за него сверхъ 80-ти 40 р. Начальство требовало, чтобы дѣти неотлучно оставались въ Пансіонѣ, даже и въ праздничные дни; отпускать же къ родителямъ соглашалось въ такомъ только случаѣ, когда они сами лично пріѣзжали за дѣтьми своими. Въ Декабрѣ того же года Начальство объявило, что въ слѣдствіе многаго числа желающихъ, число пансіонеровъ Вольнаго Пансіона будетъ 50 человѣкъ съ платою за каждаго по 150 р. Прибавка платы объясняется тѣмъ, что потребовалось нанять

особенный домъ. Просили также родителей объявить, что желаютъ оставить дѣтей на 3 года. Главнымъ начальникомъ Пансіона былъ Директоръ Университета: къ нему должны были обращаться родители. Въ объявленіи 1783 года заведеніе называется Дворянскимъ воспитательнымъ училищемъ, подъ именемъ Вольнаго Благороднаго Пансіона. Оно помѣщено было въ особомъ для него купленномъ домѣ. Три цѣли показаны на видъ: 1) научить дѣтей или просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями, 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе, 3) сохранить ихъ здоровье. Въ этомъ году опредѣленъ былъ Инспекторомъ ученія въ Пансіонѣ Геймъ. Въ адресъ-календарѣ 1788 года значится Главнымъ его Надзирателемъ и Экономомъ Крупениковъ.

Въ 1785 году была мысль основать при Университетѣ такой же купеческій Пансіонъ для дѣтей, посвящающихъ себя коммерціи, съ платою по 200 р. въ годъ. Напечатано было объявленіе о подобномъ заведеніи. Но намѣреніе, какъ видно, не удалось.

Жизнь новорожденнаго Пансіона скоро тѣсно сроднилась съ жизнію Университета. Подъ сѣнью нашего вѣтвистаго разсадника просвѣщенія процвѣталъ, какъ его отпрыскъ, и маленькой, лелѣемый вниманіемъ всего дворянскаго сословія. Ученики Пансіона, вмѣстѣ съ учениками Гимназій, присутствовали всегда на актахъ Университета. Акты и экзамены Пансіона прилежно были посѣщаемы Кураторами Мелиссино и Херасковымъ, и знатными дворянами Москвы, между которыми встрѣчаемъ имена Князя Александра Александровича Прозоровскаго, Князя Александра Михайловича Голицына, Графа Ѳедора Андреевича Остермана. Въ 1790 году Пансіонъ перемѣщенъ былъ на Тверскую, въ домъ Межевой Канцеляріи, который, по ходатайству тогдашняго Московскаго Военнаго Гу-

бернатора, П. Д. Еропкина, Императрица пожаловала съ этою цѣлію Университету. Въ 1791 году Инспекторомъ Пансіона опредѣленъ А. А. Антонскій, съ 1787 года преподававшій въ немъ Естественную Исторію. Тогда начерталъ онъ новое постановленіе для училилища и немедленно началъ заботиться объ изданіи учебныхъ для него книгъ. Подъ его-то руководствомъ и подъ сѣнью Университета, на мѣстѣ, столько памятномъ для всѣхъ воспитанниковъ Пансіона, процвѣло это заведеніе, бывшее въ концѣ столѣтія уже колыбелью Жуковскаго и многихъ другихъ славныхъ людей Россіи.

Типографскій контрактъ съ Новиковымъ.

Послѣ учрежденія Университетскаго Благороднаго Пансіона, другимъ дѣломъ Хераскова было заключеніе отъ имени Университета съ Поручикомъ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, съ 1-го Маія 1779 года по 1-е Маія 1789 года, контракта на десять лѣтъ, по которому типографія Университета отошла въ его содержаніе, съ обязательствомъ платить Университету ежегодно по 4500 р., производя сверхъ того всѣмъ типографскимъ служителямъ жалованье и заработанныя деньги отъ себя. Этотъ откупъ Университетской Типографіи принадлежитъ къ числу достопамятныхъ событій въ исторіи Русской литературы и просвѣщенія. Полезная дѣятельность Новикова была тогда уже извѣстна въ Россіи, когда онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Университетомъ. Въ Петербургѣ онъ издавалъ уже нѣсколько журналовъ, между которыми Живописецъ своимъ сатирическимъ направленіемъ особенно понравился публикѣ и дожилъ до нѣсколькихъ изданій; кромѣ того Новиковъ былъ извѣстенъ опытомъ Историческаго Словаря Россійскихъ писателей, Древнею Россійскою Гидрографіей, 10 частями перваго изданія Древней Россійской

Вивлiоѳики, на которое Императрица пожаловала Новикову *знатную сумму денегъ*, [1] Исторiею о невинномъ заточенiи боярина А. С. Матвѣева и изданiемъ перiодическимъ: Утреннiй свѣтъ, которое Новиковъ докончилъ въ Москвѣ. Одаренный необыкновеннымъ духомъ предпрiимчивости, одушевленный пламенною любовью къ Русскому просвѣщенiю, Новиковъ употребилъ все свое состоянiе на такое предпрiятiе, въ которомъ выигрышъ къ проигрышу относился какъ 1 ко 100. Онъ возвысилъ механическiя средства типографiи, выписавъ изъ-за границы хорошiе иностранныя шрифты и улучшивъ Русской; оживилъ изданiе Московскихъ Вѣдомостей выпискою иностранныхъ журналовъ и прибавленiемъ къ нимъ многихъ постороннихъ перiодическихъ изданiй; завелъ другiя три типографiи, нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, учредилъ съ позволенiя правительства типографическую компанiю; соединилъ около себя любознательную и просвѣщенную молодежь Университета; призвалъ ее къ дѣятельности; далъ ей для того ученыя и денежныя средства; заставлялъ переводить книги дѣльныя, глубокаго богословскаго, философскаго и нравственнаго содержанiя, и немедленно издавалъ ихъ. Въ 455 сочиненiяхъ и переводахъ, напечатанныхъ въ типографiяхъ Новикова и продававшихся въ его книжной лавкѣ, пересмотрѣнныхъ въ 1787 году по Высочайшему повелѣнiю Преосвященнымъ Платономъ, найдено было только шесть книгъ, которыя подвергнуты были запрещенiю; но эти книги пропущены были не Университетскою цензурою и напечатаны не въ Университетской типографiи, какъ это ясно видно изъ ихъ росписи [2]. Прочiя же всѣ дозволены и немедленно пущены снова въ продажу. Цензура, какъ извѣстно, не была еще тогда органически образована въ государствѣ. Любопытно прослѣ-

дить по Московскимъ Вѣдомостямъ библіографію Русской литературы за эти десять лѣтъ (1779 — 1789) дѣятельности Новикова при Университетѣ. Русская Словесность, въ теченіи этого времени, получила вдругъ строго-важный характеръ — и, можетъ быть, послѣдующее ея развитіе не вполнѣ оправдало надежды, которыя тогда обнаруживались. Не мѣсто здѣсь входить въ причины того. Карамзинъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ трудовъ Новикова и отчасти довершившій свое образованіе въ кругу литературномъ, который былъ имъ созданъ, оставилъ намъ такое объ немъ свидѣтельство. «Господинъ Новиковъ, говорилъ онъ въ 1802 году [2], былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріучить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то-есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось публикѣ. Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ чрезъ десять дошло до 4000.» Профессоръ Шварцъ, другъ и сотрудникъ Новикова, въ одной рукописной запискѣ своей свидѣтельствуетъ, что въ 1781 году типографія Университетская приведена была въ такое цвѣтущее

состояніе, что немного подобныхъ ей можно было указать въ Европѣ, и въ три года при Университетѣ напечатано было Новиковымъ книгъ болѣе, нежели за всѣ 24 года существованія Университета. Къ этимъ двумъ похвальнымъ свидѣтельствамъ прибавимъ третье, ограничивающее похвалы, слова М. Н. Муравьева, который сказалъ, что Новиковъ послужилъ бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ изученія древностей его. Конечно, при меньшей поспѣшности и большей разборчивости въ изданіи книгъ переводныхъ, Новиковъ не заслужилъ бы и тѣхъ нареканій, которымъ подвергся за шесть книгъ отъ Преосвященнаго Платона, отдавшаго, впрочемъ, должную справедливость его личнымъ убѣжденіямъ Христіанскимъ и пользѣ, принесенной имъ литературѣ Русской и образованію[3].

Третьимъ дѣломъ Хераскова было учрежденіе педагогической семинаріи при Университетской Гимназіи съ цѣлію улучшить образованіе учителей. Двигателемъ этого полезнаго дѣла былъ Профессоръ Іоганъ Георгъ Шварцъ. Въ Іюнѣ 1776 года пріѣхавъ въ Россію, онъ немедленно занялся Русскимъ языкомъ и старался ознакомиться съ Русскою Словесностію. Въ Августѣ 1779 года предложена была ему экстраординарная каѳедра Нѣмецкаго языка при Университетѣ. Конференція поручила тогда Шварцу обозрѣть преподаваніе въ Гимназіи и составить новый планъ ученія. Онъ предложилъ перемѣны, которыя касались порядка занятій и дополненія предметовъ; для сего послѣдняго недоставало учителей; Шварцъ, съ помощію нѣкоторыхъ друзей своихъ, нашелъ на то и средства. 13-го Ноября была открыта педагогическая семинарія; мѣсто Инспектора поручено Шварцу; Профессоры и старшіе учители Гимназіи названы ея членами. Въ 1780 году Февраля 5-го

Учрежденіе педагогической семинаріи.

Шварцъ получилъ званіе Ординарнаго Профессора Философіи и благодарность Конференціи за труды его. Работая въ теченіи года надъ уничтоженіемъ многихъ злоупотребленій, вкоренившихся въ Гимназіи, въ Февралѣ 1781 года, онъ представилъ совершенно новый планъ ученія, который былъ разсмотрѣнъ въ трехъ засѣданіяхъ Конференціи и совершено одобренъ ею. Исполненіе этого плана на дѣлѣ встрѣтило много препятствій. Труды и борьба утомили Профессора. Чтобы поправить разстроенное здоровье и чтобы умножить педагогическія средства свои обозрѣніемъ лучшихъ учебныхъ заведеній за границею, Шварцъ испросилъ позволенія ѣхать въ чужіе краи на свои собственныя издержки. Средства предлагалъ ему П. А. Татищевъ, съ сыномъ котораго онъ предпринималъ путешествіе. Въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи, пользуясь покровительствомъ значительныхъ особъ, Шварцъ достигъ своей цѣли и возвратился въ Москву съ новыми свѣдѣніями.

Свои мысли о педагогической семинаріи Шварцъ намѣренъ былъ исполнить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ при Университетѣ. Онъ думалъ учредить обширный разсадникъ воспитателей юношества и съ тѣмъ вмѣстѣ переводчиковъ-писателей, которые бы принесли пользу Русской Словесности. Въ эти мысли входило желаніе поддержать также огромное предпріятіе Новикова. Объ Новиковѣ Шварцъ слышалъ еще за границею. Молва о его драгоцѣнной библіотекѣ древне-Русскихъ рукописей проникла въ Германію и Францію. Шварцъ нетерпѣливо желалъ сблизиться съ нимъ — и не прежде могъ исполнить это желаніе, какъ поселившись въ Москвѣ при Университетѣ. Тогда началась ихъ дружба, и Шварцъ сдѣлался сотрудникомъ и помощникомъ Новикова. Въ семействахъ Русскаго дворянства, которое алкало просвѣщенія, Шварцъ своею

пылкою душою, своимъ религіозно-нравственнымъ характеромъ, своимъ краснорѣчіемъ, возбуждалъ большое сочувствіе. Кругъ его знакомства въ Москвѣ умножался ежедневно. Благолюбивый иноземецъ, любившій просвѣщеніе всею силою души, былъ въ восторгѣ отъ этого гостепріимства Русскихъ дворянъ во имя его любимой мысли. Шварцъ много содѣйствовалъ распространенію въ Москвѣ Нѣмецкаго языка и Словесности — и здѣсь, со всею вѣроятностію, можно поставить первое начало того вліянія, которое, впослѣдствіи, Германская литература оказала на нашу въ лицѣ Карамзина и его послѣдователей. Ближе узнавая положеніе воспитанія домашняго, ввѣряемаго по большей части иностранцамъ, не заслуживавшимъ довѣрія, Шварцъ захотѣлъ противодѣйствовать этому злу — и потому задумалъ основать общество, котораго цѣлію предполагалось, во 1-хъ) распространять въ публикѣ по возможности правила воспитанія, во 2-хъ) помогать предпріятію Новикова переводомъ и изданіемъ сочиненій полезныхъ, и въ 3-хъ) или привлекать изъ-за границы достойныхъ иностранныхъ воспитателей, или — чтò еще лучше — на свои издержки приготовлять Русскихъ наставниковъ. Эту мысль Шварцъ сообщилъ близкимъ своимъ знакомымъ, но долго считали они ее мечтою несбыточною и относили къ идеямъ Платоновымъ. Наконецъ онъ сблизился съ человѣкомъ, который его понялъ и предложилъ ему первыя средства для ея исполненія: это былъ Петръ Алексѣевичь Татищевъ, ввѣрившій сына своего Шварцу на воспитаніе. Вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ совершилъ онъ то заграничное путешествіе, о которомъ было уже сказано. Устроеніе связей въ странахъ запада съ педагогическою цѣлію входило также въ планы Педагога. Къ Татищеву присоединились скоро Московскіе дворяне: Князь Александръ Алексѣевичь

Черкаскій, Князь Николай Никитичъ Трубецкой, Полковникъ Василій Васильевичъ Чулковъ и еще нѣкоторые. Общество могло образоваться—и мечты Шварца приходили въ исполненіе.

Возвращеніе Мелиссино.

Не задолго до возвращенія его изъ-за границы, возвратился оттуда же въ Москву, 21-го Февраля 1782 года, Кураторъ Мелиссино и вступилъ въ управленіе Университетомъ. Мысли Шварца не встрѣтили въ немъ отголоска. Старые Профессоры не раздѣляли мнѣній его, особенно Барсовъ и Шаденъ. Они, какъ говоритъ самъ Шварцъ, обнесли стремленія его передъ Кураторомъ масонскими. Особенно же ссылались на приватныя лекціи, которыми Шварцъ привлекалъ къ себѣ въ домъ пылкое юношество. Шварцъ, однако, оправдался въ этихъ обвиненіяхъ передъ Мелиссино. Но въ обществѣ, которое затѣвалъ онъ, Кураторъ видѣлъ опасное соперничество учрежденному имъ Вольному Россійскому Собранію. Онъ предлагалъ Шварцу соединить оба эти общества вмѣстѣ, чтобы умножить средства и того и другаго; но Шварцъ не соглашался, указывая причину въ разности цѣлей: ибо главною цѣлью Ученаго Дружескаго Общества было воспитаніе.

Основатели общества, помимо Мелиссино, обратились прямо къ Главнокомандующему Москвы, Графу Захару Григорьевичу Чернышеву, и къ Преосвященному Платону. И въ свѣтскомъ, и въ духовномъ начальникѣ они нашли покровителей. Общество было признано Начальствомъ и торжественно открыто 6-го Ноября 1782 года. Прежде этого дня разослано было печатное объявленіе на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, которымъ всѣ любители наукъ приглашались на открытіе въ домъ Петра Алексѣевича Татищева. Изъ объявленія мы видимъ, что въ цѣль Общества

входило печатаніе учебныхъ книгъ и что оно уже роздало такихъ книгъ по Русскимъ семинаріямъ на 3000 рублей; что въ педагогической семинаріи приготовлено было содержаніе для тридцати юношей и что 21 уже пользовались этимъ благомъ. Объявлено также о покровительствѣ Обществу Графа З. Г. Чернышева, о благоволеніи къ нему Архіепископа Платона, о содѣйствіи Кураторовъ Мелиссино и Хераскова. При обрядѣ открытія, возвѣщалось присутствіе Графа Чернышева,—и въ числѣ ораторовъ торжества приводятся Профессоры Шнейдеръ и Баузе, и Члены Ѳедоръ Петровичь Ключаревъ и Петръ Ивановичь Страховъ.

Клеветы тогда смолкли. Въ печатныхъ спискахъ Студентовъ 1782 года мы встрѣчаемъ 20 человѣкъ, обучающихся на иждивеніи Дружескаго Ученаго Общества, и въ числѣ ихъ имена двухъ братьевъ Антонскихъ, Михаила и Антона, Павла Сохацкаго, Матвѣя Десницкаго (Митрополита Михаила), Стефана Глаголевскаго (Митрополита Серафима) и Дмитрія Дмитревскаго. Эти имена, жизнь и дѣятельность лицъ, которымъ они принадлежали, служатъ лучшимъ опроверженіемъ клеветы, которая временно оскорбляла память этого общества. Само же время обнаружило правду. Мы видимъ, что Московская Академія, Троицкая, Крутицкая и Сѣвская Семинаріи ввѣряли своихъ питомцевъ Дружескому Обществу, которое помѣщало ихъ въ своемъ домѣ, въ Армянскомъ переулкѣ, гдѣ теперь находится Лазаревскій Институтъ, подъ особеннымъ надзоромъ Профессора Шварца. Имъ же устроено было еще прежде собраніе Университетскихъ питомцевъ, для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ. Подъ покровительствомъ Ученаго Общества, оно еще дѣятельнѣе продолжало свои занятія. Окончаніе Утренняго свѣта, Московское ежемѣсячное изданіе, Вечерняя заря и

Покоющійся Трудолюбецъ были трудами молодаго собранія; но мы еще къ нему возвратимся.

Хотя Мелиссино не могъ противиться доброму учрежденію, которое началось во время его отсутствія при его товарищѣ Херасковѣ и нашло сильныхъ покровителей во власти свѣтской и духовной; но отношенія его къ Шварцу остались враждебны. Сохранилась рукописная записка жалобъ сего послѣдняго на Мелиссино, представленная имъ Хераскову, который покровительствовалъ Профессору. Шварцъ скончался 17-го Февраля 1784 года, въ деревнѣ около Москвы; не задолго до смерти своей онъ оставилъ Университетъ по разстроенному здоровью. Благодарные питомцы, Марта 26-го, посвятили особенное засѣданіе памяти ихъ наставника и благодѣтеля и почтили ее рѣчами и стихами, которые дошли до насъ въ рукописи. Здѣсь встрѣчаемъ имена предсѣдателя общества питомцевъ, Михаила Антонскаго, и членовъ: Льва Максимовича, Александра Лабзина, Василія Подшивалова, Антона Антонскаго, Александра Росинскаго, Павла Сохацкаго, М. Доброгорскаго, И. Тимковскаго, Ивана Алферова, Петра Молчанова и Василія Псіола. Чувство благоговѣйной благодарности къ почившему оживляетъ каждое ихъ слово. Скорбь уступаетъ мѣсто только свѣтлой и торжественной мысли о смерти, которую наставникъ изображалъ имъ не иначе какъ переходомъ въ новую жизнь. Религіозно-мистическое направленіе отражается въ мысляхъ и сообщаетъ языку таинственный оттѣнокъ. Въ преданіи устномъ, которое разсказывалъ Антонскій, сохранилось, что Мелиссино былъ недоволенъ сначала этимъ засѣданіемъ; но когда выслушалъ рѣчи и стихи изъ устъ Студентовъ, то самъ прослезился и разцѣловалъ ихъ.

Преподаваніе (1778—1796).

Прослѣдимъ Университетское преподаваніе отъ начала кураторства Хераскова до конца царствованія

Екатерины II, или отъ 177$\frac{8}{9}$ академическаго года по 179$\frac{5}{6}$-й включительно [5].

Дильтей продолжалъ тѣже предметы, съ прибавленіемъ статьи о завѣщаніяхъ по системѣ Неттельбладта и примѣнительно къ Русскому праву. Осенью 1781 г. этотъ Профессоръ скончался въ Петербургѣ. Замѣчательно, что по смерти Дильтея объявленія о лекціяхъ стали уже распредѣляться не по старшинству Профессоровъ, а по Факультетамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Юридическій, Медицинскій и Философскій.

Барсовъ не измѣнялъ ни способа преподаванія, ни руководства, прибавивъ только въ 178$\frac{3}{8}$ году къ Эрнестію *краткое наставленіе о Поэзіи изъ Жованси.* Выпишемъ изъ каталога лекцій на 178$\frac{7}{8}$ годъ самое подробное оглавленіе курса этого Профессора. «Антонъ Барсовъ, *Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Публичный и Ординарный Профессоръ, Императорской Россійской Академіи Членъ, печатаемыхъ въ Университетской типографіи книгъ Ценсоръ, Вольнаго Россійскаго собранія при Университетѣ учрежденнаго членъ же и безсмѣнный Секретарь, такожъ Общества въ Енѣ учрежденнаго для Латинскаго языка почетный членъ,* потщится нынѣшный годищный ученія риторическаго кругъ сколько возможно учинить наиболѣе практическимъ, и никакого не пропуститъ способнаго времени и случая задавать слушателямъ своимъ то переводы съ латинскаго на россійскій языкъ, и обратно (а иногда съ греческаго), то собственныя на латинскомъ и россійскомъ языкѣ прозою и стихами дѣлать *сочиненія*; сдѣланныя же и ему отъ нихъ поданныя прочитывать, по правиламъ искусства разсматривать, и что по мнѣнію его исправить должно, показывать. Между тѣмъ правила Риторики предложить, изъяснить и повторить по руководству *Эрнестіеву*; токмо

съ дополненіемъ и особливо съ пріобщеніемъ нужнѣйшихъ правилъ о стихотворной на обоихъ оныхъ языкахъ наукѣ. Къ сему присовокупитъ также чтеніе и толкованіе изъ Латинскихъ писателей *Цицерона* и именно рѣчей его за законъ Маниліевъ и за Лигарія, Виргилія первой книги Энеиды, изъ Горація нѣсколько одъ служащихъ къ познанію употребительнѣйшихъ родовъ стиховъ латинскихъ; а изъ россійскихъ Ломоносова главныхъ похвальныхъ рѣчей и нѣкоторыхъ одъ. При чемъ иногда другихъ писателей употреблять и ихъ между собою сравнивать будетъ. Равно и изъ греческихъ къ изъясненію Ксенофонтовой первой книги о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократа приступитъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ, отъ 4 до 6 часовъ по полудни.» Къ произведеніямъ Римскимъ, помянутымъ выше, присоединялись иногда комедія Теренціева Форміонъ и Плавтова Mostellaria. Преподаваніе Барсова прекратилось смертію его 21-го Января 1791 года.

Прочихъ Профессоровъ прослѣдимъ уже по Факультетамъ. Въ Юридическомъ Десницкій былъ старшимъ Профессоромъ по смерти Дильтея. Онъ продолжалъ сравнительное преподаваніе правъ Римскаго и Россійскаго, также и Англійскаго языка, прекративъ послѣднее за годъ до увольненія своего съ пенсіею въ 1787 году. Нездоровье принудило его покинуть службу: онъ скончался въ 1789 г. Въ $178\frac{2}{3}$ присоединились къ этому Факультету Ординарный Профессоръ Баузе, питомецъ Лейпцигскаго Университета, бывшій Инспекторомъ классовъ въ С. Петербургскомъ Петровскомъ училищѣ, приглашенный въ Московскій Университетъ по смерти Дильтея, и Лиценціатъ правъ и почетный Профессоръ Яковъ Шнейдеръ. Баузе излагалъ Энциклопедію права по Пюттеру и Исторію права по Баху; но въ 1783 году уволенъ былъ въ

свое отечество; оставался въ Германіи корреспондентомъ Университета, и по возвращеніи возобновилъ преподаваніе уже въ $178\frac{7}{8}$ году въ Философскомъ факультетѣ чтеніемъ Энциклопедіи, Исторіи и Метода наукъ и художествъ. Въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ тотъ же предметъ, но уже примѣнительно къ наукѣ Права подъ именемъ Юридической Энциклопедіи. Съ $179\frac{0}{1}$ года въ Юридическомъ факультетѣ онъ читалъ Римское право, продолжалъ общую Энциклопедію по руководству Зульцера, и, какъ Инспекторъ Учительскаго Института, со времени своего возвращенія, читалъ Членамъ сего Института наставленія Педагогическія и Методологическія. Но съ $179\frac{3}{4}$ г. онъ преподавалъ только Римское право и Энциклопедію, присоединивъ къ Зульцерову еще Эшенбургово руководство. Баузе принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ иностранцевъ, которыхъ истинная любовь къ наукѣ добросовѣстно породнила съ нашимъ отечествомъ и которые принесли намъ много пользы въ отношеніи къ познанію нашей народности. Мы еще встрѣтимся съ этимъ Профессоромъ на его многолѣтнемъ поприщѣ. — Шнейдеръ былъ дѣятельнымъ членомъ Ученаго Дружескаго Общества, вызвался читать безъ всякаго возмездія и потому носилъ титулъ Почетнаго Профессора. Онъ сначала преподавалъ Теорію законовъ по книгѣ Монтескьё: l'Esprit des loix; но съ $178\frac{3}{4}$ г. къ нему отошла часть Римскаго права, которую читалъ онъ по Гейнекцію, равно и начала положительнаго права по Неттельбладту. Съ Академическимъ $178\frac{7}{8}$ годомъ прекратились его чтенія. Въ 1782 году вышли Разсужденія на Монтескіеву книгу о разумѣ законовъ, или уроки всеобщей Юриспруденціи, преподаваемые въ И. М. У. Разсужденіе первое о Исторіи Законодательствъ, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Это лекціи Профессора Шнейдера. — Съ $178\frac{3}{4}$ года

по 178$\frac{6}{7}$ г. Коллежскій Регистраторъ Иванъ Аничковъ упражнялъ Студентовъ Юристовъ въ Практической Россійской юриспруденціи и судопроизводствѣ, а съ 178$\frac{7}{8}$ года, если не ранѣе, подъ руководствомъ и смотрѣніемъ Шнейдера, занялъ каѳедру Русскаго законовѣдѣнія и практическихъ въ немъ упражненій Коллежскій Ассессоръ Захаръ Аникѣевичъ Горюшкинъ. Съ 178$\frac{8}{9}$ года онъ продолжалъ эти практическія занятія уже самостоятельно, предлагалъ о должностяхъ разныхъ судейскихъ чиновъ, со всѣми перемѣнами, происшедшими до нынѣшнихъ временъ, показывалъ сочиненіе всѣхъ бумагъ, относящихся до судебныхъ дѣлъ, и порядокъ производства оныхъ, какой наблюдается въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1789 году Горюшкинъ издалъ Словарь юридическій или Сводъ Россійскихъ узаконеній для употребленія И. М. У. въ классѣ практической юриспруденціи.—По каталогамъ лекцій отъ 178$\frac{7}{8}$ по 17$\frac{89}{90}$ годъ, въ Юридическомъ Факультетѣ читаетъ еще Ординарный Профессоръ Іоганнъ Пургольдъ сначала всеобщую Юридическую Энциклопедію и въ связи съ нею ученую исторію права Естественнаго, Римскаго и Россійскаго, потомъ Іустиніановы Институціи сравнительно съ Россійскими законами, и далѣе Введеніе въ Право Россійское. — Профессоръ Шаденъ, сначала въ Философскомъ Факультетѣ, читалъ Практическую философію и Этику, по Эрнести, сокращенную общую Исторію всѣхъ нравственныхъ наукъ, право Естественное, Народное, всеобщее Государственное по Ахенвалю, и въ заключеніе Политику или науку Государственнаго правленія; а съ 178$\frac{8}{9}$ года онъ перенесъ тѣже свои лекціи въ Юридическій Факультетъ, связавъ науку Общаго права съ правомъ Россійскимъ. Для практической Философіи показаны еще Федерово и Якобово руководства. Судя по ссылкамъ въ сочиненіяхъ Шадена,

мы видимъ, что онъ слѣдилъ движеніе наукъ въ Германіи и былъ знакомъ уже съ Философіею Канта. Изъ этого краткаго очерка преподаванія наукъ Юридическаго Факультета можно видѣть, что Университетъ постоянно чувствовалъ потребность связывать тѣснѣе элементы теоретическій и практическій, не пренебрегалъ философскими познаніями, преимущественно нравоучительными для Правовѣдѣнія, и стремился приспособить все ученіе права къ практической цѣли отечественнаго законопознанія.

Въ Медицинскомъ Факультетѣ старшимъ Профессоромъ былъ Зыбелинъ. Онъ читалъ практическую Медицину по Лудвигію, излагалъ системы болѣзней съ врачебными для каждой пособіями; проходилъ Химію по Фогелю и Картейзеру и въ слѣдъ за нею Врачебное Веществословіе, также по Фогелю, съ фармацевто-химическимъ приготовленіемъ славнѣйшихъ сложныхъ лѣкарствъ; Рецептуру по Гаубію; объяснялъ практическо-медицинскій учебникъ де-Меза; присоединялъ къ тому Боэргава и другихъ писателей; изъяснялъ силу простыхъ лѣкарствъ, дѣйствующихъ различнымъ образомъ въ тѣлѣ человѣческомъ, слѣдуя Фогелевой Исторіи матеріи медицинской. Подъ наблюденіемъ и руководствомъ Зыбелина, съ $178\frac{2}{3}$ года по $179\frac{3}{4}$ включительно, ученый Аптекарь Гильдебрандъ показывалъ Студентамъ приготовленіе простыхъ и сложныхъ лѣкарствъ съ указаніемъ доброты, происхожденія и цѣны тѣхъ веществъ, изъ которыхъ они составляются. Въ $179\frac{5}{6}$ Гильдебранда замѣнилъ ученый Аптекарь Биндгеймъ.—Вечь въ $177\frac{8}{9}$ году читалъ Патологію, Гигіену и всеобщую Терапію по Лудвигію, и въ заключеніе намѣревался изложить разные примѣрные случаи болѣзней и способы къ излѣченію ихъ, но самъ 22-го Марта 1779 года скончался.—Скіаданъ въ томъ же году предлагалъ основанія Философіи и

Медицины по своему собственному сочиненію, подъ заглавіемъ: *'Εαυτωγνωσία*, или Основательное познаніе самого себя, къ верховному человѣческому благу руководствующее; по смерти Веча, въ послѣдующихъ годахъ онъ читалъ Теоретическую Медицину, руководство къ сохраненію здоровья, Патологію и всеобщую Терапію по Лудвигію, Физіологію по Галлеру и тому же Лудвигію; Физіологическую Семіотику и Діэтетику по его же руководству; краткое понятіе о врачебномъ Веществословіи; наставленія медицинскія по Боэргаву.—Сибирской въ $177\frac{8}{9}$ году читалъ Ботаническую Философію по Линнею, излагая теоретическія основанія Ботаники; но въ слѣдующемъ уже не упоминается и скончался въ 1783 году. — Керестури въ лѣтнее время изъяснялъ Редереровы наставленія Повивальнаго искусства; проходилъ Анатомію и Хирургію и показывалъ хирургическія операціи; также изыскивалъ *анатомическія причины болѣзней и смерти* въ кадаверахъ, на сей конецъ присылаемыхъ. Для Хирургіи служили ему Каллизеновы наставленія, для Анатоміи Пленкъ и Винсловъ. Хирургія проходилась лѣтомъ, Анатомія всегда зимою. Въ числѣ писателей приводится и Галлеръ. Въ $179\frac{2}{3}$ году вносится замѣчательная подробность изъ сравнительной Анатоміи въ его преподаваніе. Въ объявленіи о лекціяхъ сказано, что Профессоръ Керестури, «дабы полнѣе опредѣлить дѣйствія многихъ частей одушевленнаго тѣла, покажетъ строеніе оныхъ частей и въ животныхъ разнаго рода. Посему для дѣланія Анатомико-физіологическихъ экспериментовъ будетъ иногда разсѣкать живыхъ животныхъ. Для разсмотрѣнія жъ тончайшаго строенія малѣйшихъ частей въ помощь употребить микроскопъ; а временемъ будетъ показывать случаи, до Медицины такъ называемой судопроизводной касающіеся.» Эти занятія продолжаются и въ слѣдую-

щихъ годахъ. — Въ 1784 году, Апрѣля 3-го, Университетъ объявилъ о возвращеніи изъ чужихъ краевъ двухъ питомцевъ своихъ, посланныхъ туда для усовершенствованія въ Медицинѣ, Химіи и Натуральной Исторіи: это были Доктора Медицины, Ѳеодосій Курика и Ѳедоръ Политковскій. Первому поручена была каѳедра Натуральной Исторіи на Латинскомъ языкѣ, а второму на Русскомъ для незнающихъ Латинскаго. Университетъ приглашалъ публику въ большую аудиторію на 10-е Апрѣля къ слушанію вступительной лекціи Политковскаго, который долженъ былъ предложить введеніе въ Натуральную Исторію или планъ преподаванія науки; по окончаніи лекціи, обѣщаны были опыты надъ разными газами и особенно надъ водороднымъ, который подалъ случай къ изобрѣтенію воздушныхъ шаровъ.—Курика читалъ только годъ на Латинскомъ языкѣ Минералогію по Валлерію, животное царство по новѣйшимъ писателямъ и правила Ботаники по Линнею съ герборизаціею: смерть скоро прекратила его чтенія. — Политковскій принадлежитъ къ числу Профессоровъ, наиболѣе долговременно дѣйствовавшихъ для пользы Университета. Онъ читалъ Натуральную Исторію по-Русски, сначала введеніе въ науку осенью, зимою Минералогію по Валлерію, показывая минералы въ Университетскомъ кабинетѣ, и Зоологію, а весною Ботанику по Линнею.—Въ лекціяхъ $178\frac{8}{9}$ года показанъ еще при немъ Адъюнктъ Ботаники Петръ Годи (Gaudy), который читалъ Линнееву ботаническую Философію и показывалъ потомъ «употребительныя въ Медицинѣ травы, слѣдуя порядку *Матеріи Медицинской Г. Берія*,» но далѣе онъ уже не упоминается.—Съ $179\frac{0}{1}$ г. началъ свое поприще въ Московскомъ Университетѣ другой славный и полезный дѣятель, уроженецъ Москвы, сынъ Лютеранскаго Пастора старой Евангелической церкви, жившаго въ сто-

лицѣ 37 лѣтъ, питомецъ Ревельской Гимназіи, Студентъ по Медицинскому Факультету Московскаго Университета съ 1782 года, посланный съ 1786 года въ Германію, Францію, Англію и Голландію для усовершенствованія въ Медицинѣ и специально для приготовленія себя въ Профессоры повивальнаго искусства въ Геттингенскихъ и Берлинскихъ повивальныхъ госпиталяхъ, Вильгельмъ Михаиловичь Рихтеръ. Въ $179\frac{0}{1}$ г. онъ открылъ преподаваніе начальныхъ основаній повивальнаго искусства по руководству Редерера; въ слѣдующемъ году продолжалъ и читалъ особенно подробно о родахъ ненатуральныхъ; съ $179\frac{2}{3}$ года, сверхъ акушерства, началъ новый курсъ лекцій Хирургическихъ по руководству Платнера. — Изъ преподаванія Медицинскихъ наукъ мы можемъ видѣть, что Естественныя науки входили въ этотъ факультетъ примѣнительно къ врачебнымъ; что сіи послѣднія не имѣли еще значительнаго развѣтвленія и часто многія соединялись въ одномъ Профессорѣ; что специальность начинала уже разработываться, какъ мы то видимъ въ искусствѣ повивальномъ; что нѣкоторые Профессоры слѣдили за новыми открытіями Сравнительной Анатоміи и вводили употребленіе микроскопа; что Медики чувствовали потребность оживлять Медицину изученіемъ человѣка вообще, съ его душевной и тѣлесной стороны.

Въ Философическомъ факультетѣ старшимъ Профессоромъ былъ Барсовъ. Съ его преподаваніемъ мы уже знакомы. Здѣсь словесныя и историческія науки еще не отдѣлялись отъ математическихъ. За Барсовымъ слѣдуетъ Ростъ: онъ читалъ Тригонометрію и Оптическія науки, т. е. Оптику, Діоптрику и Катоптрику съ Перспективою по Вейдлеру, и продолжалъ экспериментальную Физику по Кригеру; далѣе Механику, Гидростатику, Аэрометрію, по Вейдлеру же, Гидравлику

съ нѣкоторымъ прибавленіемъ изъ гидротехники, гражданскую и военную Архитектуру по Вейдлеру, объясняя ее рисунками; читалъ и чистую Математику по Вейдлеру; иногда соединялъ преподаваніе Тригонометріи съ Геодезіею; курсъ Физики читалъ для желающихъ приватно на Французскомъ языкѣ, сокращая его въ одинъ годъ; къ Физикѣ присоединялъ иногда Космологію. Этотъ дѣятельный Профессоръ, начавшій у насъ поприще преподаваніемъ Англійскаго языка, скончался въ 1791 году. — Рейхель объявилъ въ каталогѣ чтеніе Исторіи знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ, но скончался въ Октябрѣ 1778 года. Основательная дѣятельность этого ученаго перешла къ ученикамъ его, особенно къ Чеботареву. — Аничковъ соединялъ по прежнему преподаваніе Философіи и Математики: Логику и Метафизику читалъ по Баумейстеру, Ариѳметику, Геометрію и Тригонометрію по Вейдлеру, а потомъ по своимъ собственнымъ руководствамъ. На 178$\frac{6}{7}$ годъ онъ объявилъ преподаваніе только двухъ философскихъ наукъ, но въ 1788 году скончался. — Маттеи, дѣйствовавшій болѣе въ Гимназіи какъ Ректоръ, съ 178$\frac{0}{1}$ года началъ лекціи въ Университетѣ для Студентовъ новоучрежденной педагогической семинаріи: онъ разсказывалъ вкратцѣ жизнь всѣхъ Латинскихъ писателей, обсуживалъ ихъ произведенія, предлагалъ примѣры для чтенія и подражанія, замѣчалъ отличнѣйшія изданія и лучшихъ издателей; объяснялъ то Ливія и Ксенофонта, то Гораціеву науку стихотворства и сочиненіе Діонисія Галикарнасскаго: о жизни и твореніяхъ Исократа; то Квинтиліяна и похвальное слово Плинія, и тутъ же посланіе Св. Апостола Павла къ Евреямъ; то Эсхиновъ разговоръ о добродѣтели и Виргиліеву Энеиду. Въ 1784 году Маттеи, по разстроенному здоровью, оставилъ Университетъ и уѣхалъ въ свое отечество; побывавъ

то въ Лейпцигѣ, то въ Дрезденѣ, онъ занялъ мѣсто Ректора въ извѣстной Мейссенской школѣ; но этотъ неутомимый филологъ еще возвратится въ нашъ. Университетъ. — Чеботаревъ наслѣдовалъ каѳедру Рейхеля немедленно по его смерти — и два года читалъ Европейскую Исторію; потомъ съ $178\frac{0}{1}$ года всеобщую литературную Энциклопедію наукъ, по руководству своего предшественника, съ показаніемъ лучшихъ писателей по каждой наукѣ; съ $178\frac{3}{4}$ года принялъ на себя критическое чтеніе лучшихъ Россійскихъ сочиненій и переводовъ и практическія занятія въ Россійскомъ слогѣ съ Студентами, «дабы они сами, о всякой познанной ими матеріи, могли писать чистымъ, яснымъ и красивымъ Россійскимъ слогомъ», и такимъ образомъ помогалъ старѣвшему Барсову въ его занятіяхъ, а по смерти его, съ 1791 года занялъ немедленно его каѳедру. Въ $179\frac{2}{3}$ году Чеботаревъ читалъ Исторію Риторики и потомъ основанія этой науки по Эрнесту; Цицеронъ и Ломоносовъ оставались главными образцами ораторскаго искусства; къ упражненіямъ Русскимъ присоединились и Латинскія. Въ разборахъ сочиненій Чеботаревъ помѣщалъ отрывками Исторію языка и Словесности, по свидѣтельству его слушателя, Ил. Ѳ. Тимковскаго. Говоря о преподаваніи Русской Словесности, нельзя не замѣтить, что съ $178\frac{1}{2}$ года введено было въ Гимназіяхъ, вѣроятно по мысли Хераскова, преподаваніе языка Славянскаго. Въ Академическихъ $179\frac{3}{4}$ и $179\frac{5}{6}$ годахъ, кромѣ Латинско-Русской Словесности, значится за Чеботаревымъ преподаваніе и Россійской Исторіи. — Гельтергофъ преподавалъ Нѣмецкую Словесность и былъ уволенъ съ пенсіею въ 1780 году. Тогда этотъ предметъ порученъ былъ Шварцу. Онъ, повторивъ Грамматику, предлагалъ правила изящнаго Нѣмецкаго слога по своему собственному руководству и по Рам-

лерову введенію въ изящныя науки; Студентамъ педагогической семинаріи объяснялъ методу ученія и обученія, или какъ учиться и какъ учить, и былъ такимъ образомъ у насъ первымъ преподавателемъ Педагогіи; повторялъ со Студентами публичныя лекціи; съ ними же проходилъ онъ Зульцерово краткое понятіе обо всѣхъ наукахъ. Все болѣе и болѣе возвышая объемъ своего Нѣмецкаго курса, въ 178$\frac{2}{3}$ году Шварцъ читалъ эстетико-критическія лекціи обо всѣхъ Нѣмецкихъ писателяхъ въ стихахъ и прозѣ, съ изображеніемъ ихъ жизни, содержанія и расположенія ихъ сочиненій, слога и выраженія. Въ объявленіи объ этихъ лекціяхъ сказано, что онѣ «опредѣлены будутъ не на однихъ только Нѣмецкихъ писателей, но часто въ оныхъ разсужденіе будетъ о древнихъ писателяхъ, Греческихъ и Латинскихъ, такъ какъ и о сочиненіяхъ новѣйшихъ Италіянскихъ, Анслійскихъ, Французскихъ и Россійскихъ писателей. Сравниваны будутъ художническія произведенія и работы, какъ-то статуи, живопись, и древнія зданія съ произведеніями ума, съ показаніемъ ихъ взаимной между собою связи. Въ предложеніи же правилъ обо всемъ семъ, кромѣ древнихъ, Аристотеля, Діонисія Галикарнасскаго, Дмитрія Фалерея, Цицерона, Горація, Квинтиліана, изъ новѣйшихъ послѣдовано будетъ Баттё, Рамлеру, Гому, Боало, Баумгартену и другимъ.» Живое, умственное и нравственное дѣйствіе этого Профессора на все современное юное поколѣніе Студентовъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій Исторіи Московскаго Университета. Въ 1782 году, отъ Сентября по Декабрь, Шварцъ прочелъ особенный курсъ въ 17-ти лекціяхъ о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Онѣ сохранились въ рукописи. Вѣроятно, эти лекціи слушалъ и Карамзинъ съ своимъ другомъ Петровымъ.

Изъ нихъ ясенъ образъ мыслей Шварца и понятно его дѣйствіе на молодыхъ людей. Онъ старался раскрыть передъ ними образъ внутренняго человѣка и вызвать въ каждомъ ту двигательную силу внутренняго совершенства, которая есть, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы онъ низко ни палъ. Слабѣйшая сторона ученія Шварца была мистика Бёмова, которой онъ вѣрно слѣдовалъ. — По смерти Шварца, Нѣмецкая Словесность перешла окончательно къ Гейму, который, еще при жизни его, въ $178\frac{2}{3}$ году началъ преподаваніе въ Университетѣ. Вотъ еще одинъ изъ иностранныхъ ученыхъ, добросовѣстнымъ трудомъ и любознаніемъ соединившій имя свое съ Исторіею Московскаго просвѣщенія. Геймъ, образовавшись въ Гёттингенѣ и Гельмштедтѣ, пріѣхалъ въ Россію, въ домъ Лопухина, для домашняго воспитанія; но скоро связалъ участь свою съ Московскимъ Университетомъ. Когда Шварцъ принялъ на себя преподаваніе высшей Нѣмецкой Словесности, Геймъ, въ помощь ему, читалъ правила Нѣмецкаго слога и сверхъ того на Французскомъ и Латинскомъ языкахъ Греческія древности и ту часть Археологіи, которая касается древнихъ геммъ по Липпертовой Дактиліотекѣ. Но далѣе, по смерти Шварца, Геймъ ограничился преподаваніемъ Нѣмецкаго языка и открылъ практическій классъ разговорный. — Съ $178\frac{3}{4}$ года всеобщая Исторія поручена была Экстраординарному Профессору Іоганну Виганту: послѣ Введенія во всеобщую Исторію, онъ предлагалъ Исторію новыхъ Европейскихъ государствъ; читалъ отдѣльно древнюю; въ $178\frac{5}{6}$ г. онъ излагалъ Византійскую Исторію, потомъ Турецкую, далѣе Исторію государствъ, происшедшихъ изъ развалинъ Западной Римской Имперіи, и обѣщалъ, можетъ быть, Русскую. Шлецерово руководство объявлено для Всеобщей Исторіи въ $178\frac{7}{8}$ г.; въ $178\frac{8}{9}$ г.

большее вниманіе обращено на древнюю Исторію; въ 17$\frac{89}{90}$ г. Исторія нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ предлагаема была по Мейзелеву руководству съ присоединеніемъ, гдѣ нужно, статистическихъ замѣчаній; въ 179$\frac{2}{3}$ году послѣ древней обѣщана и Исторія среднихъ временъ, только въ томъ отношеніи, какъ произошли нынѣшнія Европейскія государства. Этимъ годомъ прекращаются лекціи Виганта. Оставивъ Университетъ въ 1793 году, онъ доживалъ свой вѣкъ въ Сарептѣ и скончался въ 1808 г. — По смерти Аничкова, Аршеневскій, ученикъ его, съ 178$\frac{7}{8}$ года началъ преподаваніе чистой Математики по тому же Вейдлеру, а другой ученикъ, Барсовъ, Логики и Метафизики, по Федерову руководству. — По смерти Роста, прикладную Математику, съ 179$\frac{1}{2}$ года, читалъ Панкевичь, въ томъ же размѣрѣ и по тѣмъ же руководствамъ, какъ его предшественникъ. — Тогда введено было въ Философическій Факультетъ, въ первый разъ безъ примѣненія къ Медицинскимъ наукамъ, преподаваніе Естественной Исторіи на Русскомъ языкѣ, Минералогіи по системѣ Бомара, Ботаники и Зоологіи по Линнею, и поручено Антонскому. — Съ 179$\frac{2}{3}$ года, въ томъ же факультетѣ, началъ преподаваніе Опытной Физики знаменитый послѣ Профессоръ, тогда только что возвратившійся изъ чужихъ краевъ, П. И. Страховъ, по руководству Бриссона. Приспѣшникомъ физическаго кабинета былъ у него Италіянецъ Маджи, который пользовалъ болѣвшихъ ослабленіемъ членовъ электрическою машиною, и въ 1791 году принесъ помощь Студенту Гавріилу Мошкову, страдавшему ослабленіемъ жилъ въ кисти правой руки, возвративъ ему возможность писать и дѣйствовать рукою.[e] Въ томъ же году Мелльманъ, Ректоръ Гимназіи съ 1786 года, открылъ въ Университетѣ лекціи древней Филологіи и объяснялъ Греческихъ и Латинскихъ

писателей по правиламъ Герменевтики и Критики, а въ Мартѣ 1792 года выбылъ за границу. Мелльманъ, первый, принесъ въ Университетъ свѣжее ученіе Кантовой Критической Философіи изъ Германіи. — Французской языкъ и Французскую Словесность постоянно, въ теченіи всего этого времени, читалъ Экстраординарный Профессоръ Бодуэнь. Къ объясненію классическихъ Французскихъ писателей онъ присоединялъ чтеніе и объясненіе современныхъ Французскихъ Вѣдомостей. — Преподаваніе Англійскаго языка съ $178\frac{4}{5}$ года отошло отъ Профессора Десницкаго къ Лектору Джону Бели, который въ $17\frac{89}{90}$ г. продолжалъ его еще при Университетѣ, а послѣ уже въ одной Гимназіи.

Обозрѣвъ преподаваніе наукъ въ Философскомъ факультетѣ, мы видимъ, что оно представляетъ соединеніе наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ съ математическими и частію естественными. Русская Словесность находится подъ сильнымъ вліяніемъ Латинской и схоластической Риторики. Державинъ, поэтъ тогда уже славный, не входилъ еще въ образцы Русской Словесности. Къ замѣчательнымъ явленіямъ, обнаруживающимъ успѣхъ, принадлежатъ: отдѣленіе отъ Философіи Математики, какъ единственной Философіи природы; введенія Естественной Исторіи, какъ науки, независимой отъ пользы врачебной; эстетическое стремленіе Шварца, въ преподаваніи Нѣмецкой и общей Словесности; археологическое намѣреніе Гейма; отдѣленіе Русской Исторіи отъ Всеобщей и преподаваніе Исторіи Риторики.

Особые труды Профессоровъ.

Профессоры, кромѣ преподаванія лекцій, исправляли другія должности и занимались учеными трудами. Когда Императрица Екатерина указомъ 4-го Марта 1784 года повелѣла назначить Коммиссію изъ

нѣсколькихъ Членовъ «подъ начальствомъ и наблюденіемъ Графа Андрея Петровича Шувалова для составленія записокъ о древней Исторіи, наипаче касающейся до Россіи,» въ число десяти членовъ Коммиссіи назначены были два Профессора: Барсовъ и Чеботаревъ. По этому случаю оба они трудились надъ выписками изъ Русскихъ лѣтописей, послужившихъ отчасти матеріаломъ для изданія шести томовъ Записокъ касательно Россійской Исторіи (1787 — 1794). О трудѣ Барсова мы имѣемъ понятіе по рукописи его: *Сводъ бытій Россійскихъ*, напечатанной послѣ его смерти Карамзинымъ въ VII Части Московскаго Журнала (1792). Чеботаревъ далъ своимъ изслѣдованіямъ видъ таблицъ и вмѣстѣ съ начертанными имъ и рисованными его супругою картами поднесъ свой трудъ Императрицѣ. Оба они сверхъ того продолжали цензорованіе книгъ, печатанныхъ въ Универс. типографіи. По смерти Барсова, эта должность перешла къ Профессору Брянцеву. Онъ же былъ безсмѣннымъ Секретаремъ Вольнаго Россійскаго Собранія и издалъ еще два тома Трудовъ его. Лучшимъ памятникомъ его Профессорской филологической дѣятельности осталась Обстоятельная Россійская Грамматика, которую онъ сочинилъ въ 4-хъ томахъ и представилъ въ 1785 году на разсмотрѣніе въ Коммиссію Народныхъ училищъ. За нѣкоторыя новизны въ правилахъ она не была принята. Рукопись хранится въ Университетской библіотекѣ[7]. — Шаденъ былъ Секретаремъ Конференціи и содержалъ особенный частный пансіонъ, въ числѣ воспитанниковъ котораго учился и Карамзинъ, окончившій въ немъ курсъ въ 1782 году.[8] — Рейхель былъ библіотекаремъ Университета, а по смерти его, ученикъ его Чеботаревъ исправлялъ эту должность.—Аничковъ былъ Инспекторомъ обѣихъ Гимназій и продолжалъ изданіе математическихъ книгъ своихъ, уже болѣе оригинальныхъ. Онъ же въ

1783 году напечаталъ для своихъ лекцій Annotationes in Logicam et Metaphysicam. — Шварцъ, бывшій Инспекторомъ обѣихъ Гимназій и педагогической или учительской семинаріи, издалъ для лекцій своихъ *Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слова* на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ. По смерти его, должность Инспектора учительской семинаріи перешла къ Чеботареву, а отъ него къ Баузе, отъ Баузе къ Сохацкому. — Зыбелинъ, кромѣ заслугъ, оказанныхъ во время чумы, былъ врачемъ Университетской больницы. Послѣ него эту должность исполнялъ Политковскій.—Вечь завѣдывалъ Павловскою больницею. — Десницкій, по Высочайшему повелѣнію Императрицы, переводилъ сочиненіе Блакстона: *Истолкованія Англійскихъ законовъ*, и издалъ ихъ въ трехъ частяхъ (1780 — 1782). Онъ же перевелъ Англійское сочиненіе практическаго Эконома Томаса Боудена и напечаталъ его въ 1780 году подъ заглавіемъ: «*Наставникъ Земледѣльческій*, или краткое Англинскаго хлѣбопашества показаніе въ приуготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ.» — Маттеи былъ Ректоромъ обѣихъ Гимназій, издалъ Lectiones Mosquenses (1799. 2 т.) и продолжалъ неутомимо свои филологическіе труды, между которыми Каталогъ Рукописей Сѵнодальной Библіотеки и изданіе Новаго Завѣта на Греческомъ языкѣ (1782—1786) занимаютъ первое мѣсто. — Мелльманъ, по отъѣздѣ Маттеи, правилъ его должность и напечаталъ свои Lectiones Latinae для классовъ Гимназіи въ 1790 году.— Университетъ пользовался трудами и отбывшихъ своихъ Профессоровъ. Въ 1793 году вышелъ *Полный Географическій Словарь*, собранный трудами Профессора Лангера. Молодые Профессоры также правили другія должности. Геймъ былъ помощникомъ библіотекаря и съ 1785 года Инспекторомъ Благороднаго Пансіона; съ 1791 года Антонскій назначенъ въ Глав-

ные Смотрители того же заведенія, гдѣ уже и прежде онъ читалъ Естественную Исторію; кромѣ того онъ же смотрѣлъ за ботаническомъ садомъ Университета. Аршеневскій былъ Эфоромъ или Надзирателемъ за благонравіемъ казенныхъ Студентовъ и учениковъ, Брянцевъ такимъ же Эфоромъ или Надзирателемъ за ихъ ученіемъ. Страховъ вмѣстѣ съ каѳедрой Профессора занялъ должность Инспектора обѣихъ Гимназій.

Вольное Россійское Собраніе при Университетѣ издало еще два тома Опыта трудовъ своихъ, пятой и шестой (1780 и 1783), а еще прежде, въ 1779 г., продолженіе Церковнаго Словаря, трудъ Соборнаго Протоіерея, Петра Алексѣева, который такъ долго былъ Катехизаторомъ Академической Гимназіи. Этими изданіями Собраніе заключило свою дѣятельность. Въ послѣднихъ двухъ томахъ Трудовъ встрѣчаемъ много любопытныхъ историческихъ актовъ, касательно Царя Алексія Михаиловича и Петра Великаго, которые доставляемы были Собранію Миллеромъ, Штриттеромъ и Навроцкимъ; видимъ статьи Членовъ: М. Н. Муравьева и Князя Ѳ. Н. Голицына. Но засѣданія Общества становились все рѣже и рѣже—и, послѣ 14-тилѣтняго существованія, въ 1787 году, оно совсѣмъ прекратилось. Причиною тому было съ одной стороны возвышеніе Ученаго Дружескаго Общества, имѣвшаго болѣе капиталовъ и домъ, а съ другой учрежденіе Императорской Россійской Академіи, которая открыта была въ С. Петербургѣ 21-го Октября 1783 года и задала себѣ главною задачею составленіе Русскаго Словаря. Академія, при самомъ началѣ своемъ, избрала въ Дѣйствительные Члены свои Профессоровъ Барсова, Десницкаго, а потомъ и Зыбелина. Профессоры Университета, особенно иностранные, были въ сношеніяхъ со многими заграничными учеными Об-

Вольное Россійское Собраніе.

ществами. Іенское Общество, учрежденное для Латинскаго языка, избрало въ свои члены Профессора Барсова.

Рѣчи Профессоровъ.

Краснорѣчіе Университетское дѣйствовало по прежнему. Устами всѣхъ Профессоровъ, во вступленіяхъ и заключеніяхъ ихъ рѣчей, оно единогласно славило правленіе и всѣ мудрыя учрежденія Екатерины II. Нѣкоторыя замѣчательныя рѣчи посвящены исключительно этой цѣли. Шаденъ въ 1779 году посвятилъ похвальное слово Екатеринѣ, какъ первой законодательницѣ, за учрежденіе Совѣстнаго суда[9]. Здѣсь, въ первой части раскрывъ превосходно значеніе въ душевныхъ силахъ человѣка здраваго смысла, какъ нѣкоего сѣмени, заключающаго въ себѣ начала, основанія и зародыши всякаго истиннаго нашего вѣдѣнія, Профессоръ опредѣлилъ три вида онаго въ истинномъ, благомъ и прекрасномъ. Здравый смыслъ въ благомъ или нравственный смыслъ есть наша совѣсть, въ видѣ которой Богъ самъ воздвигъ въ душѣ человѣка какъ бы свое зерцало или судилище. Отсюда, изъ этихъ чистыхъ нравственно-философскихъ началъ выводитъ Шаденъ высокое значеніе Совѣстнаго суда.—Барсовъ, 23-го Сентября въ 1781 году, славилъ *Первое седмилѣтіе счастливо нынѣ продолжающаго и вѣчно желаемаго мира въ Россіи*, а въ другомъ словѣ 30-го Іюня 1786 года, проходя мысленно всѣ мирныя и славныя учрежденія Екатерины на пользу просвѣщенія, остановилъ особенно вниманіе на щедротахъ, какія благоволила Императрица явить Университету «прибавле-«ніемъ годовой его суммы, съ отмѣнно милостивымъ «и для сего высокаго училища незабвеннымъ отзывомъ, «о заимствуемой государственными мѣстами пользѣ, отъ «умноженія въ немъ наукъ и дальнѣйшемъ онаго рас-«пространеніи; усугубленными повелѣніями о сочине-

«ніи и разсмотрѣніи новаго Университетскаго штата; «двоекратною выдачею знатныхъ суммъ на построеніе «сихъ двухъ боковыхъ частей здѣшняго дому, нами за«нимаемыхъ; распространеніемъ мѣста сего прикупленн«нымъ сосѣднимъ пространнымъ домомъ; и напослѣдокъ «всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ знатнѣйшей и весь«ма многочисленной суммы денежной и подмоги мате«ріальной, къ сооруженію главнаго въ семъ домѣ огром»наго и великолѣпнаго зданія.» Въ 1787 г., 30 Іюня, Университетъ праздновалъ двадцати-пятилѣтіе царствованія Екатерины. Зыбелинъ произнесъ одушевленное и замѣчательное по краснорѣчію слово[10]. — Воспитаніе было не одинъ разъ предметомъ рѣчей Университетскихъ. Самое глубокомысленное слово объ этомъ предметѣ принадлежитъ Шадену. Здѣсь превосходно сознаны основы воспитанія дворянскаго, особенно въ монархіяхъ. Въ то самое время какъ Шаденъ произносилъ эту рѣчь, онъ доканчивалъ воспитаніе шестнадцатилѣтняго Карамзина. Мы видимъ, какъ Профессоръ Московскаго Университета развивалъ наукою въ юношѣ тотъ здравый смыслъ началъ монархическихъ, которыхъ первое сѣмя Карамзинъ принялъ въ себя, какъ Русскій, изъ жизни своего народа, и которыми проникнуты были жизнь и великій трудъ нашего Исторіографа. — Молодые Профессоры Гимназіи, которымъ Университетъ поручалъ также говорить рѣчи на своихъ торжествахъ, любили касаться этого предмета. Сюда относятся: слово Чеботарева: *О способахъ и путяхъ, ведущихъ къ просвѣщенію* (1779), гдѣ весьма ясно и дѣльно предложены дидактическія правила воспитанія; слово Сырейщикова: *О пользѣ нравоученія при воспитаніи юношества* (1783); слово Синьковскаго: *О вѣроятномъ познаніи нравовъ человѣческихъ по нѣкоторымъ знакамъ* (1789): тема, весьма важная для Педагога. Особеннымъ чувствомъ проникнуто прекрасное

слово Сохацкаго: *О главной цѣли воспитанія* (1793). Ректоръ Гимназіи Мелльманъ въ Латинскомъ словѣ о томъ же предметѣ ясно развилъ участіе словесныхъ наукъ въ человѣческомъ воспитаніи.[12]

Полезнымъ практическимъ направленіемъ отличаются рѣчи Зыбелина, Роста и Керестури. Въ 1780 году Зыбелинъ говорилъ: *О способѣ, какъ предупредить можно немаловажную между прочими медленнаго умноженія народа причину, состоящую въ неприличной пищѣ, младенцамъ даваемой въ первые мѣсяцы ихъ жизни.* Рѣчь замѣчательна современными выводами статистики народонаселенія вообще и смертности младенцевъ въ чужихъ земляхъ и въ Россіи. Выводы благопріятствовали нашему отечеству. Профессоръ предлагаетъ совѣты полезные для содержанія младенцевъ, основанные на свойствахъ развитія человѣческой природы. — Ростъ, въ своей Латинской рѣчи,[13] указывая на 93 города, вновь учрежденныхъ въ 19 лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины, предлагаетъ нѣкоторыя полезныя замѣчанія касательно выбора мѣстности при ихъ построеніи, при чемъ совѣтуетъ заботиться болѣе объ условіяхъ здоровья нежели роскоши. — Керестури также въ Латинской рѣчи указывалъ на необходимость нѣкоторыхъ полицейскихъ врачебныхъ учрежденій, служащихъ ко благу общежитія въ государствѣ, и предложилъ нѣкоторыя начала для Исторіи Медицины въ Россіи.[14]

Нравственно - назидательнымъ характеромъ отличаются рѣчь Шадена: о роскоши, и рѣчи Скіадана. Шаденъ рѣшаетъ вопросъ о томъ: вредна или полезна роскошь въ государствахъ, особенно въ монархіяхъ, и если вредна, то какъ этотъ вредъ долженъ быть ослабленъ или сокрушенъ?[15] Разумный противникъ распространенія роскоши выдвигаетъ на нее нрав-

ственную силу, какъ противодѣйствіе и охрану. Скіаданъ, своимъ ученіемъ старавшійся противодѣйствовать современному матеріализму наукъ Медицинскихъ, въ одной рѣчи своей опредѣлилъ отношеніе Медика къ Естествоиспытателю, а въ другой указалъ на связь между душою и тѣломъ въ болѣзняхъ, поражающихъ человѣка,[16] и на необходимость умѣрять душевныя страсти для спокойной и благополучной жизни.[17]

Необыкновенною ясностью взгляда на науку, логически правильнымъ построеніемъ мыслей и свѣтлымъ изложеніемъ отличаются рѣчь Десницкаго: *Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія въ различныхъ состояніяхъ общежительства* (Апрѣля 21-го, 1781) и рѣчь Политковскаго: *о происхожденіи и о пользѣ Натуральной Исторіи* (30 Іюня 1785). Другая рѣчь Политковскаго имѣетъ предметомъ связь Натуральной Исторіи съ Физикою, Химіею и Медициною.

Основательное, глубокомысленное философское направленіе видно въ рѣчахъ Аничкова: 1) *о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства* (1779), 2) *о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ* (1783); то же самое и въ рѣчи ученика его и наслѣдника по каѳедрѣ, Брянцева: *о связи вещей во вселенной* (1791).

Отголосокъ современному движенію наукъ слышенъ въ рѣчахъ Страхова и Антонскаго. Первый въ словѣ своемъ: *о вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе* (1788) возстаетъ противъ извѣстнаго парадокса Руссо. Второй въ словѣ: *о началѣ и успѣхахъ наукъ, и въ особенности Естественной Исторіи*, проходитъ вкратцѣ ихъ исторію и указываетъ на современное значеніе наукъ Естественныхъ (1791).

Два Профессора Математики ясно сознають значеніе и пространство наукъ математическихъ: Панкевичь въ обширномъ словѣ своемъ—*о подлинной цѣли Математическихъ наукъ, и о сообразномъ ей расположеніи и упражненіи въ оныхъ* (1792); Аршеневскій въ рѣчи—*о началѣ, связи и взаимномъ пособіи Математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ* (1794).

Въ тѣ годы, когда ужасы Французской революціи разразились въ западной Европѣ, когда потрясены были основы правленія монархическаго, каѳедра Университетская устами Профессоровъ постоянно выражала свое отвращеніе къ безначалію, постоянно сознавала вѣрныя основы и залоги счастія Русской жизни, заключенныя въ самодержавіи. Во всѣхъ рѣчахъ отзываются эти мысли, но съ особенною ясностію изложены онѣ въ словѣ Чеботарева, преподававшаго Русскую Исторію: *Величіе, могущество и слава Россіи, дарованныя ей Провидѣніемъ чрезъ великихъ ея Самодержцевъ* (1795). Другое слово Латинское[18] принадлежитъ иностранцу Профессору, Баузе, который чрезъ науку, добросовѣстное изученіе и собираніе памятниковъ Русской древности, сроднился съ нашимъ отечествомъ и ясно, прежде многихъ Русскихъ, созналъ значеніе его жизни въ древнія времена. Въ этой рѣчи Баузе благоразумно показалъ, что древняя Русь не была такою варварскою, какъ ославили ее иноземцы, ни языка, ни духа ея незнавшіе; что она имѣла просвѣщеніе, если полагать его не въ платьѣ, не въ бородѣ, не во внѣшнихъ обрядахъ жизни, а во внутреннемъ нашемъ образѣ. Въ этой же рѣчи онъ ясною душою человѣка, полюбившаго новое свое отечество за его нравственную красоту, сознаетъ крѣпкія, непотрясенныя основы патріархальнаго быта Россіи и въ ней чувствуетъ себя, какъ на землѣ твердой, безопасной, счастливой, съ которой можно спокойно

смотрѣть на другія государства, какъ на корабли, волнуемые бурнымъ моремъ.

Общими вопросами о наукахъ занимали иногда Профессоры посѣтителей актовъ Университетскихъ. Но это было необходимо въ то время, когда науки были еще новы въ древней столицѣ и когда требовалось пробудить къ нимъ участіе, или указаніемъ на прямую пользу, ими приносимую, или рѣшеніемъ такихъ практическихъ вопросовъ, въ которыхъ очевидною являлась эта польза. Наука тогда еще принуждена была оправдывать бытіе свое передъ обществомъ, угождать его выгодамъ, домогаться его покровительства. Еще не наступила пора того безкорыстнаго исканія истины, которое обнаруживаетъ уже зрѣлый возрастъ науки. Русскій языкъ и слогъ замѣтнымъ образомъ совершенствуютъ свои формы въ рѣчахъ Русскихъ Профессоровъ. Старое поколѣніе, и во главѣ его Барсовъ, держится Латинскаго періода. Но молодые Профессоры уже обнаруживаютъ наступленіе эпохи Карамзинской. Въ Чеботаревѣ замѣтно другое направленіе; еще сильнѣе оно въ Сохацкомъ и Антонскомъ.

Посѣщеніе Шувалова.

Остановимъ вниманіе на нѣкоторыхъ достопамятныхъ событіяхъ Университетской и Московской жизни этого періода времени (1779—1796). Рѣдко Университетъ имѣлъ счастіе видѣть своего Куратора и перваго учредителя, И. И. Шувалова. На актѣ 30-го Іюня 1779 года всѣмъ членамъ Университета была эта *отмѣнная радость*. Профессоръ Аничковъ говорилъ философскую рѣчь: *о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія возлагаемаго на чувства*, а Экстраординарный Профессоръ Французской Словесности Бодуэнь Французскую: Le Triomphe de l'Eloquence dans la Faculté

des arts. Студентъ произнесъ на Русскомъ языкѣ похвальное слово Цицерону. Инспекторъ Аничковъ представилъ Шувалову и Хераскову отличнѣйшихъ Студентовъ и учениковъ, удостоенныхъ производства въ Студенты. Шуваловъ самъ раздавалъ первымъ золотыя и серебряныя медали, а вторымъ шпаги. Директоръ награждалъ лучшихъ учениковъ книгами. Ермилъ Костровъ читалъ торжественную оду на день восшествія на престолъ Императрицы. Одинъ изъ пансіонеровъ Прокопія Акинѳіевича Демидова, по мысли и желанію Шувалова, привѣтствовалъ своего благодѣтеля, присутствовавшаго на актѣ, благодарственнымъ словомъ. Въ заключеніе акта ученикъ сказалъ посѣтителямъ Французскую рѣчь. Старецъ Демидовъ такъ былъ тронутъ привѣтствіемъ, ему сказаннымъ, что въ тотъ же самый день прислалъ на имя Шувалова въ даръ Университету другіе 10,000 рублей.

Юбилей двадцатипятилѣтія.

Въ 1780 году, Апрѣля 24-го, Университетъ праздновалъ двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія и соединилъ это празднество со днемъ рожденія Императрицы и Великаго Князя Константина Павловича. Экстраординарный Профессоръ Сырейщиковъ говорилъ похвальное слово по этому случаю; Ординарный Профессоръ Шварцъ Латинскую рѣчь: de virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis. Костровъ, произведенный Шуваловымъ еще прежде въ баккалавры, читалъ торжественную оду, гдѣ такъ выразился объ Университетѣ.

Се двадесять пять лѣтъ свершилось,
Какъ онъ воздвигнутъ въ градѣ семъ,
И какъ пространное открылось
Любезнымъ Музамъ поле въ немъ.
О сладкое воспоминанье,
И мыслямъ лестное мечтанье,

Когда представлю оной день,
Въ которой во струяхъ Кастальскихъ,
Притекшихъ къ намъ отъ мѣстъ Өессальскихъ
Москвы изобразилась тѣнь.

На этомъ праздникѣ присутствовалъ въ первый разъ «правитель города Москвы», Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій.

Въ томъ же году, Императоръ Австрійскій Іосифъ II, подъ именемъ Графа фонъ-Фалкенштейнъ пріѣхавшій въ Москву 6-го Іюня, посѣтилъ Университетъ Іюня 9-го въ 12 часу, въ сопровожденіи Свѣтлѣйшаго Князя Таврическаго, Григорія Александровича Потемкина. Директоръ и Профессоры встрѣтили его на крыльцѣ; Кураторы въ передней комнатѣ. Въ то время читали Профессоры Барсовъ, Маттеи, Шварцъ, Дильтей, Чеботаревъ и Ростъ. Императоръ былъ сначала введенъ въ аудиторію Россійскаго и Латинскаго краснорѣчія; потомъ въ высшіе классы Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ. Здѣсь поднесены были Графу нѣкоторыя книги, печатанныя въ Университетской типографіи. Далѣе именитый гость проведенъ былъ въ классы юридическій, историческій и физическій, изъ которыхъ послѣдній помѣщенъ былъ въ большой Университетской аудиторіи. Здѣсь въ дверяхъ встрѣтилъ Императора Главнокомандующій Москвы, Князь Долгорукій-Крымскій. Профессоръ Физики Ростъ толковалъ о дѣйствіяхъ электрической силы и дѣлалъ съ нею опыты. Въ преданіи Университетскомъ, по свидѣтельству Ил. Ө. Тимковскаго, сохранялось, что Ростъ, будучи отличнымъ лингвистомъ, спросилъ Императора: на какомъ языкѣ угодно ему слушать лекцію? Императоръ пожелалъ Италіянскаго и остался весьма доволенъ изложеніемъ Роста. Графъ разговаривалъ съ Профессорами на Латинскомъ,

Посѣщеніе Императора Іосифа II.

достойномъ. Директоръ испросилъ соизволенія у Куратора Хераскова. Составленъ протоколъ и подписанъ Членами Конференціи. Докторъ провозглашенъ торжественно и возведенъ на вышнюю каѳедру, съ которой онъ произнесъ рѣчь и благодарилъ Императрицу, Начальниковъ Университета, Профессоровъ своихъ наставниковъ и посѣтителей.

Кончина Мелиссино

Въ 1795 году, Марта 23-го по утру въ 10 часовъ, послѣ кратковременной болѣзни, скончался Кураторъ Университета, Тайный Совѣтникъ и Ордена Св. Анны Кавалеръ, Иванъ Ивановичь Мелиссино. Университетъ соболѣзновалъ этой потерѣ. Воспитанникъ Университетскаго Пансіона, Михаилъ Магницкій, отъ имени своихъ товарищей, написалъ печальную пѣснь на его кончину. Напечатаны также стихи отъ имени Университета.

Литературная дѣятельность Университета при Новиковѣ.

Отъ примѣчательныхъ событій Университетской жизни перейдемъ къ явленіямъ его жизни постоянной, куда относится литературная дѣятельность, окружавшая тогда Университетъ. Новиковъ былъ ея средоточіемъ. Онъ оживлялъ ее и приводилъ въ движеніе станки не одной типографіи Университета, но и другихъ, взятыхъ на содержаніе Типографическою компаніею.

Московскія Вѣдомости, которыхъ изданіе Новиковъ также на себя принялъ въ 1779 году, съ 1780 года увеличили свой форматъ и установили новое распредѣленіе матерій, которое долго послѣ сохранялось. Политическія извѣстія извлекались изъ Гамбургскихъ, Ирландскихъ и Кенигсбергскихъ Нѣмецкихъ, изъ Французскихъ Лейденскихъ и Courrier du Bas-Rhin. Въ 1783 году не получивъ однажды почты съ газетами, редакція Вѣдомостей въ 28 № извинялась, что должна ограничиться перепечатаніемъ извѣстій

иностранныхъ изъ С.Петербургскихъ Вѣдомостей. Обнародовались новыя открытія въ наукахъ и художествахъ. Редакція просила сообщать ей обо всѣхъ замѣчательныхъ естественныхъ явленіяхъ по всей Россіи, равно и объ открытіяхъ въ наукахъ и художествахъ. Обращались съ особенною просьбою къ Архипастырямъ о сообщеніи числа новорожденныхъ, умершихъ и сочетавшихся бракомъ въ каждую треть года, что весьма часто и исполнялось. Съ 1780 года къ каждому номеру выходило по одному листу журнала: Магазинъ экономическій, за который вмѣстѣ съ Вѣдомостями платилось дешевле.

Съ 1781 года печаталась еще трудами Шварца Московская Нѣмецкая газета: Moskowische Deutsche Zeitung. Но это предпріятіе не имѣло успѣха.

Съ 1785 года начало выходить при Московскихъ Вѣдомостяхъ *Дѣтское чтеніе для сердца и разума;* съ 1788 года *Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи*, котораго главнымъ Редакторомъ былъ А. А. Антонскій. Съ тѣхъ поръ Вѣдомости постоянно сопровождаемы были журналами, изданіе которыхъ много поддерживало ходъ самыхъ Вѣдомостей.

Новиковъ дѣйствовалъ, окруженный лучшими Студентами Университета. Еще въ Петербургѣ, онъ съ 1777 года предпринялъ періодическое изданіе: *Утренній свѣтъ*, съ благотворительною цѣлію. Выручаемыя деньги назначались на содержаніе двухъ училищъ въ С. Петербургѣ, Екатерининскаго и Александровскаго, для бѣдныхъ дѣтей вообще и сиротъ въ особенности. Шесть томовъ этого изданія вышли въ С. Петербургѣ,[21] а съ 1779 года оно переведено было Новиковымъ въ Москву. Тогда Новиковъ пригласилъ Университетскихъ Студентовъ и учениковъ участвовать въ изданіи. Съ 1780 года встрѣчаемъ имена учениковъ Университета Петра Лихонина, Александра Петрова,

Дмитрія Рыкачева, Студента Николая Попова, Семинариста Михаила Степанова, Ст. Лаврентія Давыдовскаго, Алексѣя Малиновскаго. Въ Майско-Іюньской книжкѣ члены Педагогической Семинаріи, учрежденной при Университетѣ, просятъ Издателей Утренняго свѣта, сдѣлать извѣстными публикѣ благотворенія ихъ благодѣтеля, Прокопія Акинѳіевича Демидова, который, со времени заведенія Семинаріи, не перестаетъ благотворить имъ. Они надѣются изданіемъ учебныхъ книгъ, приготовляемыхъ ихъ общими трудами, соотвѣтствовать той цѣли, къ которой ведутъ ихъ. Содержаніе изданія богословское, философско-нравственное, мистическое; литература на второмъ планѣ. Статьи переводныя выбраны изъ Юнга, Бакона, Геллерта, Федера. Благотворительная цѣль изданія пріобрѣла помощь Великаго Князя Александра Павловича, многихъ знатныхъ и богатыхъ особъ, многихъ лицъ неизвѣстныхъ. Высшее духовенство принимало участіе въ этихъ благотвореніяхъ. Преосвященный Гавріилъ жертвовалъ также сумму на содержаніе питомцевъ. «Проповѣдь о высокомъ достоинствѣ и превосходствѣ человѣческой души», переведенная съ Нѣмецкаго на Русской Студентомъ Поповымъ, посвящена Архіепископу Ростовскому и Ярославскому Самуилу. Ежегодно обнародовались отчеты о употребленіи пожертвованныхъ суммъ на училища, списки учениковъ и учениць, предметы ихъ занятій, степень ихъ успѣховъ.

Въ 1781 году, вышло *Московское ежемѣсячное изданіе*, также въ пользу Екатерининскаго и Александровскаго училищъ, «служащее продолженіемъ Утренняго свѣта.» Характеръ изданія тотъ же мистическо-богословскій и духовно-нравоучительный. Іерузалемъ, Сенека, Геллертъ даютъ образцы для переводовъ. Въ переводчикахъ встрѣчаемъ имена Брянцева и Малиновскаго. Прелагаются церковныя пѣсни въ

стихи. Разсужденіе Сенеки: о краткости жизни, переведенное съ Латинскаго, посвящено также Преосвященному Самуилу.

Въ 1782 году съ тою же цѣлію издавалась *Вечерняя заря*, названная также продолженіемъ Утренняго свѣта. Вышло три тома. Содержаніе объявлено въ заглавіи: «лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, то есть, небольшихъ исторіяхъ, повѣстяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ стихами и прозою.» Изданіе посвящено тремъ Кураторамъ Университета: Шувалову, Мелиссино и Хераскову, «мужамъ, украшеннымъ высокими добродѣтелями, истиннымъ любителямъ и ревностнѣйшимъ споспѣшествователямъ распространенію учености въ Россіи.» Издатели Утренняго свѣта объявляютъ слѣдующія имена издателей Вечерней зари, какъ питомцевъ Университета: Студенты Михайло Ивановичъ Антоновскій, Левъ Максимовичъ Максимовичъ, Лаврентій Яковлевичъ Давыдовскій, Петръ Петровичъ Брауншвейгъ, Андрей Васильевичъ Могилянскій, Иванъ Андреевичъ Фабіанъ, Ѳедоръ Львовичъ Тимоновичъ, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, Петръ Аѳанасьевичъ Пельскій.

Въ 1781 году, Марта 13-го, было основано и открыто Собраніе Университетскихъ питомцевъ. Здѣсь встрѣчаемъ имена членовъ этого собранія — и во главѣ ихъ Антоновскаго, бывшаго ихъ предсѣдателемъ. Встрѣчаемъ также имена и другихъ участниковъ: Ѳ. Ключарева, Галенкина, Ляпина, Поспѣлова. Въ 3-мъ томѣ объявлены еще имена новыхъ сотрудниковъ, принимающихъ участіе въ благородномъ подвигѣ: Михайло Ивановичъ Багрянскій, Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, Павелъ Алексѣевичъ Нѣеловъ,

Петръ Петровичь Тургеневъ, Аврамъ Емельяновичь Оболенскій, Семенъ Ивановичь Спѣшницкій, Павелъ Даниловичь Антоновичь, Василій Өедоровичь Трипольскій и Алексѣй Өедоровичь Малиновскій. Подъ стихотворными загадками встрѣчаются имена Антонскаго и Сохацкаго.

Въ 1784 году, Вечерняя заря была замѣнена *Покоющимся Трудолюбцемъ*, который служилъ ей продолженіемъ. Благотворительная цѣль уже не объявлена въ заглавіи. Содержаніе означено такъ: «богословскія, философическія, нравоучительныя, историческія и всякаго рода какъ важныя, такъ и забавныя матеріи, къ пользѣ и удовольствію любопытныхъ читателей, состоящія изъ подлинныхъ сочиненій на Россійскомъ языкѣ и переводовъ съ лучшихъ иностранныхъ писателей въ стихахъ и прозѣ.» Изданіе посвящено Любезнѣйшему Отечеству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ его. Издатели Вечерней зари объявляютъ имена участниковъ: это Студенты Университета: Михайло Антоновичь Антонскій, Василій Сергѣевичь Подшиваловъ, Антонъ Антоновичь Антонскій, Павелъ Аөанасьевичь Сохацкій, Карпъ Власьевичь Мисловскій, Иванъ Өедоровичь Сафоновичь, Михайло Андреевичь Петровскій, Александръ Матвѣевичь Росинскій, Кассіанъ Петровичь Келембетъ, Яковъ Ивановичь Благодаровъ и Игнатъ Васильевичь Голубовскій. Далѣе подъ статьями встрѣчаются имена Ивана Тимковскаго, Петра Молчанова, Василія Псіола. Первыя статьи имѣютъ всѣ характеръ мистическо-богословскій. Разставаясь съ изданіемъ, издатели просятъ всѣхъ любителей учености сообщать имъ труды свои касательно Натуральной Исторіи. Покоющійся Трудолюбецъ отличается отъ прежнихъ изданій того же рода болѣе педагогическимъ направленіемъ. Встрѣчается много статей, посвященныхъ дѣтямъ и для дѣтей написанныхъ.

Въ томъ же 1785 году, уже при Московскихъ Вѣдомостяхъ, началось изданіе *Дѣтскаго чтенія для сердца и разума*. Издатели этого журнала были уже люди семейные. Здѣсь обнаруживается цѣль чисто педагогическая: доставить дѣтямъ такое же чтеніе на Русскомъ языкѣ, какое могутъ они имѣть на языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ, не съ тѣмъ, чтобы отучать ихъ отъ языковъ иностранныхъ, но съ тѣмъ, чтобы дать возможность не оставлять въ чтеніи языка отечественнаго. «Всякому, кто любитъ свое Отечество, говорятъ издатели, обращаясь къ дѣтямъ, весьма прискорбно видѣть многихъ изъ васъ, которыя лучше знаютъ по Французски, нежели по Русски, и которыя, вмѣсто того, чтобы, какъ говорится, съ матернимъ млекомъ всасывать въ себя любовь къ Отечеству, всасываютъ, питаютъ, возращаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего, что токмо отечественнымъ называется.» — Издатели скрываютъ имена свои отъ дѣтей, говоря: «Имянъ нашихъ знать нѣтъ вамъ нужды, а чиновъ и состояній еще меньше: ни то, ни другое не сдѣлаетъ листовъ нашихъ ни лучше, ни пріятнѣе. Довольно того, что мы почти всѣ Россіяне, ваши собратья, любящіе свое Отечество и васъ, какъ будущую его подпору. Мы по большей части сами имѣемъ у себя дѣтей, и чувствуемъ больше холостыхъ людей нужду въ добромъ воспитаніи.» Въ изданіи первыхъ четырехъ томовъ каждый номеръ начинается текстомъ изъ Евангелія: обычай заимствованъ у одного отца семейства, который всякое воскресенье давалъ дѣтямъ своимъ вытвердить по одному стиху изъ Священнаго Писанія. Тотъ же совѣтъ предлагается и маленькимъ читателямъ Дѣтскаго чтенія относительно текстовъ, начинающихъ номера. Далѣе этотъ обычай прекратился. Въ журналѣ весьма замѣчательны статьи изъ Натуральной

исторіи. Изданіе полюбилось публикѣ, по свидѣтельству Карамзина, не смотря на ученическій переводъ многихъ статей. Оно продолжалось по конецъ 1789 года и вышло въ 9-ти томахъ. Но то, что Карамзинъ называетъ ученическимъ, было ново *для* того времени. Здѣсь выработывался его собственный слогъ. Простота—первое условіе разговора съ дѣтьми—принесла прекрасный плодъ въ этой дѣтской школѣ, впослѣдствіи созрѣвшій такъ значительно и въ литературѣ. Здѣсь участвовалъ и Подшивaловъ, и другъ Карамзина, Петровъ, двѣ заглавныя буквы имени котораго А. П. означены на переводѣ драмы Беркени: Честный откупщикъ. Карамзинъ переводилъ les Veillées du château Г-жи Жанлисъ, подъ заглавіемъ: Деревенскіе вечера. Въ послѣднихъ двухъ томахъ многія стихотворенія, судя по слогу, должны принадлежать ему. Отъѣздъ Карамзина за границу, какъ говоритъ Петровъ, былъ причиною того, что осиротѣло и прекратилось Дѣтское Чтеніе.

Подражая въ литературной дѣятельности питомцамъ Университета, питомцы Вольнаго Благороднаго Пансіона, въ 1787 году, издали также собраніе своихъ сочиненій и переводовъ подъ заглавіемъ: *Распускающійся Цвѣтокъ*. Изданіе посвящено также тремъ Кураторамъ. Здѣсь встрѣчаемъ имена учениковъ: Петра Молчанова, Ѳедора Кулябки, Дмитрія Чибисова, Осипа Чарныша, Ивана Сипягина, Николая Бахметева, Дмитрія Баранова, Петра Бѣлавина, Николая и Михаила Хлюстиныхъ, Якова Арсеньева, Александра Ягловскаго, Василія Шереметева и заглавныя буквы Д. Б.

Литература и книгопечатаніе при Университетѣ были необыкновенно дѣятельны въ теченіи десяти лѣтъ, когда двигалъ ихъ Новиковъ. Онъ предпринялъ въ

1780 году изданіе всѣхъ славныхъ Русскихъ писателей и началъ его напечатаніемъ полныхъ Сочиненій Сумарокова. Древняя Россійская Вивліоѳика выходила вторымъ умноженнымъ изданіемъ. Литература того времени вдругъ получила строго-важный характеръ. Ежегодно выходило множество богословско-нравственныхъ книгъ.[22] Сочиненія мистиковъ Бёме, Массона и другихъ переводились по преимуществу. Извѣстно, что Новиковъ подвергся клеветѣ и слѣдствію; но былъ оправданъ: въ убѣжденіяхъ своихъ мнѣніемъ самого Преосвященнаго Платона[23]. Самыя литературныя произведенія получили болѣе важный характеръ. Тогда-то Карамзинъ перевелъ поэму Галлера: о происхожденіи зла, драму Шекспира: Юлій Цезарь, Лессингову Эмилію Галотти, и издалъ сію послѣднюю, посвятивъ ее тѣмъ, которые «умѣютъ цѣнить драматическія сочиненія и отличаютъ Испанскіе фарсы, содержащіе острыя шутки, отъ драмъ Лессинга, какъ произведеній философа, проникшаго взоромъ своимъ въ глубины сердца человѣческаго.» Тогда Петровъ переводилъ съ Англійскаго Индійскую Вагуэт-Гету (1788).

Содержатели Типографіи: Свѣтушкинъ и Окороковъ.

Въ 1789 году Маія 1 истекалъ срокъ контракту Новикова. Въ Декабрѣ Университетъ черезъ Вѣдомости объявилъ о томъ, увѣдомляя, что онѣ будутъ издаваться уже отъ Университета или отъ новаго содержателя типографіи и что по прежнему при нихъ будутъ выходить Дѣтское чтеніе, Экономическій Журналъ и Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи.

Типографія перешла на содержаніе къ Коллежскому Ассесору Свѣтушкину, который принялъ на себя изданіе Вѣдомостей по прежнему. Новиковъ въ 34 ном. 1789 года приносилъ публикѣ «чувствитель-

нѣйшую свою признательность за одобреніе, какого были удостоиваемы всѣ предпріятія его въ теченіи десятилѣтняго содержанія Типографіи и извѣщалъ, что названіе Университетской книжной лавки переносится отнынѣ на лавку, что̀ будетъ на Тверской въ домѣ Межевой Канцеляріи (лавку, давшую послѣ прозваніе Газетному переулку); что бывшая Университетская лавка у Никольскихъ воротъ остается лавкою купцовъ Кольчугина и Переплетчикова; что тутъ по прежнему будетъ подписка на изданія: Дѣтское чтеніе, Магазинъ Натуральной Исторіи и Экономическій магазинъ. Но Дѣтское чтеніе 1789 годомъ прекратилось, а прежнія 20 частей вышли еще новыми двумя изданіями. Магазинъ Натуральной Исторіи продолжался по 1792 годъ включительно, подъ руководствомъ Антонскаго, и вышелъ въ 10 частяхъ. Экономическій Магазинъ прекратился также 1789 годомъ. Издавалъ его Андрей Болотовъ.

Въ Декабрѣ 1789 г. содержателемъ типографіи былъ уже Василій Ивановичь Окороковъ, Архитекторъ, бывшій помощникомъ знаменитаго Бажанова при строеніи Кремлевскаго дворца. Съ 1790 года при Московскихъ Вѣдомостяхъ издавались: *Историческій Словарь*, содержащій исторію древнихъ Патріарховъ, Царей, Императоровъ, Королей, богослововъ, философовъ, историковъ, стихотворцевъ и проч.; *Политическій Журналъ*, который вначалѣ былъ не инымъ чѣмъ, какъ переводомъ Нѣмецкаго Гамбургскаго журнала, издаваемаго ученымъ обществомъ (подъ редакціею Профессора Сохацкаго, а послѣ Гаврилова), и *Вѣдомости* на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Сіи послѣднія, въ убытокъ издателю, продолжались и въ слѣдующемъ году, но въ концѣ 1791 года прекратились; Словарь Историческій съ 1794 года отошелъ отъ

Вѣдомостей; Политическій Журналъ былъ однимъ изъ журналовъ, самыхъ постоянныхъ при Университетѣ.

Съ 1791 года предпринято при Вѣдомостяхъ новое литературное изданіе: *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*. Издателями были Сохацкій и Подшиваловъ; содержаніе литературное и эстетическое, болѣе изобильное переводами, чѣмъ оригинальными произведеніями. Мейснеровы повѣсти на первомъ планѣ, въ переводахъ Подшивалова. Здѣсь помѣщены: вся его Біанка Капелло и повѣсть Бернарденя де Сенъ-Пьеръ: Павелъ и Виргинія. Разъ встрѣчаются стихотворенія Капниста и Нелединскаго-Мелецкаго. Изданіе длилось три года. Вышло всего 12 частей.

Въ 1791 году Карамзинъ, возвратившійся изъ своего путешествія, предпринялъ изданіе Московскаго Журнала. Объявленіе было также отъ Университета, при Вѣдомостяхъ. Изданіе длилось два года.

Въ концѣ 1793 года Окороковъ отблагодарилъ публику за вниманіе, а содержаніе типографіи приняли на себя съ 1-го Января 1794 года Христіанъ Ридигеръ, бывшій еще при Новиковѣ Университетскимъ книгопродавцемъ и коммиссіонеромъ, и Прапорщикъ Христофоръ Клаудій. Московскія Вѣдомости съ этого года стали издаваться на лучшей противъ прежняго бумагѣ и лучшимъ шрифтомъ. Политическій Журналъ продолжалъ выходить при нихъ, а Чтеніе для вкуса и разума замѣнилось *Пріятнымъ и Полезнымъ Препровожденіемъ времени*. Издатели были тѣ же. Изданіе продолжалось шесть лѣтъ до конца столѣтія. Въ содержаніи не было измѣненія; оно пользовалось почетомъ у извѣстныхъ писателей. Здѣсь печатали свои стихотворенія Державинъ и Дмитріевъ, безъ имени. Встрѣчаются имена Кострова и Панкратія Сумарокова. Ридигеръ и Клаудій.

Здѣсь дѣятельно участвовали молодые писатели того времени, впослѣдствіи пріобрѣтшіе извѣстность: В. Л. Пушкинъ, Князь Шаликовъ, Павелъ Львовъ, Н. Шатровъ. Многія дамы принимали участіе. Студенты Университета, впослѣдствіи Профессоры, въ первый разъ являются также здѣсь: Мерзляковъ, Илья Тимковскій, Загорскій; первыя стихотворенія Мерзлякова съ именемъ напечатаны въ 1796 году, но другія подъ литерами А. А. А. (Разлука) и А. М. (Русская пѣсня) еще въ 1795 г. Здѣсь же участвуютъ и питомцы Университетскаго Пансіона: Михаилъ Магницкій, Аркадій Столыпинъ, Дмитрій Кавелинъ. Учитель Русской Словесности въ Пансіонѣ Баккаревичъ печаталъ здѣсь свои переводы и сочиненія. Его полемика съ какимъ-то неизвѣстнымъ доброжелателемъ Русской Литературы о заслугахъ Ломоносова и Тредьяковскаго есть замѣчательное явленіе въ Словесности того времени.

Карамзинъ продолжалъ свою дѣятельность въ Москвѣ. Въ 1794 году онъ издалъ переводъ свой изъ Боннета: Разсматриваніе натуры, отрывки изъ котораго помѣщались еще въ Дѣтскомъ чтеніи. Переводчикъ объявилъ, что, будучи знакомъ съ самимъ авторомъ, онъ получилъ новыя письменныя примѣчанія къ сему творенію. Выходили Мармонтелевы повѣсти, имъ переведенныя; его альманахи: Аглая, Мои безделки. Въ Вѣдомостяхъ 1795 года онъ издавалъ *Смѣсь*. Всѣ статьи, оригинальныя и переводныя, принадлежатъ ему и носятъ на себѣ яркую печать его изящнаго слога, отличаясь художественнымъ характеромъ отъ всего того, что ихъ окружаетъ. Литература совершала значительные успѣхи въ отношеніи къ внѣшнимъ формамъ искусства, къ опредѣленію своихъ ближайшихъ связей съ обществомъ; но

утратила то строго-важное направленіе, которое было дано ей сначала Новиковымъ.

Пройдемъ имена Студентовъ, впослѣдствіи оправдавшихъ своею извѣстностью Университетское ученіе, начиная съ 1779 года по конецъ 1796-го: Левъ Максимовичь (1779), принесшій много пользы своими юридическими собраніями и изданіями, и Географическими словарями, Максимъ Невзоровъ (1780), издатель Друга юношества, Михаилъ Антоновскій (1780), авторъ ученаго разсужденія, Михаилъ Панкевичь (1780) Профессоръ, Дмитрій Тростинъ (1780) Адъюнктъ, Александръ Лабзинъ (1780), Конференцъ-Секретарь Академіи Художествъ и издатель Сіонскаго Вѣстника, Василій Людоговскій (1781), Секретарь Шувалова, Петръ Пельской (1781), Александръ Петровъ (1781), друзья Карамзина, Никифоръ Черепановъ (1782), Профессоръ, Тимоѳей Перелоговъ (1782), Профессоръ, Василій Подшиваловъ (1782), писатель, Михаилъ и Антонъ Антонскіе (1782), Павелъ Сохацкой (1782), Профессоры, Матвѣй Десницкой (1772), Митрополитъ Михаилъ, Стефанъ Глаголевскій (1782), Митрополитъ Серафимъ, (пятеро послѣднихъ на иждивеніи Дружескаго Ученаго Общества), Адріанъ Грибовскій (1782), Секретарь Императрицы Екатерины II, Алексѣй Окуловъ (1782), Губернаторъ, Яковъ Благодаровъ (1783), Андрей Колоколовъ (1783), Яковъ Рубанъ (1783), писатели: Михаилъ Снегиревъ (1784), Василій Загорскій (1784), Николай Сандуновъ (1784), Михайло Рихтеръ (1784), Профессоры, Иванъ Тимковскій (1785) писатель, Ѳома Барсукъ-Моисеевъ (1787), Николай Щеголевъ (1789), Василій Котельницкій (1789), Илья Тимковскій (1790), Профессоры, Григорій Яценко (1790), Директоръ Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и издатель Жур-

Имена Студентовъ, впослѣдствіи извѣстныхъ.

на.ла Мануфактуръ и Торговли, Иванъ Венсовичъ Профессоръ (1791), Михаило Баккаревичъ Адъюнктъ (1792), Ѳедоръ Лубяновскій (1793), Первоприсутствующій Сенаторъ, Иванъ Воиновъ (1793), Иванъ Срезневскій (1793), Иванъ Двигубскій (1794), всѣ трое Профессоры, Петръ Полуденскій (1794), Сенаторъ, Алексѣй Данилевскій (1794), Семенъ Ивашковскій (1795), Матвѣй Мудровъ (1796), Левъ Цвѣтаевъ (1796), всѣ четверо Профессоры, Григорій Карташевскій (1796), Попечитель Виленскаго учебнаго округа. Между учениками Университетскаго Пансіона, съ 1784 года, встрѣчаемъ имена Павла Сумарокова, Ивана Нинна, Николая Сабанеева, Семена Озерова, Князя Александра Шаховскаго, Ивана Сипягина, Якова, Павла и Александра Арсеньевыхъ, Дмитрія Вельяшева-Волынцева, Петра Кикина, Михаила Магницкаго, Петра, Паисія, Павла и Андрея Кайсаровыхъ, Александра Воейкова, Александра Степанова.

Студенческій уставъ.

Остался памятникомъ обязанностей Студента этого времени «Уставъ,» къ наблюденію котораго всѣ Университетскіе студенты обязывались письменно. [24] Онъ напечатанъ былъ въ двухъ столбцахъ, по-Латинѣ и по-Русски. Здѣсь, во первыхъ, объявлены три условія, безъ которыхъ нельзя было получить доступъ къ слушанію университетскихъ лекцій: 1) знаніе курса свободныхъ наукъ и возможность по-Латинѣ свободно и вразумительно изъясняться словомъ и письмомъ; 2) достовѣрное свидѣтельство въ правѣ на законную свободу и исключеніе изъ подушнаго оклада; 3) свидѣтельство о благонравіи. Все это слѣдовало доказать въ открытомъ засѣданіи Конференціи при Директорѣ Университета. Далѣе изложены весьма подробно обязанности Университетскаго Студента, какъ Христіанина, какъ подданнаго Россійской Имперіи,

какъ Студента, относительно къ ученію и къ поведенію. Студентъ обязывался сначала окончить курсъ Словесныхъ наукъ, который состоялъ «особливо въ знаніи Латинскаго, Греческаго и Россійскаго языка (присовокупя къ онымъ Нѣмецкій или Французскій), Исторіи, Географіи, Древностей, Митологіи, Чистой Математики, Физики и Логики. Паче жь всего Университетскій питомецъ изъ природныхъ Россіянъ долженъ твердо знать Катихизисъ Греко-Россійскія церкви, а иновѣрный свѣдущъ быть въ истинахъ Религіи по его исповѣданію.» По окончаніи Словесныхъ наукъ, Студентъ обязывался не менѣе трехъ лѣтъ пробыть въ избранномъ имъ Факультетѣ и изъ одного Факультета, не окончивъ въ немъ всѣхъ наукъ, въ другой не переходить. Исключеніе позволялось для особенно даровитаго, и то съ позволенія Профессоровъ. Этотъ уставъ выдавался за подписью Директора Студенту, который подъ нимъ подписывалъ формальное обѣщаніе, «какъ Христіанинъ и честной человѣкъ, во всемъ поступать по силѣ даннаго ему Устава,» въ случаѣ нарушенія, подвергая себя суду и наказанію отъ Директора и Конференціи, подъ опасеніемъ исключенія изъ Университета и лишенія выгодъ, его питомцамъ Всемилостивѣйше обѣщанныхъ.

Собраніе питомцевъ.

Уже сказано было выше о собраніи Университетскихъ питомцевъ. Оно было заведено и открыто 13 Марта 1781 года, подъ руководствомъ Профессора Шварца. Сохранились стихи въ день заведенія собранія питомцевъ Московскаго Университета, 13 Марта 1789 года, въ осьмилѣтнее празднованіе онаго. [25] Здѣсь, кромѣ другихъ стихотвореній, относящихся къ праздникамъ, бывшимъ въ Тулѣ, по случаю проѣзда Князя Потемкина-Таврическаго, находимъ стихи, поднесенные Собранію въ осьмилѣтнее празднованіе онаго

Студенты казеннокоштные, или помѣщались въ Университетѣ, или жили внѣ онаго, на жалованьѣ, получая отъ казны сто рублей въ годъ, которыми должны были содержать себя. Обыкновенно всякій новый казеннокоштный Студентъ долженъ былъ годъ или два прожить въ Университетѣ, пока заслужитъ довѣріе начальства и получитъ отъ него позволеніе жить особенно на квартирѣ, или на урокѣ, съ полученіемъ жалованья въ руки.

Приведемъ слова Ил. Ѳ. Тимковскаго: «Студенты, получая жалованье изъ Университетскаго казначейства, сто рублей въ годъ по третямъ, сами себя содержали. Живущіе въ Университетѣ, съ помѣщеніемъ, прислугою и отопленіемъ, получали также понедѣльно свѣчи, а для стола своего составляли партіи отъ 10 до 12-ти, складкою отъ 3 до 4 рублей въ мѣсяцъ, чего по тогдашнимъ цѣнамъ и курсу на серебро, хотя и съ нуждою, доставало. Складочныя деньги поручали хозяйливому товарищу на распоряженіе. Изъ того имѣли стòрожа купчиною и прислужникомъ, платили поварихѣ изъ живущихъ въ нижнемъ этажѣ семей. По истеченіи мѣсяца, недостатокъ переводили въ слѣдующій мѣсяцъ. За столомъ совѣтовались о заказахъ на завтра и новыхъ потребностяхъ. Посуду и скатерти заготовляли особою складкою, а столовой приборъ и салфеты каждый содержалъ отъ себя. — Такихъ столовъ межъ ними было три, и свободно было всякому, по согласію въ началѣ трети, переходить изъ одного стола въ другой.»

«Университетъ имѣлъ свой мундиръ, сходственный съ мундиромъ Московской Губерніи. Какъ Императрица Екатерина II по учрежденію губерній съ 1775 года, раздѣливъ Россію для ихъ мундировъ на три полосы, дала сѣверной цвѣтъ синій, средней—красный,

южной—пюсовой или вишневый, съ отличіями въ нихъ по цвѣту и формѣ воротниковъ, по желтымъ и бѣлымъ пуговицамъ и проч.: то Университету даны цвѣтъ сукна, вмѣсто краснаго, малиновый и для воротника вмѣсто голубаго синій бархатный, пуговицы бѣлыя.»

«Въ одѣяніи Студенты не имѣли никакой опредѣленной формы... Даже свой Университетскій мундиръ не всѣ имѣли. Каждый, и состоящій на жалованьѣ, одѣтъ былъ, какъ могъ и какъ хотѣлъ. Однимъ довольно было на лѣто сюртука, а въ зиму благопріятствовалъ фризъ сюртукомъ или шинелью; но большая часть одѣвались достаточнѣе. Иные же являлись по тогдашнему въ красныхъ драповыхъ плащахъ и высокихъ островерхихъ шляпахъ, въ модныхъ кафтанахъ до пятъ, съ огромными узорно-литыми Англинской стали пуговицами, съ оцѣпленными часами, все лѣто въ башмакахъ, зимою въ сизо-енотовыхъ шубахъ, въ отвернутыхъ по икрѣ бархатныхъ сапогахъ; и какъ на съѣздахъ Московскихъ мѣшались мундиры многихъ губерній, то Москвичи, а съ ними бывало и Студенты, по красотѣ и вкусу, любой себѣ выбирали. Я видѣлъ въ залахъ нарядно свой тогда Кіевскій, пюсовый съ голубымъ бархатомъ, и самъ носилъ Новгородскій синій съ чернымъ. — Не ходи, мой другъ, сказалъ мнѣ объ святкахъ добрый Сенаторъ П. И. Вырубовъ, за Сухаревою башнею, — не ходи въ башмакахъ зимою, чтобъ не ходить лѣтомъ въ теплыхъ сапогахъ.

«Недостатокъ жалованья на одѣяніе, книги и прочія потребности пополнялся или пособіями изъ дому, большей и меньшей руки, или собственными трудами. Рачительному Студенту, съ своими достоинствами, всегда легко было, въ родѣ отдыха и прогулки, имѣть одно мѣсто, давать уроки по часамъ; иной жертвовалъ

собою и больше. Это же знакомило его съ обществомъ, и сходки на лекціи наполнялись столичными разсказами. — Но другой, лучшій способъ доходовъ состоялъ въ переводѣ книгъ на вольную продажу; а вошедшіе въ нѣкую именитость были на то соглашаемы договоромъ, и по великости труда раздѣляли его съ однимъ или двумя товарищами, подъ общею политурою.

«Сими способами иные и одѣвали себя до описаннаго щегольства и составляли свои библіотеки, и позволяли себѣ роскошь; бывали въ театрѣ, на концертахъ и въ собраніяхъ. Кромѣ того, гдѣ omne nimium est vitium, все это постепенно вводило юношу въ образованный кругъ будущей его судьбы, инаго въ разсѣяніе, другаго въ бо̀льшую силу. Mobilibusque decor naturis dandus et annis. Hor. Art. p. 157.»

Съ Университетомъ тѣсно соединялись тогда и помѣщались съ нимъ въ одномъ домѣ двѣ его Гимназіи, возникшія съ нимъ вмѣстѣ, дворянская и разночинская. Число Гимназистовъ, пансіонеровъ и приходящихъ, возрастало съ каждымъ годомъ. Въ 1787 году учениковъ въ Гимназіяхъ было 1010, а Студентовъ 82. Число первыхъ росло все болѣе и болѣе, и въ началѣ XIX вѣка доходило до 3300. Въ 1788 году Начальство Университета въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 10) напечатало публичную жалобу на обучающихся въ Гимназіяхъ, что отлучаются отъ классовъ, и по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцовъ не являются. Оно угрожало исключеніемъ тѣмъ, которые въ теченіи мѣсяца не явятся. Начальники училища приглашали родителей или попечителей самолично или письменно освѣдомляться о хожденіи или нехожденіи дѣтей.

Гимназисты и Студенты казеннаго содержанія помѣщались въ длинныхъ и обширныхъ залахъ глав-

наго зданія, именуемыхъ камерами. Студентовъ было 50, Гимназистовъ втрое болѣе. На половинахъ дворянской и разночинской камеръ было по восьми. Въ каждой помѣщалось по тремъ внутреннимъ стѣнамъ отъ 8 до 10 учениковъ, у четвертой наружной давались мѣста тремъ или четыремъ Студентамъ. Одинъ изъ нихъ, благонравнѣйшій и отличнѣйшій по успѣхамъ, занималъ первое лучшее мѣсто подъ образами, въ переднемъ углу, и назывался камернымъ. Онъ смотрѣлъ за порядкомъ, чистотою, тишиною, занятіями, за безотлучностію учениковъ и приходомъ стороннихъ лицъ, и получалъ за это, кромѣ обыкновенныхъ студенческихъ ста рублей, двадцать рублей серебромъ въ годъ. Всякое утро камерный обязанъ былъ ходить съ отчетомъ къ Эфору поведенія. Эфоры поведенія и ученія назначались изъ Профессоровъ Гимназіи и состояли подъ прямымъ начальствомъ Инспектора. Эта должность, по мнѣнію П. Ил. Страхова, образовалась не прежде 1783 года. Въ камерахъ разночинской половины находилась и библіотека, которою завѣдывалъ старшій изъ камерныхъ Студентовъ той половины. Библіотека была довольно значительна. Въ нее поступало по экземпляру всѣхъ книгъ, какія печатала тогда Университетская Типографія. Здѣсь получались Вѣдомости и Журналы, выходившіе при Университетѣ. Студенты сходились сюда для чтенія и для бесѣды о прочитанномъ. Какъ они, такъ и ученики, могли брать книги подъ росписку; но уходя домой, обязаны были на время отлучки возвращать книги.

Сближеніе Студентовъ съ учениками приносило имъ, по свидѣтельству очевидцевъ, взаимную пользу. Студенты передъ младшими поддерживали благородство своего званія и старались вести себя прилично и скромно. Ученикамъ помогали они въ приготовленіи уроковъ и объясняли трудное въ наукахъ и языкахъ.

Камерному въ этомъ отношеніи помогали и другіе Студенты, называвшіеся подкамерными. Дежурные Студенты водили учениковъ чиннымъ строемъ въ столовую и тамъ наблюдали за ними и раздавали имъ кушанье. Нѣкоторыя молитвы пѣлись общимъ хоромъ; другія читались лучшими учениками по очереди. Пребываніе Студентовъ казеннокоштныхъ въ Гимназіи было, конечно, полезно для нихъ и въ отношеніи къ той педагогической цѣли, для которой они назначали себя въ Университетѣ. Заранѣе пріучались они подъ надзоромъ старшихъ къ тѣмъ пріемамъ воспитанья и ученья, въ которыхъ рановременная опытность, конечно, всегда необходима.

Церковь Университетская, при Императрицѣ Екатеринѣ построенная и расписанная архитекторомъ и живописцемъ Клауди, поражала своимъ благолѣпіемъ и красотою. Студенты и Гимназисты составляли полный благозвучный хоръ и пѣли литургію на хорахъ церкви по воскресеньямъ и праздникамъ. Попеченіемъ Директора Фонъ-Визина лучшіе артисты призывались для выбора и устройства хора. Ил. Ѳ. Тимковскій помнилъ Студента Мошкова, удивлявшаго всѣхъ своихъ прекраснымъ теноромъ.

Студенты дѣлили съ учениками и важныя занятія и игры свои. На Пасху, на дворѣ Университета ставились двои или трои качели. Съ Ѳоминой недѣли, т. е. съ весны, начинались по вечерамъ военныя экзерциціи. Студенты, наставляемые офицерами, дѣлили учениковъ по желанію ихъ на роты и учили ружейнымъ пріемамъ, выправкѣ, маршировать и строю. Въ лѣтнюю вакацію эти занятія повторялись еще чаще и продолжались до Сентября. Осенью бывалъ Университетскому потѣшному батальйону смотръ, въ присутствіи Московскаго Коммендaнта, или шефа полка изъ стоявшихъ въ столицѣ.

Зимою, особенно на святкахъ, во время вакацiи, театръ составлялъ общее удовольствiе Студентовъ и Гимназистовъ. Домашнiй театръ Университета имѣлъ полный запасъ кулисъ и гардероба, прiобрѣтенный или пожертвованiями знатныхъ лицъ, доброжелателей Университета, или складчиною участниковъ въ удовольствiи. О святкахъ или на масляную давали обыкновенно два, три представленiя, съ своею музыкою. Женскiя роли исполнялись обыкновенно учениками. Пiесы были комедiи: Недоросль, Скупой Такъ и должно; оперы: Мельникъ Аблесимова, Добрые Солдаты Хераскова, Севильской цирюльникъ. Отличались на Университетскомъ театрѣ Ник. Ник. Сандуновъ, Вас. Ив. Макаровъ, Гавр. Гер. Политковскiй, Ив. Ос. Тимковскiй, Петръ Вас. Зловъ. Херасковъ однажды приглашалъ Университетскую труппу въ свою Калужскую деревню, на берега Угры. — Кромѣ театра, о святкахъ и на масляницу бывали въ столовой залѣ и смежныхъ съ нею камерахъ дворянской половины маскерады, куда съѣзжались съ своими семействами Начальники, Профессоры, учители, родственники Студентовъ и учениковъ. По воскресеньямъ и праздникамъ случались иногда вечернiе танцы или концерты. Но бывало также, какъ свидѣтельствовалъ П. С. Полуденскiй въ своихъ напечатанныхъ Запискахъ, что ученики Гимназiи, только не Студенты, принимали участiе въ кулачныхъ бояхъ на Неглинной или на Никольской около Заиконоспасскаго монастыря. Ученики Семинарiи или Академiи вступали въ бой съ Гимназистами. Это бывало или до классовъ или между двухъ и двѣнадцати часовъ днемъ. Къ Гимназистамъ присоединялись и служители изъ столовой, куда ученики ходили обѣдать. Студентъ, получившiй шпагу, долженъ былъ вести себя

благородно и избѣгать подобныхъ игрищъ, которыя исчезли передъ силою образованія и времени.

Такъ проходила жизнь Университетскаго Студента въ концѣ XVIII столѣтія. Строгія его занятія наукою освѣняла молитва въ храмѣ Божіемъ, а собранія литературныя, искусство въ разныхъ своихъ видахъ, военныя игры и экзерциціи, жизнь общественная безъ вреднаго разсѣянія, предлагали ему благородный отдыхъ, середи котораго развивались въ немъ силы нравственно-эстетическія, и силы тѣлесныя.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ шестой Главѣ.

1. Такъ объявлено было въ 89 № Моск. Вѣд. 1774 г.

2. См. роспись книгамъ Новикова въ 3 № Москвитянина 1842 года. Эти книги, какъ здѣсь показано, были цензорованы Г. Островскимъ.

3. Вѣстникъ Европы. Т. 3. стран. 57.

4. Москвитянинъ. 1842 г. № 5. Слова Митрополита Платона изъ донесенія Императрицы Екатерины II о Новиковѣ: «Въ слѣдствіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго на имя мое отъ 23-го сего Декабря, поручикъ Новиковъ былъ мною призванъ и испытуемъ въ догматахъ Православной нашей Греко-Россійской Церкви, а представленныя имъ Новиковымъ ко мнѣ книги, напечатанныя въ Типографіи, были мною разсмотрѣны.

Какъ предъ Престоломъ Божьимъ, такъ и предъ Престоломъ Твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести Тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были Христіане таковые, какъ Новиковъ.»

Книги раздѣлены на три разряда. Первыя литературныя признаны весьма полезными; вторыя мистическія непонятными; къ третьему разряду отнесены 6 зловред-

ныхъ книгъ. См. Твор. Св. Отц. 1854. Кн. I. Прибавленій стран. 173, гдѣ сказано, какія именно книги были запрещены. Прочія же всѣ дозволены и были снова пущены въ продажу.

5. Источниками для исторіи этого преподаванія мы имѣемъ каталоги за $177\frac{8}{9}$ годъ во 2-мъ Томѣ коллекціи И. М. Снегирева; за $17\frac{79}{80}$ въ Моск. Вѣдомостяхъ; въ Russische-Bibliothek Бакмейстера съ $178\frac{0}{1}$ по $178\frac{5}{6}$ за исключеніемъ $178\frac{3}{4}$ года, который пополняется рукописнымъ, доставленнымъ отъ Профессора Н. Е. Зернова; за $177\frac{7}{8}$, $\frac{8}{9}$ $\frac{79}{80}$, $8\frac{0}{1}$, $8\frac{1}{2}$ каталоги лекцій есть также при Московскихъ Вѣдомостяхъ въ Главномъ Моск. Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ; каталогъ за $178\frac{6}{7}$ отсутствуетъ; за $178\frac{7}{8}$ находится въ Университетской библіотекѣ; за $178\frac{8}{9}$ доставленъ А. Д. Чертковымъ; за $17\frac{89}{90}$ П. Ил. Страховымъ; за $179\frac{0}{1}$ отсутствуетъ; за $179\frac{1}{2}$ въ двухъ экз. отъ А. Д. Черткова и П. Ил. Страхова; за $179\frac{2}{3}$ въ Университетской библіотекѣ; за $179\frac{3}{4}$ у А. Д. Черткова; за $179\frac{4}{5}$ отсутствуетъ; за $179\frac{5}{6}$ у П. Ил. Страхова.

6. Московскія Вѣдомости. 1791. № 57.

7. См. въ Біографическомъ словарѣ Профессоровъ жизнеописаніе Барсова, стран. 58.

8. Карамзинъ (Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности.) Статья 1-я Г. Галахова. Современникъ 1853. N 1. Критика. стран. 32.

9. De Catharina Magna Legislatorum Prima omnium, Legislationem Suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti.

10. Слово похвальное Ея Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Второй, Самодержицѣ Всероссійской, Матери Отечества, при благополучномъ окончаніи двадцатипятилѣтняго царствованія говоренное въ публ. Собр. И. М. У. Профессоромъ Семеномъ Зыбелинымъ.

11. De ingenuae iuventutis educatione gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. 23-го Сентября 1781 года.

12. Oratio de communi omnis educationis et institutionis consilio. 28-го Іюня 1790 года.

13. De eo quod conducit, et observari oportet ratione valetudinis in eligendo exstruendarum urbium novarum situ, въ Апрѣлѣ 1781 года.

14. De politia Medica ejusque in Rossia usu. 28-го Іюня, 1795 года.

15. Quaeritur: quid statuendum de Luxu, Est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime, proficuus vel noxius, Et si hoc, vel quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda?

16. Dissertatio de Veri nominis Medico, incipiente, ubi Physicus, ac praesertim naturae humanae consultus, desinit. 22-го Апрѣля 1783 года.

17. Oratio de causis et effectibus Pathematum Animi atque ratione eorum moderandorum coërcendorumve ad bene beateque vivendum. 28-го Іюня 1794 года. Рѣчь тогда же переведена Ѳомою Барсукъ-Моисеевымъ, первымъ Докторомъ Московскаго Университета, и напечатана подъ заглавіемъ: О причинахъ и дѣйствіяхъ страстей душевныхъ, также о способѣ умѣрять и укрощать оныя для благополучной и спокойной жизни.

18. Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. 30-го Іюня 1796 года.

19. Печатный экземпляръ стиховъ полный находится въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

20. Нынѣ принадлежитъ внучатному племяннику его, Князю М. Ѳ. Голицыну.

21. Вторымъ изданіемъ они напечатаны въ 1779-1803 году въ Москвѣ.

22. См. Московскія Вѣдомости отъ 1780 по 1789 годъ и Москвитянина 1842 года N 3: Матеріалы для Исторіи Русской Словесности, гдѣ напечатанъ реэстръ книгъ, изданныхъ Новиковымъ.

23. См. выше прим. 4.

24. Намъ извѣстны три экземпляра: одинъ въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, другіе два въ бумагахъ, доставленныхъ П. Ил. Страховымъ; изъ нихъ одинъ за подписью Директора Тургенева выданъ Студенту Чеботареву.

25. Экземпляръ въ Моск. Архивѣ.

26. Москвитянинъ 1851. N 9 и 10. Май. Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову.

27. Напечатаны въ Москвитянинѣ 1854 года.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I. ПЕТРОВИЧА.

отъ 6-го Ноября 1796 года по 11-е Марта 1801 года.

(ГЛАВА VII.)

ГЛАВА VII.

КУРАТОРСТВО М. М. ХЕРАСКОВА, КНЯЗЯ Ө. Н. ГОЛИЦЫНА И П. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Учрежденіе цензуры. — Возобновленіе Казанской Гимназіи. — Указъ о Дерптскомъ Университетѣ. — Мундиръ Московскаго Университета. — Указъ о потомствѣ Ломоносова. — Перемѣна въ Начальникахъ Университета. — Кончина Шувалова. — Попечительность Князя Голицына, новаго Куратора. — Щедрота Императора Павла.—Частныя пожертвованія. — Кончина Шадена.— Преподаваніе (1796—1801). — Рѣчи Профессоровъ. — Другія занятія Профессоровъ. — Вѣдомости и изданія. — Студенты.

—

Попеченіе Правительства объ учрежденіи цензуры входило въ заботы послѣдняго года царствованія Императрицы Екатерины II: «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ,» какъ сказано въ Указѣ, данномъ Сенату 16 Сентября 1796 г., признано необходимымъ это учрежденіе. Мысль Екатерины достигла своего исполненія въ царствованіе Императора Павла: въ 1797 г. Указомъ Февраля 16 новоучрежденная цензура подчинена 3-му Департаменту Сената, а другимъ Указомъ Іюня 30-го опредѣлены **Учрежденіе Цензуры.**

ея штаты. Сенатъ сносился съ Кураторомъ Шуваловымъ о томъ, чтобы онъ, въ исполненіе Указа, назначилъ двухъ ученыхъ изъ Московскаго Университета: одного для цензуры въ Москву, другаго для нея же въ Радзивиловскую таможню. На первое мѣсто Шуваловъ избралъ Профессора Антона Прокоповича-Антонскаго, на второе Магистра Философіи Александра Барсова, съ назначеніемъ имъ жалованья каждому въ годъ по тысячѣ рублей. Указомъ Іюля 4-го того же года повелѣно было Московской Цензурѣ: «книги, цензурою признаваемыя недозволенными и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта Его Императорскаго Величества.»

Возобновленіе Казанской Гимназіи. 31-го Октября, 1797 года, возстановлена бывшая въ Казани Гимназія, которая въ царствованіе Екатерины замѣнена была Народнымъ Училищемъ. Въ Именномъ Указѣ, данномъ Казанскому Военному Губернатору Князю Мещерскому, Императоръ благоволилъ такъ выразиться объ этомъ учебномъ учрежденіи Императрицы Елисаветы, которое процвѣло подъ сѣнью Московскаго Университета: «Вамъ извѣстно, какую пользу приносила бывшая въ Казани Гимназія до ея уничтоженія. *Желая паки возстановить оную, Я поручаю вамъ составить объ оной положеніе.*» Въ слѣдующемъ году, Указомъ Маія 29-го, утверждено было это положеніе и назначенъ подъ Гимназію Губернаторскій домъ въ Казани. Распредѣленіе наукъ предположено довольно обширное. Такъ какъ цѣлью заведенія поставлено образованіе людей, способныхъ къ отправленію должностей по службѣ военной и статской, то введены весьма подробно всѣ математическія и военныя науки. При Натуральной Исторіи опредѣлено читать Земледѣліе; языкъ Славянскій

изъяснять вмѣстѣ съ Россійскимъ. Въ числѣ языковъ иностранныхъ, для мѣстной пользы, назначенъ и языкъ Татарскій. Время обученія предписано расположить такъ, чтобы важнѣйшія науки предлагались поутру, а тѣ, которыя не требуютъ напряженія разсудка, какъ вообще всѣ искусства и художества, послѣ обѣда. Для библіотеки Гимназіи предположено выписывать изъ Германіи каждый годъ на опредѣленную сумму нѣсколько книгъ самыхъ новѣйшихъ и лучшихъ сочинителей для каждой науки, равно и иностранныя ученыя вѣдомости. Назначеніе книгъ возложено на учителей наукъ, а выборъ предоставленъ Директору.

Указъ о Дерптскомъ Университетѣ.

Мысль объ учрежденіи Университета въ Дерптѣ принадлежитъ также царствованію Императора Павла, хотя она была приведена въ исполненіе только въ царствованіе Императора Александра. Правительство при этомъ руководствовалось тою цѣлію, чтобы дать возможность Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Дворянствамъ образовывать дѣтей своихъ у себя, не прибѣгая къ Университетамъ заграничнымъ.[1]

Мундиръ Московскаго Университета.

Указомъ 14-го Октября 1800 года опредѣленъ мундиръ Московскаго Университета. Въ штатахъ изображено: «Мундиру Московскаго Университета быть: кафтану цвѣту темнозеленаго, камзолъ и исподнее платье бѣлые, а воротникъ и обшлага на кафтанѣ малиновые, пуговицы бѣлыя, въ одной половинѣ съ гербомъ Имперіи, а въ другой съ аттрибутами учености.».

Указъ о потомствѣ Ломоносова.

Говоря о томъ, что̀ сдѣлано было на пользу просвѣщенія въ краткое, менѣе нежели четырехъ-лѣтнее царствованіе Павла Перваго, нельзя не упомянуть о дѣйствіи, которымъ Императоръ почтилъ память науки

въ лицѣ крестьянскаго потомства Ломоносова. Въ 1798 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, Генералъ - Маіоръ Николай Исаевичъ Ахвердовъ, пріѣхавъ Губернаторомъ въ Архангельскую Губернію, объѣзжалъ ея уѣзды и въ Холмогорскомъ случайно встрѣтилъ родную сестру Ломоносова, Марью Васильевну Головину. Она жила въ быту крестьянскомъ. Ея внука, Ломоносова, записали въ рекруты. Ахвердовъ написалъ немедленно одушевленное письмо къ Генералъ-Прокурору Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, въ которомъ просилъ, именемъ великаго предка, за его крестьянское потомство. Князь Куракинъ немедленно доложилъ о письмѣ Императору. Его Величество въ тоже мгновеніе подписалъ такой Указъ:

«Въ уваженіе памяти и полезныхъ познаній знаменитаго Санктпетербургскаго Академіи Наукъ Профессора, Статскаго Совѣтника Ломоносова, Всемилостивѣйше повелѣваемъ, рожденнаго отъ сестры его, Головиной, сына Архангельской Губерніи Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости крестьянина Петра съ дѣтьми и съ потомствомъ ихъ, исключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора.»

Поэтъ Дмитріевъ, одушевленный такимъ дѣйствіемъ Государя, воспѣлъ его въ извѣстной одѣ, гдѣ, обращаясь къ рыболову, говоритъ:

Царь иго съ плечь твоихъ снимаетъ;
Твой предокъ Ломоносовъ былъ!
О Павелъ! ты единымъ словомъ,
Не потрясая міра громомъ,
Безсмертіе себѣ купилъ.[2]

Перемѣны въ Начальникахъ Университета.

Благоволеніе Императора Павла къ Московскому Университету и попечительность объ его благоустройствѣ выразились Высочайшими милостями къ его начальникамъ и назначеніемъ новыхъ, близкихъ Уни-

верситету. Ноября 6-го Императоръ вступилъ на престолъ. Ноября 13-го Кураторъ Херасковъ былъ пожалованъ въ Тайные Совѣтники. Ноября 15-го, отставной Бригадиръ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, опредѣленъ въ Директоры Университета, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и съ жалованьемъ его предмѣстника. Тургеневъ, какъ мы видѣли, былъ ученикомъ Гимназіи въ одно время съ М. Н. Муравьевымъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Онъ былъ другомъ Новикова и первымъ руководителемъ Карамзина. Старшіе два сына его, Андрей и Александръ, воспитывались въ Университетскомъ Пансіонѣ. Узы духовныя воспитанія и просвѣщенія, узы кровныя семьи привязывали его къ Университету. Религіозный характеръ его давалъ ему силу нравственнаго дѣйствія на все юношество.

Въ томъ же году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, Императоръ Павелъ назначилъ Кураторомъ, на мѣсто покойнаго Мелиссино, Дѣйствительнаго Каммергера Князя Ѳедора Николаевича Голицына, съ чиномъ Тайнаго Совѣтника и съ окладомъ его предмѣстника въ 1875 рублей. Мы встрѣтили уже имя Князя Голицына, тогда еще Каммеръ-Юнкера, въ числѣ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія съ 7-го Ноября 1780 года, рядомъ съ Тургеневымъ. Въ засѣданіяхъ онъ читалъ свой переводъ изъ Монтескье: Разговоръ Силлы съ Эвкратомъ, и напечаталъ его въ 6-й части Трудовъ Общества. Князь Голицынъ былъ племянникомъ Шувалова: утѣшительно было учредителю Университета, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, за годъ до кончины, видѣть, что кураторство остается въ родствѣ его по нисходящей линіи. Князь Ѳедоръ Николаевичъ въ своихъ заграничныхъ путешествіяхъ бывалъ также посредникомъ въ сношеніяхъ Шувалова съ Вольтеромъ, ко-

торый былъ въ восторгѣ отъ любезности Князя, но сдерживалъ языкъ свой, говоря о предметахъ религіи въ присутствіи молодаго человѣка, изъ уваженія къ его благочестивому характеру. Гостя нѣсколько дней у Вольтера въ Фернейскомъ замкѣ, Князь Голицынъ получилъ отъ него въ подарокъ его сказку о бѣломъ быкѣ, въ знакъ особеннаго уваженія; но просмотрѣвъ книжку, Князь, при отъѣздѣ оставивъ ее на столѣ, возвратилъ хозяину и тѣмъ, конечно, жестоко оскорбилъ его самолюбіе. Такъ благочестивый Русской выражалъ искренно свое разномысліе Вольтеру.

Въ Парижѣ Князь Ѳедоръ Николаевичь бывалъ собесѣдникомъ на маленькихъ субботнихъ вечерахъ у Маріи Антуанеты. Лудовикъ XVI любилъ его и называлъ добрымъ Княземъ. Во время пребыванія его въ Парижѣ, происходила извѣстная борьба Глюкистовъ и Пичинистовъ. Въ Италіи онъ былъ весьма лестно принятъ Папою, и связанъ дружбой со многими Кардиналами, учеными и художниками. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, былъ назначенъ придворнымъ Кавалеромъ ко двору Императрицы, тогда еще Великой Княгини, Маріи Ѳеодоровны, и потому лично приближенъ и коротко извѣстенъ Императору Павлу Петровичу. Нѣсколько времени находился Посломъ при Шведскомъ Дворѣ въ Стокгольмѣ и, щеголяя знаніемъ Русскаго языка, первый изъ дипломатовъ, рѣшился писать донесенія Екатеринѣ II по Русски, а не по Французски, чѣмъ угодилъ чрезвычайнно Императрицѣ.[3]

Апрѣля 5-го 1797 года, на праздникѣ Пасхи совершилось коронованіе Императора Павла. Университетъ 1-го Маія праздновалъ публичнымъ актомъ все-

народное торжество, въ присутствіи двухъ Кураторовъ своихъ, Хераскова и Князя Голицына. Но Шуваловъ, уже больной, не могъ присутствовать при коронованіи и прислалъ поздравительное письмо къ Государю, который въ милостивомъ Рескриптѣ сказалъ слабѣвшему старцу, что всегда съ благодарностію вспоминаетъ попеченіе Шувалова о немъ въ младенчествѣ и не сомнѣвается въ его усердіи. Зная безкорыстіе и недостаточное состояніе Шувалова, Императоръ пожаловалъ ему три тысячи душъ.

Но не долго могъ Шуваловъ пользоваться монаршими милостями: онъ скончался въ Петербургѣ, 14-го Ноября 1797 года.[4] Князь Рѣпнинъ, увѣдомляя о томъ племянника его, писалъ къ нему: «Богу угодно было взять къ себѣ вашего почтеннаго дядю. Ему тамъ лучше, нежели здѣсь.» При погребеніи Шувалова, Ноября 17-го, гробъ его окружили всѣ питомцы Университета, бывшіе тогда въ Петербургѣ. Университетъ же посвятилъ особенный актъ воспоминанію о своемъ основателѣ и благодѣтелѣ. Чеботаревъ въ похвальномъ словѣ славилъ его безкорыстіе, состраданіе къ бѣднымъ, съ которыми онъ дѣлилъ послѣдній рубль, его чистую и священную любовь къ отечеству, которая устремляла его къ очищенію народныхъ умовъ отъ вредныхъ предубѣжденій. Онъ припоминалъ его покровительство Ломоносову, основанную имъ Академію художествъ; онъ приглашалъ вельможъ Русскихъ, если дорого имъ прямое ихъ достоинство, поревновать другу человѣчества, истинному патріоту, «въ безмолвной тишинѣ, въ бесѣдѣ кроткихъ Музъ зиждя общее благо сограждань, разнасаждая, питая и ободряя между ими Науки и Художества.» Очевидецъ свидѣтельствуетъ, что го-

Кончина Шувалова.

лос ъ оатора прерывался рыданіями, когда онъ говорилъ о добродѣтеляхъ покойнаго, что печаль живо изображалась на всѣхъ лицахъ.

Черезъ три года по кончинѣ Шувалова, Университетъ возобновилъ печальный обрядъ своихъ воспоминаній. Сохацкой говорилъ слово. Онъ обратилъ вниманіе на особенную нравственную черту въ учредителѣ Университета, а именно что Шуваловъ умѣлъ оправдать на себѣ истину изреченія Апостольскаго: *любы долготерпитъ*, и потому соединялъ любовь съ необыкновеннымъ терпѣніемъ во всѣхъ непріятныхъ случаяхъ, постигавшихъ его любимое учрежденіе. «*Тихонько! мало помалу!*» были частые отзывы кроткаго и любви преисполненнаго его терпѣнія. А какъ искренна была эта любовь, можно было видѣть изъ того, что даже въ самой старости, въ его болѣзняхъ, всякому Университетскому былъ всегда отворенъ къ нему входъ. «Съ какимъ пріятнымъ и дружественнымъ видомъ встрѣчалъ онъ всякаго отсюда къ нему явившагося! Какой первой вопросъ его былъ, какъ не о любимомъ предметѣ отеческаго попеченія!» Ораторъ въ заключеніе говоритъ, что *добрый духъ* оживлялъ основаніе Университета: отсюда такая любовь питомцевъ къ мѣсту своего воспитанія; отсюда ихъ правота и безкорыстіе на разныхъ поприщахъ служенія государственнаго; отсюда постоянство людей, посвятившихъ себя здѣсь ученой жизни и помимо выгодъ и преимуществъ постоянно остающихся на избранномъ ими многотрудномъ поприщѣ. За рѣчью слѣдовала Ода Сохацкаго же, которой заключительная мысль есть та, что памятникъ Шувалова, имъ самимъ воздвигнутый себѣ, есть Университетъ. За Одою читали еще одушевленные стихи Мерзлякова, тогда уже Баккалавра,

посвященные памяти почившаго. Поэтъ такъ выразился:

У трона трехъ Царей за насъ онъ предстоялъ.[15]

Въ 1798 году, Ноября 14-го, въ первую годовщину смерти Шувалова, освященъ былъ утромъ новопостроенный флигель Университетскаго Пансіона, а вечеромъ на актѣ внесены были питомцами и поставлены въ новой залѣ портреты двухъ умершихъ Кураторовъ: Шувалова и Мелиссино, и третьяго, Хераскова, покрытаго литературною славою, уже творца двухъ поэмъ: Россіады и Владиміра. Въ числѣ питомцевъ, вносившихъ портреты, былъ и Жуковскій, говорившій благодарную рѣчь. Семенъ Родзянка прочелъ стихи. Херасковъ самъ присутствовалъ на актѣ, и съ нимъ два его товарища: Князь Ѳедоръ Николаевичь Голицынъ и новый, недавно опредѣленный Кураторъ, Павелъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ.

Милости Императора къ Университету въ лицѣ его начальниковъ не прерывались. Въ 1799 году Марта 10-го Кураторъ Херасковъ пожалованъ Орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Въ 1800 году, указомъ Іюня 12го, Директоръ Тургеневъ и третій Кураторъ Голенищевъ-Кутузовъ пожалованы въ Тайные Совѣтники.

При Директорѣ служилъ Помощникомъ Князь Петръ Трубецкой, въ 7-мъ классѣ: 15 Ноября онъ произведенъ былъ въ слѣдующій классъ «за прехожденіе съ отличною исправностію возложеннаго на него служенія.»

Попечительность Князя Голицына, новаго Куратора.

Князь Голицынъ наслѣдовалъ отъ дяди своего любовь къ Университету и заботливость о его благоустройствѣ. Черезъ Князя Куракина онъ просилъ Императора Павла о томъ, чтобы въ теченіи десяти лѣтъ отпускалось ежегодно по пяти тысячь рублей на по-

Другой ученикъ Шадена, П. Запольской напечаталъ въ томъ же изданіи стихотвореніе: *Памятникъ Достопочтенному Профессору Шадену,* гдѣ сказалъ:

Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель.

Другой Запольской Иванъ въ статьѣ своей: Обманутый мудрецъ, напечатанной въ томъ же изданіи, говоритъ: «Кантъ! поживи еще не много — до тѣхъ поръ, пока ты увидишь и узнаешь, что изысканія твои справедливы! — Ты былъ въ Россіи подъ другимъ именемъ; но смерть похитила тебя отъ насъ. Будетъ ли время, когда я услышу гдѣ-нибудь втораго Шадена?» Отголоски сочувствія Профессору могъ слышать онъ самъ, еще при жизни своей, отъ старшихъ учениковъ своихъ. Фонъ-Визинъ, умершій 1-го Декабря 1792 года, въ своемъ чистосердечномъ Признаніи вспоминаетъ о томъ, какъ онъ слушалъ Логику на Латинскомъ языкѣ у Шадена, и хвалитъ въ немъ отмѣнный даръ преподаванія и способъ объясненія необыкновенно внятный. Муравьевъ, въ Эпистолѣ къ товарищу своему Тургеневу, писанной въ 1774 году, такъ вспоминаетъ о годахъ своего Университетскаго ученія:

Съ тобою почерпать мы прежде тщились знанья:
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ віючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристалловъ;
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шуваловъ;
Гдѣ, Ломоносова преемля мирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель Росска слова
И Шаденъ истину являетъ безъ покрова.

Въ Юридическомъ Факультетѣ, по смерти Шадена, оставалось всего два Профессора: Баузе, читавшій Римское право по Гейнекцію, и Общую Энциклопедію наукъ, по Эшенбургову руководству, сначала въ Юридическомъ, а потомъ въ Философскомъ Факультетѣ; Горюшкинъ, предлагавшій о должностяхъ разныхъ судейскихъ чиновъ и практическое судопроизводство. Къ нимъ присоединился еще Медикъ Скіаданъ, въ $180\frac{0}{1}$ году читавшій Право Естественное и Народное по руководству Пуффендорфа. Преподаваніе (1796—1801).

Въ составъ Медицинскаго Факультета принятъ былъ новопроизведенный Докторъ съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора, Ѳома Барсукъ-Моисеевъ. Преподаваніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Старшій Профессоръ Зыбелинъ, по окончаніи правилъ Медицины практической, изъяснялъ Химію по Фогелю съ опытами. При немъ, подъ его руководствомъ, ученый Аптекарь Биндгеймъ показывалъ по прежнему Аптекарское искусство, а потомъ уже, какъ Почетный Членъ Медицинскаго Факультета, преподавалъ Аптекарскую Химію по руководству Гагенія. Скіаданъ читалъ Исторію Медицины, Энцикдопедію Медицинскихъ наукъ и Физіологію по Галлеру. Въ $180\frac{0}{1}$ году къ нему перешла отъ Зыбелина Практическая Медицина, которую онъ читалъ по руководству Франциска Юма, а Зыбелинъ «*Медицину консультаторію*, въ которой показывая разные случаи всякихъ болѣзней, упражнялъ слушателей какъ въ распознаваніи самыхъ болѣзней, такъ и въ предусматриваніи слѣдствій отъ нихъ, присовокупляя притомъ и лѣченіе оныхъ.» Керестури, при чтеніи Анатоміи, продолжалъ свои вивисекціи и употребленіе микроскопа. Къ руководству Пленка прибавлено руководство Калданіево. Показывалъ онъ случаи Судебной Медицины. Въ $180\frac{0}{1}$ году

къ Анатоміи присоединилъ Хирургическія наставленія по Каллизену. Политковскій въ $179\frac{8}{9}$ году читалъ по прежнимъ руководствамъ Натуральную Исторію, но въ каталогѣ лекцій $180\frac{0}{1}$ года не упоминается. Рихтеръ въ $179\frac{8}{9}$ году преподавалъ Хирургію и Повивальное искусство по Рёдереру, а въ $180\frac{0}{1}$ году науку о женскихъ болѣзняхъ по предписаніямъ Фанъ Деверена и Судебное Врачебное искусство по Мецгеру. Новый Профессоръ Барсукъ-Моиссеевъ въ первомъ году, изложивъ кратко физіологическія приготовительныя наставленія по Галлеру, подробнѣе объяснялъ физіологическую Семіотику и Гигіену или Діэтетику по Лудвигію и другимъ славнымъ сочинителямъ; въ послѣднемъ году онъ читалъ, послѣ введенія во всеобщую Врачебную науку, Физіологію по Блуменбаху, и за тѣмъ изъяснялъ Лудвигіеву Патологію и Терапію, слѣдуя притомъ и другимъ авторамъ.

Въ Философскомъ факультетѣ Чеботаревъ читалъ два предмета: Россійскую Словесность, соединяя по прежнему съ Латинскою, и Русскую Исторію. Страховъ, Антонскій и Брянцевъ оставались при прежнихъ программахъ. Геймъ въ $179\frac{8}{9}$ году читалъ, кромѣ Нѣмецкой Словесности, вспомогательныя историческія науки: Хронологію, Геральдику и Нумизматику, а потомъ по руководству Шрекка Всеобщую Исторію; но въ $180\frac{0}{1}$ году онъ уже ограничивался однимъ Нѣмецкимъ языкомъ, потому что Всеобщая Исторія, по тому же руководству, перешла къ Адъюнкту Никифору Черепанову. Панкевичъ въ 1-мъ году читалъ по Вейдлеру Оптику, Начальныя основанія перспективы, Катоптрику и Діоптрику съ показаніемъ опытовъ, гдѣ нужно, а въ послѣднемъ году сферическую Тригонометрію, начальныя основанія Астрономіи, какъ сферической, такъ и теорической,

Математическую Географію и Навигацію, первыя три по Вейдлеру, а Навигацію по лучшимъ новѣйшимъ сочинителямъ. Аршеневскій читалъ сначала Геометрію, плоскую Тригонометрію, Алгебру, а потомъ коническія сѣченія. На каѳедрѣ Французской Словесности Профессору Бодуэню, который скончался 23 Октября 1796 года, наслѣдовалъ также Экстраординарный Профессоръ Карлъ Абіа де Ватэ, бывшій нѣсколько времени домашнимъ наставникомъ у Князя Рѣпнина и получившій званіе Экстраординарнаго Профессора еще до смерти Бодуэня за преподаваніе въ Университетскомъ Пансіонѣ. Онъ слѣдовалъ программѣ своего предмѣстника; переводилъ съ знающими Студентами статьи изъ Вѣдомостей на Французскій языкъ и объяснялъ съ особенною любовію сатиры и посланія Буало. Высшій классъ филологическій, соединявшій Гимназіи съ Университетомъ, по образцу своихъ предмѣстниковъ Маттеи и Мелльмана, занималъ Профессоръ Сохацкій.

Слово ораторовъ Университета, торжествуя вѣнчаніе Императора, выражало ихъ благоговѣйное сочувствіе словамъ, которыя Государь повелѣлъ изобразить на первыхъ монетахъ, выбитыхъ въ его царствованіе: *Не намъ, не намъ, но Имени Твоему!* другимъ словамъ, которыя произнесъ онъ многимъ заключеннымъ: *не прощаю, но освобождаю!*—закону, освобождавшему духовное сословіе отъ тѣлеснаго наказанія, учрежденіямъ, которыми призрѣвались престарѣлая воинская заслуга, страждущая болѣзнь и бѣдность.[9] Изъ немногихъ Рѣчей этого краткаго періода времени мыслью нравственно-физической пользы народу замѣчательна рѣчь Рихтера: *О врачебныхъ пособіяхъ, служащихъ къ приращенію много-*

Рѣчи Профессоровъ.

людства въ обществѣ.[10] (1797) Устремляя вниманіе на всѣ тѣ средства, которыя предлагаетъ Медицина для благосостоянія и здравія народнаго, ораторъ говоритъ особенно о прививаніи оспы, о первоначальномъ физическомъ воспитаніи дѣтей, о распространеніи повивальнаго искусства и славитъ новыя дѣйствія Императора, направленныя къ той же цѣли: учреждёніе Врачебныхъ Управъ по всѣмъ городамъ Россіи, опредѣленіе не только Медиковъ и искусныхъ операторовъ, но и Акушеровъ и повивальныхъ бабокъ. Въ заключеніе ораторъ тронутъ мыслію Императора, который на Супругу Свою возложилъ бремя попеченій о воспитаніи дѣтей во всемъ отечествѣ. Тогда уже начались тѣ незабвенные подвиги Матери народа, которыхъ въ теченіи 32-хъ лѣтъ была счастливою и благодарною свидѣтельницею вся Россія. — Слово Профессора М. М. Снегирева, который дѣйствовалъ съ пользою въ Гимназіи, преподавая Умственную и Нравственную Философію, имѣло предметомъ: *пользу нравственнаго просвѣщенія* (1797). Предметъ не былъ тогда общимъ мѣстомъ: вспомнивъ направленіе умовъ въ концѣ XVIII вѣка, раздоръ между умомъ и сердцемъ, вражду науки и нравственности, мы усмотримъ легко, какъ наставникамъ необходимо было безпрерывно указывать на нравственную сторону въ воспитаніи дѣтей.

Но самое замѣчательное изъ произведеній университетской каѳедры этого времени есть, конечно, Слово или точнѣе разсужденіе Антонскаго *о воспитаніи,* сказанное 30-го Іюня 1798 года. Не даромъ причислено оно было къ образцовымъ произведеніямъ нашей Словесности. Оно отличается отъ другихъ словъ этого времени совершеннымъ отсутствіемъ оффиціальнаго риторства, порока общаго совре-

менникамъ, необыкновенною краткостію выраженія и такими изящными формами слога, которыя въ то время, можно смѣло сказать, принадлежали только двумъ писателямъ: Карамзину и Антонскому. Въ содержаніи слова благоразумно и основательно сознаны начала и способы воспитанія; призваны на совѣтъ лучшіе учители дѣла, но сохранена самостоятельность Русскаго на него воззрѣнія. Рѣчи нашихъ ораторовъ о воспитаніи тѣмъ бо̀льшую получали силу, что оправдывались дѣломъ. Когда Шаденъ произносилъ свое Слово, у него въ пансіонѣ воспитывался Карамзинъ. Въ годъ, когда Антонскій съ каѳедры Университета разсуждалъ о воспитаніи, на торжественномъ актѣ Пансіона, въ ряду первыхъ учениковъ его, получалъ золотую медаль питомецъ Антонскаго, Жуковскій.

Въ тоже самое время Профессоръ Французской Словесности Ватэ сказалъ также замѣчательное слово: Discours sur les sciences considéreés dans leurs diverses périodes. Сдѣлавъ очеркъ движенію наукъ въ древнемъ и новомъ мірѣ и воздавъ каждому изъ новыхъ народовъ свое, Французъ, съ любовію и сочувствіемъ, остановилъ вниманіе свое на Россіи и выразилъ весьма вѣрную и новую для того времени мысль, что наука возникла у насъ не изъ смятеній, не изъ нѣдръ вражды и раздора, не среди религіозныхъ возмущеній, потрясеній и ненависти, какъ на Западѣ, но въ спокойствіи и тишинѣ страстей, изъ прекраснаго стремленія Государей Русскихъ просвѣтить отечество. Рѣчь переведена была въ то время на Руской языкъ воспитанникомъ Пансіона, Андреемъ Тургеневымъ.[11]

Въ 1799 году, Іюня 30, сказано было Профессоромъ Брянцевымъ слово: *о всеобщихъ и главныхъ законахъ природы.* Сіи послѣдніе весьма ясно из-

ложены по Лейбницу, Картезію, Бильфингеру и Мендельзону, и Слово обнаруживаетъ свѣтлое разумѣніе началъ философскихъ.[12]

Скіаданъ въ Латинскомъ юридическомъ словѣ (1800) указалъ на врожденное стремленіе человѣка ко благу: отсюда разумъ возводитъ насъ въ начало любви къ Богу, какъ высочайшему благу, а изъ любви къ Богу истекаютъ всѣ обязанности человѣка и гражданина.[13]

Другія занятія Профессоровъ.

Кромѣ преподаванія и рѣчей, Профессоры исполняли различныя должности. Чеботаревъ былъ библіотекаремъ Университета, имѣя при себѣ помощникомъ Гейма; Политковскій врачемъ Университетской больницы; Сохацкій Ректоромъ Греческихъ и Латинскихъ классовъ въ обѣихъ Гимназіяхъ и Инспекторомъ Учительскаго Института; Страховъ Инспекторомъ обѣихъ Гимназій; Антонскій Главнымъ Смотрителемъ Пансіона при Университетѣ и Ботаническаго сада. Ему же, какъ мы видѣли, была поручена Цензура, которая, по Высочайшему повелѣнію, помѣщена въ покояхъ Университета[14]. Антонскій въ это время цензоровалъ многія произведенія Карамзина и находился въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Рихтеръ былъ Акушеромъ Москвы. Аршеневскій и Брянцевъ правили должность Эфоровъ надъ поведеніемъ и ученіемъ казеннокоштныхъ питомцевъ Университета.

При Сенатѣ была учреждена юнкерская школа учителей Правовѣдѣнія. Устроеніе школы и управленіе ею поручено было Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ Статскому Совѣтнику Козодавлеву. Потребовались въ школѣ учители для преподаванія теоретическаго и практическаго правовѣдѣнія или юриспруденціи Россійской. Съ требованіемъ

обратились къ Куратору Университета Князю Голицыну, который послалъ для этой цѣли двоихъ Студентовъ, Цвѣтаева и Тимковскаго. Ученіе открылось въ школѣ 18 Марта 1797 года. Козодавлевъ былъ чрезвычайно доволенъ присланными Студентами. Цвѣтаевъ былъ вскорѣ назначенъ Инспекторомъ Юнкерской школы, Тимковскій оставался учителемъ, и оба пожалованы чинами[15].

Академія Кіевская обращалась также къ Московскому Университету какъ источнику просвѣщенія, и присылала ему своихъ Студентовъ, съ тѣмъ, чтобы они, окончивъ въ немъ курсъ на академическомъ иждивеніи, могли въ Академіи достойно занять учительскія мѣста.[16]

Вѣдомости и изданія.

Типографію Университетскую продолжали содержать Христофоръ Ридигеръ и Христіанъ Клаудій. Вѣдомости издавались отъ нихъ, подъ руководствомъ Профессоровъ Университета. При Вѣдомостяхъ выходилъ Политическій Журналъ по прежнему подъ редакціею Сохацкаго до 1800 года, а съ 1800 перешелъ къ Проф. Гаврилову. Пріятное и полезное препровожденіе времени, при Вѣдомостяхъ же, продолжалось по 1799 годъ, подъ редакціею Сохацкаго и Подшивалова. Въ концѣ 1797 года редакторы, обращаясь къ читателямъ, просили сообщать достопамятные анекдоты объ отечественныхъ великихъ людяхъ и рѣдкихъ приключеніяхъ. Въ изданіи особенно дѣятельно участвовали: Мерзляковъ, Илья Тимковскій, Ефимъ Люценко, Григорій Яценко, Князь Александръ Черкасскій, Князь Ѳедоръ Сибирскій, Князь Петръ Козловскій, Григорій Глинка, впослѣдствіи Профессоръ Русской Словесности въ Дерптскомъ Университетѣ. Встрѣчаются нерѣдко Ѳеофилактъ Покровскій, извѣстный также подъ именемъ Алаунца или философа горы Алаунской, и бывшій въ Тульскомъ на-

родномъ училищѣ строгимъ учителемъ Жуковскаго; питомцы Пансіона: Степановъ, Петръ и Михаилъ Кайсаровы, Александръ Воейковъ,—и въ ихъ ряду, съ 1797 года, выступаетъ четырнадцатилѣтній Жуковскій съ своими *Мыслями при гробницѣ* въ прозѣ, съ своимъ *Майскимъ утромъ* въ стихахъ, съ одою *къ Добродѣтели*, съ піесами въ прозѣ: *Миръ и Война*, *Жизнь и источникъ*. За нимъ слѣдуютъ двое товарищей его, Андрей и Александръ Тургеневы, Семенъ Родзянка, также Василій Поляковъ, всѣ трое переводившіе много съ Нѣмецкаго, Князь Григорій Гагаринъ. Между сотрудниками весьма часто замѣтно имя Василія Нарѣжнаго. Здѣсь Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій напечаталъ свое знаменитое стихотвореніе: *Авось!* и, какъ бывшій Студентъ Университета, воспѣлъ кончину Шувалова. Цѣлая семья Магницкихъ дѣятельно участвуетъ въ изданіи. Князь П. И. Шаликовъ былъ однимъ изъ неутомимыхъ и ревностныхъ сотрудниковъ. Многія дамы, или съ полными именами, или съ таинственнымъ окончаніемъ на букву...... *а*, печатаютъ свои піесы въ стихахъ и прозѣ.

Съ 1799 года изданіе перемѣнило заглавіе на другое: *Иппокрена или утѣхи любословія*. Но издатели, сотрудники и содержаніе журнала остались тѣже. Являются и новые участники: Каченовскій съ своею первою піескою въ прозѣ: Отпускная жаворонку, и съ своими стихами: Чувство по прочтеніи Орла; далѣе Иванъ Татищевъ, Григорій Каменевъ, Максимъ Невзоровъ, особенно дѣятельный Павелъ Львовъ, авторъ Храма Славы. Жуковскій напечаталъ здѣсь свой переводъ разбора сочиненій Леонарда изъ Spectateur du Nord, и на 17-мъ году, внушенную ему въ Виѳаніи, Декабря 25-го 1800 года, богослуженіемъ Преосвященнаго Платона, прекрасную над-

пись «Неподражаемому Платону, достойно славящему Господа.» Неизвѣстный, вѣроятно Гавриловъ, печатаетъ переводы отрывковъ изъ Латинскаго сочиненія Англичанина Ловта о священной поэзіи. Въ числѣ новыхъ сотрудниковъ замѣтенъ Ѳ. Ивановъ, другъ и собесѣдникъ Мерзлякова. Элегія Грея: Сельское кладбище, особенно нравится; два перевода ея въ прозѣ напечатаны: одинъ подъ заглавіемъ: Сынъ Меланхоліи, съ именемъ Князя Петра Козловскаго, другой безъ имени; но никто не осмѣливается еще перевести Элегію въ стихахъ; на этотъ подвигъ созрѣваетъ Жуковскій. Переводы изъ Гёте, монологи Шекспира подъ страннымъ заглавіемъ *единобесѣдованій,* Скандинавскія пѣсни Короля Рёгнера Лодброга, Гаральда храбраго, цѣлая Трагедія въ древнемъ вкусѣ съ хорами: Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова, написанная пятистопнымъ ямбомъ, подъ буквами В. Н. (вѣроятно, Василія Нарѣжнаго), обнаруживаютъ первыя начала новаго движенія въ литературѣ Русской, которыя позднѣе разовьются въ людяхъ съ призваніемъ къ Поэзіи.

Въ 1800 году вышла первая книжка *Утренней Зари*: Труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Здѣсь встрѣчаемъ тѣхъ же сотрудниковъ, которыхъ участіе видѣли въ первыхъ двухъ изданіяхъ, и сверхъ того имена Ивана Петина подъ баснями весьма остроумными, и Сергѣя Фонъ-Визина, сына бывшаго Директора Университета.

Карамзинъ печаталъ тогда въ Университетской типографіи новое прекрасное изданіе Бѣдной Лизы, въ 4-ую долю, съ картинками, изображавшими трогательныя и прекрасныя мѣста изъ ея приключеній, Оду на присягу Московскихъ жителей Императору Павлу I, 2-ю и 3-ю книжку Аонидъ, новое изданіе Моихъ бездѣлокъ, 2-ю часть Новыхъ Повѣстей

Мармонтеля. Изъ книгъ ученаго и нравственнаго содержанія напечатаны при Университетѣ: Дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія съ изобрѣтеніями Невтона, Бернуллія, Эйлера и Лагранжа; Анти-Эмиль Формея или опроверженіе Руссова образа воспитанія и мыслей; Картина всемогущества, премудрости и благости Божіей, созерцаемая въ природѣ; Физіологія, или наука о естествѣ человѣческомъ, соч. Блуменбаха; Физика Бриссона, переводъ Профессора Страхова и проч.

Студенты. Въ Студентахъ, произведенныхъ съ 1797 года по 1801-й, встрѣчаются: Иванъ Черняевъ (1797), Харьковскій Профессоръ, Алексѣй Мерзляковъ (1797), Московскій, Алексѣй Клеменко (1797), Демидовскаго Лицея, Ѳедоръ Вронченокъ (1798), Министръ Финансовъ, Илья Грузиновъ (1798), Профессоръ и воинъ въ 1812 году, Василій Нарѣжный (1798), писатель и первый романистъ, Христіанъ Герке, извѣстный въ Москвѣ педагогъ (1798), Сергѣй Немировъ (1799) Профессоръ, Андрей Тургеневъ (1799), рано умершій для литературы, Романъ Тимковскій (1800), Профессоръ, Спиридонъ Дестуни, переводчикъ Плутарха (1800), Андрей Чеботаревъ (1800), Адъюнктъ, Николай Кошанскій (1800), Профессоръ и наставникъ Пушкина.

На актахъ Университетскаго Пансіона первенствовалъ во всѣ эти годы Василій Жуковскій. Въ 1797 году осталась въ Пансіонѣ картина, писанная имъ по 14-му году, памятникъ той художественной способности къ рисованью, которая развилась въ немъ рано и которую упражнялъ онъ и въ старости, во время своихъ путешествій по Россіи и за границею. Въ 1798 году онъ получилъ золотую медаль съ одобрительнымъ листомъ и читалъ на актѣ оду свою: *Добродѣтель*. Въ 1799 онъ признанъ первымъ воспи-

танникомъ Благороднаго Пансiона и на актѣ читалъ стихи: *Могущество, слава и благоденствiе Россiи.* Тогда же получилъ одобрительный листъ и серебряную медаль съ именемъ. Въ 1800 году его золотое имя осталось на доскѣ Пансiона, вмѣстѣ съ именемъ товарища его, Семена Родзянки.

Молодое поколѣнiе питомцевъ Университета и его Пансiона, исполненное силъ и надеждъ, шло на встрѣчу новому вѣку, который приближался. Въ счастливое предзнаменованiе тому развитiю, которое ожидало нашу Словесность въ XIX столѣтiи, Московскiя Вѣдомости 1800 года открылись стихами Жуковскаго, изъ которыхъ приводимъ заключительную строфу:

Лети, сынъ вѣчности желанный;
Лети, и по слѣдамъ своимъ
Цвѣты блаженства вожделѣнны
И кротку радость насаждай —
Пускай полетъ твой благодатный,
Какъ зефиръ, землю освѣжитъ;
Любовь, согласiе священно
Во всей вселенной утвердитъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ седьмой Главѣ.

1. Указы 9-го Апрѣля 1798 г. и 4-го Маія 1799 г.

2. Вѣстникъ Европы. 1804. Ч. 2. стран. 312.

3. Біографическія подробности о Князѣ Ѳ. Н. Голицынѣ сообщены внукомъ его, Студентомъ 3-го курса Юридическаго Факультета, Княземъ Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ Звенигородскаго Уѣзднаго Предводителя, Князя Михайла Ѳедоровича.

4. День и годъ кончины Шувалова опредѣлены съ точностію въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: О біографіяхъ Шувалова, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ 1853 года, N 112. Для біографіи Шувалова служитъ еще статья И. М. Снегирева: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго Университета и Русскій Меценатъ. Журналъ М. Н. П. 1837. Августъ. Ч. 15. стран. 396.

5. Рѣчи и стихи, читанныя въ разныя времена на приватныхъ актахъ Университетскихъ въ воспоминаніе кончины Основателя Университета, Ивана Ивановича Шувалова. Москва. 1800.

6. Московскія Вѣдомости 1798 года, N 92, и Москвитянинъ 1847 года.

7. Эти подробности, равно и нѣкоторыя другія, заимствованы изъ частной переписки Князя Ѳ. Н. Голицына съ Княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ и другими лицами, сообщенной внукомъ его Студентомъ.

8. Первый списанъ въ Императорской Публичной библіотекѣ Н. С. Тихонравовымъ, а второй доставленъ П. Ил. Страховымъ.

9. Слово на коронованіе Государя Императора Павла Перваго, говоренное на Латинскомъ языкѣ Ѳедоромъ Баузе и переведенное Павломъ Сохацкимъ.

10. Заглавіе приведено по Русскому современному переводу, сдѣланному Студентомъ Медицинскаго Факультета, Максимомъ Успенскимъ; Латинское: Oratio de civium frequentia praesidiis medicis augenda. Говорено 30-го Іюня 1797 года.

11. И оригиналъ и переводъ находятся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Рѣчь довольно рѣдка, равно какъ и рѣчь Антонскаго, въ первоначальномъ изданіи 1798 года.

12. Другое слово на томъ же актѣ сказано было на Нѣмецкомъ языкѣ Геймомъ и напечатано съ Русскимъ переводомъ: *о состояніи наукъ въ Россіи подъ покровительствомъ Павла Перваго.*

13. Заглавіе рѣчи Скіадана: De primo et remotissimo juris Naturae et gentium principio.

14. Объ этомъ есть два письма къ Куратору Князю Голицыну отъ Московскаго Главнокомандующаго Измайлова (12-го и 18-го Марта 1797 года).

15. Изъ писемъ Козодавлева къ Князю Голицыну: «Сіи воспитанники Московскаго Университета не только совершенно удовлетворяютъ желанію начальствующихъ надъ юнкерскою школою, но отличными знаніями, благонравіемъ и препохвальнымъ поведеніемъ обращаютъ на себя отъ всѣхъ достодолжное вниманіе и уваженіе.»

16. Письмо Митрополита Кіевскаго Іероѳея къ Князю Ѳ. Н. Голицыну отъ 12 Іюля 1797 года: «Императорскій Московскій Университетъ, покровительствуемый вами, такъ какъ источникъ просвѣщенія, привлекаетъ на себя вниманіе всѣхъ любителей наукъ.»

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПАВЛОВИЧА,

отъ 12-го Марта 1801 года до 20-го Ноября 1825 года.

(ГЛАВА VIII, IX и X.)

ГЛАВА VIII.

КУРАТОРСТВО М. М. ХЕРАСКОВА; КНЯЗЯ Ѳ. Н. ГОЛИЦЫНА, М. И. КОВАЛЕНСКАГО, П. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА (1801—1803). ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО М. Н. МУРАВЬЕВА (1803—1807).

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшіе Рескрипты. — Кураторъ Коваленскій. — Освобожденіе отъ постоя. — Кабинетъ Яблоновскаго. — Комитетъ для разсмотрѣнія Устава.—Министерство Народнаго Просвѣщенія.— Предварительныя его правила. — Пожертвованіе Демидова. — Попечитель М. Н. Муравьевъ.—Преподаваніе въ $180^{2}/_{3}$ году.— Акты и рѣчи. — Новые Доктора. — Періодическія изданія. — Отчетъ Попечителя за 1803 годъ. — Публичные курсы на $180^{3}/_{4}$ годъ. — Отчетъ Попечителя за 1804 годъ. — Открытіе Гимназій. — Вызовъ иностранныхъ Профессоровъ. — Новые курсы для публики. — Молодое поколѣніе Русскихъ ученыхъ. — Переписка съ Профессорами. — Общества при Университетѣ: Исторіи и Древностей Россійскихъ — Медицинскихъ и физическихъ наукъ—Испытателей природы. — Утвердительная Грамота 5-го Ноября 1804 г.—Уставъ 5-го Ноября 1804 г. —Полувѣковой юбилей 1805 Іюня 30-го. — Объявленіе отъ Университета. — Преподаваніе въ 1805—1807 гг. — Институты хирургическій, клиническій и повивальный.—Ботаническій садъ. — Библіотека и другія учебныя пособія. — Музей. — Минцъ-Кабинетъ. — Пожертвованіе Княгини Дашковой. — Другія пожертвованія.—Ака-

демическая Гимназія. — Рѣчи Профессоровъ. — Разсужденія при каталогахъ лекцій и задачи.—Новое управленіе Типографіею.— Періодическія изданія. — Студенты. — Кончина Муравьева. — Кончина Хераскова.

—

Высочайшіе рескрипты.

Благоволеніе Императора Александра къ Московскому Университету выразилось немедленно по восшествіи Его на престолъ. Черезъ 22-го дня послѣ сего событія, въ отвѣтъ на поздравительные стихи Университета, Государь, 4-го Апрѣля, благоволилъ прислать два Высочайшихъ рескрипта на имя Куратора Князя Голицына и Директора Тургенева. Въ первомъ изъ нихъ было сказано: «Я поручаю вамъ изъявить признательность Мою Университету за сей знакъ усердія, и увѣрить его Моимъ именемъ, что въ числѣ первыхъ упражненій, Мнѣ Промысломъ предназначенныхъ, считаю Я нравственное образованіе юношества благороднаго, и потому всѣ заведенія, къ сему предмету относящіяся, пріятно Мнѣ будетъ поддержать во всей ихъ силѣ и дѣйствіи.» Во второмъ: «Поднесенные Мнѣ отъ Университета стихи принялъ Я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что *всегда Я уважалъ мѣсто сіе, какъ одинъ изъ первѣйшихъ источниковъ просвѣщенія благороднаго юношества*. Успѣхи его всегда будутъ привлекать особенное Мое вниманіе и благоволеніе.[1]» Университетъ праздновалъ Монаршую милость особенными торжествомъ. По совершеніи литургіи и молебствія о здравіи Государя, оба рескрипта прочтены были въ церкви Университетской, въ присутствіи всѣхъ. За тѣмъ послѣдовалъ актъ въ залѣ Конференціи: прочтена ода Куратора Голенищева-Кутузова; Профессоръ Краснорѣчія Чеботаревъ произнесъ благодарственную рѣчь; баккалавръ Мерзляковъ заключилъ актъ стихами. Въ современномъ га-

зетномъ извѣстіи сказано было: «Невозможно изобразить той радости, которую ощущали всѣ присутствовавшіе, оживленные благотворнымъ воззрѣніемъ на ученые ихъ труды милосердѣйшаго Монарха.»

Кураторъ Коваленскій.

Въ томъ же году къ числу Кураторовъ былъ присоединенъ Тайный Совѣтникъ Михаилъ Ивановичь Коваленскій. Уроженецъ Малороссіи, другъ ея философа Сковороды, наставникъ и спутникъ Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго во время путешествія его за границею, Коваленскій довершилъ образованіе свое въ Страсбургѣ. При Императрицѣ Екатеринѣ, онъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, былъ Правителемъ Рязанскаго Намѣстничества. На актѣ Университетскомъ 31-го Августа 1801 года Тайный Совѣтникъ Коваленскій присутствовалъ въ числѣ Кураторовъ, выше Голенищева-Кутузова. Въ томъ же году, въ началѣ Октября, Кураторъ Князь Голицынъ, по болѣзни жены, уѣхалъ за границу. Въ одно время съ нимъ отправился баккалавръ Левъ Цвѣтаевъ.

Освобожденіе отъ постоя.

Благоволеніе Государя къ Московскому Университету выражалось непрерывно. Апрѣля 21, 1801 года, указомъ на имя Московскаго Военнаго Губернатора Графа П. С. Салтыкова, Государь приказывалъ особенно освободить отъ повинности постоя чиновниковъ Московскаго Университета, по правамъ заведенію сему присвоеннымъ и потому, что повинность сія, по роду ихъ службы, менѣе другихъ имъ свойственна.

Кабинетъ Кн. Яблоновскаго.

Въ 1802 году, Февраля 12, Государь пожаловалъ Университету Натуральный кабинетъ, купленный послѣ бывшаго Воеводы Брацлавскаго, Князя Яблоновскаго, у его наслѣдниковъ, за 50,000 Голландскихъ червонцевъ. Государственный Казначей Графъ Ва-

сильевъ сообщилъ объ Монаршей милости Куратору Хераскову.[2]

Комитетъ для разсмотрѣнія Устава.

Между тѣмъ мысль Государя устремлялась все болѣе и болѣе на преобразованіе Университета. 18-го Марта 1802 года, повелѣно было двумъ Сенаторамъ М. Н. Муравьеву и Графу Потоцкому, и при нихъ Академику Фусу, составить особый комитетъ для разсмотрѣнія новыхъ уставовъ Академіи Наукъ, Академіи Россійской и Московскаго Университета; Комитету же повелѣно «сообразивъ ихъ съ намѣреніемъ сихъ учрежденій и съ истиннымъ средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе, сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями, и по сему сравненію сдѣлать надлежащія перемѣны или дополненія, какія къ лучшему ихъ устройству могутъ быть нужными.» Письмоводителемъ въ Комитетѣ назначенъ былъ Коллежскій Совѣтникъ Каразинъ. По этому случаю Начальники Университета сдѣлали представленіе Государю о необходимости перемѣнить прежнія его постановленія,[3] и Государь весьма благосклонно принялъ ихъ представленіе. Отъ Университета же былъ командированъ въ члены Комитета Профессоръ Баузе.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1802 году, Сентября 8-го, учреждены были Министерства — и Министру Народнаго Просвѣщенія ввѣрено воспитаніе юношества и распространеніе наукъ. Съ тѣхъ поръ Университетъ изъ вѣдомства Правительствующаго Сената перешелъ уже въ вѣдомство Министра Народнаго Просвѣщенія. Первымъ Министромъ былъ Графъ Петръ Васильевичь Завадовскій.

Предварительныя его правила.

Въ 1803 году, Января 24-го, утверждены были Императоромъ Предварительныя Правила народнаго просвѣщенія. Приведемъ содержаніе ихъ, касающееся осо-

бенно Университетовъ. Министру и, подъ его вѣдѣніемъ, Главному Училищъ Правленію ввѣрены всѣ училища по четыремъ ихъ разрядамъ: приходскія, уѣздныя, губернскія, или Гимназіи, и Университеты. Вся Россія раздѣлена на Учебные Округи, изъ которыхъ каждый подвѣдомъ одному изъ Членовъ Главнаго Правленія Училищъ. Въ Округахъ учреждены Университеты для преподаванія высшихъ наукъ; кромѣ существовавшихъ трехъ: Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго, предположено учредить еще три: въ С. Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, и со временемъ предназначены для Университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными. Каждому Университету дано Правленіе, Предсѣдателемъ котораго назначенъ Ректоръ, избираемый общимъ собраніемъ Университета и черезъ Министра представляемый Главнымъ Правленіемъ Училищъ на Высочайшее утвержденіе. Избраніе Профессоровъ возложено также на общее ихъ собраніе; Министръ утверждаетъ ихъ, по представленію Попечителя. Ординарнымъ Профессорамъ присвоенъ седьмой классъ, Ректору пятый. Для преподаванія Богословія, Св. Сунодъ опредѣляетъ духовную особу въ каждый Университетъ. Члены Университета ежегодно обозрѣваютъ училища Округа. Гимназіи сего послѣдняго доносятъ Ректору обо всѣхъ распоряженіяхъ по учебной и хозяйственной части, а Ректоръ Попечителю. Члены Главнаго Правленія Училищъ суть Попечители округовъ и другіе, опредѣляемые Государемъ Императоромъ. Попечитель, поставленный въ посредники между своимъ округомъ, его Университетомъ и Министромъ, обязанъ пещись о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ мѣстахъ ему ввѣренныхъ. Спустя пять лѣтъ, ни въ какой Губерніи, никто не будетъ опредѣленъ къ гра-

жданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ. Университетамъ дано право возводить въ ученыя степени или достоинства, но не иначе какъ по строгомъ испытаніи въ знаніяхъ. Три степени отнесены къ классамъ службы: первая Кандидатская къ 12-му, вторая Магистерская къ 9-му; третья Докторская къ 8-му. Къ 9-му классу отнесены старшіе учители Гимназій, къ 8-му Адъюнкты Университетовъ. Студентамъ, кончившимъ курсъ наукъ, присвоенъ 14 классъ при вступленіи въ службу. Университетамъ исключительно предоставлена внутренняя расправа надъ подчиненными имъ лицами и мѣстами. Апелляція, по приговорамъ Университетскаго Совѣта, идетъ только въ Правительствующій Сенатъ. Въ случаѣ уголовнаго преступленія, Университетъ, учинивъ предварительное изслѣдованіе, виновнаго съ мнѣніемъ своимъ отсылаетъ, куда слѣдуетъ, для сужденія и поступленія по законамъ. Въ отношеніи къ присутственнымъ мѣстамъ Университеты сравнены съ Коллегіями. Ценсура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ принадлежитъ единственно Университетамъ. Имъ обѣщаны частные Уставы. Объ ученіи сказано, что науки въ Университетахъ преподаются во всемъ пространствѣ, нужныя для всѣхъ званій и разныхъ родовъ государственной службы. Профессоры составляютъ особыя по роду наукъ отдѣленія: каждое избираетъ по большинству голосовъ своего старѣйшину (Декана) на опредѣленное время. Старѣйшины вмѣстѣ съ Ректоромъ составляютъ Правленіе Университета, Профессоры всѣхъ отдѣленій общее собраніе Университета. Способъ и предметы преподаванія въ каждомъ Университетѣ будутъ предначертаны общимъ собраніемъ Профессоровъ и представлены на усмотрѣніе Попечителю. При каждомъ Университетѣ долженъ быть

учительскій или Педагогическій Институтъ. Студенты, принятые въ оный, получаютъ степень Кандидата, соединенную съ особыми выгодами въ содержаніи. Положенное число Кандидатовъ преимущественно наполняется казенными воспитанниками. Они не могутъ безъ важныхъ причинъ оставить учительскаго званія, не прослужа въ немъ по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ отъ опредѣленія къ должности. Всѣ высшія училища будутъ имѣть свои библіотеки, открытыя въ опредѣленное время для посѣтителей, также собранія естественныхъ и искусственныхъ произведеній, типографіи и тому подобное.

Указомъ 17-го Марта 1803 года утверждено исчисленіе суммъ на ежегодное содержаніе всѣхъ Училищъ. Оно простиралось до 2,149,213 р. Изъ этой суммы на Университетъ Московскій опредѣлена штатная сумма въ 130,000 р. асс. Указомъ 1804 года Апрѣля 9-го данъ новый мундиръ для Университета и подвѣдомыхъ ему училищъ: однобортный кафтанъ темносиняго сукна, со стоячимъ воротникомъ и обшлагами малиноваго цвѣта; подкладка синяя, камзолъ и нижнее платье бѣлое. Золотое шитье на воротникѣ, обшлагахъ и клапанахъ, смотря по классамъ, представляло лавровые листья, обвивающіе дубовую вѣтвь. Этотъ мундиръ намъ особенно уже памятенъ, ибо въ немъ видали мы на торжествахъ Университета и училищъ, его окружавшихъ, незабвенныхъ тружениковъ науки, добрыхъ наставниковъ нашихъ.

Правила заключались приглашеніемъ къ патріотамъ содѣйствовать благу отечественнаго просвѣщенія. Оно выражено было слѣдующими словами: «Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомоществуя Правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на

уваженіе своихъ соотчичей, и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества.»

Пожертвованіе Демидова.

Эти слова немедленно нашли отголосокъ въ благородномъ сердцѣ Дворянина, котораго родъ славенъ уже былъ и прежде ревностію къ отечественному просвѣщенію. Павелъ Григорьевичь Демидовъ пожертвовалъ 3,578 душъ въ Ярославской губерніи и 100 тысячъ рублей деньгами на заведеніе Училища, соотвѣтствующаго значеніемъ своимъ Университету, для неимущихъ дворянъ Ярославской губерніи. Такимъ образомъ даны были средства къ основанію Лицея, названнаго именемъ своего учредителя. Сверхъ того Демидовъ принесъ въ даръ 200 тысячъ рублей: изъ нихъ 100 тысячъ назначались для будущихъ Университетовъ Кіевскаго и Тобольскаго, а другія 100 тысячъ Московскому Университету съ тѣмъ, чтобы часть процентовъ съ этой суммы употреблялась на содержаніе Студентовъ, часть на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ иностранные Университеты и часть на содержаніе каѳедры Натуральной Исторіи съ порученіемъ ея иностранному Профессору, пока эта важная часть наукъ дойдетъ у насъ до бо́льшаго совершенства. Кромѣ суммы, Демидовъ дарилъ немедленно Московскому Университету свою Библіотеку, собранную въ теченіи всей его жизни, Кабинетъ Натуральной Исторіи, Минцъ-Кабинетъ съ медалями и монетами почти всѣхъ Европейскихъ государствъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, что̀ все оцѣнено было по современнымъ цѣнамъ въ 250 тысячъ рублей. Государь, указомъ Сенату 6-го Іюня 1803 года, утвердивъ во всей силѣ благотворительное распоряженіе Демидова, повелѣлъ выбить золотую медаль съ из-

ображеніемъ лица его и съ надписью, означающею его дѣяніе. — Не можемъ не вспомнить здѣсь, что тоже обращеніе къ патріотамъ, которымъ заключались Предварительныя правила Народнаго Просвѣщенія, вызвало Харьковское Дворянство пожертвовать 400,000 р. для основанія Университета въ своей губерніи.

Правила немедленно вошли въ силу, и тогда же назначенъ Попечителемъ Московскаго Университета и Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ Михаилъ Никитичь Муравьевъ. Избраны Деканы въ отдѣленіяхъ Университета и изъ нихъ Ректоромъ Ординарный Профессоръ Краснорѣчія и Нравоученія Чеботаревъ, который, по докладу 20-го Маія 1803 г., на Высочайшее имя, былъ утвержденъ. — Указомъ 21-го Ноября 1803 г. уволены отъ Университета Кураторы Князь Голицынъ, Коваленскій, Голенищевъ-Кутузовъ (Херасковъ, вѣроятно, былъ уволенъ прежде) и Директоръ Тургеневъ; повелѣно производить имъ получаемое ими жалованое до опредѣленія ихъ къ другимъ мѣстамъ. Уволены также Члены Университетской Канцеляріи, Статскіе Совѣтники: Вицедиректоръ Гильдебрандтъ, Лихаревъ, Наумовъ; Коллежскіе Совѣтники: Крупениковъ, Перелывкинъ и Секретарь Жегулинъ, съ обращеніемъ ихъ оклада въ пожизненную пенсію изъ уваженія къ долговременной ихъ службѣ.

Попечитель М. Н. Муравьевъ.

Въ лицѣ Муравьева данъ былъ Университету первымъ Попечителемъ, его славный питомецъ, извѣстный писатель съ глубокимъ и многостороннимъ классическимъ образованіемъ, наставникъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей въ Русскомъ языкѣ, Нравственности и Словесности, покровитель Карамзина, своимъ ходатайствомъ у Императора

открывшій ему путь къ занятіямъ Исторіею Государства Россійскаго. При самомъ восшествіи на престолъ Александра Павловича, Муравьеву повелѣно присутствовать въ Сенатѣ и вскорѣ быть при Особѣ Государя у принятія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Назначеніемъ такого Попечителя увѣнчалось благоволеніе Императора къ Московскому Университету.

Преподаваніе въ 180$\frac{0}{1}$ году.

Прежде чѣмъ увидимъ, какъ новый Попечитель одушевилъ жизнь и умножилъ силы Университета, взглянемъ на два года, предшествовавшіе Академическому 180$\frac{1}{2}$-му, который начался уже подъ управленіемъ Михаила Никитича. Профессоръ П. Ил. Страховъ сберегъ намъ объявленіе о лекціяхъ на 180$\frac{0}{1}$ годъ, послѣдній до начала преобразованія. Въ юридическомъ факультетѣ преподавали четверо: Скіаданъ Право Естественное и Народное по Пуффендорфу, Баузе Право Римское по Гейнекцію, Горюшкинъ Русское Практическое Судопроизводство, Шлецеръ Политику, по книгѣ отца своего. Въ 1800 году этотъ Профессоръ былъ выписанъ изъ Геттингена: слава имени и заслуги отца, столько сдѣлавшаго для Русской Исторіи, побудили Университетъ пригласить къ себѣ сына его на каѳедру. Въ Медицинскомъ факультетѣ Керестури читалъ зимою Анатомію, а лѣтомъ Судебную Медицину; Андреевскій былъ при немъ Адъюнктомъ и Прозекторомъ, разнималъ трупы и читалъ Остеологію по Зёммерингу; Политковскій преподавалъ Химію и Практическую Медицину; Рихтеръ Хирургію и особенно Повивальное искусство; Барсукъ-Моисеевъ Физіологію по Блуменбаху, Патологію и Терапію по Лудвигу. Въ философскомъ факультетѣ Чеботаревъ продолжалъ по прежнему параллельное преподаваніе Латинской и Россійской Словесности, теоретическое по Эрнестію, сверхъ того критическое и практическое

Къ Риторскимъ упражненіямъ присоединялось также преподаваніе Россійской Исторіи. Баузе читалъ Общую Энциклопедію наукъ, съ библіографіею по всѣмъ частямъ знанія; Страховъ Физику по Брисеону; Брянцевъ Логику и Метафизику по Федеру; Панкевичь Оптику, основанія перспективы, Катоптрику и Діоптрику; Арменевскій Геометрію по Вейдлеру; Черепановъ Всеобщую Исторію по Шрекку; Геймъ Нѣмецкую Словесность, Ватэ Французскую; Сохацкій и Снегиревъ дѣйствовали въ Гимназіи и занимали высшіе классы: Сохацкій филологическій, Снегиревъ философскій. Замѣчательно въ этомъ году отсутствіе Антонскаго въ числѣ преподавателей.

Акты Университета съ 29-го Іюня перенесены были на 30-е Августа, чтобы соединить торжества его съ днемъ тезоименитства воцарившагося Государя. Торжество вѣнчанія на царство и мvропомазанія праздновано особеннымъ собраніемъ, Сентября 25-го. Два оратора, Страховъ въ прозѣ, Мерзляковъ въ стихахъ, одушевили его своимъ словомъ. Кромѣ того, по давнему обычаю, на языкахъ Французскомъ, Англійскомъ, Греческомъ, Университетъ выражалъ свои чувства. Мерзляковъ тогда начиналъ еще свое лирическое поприще. Въ его одѣ, согрѣтой Державинскимъ восторгомъ, замѣчательна строфа: Акты и рѣчи.

Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли!
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли! —
Куда еще имъ бросить громы?...
Постойте пламенные Сонмы!
Вамъ новый къ славѣ путь открыть!
Пусть Россъ наукой, просвѣщеньемъ,
Добротою, благотвореньемъ,
Въ другой разъ міръ сей побѣдить!

Характеръ Александра, исполненный Любви, поэтъ изобразилъ такъ: возлюбленная Милость

Пришла — и у Престола стала;
Меня послалъ Господь, сказала,
Тебя всемощнымъ сотворить!

Ораторы Университета наперерывъ выражаютъ благодарныя сочувствія свои къ подвигамъ Государя, при самомъ вступленіи его на престолъ: къ уничтоженію Тайной Канцеляріи, къ возвращенію правъ Дворянамъ, къ возвышенію власти Судовъ, къ движенію, какое дано просвѣщенію Отечества. Отъ имени Университета они благодарятъ за освобожденіе служащихъ въ немъ отъ городскихъ повинностей, за дарованіе драгоцѣннаго кабинета Естественной Исторіи, за кроткое снисхожденіе, съ какимъ принялъ Государь представленіе Начальниковъ Университета о необходимости измѣнить его прежнія постановленія. Предметы рѣчей соотвѣтствовали по прежнему достоинству науки. Молодой Профессоръ Барсукъ-Моисеевъ изслѣдовалъ вліяніе воздуха, временъ года и метеоровъ на человѣческое здоровье и предлагалъ діэтетическія правила, какія должно наблюдать по различному его состоянію (31-го Августа, 1801 года). Сохацкій тогда же говорилъ о предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни. Взглядъ его на изящныя исскуства обнаруживаетъ основательное знакомство съ современными эстетическими теоріями и правильное воззрѣніе, безъ увлеченій. Одушевленный примѣромъ справедливаго и мудраго Государя на Русскомъ престолѣ, Шлецеръ говорилъ слово о томъ, что справедливый и мудрый Государь самъ никогда не судитъ дѣлъ своихъ подданныхъ, но всегда препоручаетъ сужденіе ихъ, учрежденнымъ на то, присутственнымъ мѣстамъ (31-го Августа 1802).[4] —

Аршеневскій тогда же въ словѣ своемъ: *О связи чистой Математики съ Физикою*, показалъ ясно, какъ ученые умѣли у насъ въ то время связывать эти двѣ науки, изъ которыхъ первая можетъ быть названа единственно возможною философіею второй.

Съ обычною торжественностію Университетъ, на основаніи даннаго ему права, произвелъ двухъ Докторовъ Медицины. Іюня 14-го въ 1801 году, Адъюнктъ Иванъ Двигубскій защищалъ свое Латинское сочиненіе: *Опытъ Московской Фауны*, въ которомъ онъ исчислилъ и описалъ животныхъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы. 28 Іюня въ томъ же году Адъюнктъ Максимъ Успенскій защищалъ диссертацію: *О коровьей оспѣ*. Новые Доктора

Университетская Типографія отъ прежнихъ содержателей, Клауди и Ридигера, съ 1802 году перешла къ тремъ: Люби, Гарію и Попову. При Вѣдомостяхъ продолжался *Политическій Журналъ*, статьи котораго заимствовались изъ Поссельтовыхъ Лѣтописей и Архенгольцевой Минервы. Литературныя изданія не прерывались. *Иппокрена* продолжалась до конца 1801 года; въ послѣднихъ номерахъ видно дѣятельное участіе Каченовскаго, какъ переводчика. Журналъ съ 1802 года измѣнилъ заглавіе на другое: *Новости Руской Литературы*. Изъ прежнихъ издателей остался Профессоръ Сохацкій, но къ нему присоединился молодой литераторъ, Побѣдоносцевъ. Изданіе въ успѣхѣ уступало другому, болѣе славному, привлекавшему къ себѣ всѣ первенствовавшія дарованія. Карамзинъ, съ 1802 года, началъ изданіе Вѣстника Европы и продолжалъ его въ 1803 г. Объявленіе о журналѣ выходило при объявленіи о Вѣдомостяхъ отъ Университетской Типографіи. Карамзинъ былъ тогда во всей силѣ своего развитія, какъ литераторъ и политикъ. Періодическія изданія.

Его политическія статьи о современномъ состояніи Европы были явленіемъ, совершенно новымъ въ Русской Словесности, и обнаруживали самостоятельность политическаго взгляда въ будущемъ исторіографѣ Россіи. Въ послѣднемъ номерѣ Вѣстника Европы 1802 года напечатано стихотвореніе Жуковскаго: *Сельское кладбище*, переводъ Греевой Элегіи, съ котораго начался новый періодъ въ Русской поэзіи. Карамзинъ готовился тогда къ новому своему поприщу. Его Похвальное Слово Екатеринѣ, его Мароа Посадница уже предсказывали историка. Въ своемъ журналѣ онъ краснорѣчиво выражалъ надежды Россіи, возбужденныя безсмертнымъ указомъ 24-го Января о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Учрежденіе приходскихъ школъ проливало свѣтъ ученія на всѣ сословія и вызывало съ тѣмъ вмѣстѣ потребность во множествѣ наставниковъ для народа. Новыя педагогическія предпріятія Министерства устремлены были къ тому, чтобъ удовлетворить этой потребности. Университеты должны были служить для того орудіями, и во главѣ ихъ старѣйшій Московскій. Такъ выражалъ Карамзинъ и благодарность и сочувствіе къ этому разсаднику просвѣщенія.

«Всѣ знаютъ,» говоритъ онъ, «что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои *доныны* выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Русскими, которые, преподавая науки, въ то же время образовали и языкъ отечественный. Другіе учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей

благодѣтельности выходили хорошіе Студенты, Баккалавры, Магистеры, Профессоры. Обязанные моральнымъ бытіемъ своимъ Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состояній, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣяніями оживитъ сей Институтъ, то Россія будетъ имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.»[5]

При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, сильный полнымъ довѣріемъ своего Государя, окруженный живыми надеждами ученаго сословія, первый Попечитель начиналъ свои дѣйствія въ Университетѣ, который приближался уже къ празднованію своего полустолѣтія. Какъ питомецъ Университета, онъ уважалъ его прошедшее въ настоящихъ его наставникахъ; какъ начальникъ, призванный вести учрежденіе впередъ, онъ приглашалъ на помощь для своего дѣла Русскихъ ученыхъ молодаго поколѣнія, открывая имъ всѣ пути для усовершенствованія, и ученыхъ заграничныхъ.

Въ бумагахъ М. Н. Муравьева сохранилась книга его Записокъ, касающихся Московскаго Университета, начиная съ 24-го Января 1803 года, какъ дня его назначенія въ Попечители. Изъ этой драгоцѣнной книги выпишемъ собственноручный отчетъ его Министру за 1803 годъ, изъ котораго узнаемъ, какъ онъ приступилъ къ своему дѣлу. Отчетъ Попечителя за 1803 годъ.

«Будучи по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію наименованъ Попечителемъ Московскаго Университета, вступилъ я въ подробное сно-

шеніе со старшимъ Кураторомъ Г. Тайнымъ Совѣтникомъ Коваленскимъ, который препроводилъ ко мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ до успѣховъ, такъ и до хозяйственнаго управленія касающіяся. Изъ нихъ усмотрѣлъ я, чего недоставало для усовершенствованія Университетскаго преподаванія. Съ давняго времени Библіотека оставалась въ скудномъ состояніи, и Университетъ лишенъ былъ единственнаго способа соразмѣрять постепенные успѣхи свои съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ. Я не преминулъ препроводить въ Библіотеку новѣйшихъ великихъ писателей, которые распространили въ краткое время предѣлы человѣческихъ знаній въ Химіи, высокой Геометріи, и Экономіи Политической (внизу написаны имена: «Лавоазьера, Фуркруа, Лаланда, Монжа, Прони, Смита, Стюарта, Бентама и прочихъ»). Астрономія преподавалась единственно въ теоріи. Преднамѣреваясь основать Обсерваторію, ласкался я получить выгодное мѣстоположеніе внѣ города и для построенія оной одного изъ сотрудниковъ славнаго Берлинскаго Астронома Боде. Но слабость здоровья не позволила Г. Сандлеру принять сіе предложеніе. Между тѣмъ доставилъ я въ Университетъ удобный для большихъ наблюденій Грегоріанскій телескопъ, Керіевой работы, выписалъ изъ Лондона Арнольдовъ хронометръ и заказалъ у Бержа, искуснаго художника астрономическихъ орудій, большой регуляторъ и полный кругъ, величиною три фута въ діаметрѣ. Профессору смѣшанной Математики Панкевичу поручилъ двухъ питомцевъ, довольно искусныхъ въ Математикѣ, для пріученія ихъ къ употребленію астрономическихъ орудій. Вразсужденіи заведенія Химической Лабораторіи пользовался я совѣтами члена Академіи Наукъ, славнаго Г. Ловица, по рисунку котораго препоручилъ я преподавателю Химіи, Котельницкому, завести на первый случай химиче-

скій каминъ и предоставилъ себѣ снабдить Университетъ необходимыми химическими сосудами, что̀ частію уже и исполнено. Физическій кабинетъ Университета болѣе обиленъ махинами и снарядами, хотя и тѣ послѣдовавшими открытіями и исправленіями требуютъ нарочитой перемѣны. До сихъ поръ препроводилъ я въ оный галваническій аппаратъ, Гюйтонову переносную лабораторію и Атвудовъ снарядъ для показанія ускорительнаго паденія тѣлъ.

«Предписавъ Медицинскому Факультету заняться начертаніемъ клинической больницы, получилъ я отзывъ его о совершенномъ почти недостаткѣ или обветшалости хирургическихъ и анатомическихъ орудій, которыя выписываны были въ 1766 году и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными. Въ отвращеніе сего недостатка обратился я къ славному Лондонскому Савиньи, который и принялъ на себя доставленіе полнаго оныхъ снаряда.

«По окончаніи полнаго курса, Медицинскій Факультетъ, пріуготовившій четырехъ Докторовъ, находящихся въ чужихъ краяхъ, и такое же число Кандидатовъ Медицины, оставался безъ дѣйствія, по малой склонности Студентовъ къ сему ученію. Напоминаніемъ моимъ и настояніемъ Г. Куратора Коваленскаго, принялъ онъ паки свою дѣятельность.

«Но какъ общій планъ Университетовъ полагаетъ большее число Профессоровъ, нежели сколько существовало ихъ въ Университетѣ при воспріятіи мною попечительства, и какъ по выбытіи смертію знаменитѣйшихъ членовъ Университета, нѣкогда изъ чужихъ краевъ вызванныхъ, мѣста нѣкоторыхъ оставались праздными, другихъ не совершенно были заняты; то и принялъ я намѣреніе заблаговременно возобновить ученіе призваніемъ изъ чужихъ краевъ способныхъ Профессоровъ. На сей конецъ отнесся я къ двумъ

знаменитымъ членамъ Университетовъ Геттингенскаго и Іенскаго, Гг. Надворнымъ Совѣтникамъ Мейнерсу и Шицу, которые по мѣстамъ своимъ и пространной перепискѣ съ учеными имѣли всѣ возможные способы доставить искуснѣйшихъ людей во всѣхъ наукахъ. По мѣрѣ ихъ переговоровъ относился я предложеніями своими къ общему собранію Профессоровъ, которое, одушевлено тою же ревностію къ общему благу, положило призвать Профессоровъ Геттингенскаго Университета Ботаники Гофмана, Статистики Грелльмана, Химіи Рейса, Философіи Кельнскаго Профессора Рейнгарда, Натуральной Исторіи Леманна, находившагося тогда въ Парижѣ, и Математики Доктора Иде. Профессоръ Леманнъ, удержанный благодѣяніями и вниманіемъ правительства своего, принужденъ былъ отклонить отъ себя призваніе: почему извѣстный Маинцкой Профессоръ Фишеръ приглашается съ препорученіемъ ему кабинета Натуральной Исторіи, дарованнаго Г. Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Демидовымъ. Происшествіе весьма важное для Университета и служащее несравненною честію Россійскому Патріотисму есть сіе самое дѣяніе просвѣщенной благотворительности, которою упоминаемый Покровитель наукъ обязалъ современниковъ и потомство вѣчною благодарностію. Даяніе безпримѣрное въ лѣтописяхъ наукъ: капиталъ ста тысячь рублей, съ которыхъ внесены имъ въ Университетъ ежегодные проценты пять тысячь рублей; драгоцѣнный кабинетъ естественныхъ произведеній, собранный имъ подъ глазами Добантона и Ласепеда; многочисленная библіотека; другой капиталъ ста тысячь рублей и 3578 душъ для заведенія Университетскаго Училища въ Ярославлѣ. Таковы сіяющія изъявленія любви къ отечеству и просвѣщенія, которыми ознаменовалъ себя почтенный Благотворитель Московскаго Император-

скаго Университета, воспламененный Высочайшими учрежденіями Всемилостивѣйшаго Государя нашего въ пользу Просвѣщенія народнаго.

«Желая быть самъ очевиднымъ свидѣтелемъ дѣятельности Университета, по учиненному отъ Вашего Сіятельства докладу, ѣздилъ я въ прошедшемъ Маіѣ мѣсяцѣ въ Москву. Дорогою какъ туда, такъ и обратно имѣлъ я случай обозрѣть лично уѣздныя училища Вышневолоцкое, Новоторжское, Клинское и Главное училище Тверское. Въ Московскомъ Университетѣ имѣлъ я счастіе объявить Высосочайшее Е. И. В. подтвержденіе избраннаго Университетомъ Ректора Г. Коллежскаго Совѣтника Чеботарева: открылъ по новому образованію засѣданія Университетскаго Правленія, посѣтилъ лекціи разныхъ Профессоровъ, Библіотеку, Семятическій кабинетъ, Анатомическій театръ, Гимназію, Благородный Пансіонъ, и осмотрѣлъ Московское Главное народное Училище.

«Я почелъ долгомъ своимъ принести лично признательность Университета почтенному его Благотворителю Г. Статскому Совѣтнику Демидову.

«Способствуемъ готовностію и рвеніемъ Профессоровъ, предписалъ я кромѣ обыкновеннаго круга Университетскихъ лекцій открыть публичные курсы Исторіи Натуральной, Опытной Физики, Исторіи Европейскихъ народовъ до временъ Карла пятаго и Науки торговой, которая имѣетъ столь великое сродство съ Наукою Государственнаго Хозяйства. Общество Московское удостоило курсы сіи ласкательнѣйшимъ одобреніемъ и множество молодыхъ людей знаменитыхъ фамилій вписали себя постоянными слушателями сихъ лекцій.

«По неимѣнію краткихъ системъ, по которымъ могли бы преподаваемы быть науки въ Гимназіяхъ, по приглашенію моему Гг. Профессоры Страховъ, Щде-

церъ и Геймъ приняли на себя сочиненіе таковыхъ элементарныхъ книгъ.

«По данному мною наставленію составился при Университетѣ Училищный Комитетъ, и въ Августѣ мѣсяцѣ отправились визитаторами въ Губерніи Ярославскую, Вологодскую, и Костромскую Г. Профессоръ Панкевичь, въ Тульскую и Калужскую Г. Профессоръ Геймъ, въ Тверскую и Смоленскую Г. Коллежскій Ассессоръ Невзоровъ, во Владимирскую, Московскую и Рязанскую Г. Коллежскій Ассессоръ Дружининъ. Наблюденія ихъ служатъ настоящими основаніями, которыя принялъ я въ открытіи Губернскихъ Гимназій.

«Университетъ, оживленный Монаршимъ воззрѣніемъ, имѣлъ удовольствіе въ истекшій годъ украсить многихъ изъ питомцевъ своихъ и сочленовъ учеными достоинствами. Г. Прозекторъ Андреевскій, представившій важныя анатомическія наблюденія, получилъ степень Доктора Медицины, такъ какъ удостоены таковой же достойные питомцы Университета Гг. Кандидаты, Венсовичь и Щеголевъ. Для разсмотрѣнія издаваемыхъ въ Округѣ книгъ, учрежденъ Цензурный Комитетъ, который уже находится нынѣ въ полной дѣятельности, и Г. Гражданскій Губернаторъ Московскій препроводилъ въ оный всѣ до цензуры касающіяся дѣла.

«Наконецъ, въ исходѣ прошлаго года по введеніи полной организаціи, преобразовано Московское Главное Народное Училище въ Губернскую Гимназію. Почетный членъ Университета Князь А. А. Урусовъ споспѣшествовалъ при сей эпохѣ обогащенію Гимназіи принесеніемъ ей драгоцѣннаго дара избранной Библіотеки и Кабинета Исторіи Натуральной. Сей любитель наукъ, распростирая благотворительность свою къ онымъ, подарилъ Московскій Университетъ

своимъ пространнымъ кабинетомъ минеральнымъ и мозаическими картинами.

«Въ заключеніе имѣю честь представить отчетъ денежныхъ суммъ, Университетомъ въ теченіи года принятыхъ и употребленныхъ въ расходъ.»

Публичные курсы на $180\frac{3}{4}$ годъ.

Въ $180\frac{3}{4}$ Академическомъ году, съ Сентября по 1-е Маія, открыты были четыре курса для Московской публики. Политковскій читалъ Натуральную Исторію, пользуясь при этомъ сокровищами натуральнаго кабинета Князя Яблоновскаго; Шлецеръ предлагалъ по Нѣмецки курсъ Исторіи Европейскихъ государствъ отъ разрушенія западной Римской Имперіи до XVI вѣка; Геймъ систематическое обозрѣніе торговли съ пріобщеніемъ подробныхъ свѣдѣній о монетахъ, по экземплярамъ Семитическаго кабинета Кн. Яблоновскаго и Демидовскаго минц-кабинета; Страховъ опытную Физику съ показаніемъ новѣйшихъ опытовъ надъ газами, гальванизмомъ и проч.

Карамзинъ сохранилъ намъ въ послѣднемъ нумерѣ, имъ изданномъ, Вѣстника Европы 1803 года, память этихъ курсовъ и ихъ современнаго дѣйствія на Московское общество. Онъ радовался тому, что наука, облекшись въ доступную для всѣхъ форму, начинала свое вліяніе на общежитіе, и такъ говорилъ:

«Счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ Университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ Московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, Духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспасской Академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую каѳедру.

«Можно было предвидѣть, что лекціи Опытной Физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ Господъ Профессоровъ; но феномены силы электрической, Гальванизма, опыты аэростатическіе и проч., сами по себѣ столь любопытны, и Господинъ Страховъ изъясняетъ ихъ столь хорошо, столь вразумительно, что публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій.

«Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ Господъ Московскихъ Профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать науки *публично*, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи. — Господинъ Политковскій, слѣдуя Линнеевой системѣ, проходитъ царства натуры, изъясняетъ ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ Русскомъ, и замѣчая все достойное удивленія какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой наукѣ природы. — Лекціи Господина Гейма, представляя въ системѣ всѣ отношенія торговли, служатъ доказательствомъ его обширныхъ познаній въ сей части. Русской языкъ не есть его природный; но онъ говоритъ имъ чисто и правильно. — Молодой Профессоръ Шлецеръ, читая Исторію Европы со временъ паденія Римской Имперіи (по искусному Робертсонову введенію въ Исторію Карла V), не только именемъ, но и талантомъ своимъ напоминаетъ славнаго Геттингенскаго Шлецера, отца его. Онъ говоритъ съ живостію и съ благороднымъ красноречіемъ, предлагая слушателямъ собственныя зрѣлыя мысли о случаяхъ и характерахъ. Исторія среднихъ вѣковъ, столь отличная отъ древней Греческой и Римской, не менѣе ихъ достойна любопытства, изображая страшное волненіе народовъ, смѣсь ихъ и на-

конецъ рожденіе новыхъ, которые, выходя, такъ сказать, мало по малу изъ всеобщаго хаоса, сдѣлались основателями нынѣшнихъ великихъ Государствъ Европейскихъ. Мысль, преподавать сію важную часть Исторіи въ Московскомъ Университетѣ для публики и наиболѣе для молодыхъ людей, была весьма счастливою мыслію. Всякой хорошо воспитанный человѣкъ имѣетъ понятіе о древнихъ Государствахъ, о судьбѣ Аѳинъ, Спарты, Рима; но многіе ли умѣютъ ясно вообразить себѣ происшествія, которыя слѣдовали за паденіемъ Римской Имперіи, и преобразили Европу? Тѣмъ нужнѣе впечатлѣвать ихъ въ разумъ юношества систематическимъ *изустнымъ* предложеніемъ, которое остается въ памяти долѣе всего *читаемаго* нами въ книгахъ. — Нѣмецкій языкъ, на которомъ Господинъ Шлецеръ преподаетъ Исторію, хотя вообще и не столь извѣстенъ у насъ, какъ Французскій; однакожъ сей достойный Профессоръ имѣетъ довольно слушателей изъ числа благородныхъ молодыхъ людей, для которыхъ наставленія его могутъ быть тѣмъ полезнѣе».

Въ заключеніе статьи своей о публичныхъ лекціяхъ, Карамзинъ говоритъ: «Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли, учиться тому, что преподается въ нашихъ Университетахъ. Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые Профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и *первый* Университетъ Россійскій, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху наукъ Попечителя, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ.»

Отчетъ Попечителя за 1804 годъ.

Случай сохранилъ намъ отчетъ Попечителя Министру и за второй годъ его управленія Московскимъ Университетомъ и его округомъ, 1804-й: онъ написанъ также его собственною рукою. Передадимъ и этотъ отчетъ читателямъ, какъ драгоцѣнный памятникъ неутомимой заботливости Попечителя. Въ этихъ двухъ отчетахъ Муравьева мы видимъ первые образчики того будущаго систематическаго управленія, которое ввело въ кругъ Университетской дѣятельности болѣе ясное, разумное сознаніе всего ея хода.

«Изложеніе трудовъ Императорскаго Московскаго Университета въ теченіи 1804 года.

«Въ теченіе 1804 года Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета обращалъ главное вниманіе свое на образованіе и открытіе Гимназій въ Учебномъ Округѣ своемъ, что̀ въ томъ же году и привелъ въ полное дѣйствіе, открывъ чрезъ посланныхъ депутатовъ своихъ Профессоровъ и Адъюнктовъ, Гимназіи Тверскую, Смоленскую, Владимирскую, Костромскую, Тульскую, Калужскую, Вологодскую, Рязанскую. Снабдѣніе сихъ Гимназій учителями, учебными пособіями и распредѣленіе предметовъ ученія занимало Училищный Комитетъ Университета. Во исполненіе Высочайшаго подтвержденія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшее прошеніе Г. Статскаго Совѣтника и Кавалера Павла Григорьевича Демидова вразсужденіи основанія въ Ярославлѣ Училища высшихъ наукъ, Университетъ отрядилъ Адъюнкта Яниша для положенія перваго основанія онаго и открытія публичныхъ лекцій Физики и Естественной Исторіи. Скоро послѣ того послалъ онъ въ томъ же намѣреніи для преподаванія Словесности Магистра Срезневскаго, Магистра Шмида для Философіи и Кандидата Вильке для Правовѣдѣнія. Сіе высшее училище имѣло въ Директорѣ училищъ Ярославскихъ Статскомъ Совѣтникѣ и Кавале-

рѣ Хомутовѣ ревностнаго сотрудника, и ученіе постепенно приближалось къ полной дѣятельности заготовленіемъ Библіотеки и физическихъ орудій.

«Между тѣмъ съ самаго начала года вызванные изъ чужихъ краевъ Профессоры являлись одинъ послѣ другаго для занятія каѳедръ своихъ: изъ Кельна Профессоръ Рейнгардъ для Практической Философіи; изъ Геттингена Профессоръ Иде для высшей Геометріи, Профессоръ Рейсъ для Химіи, Профессоръ Грелльманъ для Статистики. Университетъ имѣлъ несчастіе потерять сего знаменитаго ученаго въ Октябрѣ того же года смертію, въ то самое время, когда онъ напрягалъ всѣ свои силы къ пользѣ и славѣ онаго. За сими послѣдовали: изъ Маинца извѣстный учеными трудами своими и путешествіями Профессоръ Фишеръ для Зоологіи и Сравнительной Анатоміи; Г. Гофманъ изъ Геттингена для Ботаники; Г. Маттеи, славный прежнимъ пребываніемъ своимъ въ Москвѣ, толь полезнымъ для Греческой литературы, изъ Виттенберга; Г. Буле, остроумный сочинитель философической Исторіи, изъ Геттингена для Философіи и Теоріи изящныхъ искусствъ; Г. Гольдбахъ изъ Лейпцига для Астрономіи. Всѣ сіи Профессоры, выгодно извѣстные въ ученомъ свѣтѣ, одушевлены живѣйшею ревностію сообщить знанія свои юношеству Россійскому всѣми возможными способами и участвовать по силамъ своимъ въ славномъ поприщѣ, отверстомъ неподражаемою и безпримѣрною въ Исторіи щедротою Всемилостивѣйшаго Государя нашего.

«Кромѣ курсовъ публичныхъ и приватныхъ, о которыхъ объявили отъ себя Профессоры Шлецеръ, Рейнгардъ и прочіе, составились въ теченіе сего года два ученыя Общества: одно Исторіи и Древностей Россійскихъ, предсѣдательствуемое Профессоромъ Чеботаревымъ, другое Соревнованія врачебныхъ и фи-

зическихъ наукъ подъ предсѣдательствомъ Профессора Керестури. Существованіе сихъ ученыхъ обществъ удостоилось Высочайшаго утвержденія. Многіе Почетные Члены въ Россіи и въ чужихъ краяхъ приступили съ удовольствіемъ къ трудамъ оныхъ. Первое занимается сличеніемъ древнихъ Лѣтописей; второе обнародовало программы о важныхъ и общеполезныхъ предметахъ Физики и Врачебной науки.

«Многіе изъ Профессоровъ показали опыты знаній и трудолюбія своего сочиненіемъ и изданіемъ въ печать книгъ, служащихъ для преподаванія ихъ науки. Особенно Профессоръ Политическихъ Наукъ Шлецеръ ознаменовалъ тщаніе свое многими сочиненіями, какъ то: полною системою Государственнаго Хозяйства, Атласомъ служащимъ для преподаванія Англійской Исторіи и сочиненіемъ о Естественномъ правѣ; Профессоръ Сохацкій перевелъ Эстетику Г. Мейнерса; Профессоръ Геймъ сочинилъ основанія торговой Науки; Докторъ Андреевскій выдалъ введеніе въ Анатомію животныхъ; Кандидатъ Озеровъ перевелъ Функову Технологію. Гг. Профессоры Сохацкій, Гавриловъ, Черепановъ и Магистръ Мерзляковъ наполнили сочиненіями своими первую часть Эфемеридъ, издаваемыхъ ежегодно какъ продолженіе Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія.

«Для ежегоднаго обозрѣнія училищъ назначаемы были въ теченіи сего года визитаторами Гг. Профессоры Аршеневскій въ губерніи Смоленскую и Тверскую; Профессоръ Черепановъ въ Костромскую и Вологодскую; Снегиревъ во Владимірскую; Адъюнктъ Щеголевъ въ Тульскую и Калужскую; Адъюнктъ Дружининъ въ Московскую и Рязанскую. Ихъ донесенія представлены Училищному Комитету и приняты были онымъ въ уваженіе въ свое время.

«Произведены въ Академическія степени питомцы

Университета изъ Кандидатовъ Медицины въ Доктора: Котельницкой, Немировъ, по предварительному испытанію и произнесеннымъ диссертаціямъ; Адъюнкты Мудровъ и Воиновъ путешествующіе въ чужихъ краяхъ по выгоднымъ свидѣтельствамъ и присланнымъ наблюденіямъ; Титулярный Совѣтникъ Адамъ въ Магистры. Студенты числомъ «—» выпущены въ гражданскую службу, съ заслуженными свидѣтельствами; въ Университетъ поступило въ Студенты изъ находящейся приономъ Гимназіи «—», изъ благороднаго Пансіона «—», свободныхъ «—». (Числа въ черновомъ отчетѣ не обозначены.)

«Путешествующіе Адъюнкты и Докторы Медицины Двигубскій, Мудровъ и Воиновъ, препроводивъ назначенное время въ Нѣмецкихъ Университетахъ, отправились въ Парижъ, гдѣ пользовались лекціями славнѣйшихъ ученыхъ и сами удостоены были принятіемъ въ Академіи и ученыя общества Парижскія.

«Наконецъ Ноября 5-го послѣдовало навсегда достопамятное для Университета происшествіе, Высочайшее Его Императорскаго Величества подтвержденіе Грамоты и Устава, которыми знаменитое существованіе онаго поставлено на незыблемомъ основаніи. Университетъ принялъ сей священный даръ со всеподданнѣйшимъ благоговѣніемъ и съ ревностнымъ обѣтомъ усугубить посильные труды свои къ достиженію предписанной цѣли.»

Слѣдуя порядку этого отчета, мы предложимъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ, здѣсь обозначенныхъ, по другимъ источникамъ, и прострemъ ихъ на другіе годы попечительства Муравьева.

Михаилъ Никитичъ на время пріѣзжалъ въ Москву, но болѣе жилъ въ Петербургѣ, гдѣ, за отсутствіемъ Министра, какъ Товарищъ, правилъ иногда его должность, и откуда велъ дѣятельную переписку съ Профессорами.

Открытіе Гимназій.

Открытіе Губернскихъ Гимназій представляло въ 1804 году рядъ торжествъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ непрерывно. 2-го Января открыта была Московская Губернская Гимназія въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщалось прежде Главное Народное Училище. Директоромъ былъ назначенъ Дружининъ, преподававшій и Натуральную Исторію. Кромѣ Катихизатора, назначеннаго духовною властію, прочіе учители, избранные Университетомъ, были: Баккалавръ Ивашковскій для Латинскаго языка и Словесности, Назарьевъ для Математики и Физики, Фроловъ для Историческихъ наукъ и началъ Философіи (послѣдніе двое были учителями народнаго училища), Боэтъ для Французскаго языка и Лейбрехтъ для Нѣмецкаго. Открывъ Гимназію, Университетъ объявилъ черезъ Вѣдомости, что въ ней готово ученіе въ языкахъ и наукахъ для отроковъ всѣхъ состояній, а что два нижніе класса, какъ непринадлежащіе къ предмету Гимназіи, отдѣлясь отъ оной, составятъ на прежнемъ основаніи частное Училище, которое и было открыто Марта 15-го. По случаю открытія, Почетный членъ Университета, Князь Александръ Александровичь Уруcовъ подарилъ Гимназіи превосходную библіотеку и систематическое собраніе минераловъ.

2-го Февраля, Депутатъ отъ Университета Гавриловъ открывалъ Гимназію въ Твери.—26-го Марта, въ Ярославскомъ Демидовскомъ Училищѣ высшихъ наукъ открыты публичныя лекціи Физики, Естественной Исторіи и Химіи, Адъюнктомъ и Докторомъ Медицины Янишемъ. Того же числа въ Смоленскѣ открыта Гимназія Депутатомъ Аршеневскимъ. Августа 7-го Депутатъ Снегиревъ открылъ Владимирскую Гимназію, въ присутствіи Губернатора Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Въ Августѣ Депутатъ Щеголевъ открылъ Гимназію въ Тулѣ и въ Калугѣ (Авг.

30-го); Черепановъ въ Вологдѣ (Августа 18-го); онъ же въ Костромѣ (Сентября 15-го). Директорами Гимназій и Училищъ назначены: въ Смоленскѣ Людоговскій, въ Ярославлѣ Хомутовъ, въ Вологдѣ Станиславскій, въ Костромѣ Шурманъ, во Владимирѣ Цвѣтаевъ, въ Твери Толмачевъ, въ Рязани Толстой, въ Калугѣ Потресовъ, въ Тулѣ Колзаковъ. Съ Августа мѣсяца устроены каѳедры другихъ наукъ въ Ярославскомъ Училищѣ: кромѣ каѳедры Янина, Шмиду поручена Философія на Латинскомъ языкѣ, Вильке Правовѣдѣніе, Шипацкому Математика, Срезневскому Словесность. 27-го Ноября открыта Гимназія Рязанская. Съ этихъ поръ начались безпрерывныя сношенія между Профессорами Университета и Гимназіями, ему подвѣдомыми. Ежегодно члены Училищнаго Комитета отправлялись визитаторами въ губернскія и уѣздныя Училища и представляли начальству отчеты о своихъ поѣздкахъ.

Вызовъ иностранныхъ Профессоровъ.

Иностранныхъ Профессоровъ Попечитель пригласилъ, по преимуществу, изъ Геттингенскаго Университета, который славился въ то время именами Пюттера, Мартенса, Блуменбаха, Осіандера, Гейне, Шлецера, оканчивавшаго тамъ поприще, славно начатое въ Россіи, Эйхгорна, Геерена, Буле, Бутервека и другихъ. Между Геттингеномъ и просвѣщеннымъ Русскимъ юношествомъ, ѣздившимъ за границу съ учебными цѣлями, уже существовало живое сочувствіе. Университетъ Нѣмецкій имѣлъ для Русскихъ странниковъ библіотеку Русскую, подаренную ему Барономъ Д'Ашемъ, равно и богатую коллекцію продуктовъ и вещей Сибирскихъ. Муравьевъ велъ большую переписку съ учеными Геттингена для своей цѣли. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ служилъ для него Профессоръ Мейнерсъ, читавшій Исторію Религій и Философіи. Профессоръ

Гофманъ, приглашенный для Ботаники, занималъ уже отличное мѣсто между знатоками этой науки; изслѣдованіями своими о тайнобрачныхъ растеніяхъ, онъ пріобрѣлъ себѣ имя у Англичанъ. Его Германская Флора, его Plantae lichenosae были въ большой славѣ; ботаническій садъ въ Геттингенѣ былъ имъ умноженъ и украшенъ. Буле пріобрѣлъ имя Исторіею Философіи и изданіемъ Аристотеля, хотя еще не доконченнымъ. Иде, ученикъ славнаго Кестнера, прославился объясненіемъ солнечной системы Лапласа. Рейсъ показалъ себя въ опытахъ животно-химическихъ и гальваническихъ. Его родство съ библіотекаремъ Геттингенскаго Университета дало ему возможность короче ознакомиться съ устройствомъ Библіотеки и впослѣдствіи оказать Московскому Университету услугу каталогомъ, столько намъ облегчающимъ употребленіе нашего книгохранилища. Грелльманнъ, и въ Парижѣ и въ Лондонѣ, былъ извѣстенъ сочиненіемъ своимъ о Цыганахъ, переведеннымъ по-Французски и по-Англійски; во время приглашенія, работалъ надъ Статистикою и уже напечаталъ общее статистико-историческое обозрѣніе всей Германіи и отдѣльно Статистику Австріи. Астрономъ Гольдбахъ издалъ Небесный атласъ и работалъ на Лейпцигской обсерваторіи, будучи весьма хорошо извѣстенъ знаменитому Берлинскому Астроному Боде, дѣлившему съ нимъ иногда свои занятія. Фишеръ, бывшій тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, послѣдующею своею дѣятельностію и славою, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ приглашенныхъ, оправдалъ свое призваніе. Маттеи, съ 1772 до 1784 года, въ теченіи 12 лѣтъ уже дѣйствовавшій въ Университетѣ и принесшій такія важныя услуги древней Филологіи своими открытіями въ Сунодальной библіотекѣ и своими изданіями, возвращался въ Москву на знакомое мѣсто, исполненный надеждъ на покровительство и сочувствіе Попечителя;

который былъ самъ отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ.

Первые пріѣхали въ концѣ Марта: Рейнгардъ, Рейсъ и Иде. Университетъ немедленно 2-го Апрѣля объявилъ о ихъ прибытіи и о томъ, что они откроютъ курсы: Рейнгардъ Исторіи философскихъ системъ, Рейсъ Химіи, Иде высшей Геометріи. Преподаваніе объявлено на Латинскомъ языкѣ, но съ тѣмъ, что для желающихъ присоединять будутъ истолкованіе на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ.

Грелльманнъ, 31-го Августа, открылъ лекціи Статистики Латинскою рѣчью о пользѣ ея, но вскорѣ занемогъ. Жестокая нервическая горячка, не смотря на всѣ усилія и пособія врачебныя, продолжавшаяся 20 дней, прекратила жизнь ученаго 1-го Октября. Этотъ Профессоръ, по свидѣтельству друзей своихъ, болѣе всѣхъ другихъ оживленъ былъ надеждами на новоизбранное имъ отечество и бодро побуждалъ своихъ товарищей рѣшиться на отъѣздъ въ Россію. «Послѣднимъ его чувствомъ за нѣсколько дней до кончины было, что прекращеніе жизни отъемлетъ у него способъ оказать услуги свои и благодарность новому Отечеству и столь благотворному къ наукамъ Государю. Это точная сила собственныхъ покойнаго словъ, произнесенныхъ имъ многократно въ продолженіи его болѣзни.» Такъ напечатано было въ современномъ газетномъ объявленіи объ его кончинѣ.

Новые курсы для публики.

Съ Ноября 1804 года по Май 1805-го объявлены были, по примѣру прошлаго года, новые курсы для публики, еще болѣе разнообразные. Фишеръ читалъ на Французскомъ языкѣ Натуральную Исторію; Сохацкій по-Русски Эстетику съ разборомъ произведеній древнихъ и новыхъ, иностранныхъ и отечественныхъ писателей; Шлецеръ по-Нѣмецки Исторію Ан-

глійскаго народа, особенно въ отношеніи къ земледѣлію, мануфактурамъ и торговлѣ; Рейсъ по-Французски Химическую Философію съ физико-химическими опытами; Рейнгардъ по-Французски Исторію Философіи, изображающую ходъ развитія ума человѣческаго и философскихъ системъ; Иде главныя основанія гражданской Ариѳметики на Нѣмецкомъ языкѣ; Геймъ по-Русски начала коммерческой науки и описаніе разныхъ товаровъ, обращающихся въ коммерціи, показывая притомъ важнѣйшія Европейскія монеты по Минцъ-кабинету Демидова; Страховъ Опытную Физику. — Сверхъ того Рейнгардъ для желающихъ объявлялъ два приватныхъ курса на Французскомъ языкѣ: 1) L'état actuel de la Philosophie, 2) La Philosophie du goût.

Молодое поколѣніе Русскихъ ученыхъ.

Призывая ученыхъ иноземцевъ въ Университетъ для того, чтобы возвысить преподаваніе наукъ до современнаго ихъ состоянія, и поручая имъ преподавать на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, Попечитель чувствовалъ, однако, необходимость для науки языка отечественнаго. Въ черновомъ проэктѣ устава, писанномъ его рукою въ записной книгѣ, подъ 34 статьею читаемъ: «Желательно, чтобы со временемъ лекціи всѣхъ наукъ преподавались на природномъ языкѣ. Университетъ ободряетъ какъ сочиненіе, такъ и преложеніе на Россійской языкъ системъ ученія въ разныхъ наукахъ.» Вотъ почему съ надеждою патріота, съ заботливостію начальника, онъ обратился ко всему молодому поколѣнію ученыхъ, которое жило въ Москвѣ или странствовало за границею, вошелъ съ ними въ близкія и живыя сношенія, приблизилъ ихъ къ себѣ, подалъ имъ надежды, умножилъ средства, задалъ работы. Въ его Запискахъ мы читаемъ: «Иначе нельзя завести своихъ Профессоровъ, какъ

посылая ихъ въ чужіе краи, чтобы они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ. Грузиновъ, Чеботаревъ, Мерзляковъ, Воиновъ.»

«Тимковскій — Греческая литература.

Кошанскій—Археологія, Теорія изящныхъ искусствъ.

Чеботаревъ — Технологія.

Буринскій — Исторія.

Болдыревъ — языки восточные.

Жуковъ — высокая Геометрія.

Озеровъ — Лѣсоводство.

Смирновъ (Петръ) — Философія (зачеркнуто).

Для правъ:

Воиновъ, Смирновъ (Рос. юриспруд.), Щупаткевичъ.

Двигубскій, М. Д. } въ Геттингенѣ.
Воиновъ, Адъюнктъ }

Первый для Натуральной Исторіи и Химіи.

Мудровъ, Адъюнктъ, въ Берлинѣ, для Хирургіи и Клиники.

Успенскій, въ Лейпцигѣ. Остановленъ за болѣзнію.

Баккалавръ Яценко, въ Парижѣ съ Графинею Воронцовою, для древностей.

Бак. Цвѣтаевъ, съ Долгорукимъ, можетъ быть Пр. Юриспруденціи.

Своекоштный Студентъ изъ купцовъ, Гусятниковъ, въ Литературѣ учился въ Геттингѣ.

Калкау, Мед. Студентъ, учится въ Геттингѣ.

Г. Адамъ у Графа Пушкина,

NB. Всѣхъ сихъ ученыхъ по пріѣздѣ можно сдѣлать Адъюнктами и Профессорами Экстраординарными.

Кандидаты Щеголевъ и Котельницкой — Мерзляковъ.»

Мерзлякова, въ 1803 году, Муравьевъ пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ и ввелъ въ лучшій кругъ писателей, ученыхъ и мужей государственныхъ. Мер-

зляковъ вспоминалъ всегда объ этомъ времени, какъ самомъ счастливѣйшемъ въ своей жизни. Попечитель устремлялъ его вниманіе къ изученію древнихъ и поощрялъ къ переводамъ ихъ произведеній. Мерзлякову былъ тогда 25-й годъ. Памятникомъ отеческой заботливости о Мерзляковѣ остались слова Муравьева въ записной его книгѣ: «поговорить о Мерзляковѣ (manners and fashion).»

Двигубскій изъ Парижа, отъ 10-го Термидора, прислалъ Попечителю отчетъ о своихъ ученыхъ странствіяхъ, который тогда же напечатанъ былъ въ Университетскихъ Вѣдомостяхъ. Парижскіе натуралисты одобрили его предпріятіе издавать Русскую Фауну и избрали его Курреспондентомъ Парижскаго Академическаго Общества наукъ. Выпишемъ изъ отчета то, что̀ поразило тогда молодаго Русскаго ученаго при обозрѣніи различныхъ заведеній по части Естественной Исторіи.

«Особливо понравилось мнѣ собраніе минераловъ Французскихъ. Въ огромной залѣ, опредѣленной единственно для произведеній собственныхъ Франціи, можно однимъ взглядомъ обозрѣть все то, что̀ во Франціи достаютъ изъ нѣдръ земныхъ. Вся зала раздѣлена по числу Департаментовъ и въ каждомъ отдѣленіи лежатъ всѣ земли, камни и руды одного извѣстнаго Департамента; въ другомъ отдѣленіи произведенія другаго и такъ далѣе. Я не имѣю надобности писать В. П. о пользѣ подобныхъ заведеній, которыхъ немного сыщется въ Европѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю, что будучи еще въ Москвѣ, имѣлъ случай видѣть въ богатомъ кабинетѣ Г. Татищева особенное отдѣленіе для камней, окаменѣлыхъ раковинъ и проч., вокругъ Москвы находящихся. Въ Ганноверскихъ владѣніяхъ я замѣтилъ садъ, въ которомъ разводятъ одни только растенія своей зем-

ли. Въ Кассельской Академіи собираютъ всѣ образцы изъ разныхъ фабрикъ суконныхъ, полотняныхъ и проч., находящихся во владѣніяхъ Кассельскихъ.» — 11 Профессоровъ преподавали Натуральную Исторію. Кабинетъ ея выстроенъ середи Ботаническаго сада и расположенъ систематически. — «Въ саду есть особенное отдѣленіе, опредѣленное для разведенія растеній, какъ природныхъ, такъ и иностранныхъ, полезныхъ для Франціи, и которыхъ сѣмена каждаго года разсылаются во всѣ Департаменты безденежно. По представленію бывшаго Министра внутреннихъ дѣлъ, Г. Шанталя, отведено въ предмѣстіи Парижскомъ обширное мѣсто, гдѣ сѣютъ сосны, ели, кедры, дубы и другія нужныя деревья, которыя послѣ развозятъ для разсадки въ разные Департаменты, смотря по приличной почвѣ земли.»

Попечитель послалъ молодому ученому въ чужіе краи званіе Экстраординарнаго Профессора, которое умножало средства его жизни, а по возвращеніи его въ 1806 году, возвелъ его на ординарную каѳедру.

Весьма занимательна переписка остроумнаго, неутомимаго, исполненнаго жизни, М. Я. Мудрова съ Попечителемъ. По вызову Начальника, онъ представилъ ему въ 1805 году подробную картину всѣхъ недостатковъ преподаванія Медицины въ Московскомъ Университетѣ и за тѣмъ *Чертежъ практическихъ врачебныхъ наукъ, снятый съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи*, который самъ авторъ назвалъ идеальнымъ. Это живое начертаніе было результатомъ неутомимаго изученія, съ какимъ Мудровъ слѣдилъ свою науку въ Парижѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ. Мудрову, жившему въ Парижѣ домашнимъ докторомъ у Княгини Прасковьи Андреевны Голицыной, посланы также съ званіемъ Э. Ординарнаго Профессора, и новыя средства для занятій.

Чеботаревъ, сынъ Профессора и перваго Ректора, отправленъ въ 1805 г. для Технологіи въ иностранные Университеты; Тимковскій для древней Филологіи въ 1806 году и съ нимъ вмѣстѣ Болдыревъ для восточныхъ языковъ. Грузиновъ въ 1805 году переписывался съ Попечителемъ на Англійскомъ языкѣ изъ Лондона, гдѣ изучалъ Анатомію и особенно практическое искусство анатомическихъ препаратовъ.

Слѣдующая записка, писанная собственною рукою Михаила Никитича, покажетъ, какъ онъ умѣлъ оживлять дѣятельность молодаго поколѣнія Русскихъ ученыхъ. — «Весьма желательно, чтобы молодые наши Магистры и Кандидаты заблаговременно пріучились къ сочиненію нужныхъ для ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой силы въ искусствѣ писанія. Съ симъ намѣреніемъ поручилъ я Магистру Загорскому переводъ Монжевой представительной Геометріи; Жукову Біотову Геометрію; Николаеву Біотову Астрономію; Воинову Начала Философическія Невтона; Кандидату Буринскому Гиббоново Начертаніе, Геродіанову Исторію и сочиненіе Исторіи войны 1736 года; Адъюнкту Мерзлякову Піитику Аристотелеву; Магистру Ивашковскому Геродота; Маг. Тимковскому Ѳукидида; Магистру Кошанскому Археологію Милленя, Ксенофонта, Винкельмана, Мосха и Віона; Маг. Константину Воинову основанія Права Гейнекціева; Проф. Воинову Афоризмы Иппократа; Пр. Венсовичу и Ад. Немирову о Медиц. Полиціи Франка; Канд. Озерову Функову Технологію; Маг. Кочановскому Горація или Тита Ливія; Смирнову Экономію Политическую Шлецера.»

Въ 1804 году вышли Эфемериды, одна книжка Трудовъ Любителей Россійской Словесности, служащихъ продолженіемъ Опыта трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, въ 1771 году учрежденнаго при И. М. У.

Содержаніе книжки все посвящено изученію древности Греческой и Римской. Кромѣ разсужденій Сохацкаго, Гаврилова, Черепанова, напечатаны переводъ Платонова Федра, сдѣланный Сохацкимъ, переводы сценъ изъ Эврипидовой Алцесты и первой Пиндаровой Олимпійской оды стихами, едва ли не первые изъ напечатанныхъ переводовъ Мерзлякова изъ древнихъ. Самъ Попечитель приложилъ два біографическія извѣстія о членахъ И. М. У., своихъ наставникахъ, Барсовѣ и Шаденѣ. Черновые подлинники ихъ, писанные его рукою, сохранились въ записной его книгѣ.

Оживляя такимъ образомъ дѣятельность Русскихъ ученыхъ, Муравьевъ велъ въ тоже время непрерывную переписку съ иностранными Профессорами, изъ которыхъ каждый писалъ къ нему о своихъ занятіяхъ, нуждахъ ученыхъ и личныхъ: Маттеи о своихъ филологическихъ поискахъ въ библіотекѣ сунодальной, о намѣреніи сдѣлать такіе же въ Кіевѣ, о посвященіи изданія Теренція Министру Графу Завадовскому; Гольдбахъ объ астрономическихъ снарядахъ; Фишеръ объ Музеѣ и его новыхъ пріобрѣтеніяхъ, также о дѣйствіяхъ Общества Натуралистовъ.

Переписка съ Профессорами.

Одно изъ сильныхъ средствъ къ возбужденію ученой дѣятельности въ членахъ Университета видѣлъ Муравьевъ въ возможности связать ее съ общественною: отсюда объясняется мысль его окружить Университетъ учеными обществами, которыя соединяли бы науку съ общежитіемъ, представителей первой съ просвѣщенными членами втораго. Общества, основанныя Муравьевымъ, принадлежать уже не къ числу тѣхъ преждевременныхъ попытокъ, которыхъ начало и быстрый конецъ мы видѣли въ прошломъ столѣтіи.

Общества при Университетѣ.

Нѣтъ, посаженное имъ сѣмя общественно-ученой жизни принесло плоды многочисленные, разраслось прекрасно, живетъ и дѣйствуетъ въ наше время.

Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Въ Маіѣ мѣсяцѣ 1804 года Высочайше утверждено при Московскомъ Университетѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Первымъ Председателемъ его былъ избранъ Ректоръ Чеботаревъ; первыми дѣйствительными Членами Профессоры: Страховъ, Геймъ, Сохацкій (онъ же и Секретаремъ Общества), Снегиревъ, Черепановъ и Адъюнктъ Гавриловъ; почетными членами: знаменитый Шлецеръ, Графъ Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, А. Ѳ. Малиновскій, Н. М. Карамзинъ. Главнымъ трудомъ для Общества опредѣлено «критическое, то есть, вѣрнѣйшее и исправнѣйшее изданіе оригинальныхъ древнихъ о Россіи лѣтописей, съ пріобщеніемъ къ нимъ нужнѣйшихъ замѣчаній, дабы то и другое могло служить основаніемъ въ сочиненіи подлинной Россійской Исторіи.» Въ слѣдствіе того, Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Св. Сvноду 6-го Іюня 1804 года, повелѣно доставлять Обществу всѣ оригинальныя лѣтописи и хронографы, изъ Государственнаго Архива Иностранныхъ дѣлъ, изъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, изъ Патріаршей и Типографской Сvнодальной библіотекъ, изъ Троицкой Лавры и другихъ монастырей, съ тѣмъ, чтобы по списаніи съ сихъ лѣтописей точныхъ списковъ, возвратить оныя въ тѣ мѣста, откуда будутъ доставлены. — Мысль объ этомъ обществѣ принадлежитъ къ числу первыхъ мыслей Михаила Никитича, записанныхъ въ его книгѣ. Онъ мечталъ соединить изученіе Русскихъ Древностей съ изученіемъ всемірныхъ. Выпишемъ собственныя слова его: «Изысканія древностей Россійскихъ привлекали къ себѣ нѣкоторое время вниманіе публики. Можно, послѣ Миль-

лера, съ честію упомянуть Шлецера, Стриттера и Новикова, который послужилъ бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ ученія древностей его. *Вивліоѳика* есть національное сокровище, изъ котораго любопытные Нѣмцы будутъ когда нибудь черпать. *Вольное Россійское Собраніе* помѣстило также въ трудахъ своихъ нѣкоторые отрывки древностей. Не можно ли бы было соединить съ древностями Россійскими и весь округъ древностей Греческихъ, Римскихъ, Египетскихъ и такъ далѣе?»

Послѣдняя мысль принадлежала къ числу любимыхъ мыслей Муравьева. Древняя филологія увлекала его. Онъ думалъ въ Словесномъ Отдѣленіи основать Латинское Общество. Вотъ его мысль (§ 26 Учебнаго распоряженія): «Подъ предсѣдательствомъ Декана Словесныхъ наукъ составится Латинское общество, къ которому приглашаются Магистры, Кандидаты и Студенты. И сами Профессоры, предшествуя имъ примѣромъ, могутъ показать имъ путь къ образованію себя сочиненіями въ искусствѣ писанія на Латинскомъ языкѣ. Деканъ можетъ позволить и нѣкоторымъ изъ отличнѣйшихъ Студентовъ пользоваться правомъ посѣщенія сихъ засѣданій, которыя имѣть два раза въ мѣсяцъ». Увлекаясь своими Греко-Латинскими идеями, филологъ хотѣлъ и Академическую Гимназію переименовать въ Лицей, а Благородный Университетской Пансіонъ назвать Пританеемъ и главнаго надзирателя его Пританомъ.

2-го Января 1805 года открыло свои дѣйствія другое Общество, Высочайше утвержденное при Московскомъ Университетѣ подъ именемъ Общества соревнованія Медицинскихъ и Физическихъ наукъ. Цѣль его опредѣлена троякая: 1) распространять въ Россіи всякаго рода полезныя знанія, касающіяся до Фи- Медицинскихъ и Физическихъ наукъ.

зики и Врачебной Науки; 2) тщательно возбуждать, питать и подкрѣплять любовь къ симъ наукамъ, какъ между его сочленами, такъ и между всѣми прочими любителями учености; 3) обогащать новыми открытіями, опытами и замѣчаніями Физику и Врачебную науку. Труды Общества предположено издавать въ двоякомъ видѣ: 1) въ видѣ Медико-Физическаго журнала, 2) въ видѣ актовъ на Латинскомъ языкѣ. Предсѣдателемъ Общества избранъ Заслуженный Профессоръ Керестури, ровно 30 лѣтъ преподававшій въ Университетѣ. Первымъ публичнымъ дѣйствіемъ было предложеніе пяти ученыхъ задачъ, наградами за которыя назначались отъ Попечителя медаль въ 200 рублей и отъ четырехъ членовъ: Антонскаго, Керестури, Политковскаго и Рихтера, по медали, каждая въ 175 р.

Испытателей природы.

Въ томъ же 1804 году, Сентября 26-го, основано при Университетѣ третье Общество Испытателей Природы; уставъ же его обнародованъ въ слѣдующемъ году. Цѣль въ уставѣ показана троякая: 1) усовершить свѣдѣнія въ Естественной Исторіи обширной Россійской Имперіи; 2) собрать по географическому порядку всѣ произведенія Россіи, по части Минералогіи, Ботаники, Зоологіи, Земледѣлія и Промышленности; 3) приложить стараніе къ открытію такихъ произведеній, кои могутъ составить новую вѣтвь Россійской торговли. Всѣ пріобрѣтаемыя Обществомъ вещи по части Естественной Исторіи должны храниться въ Университетскомъ Музеѣ, котораго Директоръ есть вмѣстѣ и безсмѣнный Директоръ Общества. Труды членовъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ предположено издавать въ Журналѣ. Первымъ Предсѣдателемъ Общества былъ Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, владѣлецъ знаменитаго Горенскаго сада; первымъ Директоромъ Проф. Фишеръ; первыми Членами: Пр.

Гоффманъ, Директоръ Московской Гимназіи Дружининъ, Проф. Рейсъ, Проф. Гильдебрандъ, Лекторъ Фрид. Виллерсъ, Докт. Джонъ, Докт. Фрид. Фишеръ, Докт. Шмицъ, Проф. Реннеръ, Князь Петръ Мещерскій.

Исторія этихъ обществъ въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи и успѣхахъ, по своей важности и объему, могла бы послужить предметомъ особаго сочиненія и потому въ подробности не взойдетъ въ нашу, чтобы не нарушить ея единства. Къ тому же источники, средства и спеціальное право быть историкомъ каждаго изъ этихъ Обществъ принадлежатъ ихъ членамъ.

Московскій Университетъ, подъ руководствомъ своего неусыпнаго Попечителя, въ теченіи двухъ лѣтъ, изготовлялъ свои силы и средства, чтобы достойнѣе принять Монаршее благодѣяніе, которое излилось на него, 5-го Ноября 1804 года, незабвенными словами Утвердительной его Грамоты.

«Обращая особенное вниманіе наше на Московскій «Императорскій Университетъ, который чрезъ цѣлые «полвѣка имѣлъ столь великое участіе въ образованіи «людей способныхъ для Государственной службы, въ «распространеніи знаній и наипаче въ усовершенство«ваніи отечественнаго языка, разсудили Мы за благо «изъявить чрезъ сіе торжественную признательность «Нашу сему первому въ Россіи вышшему училищу, «даровавъ оному новыя права и преимущества, болѣе «сообразныя съ просвѣщеніемъ текущаго времени. Об«разъ существованія, каковой предначертанъ ему Ав«густѣйшею Основательницею его, Блаженной Памяти «Государынею Прабабкою Нашею Императрицею Ели«саветъ Петровною въ 1755 году, по патріотическому «представленію знаменитаго Любителя наукъ, Дѣй«ствительнаго Каммергера Шувалова, измѣняемъ былъ «въ послѣдствіи по востребованію обстоятельствъ и

Утвердительная Грамота 5-го Ноября 1804 г.

«по мѣрѣ умножающагося числа учащихся распро-«страняемъ щедротами Государей Предшественниковъ «Нашихъ.

«Мы, желая поставить на незыблемомъ основаніи «сіе благотворное учрежденіе и дать ему новые спо-«собы ознаменовать дѣятельность его, даруемъ Мо-«сковскому Университету новое и пространнѣйшее обра-«зованіе, подтверждая за Насъ и Преемниковъ На-«шихъ существованіе сего Университета.»

Какою лучшею радостію могъ встрѣтить первый Русскій Университетъ пятидесятилѣтній юбилей бытія своего, какъ не признаніемъ изъ устъ Монарха пятидесятилѣтнихъ заслугъ его минувшей жизни, полезной Отечеству, утвержденіемъ его существованія въ будущемъ, возвышеніемъ въ настоящемъ?

Въ первой статьѣ Высочайшей Грамоты сказано: «Императорскій Московскій Университетъ пребудетъ Сословіемъ ученыхъ Мужей, которое подъ непосредственнымъ Нашимъ покровительствомъ управляемо будетъ на основаніи Устава, въ сей день Нами утверждаемаго.» — Науки для преподаванія въ Университетѣ предположены во всемъ пространствѣ какъ общія, каждому человѣку нужныя, такъ и особенныя, служащія къ образованію гражданина для разныхъ родовъ Государственной службы. Университетъ поставленъ подъ начальство Министра Народнаго Просвѣщенія и ввѣренъ Члену Главнаго Училищъ Правленія или Попечителю. Ему дано собственное Правленіе: въ отношеніи къ другимъ Присутственнымъ мѣстамъ онъ сравненъ съ Коллегіями. Дано право подносить дипломы Почетныхъ Членовъ; право возводить въ ученыя достоинства Кандидата, Магистра и Доктора, которымъ присвоены классы 12, 9 и 8. Профессоръ Экстраординарный и Адъюнктъ признаны въ 8 классѣ, Ординарный Профессоръ въ 7-мъ, Рек-

торъ въ 5-мъ. Студентамъ присвоенъ 14 классъ. Даны права безпошлиннаго вывоза изъ-за границы всѣхъ учебныхъ и художественныхъ предметовъ; своя цензура для печатанія издаваемыхъ Университетомъ или членами его сочиненій, и для полученія иностранныхъ книгъ. Зданія Университета и домы Профессоровъ, собственные или наемные, освобождены отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ. Письмоводство изъято отъ пошлинъ и употребленія гербовой бумаги. Иностраннымъ ученымъ, служащимъ въ Университетѣ, позволено безпошлинно выѣзжать за границу; пріѣзжающимъ изъ-за границы на службу въ Университетъ привезти съ собою или по пріѣздѣ выписать пожитковъ или вещей въ собственность цѣною до 3,000 рублей безпошлинно. Профессорамъ и Адъюнктамъ, безпорочно и усердно въ званіи своемъ прослужившимъ 25 лѣтъ, присвоено почетное имя *заслуженныхъ*, и годовой окладъ обращенъ въ пожизненную пенсію. Предусмотрѣнъ случай неизлѣчимой болѣзни, отъемлющей у Профессора, Адъюнкта или учителя силы исправлять должность: такому опредѣлена половина годовой пенсіи; но за отличныя достоинства и оказанныя заслуги можетъ быть дано въ пенсію и полное жалованье, не иначе однако, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія по представленію Министра. Вдовамъ и малолѣтнымъ дѣтямъ умершихъ Профессоровъ, Адъюнктовъ и учителей, прослужившихъ полное число лѣтъ, опредѣлены единовременно годовое жалованье умершихъ и сверхъ того полная пенсія. Семействамъ непрослужившихъ полнаго срока, сверхъ единовременнаго жалованья, соразмѣрена пенсія по числу лѣтъ. Вдовамъ присуждена пенсія до вступленія въ новый бракъ; дѣтямъ, когда минетъ 21 годъ послѣднему.

Въ заключеніе Грамоты повелѣно, «утвердивъ оную

«Государственною печатью, отдать для храненія на «вѣчныя времена Университету.» Грамота за собственноручною подписью Государя Императора Александра Павловича до сихъ поръ хранится въ Московскомъ Университетѣ, какъ драгоцѣнный даръ Его благоволенія и Его щедрыхъ Монаршихъ милостей.

Уставъ 5-го Ноября 1804 года.

Ноября же 5-го 1804 года, подписаны были Государемъ Уставъ Императорскаго Московскаго Университета и Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ. Въ начертаніи этихъ узаконеній царствованія Александра I принималъ дѣятельное участіе и М. Н. Муравьевъ, какъ это можно видѣть изъ книги его записокъ.

По сему Уставу учебная часть Университета и его Округа поручена была Совѣту или общему Собранію Профессоровъ; хозяйственная Правленію, которое, подъ предсѣдательствомъ Ректора, состояло изъ четырехъ Декановъ и Непремѣннаго Засѣдателя, назначаемаго Попечителемъ изъ Ординарныхъ Профессоровъ. Планъ преподаванія наукъ въ Университетѣ, раздѣленномъ на четыре факультета, былъ слѣдующій. Отдѣленіе Нравственныхъ и Политическихъ наукъ составляли науки: 1. Богословіе Догматическое и Нравоучительное, 2. Толкованіе Священнаго Писанія и Церковной Исторіи, 3. Умозрительная и Практическая Философія, 4. Права Естественное, Политическое и Народное, 5. Правà гражданскаго и уголовнаго Судопроизводства въ Россійской Имперіи, 6. Правà знатнѣйшихъ какъ древнихъ такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7. Дипломатика и Политическая Экономія.— Отдѣленіе Физическихъ и Математическихъ Наукъ: 1. Теоретическая и Опытная Физика, 2. Чистая Математика, 3. Прикладная Математика, 4. Астрономія (Астрономъ-Наблюдатель), 5. Химія, 6. Ботаника, 7.

Минералогія и Сельское Домоводство, 8. Технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ. При этомъ Отдѣленіи учреждена была 25-мъ §-мъ Устава особенная каѳедра Натуральной Исторіи, подъ названіемъ Демидовской, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе оной употребляема была часть доходовъ съ капитала, принесеннаго въ пользу Московскаго Университета благотворителемъ П. Г. Демидовымъ. — Въ Отдѣленіе Врачебныхъ или Медицинскихъ наукъ входили: 1. Анатомія, Физіологія и судебная Врачебная наука; 2. Патологія, Терапія и Клиника; 3. Врачебное Веществословіе, Фармація и Врачебная Словесность; 4. Хирургія; 5. Повивальное искусство; 6. Скотолѣченіе.— Въ Отдѣленіе Словесныхъ наукъ: 1. Краснорѣчіе, Стихотворство и языкъ Россійскій; 2. Греческій языкъ и Греческая Словесность; 3. Древности и языкъ Латинскій; 4. Всемірная Исторія, Статистика и Географія Россійскаго Государства; 6. Восточные языки: 7. Теорія изящныхъ искусствъ и Археологія. Каждый изъ этихъ предметовъ составлялъ по штату особую каѳедру. Для новыхъ языковъ: Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго, назначено три Лектора.

Кромѣ Почетныхъ Членовъ, избираемыхъ Университетомъ въ знакъ уваженія къ ихъ заслугамъ ученымъ или государственнымъ, предполагалось имѣть четыре Почетныхъ Члена по четыремъ Факультетамъ за границею, которые пользовались бы пенсіею отъ Университета по 200 р. въ годъ и вели бы съ нимъ переписку, доставляя ему свѣдѣнія о новыхъ изобрѣтеніяхъ въ наукахъ и исправляя ученыя препорученія Университета. Изъ Магистровъ, наиболѣе отличившихся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, Совѣтъ каждые два года долженъ былъ избирать двоихъ для отправленія въ чужіе краи на два года. При выборѣ въ Адъюнкты, повелѣно предпочитать иностранцамъ

природныхъ Россіянъ, имѣющихъ нужныя знанія и качества. Въ § 26 Устава сказано было: «Ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрятъ, что съ пользою Университета могутъ занять мѣсто Адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ Университету дозволяется.» Пишущій эту Исторію не можетъ привести этой статьи безъ особеннаго чувства благодарности къ той рукѣ, которая ее начертала: ибо онъ, воспитанный въ училищѣ, не дававшемъ ученыхъ степеней, единственно этому параграфу Устава обязанъ честію и счастіемъ служить въ Московскомъ Университетѣ. Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ, содержитъ въ себѣ превосходныя педагогическія наставленія учителямъ и премудро опредѣляетъ ихъ отношенія къ ученикамъ и къ родителямъ ихъ.

Полувѣковой юбилей 1805 г. Іюня 30-го.

Всемилостивѣйше пожалованный Высочайшею Грамотою, возвышенный въ знаменитости и достоинствѣ Августѣйшимъ словомъ Самого Монарха на степень *перваго въ Россіи высшаго Училища*, обогащенный новыми силами и средствами, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, любимый и лелѣемый своимъ питомцемъ-Попечителемъ, Московскій Университетъ встрѣтилъ юбилей своего пятидесятилѣтія и праздновалъ торжество свое 30-го Іюня, 1805 года.—Предварительно разослано было 28-го Іюня напечатанное на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ приглашеніе къ любителямъ наукъ, чтобы приняли участіе въ полувѣковомъ юбилеѣ Университета. Сочинялъ его Профессоръ Буле: здѣсь, показавъ историческое значеніе Университетовъ вообще, ученый указалъ на заслуги Московскаго, на его настоящее возвышеніе, на благодѣянія Монарха, на по-

выя права и преимущества, на благотворительный подвигъ Демидова, на неусыпныя заботы Министра и Попечителя, и приглашалъ въ заключеніе къ торжеству, предлагая его программу. 30-го Іюня, утромъ въ 8 часовъ, Члены Университета собрались въ большой аудиторіи, откуда всѣмъ корпусомъ пошли въ Университетскую церковь. Здѣсь совершена Божественная литургія и потомъ принесено Господу Богу благодарственное молебствіе о здравіи и благоденствіи Покровителя наукъ Императора Александра и всего Августѣйшаго Его Дома, о сохраненіи подъ святымъ своимъ покровомъ любезнаго нашего Отечества, древняго первопрестольнаго его града и существующаго въ немъ Университета.

По полудни въ 5 часовъ, *хоромъ благодарныхъ Московскихъ Музъ къ Августѣйшимъ своимъ Питателямъ и Покровителямъ*, котораго музыку сочинилъ Кашинъ, а слова Буринскій, открылся торжественный актъ юбилея. За хоромъ Ректоръ Чеботаревъ сказалъ Посѣтителямъ привѣтствіе. Слѣдовало шесть рѣчей отъ всѣхъ четырехъ отдѣленій. Отъ Нравственно-Политическаго говорили двое: Рейнгардъ Латинскую рѣчь *о плодахъ, какихъ можно ожидать отъ Университетовъ основанныхъ, или которые будутъ основаны въ Россіи;* Цвѣтаевъ Русскую — *о взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки*. Отъ Физико-Математическаго также двое: Гольдбахъ Латинскую — *объ успѣхахъ, сдѣланныхъ Россіею въ Математикѣ;* Фишеръ Французскую — *объ истинной цѣнѣ кабинетовъ, состоящихъ изъ достопамятнѣйшихъ предметовъ натуры, и о пользѣ ихъ для народнаго просвѣщенія*. Отъ Врачебнаго Венсовичъ Русскую—*о врачебной антропологіи*, отъ Словеснаго Сохацкій *Торжественное Слово* и Мерзляковъ *Оду*.

Одинъ изъ достойныхъ питомцевъ и наставниковъ

Университета, Сохацкій, такъ говорилъ о его заслугахъ отечеству: «Пп. Сс., имѣя счастіе чрезъ двадцать три года находиться неотлучно при семъ знаменитомъ мѣстѣ, я пріемлю на себя смѣлость торжественно предъ вами о томъ свидѣтельствовать. Кажется, нынѣ вижу предъ глазами, какъ новые сонмы за сонмами благовоспитанныхъ и образованныхъ людей, подобясь выходящимъ роямъ трудолюбивыхъ пчелъ, вступаютъ непрестанно, чрезъ цѣлый рядъ протекшихъ лѣтъ, въ различныя служенія ко благу возлюбленнаго нашего отечества.

«Да и подлинно! какое найдется изъ высшихъ и благороднѣйшихъ въ немъ званій, гдѣ Московскій Университетъ не могъ бы похвалиться своими воспитанниками? Достойные Первосвященники и Пастыри Церкви, высокіе Министры, проницательные Политики, мудрые Градоправители, правотворные судіи, знающіе письмоводцы, искусные врачи, даже отличные военнослужащіе приносили и приносятъ государству честь и украшеніе. Отличительныя черты характера ихъ и поведенія суть честность, прямодушіе, вѣрность и любовь къ отечеству — плоды истиннаго просвѣщенія. Вотъ живые и дѣйствующіе, если могу такъ выразиться, подлинники главныхъ трудовъ сего Училища, собственно ему предлежащихъ, и по праву отъ него требуемыхъ!»

Послѣ рѣчей, въ заключеніе торжества, провозглашены были производства въ ученыя достоинства и степени. Въ Адъюнкты произведены трое: Перелоговъ, Падеринъ и Тростинъ; въ Доктора правъ: Коллежскій Совѣтникъ Максимовичъ и Профессоръ Харьковскаго Университета Тимковскій; въ Доктора Философіи и свободныхъ наукъ: Коллежскій Ассессоръ Яценко, Алексѣй Гусятниковъ и старшіе учители Гимназій Московскаго учебнаго округа: Покровскій,

Елоховскій, Зельницкій и Назарьевъ; въ Магистры Философіи учители Гимназій М. О. Геннигъ, Вельцынъ и Клименко; Университетскіе Студенты Кандидаты: Андрей Чеботаревъ, Александръ Воиновъ, Романъ Тимковскій, Николай Кошанскій, Петръ Богдановъ и Семенъ Смирновъ. Студентъ Герасимъ Покровскій награжденъ золотою медалью, Студенты Щупатиевичь и Добротворскій серебряными. Изъявлена особливая похвала отъ Совѣта Студентамъ: Болдыреву, Ризенкѣ и Болхарьевскому. 27 воспитанниковъ Университетской Гимназіи, по испытанію, произведены въ Студенты. Чеботаревъ передалъ Ректорство свое новоизбранному Ректору Страхову. Въ 10 часовъ вечера горѣла иллюминація. Пылали 6 пирамидъ. Между ними видна была прозрачная картина, изобрѣтенная славнымъ живописцемъ Тончи. Здѣсь Елисавета I, въ образѣ Минервы, попирала косу Сатурнову, съ изображеніемъ на ней XII Ian. MDCCCXLV, какъ настоящаго дня основанія Московскаго Университета. Геній Александра I подавалъ масличную вѣтвь Россіи въ знакъ мира, а Минерва указывала ей на вензель Императора.

Объявляя о началѣ лекцій своихъ съ Августа 17-го чрезъ Московскія Вѣдомости, Университетъ обѣщалъ Студентамъ, по окончаніи трехъ-лѣтняго курса, чинъ Оберъ-Офицера. Лекціи предлагалъ не на одномъ Латинскомъ, но на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Кромѣ лекцій, онъ открывалъ учащемуся юношеству библіотеку, музей Натуральной Исторіи, собранія медалей и художественныхъ вещей, и такъ называемыя бесѣды, учреждаемыя Профессорами для изустнаго упражненія въ языкахъ и наукахъ. Лекціи у Профессоровъ можно было имѣть по уговору особыя и особеннѣйшія (privatae et privatissimae). Всѣ тѣ, которые черезъ домашнее ученіе поло-

Объявленіе отъ Университета.

жили основаніе въ Исторіи и Географіи, въ Ариѳметикѣ и Геометріи, въ знаніи природнаго языка и одного или двухъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ, имѣли право на вступленіе въ Университетъ. Латинскій языкъ, какъ видимъ, уже не составлялъ того необходимаго условія, безъ котораго двери Университета были накрѣпко замкнуты для учащихся.

Преподаваніе въ 1805—1807 гг.

Взглянемъ на преподаваніе наукъ въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ преобразованнаго Университета, до самой кончины его перваго Попечителя. Въ Отдѣленіи Этико-Политическомъ, Баузе, Деканъ на 180⅚ годъ, читалъ Римское право, по Гепфнерову изданію Гейнекціевыхъ Elementa juris civilis и по руководству Шмальца, Исторію же Римскаго права по Баху; Брянцевъ Логику и Метафизику, по Федеру и Снеллю, а если время позволитъ, и Эмпирическую Психологію; Шлецеръ Элементы Политики и Политическую Экономію по своимъ руководствамъ, а въ пятницу часъ разговаривалъ съ слушателями о политическихъ предметахъ, объясненныхъ въ теченіи недѣли; Рейнгардъ, Деканъ на 180⅞ годъ, Философію Практическую по своему руководству, Этику и ея Исторію, два раза въ мѣсяцъ бесѣдуя съ слушателями о пройденныхъ предметахъ; онъ же Исторію Европейскихъ государствъ, по руководству Шпитлера, на Нѣмецкомъ языкѣ, и публично Ученую Исторію XVIII вѣка на Французскомъ; Буле Критическую Метафизику, изъясненіе и разборъ философскихъ системъ Канта, Фихте и Шеллинга, публичное и народное Естественное Право и приватныя лекціи о Философіи, о литературѣ Римской и Греческой, о Теоріи и Исторіи изящныхъ искусствъ; Цвѣтаевъ по-Русски Теорію законовъ, по руководству Бернарди, съ примѣненіемъ къ законамъ Русскимъ и иныхъ народовъ; онъ же Исторію Законо-

дательства, но Гоге и Бернарди; приватныя лекціи о всѣхъ предметахъ прáва на родномъ языкѣ; Горюшкинъ, предложивъ о Законоискусствѣ вообще, о началѣ, происхожденіи и раздѣленіи Россійскихъ Законовъ, наставлялъ Студентовъ практическому Законоискусству о дѣлахъ спорныхъ и неспорныхъ, внѣ суда и въ судѣ отправляемыхъ; Роговъ читалъ Вексельное Право по руководству покойнаго наставника своего, Дильтея, и объяснялъ потомъ Уставъ о банкротахъ. Въ 180$\frac{4}{5}$ году началъ свои лекціи приглашенный изъ Галльскаго Университета Профессоръ Штельцеръ: онъ читалъ на Латинскомъ языкѣ публично Исторію и Древности Римскаго права по Баху, Уголовное Право по сокращенію младшаго Мейстера, съ дополненіями изъ своей книги, на Нѣмецкомъ языкѣ, Галлеву Органологію въ отношеніи къ Уголовной Психологіи; приватно же на Латинскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ: Пространное Гражданское Римское право по руководству Гельфельдіевой Судебной Юриспруденціи и Энциклопедію Правъ и Методологію, по руководству Шмальца. Въ этомъ же году объявлены были лекціи Адъюнкта Турнейзена о государственныхъ доходахъ, на Французскомъ языкѣ; но въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ Ярославское Демидовское Училище на каѳедру Политической Экономіи. — Въ Отдѣленіи Физико-Математическомъ преподавали: Страховъ, Ректоръ на 180$\frac{4}{5}$ годъ, умозрительную и опытную Физику по Бриссону; Антонскій Зоологію и Ботанику по системѣ Линнея, Минералогію по книгѣ Севергина, и общія замѣчанія о сельскомъ домоводствѣ; Панкевичъ, Деканъ въ оба года, Оптику, Перспективу, Катоптрику и Діоптрику, предложивъ нѣкоторыя начала высшей Математики; онъ же Статику съ основаніями Динамики, Идростатику, Аэрометрію и Идравлику, съ объясненіемъ упо-

требленія машинъ — объ науки по руководству Вейдлера; Гофманъ Ботанику съ ботаническими экскурсіями, по руководству Линнея и Гедвигія, особенно о тайнобрачныхъ растеніяхъ; онъ же предлагалъ публично Антропологію или избранныя главы изъ Materia Medica, приватно ботаническія лекціи для желающихъ на Латинскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ; Фишеръ Естественную Исторію и Сравнительную Анатомію раздѣльно, а именно: часть Исторіи Натуральной о животныхъ имѣющихъ позвонки, какъ-то: о сосцепитающихъ, о птицахъ, о ползущихъ и о рыбахъ, на Французскомъ языкѣ, по своимъ синоптическимъ краткимъ таблицамъ, и Сравнительную Анатомію тѣхъ же животныхъ на Латинскомъ языкѣ; Гольдбахъ Сферическую Тригонометрію, съ примѣненіемъ къ Астрономіи и съ практическимъ употребленіемъ инструментовъ, Астрономію сферическую и теоретическую, Математическую Географію, по книгѣ Боде, Гномонику и Хронологію; для показанія звѣзднаго неба и для наблюденія назначались, смотря по погодѣ, особенные вечера и часы; Аршеневскій Дифференціальное и Интегральное исчисленія съ примѣненіемъ къ Алгебрѣ и высшей Геометріи; Иде начáла Дифференціальнаго исчисленія съ примѣненіемъ къ высшей Геометріи, Динамику и Гидродинамику по руководству Эйлера и Бюріа, Аналитику опредѣленныхъ величинъ и Теорію предѣловъ; онъ скончался 1-го Октября 1806 года; Рейсъ Всеобщую Химію съ опытами; въ 1809 г. онъ читалъ особенно о новоизобрѣтенномъ Гвитономъ и Смитомъ искусствѣ очищать воздухъ отъ гнилыхъ испареній, истреблять вредныя матеріи, также предупреждать и навѣрное отвращать заразительныя болѣзни; Загорскій читалъ приложеніе Алгебры къ Геометріи и Всеобщую Ариѳметику, руководствуясь сочиненіями Эйлера; Двигубскій, возвратившись изъ чу-

жихъ краевъ, съ 180⅘ г. началъ преподаваніе Технологіи по Бекману, но просилъ письменно Попечителя ввѣрить ему каѳедру Минералогіи, которую охотно уступалъ ему Антонскій; съ того же года Мягкову поручено было чтеніе Военныхъ наукъ. — Въ Отдѣленіи Врачебномъ, Политковскій, Деканъ за оба года, преподавалъ Медицину Совѣтовательную въ Клиникѣ у постелей больныхъ и Спеціальную Патологію, или Носологію, по руководству Туртеля; Рихтеръ Повивальное искусство съ практическими въ немъ упражненіями, и о болѣзняхъ беременныхъ женщинъ, родильницъ и новорожденныхъ младенцевъ; Барсукъ-Моисеевъ Исторію Медицинской литературы и Діэтетику, по руководству Стефана Туртеля; Гильдебрандтъ лѣтомъ о глазныхъ болѣзняхъ съ хирургическими операціями, зимою Практическую Хирургію по руководствамъ Арнеманна, Гунчовскаго и Титтманна; Венсовичь осенью Физіологію по Блуменбаху, зимою Анатомію по руководству Пленка, показывая препараты, приготовляемые Прозекторомъ Данилевскимъ, весною Судебную Медицину; Андреевскій Гигіэну домашнихъ животныхъ, въ особенности о скотскихъ падежахъ, по сочиненіямъ Пленциза и Вите́, Практическую Медицину о любострастныхъ болѣзняхъ по Фрице; Когельницкій Фармацевтическую Химію о сложныхъ лѣкарствахъ, по руководству Жакеня и Россійской Фармакопеи; Щеголевъ Врачебное Веществословіе, по руководству Линнея, и Рецептуру по Гаубію; Немировъ, Адъюнктомъ при Политковскомъ, то всеобщую Терапію, то общую Патологію, по своему руководству. Съ 180⅘ года Воиновъ (Иванъ), по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, началъ преподавать Прагматическую Исторію Медицины по руководству Геккера. — Въ Отдѣленіи Словесныхъ наукъ: Маттеи объяснялъ Оды Горація съ его метрикою,

Рѣчи Римскихъ Историковъ по правиламъ Критики и Риторики, и Греческія Эклоги, изданныя при Университетѣ; Геймъ, Деканъ за оба года, Статистику главнѣйшихъ Европейскихъ государствъ, а особливо Россійской Имперіи; публично Науку торговли съ показаніемъ монетъ по Демидовскому минцъ-кабинету; Сохацкій въ первый годъ теоретическую часть Эстетики, во второй практическую, по руководству Мейнерса, имъ переведенному на Русской языкъ; объяснялъ также Платонова Тимея и выбранныя мѣста изъ Римскихъ писателей; Снегиревъ, предпославъ общія понятія о Философіи, читалъ Антропологію по Шаванну; Черепановъ Всеобщую Исторію по Шрекку; Гавриловъ занималъ практически сочиненіями и переводами, читалъ критически Русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, объяснялъ курсъ Батте, бесѣдовалъ о Еврейской поэзіи по руководству Гердера; Ватэ читалъ Французскую Словесность, Десангленъ Нѣмецкую, Перелоговъ Англійскую; Мерзляковъ въ $180\frac{5}{6}$ г. началъ въ званіи Магистра преподаваніе Теоріи Поэзіи. Въ $180\frac{6}{7}$ г. Бели, возвратившись изъ Англіи, возобновилъ преподаваніе Англійской Словесности; тогда же Магистръ Каченовскій началъ свое Университетское поприще Теоріею Риторики.

Институты: Хирургическій, Клиническій, Повивальный.

По 76-му § Устава должно было учредить при Университетѣ Институты: хирургическій, клиническій и повивальный. Въ началѣ 1805 года, черезъ Вѣдомости (№ 12) объявлено, что при Клиническомъ Институтѣ открыта больница для страждущихъ глазами и даже для потерявшихъ зрѣніе, и Докторъ Гильдебрандтъ, утромъ каждую пятницу, предлагаетъ имъ помощь. — 30-го Августа въ томъ же году открытъ былъ Клиническій Институтъ, на Никитской улицѣ, позади главнаго Университетскаго корпуса, покамѣстъ на 6 кроватей для страждущихъ хрони-

ческими болѣзнями. Императрица Марія Ѳеодоровна благоволила опредѣлить въ Университетъ 16 питомцевъ съ тѣмъ, чтобы они съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ пріучали себя къ состраданію въ болѣзняхъ и постепенно пріобрѣтали свѣдѣнія во врачебной наукѣ. По освященіи больницы, Протоіерей Ѳ. А. Малиновскій сказалъ слово о томъ, сколь полезны ближнему и сколь пріятны Богу такія человѣколюбивыя заведенія; Деканъ Политковскій произнесъ рѣчь: о пользѣ и необходимости такихъ заведеній при Университетахъ для вящшаго преуспѣянія учащихся во Врачебной наукѣ. — Въ 1806 году, 7-го Января, открытъ былъ въ Университетскомъ домѣ Повивальный Институтъ и родильный госпиталь для бѣдныхъ рожениць, на первый случай только на три кровати. По молебствіи и окропленіи святой водою, Профессоръ Рихтеръ прочелъ слово: о пользѣ и преимуществахъ Повивальнаго искусства.

Въ 1805 году, Апрѣля 1-го, по докладу на Высочайшее имя разрѣшено пріобрѣсти немедленно покупкою садъ, принадлежавшій въ Москвѣ Медико-Хирургической Академіи и оцѣненный со всѣми его строеніями въ 11,000 рублей, а деньги взять изъ капитала, опредѣленнаго на учебную часть. Этотъ садъ находится за Сухаревой башней, на большой Мѣщанской улицѣ, и занимаетъ землѝ около осьми квадратныхъ десятинъ. Онъ получилъ начáло при Петрѣ Великомъ. По преданію, въ немъ росли три дерева, посаженныя Государемъ для различенія трехъ породъ хвойныхъ деревьевъ: пихта, лиственица и ель. Прежде въ саду разводились только врачебныя растенія, какъ напримѣръ ревень; изъ нихъ дѣлали разные препараты для Аптекъ, и потому садъ назывался Аптекарскимъ. Послѣ покупки, онъ ввѣренъ былъ Профессору Гоф- Ботаническій садъ.

ману и превращёнъ въ ботаническій. При немъ, впослѣдствіи, устроены были двѣ оранжереи съ каменною залою для чтенія лекцій, теплица, домъ для Профессора и другой для садовника.

Библіотека и другія учебныя пособія. Библіотека Университета, кромѣ пожертвованій отъ Демидова, Князя Урусова и Княгини Дашкавой, умножена была пріобрѣтеніемъ библіотеки Профессора Шадена у вдовы его. Попечитель соединилъ это пріобрѣтеніе съ добрымъ дѣломъ. Еще въ 1804 году положивъ пенсію женѣ своего покойнаго наставника, Михаилъ Никитичь за библіотеку отъ нея принятую опредѣлилъ ей сверхъ того 700 р. ежегодной пенсіи съ Іюля 1807 года. Библіотекаремъ былъ самъ Ректоръ Университета, Чеботаревъ; Профессоръ Геймъ его помощникомъ. Собраніе физическихъ инструментовъ было подъ вѣдѣніемъ Проф. Страхова. Собраніе дорогихъ химическихъ и астрономическихъ орудій было ввѣрено Профессорамъ Гейму и Страхову; Анатомическая коллекція препаратовъ Декану Керестури; богатое собраніе хирургическихъ инструментовъ Акушеру Рихтеру. Въ запискахъ Муравьева мы читаемъ черновую бумагу къ Министру: «Для удовлетворенія разныхъ надобностей Императорскаго Московскаго Университета, какъ на добавку къ жалованью Профессоровъ по новому положенію, такъ и на заплату заказанныхъ мною въ Англіи астрономическихъ и хирургическихъ инструментовъ, на покупку новыхъ книгъ по различнымъ наукамъ вышедшихъ и для преподаванія необходимо нужныхъ, наконецъ для Физическаго кабинета и припасовъ къ Химической Лабораторіи, потребно получить мнѣ въ теченіи нынѣшняго года пятнадцать тысячь рублей, чего ради всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство назначить количество сіе для полученія въ Московскій Императорскій Уни-

верситетъ изъ суммы Всемилостивѣйше опредѣленной для Университетовъ.»

Музей Натуральной Исторіи открытъ былъ въ томъ Музей.
же 1805 году для публики. Особымъ прибавленіемъ къ 96 № Московскихъ Вѣдомостей сообщено было извѣстіе объ Музеѣ, откуда почерпаемъ и свѣдѣнія о его происхожденіи, умноженіи и расположеніи. Находившееся прежде при Университетѣ небольшое собраніе нѣкоторыхъ минераловъ и нѣсколькихъ банокъ съ животными возвышено было въ число извѣстныхъ въ Европѣ Музеевъ славною коллекціею Княгини Яблоновской, пожалованною Императоромъ Александромъ Университету. Щедротѣ Монаршей благородно соревновали П. Г. Демидовъ и Князь А. А. Урусовъ, умноживъ Музей болѣе чѣмъ половиною. Демидовъ въ Натуральной Исторіи былъ ученикомъ Линнея и коротко знакомъ съ Добантономъ и Бюффономъ, Зоологія обязана была ему вѣрнымъ опредѣленіемъ *корсака*, животнаго, которое Линней, по опредѣленію Демидова, внесъ въ систему природы. Князь Урусовъ издѣтства занимался Естественными науками, умножилъ свои познанія за границею и въ 1780 году издалъ Опытъ Естественной Исторіи, заключающій Ориктологію или описаніе всякихъ земель, меловъ, глинъ, песковъ, камней, солей, сѣръ, смолъ, полуметалловъ, металловъ и прочаго.

Коллекція Демидовская, содержавшая кромѣ предметовъ Натуральной Исторіи, монеты, антики, картины и библіотеку, оцѣнена была въ 300,000 рублей. Коллекція Князя Урусова, плодъ сорокалѣтнихъ трудовъ, заключавшая собраніе минераловъ, рѣдкихъ энкаустическихъ и мозаическихъ картинъ, монетъ и драгоцѣнныхъ камней, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подарилъ онъ вновь основанной Гимназіи, оцѣнена въ 150,000

рублей. Кромѣ сихъ двухъ главныхъ жертвователей, участвовали въ приношеніяхъ Германъ, Раздеришинъ, Стариковъ и самъ Профессоръ Фишеръ, подарившій Университету свое собраніе натуральныхъ произведеній, рѣдкихъ скелетовъ и ископаемыхъ. Всѣ эти предметы расположены были въ шести залахъ. Первая большая зала содержала въ себѣ: 1. животныхъ млекопитающихъ, 2. птицъ; на другой сторонѣ: 3. черепокожныхъ животныхъ (crustacea), раковъ, морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ, 4. раковины (conchylia), 5. насѣкомыхъ, 6. зоофитовъ или животнорастенія. По срединѣ начинался прекрасный рядъ минераловъ, между которыми особенно отличались большія штуфы изъ коллекціи Князя Урусова. Во второй залѣ шкафы по правую сторону и по срединѣ представляли продолженіе минераловъ; въ шкафахъ по лѣвую хранились амфибіи, или земноводныя животныя, ящерицы, змѣи, рыбы и черви. Третья зала вмѣщала художественныя вещи и работы; прекрасныя мозаическія картины, надъ которыми возвышался портретъ подарившаго ихъ; антики Демидовскіе и изъ кабинета Яблоновской; анатомическіе препараты, сдѣланные изъ воску въ подражаніе натуральнымъ; рѣзныя работы на слоновой кости и по образцу Рафаэлеву изображенія на блюдахъ (majolica).

Галлерея, которая вела къ тремъ слѣдующимъ заламъ, наполнена была огромными ископаемыми костями (ossa fossilia), и здѣсь помѣщался также Демидовскій травникъ (herbarium).

Три слѣдующія залы назначены были собственно для помѣщенія Демидовскаго Музея и назывались этимъ именемъ. Въ залѣ четвертой или первой Демидовскаго Музея находились насѣкомыя, собранныя самимъ Демидовымъ подъ руководствомъ Линнея; двѣ

доскѣ съ Американскими насѣкомыми; раковины; драгоцѣнное собраніе минераловъ, состоявшее изъ дорогихъ камней, большихъ штуфовъ, коллекціи геогностической и изъ полнаго собранія, содержавшагося въ запертыхъ ящикахъ и назначеннаго по волѣ жертвователя для показанія на лекціяхъ. — Въ залѣ пятой или второй Демидовскаго Музея помѣщалось продолженіе раковинъ, чрезвычайно дорогое собраніе животнорастеній, коралловъ, морскихъ губокъ и другихъ морскихъ растеній, Египетская мумія и первая часть библіотеки. Эта зала была украшена бюстомъ Демидова. Въ залѣ шестой или третьей Демидовскаго Музея хранилась большая часть книгъ и рукописей. Каталогъ Демидовскаго Музея, въ четырехъ томахъ in 4-°, украшенный картинами, печатался на иждивеніи Павла Григорьевича. Первый томъ былъ отпечатанъ въ 1805 году.

Въ 1806 году, въ Маіѣ мѣсяцѣ, Университетъ объявилъ о новомъ пожертвованіи П. Г. Демидова. Это былъ Минцъ-Кабинетъ изъ нѣсколькихъ тысячъ монетъ золотыхъ, серебряныхъ, оловянныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ. Владѣтель, въ продолженіи многихъ лѣтъ, съ величайшимъ стараніемъ собиралъ его въ разныхъ странахъ Европы. Кромѣ нѣсколькихъ древнихъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ монетъ, въ немъ находилось великое множество, отчасти уже рѣдко встрѣчавшихся, монетъ всѣхъ почти Европейскихъ государствъ, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ медалей. Но особенное вниманіе заслуживалъ этотъ Кабинетъ рѣдкимъ собраніемъ Шведскихъ монетъ, расположенныхъ въ порядкѣ времени, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, собраніемъ, которому въ полнотѣ не было подобнаго и въ самой

Минцъ-Кабинетъ.

Швеціи и въ которомъ Шведскіе нумизматы завидовали Демидову.

Пожертвованіе Княгини Дашкавой.

Въ 1807 году, въ Маіѣ мѣсяцѣ, Княгиня Екатерина Романовна Дашкава, урожденная Графиня Воронцова, бывшая первымъ Президентомъ Россійской Академіи, принесла въ даръ Университету кабинетъ Натуральной Исторіи и другихъ рѣдкостей, который она собирала болѣе 30 лѣтъ. Къ приращенію его содѣйствовали ей Императоръ Іосифъ II, Курфирстъ Саксонскій, Король Шведскій, Великій Герцогъ Тосканскій и другія царственныя особы. Кабинетъ содержалъ всего числомъ 15,121 предметъ: въ томъ числѣ животныхъ, натуральныхъ и окаменѣлыхъ, 4,806; растеній сухихъ, плодовъ и проч. 765; камней и рудъ 7,924; антиковъ-отпечатковъ 1,636. Все пожертвованіе оцѣнено было въ 50,000 рублей. Для помѣщенія кабинета назначена была особенная зала, которую должны были украсить портретъ и имя благотворительницы.—Въ слѣдъ за тѣмъ Княгиня Дашкава подарила вскорѣ Университету еще 332 предмета: это были драгоцѣнные камни, физическіе инструменты, антики, оригинальные рисунки насѣкомыхъ и значительная библіотека (упомянутъ въ описаніи полный экземпляръ Новаго Завѣта, напечатаннаго по повелѣнію Императора Петра І-го на Славянскомъ и Голландскомъ языкахъ).

Другія пожертвованія.

Пожертвованія на пользу наукъ и просвѣщенія были въ духѣ времени. Демидовъ не переставалъ благотворить. Въ Маіѣ 1805 года онъ подарилъ для Университетской Обсерваторіи превосходный астрономическій экваторіалъ, работы славнаго Англійскаго художника Шорта, и сверхъ того прислалъ въ даръ Университету прекрасные органы свои для употребленія при торже-

ственныхъ случаяхъ: они поставлены были въ большой Аудиторіи; на устроеніе Ярославскаго основаннаго имъ училища еще далъ 20,000 рублей. Братья Зосимы: Анастасій, Николай, Зой и Михайло Павловичи, прислали Университету болѣе 50-ти томовъ своихъ изданій древнихъ Греческихъ писателей, которыхъ напечатали они въ разныхъ типографіяхъ Европы. Всѣ сословія, духовные, дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне, одушевленные прекрасною любовью къ просвѣщенію Отечества, приносили безпрерывные дары на устроеніе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, которыя возникали повсюду. Читая отчеты объ экзаменахъ, списки учениковъ, нерѣдко встрѣчаете имена людей, теперь извѣстныхъ въ обществѣ своею полезною дѣятельностію.

При новомъ образованіи Университета и его округа оставалась излишнею старая Академическая Гимназія, разсадникъ Шуваловскій, современный началу самого Университета, взлелѣянный въ стѣнахъ его, подъ его кровомъ и наблюденіемъ. Муравьевъ уважалъ по преданіямъ это пятидесятилѣтнее училище, котораго самъ былъ питомцемъ. Ему жаль было съ нимъ разстаться. Онъ захотѣлъ непремѣнно сохранить его. Вотъ что̀ объ этомъ читаемъ въ его запискахъ. Академическая Гимназія.

«При преобразованіи Московскаго Университета встрѣчается великое затрудненіе: существующая при немъ великая Гимназія, въ которой дѣйствительно находится сто тридцать воспитанниковъ на казенномъ содержаніи, сто пятнадцать на стопятидесятирублевомъ пансіонѣ, сто четыре сверхъ-комплектныхъ, и приходящихъ для ученія пять сотъ шестьдесятъ три. Сіе заведеніе, до сихъ поръ весьма полезное, остается при новомъ назначеніи штата совершенно безъ дохода; за тѣмъ что сумма, для Гимназіи на-

значаемая (6250), нисколько достаточною для содержанія ея быть не можетъ. Нынѣ Гимназія стóитъ Университету 36,740 р. ежегодно. Я предлагаю сохранить ее, не смѣшивая съ Губернскою Гимназіею, особливымъ Институтомъ, подъ именемъ *Лицея*, отпуская на оной изъ казны на содержаніе казенныхъ ста воспитанниковъ, по сту десяти рублей на каждаго, 11,000 рублей; получая со ста пятидесяти пенсіонеровъ сто пятдесятъ рублей съ каждаго, что̀ составитъ двадцать двѣ тысячи пять сотъ рублей и позволяя пяти стамъ ученикамъ приходить въ классы съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ платилъ по десяти рублей въ годъ за ученье: все сіе составитъ *тридцать восемь тысячъ пять сотъ рублей*, довольную сумму для содержанія Лицея. Со временемъ можно уничтожить нижніе классы малолѣтныхъ, гдѣ учатъ читать и писать, а замѣнить ихъ основаніями Наукъ по примѣру Гимназій.

«Благородной Университетскій Пансіонъ, существуя также особымъ Институтомъ подъ названіемъ *Пританея*, останется на прежнемъ положеніи своемъ подъ управленіемъ своего Надзирателя или *Притана*, который имѣетъ товарищами двухъ Профессоровъ Пританея въ управленіи доходовъ и доноситъ объ ономъ ежемѣсячно Университетскому Правленію.

«Лицей имѣетъ Инспектора, который съ двумя приданными ему Профессорами управляетъ доходами Лицея и доноситъ ежемѣсячно Университетскому Правленію. Университетъ отпускаетъ на содержаніе Лицея изъ типографской суммы ежегодно одиннадцать тысячъ рублей. Старшіе ученики Лицея производятся въ Студенты и по желанію ихъ поступаютъ въ Университетъ на принятыхъ правилахъ. Лицей и Пританей состоятъ подъ безпосредственнымъ начальствомъ Университета и не имѣютъ никакихъ окружныхъ училищъ

въ зависимости: дѣло, препорученное единственно Губернской Гимназіи. Такимъ образомъ существованіе сихъ двухъ Институтовъ, которыхъ пользы отрицать невозможно, особливо перваго, опытомъ многихъ годовъ признанной, сохранится во всей своей цѣлости.«

Въ 1806 году, Января 13-го, состоялся Высочайшій Указъ, благодѣтельный для учебныхъ заведеній: при совершеніи купчихъ на покупаемыя на счетъ казны для нихъ мѣста и домы не взимать пошлинъ.

Въ 1806 году, Октября 28-го, Министръ Графъ Завадовскій подписалъ Постановленіе Академической Гимназіи, представленное ему Попечителемъ Муравьевымъ. Цѣль заведенію предположена педагогическая: эта Гимназія должна была сдѣлаться разсадникомъ ученыхъ чиновниковъ Округа для того, чтобы успѣшнѣе распространить ученіе въ Гимназіяхъ. Число гимназистовъ ограничивалось средствами Университетскаго хозяйства, но никогда не должно было менѣе быть шестидесяти, такъ, чтобы послѣ четырехъ-годичнаго курса Гимназія могла ежегодно снабжать Университетъ пятнадцатью студентами. Лучшіе ученики Губернскихъ Гимназій, съ особеннымъ призваніемъ къ ученому поприщу, могли поступать въ Университетскую. Основаніями содержанія воспитанниковъ приняты: порядокъ, чистота, безъ излишества роскоши; правила всѣ изложены весьма подробно въ постановленіи. Присмотръ ввѣренъ Инспектору Университетскихъ Студентовъ, назначаемому изъ Ординарныхъ Профессоровъ, и его Помощнику изъ Экстраординарныхъ или Адъюнктовъ. Опредѣлено шесть комнатныхъ надзирателей, изъ которыхъ двое должны говорить хорошо на отечественномъ языкѣ, двое на Нѣмецкомъ и двое на Французскомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ поручено только учебное и нравственное наблюденіе за Гимназіею; хозяйственная часть возложена на двухъ смо-

трителей. Штатная сумма для училища опредѣлена въ 17,000 рублей. Ученіе распредѣлено на 4 года и объемлетъ полный курсъ приготовительнаго къ Университету образованія, даже съ нѣкоторою роскошью въ предметахъ, какъ на примѣръ: Начала Государственнаго Хозяйства и Краткій курсъ Естественной Исторіи. Введенъ Англійскій языкъ. Но странно, что не показано Латинскаго, а только одинъ Греческій. Высшее отдѣленіе ученія и среднее поручены Университетскимъ Адъюнктамъ, Лекторамъ и Магистрамъ. Академическая Гимназія въ этомъ видѣ существовала до 1812 года; но послѣ пожара, истребившаго ее вмѣстѣ съ Университетомъ, она уже не возобновлялась.

Рѣчи Профессоровъ.

Рѣчи Профессоровъ въ эти годы содержаніемъ своимъ свидѣтельствовали объ умноженіи ученыхъ силъ Университета. Слово Двигубскаго: *О нынѣшнемъ состояніи земной поверхности*, было явленіемъ новымъ въ литературѣ Русской науки. Въ изящныхъ формахъ Карамзинской рѣчи, оно отличается строгостью ученаго содержанія и въ этомъ отношеніи стоитъ наровнѣ съ современными геологическими познаніями.[6] Тогда же Буле говорилъ: *о лучшемъ способѣ, какъ писать можно исторію тѣхъ народовъ, кои, по общему мнѣнію, прежде девятаго вѣка населяли, или переходили Россійскія, особенно южныя, земли.* Рѣчь съ Латинскаго переведена была Кошанскимъ. Здѣсь въ первый разъ ученымъ образомъ сознана возможность найти историческія свѣдѣнія о нашихъ Славянскихъ предкахъ въ Греческихъ и Римскихъ писателяхъ. Въ 1807 году, Іюля 2-го, Профессоръ Ботаники Гофманъ, съ необыкновеннымъ чувствомъ вкуса и любви къ предмету, бесѣдовалъ *о ботаническихъ врачебныхъ садахъ*, разсказалъ ихъ исторію въ Европѣ, познакомилъ съ лучшими современными садами и съ планомъ предположеннаго сада

Университетскаго: рѣчь переведена была по-Русски Кандидатомъ Медицины Дмитріемъ Левитскимъ. Венсовичъ въ Русской рѣчи: *О главной цѣли народной Медицины и важности оной*, сдерживалъ легкомысліе тѣхъ, которые изъ Медицины хотѣли сдѣлать исключительно знаніе популярное, и ограничивалъ народную Медицину только возможностью предупреждать болѣзни, а не лѣчить ихъ. — Ученье, сильно распространяемое Правительствомъ, могло отвлекать благородное юношество отъ долга службы воинской: Университетъ не хотѣлъ понести такой вины передъ Государемъ и Отечествомъ, тѣмъ болѣе, что война гремѣла на западѣ, угрожала внутренности Россіи и требовала, чтобы силы молодаго поколѣнія стояли на стражѣ, готовыя къ защитѣ роднаго края: вотъ почему Профессоръ Сохацкій, наставникъ, любимый юношествомъ, украшенный опытностію, сказалъ слово, котораго главную мысль выразилъ такъ: «*Долгъ благороднаго Россійскаго юношества, — долгъ каждаго изъ насъ, — служить отечеству оружіемъ, до пріобрѣтенія нами опытности, дабы въ свое время вступить во храмъ Θемиды!*»

Разсужденія при каталогахъ лекцій и задачи.

Иностранные Профессоры ввели обычай заграничныхъ Университетовъ прибавлять къ каталогамъ лекцій ученыя разсужденія: такъ при объявленіи о лекціяхъ на 180$\frac{5}{6}$ годъ напечатано было Латинское разсужденіе Буле съ Русскимъ переводомъ: *О домашнихъ богахъ, или Пенатахъ Римскаго народа, которыхъ, какъ гласитъ преданіе, Эней привезъ съ собою въ Лаціумъ — въ объясненіе мѣста изъ Діонисія Галикарнасскаго, Древностей Рим. к. I. г. 67 — 69*; въ слѣдующемъ 180$\frac{6}{7}$ году Маттеи издалъ въ первый разъ *Греческое посланіе Нектарія, послѣ бывшаго Патріархомъ Іерусалимскимъ*, съ Латинскимъ переводомъ

и примѣчаніями. Исполняя 56 § новаго Устава, Университетъ началъ публично предлагать на рѣшеніе задачи, наблюдая очередь между Факультетами. Въ 1805 году. Отдѣленіе Словесныхъ наукъ предложило слѣдующую: «Несторъ, лѣтописецъ Россійскій, говоритъ, что Славяне, населившіе Россію, пришли съ береговъ Дуная изъ Болгаріи и земли Угорской, будучи вытѣснены оттуда *Волохами*. — 1. Когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, могло случиться сіе переселеніе? — 2. И кого называетъ Несторъ Волохами? Римлянъ, Лонгобардовъ, Болгаръ, *или* дѣйствительныхъ Волоховъ?»—Въ наградѣ за рѣшеніе этой задачи принялъ участіе Почетный Членъ Университета, Россійскій Исторіографъ Карамзинъ, умноживъ своимъ приношеніемъ сумму, опредѣленную Университетомъ. Вся награда составляла 100 червонныхъ. Бывшій Студентъ Университета М. Антоновскій напечаталъ рѣшеніе этой задачи, особою книжкою; но изъ четырехъ разсужденій, представленныхъ Университету, ни одно не было удостоено премін: лучшее принадлежало Профессору Шлецеру, который, какъ Членъ Университета, не могъ имѣть на нее права.

Новое управленіе Типографіею.

Съ 1806 года Университетъ пересталъ отдавать Типографію на откупъ и принялъ ее подъ непосредственное свое вѣдомство и надзираніе. Это было въ томъ году, когда должность Ректора правилъ въ первый разъ Профессоръ Страховъ. Въ преданіи сохранилось, что это новое распоряженіе было его мыслію и что съ этого года чрезвычайно умножились типографскіе доходы Университета, что ими могли быть покрыты даже издержки на Академическую Гимназію. Тогда же составлены были Правила для производства дѣлъ Типографіи Университетской — и, по представленію Попечителя, утверждены Главнымъ Училищъ Прав-

леніемъ, 11-го Октября 1806 года. Управленіе Типографіею съ тѣхъ поръ было ввѣрено Начальнику ея и при немъ помощнику. Опредѣлены особый Издатель политическихъ Вѣдомостей, при немъ помощникъ и два или три корректора, знающихъ иностранные языки. При Типографіи положены книжная лавка и словолитня. Первую позволено отдавать на откупъ съ тѣмъ, чтобы книгопродавецъ продавалъ книги, напечатанныя на иждивеніи Университета, получая по десяти процентовъ. Типографія подчинена Университетскому Правленію. Большая часть этихъ правилъ, постановленныхъ М. Н. Муравьевымъ, до сихъ поръ сохранила свою силу и служитъ руководствомъ къ управленію Типографіею.

При Университетѣ, кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, въ теченіи этихъ лѣтъ (1804-1807) выходили слѣдующія изданія: *Вѣстникъ Европы* въ 1804 году издавался П. Сумароковымъ; въ 1805, 6 и 7 годахъ Каченовскимъ. *Политическій Журналъ* продолжался подъ редакціею Гаврилова. *Новости Русской литературы*, сначала подъ редакціею Сохацкаго, съ IX части подъ редакціею Побѣдоносцева, окончились 1805 годомъ и уступили мѣсто *Минервѣ*, журналу того же Издателя. Истинный характеръ ученаго журнала имѣли *Московскія Ученыя Вѣдомости*. Въ нихъ исполнялась любимая мысль Муравьева. Издавалъ ихъ Буле: сотрудниками и переводчиками его статей на Русскій языкъ, были Кошанскій и Десангленъ. Журналъ печаталъ превосходную библіографію замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, выходившихъ въ Россіи и за границею; кромѣ того слѣдилъ всю ученую дѣятельность Университета и его обществъ, и давалъ въ ней постоянный отчетъ. Онъ продолжался въ 1805,1806 и 1807 годахъ: въ послѣднемъ вышло только 27 номеровъ; прекратился

Періодическія изданія.

онъ со смертію Попечителя. — Вуле въ 1807 году предпринималъ еще *Журналъ изящныхъ искусствъ*: переводчикомъ былъ Кошанскій. Вышло всего три номера, содержавшихъ статьи весьма любопытныя касательно художествъ въ Россіи и на западѣ, какъ на примѣръ о Русскихъ граверахъ, Каппоніановыхъ образахъ Ватиканской библіотеки, о памятникѣ Минину и Пожарскому. Журналъ посвященъ былъ самому Муравьеву. Вниманіе публики, къ сожалѣнію, его не поддержало. Кромѣ того, въ эти годы выходили журналы: *Московскій Меркурій* Макарова въ 1803 году; *Патріотъ* Владиміра Измайлова въ 1804; *Другъ просвѣщенія*, котораго издатели были Графъ Хвостовъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ и Гр. С. Салтыковъ; *Періодическое изданіе о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, ремеслахъ и художествахъ*, которое въ 1806 и 1807 годахъ выдавалъ Директоръ Дружининъ при Московской Губернской Гимназіи подъ покровительствомъ Муравьева; *Аврора* въ 1805 и 1806 гг.; издателями были Профессоръ Рейнгардтъ и Лекторъ Десангленъ; *Другъ юношества*, съ 1807 года начатый Максимомъ Невзоровымъ. Кашинъ въ 1806 году издавалъ *Журналъ отечественной музыки*. При Университетскомъ Пансіонѣ продолжалась *Утренняя заря* (шесть книжекъ 1800-1809); сверхъ того вышелъ *И отдыхъ въ пользу* (1804). Нѣкто К. Андреевъ въ 1807 году издалъ двѣ книжки *Весенняго цвѣтка*, содержавшаго упражненія въ Словесности питомцевъ Университета.

Студенты

Вспомнимъ Студентовъ этого счастливаго для наукъ времени; но прежде вспомнимъ то, какъ Императоръ Александръ милостиво звалъ ихъ на службу воинскую. Въ Высочайшемъ Рескриптѣ на имя Министра Графа Завадовскаго отъ 14-го Марта 1807 года сказано было: «Студенты, окончившіе ученіе въ Университе-

тахъ, пріѣхавъ въ С. Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ Кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, куда будутъ они немедленно приняты Унтеръ-Офицерами, и пробывъ въ оныхъ опредѣленное время для пріученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки Офицерами.»

Съ 1801 по 1807 годъ включительно произведены въ Студенты: Алексѣй Болдыревъ (1801), Профессоръ и Ректоръ Университета; Захаръ Буринскій (1801), поэтъ, рано умершій; Василій Ризенко (1801), Ѳедоръ Денисовъ (1802), Герасимъ Покровскій (1803), Семенъ Смирновъ (1804), Василій Ромодановскій (1804), Ѳедоръ Чумаковъ (1804), Николай Бекетовъ (1805), Ѳедоръ Бекетовъ (1806), Иванъ Снегиревъ (1807), Пафнутій Аѳанасьевъ (1807), Профессоры; Константинъ и Петръ Калайдовичи (1807), Николай Смирной (1810).

Въ Университетскомъ Пансіонѣ встрѣчаемъ питомцевъ: Александра Тургенева (1801), Ивана Петина (1802), Павла Свиньина (1802), Дмитрія Дашкова (1803), Ѳедора Граве (1804), Данилу Мороза (1805), Степана Жихарева (1805), Михаила Милонова (1805), Григорія Полетику (1805), Дмитрія Языкова (1805), Николая Шишкова (1805), Николая Грамматина (1806), Николая Раевскаго (1807), Авраама Норова (1807), Ѳедора Прянишникова (1807), Павла Строева (1807), Ивана Калайдовича (1807).

Прибавимъ къ этимъ именамъ, уже теперь извѣстнымъ, имя неизвѣстное: Студента Петра Ильинскаго. Въ 1802 году онъ былъ произведенъ въ Студенты изъ казеннокоштныхъ учениковъ Гимназіи, а въ 1805 скончался. Товарищи, похоронивъ его на Лазаревомъ кладбищѣ, воздвигли ему на могилѣ памятникъ — голубую, четвероугольную пирамиду. На ней написано было съ одной стороны: *Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Петра Степановича Ильинскаго, Студента Им-*

ператорскаго Московскаго Университета, умершаго 1805 года Августа 21-го дня, на 23-мъ году отъ рожденія. На другой сторонѣ: *Сей памятникъ посвятили питомцы Московскаго Университета покойному своему товарищу.* Тутъ же была надпись:

Любовь и Дружество сей памятникъ создали
Надъ прахомъ юнаго любимца своего;
Онѣ и здѣсь ему всѣ блага обѣщали —
Богъ болѣе хотѣлъ, Богъ взялъ къ Себѣ его.

Эта гробница дала извѣстность Студенту неизвѣстному и есть прекрасное свидѣтельство того чистаго духа любви, который соединялъ тогда товарищей по наукѣ. Современникъ, передавшій это событіе въ 1805 году[7], прибавляетъ къ описанію слѣдующее: «Я знавалъ и знаю Университетскихъ питомцевъ. Они это сдѣлаютъ; они способны къ этому. Живучи въ Петербургѣ, я бывалъ свидѣтелемъ многихъ завидныхъ сценъ: когда кто-нибудь изъ товарищей пріѣзжалъ туда — какъ они встрѣчаютъ его! сколько обниманья, поцѣлуевъ! какая радость! они не наговорятся другъ съ другомъ, какъ братья, какъ друзья самые старинные! — При недостаткѣ въ деньгахъ— случай, очень обыкновенный въ Петербургѣ—всякой изъ нихъ готовъ дѣлиться послѣднимъ. Они тамъ, какъ будто одноземцы въ чужомъ государствѣ; почитаютъ за стыдъ ожидать, или просить себѣ помощи отъ людей постороннихъ, а особливо отъ знатныхъ.— То, что̀ называютъ въ Университетскихъ питомцахъ застѣнчивостью, есть въ самомъ дѣлѣ благородная гордость, а она не любитъ одолжаться тѣми, которые слишкомъ дорого цѣнятъ свои одолженія. Всякому извѣстны ихъ благородный образъ мыслей и чувствованій, ихъ честность, ихъ откровенность. Но всего любезнѣе въ нихъ привязанность къ товарищамъ, не

охлаждаемая ни лѣтами, ни отдаленностію мѣстопребыванія, ни разностію состояній.»

Въ 1807 г., Іюля 28-го, Московскій Университетъ испыталъ горестную утрату: онъ лишился своего незабвеннаго питомца-Попечителя, скончавшагося въ Петербургѣ, на 50 году жизни. Студентъ Университета посвятилъ почившему Плачь питомца Музъ на кончину М. Н. Муравьева, написанный по-Гречески и изданный съ Русскимъ переводомъ. Кошанскій принесъ ему также дань воспоминанія въ Вѣстникѣ Европы[8], откуда выпишемъ слѣдующія строки: Кончина Муравьева.

«Муравьевъ избранъ былъ сотрудникомъ Министра Просвѣщенія и благотвореніями своими содѣлался истиннымъ Меценатомъ Россійскимъ. Изъ любви къ мѣсту образованія, принялъ онъ въ нѣжное попеченіе свое Университетъ Московскій, и щедроты Монаршія полились на него рѣкою. Вдругъ явились въ немъ новыя полезныя заведенія; Профессоры чуждыхъ странъ распространили различныя отрасли наукъ и искусствъ изящныхъ. Каждый Профессоръ, каждый питомецъ чувствовалъ благотворное дѣйствіе нѣжныхъ его попеченій; ибо онъ зналъ цѣну истинныхъ питомцевъ просвѣщенія, и самъ былъ любителемъ и любимцемъ Музъ и Грацій.

«Съ какимъ кроткимъ снисхожденіемъ—ему только одному свойственнымъ—умѣлъ онъ ободрять ихъ! съ какою нѣжною заботливостію открывалъ имъ путь къ знаніямъ! съ какимъ нѣжнымъ участіемъ образовалъ ихъ! Самъ желалъ видѣть и знать многихъ питомцевъ, самъ руководствовалъ ихъ—ободрялъ съ улыбкою—возвышалъ духъ ихъ—воспламенялъ юность любовію къ наукамъ и искусствамъ—вливалъ въ сердца огнь къ прекрасному.... Я не въ силахъ продолжать.... горесть питомцевъ Университета чувствуетъ всю свою

безцѣнную потерю, и можетъ быть никто столько, какъ тотъ, чьи слезы теперь катятся на бумагу.... Но я не стыжусь ихъ, и не скрою отъ глазъ постороннихъ.

«Съ сею благодарною слезою провождаю тебя въ міръ лучшій, тѣнь благодѣтельнаго! Пусть духъ твой всегда носится надъ питомцами Университета, и оживляетъ ихъ своимъ невидимымъ, но тѣмъ же нѣжнымъ, утѣшительнымъ дѣйствіемъ!»

Кончина Хераскова.

Въ слѣдъ за М. Н. Муравьевымъ скончался и бывшій Кураторъ Университета, отдыхавшій отъ служебной своей дѣятельности, основатель Университетскаго благороднаго Пансіона, М. М. Херасковъ, на 74 году жизни. Одинъ изъ питомцевъ Пансіона, Грамматинъ, въ Элегіи на его кончину выразилъ чувство скорби и признательности отъ лица товарищей.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ осьмой Главѣ.

1. Оба Высочайшіе рескрипта напечатаны при рѣчи Сохацкаго, говоренной 30-го Августа 1801 года: Слово о предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на щастіе жизни. Рѣчь находится въ собраніи Рѣчей Университетскихъ (1791—1812).

2. Московскія Вѣдомости. 1802. N 18.

3. Въ Рѣчи Шлецера о справедливомъ и мудромъ Государѣ, произнесенной въ 1802 году Августа 30-го сказано: «Помнимъ — и всегда будемъ помнить кроткое снисхожденіе, съ каковымъ Онъ принялъ отъ достопочтенныхъ Начальниковъ нашихъ представленіе о перемѣненіи прежнихъ постановленій въ Университетѣ.» (Текстъ взятъ изъ современнаго Русскаго перевода Рѣчи).

4. Слово тогда же переведено съ Латинскаго на Русской Студентомъ Ѳедоромъ Ленкевичемъ.

5. Вѣстникъ Европы. 1803. Т. 8. стран. 317. «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей.» Статья подписана буквами Ц. Ц. Другая въ томъ же томѣ, стр. 49: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.»

6. Перепечатано было въ періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1806. N XV.

7. Вѣстникъ Европы. 1805. Т. 6. 138 стран.

8. В. Евр. 1807. N 9.

ГЛАВА IX.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ГРАФА А. К. РАЗУМОВСКАГО (1807 — 1810). — ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО П. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА (1810 —1812).

СОДЕРЖАНІЕ.

Графъ А. К. Разумовскій Попечителемъ. — Посѣщеніе Императора Александра. — Титулъ Императорскаго Обществу Испытателей природы. — Указъ о пенсіяхъ. — Указъ о избраніи Ректора на трехлѣтіе. — Монаршія милости. — Частныя пожертвованія. — Перемѣны въ преподаваніи. — Разсужденія при каталогахъ лекцій. — Рѣчи. — Задачи. — Періодическія изданія и труды Профессоровъ. — Студенты. — П. И. Голенищевъ-Кутузовъ Попечителемъ. — Высочайшіе Указы. — Возобновленіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. — Основаніе Общества Любителей Россійской Словесности. — Общество Математиковъ. — Указы о пенсіяхъ. — Частныя пожертвованія. — Преподаваніе (1810—1812). — Лекціи для чиновниковъ.—Публичный курсъ Мерзлякова. — Рѣчи. — Перемѣщеніе Университетской типографіи и лавки. — Вѣдомости и Журналы.—Труды Профессоровъ. — Доктора, Магистры, Кандидаты и Студенты.— Московскій Университетъ передъ нашествіемъ непріятеля.—Война 1812 года.

—

Графъ А. К. Разумовскій Попечителемъ.

Указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ 2-го Ноября 1807 года, Тайный Совѣтникъ Графъ Алексѣй Кириловичь Разумовскій всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники и опредѣленъ въ Попечители Московскаго Универ-

ситета и его округа. Должность эту правилъ Графъ Разумовскій до 11-го Апрѣля 1810 года, когда получилъ Высочайшее повелѣніе быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Посѣщеніе Императора Александра.

Попечительство Графа Разумовскаго было ознаменовано счастливымъ событіемъ. Въ 1809 году, Декабря 11-го, во 2-мъ часу пополудни, Императоръ Александръ Павловичь, Великая Княгиня Екатерина Павловна и Супругъ Ея Принцъ Георгій Голштейнъ-Олденбургскій осчастливили Московскій Университетъ своимъ посѣщеніемъ. Въ первый разъ еще отъ самаго учрежденія своего, Университетъ привѣтствовалъ въ стѣнахъ своихъ Вѣнценосную Особу Покровителя наукъ. Августѣйшіе посѣтители сначала были въ церкви: въ преданіи устномъ сохранилось, что Императоръ восхищенъ былъ красотою храма и, обратясь къ Августѣйшей Сестрѣ Своей, изволилъ въ слухъ сказать по Французски: «Ахъ, какъ хороша! не правдали? здѣсь все такъ мило, превосходно и согласно съ простотою и совершенствомъ Христіанской Вѣры, что однимъ видомъ своимъ можетъ всякаго привести къ благоговѣнію.» — Изъ церкви Высочайшіе гости прошли въ музей, а оттуда въ большую аудиторію. Попечитель имѣлъ счастіе поднести Государю стихи отъ Московскаго Университета и отъ воспитанниковъ Благороднаго Пансіона. Университетъ изъ устъ Самого Монарха принялъ изъявленіе Высочайшаго къ нему благоволенія; народъ, собравшійся между тѣмъ на Университетскомъ дворѣ, сопровождалъ Государя громкими восклицаніями радости.

Титулъ Императорскаго Обществу Ис-

Въ самомъ началѣ Попечительства Графа Разумовскаго, въ Ноябрѣ 1807 года, выразилось благоволеніе

пытателей природы.

Императора къ полезнымъ трудамъ Московскаго Общества Испытателей Природы тѣмъ, что ему дозволено именоваться Императорскимъ. Сентября 28-го того же года, Государь уже выразилъ Свое благоволеніе Предсѣдателю общества за первый томъ трудовъ его. Общество составило планъ систематическому описанію Московской Губерніи, въ отношеніи къ Топографіи, Статистикѣ, Естественной Исторіи, наблюденіямъ астрономическимъ, опредѣленію географической широты и долготы мѣстъ, и проч. Императоръ, одобривъ предпріятіе, пожаловалъ Обществу единовременно 5000 рублей на издержки, изъ училищнаго капитала. Въ 1809 году, Профессоръ Фишеръ, Секретарь Дружининъ, Профессоръ Цеттеръ, съ питомцами своими: Герке, Калайдовичемъ, Болдыревымъ и Вишневскимъ, объѣхали уѣзды Звенигородскій, Верейскій, Можайскій, Рузскій и Волоколамскій, изслѣдовали особенно теченіе Москвы рѣки, доходили до самыхъ ея истоковъ, наблюдали повсюду склоненіе ея береговъ, испытывали качество и произведенія почвы, изслѣдовали также теченіе рѣкъ Рузы, Истры и Ратовки; собирали свѣдѣнія историческія, статистическія и топографическія.

Указъ о пенсіяхъ.

Въ 1809 году, Іюня 5, послѣдовала Высочайшая воля Государя на докладъ о пенсіяхъ чиновникамъ Московскаго Университета, вдовамъ ихъ и семействамъ. Университетъ получалъ ежегодно на пенсіи тѣже 6000 р., какъ и другіе Университеты; но у Харьковскаго и Казанскаго эти деньги могли идти еще въ проценты, потому что пенсій по недавности заведеній не могло быть, тогда какъ на Университетѣ Московскомъ лежали эти обязанности за полустолѣтіе. Повелѣно отнести пенсіи чиновникамъ, выслужившимъ ихъ до преобразованія, равно вдовамъ и

сиротамъ ихъ, на общій училищный капиталъ. По случаю вопроса о пенсіяхъ выразились щедрость и великодушіе Государя. До новаго Устава, пенсіи производились не въ силу постановленій, а по ордерамъ прежнихъ Кураторовъ, и выдача ихъ продолжалась до 1809 года. Вдовы и дѣти наставниковъ получали ихъ, и въ томъ числѣ дочь Профессора Дильтея, Александра, съ 1795 года. Попечитель Муравьевъ предписалъ сверхъ того производить пенсію вдовѣ Профессора Шадена съ 25 Маія 1804 года по 500 рублей, да за принятую отъ нея въ Университетъ библіотеку съ Іюля 1807 г. по 700 р.; вдовѣ Профессора Грелльмана, который умеръ вскорѣ по открытіи лекцій, съ 3-го Ноября 1804 года, по 500 рублей; вдовѣ Профессора Иде, умершаго въ 1806 году Октября 1-го, съ 27-го Маія 1807 года по 300 р.— Единовременныя выдачи Муравьева обнаруживали также его благородную щедрость къ ученымъ. Лекторъ Англійскаго языка Риде, назначенный для Московскаго Университета, умеръ на пути въ Москву: его вдовѣ дано единовременное пособіе въ 400 рублей. Такъ даны были великодушнымъ Попечителемъ единовременныя пособія уволеннымъ учителямъ, или по смерти ихъ вдовамъ ихъ. Министръ Графъ Завадовскій, представляя докладъ на Высочайшее имя обо всѣхъ этихъ пенсіяхъ, присоединялъ мнѣніе Правленія Училищъ, что хотя выдавать ихъ по ордерамъ Кураторовъ и предписаніямъ Попечителя Муравьева, несходно съ Грамотою Университета; «но лишить ихъ милости, начальствомъ однажды дарованной, было бы для нихъ тяжко.» Министръ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, ходатайствовалъ въ его пользу у Государя и получилъ на то Его соизволеніе. Пенсія вдовѣ Шадена упомянута особенно и утверждена во всей силѣ по мысли Муравьева, кото-

рый тѣмъ выразилъ любовь свою и благодарность къ незабвенному своему наставнику. Благородное чувство Муравьева, конечно, было пріятно великодушному сердцу Императора Александра.

Указъ о избраніи Ректора на трехлѣтіе.

Ректоры смѣнялись ежегодно. Въ 1807 году былъ Ректоромъ Баузе, въ 1808 и 1809 Геймъ. Попечитель усмотрѣлъ и представилъ Министру, что «ежегодная перемѣна Ректоровъ въ Университетѣ сопряжена съ великими неудобствами; что должность эта требуетъ неусыпнаго попеченія, занятія множествомъ подробностей, строгаго наблюденія и взысканія на учащихъ и учащихся и на всѣхъ чиновникахъ, по хозяйственной части употребляемыхъ; что достигнуть того нельзя иначе, какъ опытностію, получаемою чрезъ долговременное управленіе; при частой же перемѣнѣ Ректоръ едва успѣетъ, такъ сказать, приглядѣться ко всему, какъ уже наступаетъ срокъ его смѣны. Во время Ректорства замѣчая разныя неисправности, побуждаемый участіемъ къ общественной пользѣ, обращеніемъ на себя вниманія начальства, онъ употреблялъ бы все стараніе къ изобрѣтенію средствъ противъ неисправностей; но всѣ таковыя побужденія ослабѣваютъ при краткости времени его начальства, раждающей опасеніе оставить другому плоды трудовъ его. Опасаясь оскорбить того, кто вскорѣ можетъ заступить его мѣсто, онъ предпочтетъ снисхожденіемъ своимъ обрѣсти и для себя подобное же снисхожденіе. Наконецъ долговременная привычка подчиненныхъ видѣть надъ собою одного и того же начальника усугубляетъ уваженіе къ нему и повиновеніе.» По всѣмъ этимъ причинамъ Графъ Разумовскій признавалъ нужнымъ и полезнымъ для Московскаго Университета Ректору его быть безсмѣннымъ или покрайней мѣрѣ черезъ нѣсколько лѣтъ

смѣняемымъ. Правленіе Училищъ признало за полезное, вмѣсто ежегоднаго избранія Ректора, учредить оное черезъ каждые три года. Это мнѣніе было утверждено Высочайшимъ указомъ 16-го Сентября 1809 года, а 26-го Маія 1811 года распространено на Университеты Харьковскій и Казанскій.

Монаршія милости.

Благоволеніе Императора къ Университету выразилось многими Монаршими милостями. Попечитель, 14 Апрѣля 1808 года, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Въ Высочайшемъ рескриптѣ сказано, что Графъ Разумовскій принялъ эту службу изъ угожденія волѣ Государя, удостовѣреннаго, что ревностнымъ его попеченіемъ совершится устройство учебной части какъ въ самомъ Университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ. Ректоръ Страховъ былъ пожалованъ бриллiантовыми знаками Ордена Св. Анны 2-го класса; Профессоры Керестури, Политковскій, Антонскій, Рихтеръ, Геймъ, кавалерами того же ордена 2-го класса, Фишеръ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, всѣ при Высочайшихъ рескриптахъ; Рейсъ получилъ бриллiантовый перстень за свое сочиненіе о средствахъ отъ заразительныхъ болѣзней; Мягковъ также за свой курсъ Военныхъ наукъ.

Частныя пожертвованія.

Частныя пожертвованія продолжались. Въ 1807 году самъ Попечитель подарилъ для Ботаническаго сада Университета собраніе рѣдкихъ растеній изъ своего сада Горенскаго, изъявивъ желаніе и впередъ обогащать садъ Университетскій такими дарами. Протоіерей Θедоръ Авксентьевичъ Малиновскій передалъ Университету приношенія, которыя даны были черезъ его руки и простирались суммою на 7054 рубля. Цѣлью приношеній были ризница Университет-

скаго храма и бѣдные воспитанники Гимназіи. Въ приношеніяхъ участвовали Княгиня Анна Васильевна Гагарина, самъ Протоіерей, Д. Ст. Сов. Мартынъ Никифоровичь Соколовскій, Оберъ-Камергеръ Графъ Николай Петровичь Шереметевъ, Княгиня Настасья Васильевна Долгорукова-Крымская, Д. Ст. Сов. Павелъ Ивановичь Глѣбовъ, Генеральша Талызина и другія лица.—Въ 1808 Февраля 19-го, Статская Совѣтница Анна Семеновна Аленина подарила Университету каменный домъ свой, что на Кисловкѣ, и внесла 1000 р. для его починки. Она же, 12-го Декабря, по случаю дня рожденія Государя Императора, подарила Университету еще 1000 р. ассигнац.

Перемѣны въ преподаваніи.

Прослѣдимъ перемѣны, которыя произошли въ теченіи трехъ академическихъ годовъ $180\frac{7}{8}$, $\frac{8}{9}$ и $\frac{9}{10}$-го, въ Университетскомъ преподаваніи. Въ Этико-Политическомъ Отдѣленіи, Баузе, читая Римское право, отъ руководствъ Гейнекція, Шмальца и Баха, все болѣе восходилъ къ самымъ его источникамъ, къ тексту Юстиніановыхъ юридическихъ постановленій; Шлецеръ для преподаванія Политической Экономіи выдалъ свой учебникъ въ 2-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Начала Государственнаго Хозяйства*; Буле къ прежнимъ предметамъ присоединилъ Эмпирическую Психологію и Логику, Критическую Метафизику, Исторію изящныхъ художествъ въ Россіи, Литературу Россійскихъ древностей и Исторію на Французскомъ языкѣ; въ $180\frac{9}{10}$ г. онъ въ Отдѣленіи Словесныхъ наукъ читалъ Миѳологію и Археологію, т. е. Исторію Живописи, Скульптуры и Архитектуры у Египтянъ, Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ; Штельцеръ къ прежнимъ руководствамъ прибавилъ еще для Римскаго права Тибо и Вальдекка, Уголовное право читалъ по своему учебнику и къ преподаванію ино-

странныхъ законодательствъ, среднихъ и новѣйшихъ, присоединилъ сравненіе съ Россійскимъ. — Въ Физико-Математическомъ Отдѣленіи Панкевичъ указываетъ для Динамики, Статики, и Оптики на руководства Бюржи и Лакаля; Гофманъ на лѣтніе мѣсяцы предлагалъ уже богатую Университетскую флору, вѣроятно, подаренную Попечителемъ изъ Горенокъ, и обѣщалъ показывать и разбирать экономическія и врачебныя растенія, слѣдуя каталогу имъ изданному; Фишеръ продолжалъ курсъ Натуральной Исторіи на Французскомъ языкѣ по своимъ синоптическимъ таблицамъ, а именно: о молюскахъ, черепокожихъ, насѣкомыхъ; особенный годъ былъ посвященъ исторіи полиповъ; также читалъ онъ Минералогію Россіи и въ Ориктокнозіи слѣдовалъ собственной системѣ. Гольдбахъ объявлялъ Тригонометрическую практику съ употребленіемъ инструментовъ; кромѣ Астрономіи, Математическую и Физическую Географію съ практическими наблюденіями для сочиненія географическихъ картъ; Гидрографію для точнаго понятія о мореходствѣ, Хронологію и Гномонику; обѣщалъ поправлять и дополнять Вейдлерово руководство, занималъ Студентовъ Математическими сочиненіями. Аршеневскій, преподававшій высшую Математику, скончался 27 Января 1808 года; Рейсъ объявилъ сочиненіе Гермштедта руководствомъ для своихъ лекцій и читалъ еще Міазматологію или ученіе о заразахъ, по книжкѣ имъ изданной; Двигубскій читалъ Технологію по своей книгѣ; Загорскій Дифференціальное и Интегральное исчисленія, высшую Геометрію по Безу и Лакроа; Ад. Чеботаревъ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, съ 180$\frac{7}{8}$ года началъ для Русскихъ фабрикантовъ преподавать основанія бѣлильнаго, красильнаго и набивальнаго искусствъ съ опытами, для того нужными, а потомъ Основанія Политехнологіи

или Химіи, принаровленной къ искусствамъ, по руководству Шапталя; Мягковъ читалъ Артиллерію по Робенсу и Шелю, Баллистику по Белидору и фортификацію по своему курсу. Въ Отдѣленіи Врачебномъ, Политковскій читалъ тѣ же предметы, какіе и прежде, и скончался 13-го Іюля 1809 года; Рихтеръ, сдѣлавшійся старшимъ Профессоромъ въ Медицинскомъ факультетѣ по смерти Политковскаго, началъ соединять уже теорію повивальнаго искусства съ практическими упражненіями въ Университетскомъ повивальномъ институтѣ; для женскихъ болѣзней объявлялъ руководство Ван-Доверна, а для дѣтскихъ Яна; Барсукъ-Моисеевъ, читая Гигіэну или Діэтетику по Туртелю, присоединялъ къ тому замѣчанія изъ Цельсовыхъ Афоризмовъ о сохраненіи здравія и изъ Врачебной Статики Санкторіевой; Гильтебрандтъ продолжалъ Хирургію по Титтману съ практическими упражненіями въ Институтѣ Клиники хирургической, производя особенно операціи камнесѣченія и снятія бѣльма; Венсовичь по прежнему соединялъ преподаваніе Физіологіи, Анатоміи при демонстраціи на трупахъ и Судебной Медицины, и былъ Деканомъ Отдѣленія; Воиновъ къ Исторіи Медицины присоединилъ Гиппократовы Афоризмы, но въ 1808 году по здоровью совершенно разстроенному былъ уволенъ съ пенсіею; Мудровъ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, въ $180\frac{8}{9}$ году открылъ совершенно новый въ Университетѣ Московскомъ курсъ Медицины военной—и сначала читалъ на Русскомъ языкѣ военную Гигіену или науку о сохраненіи здравія военнослужащихъ по руководству Монро; далѣе Терапію болѣзней, въ лагеряхъ и госпиталяхъ наиболѣе бывающихъ, и показывалъ *дѣлоручіе* (такъ онъ самъ называлъ *Хирургію*) *поврежденій*, на полѣ бранномъ наносимыхъ; готовившихъ себя въ армейскіе хирурги онъ упражнялъ въ

накладываніи простыхъ и удобнѣйшихъ перевязокъ, въ совершеніи операцій наиболѣе случающихся, въ управленіи госпиталей и особенно въ Россійской фармакопеѣ полевой по книгѣ, только что тогда вышедшей, Лейбъ-Хирурга Вилье, главнаго Медицинскаго Инспектора арміи; продолжая тотъ же самый предметъ въ слѣдующемъ $180\frac{9}{10}$ году, Мудровъ, по смерти Политковскаго, принялъ на себя Латинское преподаваніе Спеціальной Паѳологіи или Носологіи по Туртелю, и кромѣ того давалъ совѣты бѣднымъ людямъ и ремесленникамъ, въ присутствіи учащихся, чтобы пріучать сихъ послѣднихъ къ распознаванію, опредѣленію и лѣченію болѣзней, гдѣ можно домашними средствами; Андреевскій, Щеголевъ, Котельницкій, Немировъ, продолжали свои прежнія лекціи; Щеголевъ присоединилъ къ Врачебному веществословію Экономическую Ботанику, приспособивъ ее къ растительнымъ произведеніямъ Россіи; Даниловскій къ анатомическимъ демонстраціямъ прибавилъ еще хирургическія операціи на живыхъ и на трупахъ; Грузиновъ, возвратившійся изъ Лондона, гдѣ практически изучалъ Анатомію и особенно искусство препаратовъ, съ $180\frac{9}{10}$ года началъ лекціи о строеніи тѣла человѣческаго по руководству Загорскаго. — Въ Отдѣленіи Словесныхъ наукъ Маттеи и Геймъ, смѣнявшіе другъ друга въ Деканствѣ, Сохацкій, Снегиревъ, Черепановъ, Гавриловъ, Мерзляковъ продолжали тѣже предметы; послѣдній объявилъ руководство Эшенбурга; языкъ Англійскій оставался у Бели и Перелогова; Абіа де Ватэ скончался 29 Декабря 1809 года, и Французскій языкъ перешелъ къ Лектору Фридерику Виллерсу; Нѣмецкій языкъ отъ Десанглена къ Лектору Ульрихсу; Каченовскій, уже Докторъ Философіи и своб. наукъ, въ $180\frac{7}{8}$ году читалъ Исторію древняго краснорѣчія съ правилами его и при-

мѣрами изъ писателей; разбиралъ слова похвальныя, надгробныя и проповѣди, какъ сочиненія наиболѣе употребительныя въ Россіи; толковалъ Цицерона и Сенеку; въ 180$\frac{8}{9}$ году Каченовскій въ каталогѣ отсутствуетъ, однако въ этомъ же году началъ лекціи объ Россійской Исторіи, прошелъ первый періодъ и въ 180$\frac{9}{10}$ году читалъ второй и третій, который онъ оканчивалъ смертію В. Князя Іоанна Васильевича; въ этомъ же году, возвратясь изъ путешествія, началъ свои лекціи Тимковскій: проходилъ Исторію Пуническихъ воинъ, начиная съ XXI книги Ливія, объяснялъ Софоклова Филоктета; занималъ слушателей сочиненіемъ и критикою небольшихъ разсужденій, относящихся къ филологіи.

Разсужденія при каталогахъ лекцій.

При каталогахъ лекцій за эти три года напечатаны были: 1) Разсужденіе Буле *о древнѣйшей Россійской живописи, о картинахъ Каппоніяновыхъ, хранящихся въ Ватиканской библіотекѣ, и другихъ соборахъ святыхъ (менологахъ) православной Греко-Россійской Церкви, писанныхъ съ превосходнѣйшимъ искусствомъ*, на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ (тоже самое, которое напечатано было и въ его Журналѣ изящныхъ искусствъ); 2) *Краткая, до сихъ поръ еще неизданная на Греческомъ языкѣ Исторія о животныхъ*, Латинское разсужденіе съ изданіемъ Греческаго текста Маттеи и съ Русскимъ переводомъ Доктора Философіи и своб. наукъ Ивашковскаго; 3) Буле Латинское разсужденіе *о древнѣйшихъ Географическихъ картахъ, донынѣ извѣстныхъ, на коихъ изображены области Россійской Имперіи* съ Русскимъ переводомъ Магистра А. Воинова.

Рѣчи

Наука и ораторское искусство Профессоровъ представили въ теченіи этого времени нѣсколько произ-

веденій замѣчательныхъ. Мерзляковъ въ словѣ своемъ: *о духѣ, отличительныхъ свойствахъ Поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы, на благосостояніе народовъ* (1808), съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ о поэзіи священно-Еврейской и съ замѣчательнымъ для своего времени сочувствіемъ о нашихъ древнихъ народныхъ богатырскихъ пѣсняхъ.— Мудровъ, какъ онъ самъ говоритъ, «живучи при звукѣ оружія, шумящаго отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ, сушу и море обагряющаго кровію, оружія, къ отвращенію коего и самъ миролюбивый Государь нашъ принужденъ былъ ополчить воинствующую Россію, въ сообразность сему времени браней и кровопролитія,» выбралъ темою слова: *о пользѣ и предметахъ военной гигіены, или науки сохранять здравіе военнослужащихъ* (1809). Конечно, нельзя было выбрать предмета полезнѣе, живѣе, любопытнѣе, сообразнѣе событіямъ времени, который шли на встрѣчу грозному и славному 12 году. Наука, въ лицѣ Мудрова, подавала свой живой, одушевленный, совѣтовательный голосъ въ дѣлѣ великомъ приготовленія военныхъ силъ на защиту Отечества. Слово врача проникнуто самою теплою любовью къ родинѣ и къ ея воинамъ, и озарено полнымъ знаніемъ дѣла, для котораго ученый прочелъ всѣ книги, касавшіяся того же предмета, обозрѣлъ въ Россіи и за границей и изучалъ на опытѣ всѣ военные госпитали, всю жизнь солдата, и особенно Русскаго. — Примѣненіемъ къ практической пользѣ замѣчательна также Латинская рѣчь Рейса: *о внезапныхъ пожарахъ, ихъ законахъ и причинахъ* (1809). Химикъ разобралъ всѣ тѣ самовозгараемыя вещества, которыя могутъ быть причиною этихъ явленій въ природѣ, причиняющихъ лѣтомъ много вреда, особенно у насъ въ Россіи.

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ Попечителемъ.

11-го Апрѣля 1810 года повелѣно Графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія; 14-го Маія того же года Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Павелъ Ивановичь Голенищевъ Кутузовъ, бывшій Кураторомъ до преобразованія, назначенъ въ Попечители Московскаго Университета и его округа.

Высочайшіе указы.

Въ 1810 году, 15-го Іюля, Высочайше утверждены правила объ экзаменахъ Медицинскихъ Чиновниковъ, на основаніи которыхъ Императорскіе Университеты и Медико-Хирургическая Академія могли производить имъ, испытанія и присуждать Академическія степени.

Въ 1811 году, Января 11-го, вышелъ Указъ, касающійся чиновниковъ Университета и согласованный съ силою и разумомъ Указа 6-го Августа 1809 г. Въ немъ сказано: 2, «Студенты Кандидаты, Лекторы, «Магистры, Докторы, Адъюнкты, Ординарные и Экс«траординарные Профессоры и Академики, въ Россій«скихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣйствительно служащіе «и получившіе классы, по учебному порядку имъ «предназначенные, доколѣ они остаются въ учебной «службѣ, производятся въ чины до Статскихъ Совѣт«никовъ по заслугамъ и не подлежатъ испытанію, «въ Указѣ 6 Августа 1809 года для гражданскихъ «чиновниковъ предписанному. Самое званіе ихъ въ «Академіяхъ, Университетахъ и другихъ учебныхъ «заведеніяхъ служитъ имъ вмѣсто аттестатовъ. Стар«шіе учители Гимназіи причисляются къ сему же «разряду и поступаютъ въ производство на томъ же «основаніи.—3. Но когда они оставятъ учебное зва«ніе и вступятъ въ общую гражданскую службу, тогда «сохраняютъ въ ней настоящіе только ихъ чины; въ «послѣдующіе же производятся не иначе, какъ на «основаніи общихъ правилъ, въ Указѣ 6 Августа 1809

«года постановленныхъ.—4. Аттестаты иностранныхъ «училищъ, Академій и Университетовъ въ произ«водствѣ въ чины не замѣняютъ аттестатовъ Уни«верситетовъ Россійскихъ.» Въ томъ же году Ноября 10 послѣдовалъ Высочайшій указъ, касающійся Студентовъ, поступающихъ изъ податнаго состоянія. Повелѣно исключать ихъ изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ Университетахъ. Причина постановленія выражена первыми словами Указа: «Учрежденіемъ въ Имперіи нашей Университетовъ желали Мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли Мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ Университеты Мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности; ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію Нашему.»

При Попечителѣ Кутузовѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ возобновлено было подъ предсѣдательствомъ П. А. Бекетова и получило Уставъ, Высочайше одобренный 21 Января 1811 года. Приношеніе отъ Зоя Павловича Зосимы 3600 р. на напечатаніе Несторовой лѣтописи дало возможность приступить къ главному занятію Общества. Въ 11 § Университетскаго Устава сказано было: «Къ особливому «достоинству Университета отнесется составленіе въ «нѣдрѣ онаго Ученыхъ Обществъ, какъ упражняющих«ся въ Словесности Россійской и древней, такъ и за«нимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и «точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ.» На основаніи этой статьи Устава учредилось при Университетѣ Общество Любителей Россійской Сло- **Возобновленіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.**

Основаніе Общества Любителей Россійской Словесности.

весисcти изъ 21 члена, подъ предсѣдательствомъ Антонскаго, и Уставъ его былъ Высочайше одобренъ въ Іюнѣ 1811 года. Кому неизвѣстна полезная и обширная дѣятельность этого Общества для науки Русскаго Слова?

Общество Математиковъ.

Въ томъ же 1811-мъ году образовалось при Университетѣ Общество Математиковъ изъ Студентовъ и Кандидатовъ съ цѣлію читать безденежно математическіе курсы и переводить полезныя математическія книги. Уставъ Общества былъ удостоенъ Высочайшаго одобренія въ Апрѣлѣ 1811 года. Двигателемъ дѣла былъ Подполковникъ Н. Н. Муравьевъ, который самъ намѣренъ былъ читать военныя науки. Молодые ученые: Кандидатъ Аѳанасьевъ, Студенты Терюхинъ, Щепкинъ, Андреевъ, и съ ними сынъ Муравьева, Михаилъ Николаевичь, готовы были принять участіе въ этомъ предпріятіи. Попечитель много содѣйствовалъ ему и ходатайствовалъ объ утвержденіи. Но дѣло не состоялось, потому что главный двигатель его не принадлежалъ къ Университету и устремилъ въ иную сторону свои полезныя дѣйствія.

Указы о пенсіяхъ.

Милости Государя изливались на Университеты по прежнему. Къ шести тысячамъ рублей ежегодной суммы, отпускавшейся на пенсіи, прибавлено еще по четыре тысячи для Университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, наравнѣ съ Университетомъ Дерптскимъ, Указомъ 31 Марта 1811 года. Въ томъ же указѣ повелѣно остающимся послѣ умершихъ Профессоровъ, Адъюнктовъ и учителей вдовамъ и дѣтямъ единовременныя выдачи оклада жалованья и пенсіи производить вдовамъ и дѣтямъ особо, по примѣру Университетовъ Виленскаго и Дерптскаго.

Было недоумѣніе въ Министерствѣ: съ какого званія считать Университетскому чиновнику пенсію: съ Университетскаго ли, или съ учительскаго въ Гимназіяхъ, если онъ въ нихъ началъ службу? По докладу Министра, 15-го Апрѣля 1811 года, Высочайше повелѣно: «Профессорамъ и Адъюнктамъ обращать жало«ванье ихъ въ пенсію за 25-ти-лѣтнюю службу по «послѣднему, то есть, Профессорскому или Адъюнкт«скому окладу, хотя бы въ числѣ сихъ 25 лѣтъ слу«жили они больше или меньше времени въ нисшихъ «званіяхъ, годы же службы ихъ къ пенсіи считать не «ниже, какъ съ званія учительскаго или Магистер«скаго, если они въ ономъ служили, примѣняя пра«вило сіе также при назначеніи пенсіоновъ вдовамъ «и дѣтямъ сихъ чиновниковъ.» Этими благодѣяніями Правительства начали пользоваться вдовы и дѣти Профессоровъ Сохацкаго, Политковскаго, Андреевскаго, Немирова, Венсовича, Гольдбаха, Барсука-Моисеева, Маттеи и Лектора Бели. Воиновъ и Загорскій, по болѣзни и бѣдности, уволены съ половинными пенсіями; Баузе и Горюшкинъ, прослужившіе 25 лѣтъ, съ полными. Высочайшія награды чинами и орденами ежегодно украшали то старшихъ, то младшихъ членовъ Университета. Рихтеръ пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Керестури и Горюшкинъ въ Статскіе; Антонскій орденомъ Св. Владиміра 3-й степени за пользу, принесенную имъ Благородному Пансіону Университета; Двигубскій и Мудровъ кавалерами Ордена Св. Владиміра 4-й степени; Мерзляковъ и Каченовскій возвышены въ званіе Ординарныхъ Профессоровъ.

Частныя приношенія продолжались. А. С. Оленина въ 1810 и 1811 годахъ, каждый разъ, 12 Декабря, въ день рожденія Императора, приносила въ — Частныя пожертвованія.

даръ Университету по 1000 руб. ассигн. Дѣйствительный Камергеръ Всеволожскій пожертвовалъ въ 1812 году Минеральный свой кабинетъ, состоявшій изъ 5531 штуфа и оцѣненный въ 20,000 р. Государь пожаловалъ жертвователю Орденъ Св. Анны 2-й степени при Высочайшемъ рескриптѣ отъ 12 Января. Приношенія З. П. Зосимы двумъ обществамъ Испытателей природы и Древностей Россійскихъ, были награждены тѣмъ же Орденомъ при Высочайшемъ рескриптѣ 8 Маія 1811 года. Калужскій первостатейный купецъ Билибинъ пожертвовалъ Обществу Исторіи и Д. Р. 10,000 р. и признанъ его благотворителемъ. Коллежскій Ассессоръ Матрунинъ за принесеніе въ даръ рѣдкихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ тому же Обществу удостоенъ Высочайшаго рескрипта 10 Іюня 1811 года. Купецъ Ѳерапонтовъ пожертвовалъ туда же книгъ и рукописей на 1800 руб.

Преподаваніе (1810 — 1812).

Въ теченіе двухъ академическихъ лѣтъ, предшествовавшихъ вторженію непріятеля, измѣненія въ Преподавателяхъ и преподаваніи замѣтны слѣдующія. Въ Этико-Политическомъ отдѣленіи Баузе, въ послѣднее время, намѣренъ былъ все болѣе проникать до источниковъ Римскаго права и объяснялъ самый текстъ Юстиніановыхъ Институцій; но, по болѣзненнымъ припадкамъ, онъ принужденъ былъ просить увольненія отъ службы и получилъ отставку съ полною пенсіей, 21 Января 1811 года. По причинѣ же слабой груди и непрестанной одышки, уволенъ былъ и Профессоръ Горюшкинъ, съ полною же пенсіей, 3-го Февраля того же года. Каѳедра права Римскаго раздѣлилась между Штельцеромъ и Цвѣтаевымъ: первый читалъ право Римское гражданское и потомъ уголовное, второй Исторію Римскаго права по Баху. Штельцеръ преподавалъ сверхъ того Философію уголовнаго права на Латин-

скомъ языкѣ; обѣщалъ приватныя лекціи Римскаго права на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкахъ для незнающихъ Латинскаго. Онъ издалъ уже свой учебникъ подъ заглавіемъ: Elementa juris universalis. Въ преподаваніи Практическаго Россійскаго Законоискусства со славою замѣнилъ Горюшкина Сандуновъ, изъ Оберъ-Секретарей 6-го Департамента Правительствующаго Сената произведенный въ Ординарные Профессоры, въ Апрѣлѣ 1811 года. Ему же поручена была и должность Университетскаго Синдика. Брянцевъ, Шлецеръ, Рейнгардъ читали по прежнимъ программамъ; послѣдній для Исторіи философіи объявилъ руководство Сохера. Снегиревъ, перешедшій изъ Словеснаго Отдѣленія въ Этико-Политическое, читалъ въ $18\frac{10}{11}$ году Церковную Исторію первыхъ вѣковъ Новаго Завѣта, пользуясь источниками наилучшихъ учителей, особливо Греческихъ, а въ слѣдующемъ году продолжалъ тотъ же предметъ отъ VI столѣтія до новѣйшихъ временъ. Профессоръ Роговъ прекратилъ чтенія съ $18\frac{11}{12}$ года. — Въ Физико-Математическомъ Отдѣленіи Страховъ, Антонскій, Фишеръ, Рейсъ, Двигубскій, Чеботаревъ, Мягковъ продолжали прежнее; со смертію Гольдбаха (29 Марта 1811 года) каѳедра Астрономіи перешла къ Профессору Панкевичу, читавшему сверхъ того Механику со всѣми ея частями; Гофманъ къ Ботаникѣ присоединилъ врачебное Веществословіе по книгѣ, изданной Архіатеромъ Виліе въ 1808 году: Военная Россійская Фармакопея; особымъ Высочайшимъ Рескриптомъ на имя Министра Финансовъ 2-го Іюля 1810 года Статскій Совѣтникъ Суворовъ былъ опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ и въ томъ же году началъ лекціи Чистой Математики, на мѣсто Загорскаго, который за болѣзнію и весьма слабымъ зрѣніемъ былъ уволенъ 15-го Января 1810 года, съ половинною

пенсіею. — Врачебное Отдѣленіе лишилось Венсовича (ум. 11 Февраля 1811 г.), Барсука-Моисеева (въ Іюнѣ 1811), Немирова (1810). Чтеніе Физіологіи и Судебной Медицины перешло отъ Венсовича къ Грузинову. Съ 18$\frac{1}{1}\frac{1}{2}$ опредѣленъ Ординарный Профессоръ Реннеръ, бывшій ветеринарнымъ врачемъ у Графа Ѳ. В. Ростопчина, для преподаванія Скотоврачебной науки.

Въ Словесномъ Отдѣленіи совершилось замѣчательное нововведеніе, которое передадимъ словами изъ современнаго ученаго извѣстія[2]. «Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ А. К. Разумовскій, движимый патріотическими чувствами, явилъ новое доказательство неусыпнаго старанія своего о размноженіи способовъ къ успѣхамъ въ наукахъ и отечественной Словесности. Извѣстно, что Славянскій языкъ есть корень и основаніе языка Русскаго, что отъ него пріобрѣтаемъ мы богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ; какъ напротивъ того отъ пренебреженія сроднаго намъ кореннаго Славянскаго языка вкрадываются нечувствительно у насъ странныя нелѣпости изъ чужихъ языковъ, подвергающія нашъ языкъ отечественный всегдашней перемѣнѣ и могущія преклонить его къ упадку.» Вотъ почему, согласно представленію Попечителя Кутузова, Министръ предписалъ учредить при Московскомъ Университетѣ «особую каѳедру для Славяно-Россійской Словесности, имѣющую цѣлію изученіе Славянскаго языка, познаніе книгъ на ономъ и чтеніе Славяно-Россійскихъ сочиненій, съ показаніемъ отношенія Россійскаго языка къ Славянскому и происхожденіе изъ онаго.» Мысль имѣла источникомъ стремленіе Бесѣды Русскаго Слова, двигателями которой были Державинъ и Шишковъ; Кутузовъ принадлежалъ также къ членамъ Бесѣды. Каѳедра поручена была Профессору

Гаврилову, который открылъ ее съ 1811 года и соединялъ съ Теоріею изящныхъ искусствъ Баттё.

Маттеи, сверхъ изученія языческихъ писателей, ввелъ объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ твореній Св. Іоанна Златоуста по книгѣ, изданной имъ въ 1808 году. Замѣчательна прекрасная эта мысль въ славномъ ученомъ иностранцѣ, который съ 1772 года, слѣд. 43 года находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Россіею, а изъ нихъ 23 года жилъ въ нашемъ отечествѣ. Но этою мыслію онъ заключилъ свое земное поприще въ Москвѣ и скончался 14 Сентября 1811 года.

Буле, по выбытіи Баузе, примѣнялъ чтеніе Римскихъ древностей къ Римскому праву; объяснялъ публично Гораціевы Эпистолы и занималъ педагогическими бесѣдами Кандидатовъ и Магистровъ; но въ 1811 году онъ оставилъ Университетъ, занявъ мѣсто библіотекаря при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ; Каченовскій съ каѳедры Русской Исторіи перешелъ, 30 Августа 1811 года, на каѳедру Изящныхъ искусствъ и Археологіи съ званіемъ Ординарнаго Профессора. Эвенсъ началъ лекціи Англійской Словесности съ $18\frac{10}{11}$ года. Болдыревъ съ $18\frac{11}{12}$ преподавалъ Начальныя основанія Еврейскаго и Арабскаго языковъ и объяснялъ книгу Бытія. Ученое предисловіе къ каталогу лекцій въ послѣдній разъ прибавлено было въ $18\frac{10}{11}$ году: Maximi Planudis interpretatio Graeca loci auctoris ad Herennium, de facultate memoriae, arte et studio perficienda. Впослѣдствіи, этотъ ученый обычай уже не повторялся.

Лекціи для чиновниковъ.

Для того, чтобы дворянамъ облегчить исполненіе указа объ испытаніяхъ 6-го Августа 1809 года, объявлены были лекціи съ Маія по Октябрь для молодыхъ людей, обязанныхъ службою. Предметы были

распредѣлены такимъ образомъ: Философія поручена Снегиреву, Ораторія (т. е. Риторика) Мерзлякову, Исторія Черепанову, Римское право Цвѣтаеву, Экономія государственная Шлецеру, Статистика Гейму, Математика Мягкову, Физика Страхову.

Публичный курсъ Мерзлякова. Къ числу прекрасныхъ дѣйствій публичнаго преподаванія Профессоровъ Университета должно отнести публичныя лекціи Русской Словесности Мерзлякова, читанныя великимъ постомъ въ 1812 году. Просвѣщенный вельможа Князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ для нихъ обширную залу въ своемъ домѣ, что̀ былъ на Басманной. Бесѣды продолжались весь великій постъ по середамъ и по субботамъ. Лучшее общество Москвы окружило своимъ вниманіемъ Профессора. Въ десять лекцій прочтена была вся теоретическая часть изящной Словесности. Вѣстникъ Европы въ Московскихъ Запискахъ своихъ отдавалъ отчетъ въ содержаніи этихъ чтеній.

Рѣчи. Изъ четырехъ рѣчей, сказанныхъ въ эти два года съ Университетской каѳедры, замѣчательны особенно рѣчи Тимковскаго и Грузинова. Первый произнесъ Латинское слово: *о различіи Греческаго и Римскаго просвѣщенія, проистекающемъ изъ особеннаго духа, нрава и образа жизни оныхъ народовъ* (5 Іюля 1811). Въ то же время оно было переведено по-Русски Студентомъ Иваномъ Давыдовымъ, котораго, впослѣдствіи, ожидала таже самая каѳедра. Въ этомъ словѣ ораторъ, ученикъ славнаго Гейне, ясно представилъ и великія достоинства и недостатки обоихъ славныхъ народовъ древности. Второе слово—Грузинова: *о новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и другихъ животныхъ*, обнаруживаетъ обширныя свѣдѣнія въ современной сравнительной Ана-

томіи и Физіологіи, и собственные добросовѣстные опыты и наблюденія ученаго.

Перемѣщеніе Университетской типографіи и лавки.

Въ 1811 году Университетская Типографія и книжная лавка были перемѣщены изъ Газетнаго переулка въ домъ, нынѣ ими занимаемый противъ Страстнаго бульвара, между Дмитровкой и Петровкою. Этого требовали и ветхость прежняго дома, и тѣснота помѣщенія въ Университетскомъ Пансіонѣ. Съ Высочайшаго разрѣшенія, каменный домъ въ два этажа съ каменными флигелями и службами, котораго нельзя бы было построить на сто тысячъ рублей, былъ пріобрѣтенъ покупкою у Д. Ст. Сов. Сергѣя Михайловича Власова за сорокъ тысячъ рублей, съ тѣмъ еще выгоднымъ условіемъ, чтобы половину суммы отдать при покупкѣ, а другую въ Январѣ будущаго года. Уплата происходила изъ суммы типографской и принадлежавшей Университетскому Пансіону, который много выигрывалъ отъ такой перемѣны, распространяя свое помѣщеніе. Съ 26-го Іюня 1811 года Московскія Вѣдомости и Журналы, при нихъ издаваемые, Университетъ уже началъ раздавать тамъ, гдѣ они теперь раздаются.

Вѣдомости и журналы.

Въ Октябрѣ 1810 года Редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей былъ назначенъ Коллежскій Ассессоръ Князь Владиміръ Долгорукой. Университетскимъ Вѣдомостямъ исходатайствована привилегія печатать въ нихъ Высочайшіе и Сенатскіе указы, рескрипты, реляціи, чѣмъ умножилось число ихъ подписчиковъ. Съ 1811 года, Вѣдомости объявили, что будутъ прилагать метеорологическія наблюденія, сообщаемыя Профессоромъ Страховымъ. Вѣстникъ Европы, отъ двухъ Издателей, Жуковскаго и Каченовскаго, перешелъ уже въ руки сего послѣдняго.

Историческій Журналъ и Другъ Юношества продолжались.

Труды Профессоровъ.

Упомянемъ о замѣчательныхъ трудахъ Профессоровъ за это двухлѣтіе. Рихтеръ, избранный по смерти Керестури въ Предсѣдатели Физико-Медицинскаго Общества, принялся за свой прекрасный трудъ, за Исторію Медицины въ Россіи, и черезъ ходатайство Общества, Попечителя и Министра, получилъ доступъ къ Московскому Архиву иностранныхъ дѣлъ и другимъ мѣстамъ, для изученія источниковъ своего предмета. Буле издалъ въ 1810 году 1-ю часть Опыта Критической Литературы Русской Исторіи; Горюшкинъ Описаніе судебныхъ дѣйствій, происходившихъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Тимковскій уже началъ изданіе Несторовой лѣтописи по древнѣйшему тексту рукописи Лаврентьевской. Прочіе Профессоры также неутомимо и прекрасно дѣйствовали въ тѣхъ ученыхъ обществахъ, которыми окруженъ былъ Университетъ.

Доктора, Магистры и Кандидаты.

За два года, предшествовавшіе непріятелю, мы встрѣчаемъ Докторами Университета Василія Ризенко (1811), Дмитрія Левицкаго (1811), Дмитрія Облеухова (1811), Θедора Чумакова (1812), Николая Бекетова (1812); Магистрами Данінла Адамса (1811), Михаила Ханенко (1811), Андрея Баранова (1812), Константина Папандопуло (1812). Между Кандидатами видимъ имена Михаила Малова, Ивана Давыдова, Тита Каменецкаго, Дмитрія Шелехова, Егора Тимковскаго, Семена Любимова, Ивана Палехова, Петра Воскресенскаго, Сергѣя Саларева, Григорія Полетику; въ Студентахъ Аркадія Альфонскаго, Василія Оболенскаго, Александра Сейдлера, Павла Игнатьева (1811), Михаила Муравьева, Барона Фонъ Унгернъ-Штернберга, Генриха фонъ

Кранихфельда, Барона Александра Бистрома, Барона Генриха фонъ Будберга, Степана Маслова, Александра Эвеніуса, Балтазара Генриха фонъ Засса. Въ Воспитанникахъ Университетскаго Пансіона Александра Величко, Аркадія Родзянку, Сергѣя Саларева, Николая Сушкова, Віанора Бѣликова, Николая Анненкова, Бориса Данзаса, Николая Плаутина, Павла Гаевскаго, Михаила Дмитріева.

Московскій Университетъ передъ нашествіемъ непріятеля.

Въ дополненіе къ характеристикѣ Московскаго Университета передъ нашествіемъ непріятеля, приведемъ слова изъ Московскихъ Записокъ Вѣстника Европы, напечатанныхъ въ концѣ 1811 года, гдѣ говорится о современномъ его состояніи. «Распоряженіями попечительнаго начальства Московскій Университетъ со дня на день приближается къ цѣли, Правительствомъ для него предназначенной, и очевидно принимаетъ на себя характеръ *Русскаго* Университета. Недоставало ему катедры Славянскаго языка, необходимаго источника отечественнаго нашего краснорѣчія; сія катедра нынѣ учреждена, и ожидаемая отъ оной польза несомнительна. Мѣсто достойнаго Профессора Маттеи, не задолго передъ симъ скончавшагося, занято уже достойнымъ преемникомъ его Г-мъ Тимковскимъ, который былъ приготовленъ самимъ же Маттеи и потомъ нѣсколько лѣтъ обучался въ Германіи. Другія катедры въ разныхъ отдѣленіяхъ Университета равномѣрно замѣщены природными Россіянами. Неусыпная дѣятельность начальства, ревностно ободряющаго таланты и свѣдѣнія отечественныя, питаетъ сладкою надеждою сердца всѣхъ благомыслящихъ, что наконецъ, и очень скоро, Университетъ будетъ имѣть своихъ кандидатовъ по всѣмъ частямъ учености, а слѣдственно и не будетъ принужденъ вызывать чужестранныхъ наставниковъ, для преподаванія наукъ Россійскому юношеству на чужестранныхъ языкахъ.

«Въ нынѣшнемъ году записано въ Университетѣ обучающихся студентовъ казеннаго содержанія и своекоштныхъ 215, кромѣ многихъ стороннихъ посѣтителей, слушающихъ лекціи по дозволенію Г. Ректора. Нѣкоторые Профессоры, особливо же преподающіе науки для каждаго благовоспитаннаго человѣка необходимыя и притомъ на Русскомъ языкѣ, имѣютъ слушателей по сту человѣкъ и болѣе.

«Замѣчательно, что къ намъ пріѣзжаютъ учиться молодые Нѣмецкіе дворяне изъ Лифляндіи. Можно бы сказать, что уже наступило время, въ которое иноплеменнники, въ свою очередь, искать стали наукъ въ нашихъ заведеніяхъ, какъ доселѣ мы искали оныхъ въ чужестранныхъ Университетахъ; но сія мысль, народнымъ самолюбіемъ внушенная, была бы слишкомъ поспѣшна, и ее вѣроятно многіе признали бы несправедливою. Однако жъ тѣмъ не менѣе замѣчательно, что дворяне изъ Лифляндіи, мимо ближайшаго къ нимъ Дерптскаго Университета, пріѣзжаютъ обучаться въ нашемъ Московскомъ, и что число сихъ посѣтителей очевидно прибавляется.»

Передъ нашествіемъ непріятеля, Московскій Университетъ считалъ уже 57 лѣтъ своего существованія. Сѣмена, посаженныя вновь Муравьевымъ, его питомцемъ и Попечителемъ, начинали приносить богатые плоды. Обезпеченный въ своемъ непрерывномъ существованіи волею мудраго Монарха, ущедренный Его милостями, возвеличенный въ государствѣ новыми правами, подкрѣпляемый своими Начальниками, уважаемый обществомъ, горячо любимый своими питомцами, Университетъ являлся цвѣтущимъ народнымъ разсадникомъ Русскаго просвѣщенія. Четыре ученыхъ Общества его окружали и дѣятельно связывали науку съ общественною жизнію. Благородные жертвователи несли богатые дары отовсюду изъ всѣхъ со-

словій Университету и его училищамъ. Его Музей былъ достойнымъ украшеніемъ святилища науки. Его Библіотека, кромѣ произведеній литературы древней и новой по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства, содержала въ себѣ произведенія Русской Словесности, въ движеніи которой Университетъ принималъ такое дѣятельное участіе. Архивъ Университета хранилъ отъ самаго его основанія всѣ оффиціальные документы его исторіи. И всѣ эти сокровища погибли въ пожарѣ 1812 года.

Война 1812 года.

Когда раздался призывный голосъ брани за Царя и Отечество, Университетъ почти опустѣлъ. Пригодились тогда Студентамъ ихъ военныя экзерциціи и игры, когда пришло время бросить книгу и перо, и схватить въ руки ружье и мечь. Два Профессора-Медика, Грузиновъ и Реннеръ, вступили въ Московское ополченіе и перевязывали раненыхъ на славномъ полѣ Бородинскомъ. Приближалось 2-е Сентября, понедѣльникъ, день вступленія враговъ въ нашу столицу. За день до непріятеля, 31 Августа, въ субботу, еще вышелъ номеръ Московскихъ Вѣдомостей, № 70, рѣдкій въ полномъ ихъ изданіи 1812 года, потому что немногіе, оставаясь въ городѣ, могли получить его или сохранить въ суетѣ общей тревоги. Прочтите этотъ номеръ: онъ такъ спокоенъ, что, по содержанію его, вы никакъ не могли бы заключить о томъ, къ чему готовился городъ. Припечатаны и метеорологическія наблюденія, которыя постоянно доставлялъ Профессоръ Страховъ. Развѣ по однимъ объявленіямъ о большомъ числѣ продававшихся дорожныхъ экипажей можно бъ было заключить, что столица пустѣла, что многіе изъ нея выѣзжали. Но впрочемъ все какъ было. Московскія Вѣдомости этого времени составляютъ также заслугу Университе-

та передъ Отечествомъ. Будучи дѣятельнымъ, постояннымъ органомъ чувствъ патріотическихъ, онѣ охраняли то спокойствіе, которое необходимо было для того, чтобы укрощать умы въ древней столицѣ, готовившейся безъ своего вѣдома на жертву всесожженія. Ректоромъ былъ Геймъ въ достопамятную годину. 31 Августа, за день до вступленія Наполеона въ Москву, Ректоръ и Члены Университета, съ драгоцѣннѣйшими предметами изъ Музея и Библіотеки, отправились въ Нижній - Новгородъ. Немногіе казеннокоштные Студенты и ученики Академической Гимназіи ввѣрены были Профессору Гаврилову, и поѣхали туда же. Профессоры Брянцевъ, Страховъ, Перелоговъ, Черепановъ, и другіе, покинувъ родные кровы, поплелись за ними. Ученики Губернской Гимназіи, выѣхавъ изъ Москвы, были приняты въ Коломенскомъ уѣздномъ училищѣ подъ наблюденіемъ учителя Назарьева.

Пожаръ Москвы.

6-го Сентября запылала Москва. Огонь не пощадилъ Университетскихъ зданій. Въ немъ истлѣли всѣ сокровища его ученой жизни. Погибъ Музей, погибло собраніе естественныхъ произведеній, одно изъ первыхъ въ Европѣ того времени, библіотека, имѣвшая болѣе 20,000 книгъ, отличное собраніе физическихъ, астрономическихъ, химическихъ, хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ. Спасены были только немногіе драгоцѣнные камни Музея. Тогда же погибли библіотеки Профессоровъ Баузе, Страхова и другихъ. Невозвратима потеря первой, богатой древними книгами и рукописями. Но развѣ невозможно было спасти всего этого? Устное преданіе говоритъ, что Главнокомандующій прислалъ 200 подводъ подъ Университетъ, но что воспользовались изъ нихъ немногими. Обвинять ли намъ предковъ нашихъ въ

пренебреженіи къ ученымъ сокровищамъ ихъ прошедшаго? Вспомнимъ, что жители города не знали объ угрожавшемъ вторженіи непріятеля до роковаго дня, когда онъ вступилъ въ Москву; не вѣрилось, чтобы нога его могла осквернить святыню земли Московской. Древняя столица была жертвою искупленія Россіи въ священной брани за Отечество. Университетъ ея принесъ также часть свою въ этой великой жертвѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ девятой Главѣ.

1. Сообщено П. Ил. Страховымъ въ его Краткой Исторіи Академической Гимназіи.

2. Московскія Вѣдомости. N 72. Сентабря 9-го. Ученое извѣстіе.

ГЛАВА X.

(1812—1825).

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО П. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА (1812 — 1817), КНЯЗЯ А. П. ОБОЛЕНСКАГО (1817—1825), А. А ПИСАРЕВА (1825).

СОДЕРЖАНІЕ.

Возобновленіе Вѣдомостей. — Слова Высочайшаго Рескрипта. — Развалины Университета. — Умершіе Профессоры. — Первыя распоряженія Начальства. — Временная коммиссія. — Первое засѣданіе Совѣта. — Первыя приношенія. — Открытіе лекцій. — Закрытіе Академической Гимназіи. — Возобновленіе училищъ. — Попечители Университета. — Высочайшія постановленія. — Дѣйствія Министерства. — Монаршія щедроты. — Посѣщеніе Императора. — Возобновленіе зданій. — Учебныя пособія. — Библіотека. — Каталогъ Рейса. — Музей. — Кабинеты физическій и астрономическій. — Анатомическій каб. Лодера. — Кабинеты: химическій, аптекарскій и технологическій. — Минцъ-кабинетъ. — Учебная больница. — Библіотека для Студентовъ. — Приношенія. — Имена благотворителей Университета. — Преподаваніе (1814—1826). — Ректоры и Деканы. — Характеристика нѣкоторыхъ Профессоровъ. — Акты. — Рѣчи. — Труды Профессоровъ. — Общества при Университетѣ. — Журналы. — Типографія. — Посѣщеніе Принца Вильгельма. — Число учащихся. — Доктора, Магистры, Кандидаты и Студенты.

—

Московскія Вѣдомости №№ 71—94. Суббота 1812 года Ноября 23-го дня. Возобновленіе Вѣдомостей.

Москва, Ноября 23-го.

«Наконецъ, благодареніе Всевышнему! мы вновь начинаемъ дышать свободою. Врагъ человѣчества,

упившись кровію невинныхъ, съ адскою въ сердцѣ злобою оставилъ древнюю нашу Столицу, и каждый изъ насъ за попечительнымъ о благѣ нашемъ Правительствомъ занимается теперь безпрепятственно отправленіемъ дѣлъ своихъ. Храмы Божіи частію уже отверсты, и пастыри духовные невозбранно священнодѣйствуютъ въ нихъ, возсылая теплыя молитвы о спасеніи Отечества предъ олтаремъ Царя и Владыки всѣхъ тварей. Гражданское Начальство, утвердивъ по прежнему пребываніе свое между нами, ищетъ, по возможности, отереть слезы несчастныхъ, вводя повсюду надлежащій въ вещахъ порядокъ. Земская полиція старается обезопасить сообщеніе наше съ другими городами, и мы ежедневно видимъ старыхъ своихъ согражданъ, кои, по усердію своему ко Святымъ Угодникамъ Московскимъ, не смотря на разореніе и опустошеніе, древнему сему граду причиненное; стекаются мало по малу со всѣхъ сторонъ на прежнія свои жилища, а хлѣбородныя наши провинціи присылаютъ къ намъ, безъ всякой опасности, разнаго рода земныя свои произведенія, и не смотря на то, что за мѣсяцъ передъ симъ многія семейства боялись умереть голодною смертію, теперь открылось изобиліе во всѣхъ вещахъ, къ продовольствію человѣка нужныхъ. Между тѣмъ злодѣй, стѣсненный и безпрестанно поражаемый храбрымъ Россійскимъ воинствомъ, бѣжитъ, оставляя повсюду слѣды отчаянія, и не смѣетъ даже и оглянуться на исторженную у него терпѣніемъ и мужествомъ войскъ нашихъ добычу. Чувствуя, сколь желательно должно быть для каждаго совершенное низложеніе врага, мы съ величайшимъ удовольствіемъ начинаемъ листы сіи, сообщая почтеннѣйшей Публикѣ послѣднее извѣстіе объ успѣхѣ оружія нашего, которое за симъ слѣдуетъ. Да благословитъ Всевышній праведное дѣло наше, и мы

воззовемъ съ Пророкомъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!*»

Такъ, среди роднаго пепелища Москвы, Университетъ, возобновивъ Вѣдомости, подалъ и отъ себя голосъ утѣшенія жителямъ всей Россіи.

Въ томъ же нумерѣ напечатаны были отрадные Высочайшіе Рескрипты Императора на имя Графа Ростопчина. «Сколь ни болѣзненно Русскому сердцу, говорилъ сердобольный Государь, видѣть древнюю столицу Нашу, большею частію превращенную въ пепелъ; сколь ни тяжко взирать на опаленные и поруганные храмы Божіи; но не возгордится врагъ Нашъ сими своими злодѣйствами: пожаръ Москвы потушенъ кровію его. Подъ пепломъ ея лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою его рукою храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная месть.... Хотя великолѣпную Столицу нашу пожралъ несытый огонь; но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и Нашу славу. Въ немъ сгорѣло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго обладанія, приключившее толико бѣдствій всему роду человѣческому, и приготовившее столько же золъ предбудущимъ родамъ. Россія вредомъ своимъ купила свое спокойствіе и славу быть спасительницею Европы. Толь знаменитый и достойный храбраго народа подвигъ исцѣлитъ и не дастъ ей ранъ своихъ почувствовать.» Слова Высочайшаго Рескрипта.

Съ 23-го Ноября началось вновь изданіе Вѣдомостей, выходившихъ по тѣмъ же днямъ какъ и прежде. Онѣ снова явились утѣшительнымъ органомъ любви къ Отечеству передъ лицомъ цѣлой Россіи; обнародывали Манифесты Государя, эти вдохновенныя изліянія его любви и благодарности къ народу и выраженіе Монаршихъ заботъ о цѣленіи ранъ, ему вра-

гомъ нанесенныхъ; сообщали о быстромъ возникновеніи Москвы, о числѣ прибывавшихъ въ нее жителей, о возвращеніи въ нее святыхъ иконъ Богоматери, Владимірской и Иверской, объ освященіи ея соборовъ, храмовъ и города, и о постепенномъ открытіи училищъ.

Развалины Университета.

Домъ Университета, за исключеніемъ больничнаго корпуса и другаго Пушкинскаго, стоялъ обгорѣлой развалиной среди огромнаго пожарища Москвы. Подъ грудами пепла погребено было все ученое имущество Университета. Сколько слезъ, сколько вздоховъ, сколько воспоминаній возбуждала эта живая развалина, памятникъ милый и грустный для сердца его Профессоровъ и Студентовъ! Отъ запада принявъ науку и добросовѣстно воздѣлавъ ее у себя, отъ него же принялъ Университетъ мечь и огонь, опустошившіе сокровища его образованія.

Умершіе Профессоры.

Не всѣ Члены Университета возвратились на родное пепелище. Грузиновъ, герой-профессоръ, трудился на полѣ битвы и въ лазаретахъ, нерѣдко подъ свистомъ ядеръ, помогалъ раненымъ и производилъ операціи. Усиленные труды разстроили его здоровье. 20-го Января 1813 года, въ мѣстечкѣ Барунахъ Гродненской губерніи, онъ изнемогъ и скончался отъ сильной горячки. Реннеръ послѣдовалъ за границу съ нашими войсками и потомъ, продолжая ученое служеніе въ университетахъ заграничныхъ, всегда съ любовью помнилъ о Москвѣ и Университетѣ. Страховъ, удрученный горемъ о потеряхъ Отечества и науки, усилившимъ болѣзнь его, скончался въ 1813 году 12-го Февраля, въ Нижнемъ, на рукахъ у своего племянника. Еще прежде Страхова, 7-го Ноября 1812 года, тамъ же скончался отъ горячки Рейн-

гардъ. Панкевичъ умеръ еще до вступленія непріятеля въ Москву, 14-го Августа 1812 года.

Между 25-мъ и 28-мъ Ноября, Попечитель Университета Голенищевъ-Кутузовъ возвратился въ Москву изъ Ярославля. Въ то же самое время какъ Графъ Ростопчинъ, въ исполненіе Высочайшаго Рескрипта отъ 11-го Ноября, учредилъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія особое отдѣленіе для подамія возможной ежедневной помощи безпріютнымъ чиновникамъ и разночинцамъ, — Попечитель Университета, отъ 7-го Декабря, объявилъ всѣмъ учителямъ и смотрителямъ училищъ ввѣреннаго ему округа, потерпѣвшимъ отъ непріятельскаго нашествія, чтобы они являлись къ Директорамъ своимъ для полученія заслуженнаго ими жалованья и всѣхъ возможныхъ пособій, о чемъ предписано имъ было именемъ Министра Графа Разумовскаго. Министръ, по представленію Попечителя, сдѣлалъ было предложеніе перевести Университетъ на время въ Ярославль, чтобы скорѣе можно было возстановить ученіе; но въ Декабрѣ предложено оставить Университетъ въ Москвѣ. Въ Январѣ 1813 года учреждена Временная Коммиссія по всѣмъ частямъ Университета, для управленія дѣлами учебнаго округа и приведенія въ порядокъ разстроенныхъ нашествіемъ непріятеля Университетскихъ заведеній. Предсѣдателемъ Коммиссіи былъ самъ Попечитель; членами бывшіе на лицо Профессоры: Ректоръ Геймъ, Рихтеръ, Двигубскій, Снегиревъ, Мерзляковъ и Каченовскій. Коммиссія, за неимѣніемъ приличныхъ въ Университетѣ зданій, помѣстилась въ домѣ Попечителя, близъ Покровскихъ воротъ, и открыла засѣданія свои 7-го Января.

Первыя распоряженія Начальства.

Временная Коммиссія.

Появились въ разныхъ губерніяхъ заразительныя болѣзни. Министръ предложилъ Врачебному Отдѣленію

издать для народа наставленія, какъ предохранять себя отъ нихъ самыми простыми средствами. Предписаніе было исполнено.

Попечитель предложилъ Коммисіи сдѣлать краткое начертаніе о способахъ возстановленія учебныхъ университетскихъ заведеній, разстроенныхъ или уничтоженныхъ непріятельскимъ нашествіемъ. Въ первыхъ числахъ Февраля Попечитель самъ отправился въ С.Петербургъ по дѣламъ Университета. Въ Апрѣлѣ Министръ далъ предложеніе составить при Университетѣ временный Врачебный Институтъ изъ 50-ти воспитанниковъ на 8 или на 9 лѣтъ для умноженія числа врачей на службу. Тогда же возвратилось въ Москву еще двое Профессоровъ: Заслуженный Чеботаревъ и Ординарный Мудровъ, которые начали присутствовать въ Коммиссіи. Дано предложеніе о возвращеніи изъ Нижняго-Новгорода чиновниковъ Университета, Студентовъ, учениковъ и вещей, Университету принадлежащихъ.

Первое засѣданіе Совѣта. Возвращеніе въ Москву 17-ти Профессоровъ дало возможность открыть засѣданія Совѣта, и первое происходило 11-го Іюля. 12-го Іюля напечатано было отъ имени Университета одушевленное, краснорѣчивое воззваніе къ благотворителямъ просвѣщенія, особенно же къ его питомцамъ, о пожертвованіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ теченіи года собрано болѣе 5000 книгъ. Въ первыхъ приношеніяхъ участвовали Академія Наукъ, Академія Медико-Хирургическая, Главное Правленіе училищъ, Университеты Дерптскій, Казанскій, Абовскій, Училища Харьковскаго Университета, Государственный Адмиралтейскій Департаментъ, Императорская Публичная библіотека, С.Петербургское Экономическое Общество, нѣкоторыя духовныя лица, Вице-Адмиралъ Сарычевъ, питомцы

Первыя приношенія.

Университета: Лабвинъ, Малиновскій, Габлицъ, и многіе другіе любители наукъ. Университетъ черезъ свои Вѣдомости безпрерывно выражалъ благодарность жертвователямъ. Фамилія Демидовыхъ немедленно обнаружила свое родовое призваніе благотворить просвѣщенію Отечества. Тайный Совѣтникъ Николай Никитичь Демидовъ значительнымъ пожертвованіемъ 1250 минераловъ, 1450 раковинъ, 250 разныхъ животныхъ и многихъ другихъ произведеній природы, положилъ основаніе новому Музею.[1] Физическій кабинетъ покупкою пріобрѣлъ 141 инструментъ. Минцъ-кабинетъ, съ прежними вывезенными вещами, имѣлъ въ 1814 году 4336 золотыхъ, серебряныхъ монетъ и другихъ вещей. — Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1813 года открыта была Университетская книжная лавка книгопродавцемъ Ширяевымъ на бульварѣ, между Петровкой и Дмитровкой.

Совѣтъ предложилъ открыть лекціи 17-го Августа и сдѣлалъ зависѣвшія отъ него распоряженія. Нанять для этой цѣли домъ, близь Университета, купца Заикина, за 7000 р. въ годъ. Деканами отдѣленій избраны: Этико-Политическаго Снегиревъ, Физико-Математическаго Антонскій, Врачебнаго Мудровъ, Словеснаго Каченовскій; Членами Училищнаго Комитета: Снегиревъ, Цвѣтаевъ, Мерзляковъ, Гавриловъ, Сандуновъ и Тимковскій. Въ теченіи года принято было въ Студенты 129 человѣкъ, кромѣ множества добровольныхъ слушателей, ходившихъ на лекціи съ позволенія Начальства. Открытіе лекцій.

Лекціи въ 18$\frac{13}{14}$ году были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Въ Этико-Политическомъ отдѣленіи Брянцевъ, Шлецеръ, Снегиревъ, Цвѣтаевъ, Сандуновъ читали прежніе предметы; замѣтно отсутствіе умершаго Рейнгарда и Штельцера, выбывшаго въ Дерптъ;

Адъюнктъ Смирновъ читалъ вновь Исторію и Теорію Россійскаго Законоискусства. Въ Физико-Математическомъ отдѣленіи отсутствуютъ Страховъ, Панкевичъ, Суворовъ, Андрей Чеботаревъ; Антонскій, Гофманъ, Фишеръ, Рейсъ, Мягковъ читаютъ по прежнему; Двигубскій съ каѳедры Технологіи перешелъ на каѳедру Физики; два новыхъ Адъюнкта преподаютъ Математику: Перелоговъ Чистую, Чумаковъ Прикладную. Во врачебномъ отдѣленіи Рихтеръ, Гильтебрандтъ, Мудровъ, Котельницкій, Щеголевъ, продолжаютъ прежнія науки; Адъюнктъ Данилевскій читаетъ о младенческихъ болѣзняхъ; Адъюнктъ Ризенко вновь Патологію по руководству Немирова и Общую Tерапію по Гуфеланду; Адъюнктъ Ромодановскій также вновь Діэтетику по руководству Писсиса; замѣтно отсутствіе Грузинова и съ нимъ вмѣстѣ преподаванія Анатоміи и Физіологіи. Но на эту каѳедру немедленно, въ Сентябрѣ же мѣсяцѣ, приглашенъ Мухинъ, Профессоръ даровитый и отличный хирургъ. 13-го Октября освященъ былъ Архіепископомъ Августиномъ вновь устроенный при Университетѣ Анатомическій театръ и открыто въ немъ преподаваніе словомъ Декана Мудрова: *О нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача*, и вступительною лекціею Адъюнкта Ризенко изъ Діэтетики.

Въ Словесномъ отдѣленіи Геймъ, Черепановъ, Мерзляковъ, Гавриловъ, Тимковскій, вступившій на каѳедру учителя своего Маттеи, Каченовскій, Ульрихсъ, Болдыревъ, Эвенсъ продолжали тѣ же предметы. Замѣтно отсутствіе Лектора Французскаго языка.

При началѣ лекцій объявлено черезъ Вѣдомости Студентамъ, бывшимъ на жалованьѣ, чтобы они явились въ Университетъ не позднѣе 10-го Октября, и что въ противномъ случаѣ будутъ замѣнены другими.

Университетъ не имѣлъ средствъ содержать Академическую Гимназію, которая существовала при немъ съ самаго перваго дня его открытія. По этой причинѣ должно было ее закрыть. Изъ оставшихся ея учениковъ 10 человѣкъ приняты по экзамену Студентами въ Университетъ; изъ прочихъ 40-ка нѣкоторые переведены въ Московскую Губернскую Гимназію, а другимъ неявившимся предоставлена свобода искать себѣ мѣстъ. 8-го Января 1814 года было возобновлено ученіе въ Московской Губернской Гимназіи и въ Московскомъ Уѣздномъ училищѣ; изъ приходскихъ первое открыто Вознесенское на Гороховомъ полѣ; 14-го же Апрѣля Университетскій Благородный Пансіонъ, въ наемномъ домѣ Новосильцова, на Малой Дмитровкѣ, подлѣ Страстнаго монастыря. Закрытіе Академической Гимназіи. Возобновленіе училищъ.

Въ теченіи 13-ти послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра Павловича, съ 1812 года по 19-е Ноября 1825-го, Московскій Университетъ имѣлъ трехъ Попечителей: Павла Ивановича Голенищева-Кутузова до 1817 года; Тайнаго Совѣтника Князя А. П. Оболенскаго съ 1-го Января 1817 года до Іюля 1825 года при Министрѣ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ; съ Іюля 1825 года, при Министрѣ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, Генералъ-Майора Александра Александровича Писарева, который продолжалъ служеніе свое при благословенно-царствующемъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ до 1830 года. Попечители Университета.

Обозримъ Высочайшія постановленія, касающіяся Университета, за этотъ тринадцатилѣтній періодъ времени. Указомъ 7-го Октября 1815 года подтверждено право Университетовъ, дарованное имъ уставами, производить дѣла на простой бумагѣ и повелѣно не распространять на нихъ положенія о гербовой бумагѣ, Высочайшія постановленія.

состоявшагося 11-го Февраля 1812 года. По докладу Князя Голицына, 3-го Января 1817 года, повелѣно дозволить чиновникамъ, служащимъ по учебной части, соединеніе двухъ или трехъ должностей съ ихъ окладами, въ противность тому постановленію 21-го Декабря 1815 года, которое осталось въ своей силѣ для другихъ вѣдомствъ. 26-го Января 1817 года, утвержденъ докладъ Князя Голицына касательно возобновленія прежнихъ Университетскихъ зданій, и опредѣлена для этой цѣли сумма 468,699 рублей. Въ тотъ же день опредѣлено перенести Московскую Губернскую Гимназію изъ ветхаго ея дома у Варварскихъ воротъ въ домъ у Пречистенскихъ воротъ, пріобрѣтенный покупкою у Бригадира Лопухина на городскую сумму и Всемилостивѣйше пожалованный Гимназіи. На передѣлку дома опредѣлено 145 тысячъ руб. Указомъ Правительствующему Сенату 14-го Февраля 1818 года дарованы особенныя преимущества Благородному Пансіону при Университетѣ наравнѣ съ Пансіономъ Главнаго Педагогическаго Института. Съ этого времени Пансіонъ получилъ уже бытіе, независимое отъ Университета, и выпускалъ своихъ воспитанниковъ съ правами на чины 10-го, 12-го и 14-го классовъ. При этомъ начертаны были особенныя правила, касательно испытаній въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда воспитанники выходятъ съ правомъ на класные чины. Въ 20-й день Января 1819 года Высочайше утверждено Положеніе о производствѣ въ ученыя степени. Факультеты въ этомъ положеніи раздѣлены такъ: Богословскій, Философскій, Юридическій, Медицинскій. Правила испытаній для Богословскаго факультета отнесены къ училищамъ духовнаго вѣдомства; въ правилахъ для Медицинскаго Положеніе ссылается на узаконенія Медико-Хирурги-

ческой Академіи; а потому предложены только правила для факультетовъ Юридическаго и Философскаго, съ распредѣленіемъ наукъ въ каждомъ изъ нихъ. Философскій факультетъ подраздѣленъ на два отдѣленія: Физико-Математическое и Этико-Филологическое. Магистерская степень въ испытаніи тѣмъ отличена отъ Докторской, что въ ней требуется ограниченное число наукъ факультета, по выбору испытуемаго, а въ Докторскомъ испытаніи положено полное число предметовъ всего факультета. Высочайшимъ Рескриптомъ на имя Князя Голицына, 19-го Апрѣля 1819 года, учрежденъ при Московскомъ Университетѣ Медицинскій Институтъ, на сто казенныхъ воспитанниковъ. На постройку зданій и клиническихъ заведеній, принадлежащихъ Институту, назначено 401,288 руб. Штатъ ежегодный на содержаніе Института опредѣленъ въ 75,399 рублей, и единовременная выдача на обзаведеніе въ 20,245 рублей.

28-го Декабря 1818 года предоставлены классные чины Лекторамъ и учителямъ искусствъ въ Университетахъ: первымъ 10-й классъ, а вторымъ 12-й. — Указомъ 29-го Ноября 1819 года, дозволено Университетамъ принимать въ число казенныхъ Медицинскихъ воспитанниковъ, молодыхъ людей изъ званій, податьми обязанныхъ. Ежели удостоятся они врачебнаго званія, Правительствующій Сенатъ освобождаетъ ихъ изъ подушнаго оклада по представленіямъ Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія; если же не окажутъ успѣховъ, то остаются въ прежнихъ званіяхъ. 27-го Іюня 1821 года, Высочайше повелѣно предоставлять имущество чиновниковъ, скончавшихся безъ наслѣдниковъ, тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ они находились. Высочайшимъ повелѣніемъ 9-го Іюля 1822 года присвоенъ Студентамъ Университетовъ, по окончаніи наукъ, 12-й классъ, а Кан-

дидатамъ 10-й, при вступленіи ихъ въ гражданскую службу.

Дѣйствія Министерства.

Отъ Высочайшихъ постановленій перейдемъ къ дѣйствіямъ Министерства. Графъ Разумовскій, 14-го Февраля 1816 года, подписалъ положеніе о наградахъ для благотворителей училищъ. Этимъ положеніемъ постановлено изображать на мраморныхъ doскахъ золотыми буквами имена благотворителей и выставлять ихъ въ залахъ училищъ. Расчислены награды по значительности пожертвованій. При Министрѣ Князѣ Голицынѣ, въ засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ 30-го Января 1819 года, опредѣлено по всѣмъ Университетамъ учредить каѳедры Богословія съ тою цѣлію, чтобы всякому образованному преподать начала истиннаго Богопознанія и Христіанскаго ученія, необходимыя въ жизни.—Постановленіемъ 29-го Января 1820 года Главное Правленіе Училищъ опредѣлило: поставить всѣмъ Университетамъ на видъ правило Дерптскаго Университета не опредѣлять Профессоромъ не имѣющаго Докторской степени, Адъюнктомъ не имѣющаго Магистерской, кромѣ Россіянъ и иностранцевъ, опредѣляемыхъ по особой извѣстности въ ученомъ свѣтѣ.—17-го Января 1822 г., Министръ счелъ за нужное еще разъ, черезъ Комитетъ Министровъ, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на то, чтобы гербовая бумага устранена была при производствѣ дѣлъ Университетскихъ. — По предписанію Министра отъ 13-го Декабря 1822 года, воспитанники Университета, казеннокоштные и своекоштные, при отправленіи въ чужіе краи для усовершенствованія въ наукахъ, обязаны подпискою прослужить шесть лѣтъ Университету.

Монаршія щедроты.

Щедротами Монарха скоро вознаграждены были потери, понесенныя Университетомъ въ непріятель-

ское нашествіе. Рескриптомъ 8-го Февраля 1819 года на имя Князя А. Н. Голицына пріобрѣтенъ у Лейбъ-Медика Лодера Анатомическій кабинетъ за 125 тысячъ руб. и пожалованъ Университету. Двадцать пять тысячъ повелѣно выдать тогда же, а уплату остальныхъ разсрочить на пять лѣтъ безъ процентовъ. Въ томъ же Рескриптѣ Высочайшимъ благоволеніемъ награжденъ вызовъ Лодера безмездно читать Анатомію Студентамъ Университета. Тогда же разрѣшено пріобрѣсти покупкою Библіотеку Баварскаго ученаго, Барона Молля, состоявшую изъ 20,000 томовъ, собраніе минераловъ его же изъ 5000 слишкомъ штуфовъ и болѣе 6000 растеній. Рескриптомъ 9-го Февраля 1818 года повелѣно къ штатной суммѣ, отпускаемой на Университетъ, 130,000 рубл., отпускать еще по пяти тысячь рублей въ годъ, въ пособіе трудамъ Общества Испытателей Природы.—Отъ постройки зданій Университетскихъ, заботами Попечителя Князя А. П. Оболенскаго, сбережено было 83,525 рублей: по представленію Попечителя и ходатайству Министра Высочайше разрѣшено употребить эту сумму, съ дополненіемъ 21,314 р. изъ экономической, для построенія Университетской аптеки и при ней Химической Лабораторіи. — Рескриптомъ 12-го Апрѣля 1821 года на имя Кн. Голицына разрѣшено построить новый каменный корпусъ для Типографіи Университета и употребить на то 228,419 рублей изъ экономической типографской суммы.

Въ 1821 году Департаментъ Народнаго Просвѣщенія на счетъ своихъ экономическихъ суммъ купилъ нѣсколько астрономическихъ инструментовъ, цѣною на 3000 рублей, и предоставилъ ихъ Московскому Университету. — Въ 1823 году Министръ разрѣшилъ пріобрѣсти покупкою изъ хозяйственныхъ суммъ Минеральный кабинетъ Лейбъ-Медика Либошица, со-

держащій около 4000 штукъ, за 24,000 р. и купить 12,000 сухихъ растеній за 7,200 рублей, съ уплатою суммы изъ доходовъ Университетской типографіи.

Посѣщеніе Императора.

18-го Авг. 1816 г., Императоръ Александръ Павловичь вторично оживилъ Университетъ Своимъ присутствіемъ. Тогда же въ мысли Государя рѣшено было возобновленіе зданій Университетскихъ. Назначеніе новаго Попечителя-хозяина въ лицѣ Князя А. П. Оболенскаго соотвѣтствовало этой мысли. Бодро и дѣятельно принялся онъ за дѣло. Въ полтора года совершилось строеніе, и Университетъ, шесть лѣтъ праздновавшій торжества свои въ чужомъ домѣ, 4-го Іюля 1819 г., уже могъ пригласить посѣтителей къ себѣ, и Мерзляковъ вдохновенными стихами воспѣлъ наружное обновленіе Университета. — Въ 1820 году, верхній храмъ церкви Св. Великомученика Георгія, поступившій въ вѣдомство и содержаніе Университета, былъ вновь отстроенъ, благолѣпно украшенъ и въ первый день учебнаго года освященъ во имя Св. Татіаны, какъ и разрушенный пожаромъ храмъ, въ воспоминаніе дня основанія Университета.—Зданія Медицинскаго Института съ отдѣленіями клиническимъ, хирургическимъ, акушерскимъ, больницами казенныхъ студентовъ и воспитанниковъ Института, были отстроены и освящены 25-го Сентября 1820 года. Лейбъ-Медикъ Рихтеръ произнесъ тогда Латинскую рѣчь: *О началѣ и успѣхахъ Повивальнаго искусства*; Директоръ Клиническаго Института Мудровъ Русское слово: *О способѣ учить и учиться Медицинѣ практической, или дѣятельному врачебному искусству при постеляхъ больныхъ*. Университетъ, желая изъявить признательность Министру и Попечителю за неусыпныя ихъ заботы о пользахъ науки, украсилъ большую аудиторію новопостроеннаго Института портретомъ Князя

Возобновленіе зданій.

Голицына, а Князю Андрею Петровичу поднесъ диипломъ на званіе Почетнаго Члена.

Учебныя пособія. Библіотека.

Обозримъ учебныя пособія Университета въ постепенномъ ихъ возрастаніи до конца царствованія Императора Александра Павловича. Въ Библіотекѣ число книгъ возрасло до 30,000 томовъ. Упомянемъ о главныхъ пожертвованіяхъ. Государь Императоръ украшалъ библіотеку Своими дарами. Въ 1817 году, изъ Кабинета Его Величества получено 1058 книгъ. По повелѣнію же Императора, Библіотека получила прекрасныя анатомическія изображенія, дѣланныя въ Вѣнѣ съ восковыхъ препаратовъ, и Италіянскій переводъ Исторіи Карамзина. Академія Наукъ, вскорѣ по возобновленіи, прислала 2766 книгъ; Медико-Хирургической Академіи С.Петербургское отдѣленіе 1507, Московское 418; Дерптскій Университетъ 77, Казанскій 99, Абовскій 60, Харьковскій 510, его Училища 125, Митавская Гимназія 123, С.Петербургское Экономическое Общество 121, Директоръ Лифляндскихъ училищъ Албанусъ 123, Докторъ Беренсъ 200, неизвѣстная особа изъ Риги черезъ купца Селивановскаго 417, Профессоръ Шлецеръ 472, Гофмейстеръ Григорій Александровичь Демидовъ 410, Д. Ст. Сов. Ѳедоръ Ивановичь Янковичь де Миріево 385 кн. и 33 географическія карты, Профессоръ Харьковскаго Университета Роммель 218, Кол. Сов. Эверсъ 171, Докторъ Философіи Хлапонинъ 194, Московскій купецъ Грачевъ 3947 книгъ Медицинскихъ, Сенаторъ Политковскій 202, Титулярный Совѣтникъ Пахорскій 111, купецъ Зимняковъ, и проч. Покупкою въ 1818 г. у Барона Молля 20,000 томовъ, которые, впрочемъ, онъ доставилъ не всѣ вдругъ, а присылалъ постепенно, умножена была значительно наша библіотека. Въ 1822 году поступили завѣщанныя умершимъ въ

1821 году Профессоромъ Геймомъ 2000 книгъ. Въ 1823 году Университетъ купилъ книгъ и журналовъ на 5000 рублей. Кромѣ того, ежегодно пріобрѣталось книгъ на штатную сумму (1000 р.). Библіотекаремъ былъ Профессоръ Рейсъ, оказавшій Университету незабвенную услугу составленіемъ каталога Библіотеки. Четыре года трудился неутомимо Профессоръ надъ этимъ дѣломъ и совершилъ его превосходно, къ чести и славѣ своей, и ко всегдашней пользѣ Университета. Книги поставлены были имъ въ шкафахъ по логической системѣ и внесены въ два реэстра: азбучной и систематической. По азбучному реэстру можно узнать, какія книги и какія сочиненія извѣстнаго автора находятся въ библіотекѣ; по систематическому реэстру, распредѣленному на 10 отдѣленій, можно видѣть, какія книги есть въ библіотекѣ для каждой науки и для каждаго ея отдѣленія. Реэстры и особенный способъ нумерацій имѣютъ ту выгоду, что всякая вновь поступающая книга удобно можетъ быть внесена въ нихъ. Практическая польза этого каталога доказывается тѣмъ, что каждая книга въ нѣсколько секундъ отъискивается прислужниками Библіотеки. Рейсъ трудомъ своимъ заслужилъ истинную признательность Московскаго Университета, и желательно бы было, чтобы портретъ его или бюстъ, въ знакъ этой признательности, украсилъ нашу библіотеку.

Каталогъ Рейса.

Музей.

Мы уже видѣли, что начало новому Музею положено было весьма немногими вещами, спасенными отъ Московскаго пожара, и значительнымъ пожертвованіемъ Николая Никитича Демидова. Въ 1814 году считалось уже 6000 штукъ на лицо. Главными виновниками умноженія Музея были члены Общества Испытателей Природы и особенно Вицепрезидентъ его и Директоръ Музея, Г. И. Фишеръ. Прослѣдимъ

же возрастаніе его по тремъ царствамъ природы. Отъ прежняго зоологическаго уцѣлѣли только два собранія: раковинъ и полиповъ, вывезенныя въ 1812 г. изъ Москвы. Оба подарены были П. Г. Демидовымъ. Наиболѣе участвовалъ въ обогащеніи Зоологическаго музея членъ Общества Испытателей Природы, путешествовавшій на его иждивеніи, Фрейрейсъ. Наибольшее число млекопитающихъ, птицъ, насѣкомыхъ, особенно Бразильскихъ, доставлено было имъ. Другой членъ Общества Лажаръ принесъ въ даръ музею 109 рыбъ и раковъ. Многочисленное собраніе насѣкомыхъ было пожертвовано Ст. Сов. Хр. Хр. Стевеномъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ 12,000 руб.—суммы, въ какую было оно оцѣнено — 600 руб. процентныхъ денегъ ежегодно выдавались двумъ студентамъ, наиболѣе успѣвающимъ въ Зоологіи и Ботаникѣ. Академія Наукъ прислала въ подарокъ огромный остовъ слона, одно изъ украшеній нашего музея. Кромѣ того, въ приношеніяхъ участвовали Графъ А. К. Разумовскій (подарившій собраніе Европейскихъ насѣкомыхъ), Статскій Совѣтникъ Аделунгъ, Академикъ Пандеръ, Аистовъ (подарившій собраніе насѣкомыхъ около Иркутска), Профессоры Фишеръ и Двигубскій, Тобольской Гражданскій Губернаторъ А. М. Тургеневъ, купеческія дѣти В. С. и П. С. Алексѣевы, пріобрѣтшіе для общества собраніе насѣкомыхъ и растеній, составленное Профессоромъ Адамсомъ во время путешествія по разнымъ мѣстамъ Россіи, и многіе другіе члены Общества. Часть зоологическаго музея была также пріобрѣтена покупкою.

Ботаническое собраніе при Университетѣ составилось изъ трехъ отдѣльныхъ гербаріумовъ. Первый, купленный Университетомъ у покойнаго Профессора Ботаники Гофмана, съ печатнымъ каталогомъ на Латинскомъ языкѣ, состоялъ изъ двухъ частей. Въ

первую изъ нихъ вошелъ гербаріумъ знаменитаго ботаника Эргарта, ученика и друга Линнеева, который составилъ большую часть его въ Упсалѣ, подъ руководствомъ самого Линнея; значительное число растеній получилъ онъ отъ лучшихъ ботаниковъ своего времени. Собраніе составлялось съ 1775 года по 1794. Вторая часть гербаріума замѣчательна по количеству растеній и по мѣстамъ, гдѣ они собраны. Число породъ, заключающихся въ немъ, простирается до 9000. Здѣсь много было растеній, дико растущихъ, полученныхъ отъ тѣхъ, которые ихъ собирали на мѣстѣ: Сибирскихъ отъ Палласа, Кавказскихъ, Таврическихъ и Грузинскихъ отъ Биберштейна, Стевена и Адамса, Капскихъ отъ Тунберга, Венгерскихъ отъ Китайбеля, Италіянскихъ, Швейцарскихъ и Австрійскихъ отъ Сибера, Поллиха и другихъ, Американскихъ отъ Шварца и проч. Много также растеній Донскихъ, Волжскихъ, Германскихъ и Лапландскихъ. Изъ садовыхъ наиболѣе собраны въ Эрлангенскомъ, Горенскомъ и Московскомъ садахъ. Въ обѣихъ частяхъ Гофманскаго гербаріума содержалось 17,000 растеній. — Второй гербаріумъ купленъ былъ у Барона Молля и заключалъ въ себѣ 3000 видовъ.—Третій гербаріумъ состоялъ изъ Московской флоры, собранной въ 1824 и 1825 гг. Кандидатомъ Максимовичемъ, посыланнымъ въ лѣтніе мѣсяцы для изслѣдованій Московской губерніи: онъ содержалъ въ себѣ болѣе 800 растеній.— Кромѣ того Алексѣевы пріобрѣли для Общества собраніе растеній, принадлежавшее покойному Адъюнкту Гольдбаху, и Адамсово, о которомъ было упомянуто; г. Спасскій пожертвовалъ 200 сухихъ растеній, Фрейрейсъ 1000, г. Рифтекъ 144.

Для живаго изученія Ботаники воспитывалось, въ 1825 и 1826 годахъ, въ Ботаническомъ саду 2500 растеній, изъ которыхъ самыя рѣдкія пріобрѣтены

были покупкою изъ Горенскаго сада. Прекраснымъ же собраніемъ амариллловъ Университетъ былъ обязанъ благоволенію Императрицы Маріи Θеодоровны.

Минералогическій кабинетъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ собраній, составленныхъ съ различною цѣлію: 1) систематическое собраніе ископаемыхъ, 2) собранія топографическія и 3) собраніе драгоцѣнныхъ камней. Самые рѣдкіе штуфы перваго систематическаго собранія были увезены изъ Москвы въ 1812 году и такимъ образомъ спасены отъ пожара. Изъ нихъ самыя рѣдкія вещи подарены были еще до непріятеля П. Г. Демидовымъ и Княгинею Е. Р. Дашкавою. Подарили послѣ непріятеля: Д. Ст. Сов. Θ. И. Янковичь де-Миріево 598 минераловъ, Д. Ст. Сов. Трескинъ 187, купеческій сынъ Часовниковъ 750 иностранныхъ штуфовъ, Членъ Общества Моръ 440 штуфовъ, Венгерскій Профессоръ Ципсеръ 200. Университетъ пріобрѣлъ покупкою сначала 600 Русскихъ минераловъ, потомъ у Барона Молля до 5000, у извѣстнаго Минералога Фрейслебена отличное собраніе, у Лейбъ-Медика Либошица минеральный кабинетъ за 24,000 рублей, съ уплатою по частямъ въ 4 года изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Тобольскій Гражданскій Губернаторъ А. М. Тургеневъ присылалъ минералы изъ Сибири.—Топографическія собранія содержали въ себѣ минералы Московской губерніи, Сибирскія, особенно изъ окрестностей Міяска, Екатеринбурга и Перми. Собраніе минераловъ Московской губерніи составлено было трудами Директора и Членовъ Общества Испытателей Природы, особенно во время ихъ ученаго путешествія по Московской губерніи. Сибирскія собраны были Тетюевымъ, Шленовымъ и Вагнеромъ, въ главныхъ рудникахъ и каменоломняхъ Сибири. Изъ нихъ весьма важно было собраніе ископаемыхъ Пермской

губерніи Вагнера, пожертвованное братьями Алексѣевыми. Тетюевъ и Шленовъ подарили также собранія Пермское и Міяское; Камергеръ Бехтѣевъ собраніе минераловъ Шлакенвальдскихъ. — Драгоцѣнные камни, пожертвованные П. Г. Демидовымъ, спасены были въ 1812 году. Здѣсь особенно отличались изумрудъ значительной величины и чистой воды, и единственный кусокъ весьма рѣдкаго малиноваго шерла, остатокъ, уцѣлѣвшій отъ пожертвованій Князя Урусова. — Въ собраніи искусственно обдѣланныхъ ископаемыхъ замѣчательны были янтарный мозаикъ, изъ бѣлаго и краснаго янтаря, изображающій храмъ, и сирена, которой туловище состояло изъ натуральной, необдѣланной жемчужины.

Въ музеѣ хранились также нѣкоторыя Сибирскія древности: между ними замѣчательны были два Монгольскихъ идола, Ямантага и Вишну.

Кабинеты — Физическій и Астрономическій.

Физическій и Астрономическій кабинеты въ 1826 году имѣли 272 снаряда, пріобрѣтенныхъ по большей части покупкою. 57 снарядовъ и сверхъ того снаряды электромагнитные были заказаны въ Парижѣ. Кабинетомъ завѣдывали Профессоры Двигубскій и Перевощиковъ. — Кабинетъ Анатомическій, въ 1826 году содержавшій въ себѣ до 5000 препаратовъ, и пріобрѣтенный отъ Лейбъ-Медика Лодера, возъимѣлъ начало свое еще въ 1750 году. Лодеръ увеличивалъ его въ теченіи почти 40 лѣтъ: онъ самъ приготовлялъ для того препараты и пріобрѣлъ покупкою пять собраній: Леката и Давида въ Руанѣ, Готгарда въ Бамбергѣ, Вагнера въ Брауншвейгѣ и Врисберга въ Геттингенѣ. Императоръ Александръ благоволилъ купить кабинетъ у Лодера, и пожаловалъ его Университету, предоставивъ прежнему владѣльцу пользоваться имъ, какъ при издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ, такъ и при анатомическихъ

Анатомическій кабинетъ Лодера.

лекціяхъ, которыя Лодеръ вызвался преподавать добровольно и безъ всякой платы Студентамъ Университета. Съ 1819 года кабинетъ увеличенъ былъ присоединеніемъ 398 препаратовъ, приготовленныхъ Прозекторомъ Гумбургомъ, и 280 микроскопическихъ препаратовъ, знаменитаго Либеркюна, подаренныхъ Университету Докторомъ Круберомъ, и наконецъ 74 микроскопическихъ препаратовъ ученаго Прохаски, подаренныхъ Университету Лодеромъ. Чтобы кабинетъ приносилъ болѣе пользы Студентамъ, Лодеръ означилъ части весьма многихъ препаратовъ, относящихся особенно до костей, связокъ, кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ, приклеенными номерами, прибавивъ къ нимъ весьма подробное описаніе; также самъ описалъ рисунки, представляющіе въ увеличенномъ размѣрѣ кровеносные сосуды, нервы и другія части человѣческаго тѣла, по малости своей неудобныя для изъясненія на лекціяхъ. Эйнбродтъ, ученикъ Лодера, продолжалъ его трудъ. Анатомическіе препараты отличались по времени совершенствомъ приготовленія. Между патологическими находилось много чрезвычайно рѣдкихъ, а собраніе болѣзненныхъ костей было самое большое изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ и самое замѣчательное для знатоковъ. Кабинетъ дѣлился на большой, находившійся въ двухъ залахъ большаго Университетскаго строенія, и малый, помѣщенный въ комнатѣ, примыкавшей къ анатомическому амфитеатру, открытому въ 1820 году 4-го Октября лекціею Лодера. Малый назначенъ былъ собственно для лекцій. Лодеръ снабдилъ кабинетъ особеннымъ печатнымъ спискомъ, на Латинскомъ языкѣ; Эйнбродтъ перевелъ его на Русскій языкъ.

Химическій кабинетъ, которымъ завѣдывали Профессоръ Рейсъ и Адъюнктъ его Гейманъ, состоялъ Кабинеты: Химическій,

Аптекарскій и Технологическій.

изъ пяти отдѣленій: первое содержало въ себѣ около 1000 простыхъ и сложныхъ веществъ, составляющихъ главный предметъ Химіи; второе изъ 339 естественныхъ тѣлъ, взятыхъ изъ трехъ царствъ природы: здѣсь собраны были преимущественно такія вещества, которыя употребляются въ Медицинѣ и художествахъ; третье отдѣленіе заключало въ себѣ главныя противодѣйствующія средства и снаряды, необходимые для химическаго разложенія тѣлъ; четвертое два собранія различныхъ формъ кристалловъ, сдѣланныхъ искуснѣйшимъ образомъ изъ воска знаменитымъ Академикомъ Товіемъ Ловицомъ: одно имѣло 288, другое 300 формъ кристалловъ; наконецъ пятое отдѣленіе вмѣщало въ себѣ до 500 химическихъ инструментовъ и снарядовъ. Въ умноженіи этого кабинета участвовали Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи и Аптекарь Шульцъ, подарившій 360 моделей хрусталей. Химическая лабораторія помѣщалась въ домѣ Университетской Аптеки, которая выстроена была Попечителемъ Княземъ А. П. Оболенскимъ на сумму, сбереженную отъ строенія зданій Университетскихъ. Аптекою управлялъ Провизоръ Ферстеръ. Въ ней читались Фармацевтическія лекціи. Медицинскіе Студенты понедѣльно дежурили въ Аптекѣ и занимались фармацевтическою практикой. — Кабинетъ Врачебнаго Веществословія, составленный и подаренный Аптекаремъ Берсомъ, состоялъ изъ 418 простыхъ врачебныхъ веществъ самыхъ употребительныхъ. Имъ завѣдывалъ Проф. Котельницкій.—Кабинетъ технологическій, подъ вѣдѣніемъ Профессора Денисова, раздѣлялся на два отдѣленія: въ одномъ находились вещества, относящіяся къ заводамъ; въ другомъ относящіяся къ фабрикамъ. Всѣхъ же веществъ считалось въ немъ 220.—Минцъ-кабинетъ, подъ вѣдѣніемъ Профессора Гаврилова, состоялъ изъ 3731 монетъ и меда-

лей: въ томъ числѣ золотыхъ было 382, серебряныхъ 2844, мѣдныхъ 498. Императоръ Александръ пожаловалъ 68 золотниковъ серебряныхъ монетъ Царя Михаила Θеодоровича. Въ приношеніяхъ для кабинета участвовали Коллежскій Совѣтникъ Гурьевъ, Кандидатъ Воскресенскій, Коллежскій Регистраторъ Лялиновъ, Надворный Совѣтникъ Головинъ, Г. Зиновьевъ, крестьянинъ Самаринъ, Коллежскій Ассессоръ Чернявскій, Коллежскій Совѣтникъ Тургеневъ, Графъ Θ. А. Толстой, подарившій оловянные отливки 280 медалей, Князь А. Е. Шаховской, Студентъ Матвѣевъ.

Учебная больница.

Университетская учебная больница устроена была на 50 человѣкъ: изъ нихъ 20 помѣщалось на штатномъ содержаніи, 20 на Университетскомъ и 10 на собственномъ. Въ составъ больницы входили: Клиническій Институтъ для внутреннихъ болѣзней на 32 человѣка, подъ руководствомъ Профессора Мудрова; Хирургическій Институтъ на 12 человѣкъ, подъ руководствомъ Профессора Гильтебрандта и Адъюнкта Альфонскаго; Акушерскій Институтъ на 6 родильницъ, а по нуждѣ и вдвое, подъ вѣдѣніемъ Профессора Ризенко и Ад. Рихтера. При двухъ послѣднихъ институтахъ находилось два собранія инструментовъ: хирургическое и акушерское.

Библіотеки для Студентовъ.

Въ 182$\frac{0}{1}$ году Совѣтъ учредилъ, собственно для Студентовъ, двѣ библіотеки: одну для Медиковъ, другую для Студентовъ всѣхъ трехъ отдѣленій. Члены Совѣта: Ректоръ Антонскій, Профессоры Геймъ, Двигубскій, Мухинъ, Цвѣтаевъ, Мерзляковъ и Каченовскій, первые, участвовали въ учрежденіи сихъ библіотекъ своими приношеніями. Другіе Професоры послѣдовали примѣру первыхъ учредителей и продолжали снаб-

жать библіотеки книгами. Генералъ отъ Инфантеріи А. С. Кологривовъ пожертвовалъ сумму на ихъ умноженіе.

Приношенія.

Кромѣ приношеній, которыми умножались учебныя пособія Университета, были еще приношенія и другаго рода. Общество Любителей Россійской Словесности въ 1821 году внесло въ Сохранную казну Московскаго Воспитательнаго Дома 5000 р. на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы воспитывался Студентъ отличнѣйшій по Русской Словесности. Въ 1824 году, неизвѣстныя особы чрезъ посредство Титулярнаго Совѣтника Васильева внесли въ туже казну 8000 р. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ содержимы были два Студента изъ Губерній Малороссійскихъ.

Въ 1824 году, Коллежскій Совѣтникъ Я. Е. Арсеньевъ подарилъ мозаической образъ Господа Саваоѳа работы безсмертнаго Ломоносова. Эта икона украшаетъ торжественную залу Университета. Коллежскій Совѣтникъ Геннигъ пожертвовалъ (въ 1815 г.) 560 портретовъ Естествоиспытателей и врачей. Бывшій Кураторъ Университета Князь Ѳ. Н. Голицынъ (въ 1825 г.) подарилъ портретъ Основательницы Университета Императрицы Елисаветы Петровны въ золотой рамѣ: онъ также украшаетъ нашу торжественную залу. Университетъ, еще въ 1822 году, украсилъ мѣсто своихъ публичныхъ собраній портретами двухъ Императрицъ, Елисаветы и Екатерины, и портретомъ перваго своего Куратора и учредителя Шувалова, и въ исполненіе Правилъ, начертанныхъ Министромъ Гр. Разумовскимъ

Имена благотворителей Университета.

о наградахъ благотворителямъ училищъ, начерталъ на двухъ доскахъ золотыми буквами, для всегдашней памяти, имена Благотворителей Университета, какъ

тѣхъ, которые жертвовали ему отъ избытковъ своихъ съ начала его учрежденія, такъ и тѣхъ, которые ему благотворили по его преобразованіи.

Здѣсь, на одной доскѣ, въ числѣ первыхъ записаны: Прокопій, Григорій и Никита Акинѳіевичи Демидовы, Прокопій Акинѳіевичь, особенно; далѣе Коллежскій Ассессоръ Яковъ Борисовичь Твердышевъ; Грузинскій Царевичь Генералъ-Аншефъ Георгій Вахтанговичь; Генералъ-Лейтенантъ Григорій Александровичь Строгановъ; Оберъ-Егермейстеръ Петръ Спиридоновичь Сумароковъ; Игуменъ Проѳирій Симонтовскій, положившій въ Воспитательный домъ 4000 р.; Сенаторъ Михаилъ Григорьевичь Собакинъ; Д. С. С. Матвѣй Никифоровичь Соколовскій, внесшій въ В. Домъ 2000 р.; Надворный Совѣтникъ Борисъ Михаиловичь Салтыковъ. На другой доскѣ записаны: П. Г. Демидовъ, Князь А. А. Урусовъ, Статсъ-Дама Княгиня Е. Р. Дашкава, Ст. Сов. А. С. Оленина, Московскій 1-й гильдіи купецъ Грачевъ, Камергеръ Всев. А. Всеволожскій, Н. Н. Демидовъ, И. И. Круберъ, Общество Любителей Россійской Словесности, неизвѣстный, пожертвовавшій 8000 р., и Хр. Хр. Стевенъ.

Обозримъ преподаваніе наукъ и перемѣны, происшедшія въ Профессорахъ за послѣднее тринадцатилѣтіе царствованія Императора Александра, съ 1814 по Іюнь 1826 года. Преподаваніе (1814—1826).

Въ Этико-Политическомъ Отдѣленіи Брянцевъ продолжалъ преподаваніе Философіи со всѣми ея частями по тогдашнему раздѣленію: Теоретическою и Нравственною, Психологіею и Логикою, руководствуясь Снеллемъ и Матерномъ Рейсомъ: въ началѣ 1821 года Брянцевъ кончилъ свое земное поприще. Шлецеръ преподавалъ Политическую Экономію, Естественное право и Дипломатику, по своимъ книгамъ, по 182[illegible]

годъ — и въ этомъ году выбылъ изъ Университета за границу, съ титломъ Заслуженнаго Профессора и съ полнымъ пенсіономъ; Снегиревъ до $181\frac{7}{8}$ года читалъ Церковную Исторію Новаго Завѣта по Фатеровымъ синхронистическимъ таблицамъ и Исторію философіи по Дежерандо; съ $181\frac{7}{8}$ года Исторію права Естественнаго и Народнаго по Снеллю, Клейну и Цейлеру, до смерти своей, послѣдовавшей въ половинѣ 1820 года; Цвѣтаевъ и Сандуновъ постоянно занимали свои каѳедры: Цвѣтаевъ читалъ Римское право, по Вальдеку, сравнительно съ законами Египтянъ, Евреевъ и Грековъ, Германцевъ, Англичанъ, Пруссовъ и Французовъ; Сандуновъ практическое Россійское законоискусство; Смирновъ (Адъюнктъ) дополнялъ преподаваніе Сандунова теоретическимъ и историческимъ изложеніемъ того же предмета, прибавляя иногда о порядкѣ судопроизводства въ губерніяхъ и областяхъ, на особенныхъ правахъ состоящихъ. Съ $181\frac{7}{8}$ года въ этомъ Отдѣленіи началъ свое поприще Адъюнктъ Давыдовъ преподаваніемъ Логики и Нравственности по руководству Снелля и Буле, далѣе присоединилъ обозрѣніе Исторіи Философіи по тому же руководству и упражненія слушателей въ разсужденіяхъ о предметахъ нравственныхъ, въ философскихъ сочиненіяхъ или въ разборѣ оныхъ; но съ $182\frac{0}{1}$ года, по смерти наставника своего Тимковскаго, въ званіи Экстраординарнаго Профессора занялъ каѳедру Римской Словесности. Въ $18\frac{19}{20}$ г. исполнилась мысль Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князя А. Н. Голицына и введена особенная каѳедра Богословія въ Русскихъ Университетахъ; эта каѳедра присоединена была къ Этико-Политическому Отдѣленію: первый занялъ ее у насъ Священникъ Григорій Левитскій, и началъ преподаваніе Священной и Церковной Исторіи по руководству Преосвященнаго

Филарета; далѣе преподавалъ Богословіе Догматическое по руководству Преосвященнаго Иринея Фалковскаго и Нравственное Богословіе по руководству славнаго Нѣмецкаго Богослова Шуберта; съ $182\frac{4}{5}$ г. Левитскаго замѣнилъ Архимандритъ Иннокентій Платоновъ и преподавалъ Догматическое и Нравственное Богословіе по руководству Епископа Ѳеофилакта Горскаго, а Церковную Исторію по книгамъ Преосвященнаго Филарета и Иннокентія. Съ $18\frac{19}{20}$ года присоединенъ къ отдѣленію Адъюнктъ Маловъ, которому поручено преподаваніе Частнаго гражданскаго права, съ примѣненіемъ къ Россійскимъ законамъ, и Уголовнаго, также Теоріи Россійскихъ правъ: въ общихъ началахъ Теоріи Адъюнктъ слѣдовалъ книгамъ своего Профессора Цвѣтаева. Когда Адъюнктъ Давыдовъ перешелъ на каѳедру Римской Словесности, Адъюнктъ Любимовъ занялъ его предметы и читалъ Логику по Кизеветтеру и начала Нравственной Философіи по системѣ наставника своего Профессора Рейнгарда, въ теченіи двухъ лѣтъ ($182\frac{0}{1}$ и $182\frac{1}{2}$). Э. О. Профессоръ Василевскій, въ $182\frac{2}{3}$ году, началъ преподаваніе Политическаго права по руководству Бурламаки; далѣе читалъ Народное Право по Ахенвалю, съ изложеніемъ политическихъ отношеній между новѣйшими Европейскими государствами по Шёлю.

Въ Отдѣленіи Физико-Математическомъ Антонскій по прежнему читалъ Зоологію, Ботанику, Минералогію, примѣняя всѣ эти науки къ главнымъ понятіямъ о Сельскомъ Домоводствѣ и заключилъ преподаваніе свое $181\frac{7}{8}$ годомъ, достигнувъ званія Заслуженнаго Профессора; Гофманнъ преподавалъ Ботанику и Фармакологію на Латинскомъ языкѣ; Фишеръ на томъ же языкѣ, иногда же на Французскомъ или Нѣмецкомъ, Зоологію и Минералогію по своимъ таблицамъ и руководствамъ, съ показаніемъ употребленія естествен-

ныхъ тѣлъ въ Медицинѣ, Технологіи и Экономіи; преимущественно сосредоточивался онъ въ Зоогнозіи и Ориктогнозіи и присоединялъ иногда специальные курсы объ отдѣльныхъ классахъ животныхъ. Рейссъ всеобщую Химію примѣнялъ къ практической пользѣ врачей, по временамъ объяснялъ сочиненія Цельса о Медицинѣ; Двигубскій въ теченіи всего времени читалъ Физику по книгѣ, имъ изданной; Перелоговъ, отъ Англійскаго языка перешедъ къ преподаванію Чистой Математики, читалъ Алгебру, Тригонометрію, Приложенія Алгебры къ Ариѳметикѣ, Геометріи и Тригонометріи, Диѳференціальныя и Интегральныя исчисленія по Безу, а потомъ сей послѣдній предметъ по Бушарлà, и въ 1825 году, заключивъ двадцатипятилѣтнее служеніе, уволенъ съ пенсіею; Мягковъ продолжалъ чтеніе всѣхъ Военныхъ наукъ по Бусмару, Сенполю, Шелю, Беллавеню, Дюверну, по Артиллеріи, изданной Артиллерійскимъ Комитетомъ въ С. Петербургѣ, и по своей книгѣ; Чумаковъ читалъ Механику съ ея частями, позднѣе уже по своему руководству, Оптику же съ ея частями по Лакалю, а потомъ по своей книгѣ, Астрономію съ приложеніемъ ея къ Геодезіи, Навигаціи и Гномоникѣ по руководству Боде и Гамалея. Съ $181\frac{4}{5}$ года Денисовъ началъ преподаваніе Технологіи по книгѣ, имъ изданной; въ $181\frac{8}{9}$ присоединилъ къ Технологіи Сельское Домоводство по руководству Профессора Кукольника и читалъ до $182\frac{1}{2}$ года. Въ $181\frac{4}{5}$ году Магистръ Аѳанасьевъ преподавалъ, только одинъ годъ, Алгебру, Геометрію и Тригонометрію и объявилъ тогда совершенно новое руководство Франкёра. Адъюнктъ Тростинъ читалъ Ариѳметику и Геометрію по Безу съ $181\frac{6}{7}$ года по конецъ $181\frac{8}{9}$ г. Съ $181\frac{7}{8}$ года началъ лекціи Естественной Исторіи и Физики Левъ Гольдбахъ; но съ $18\frac{19}{20}$ года онъ перешелъ во врачебное отдѣленіе. Въ томъ же $181\frac{7}{8}$

году открылъ свое преподаваніе Щепкинъ съ Алгебры, Тригонометріи и Приложенія Алгебры къ Геометріи, сначала по книгѣ Чумакова, потомъ по Франкёру, и продолжалъ непрерывно чтеніе высшихъ частей Математики. Перевощиковъ открылъ каѳедру свою съ 18$\frac{19}{20}$ года чтеніемъ Алгебры и Трансцендентальной Геометріи по Франкеру, съ дополненіями изъ Лакруа; высшія части Чистой Математики онъ читалъ до 182$\frac{4}{5}$ года, а съ этого времени перешелъ къ преподаванію Астрономіи. Съ 182$\frac{1}{2}$ года Павловъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, началъ преподаваніе Минералогіи, по Берцеллію и Фишеру, и Сельскаго Хозяйства по собственнымъ запискамъ, обработаннымъ по началамъ Теэра и Траутмана, съ принорововленіемъ къ Россіи. Въ 182$\frac{5}{6}$ году Магистру Коцаурову поручено было чтеніе Алгебры и Геометріи по Франкеру.

Во Врачебномъ Отдѣленіи Рихтеръ продолжалъ преподаваніе Повивальнаго искусства до 181$\frac{8}{9}$ года — и тогда, съ званіемъ Заслуженнаго Профессора, оставилъ Университетъ. Гильтебрандтъ постоянно занималъ каѳедру Хирургіи и читалъ ее по книгѣ, имъ изданной. Мухинъ открылъ каѳедру свою въ 181$\frac{3}{4}$ году, прямо Ординарнымъ Профессоромъ: въ зимнее время онъ преподавалъ Анатомію по собственному руководству на Русскомъ языкѣ, Физіологію по Блуменбаху, и Судебную Медицину по Пленку; съ 181$\frac{8}{9}$ года онъ читалъ только двѣ послѣднія науки, прибавивъ для Физіологіи руководство Прохаски, а потомъ Ленгоссека, и дѣлая опыты надъ животными, для объясненія нѣкоторыхъ явленій, происходящихъ въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ; съ 182$\frac{0}{1}$ года прибавилъ онъ къ тѣмъ двумъ наукамъ науку о ядахъ и противуядіяхъ. Мудровъ читалъ Медицину клиническую и Практическую Патологію, неизмѣнно объявляя ру-

дентовъ врачей по правиламъ Судебной Медицины. Въ 182$\frac{3}{4}$ году открыли свои лекціи Рихтеръ сынъ, вѣрно шедшій по слѣдамъ своего славнаго отца: онъ началъ Исторіею повивальнаго искусства и ученіемъ о дѣтскихъ болѣзняхъ; Эвеніусъ, читавшій по Беллеру науку о распознаваніи и лѣченіи глазныхъ болѣзней и о хирургическихъ операціяхъ, къ нимъ относящихся; Веселовскій, замѣнившій Попова въ чтеніи Математики и Физики для врачей Студентовъ. Въ 182$\frac{4}{5}$ году, умершаго Гольдбаха замѣнилъ Ловецкій въ преподаваніи Естественной Исторіи для нихъ же.

Въ Отдѣленіи Словесныхъ Наукъ, старшій Профессоръ Геймъ, умѣвшій съ должностью Ректора соединять должность Библіотекаря и даже сначала его помощника, читалъ Статистику Россійской Имперіи и знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ, до самой кончины своей 16-го Окт. 1821 г.; за Геймомъ, второй по старшинству, Черепановъ читалъ непрерывно Всеобщую Исторію по Шрекку, присоединяя къ ней и Русскую, до кончины своей въ 1828 году. Мерзляковъ и Гавриловъ сохраняли во все время прежнія каѳедры. Тимковскій смертію прекратилъ свою классическую полезную дѣятельность на Греческо-Римской каѳедрѣ въ 1820 г. Ему наслѣдовалъ на Латинской каѳедрѣ Давыдовъ, ученикъ его и Маттеи, перешедшій въ 182$\frac{0}{1}$ году изъ Этико-Политическаго Отдѣленія, гдѣ преподавалъ Философію, въ Словесное. Онъ читалъ Римскія Древности по Адаму, Теорію Латинскаго слога по Шеллеру, объяснялъ Цицерона, Горація и Виргилія, и излагалъ Исторію Римской Словесности по Гарлесу. На каѳедрѣ Греческой Тимковскому наслѣдовалъ Ивашковскій, начавшій преподаваніе Эллинскаго языка еще при жизни Тимковскаго въ 18$\frac{19}{20}$ году. Каченовскій читалъ непрерывно Эстетику и Археологію, или Теорію и Исторію изящныхъ искусствъ по Эшен-

бургу, Сульцеру и Миллену, также Исторію и Древности Россійскія въ 181$\frac{4}{5}$, 181$\frac{5}{6}$ и 181$\frac{6}{7}$ годахъ; съ 182$\frac{2}{3}$ года, началъ излагать, по смерти Гейма, Статистико-Историческое ученіе о Россійскомъ Государствѣ. послѣ краткаго Географическаго обозрѣнія Россійской Имперіи. Теорія же и Исторія изящныхъ искусствъ перешли къ Гаврилову, который съ ними вмѣстѣ продолжалъ обучать правиламъ Славянскаго языка, излагалъ его свойства, состояніе и ходъ въ разныхъ его періодахъ и сообщалъ Студентамъ отборнѣйшія мѣста на Славянскомъ языкѣ. Болдыревъ читалъ вкратцѣ Исторію Евреевъ и Арабовъ, о религіи, законахъ, наукахъ, художествахъ, нравахъ и обычаяхъ этихъ народовъ, проходилъ Еврейскія древности по руководству Яна, Еврейскую Грамматику, объяснялъ отборныя мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и далѣе обучалъ Арабскому языку по своей литографированной Христоматіи, и Персидскому, объясняя избранныя мѣста изъ Тути-Нами и цвѣтника Садіева. Побѣдоносцевъ былъ Адъюнктомъ при Мерзляковѣ съ 181$\frac{4}{5}$ года и преподавалъ правила Россійской Словесности по риторикамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Ульрихсъ и Ѳвенсъ продожали безсмѣнно преподаваніе, первый Нѣмецкой, второй Англійской Словесности. Въ 182$\frac{4}{5}$ году Ульрихсъ, по смерти Черепанова, перешелъ на каѳедру Всеобщей Исторіи, а Нѣмецкая Словесность поручена была Доктору Кистеру. Преподаваніе Французской Словесности возобновлено съ 181$\frac{4}{5}$ года Пасторомъ Французской церкви въ Москвѣ, Арнольдомъ, котораго въ слѣдующемъ же году замѣнилъ Пельтъ. Каменецкій съ 181$\frac{6}{7}$ года началъ преподаваніе Всеобщей и особенно Россійской Географіи, по руководству своего наставника Гейма, и такъ продолжалъ до 182$\frac{4}{5}$ года. Съ 181$\frac{7}{8}$ года Бекетовъ преподавалъ Введеніе во Всеобщую и Россійскую Ис–

торію по Шрекку, далѣе Хронологію, Геральдику, Генеалогію, Нумизматику и Дипломатику по Гаттереру. Съ того же года началъ читать Правила Латинскаго слога Снегиревъ, сынъ, въ связи съ практическими упражненіями Студентовъ, и въ $182\frac{2}{3}$ г. Основанія Логики.

Ректора и Деканы.

Въ теченіи этого времени Геймъ отправлялъ должность Ректора до 1818 года и былъ уволенъ по прошенію. Ему наслѣдовалъ Антонскій въ теченіи слѣдующихъ трехълѣтій. Секретаремъ Совѣта былъ постоянно Профессоръ Двигубскій. Деканами въ Отдѣленіяхъ поочередно были:

	Въ Этико-Политическомъ,	Физико Математическомъ,	Врачебномъ,	Словесномъ.
$181\frac{3}{4}$	Снегиревъ	Антонскій	Мудровъ	Каченовскій
	Сандуновъ	—	Котельницкій	Тимковскій
	Цвѣтаевъ	—	Мухинъ	Гавриловъ
	—	—	—	Тимковскій
	Брянцовъ	Двигубскій	Бунге	Мерзляковъ
	Сандуновъ	—	Мудровъ	Геймъ
	—	—	Мухинъ	Мерзляковъ
	Цвѣтаевъ	—	—	Черепановъ
	—	—	—	Мерзляковъ
	—	—	—	—
	—	—	—	—
	—	—	Мудровъ	—
$182\frac{5}{6}$	—	—	Котельницкій	—

Характеристика нѣкоторыхъ Профессоровъ.

Въ теченіи послѣднихъ годовъ этого тринадцатилѣтія, за которое мы представляемъ краткій отчетъ въ Университетскомъ преподаваніи, оно совершалось уже на памяти нашей и нашихъ старшихъ сверстниковъ. Въ полной силѣ дѣйствовали тогда представители старшаго поколѣнія — и выступало на поприще поколѣ-

ніе новое, которое воспиталось уже въ Университетѣ, преобразованномъ волею Императора Александра. Въ Этико-Политическомъ Отдѣленіи тогда славились оригинальный Сандуновъ, какъ юристъ-практикъ, и ученый Цвѣтаевъ, какъ юристъ-теоретикъ. Рѣзкую противоположность представляли они какъ въ воззрѣніи на науку, такъ и въ самомъ способѣ преподаванія. Сандуновъ, отвергая всякую теорію, не признавая даже Римскаго права, какъ теоріи живой, хотѣлъ на мѣсто науки поставить здравый Русскій смыслъ и требовалъ отъ юриста только яснаго и правильнаго толкованія закона. Цвѣтаевъ, напротивъ, слѣдуя иностраннымъ учителямъ, признавалъ возможность теоріи и воплощалъ ее въ Римскомъ правѣ. Быстрота и живость, не уступавшія даже старости лѣтъ, были наружными признаками перваго Профессора; медлительность и спокойствіе признаками другаго. Въ Отдѣленіи Физико-Математическомъ Фишеръ раскрывалъ болѣе общественную дѣятельность науки черезъ ученыя связи со всѣми просвѣщенными странами земнаго шара и притягивалъ этою силою къ Университету сокровища Естествознанія; Гофманъ и Гольдбахъ образовывали у насъ отечественныхъ ботаниковъ; въ сферѣ Чистой Математики выступили два даровитыхъ Профессора изъ молодаго поколѣнія: Перевощиковъ преподавалъ Математику вдохновенно, какъ поэтъ, какъ бы создавая ее во время изложенія, съ страстною любовію къ ней, которую сообщалъ и своимъ слушателямъ; Щепкинъ проходилъ науку хладнокровно и медлительно, любя ее внутреннею сосредоточенною любовію, но не торопясь къ ея свѣтлымъ и поразительнымъ результатамъ, и заслужилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе Фабія-Кунктатора. Увлекателенъ былъ Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы озарившій новымъ блескомъ область Естествовѣдѣнія. Онъ вню-

силъ въ нее умозрѣнія Философіи Шеллинговой, можетъ быть не всегда умѣстной въ наукѣ природы, требующей изслѣдованія самаго опредѣленнаго, точнаго и не признающей надъ собою никакой иной Философіи кромѣ Математики. Но логическія стремленія Профессора дѣйствовали сильно на умы юношества и приносили пользу въ систематическомъ построеніи наукъ.

Во Врачебномъ Отдѣленіи Мудровъ стремился воплотить въ Студентахъ идеалъ Гиппократова врача, возвышенный Христіанствомъ: нравственное вліяніе его на учениковъ было огромно; хожденіе за больными при постелѣ ихъ образцовое. Подвергшись случайно вліянію системы Бруссе, онъ нанесъ вредъ своей превосходной практикѣ, и до конца жизни не могъ сознать своей ошибки. Мухинъ многосторонними свѣдѣніями и неутомимою дѣятельностію одушевлялъ Студентовъ. Лодеръ внесъ въ изученіе Анатоміи основательность обширныхъ познаній, живую любовь къ наукѣ, изящное Латинское изложеніе. Стоя передъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, онъ являлся какимъ-то художникомъ, глубоко проникающимъ въ тайны его премудраго созданія, и отъ изслѣдованія чудной связи въ его частяхъ и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни, онъ возносилъ умы слушателей ко Всеблагому Творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи. Новое поколѣніе умножало силы Факультета, которыя не оскудѣвали. Альфонскій выступилъ достойно по слѣдамъ своего наставника Гильтебрандта и въ краткое время пріобрѣлъ себѣ имя своими операціями. Рихтеръ, довершивъ свое ученіе за границею, по слѣдамъ отца, уже доканчивавшаго свое поприще двигалъ впередъ науку. Бунге принесъ основательное и глубокое изученіе Ветеринарной Медицины. Ризенко, Страховъ, Эвеніусъ, Терновскій

вносили въ Факультетъ добросовѣстное изученіе науки, въ разныхъ ея отрасляхъ.

Въ Словесномъ Факультетѣ, по старшинству, первенствовалъ Геймъ, заключавшій въ себѣ энциклопедію самыхъ разнообразныхъ познаній, истощавшій всѣ остатки жизни своей, до самаго конца ея, на безпрерывное пріобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній, изсохшій и изможденный въ библіотекѣ и не хотѣвшій никогда снять съ себя званія библіотекаря. Книги сдѣлались атмосферою его жизни, второю стихіею, въ которой дышалъ ученый. И теперь въ нашей памяти рѣзко выдается тѣнь почтеннаго старца, представлявшаго живой скелетъ въ послѣдніе годы его жизни. Статистика, подъ конецъ поприща, поглотила всѣ силы Гейма. Живая душа Словеснаго Отдѣленія выражалась въ живомъ, одушевленномъ словѣ Мерзлякова, въ его критическихъ импровизаціяхъ, касавшихся поэтовъ классическаго періода Русской словесности. Онъ былъ тогда во всей порѣ развитія силъ своихъ. Въ 1816 году возобновилъ онъ публичныя чтенія, прерванныя въ 1812 нашествіемъ непріятеля, въ домѣ А. Ѳ. Кокошкиной. Первый курсъ имѣлъ болѣе характеръ теоретическій; во второмъ же хотя и повторена была теорія въ сокращеніи, но господствовала критика. Здѣсь представлены были разборы Ломоносова, Державина, Сумарокова, Озерова и другихъ. Тимковскій основательностію классическихъ познаній въ древней Словесности поражалъ своихъ Студентовъ. Въ Профессорахъ новаго поколѣнія отличался своею дѣятельностію Давыдовъ: онъ вносилъ въ преподаваніе Римской словесности логическую ясность изложенія и отчетливость въ полнотѣ формы каждой лекціи. Имѣя отъ природы призваніе къ Философскимъ наукамъ, онъ преподавалъ Философію въ Университетскомъ Пансіонѣ и здѣсь оживлялъ молодое поколѣніе своею неутомимою дѣятельностію, помогая

утружденному лѣтами Антонскому въ его управленіи заведеніемъ. Каченовскій, переходившій съ одной каѳедры на другую, не имѣлъ еще поприща для того, чтобы развить духъ критическаго скептицизма, отличавшій его взглядъ на науку. Онъ раскрылъ это позднѣе, когда принялся исключительно за преподаваніе Русской Исторіи.

Акты. Первое торжественное собраніе послѣ нашествія непріятеля Университетъ имѣлъ 25-го Апрѣля 1814 г., въ ознаменованіе радости своей о взятіи Парижа, Марта 19-го. Тимковскій прочелъ тогда рѣчь; Сандуновъ оду, написанную Попечителемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Другое собраніе было 14-го Февраля того же года; оно посвящено было воспоминанію объ умершемъ въ 1813 году Профессорѣ Страховѣ. Члены Университета отслушали сначала заупокойную литургію и паннихиду по усопшемъ собратѣ, а потомъ въ большой аудиторіи Профессоръ Двигубскій, занявшій его каѳедру, сказалъ ему похвальное слово. Въ 1814 году, Іюня 14-го, Члены Университета на языкахъ Русскомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ принесли дань хвалы и изумленія Императору Александру, Августѣйшему избавителю и миротворцу Европы. Тогда-то произнесъ Похвальное ему Слово Мерзляковъ, извлекшее слезы у слушателей.

Рѣчи. Упомянемъ о замѣчательныхъ рѣчахъ, Русскихъ и Латинскихъ, произнесенныхъ Профессорами въ теченіи этого времени. Данилевскій, 1814 г. Іюля 10-го, сказалъ Слово. *О необходимыхъ средствахъ къ подкрѣпленію слабаго младенческаго возраста для размноженія въ отечествѣ нашемъ народа.* Рѣчь походила темою на рѣчи древнихъ нашихъ Профессоровъ, но содержала въ себѣ много новыхъ совѣтовъ, полезныхъ для народнаго здравія и воспитанія, заимствованныхъ у современной науки. Беке-

товъ въ рѣчи своей: *О содѣйствіи Россіи благу Европы* (1817), взглянулъ на новѣйшія событія съ точки зрѣнія Русской политики. Сандуновъ объяснилъ свой способъ преподаванія въ Словѣ: *О необходимости знать законы гражданскіе и о способѣ учить и учиться Россійскому Законовѣдѣнію* (1820). Здѣсь Професcоръ побуждалъ особенно Русское дворянство къ изученію законовъ отечественныхъ, превосходно развивая значеніе и обязанности высшаго государственнаго сословія. Практическій, здравый смыслъ автора и точный, строго опредѣленный языкъ принадлежатъ къ существеннымъ признакамъ его краснорѣчія.—Рѣчь Денисова: *О вліяніи Химіи на успѣхи мануфактурной промышленности* (1822), показываетъ, что наставники наши давно уже заботились о примѣненіи новыхъ химическихъ открытій вѣка къ пользѣ Русскаго общежитія.—Павловъ въ рѣчи своей: *О побудительныхъ причинахъ, совершенствовать Сельское Хозяйство въ Россіи, преимущественно предъ другими отраслями народной промышленности, и о мѣрахъ существенно къ тому относящихся* (1823), внесъ раціональное воззрѣніе въ Русское Сельское Хозяйство и показалъ живое значеніе этого вопроса въ нашемъ отечествѣ. — Въ Латинскихъ рѣчахъ Мухинъ разсуждалъ о сѣдалищѣ и дѣйствіи чувствительности (1817); Бунге описалъ такъ называемую Сибирскую язву, которая преимущественно нападаетъ на лошадей, не щадя впрочемъ и человѣка; Давыдовъ, согласно своему философскому стремленію, раскрывалъ духъ Философіи Греческой и Римской (1820); его рѣчь переведена была по Русски питомцемъ Университетскаго Пансіона, Кандидатомъ Чюриковымъ. Гофманъ изложилъ исторію садоводства и Ботаники въ предѣлахъ Россіи 1823); Фишеръ разъяснялъ метаморфозу тѣлъ органическихъ (1824).—Не рѣдко Мерзляковъ оглашалъ торжественныя со-

бранія Университета своими вдохновенными лиро-дидактическими стихотвореніями. Въ 1819 году онъ воспѣлъ возобновленіе Университетскаго зданія прекрасными стихами:

Гдѣ я, питомецъ Музъ, воспитанныхъ Москвой?

Въ 1820 году, подъ стихотвореніемъ: Уранія, встрѣчаемъ въ первой разъ имя поэта, ученика въ Русской Словесности Мерзлякова, Тютчева. Въ 1822 году Профессоръ самъ читалъ оду къ Миру въ стилѣ Ломоносовскомъ. На всякомъ актѣ раздавались хоры Мерзлякова, положенные на музыку Кашинымъ.

Въ 1821 году скончался Павелъ Григорьевичъ Демидовъ. Университететъ почтилъ своего благотворителя особеннымъ собраніемъ, посвященнымъ его памяти Декабря 30-го, 1821 года. Профессоръ каѳедры Естественной Исторіи, имъ основанной, Фишеръ, читалъ Латинскую рѣчь; Мерзляковъ стихи; Студентъ Іовскій, воспитывавшійся на Демидовскомъ иждивеніи, сказалъ Русскую рѣчь. Портретъ Демидова поставленъ былъ въ Университетскомъ Музеѣ.

Труды Профессоровъ.

Многіе труды Профессоровъ были весьма значительны въ теченіи этого тринадцатилѣтія. Рихтеръ издалъ тогда Исторію Медицины въ Россіи, въ 3-хъ томахъ, трудъ до сихъ поръ единственный, переведенный Профессоромъ Бекетовымъ на Русской языкъ; Фишеръ Зоогнозію на Латинскомъ, Ориктогнозію на Русскомъ языкѣ, описаніе Русскихъ насѣкомыхъ на Латинскомъ и Французск. языкахъ, и много отдѣльныхъ ученыхъ разсужденій; Мухинъ Анатомію на Русскомъ языкѣ два раза и Науку о мокротныхъ сумочкахъ человѣческаго тѣла; Геймъ Лексиконъ Русско-Французско-Нѣмецкій, Всеобщее землеописаніе на Русскомъ языкѣ; Гофманъ Латинскую Фармакологію; Двигубскій Физику два раза, Описаніе животныхъ и китовъ, которыя водятся

въ предѣлахъ Россійскаго государства, Изображенія и описанія животныхъ Россійской Имперіи, Начальныя основанія Естественной Исторіи; Гильтебрантъ Хирургію на Латинскомъ языкѣ, и на Русскомъ: о средствахъ сберегать глаза и зрѣніе до самой глубокой старости; Мерзляковъ Подражанія и переводы изъ древнихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей; Шлецеръ, Цвѣтаевъ, Мерзляковъ, Давыдовъ, Перевощиковъ, Болдыревъ, Павловъ, Мягковъ, Ловецкій, Смирновъ, Максимовичъ, многія учебныя книги по своимъ предметамъ. Изъ переводовъ замѣчательны были въ свое время переводъ Курса Математики Беллавеня, изданный Чумаковымъ, переводъ курса Франкерова, сдѣланный вмѣстѣ Перевощиковымъ и Щенкинымъ, и Медицинскія книги Ленгоссека, Ипея, Орфилы, Шнейдера, переведенныя и изданныя для Студентовъ Медиковъ подъ надзоромъ Мухина.

Общества при Университетѣ.

Общества, окружавшія Университетъ, въ этотъ періодъ времени, чрезвычайно какъ развили свою дѣятельность. Императорское Общество Испытателей природы совершило много новыхъ открытій во всѣхъ трехъ ея царствахъ; умножило посредствомъ членовъ своихъ собранія Университетскаго Музея; напечатало шесть томовъ своихъ Записокъ на Французскомъ и Латинскомъ языкахъ; обогатило свою библіотеку многими приношеніями членовъ. Общество Физико-Медицинское напечатало три части трудовъ своихъ подъ заглавіемъ: Commentationes, на Латинскомъ и другихъ языкахъ, и два тома на Русскомъ. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ выдало первую часть Русскихъ Достопамятностей, три части Записокъ и Трудовъ; Селліевъ каталогъ писателей, объяснявшихъ гражданскую и церковную Россійскую Исторію; 13 листовъ Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому спи-

ску, трудами своего сочлена Тимковскаго; Предварительныя критическія изслѣдованія Эверса для Россійской Исторіи, переводъ Погодина. Библіотека Общества обогатилась рукописями и старопечатными книгами; кабинетъ монетами, медалями и древностями.

Этотъ періодъ времени былъ самымъ блистательнымъ для Общества Любителей Россійской Словесности, которое своими успѣхами обязано было неутомимому двигателю его общественно - литературной дѣятельности, своему Предсѣдателю Антону Антоновичу Антонскому. Оно издало, въ теченіи 12-ти лѣтъ, 20 частей Трудовъ своихъ и 6 частей Сочиненій въ стихахъ и прозѣ, Рѣчи Профессоровъ Московскаго Университета съ ихъ жизнеописаніями въ 4-хъ частяхъ, и другія книги. Засѣданія въ это время имѣли торжественный характеръ и привлекали вниманіе Московской публики. Мѣстомъ ихъ была зала Университетскаго Пансіона. Здѣсь отличались произношеніемъ Страховъ, Мерзляковъ, Яковлевъ, превосходно читавшій экзаметры Гнѣдича и Жуковскаго, Кокошкинъ, В. Л. Пушкинъ. Изслѣдованія о Славянскомъ и Русскомъ языкахъ Востокова, братьевъ Калайдовичей, Болдырева, Давыдова, Каченовскаго, Гаврилова, и критики Мерзлякова составляютъ главное внутреннее достоинство его изданій.

Журналы. Ученая и литературная журналистика была по прежнему дѣятельна около Университета. Мерзляковъ въ 1815 году издавалъ Амфіонъ. Гавриловъ продолжалъ по прежнему Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ; Каченовскій Вѣстникъ Европы, который въ 1816 и 1817 годахъ украшался часто критическими лекціями Мерзлякова; Двигубскій съ 1820 года издавалъ Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Физики, Химіи и свѣдѣній экономическихъ.

Университетская Типографія, въ 1822 г., въ первый разъ устроила у себя литографическое заведеніе. Въ 1823 г. доконченъ строеніемъ новый обширный и удобный домъ; по освященіи, въ немъ начаты обыкновенныя типографскія работы. Въ 1824 г. выстроенъ при Типографіи новый каменный флигель для помѣщенія служащихъ, и выписаны изъ Парижа разныя матрицы, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ шрифтовъ, на весьма значительную сумму. Типографія.

Въ 1825 году въ Маіѣ мѣсяцѣ, Принцъ Вильгельмъ, тогда еще Наслѣдникъ Нидерландскаго Престола, во время пребыванія своего въ Москвѣ, удостоилъ Университетъ своимъ посѣщеніемъ. Посѣщеніе Принца Вильгельма.

Въ 18$\frac{13}{14}$ году принято Студентовъ 129; въ 181$\frac{4}{5}$ 160; въ 181$\frac{6}{7}$ 58. Въ это число не входило множество слушателей, посѣщавшихъ лекціи добровольно съ позволенія начальства. Въ 18$\frac{18}{20}$ г. принято Студентовъ по экзамену 92, вольныхъ слушателей 20; въ 18$\frac{20}{21}$ г студ. 140, вольныхъ слушателей 19, всѣхъ учащихся въ самомъ Университетѣ было 494; въ 182$\frac{1}{2}$ году принято Студ. 141, вольныхъ слушателей 11, въ Медицинскій Институтъ 26, всѣхъ учащихся было 605. Представимъ въ таблицѣ остальные годы. Число учащихся.

	Принято Студентовъ:	Слушателей:	Всѣхъ учащихся въ Унив. было:
182$\frac{2}{3}$	147	21	695
182$\frac{3}{4}$	161	27	768
182$\frac{4}{5}$	157	32	800
182$\frac{5}{6}$	205	46	876

Число всѣхъ учащихся въ учебномъ округѣ въ 1814 году было 7350 человѣкъ, а въ 182$\frac{5}{6}$ году возрасло до 13,790.

Въ 1814 году встрѣчаемъ въ Докторахъ Физико-

Математическихъ наукъ Ивана Голенищева-Кутузова, въ Магистрахъ Матем. н. Пафнутія Аѳанасьева, Слов. н. Ивана Давыдова, въ Кандидатахъ Степана Маслова, Василія Оболенскаго, въ принятыхъ Студентахъ Ивана Веселовскаго, Іосифа Тихоновича, Віанора Бѣликова, Михаила Рихтера, Матвѣя Кожевникова, Андрея Глаголева, Валеріана Софоновича, Дмитрія Свербеева, Павла Строева, Пимена Арапова, въ Университетскомъ Пансіонѣ Гавріила Попова.

Въ 1815 году, произведены въ Докторы Физико-Математическихъ наукъ Ѳедоръ Денисовъ, Словесныхъ Иванъ Давыдовъ; въ Магистры: Ѳедоръ Бекетовъ, Михаилъ Маловъ, Александръ Величко, Петръ Воскресенскій, Титъ Каменецкій, Иванъ Снегиревъ, Ѳедоръ Карецкій. Въ Студентахъ принятыхъ видимъ Михаила Гульковскаго, Михаила Павлова, въ томъ же году награжденнаго золотою медалью; Павла Гессе, Алексѣя Бахметьева, въ Студентахъ Университетскаго Пансіона Сергѣя Созоновича, Григорія Лихачева, Ѳедора Гильфердинга.

Въ 1816 году Доктора̀ Медицины: Иванъ Георгіевскій и Ѳедоръ Миллеръ, Докторъ Слов. н. Адріанъ Виноградовъ; Магистры: Павелъ Щепкинъ, Семенъ Любимовъ, Андрей Яковлевъ, Герасимъ Гаретовскій, Иванъ Кобрановъ, Иванъ Переславскій. Между Кандидатами встрѣчаемъ Андрея Глаголева, Михаила Павлова, Віанора Бѣликова; въ Лѣкаряхъ Густава Левенталя; въ Студентахъ Университетскаго Пансіона Николая Булдакова, Василія Вердеревскаго, Князя Михаила Долгорукаго, Александра Мансурова; въ Студентахъ Университета Николая, Александра и Максима Фонъ Цеймернъ, Павла Тучкова, Алексѣя Терновскаго, Петра Новикова.

Въ 1817 году Доктора̀: Этико-политическихъ наукъ Графъ Александръ Кушелевъ-Безбородко; Медицины:

Аркадій Альфонскій, Егоръ Пахтъ, Левъ Гольдбахъ, Карлъ и Александръ Сейдлеры, Давыдъ Нейбейзеръ, Петръ Воскресенскій; Магистры: Степанъ Семеновъ, Порфирій Протопоповъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаемъ Ивана Веселовскаго; въ Студентахъ: Иларіона Васильева, Александра Іовскаго, Алексѣя Кубарева, Ивана Рѣшетникова, Андрея Бороздина, Николая Лопухина, Ивана Ястребцова, Михаила Макарова, Михаила Бруевича, Александра Фишера.

Въ 1818 и 1819 годахъ Доктора̀ Медицины: Егоръ Рютчи, Михаилъ Павловъ; Магистры: Физ. Мат. н. Иванъ Палеховъ, Дмитрій Лачиновъ, Василій Телепневъ, Слов. н. Сергѣй Финиковъ, Петръ Наумовъ, Павелъ Улановъ, Андрей Желтоуховъ, Э. П. н. Степанъ Масловъ, Иванъ Сниткинъ, Григорій Лидинъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Гавріилъ Поповъ, Семенъ Амфитеатровъ Раичь, Викторъ Чюриковъ, Иванъ Калайдовичь, Николай Васильевъ, Сергѣй Созоновичь, Иларіонъ Васильевъ, Николай Коцауровъ, Алексѣй Кубаревъ, Дмитрій Дубенскій.

Въ 1820 году Доктора̀ Медицины: Яковъ Зембницкій и Михаилъ Болгаревскій; Магистры: Э. П. н. Капитонъ Михаловскій, Слов. н. Александръ Гавриловъ, Никита Гольтяковъ, Измаилъ Щедритскій; между Кандидатами встрѣчаются Александръ Фишеръ, Николай Басалаевъ, Николай Семеновъ.

Въ 1821 году Доктора̀ Хирургіи: Аркадій Альфонскій, Нравств. Политич. наукъ Степанъ Масловъ; Магистръ Слов. н. Андрей Глаголевъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Михаилъ Погодинъ, Александръ Оверъ, Иванъ Панаевъ; въ Д. Студентахъ Петръ Брокъ, Николай Ждановскій, Алексѣй Зиновьевъ, Иванъ Гильтебрандтъ, Флоръ Жодейко.

Въ 1822 году Доктора Медицины: Петръ Масленниковъ, Петръ Страховъ, Онисимъ Богородицкій, Алексѣй Терновскій, Михаилъ Рихтеръ, Иванъ Ероховъ, Θедоръ Каллашъ, Семенъ Грузинскій, Александръ Іовскій Штабъ-Лѣкарь, Иванъ Виноградовъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Θедоръ Тютчевъ, Алексѣй Зиновьевъ, Иванъ Войцеховичъ, Флоръ Жодейко, Николай Зерновъ, Платонъ Погорѣльскій, Петръ Іовскій; въ слушателяхъ: Василій Андросовъ; въ Студентахъ: Петръ Эйнбродтъ, Григорій Рясовскій, Князь Юрій Долгорукій, Никифоръ Лебедевъ.

Въ 1823 году Доктора Медицины: Александръ Драницынъ, Иванъ Виноградовъ, Иванъ Ивановъ, Іосифъ Тихоновичъ, Иванъ Веселовскій; Словесныхъ наукъ: Андрей Глаголевъ; Магистры: Семенъ Амфитеатровъ Раичъ, Беръ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Антонъ Томашевскій, Петръ Мельниковъ, Михаилъ Максимовичъ, Князь Юрій Долгорукій; въ Д. Студентахъ: Михаилъ Лихонинъ, Исай Багдадовъ.

Въ 1824 году Докторъ Медицины Андрей Критскій; Магистры: Петръ Фроловъ, Иларіонъ Васильевъ, Василій Оболенскій, Віанортъ Бѣликовъ, Николай Коцауровъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Николай Рожалинъ, Исай Багдадовъ, Василій Андросовъ, Іосифъ Ронцевичъ; въ Д. Студентахъ: Михаилъ Розбергъ, Иванъ Безсомыкинъ; въ награжденныхъ медалями Петръ Эйнбродтъ, Фридрихъ Граффъ, Григорій Сокольскій, Илья Протасовъ.

Въ 1825 году 19 Докторовъ Медицины, между которыми встрѣчаемъ имена Ивана Ястребцова, Ивана Зацѣпина, Александра Фишера, Григорья Рясовскаго; Магистры Слов. н. Θедоръ Яковлевъ, Дмитрій Дубенскій, Михаилъ Погодинъ. Въ Кандидатахъ встрѣчаются Михаилъ Розбергъ, Иванъ Безсомыкинъ, Ми-

хаилъ Лихонинъ. Въ Д. Студ. Дмитрій Баевъ, Алексѣй Галаховъ, удостоенный золотой медали по Физ.-Мат. Отд., Николай Коноплевъ.

Въ питомцахъ Университетскаго Пансіона, получившаго свои особенныя права, замѣтны въ это время, по порядку лѣтъ: Александръ Писаревъ, Князь Владиміръ Одоевскій, Владиміръ Титовъ, Дмитрій Ознобишинъ, Наркизъ Атрѣшковъ, Эрастъ Перцовъ, Петръ Степановъ, Павелъ Морозовъ, Алексѣй Войцеховичъ[2].

ПРИМѢЧАНІЯ

къ десятой Главѣ.

1. Моск. Вѣд. 1813. Декабря 27-го. Здѣсь напечатано было письмо Н. Н. Демидова къ Министру Н. Просв. Графу А. К. Разумовскому, которое такъ начинается: «Потеря, которую потерпѣли Науки въ бытность непріятеля въ Москвѣ и въ особенности Императорскій Московскій Университетъ, коего Музей обращалъ на себя вниманіе всѣхъ любителей и знатоковъ, должна производить глубокія впечатлѣнія въ каждомъ сынѣ отечества; и частному человѣку, имѣющему у себя собраніе естественныхъ вещей, нельзя смотрѣть на него, не чувствуя въ себѣ побужденія къ возстановленію онаго Музея, который подъ покровительствомъ Вашего Сіятельства содѣлался было однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Движимый симъ чувствомъ и мыслію, что фамилія Демидовыхъ всегда старалась содѣйствовать пользамъ Императорскаго Московскаго Университета, я принялъ смѣлость предложить оному собраніе разныхъ произведеній Природы, которое, будучи начато еще отцемъ моимъ, умножено потомъ собственными моими трудами съ немалымъ иждивеніемъ, или въ самой Россіи, или въ чужихъ краяхъ, во время моихъ путешествій, и состоитъ нынѣ изъ 14 шкафовъ» и проч.

2. Имена приведены по спискамъ, напечатаннымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вѣроятно, недостаетъ здѣсь многихъ именъ, извѣстныхъ на поприщѣ государственной службы.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

БЛАГОСЛОВЕННО ЦАРСТВУЮЩАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I-го ПАВЛОВИЧА,

отъ 20-го Ноября 1825 года по 12-е Января 1855 года.

(ГЛАВА XI.)

ГЛАВА XI.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО А. А. ПИСАРЕВА (1825—1830), КНЯЗЯ С. М. ГОЛИЦЫНА (1830—1835), ГРАФА С. Г. СТРОГАНОВА (1835—1847), Д. П. ГОЛОХВАСТОВА (1847—1849), В. И. НАЗИМОВА (1850—1854).

СОДЕРЖАНИЕ.

Общее обозрѣніе событій.—Министры Народнаго Просвѣщенія и ихъ Товарищи.—Попечители Московскаго Университета и ихъ Помощники.—Высочайшія постановленія. — Комитетъ устройства учебныхъ заведеній. — Уставъ Гимназій, Училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ. — Институтъ изъ 20 природныхъ Россіянъ.—Права Университетовъ на свои изданія.—Новое распредѣленіе Учебныхъ Округовъ.—Высочайшіе Указы.—Строительный Комитетъ при И. М. У.—Циркуляръ Министра.—Студенты изъ Бѣлорусскаго Учебнаго Округа.—Инспекторъ Студентовъ.—Частныя училища.—Домашнее воспитаніе.—Умноженіе учебныхъ пособій.— Возвращеніе молодыхъ ученыхъ изъ-за границы.—Училищное управленіе Округами снято съ Университетовъ. — Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 26-го Іюня 1835 года. — Положеніе о производствѣ въ ученыя степени — Путешествія Русскихъ молодыхъ ученыхъ.—Постановленія, касающіяся Студентовъ. — Новое образованіе Врачебной части. — Присоединеніе Медико-Хирургической Академіи къ Императорскому Московскому Университету. — Открытіе Клиникъ. — Постановленія и распоряженія Правительства за послѣднее двадцатилѣтіе. — Устроеніе и освященіе храма.—Богослуженія, совершенныя Митрополитомъ.—Посѣщенія Государя Императора.—Посѣщенія Государя Наслѣдника.—Посѣщенія Особъ Императорской Фамиліи. — Посѣщенія Министровъ Народнаго Просвѣщенія — Частныя пожертвованія.—Умноженіе

учебныхъ пособій.—Библіотека.—Физическій кабинетъ.—Зоологическій кабинетъ.—Минералогическій кабинетъ. — Гербарій.—Ботаническій садъ. — Астрономическая обсерваторія. — Химическая лабораторія.—Анатомическій кабинетъ Сравнительной Анатоміи и Физіологія.—Анатомико-Патологическій кабинетъ.—Фармацевтическій кабинетъ. — Десмургическій кабинетъ. — Сельско-Хозяйственный кабинетъ.—Минцъ-кабинетъ.—Клиники.—Преподаваніе (1825—1835).—Ректоры и Деканы. — Холера въ 1830 году. — Преподаваніе (1836—1854).—Рѣчи и ученые труды. — Акты.— Публичныя лекціи.—Журналы.—Чиновники при Университетѣ.— Ученыя Общества.—Питомцы Университета до новаго Устава.— Питомцы Университета по введеніи Устава.

—

Общее обозрѣніе событій.

Въ тридцатый годъ вступившее царствованіе благословенно царствующаго Императора Николая Павловича представляетъ въ Исторіи Русскаго просвѣщенія, рядомъ знаменательныхъ событій, эпоху, приготовившую начала для своеобразнаго развитія всѣхъ духовныхъ силъ народа и государства Русскаго. Привести образованіе Отечества къ закону государственнаго единства; обнять въ этомъ образованіи коренное племя Русское, какъ великое его средоточіе, и вмѣстѣ съ нимъ племена разныхъ языковъ и вѣръ, связанныя съ нами союзомъ государственнымъ и какъ радіусы примыкающія къ центральному ядру Русскаго племени; основать образованіе Русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которыя опредѣляются его Исторіею и составляютъ крѣпость его жизни; вызвать повсюду сознаніе этихъ началъ воспитаніемъ и ученіемъ, открыть и обнародовать для того всѣ отечественные источники; создать сословіе Русскихъ наставниковъ и наставницъ для семейнаго воспитанія; пролить свѣтъ знаній на всѣ сословія, давъ всякому изъ нихъ долю для него потребную изъ общей сокровищницы просвѣщенія; возвысить сред-

нія учебныя заведенія и степенью умственнаго и нравственнаго развитія придвинуть ихъ къ Университетамъ; возбудить во всѣхъ сословіяхъ, но особенно въ Дворянскомъ, духъ патріотическаго соревнованія и умножить средства къ приготовительному образованію юношества; давъ сему послѣднему основу народную, дать и всѣ средства къ тому, чтобы слѣдить за успѣхами, изобрѣтеніями и открытіями просвѣщенія всемірнаго и передавать эти блага Отечеству, устраняя вредъ и зло, неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ; для сей цѣли поднять и поставить Университеты въ уровень съ современною Европейскою наукою; возвысить, обезпечить и вознаградить трудное званіе ученаго; призвать къ нему коренныхъ Русскихъ, воспитанныхъ въ средѣ народной жизни; облагодѣтельствовать ихъ всѣми дарами ученія; посылать даровитыхъ юношей за наукою во всѣ концы просвѣщенной Европы, строго наблюдая за тѣмъ, чтобы они, какъ пчелы, сосали только медъ съ цвѣтовъ всемірнаго образованія и, благодарные, вносили его въ улей отечества; открыть науки для всѣхъ свободныхъ сословій и особенно внушить Дворянскому необходимость отечественнаго просвѣщенія, предложивъ сей источникъ у себя дома; воздвигать училищныя зданія во всей красотѣ, обширности и величіи, соотвѣтственно могуществу, славѣ и пространству того государства, гдѣ они воздвигнуты; щедро и неистощимо обогащать ихъ всѣми возможными учебными пособіями; вызывать развитіе наукъ практическихъ, полезныхъ общежитію, торговлѣ и промышленности, для разработки вещественныхъ силъ государства, и тѣмъ не отставать отъ лучшей стороны поступательнаго движенія наукъ на Западѣ; въ другомъ отношеніи, противодѣйствуя его матеріализму, освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія Божіимъ

престоломъ, крестомъ и молитвою: вотъ задачи, которыя рѣшались въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ въ Исторіи образованія нашего Отечества, по мысли и волѣ неусыпно дѣятельнаго Монарха. Исторія Университета Московскаго занимаетъ въ ней только малую и скромную часть, но не менѣе значительную, какъ часть одного великаго цѣлаго.

Исполнителями Высочайшей воли въ общемъ движеніи просвѣщенія отечественнаго были Министры и ихъ Товарищи, въ Университетѣ Московскомъ Попечители и ихъ Помощники.

Министры Народнаго Просвѣщенія и ихъ Товарищи.

При началѣ царствованія Государя Императора Николая Павловича былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Адмиралъ и Президентъ Императорской Россійской Академіи Александръ Семеновичъ Шишковъ. 23-го Апрѣля 1828 года, по разстроенному здоровью, онъ получилъ Всемилостивѣйшее увольненіе, сохранивъ званіе Члена Государственнаго Совѣта и Президента Императорской Россійской Академіи. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій съ 25-го Ноября 1826 года былъ Статсъ-Секретарь Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, впослѣдствіи возведенный въ Графское достоинство Имперіи. 25-го Апрѣля 1828 года Всемилостивѣйше повелѣно быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Предсѣдателемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній Члену Государственнаго Совѣта Генералу отъ Инфантеріи Князю Карлу Андреевичу Ливену, а Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарю Д. Н. Блудову въ должности Главноуправляющаго Духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи.

18-го Марта 1833 года Князь Ливенъ, по разстроен-

нему здоровью, былъ уволенъ, согласно прошенію его, отъ управленія Министерствомъ, и Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 21-го Марта 1833 года, вступилъ въ права и обязанности Министра Народнаго Просвѣщенія, съ званіемъ Управляющаго Министерствомъ, бывшій дотолѣ преемникомъ Д. Н. Блудова по мѣсту Товарища Министра Тайный Совѣтникъ Президентъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ Сергій Семеновичъ Уваровъ; 23-го Марта повелѣно ему предсѣдательствовать въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній; съ 21-го Апрѣля 1834 г. повелѣно быть Министромъ; 1-го Іюля 1846 г. въ изъявленіе особенной Его Императорскаго Величества признательности къ неусыпнымъ трудамъ его на поприщѣ Государственной службы и къ заслугамъ, ознаменованнымъ въ продолженіе многолѣтняго управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Министръ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Графское Россійской Имперіи достоинство, съ нисходящимъ отъ него потомствомъ. Послѣ шестнадцатилѣтняго слишкомъ управленія Министерствомъ, Графъ Уваровъ по прошенію уволенъ ради разстроеннаго здоровья отъ сего управленія, Высочайшимъ Рескриптомъ 20-го Октября 1849 года, въ которомъ Государь Императоръ изволилъ изъявить бывшему Министру искреннюю Свою благодарность за долговременную, постоянно-усердную и полезную его службу Престолу и Отечеству. Графъ Уваровъ сохранилъ званія Члена Государственнаго Совѣта, Президента Императорской Академіи Наукъ и вскорѣ украшенъ знаками Св. Андрея Первозваннаго. Съ 11-го Апрѣля 1835 года Членъ Главнаго Правленія Училищъ Графъ Николай Александровичъ Пратасовъ по Высочайшему повелѣнію исправлялъ должность Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія; на время отсутствій Министра въ 1837 и 1838 гг. управлялъ Министер-

ствомъ съ сохраненіемъ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и двукратно удостоенъ Высочайшихъ Рескриптовъ съ выраженіемъ совершенной и особенной признательности Его Величества.

Указомъ 20-го Февраля 1842 года Высочайше повелѣно Тайному Совѣтнику Князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову быть Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ 1850 г. Января 27-го Князь Ширинскій-Шихматовъ, съ 12-го Сентября 1849 года управлявшій уже Министерствомъ, Всемилостивѣйше назначенъ Министромъ. Указомъ 11-го Февраля того же года Сенаторъ и Членъ Коммиссіи прошеній, Тайный Совѣтникъ Авраамъ Сергѣевичь Норовъ получилъ званіе Товарища Министра, съ увольненіемъ его изъ Коммиссіи прошеній.

Послѣ трехълѣтняго слишкомъ управленія Министерствомъ, Князь Платонъ Александровичь 7-го Апрѣля по болѣзни оставилъ управленіе и 4-го Маія скончался. На всеподданнѣйшемъ донесеніи о кончинѣ его, Государю Императору благоугодно было удостоить память покойнаго Собственноручно начертанными словами: «душевно о немъ жалѣю, ибо искренно уважалъ и любилъ.»

Товарищъ Министра А. С. Норовъ, съ Высочайшаго соизволенія, 7-го Апрѣля 1853 г. вступилъ въ управленіе Министерствомъ. Указомъ 11-го Апрѣля 1854 года Всемилостивѣйше повелѣно ему быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Попечители Московскаго Университета и ихъ Помощники.

Въ 1830 г., 3-го Февр., Генералъ-Маіоръ Александръ Александровичь Писаревъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Сенаторы и Тайные Совѣтники, и уволенъ отъ должности Попечителя М. У. О. Въ томъ же г., достопамятномъ для Университета по 75-ти-лѣтнему его празднеству, 23-го Апрѣля, Попечителемъ Московскаго

Учебнаго Округа назначенъ былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Предсѣдатель Опекунскаго Совѣта Московскаго Воспитательнаго Дома Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Въ 1832 году данъ былъ въ Помощники Его Сіятельству Коллежскій Совѣтникъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, во время отсутствія Г. Попечителя, бывшаго за границею, управлявшій Московскимъ Учебнымъ Округомъ.

Въ 1835 году, 15-го Маія, Князь Сергій Михайловичъ, по его желанію, былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ званія Попечителя Высочайшимъ Рескриптомъ, даннымъ въ Москвѣ, въ которомъ Государь Императоръ благоволилъ изъявить ему искреннюю благодарность за постоянные труды его для общественной пользы и управленіе Московскимъ Университетомъ и Учебнымъ Округомъ, — и 26-го Маія повелѣно вступить въ исправленіе должности Попечителя Помощнику его, Статскому Совѣтнику Д. П. Голохвастову, до дальнѣйшихъ о томъ распоряженій.

Въ томъ же году, Указомъ Іюля 1-го, даннымъ въ Петергофѣ, повелѣно быть Попечителемъ М. У. О. Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіору Графу Сергію Григорьевичу Строганову.—Высочайшимъ Рескриптомъ 26-го Марта 1839 года Г. Попечитель былъ Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Бѣлаго Орла, по засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной дѣятельности и постоянныхъ трудахъ, понесенныхъ имъ при управленіи Московскимъ Учебнымъ Округомъ. 13-го Апрѣля 1845 года Высочайшимъ Рескриптомъ Всемилостивѣйше возложены на Графа знаки Ордена Св. Александра Невскаго. Указомъ 20-го Ноября 1847 года, даннымъ въ Царскомъ Селѣ, Генералъ-Лейтенантъ Графъ Строгановъ, былъ, согласно его прошенію, Всемилос-

тивѣйше уволенъ отъ должности Попечителя, съ оставленіемъ въ званіи Генералъ-Адъютанта, Присутствующаго въ Правительствующемъ Сенатѣ и при прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Тогда же, Ноября 25-го, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Д. П. Голохвастову, съ 1832 года въ теченіи 15-ти лѣтъ бывшему Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Всемилостивѣйше повелѣно быть Попечителемъ. Въ 1849 г. Апрѣля 3-го Г. Попечитель пожалованъ въ Тайные Совѣтники. Въ 1848 г, Высочайшимъ Приказомъ 18-го Маія Коллежскій Совѣтникъ Князь А. Г. Щербатовъ назначенъ его Помощникомъ.

Въ 1849 году, Высочайшимъ Указомъ 22-го Августа, Тайный Совѣтникъ Д. П. Голохвастовъ былъ уволенъ отъ должности Попечителя М. У. О., и Указомъ даннымъ Сенату Ноября 1-го того же года, Всемилостивѣйше повелѣно быть Попечителемъ этого Округа Начальнику Штаба шестаго Пѣхотнаго Корпуса, Генералъ Адъютанту, Генералъ-Маіору Владиміру Ивановичу Назимову 1-му. Въ 1850 г. Г. Попечитель Всемилостивѣйше пожалованъ въ Генералъ-Лейтенанты, а Высочайшею грамотою 6-го Декабря 1851 года Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Бѣлаго Орла въ воздаяніе отлично-усердной службы и ревностныхъ трудовъ.

Помощникъ Попечителя М. У. О. Князь А. Г. Щербатовъ 18-го Марта 1850 года перемѣщенъ съ тою же обязанностію въ С. Петербургскій Учебный Округъ, а Высочайшимъ Приказомъ 15-го Іюля 1850 года Ярославскій Вице-Губернаторъ Коллежскій Совѣтникъ В. Н. Муравьевъ назначенъ Помощникомъ Попечителя М. У. О. 28-го Февраля 1852 года повелѣно Статскому Совѣтнику Муравьеву быть Исправляющимъ должность Костромскаго Гражданскаго Гу-

бернатора. Высочайшим Приказом 10-го Марта 1853 года назначенъ въ Помощники Попечителя Директоръ третьей Московской реальной Гимназіи, Коллежскій Совѣтникъ, Камеръ-Юнкеръ П. В. Зиновьевъ.

Обозрѣвъ время служенія тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено было исполненіе высокихъ предначертаній воли Государя Императора относительно училищъ отечественныхъ вообще и Московскаго Университета въ особенности, пройдемъ теперь послѣдовательно всѣ Высочайшія постановленія, которыя касаются, или общимъ своимъ характеромъ, или частнымъ, нашего высшаго и древняго училища. Высочайшія постановленія.

Мысль Государя Императора о приведеніи къ единству образованія юношества, готовящаго себя на службу Государству, выражена была въ Высочайшемъ Рескриптѣ, въ 14 д. Маія 1826 года, данномъ на имя Министра Н. П. А. С. Шишкова. Тѣмъ же Рескриптомъ назначенъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Министра, особый Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, Членами котораго были: Генералъ-Лейтенантъ Графъ Ливенъ, Тайные Совѣтники: Сперанскій, Графъ Ламбертъ и Уваровъ, Генералъ Лейтенантъ Графъ Сиверсъ, Д. С. С. Шторхъ, И. д. Попечителя Харьковскаго Университета, Статскій Совѣтникъ Перовскій и Флигель-Адъютанты Полковники Перовскій и Графъ Строгановъ. Комитету предписано было: сличить всѣ Уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ Университетовъ, и уравнять всѣ Уставы оныхъ Заведеній, соображаясь со степенями ихъ возвышенія, допустивъ должныя измѣненія для Округовъ Дерптскаго и Виленскаго; разсмотрѣть и сличить курсы ученія, въ нихъ преподаваемые, приведя въ извѣстность книги и сочиненія. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній.

по какимъ преподаются, и привести это ученіе къ строгому единству.

Устав Гимназій, Училищъ уѣздныхъ и приходскихъ.

Между тѣмъ какъ Комитетъ обдумывалъ новый Уставъ для Русскихъ Университетовъ, выходили постановленія и совершались распоряженія Министерскія, которыми приготовлялась возможность ко введенію новаго Устава и къ обновленію внутренней жизни Университетовъ. 8-го Декабря 1828 года Высочайше утвержденъ новый Уставъ Гимназій и Училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Университетовъ: Санктпетебургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго. Въ новомъ Уставѣ втрое увеличены противъ прежняго оклады начальниковъ и учащихъ и штаты на содержаніе училищъ и учебныя ихъ пособія и умножено число самихъ учителей; учащимся дарованы новыя преимущества, и на комитетскихъ испытаніяхъ для чиновниковъ, установленныхъ указомъ 6-го Августа 1809 года, положено не экзаменовать вновь изъ тѣхъ предметовъ, которые показаны въ Гимназическомъ аттестатѣ. Позднѣе ученикъ Гимназій, получившій полный аттестатъ, причисленъ къ чиновникамъ 2-го разряда. Этотъ уставъ среднихъ заведеній, обогащенныхъ новыми средствами и преимуществами, предлагалъ возможность въ будущемъ приблизить Гимназіи къ Университетамъ такъ, чтобы первыя могли приготовлять для вторыхъ Студентовъ вполнѣ достойныхъ. Указомъ 29-го Марта 1830 года Университетскій Благородный Пансіонъ преобразованъ въ Гимназію по Уставу 8-го Декабря 1824 года, на томъ основаніи, что существованіе Пансіона съ особенными правами и преимуществами, дарованными ему въ 1818 году, противорѣчило новому порядку вещей и нарушало единство системы народнаго просвѣщенія, которую Правительство ставило на правилахъ твердыхъ и единообразныхъ.

Въ 1828 году былъ, кромѣ Главнаго Педагогическаго Института, образованъ Институтъ изъ *двадцати природныхъ Россіянъ*, предназначенныхъ для замѣщенія со временемъ Профессорскихъ каѳедръ въ четырехъ Русскихъ Университетахъ. Тогда Правительство обратилось къ симъ послѣднимъ и вызвало для этой цѣли молодыхъ ученыхъ. Изъ Московскаго Университета въ 1828 году поступили въ Институтъ Лѣкари: Иванъ Шиховскій, Петръ Корнухъ-Троцкій, Григорій Сокольскій, Николай Пироговъ и Кандидатъ Александръ Шуманскій. Въ Императорской Академіи Наукъ они были подвергнуты предварительному испытанію, потомъ отправлены въ Дерптъ для приготовленій къ заграничному ученію и наконецъ въ Берлинскій Университетъ. Институтъ изъ 20 природныхъ Россіянъ.

Въ 1830 году, Января 8-го, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ, постановлены права Сочинителей, Переводчиковъ и Издателей. Второю главою сего Постановленія утверждены права Академій, Университетовъ, Училищъ, Ученыхъ и другихъ Обществъ, на издаваемыя ими книги, или произведенія Наукъ и Словесности. Въ Указѣ постановлено: если изданіе сочиненій Ученаго Общества не возобновляется въ теченіи 25-ти лѣтъ, тогда только сочиненія сіи становятся собственностію публики; но если изданіе было повторено еще въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ: то исключительное право собственности продолжается въ пользу Общества, сверхъ двадцати пяти, еще на десять лѣтъ. Права Университетовъ на свои изданія.

Въ 1831 году, Января 12-го, послѣдовало новое распредѣленіе Губернскихъ Гимназій и Училищъ на Округи, по которому къ Московскому Округу причислены, кромѣ Московской, губерніи: Тверская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Рязанская, Новое распредѣленіе Учебныхъ Округовъ.

Тамбовская, Орловская, Тульская, Калужская и Смоленская. Позднѣе, Указомъ 30-го Мая 1833 года, училища губерній Тамбовской и Орловской перечислены изъ Московскаго въ Харьковскій учебный Округъ.

Высочайшіе Указы.

Милосердо-блительный личный надзоръ Государя Императора за ходомъ образованія Русскаго юношества въ Университетахъ выражается въ первыхъ словахъ Высочайшаго Указа 9-го Ноября 1831 года: «До свѣдѣнія Моего доньло, что въ Университеты часто поступаютъ молодые люди Студентами, безъ надлежащихъ предварительныхъ познаній, отъ чего, не въ состояніи будучи слѣдовать за чтеніемъ Университетскихъ лекцій, вмѣсто пріобрѣтенія высшаго образованія, теряютъ понапрасну время.» Вслѣдствіе того повелѣно строго наблюдать за тѣмъ, чтобы впредь никто не былъ принимаемъ въ Студенты Университета, не окончивъ полнаго гимназическаго курса наукъ и не получивъ на то свидѣтельства; питомцевъ же частныхъ пансіоновъ или домовъ родительскихъ повелѣно подвергать строгому испытанію во всѣхъ предметахъ полнаго Гимназическаго ученія.

Въ томъ же 1831 году, 17-го Декабря, малиновый цвѣтъ на воротникѣ и обшлагахъ мундира и мундирнаго фрака Чиновниковъ Московскаго Учебнаго Округа замѣненъ синимъ цвѣтомъ, одинаковымъ съ мундиромъ.

Въ 1832 году, Манифестомъ Апрѣля 10-го, установившимъ новое сословіе подъ названіемъ Почетныхъ Гражданъ, позволено просить причисленія въ Почетное гражданство лично безъ потомства тѣмъ, которые получили отъ одного изъ Россійскихъ Университетовъ надлежащій аттестатъ на званіе Дѣйствительнаго Студента или на степень Кандидата, со-

храня впрочемъ дарованное право вступать въ государственную службу; имѣющимъ же личное потомственное гражданство и получившимъ степень Магистра или Доктора жалуется оное потомственно. — Въ Манифестѣ Іюня 16-го того же года о производствѣ по всей Имперіи новой народной переписи, воспитанниковъ Университета изъ податнаго состоянія повелѣно, только для одного счета народонаселенія, при семействахъ ихъ вносить въ народную перепись до тѣхъ поръ, пока они будутъ съ полученіемъ новыхъ правъ выключены изъ податнаго состоянія.

Постановленіемъ 9-го Ноября 1832 года и дополненіемъ къ нему 1-го Августа 1833 года дана возможность Профессору, прослужившему 25 лѣтъ, по избранію Совѣта и утвержденію Министра, продолжать еще свое служеніе на каѳедрѣ въ теченіи пяти лѣтъ, съ сохраненіемъ выслуженной пенсіи.

Уставъ Демидовскаго Лицея, утвержденный Государемъ Императоромъ 2-го Августа 1833 года, снова подчинилъ Лицей вѣдѣнію Московскаго Университета.

Врачебное Отдѣленіе въ Университетѣ расширяло все болѣе и болѣе кругъ всѣхъ занятій. Прозекторъ, выписанный изъ Германіи, Гумбургъ получалъ окладъ въ 2000 р. асс. (по штату положено было только 500 руб.), и имѣлъ при себѣ помощника съ окладомъ въ 1000 р. Временная мѣра принята за необходимую всегдашнюю и утверждена постановленіемъ 23-го Маія 1833 года. Указомъ же 14-го Октября 1833 года опредѣлена и пенсія какъ для Прозектора, такъ и для его помощника.

Начальство Московскаго Учебнаго Округа встрѣчало крайнее затрудненіе въ составленіи по училищнымъ зданіямъ, въ Округѣ состоящимъ, плановъ и смѣтъ, какъ на исправленіе въ нихъ ветхостей, такъ и на постройку въ случаѣ надобности новыхъ домовъ;

постановленіемъ 19-го Декабря 1833 года опредѣленъ особый Архитекторъ при Московскомъ Учебномъ Округѣ съ жалованьемъ въ 1000 р. асс.

Строительный Комитетъ при И. М. У.

Преобразованіе и обновленіе Московскаго Университета готовилось. Требовалось сначала умножить его зданія. Купленъ былъ съ этою цѣлію домъ Пашкова. Черезъ двѣ недѣли по вступленіи въ управленіе Министерствомъ С. С. Уварова, 8-го Апрѣля 1833 года, по его представленію, Государь Императоръ дозволилъ взять заимообразно на передѣлки по дому Пашкова 99,750 р., составившихся отъ капитала 50,000 р., пожертвованнаго П. Г. Демидовымъ на Университетъ въ Тобольскѣ, съ возвратомъ въ послѣдствіи сихъ денегъ изъ суммы, имѣющей быть ассигнованной на сей предметъ изъ Государственнаго Казначейства, и съ уплатою процентовъ на позаимствованную сумму. — Тогда же, другимъ Высочайшимъ Указомъ 23-го Апрѣля, учрежденъ въ Москвѣ Строительный Комитетъ, какъ для этой передѣлки, такъ и для другихъ по Гимназіямъ въ столицѣ, и предсѣдательство Комитета ввѣрено Помощнику Попечителя Д. П. Голохвастову. Его заботливой дѣятельности Московскій Университетъ обязанъ благолѣпіемъ тѣхъ новыхъ своихъ зданій, которыя для него воздвигла Монаршая щедрота.—9-го Маія утверждены были правила для Строительнаго Комитета, которыми освобождался онъ отъ обыкновенныхъ формъ въ своихъ дѣйствіяхъ для того, чтобы ускорить окончаніе дѣла и сократить издержки.

Циркуляръ Министра.

Въ самый день вступленія своего въ управленіе Министерствомъ С. С. Уваровъ циркулярнымъ предложеніемъ къ Попечителямъ Учебныхъ Округовъ указалъ на тѣ три основныя начала, которыми они долж-

ны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ: на начала Православія, Самодержавія и Народности. За тѣмъ Маія 27-го слѣдовали статьи, на которыя Управлявшій Министерствомъ обратилъ вниманіе мѣстныхъ Начальниковъ для того, чтобы основная мысль управленія могла быть приведена въ живое исполненіе.

Студенты изъ Бѣлорусскаго Учебнаго Округа.

Государь Императоръ, по представленію Управляющаго Министерствомъ, повелѣлъ въ теченіи двухъ лѣтъ посылать по 25 учениковъ изъ Бѣлорусскаго Учебнаго Округа въ С. Петербургскій и Московскій Университеты, съ выдачею имъ пособій до окончанія Университетскаго курса. Такъ черезъ образованіе началось духовное сближеніе двухъ племенъ, родныхъ по языку и связанныхъ союзомъ государственнаго единства, сближеніе, принесшее много плодовъ прекрасныхъ и полезныхъ для нашего Отечества.

Государь Императоръ, въ одномъ изъ Высочайшихъ Повелѣній Своихъ, касавшихся устройства высшаго учебнаго образованія во всѣхъ Западныхъ Губерніяхъ, благоволилъ такъ выразить чувства Свои къ юношеству всѣхъ областей Своей неизмѣримой Державы: «Да юноши, воспитываемые вездѣ въ единомъ духѣ, ко благу единаго Отечества, къ спокойствію своихъ семействъ, къ собственному своему мирному усовершенствованію въ предѣлахъ гражданской жизни и прочному успѣху на поприщѣ Государственной службы, пользуются всѣ нераздѣльною и единою Нашею Отеческою любовію.»

Инспекторъ Студентовъ.

Движеніе, данное Университетскому ученію, устремило къ нему юношество изъ всѣхъ сословій, и особенно изъ дворянскаго. Всѣ среднія учебныя заведенія вошли въ стройную систему и стали подъ Университетами. Благородные Пансіоны при Гимназіяхъ

циркулярнымъ предложеніемъ Управляющаго Министерствомъ отъ 16-го Маія получили настоящее свое назначеніе. Указомъ 2-го Января 1834 года дозволено принимать въ Университеты всѣхъ желающихъ совершенствоваться во Врачебныхъ наукахъ, если только они предъявятъ свидѣтельства, что обучались прежде Медицинѣ въ общественномъ Русскомъ или иностранномъ учебномъ заведеніи. Указомъ 23-го Января 1834 года всѣ чиновники служащіе и неслужащіе, выдержавъ предварительное испытаніе, допущены къ слушанію лекцій. Умноженіе юношества въ Университетахъ потребовало учрежденія особеннаго за нимъ надзора. Заботливый нашъ Государь, еще во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1831 году, при Попечителѣ Университета Князѣ С. М. Голицынѣ, повелѣлъ устроить при Университетѣ особый домъ, въ которомъ своекоштные Студенты, не имѣющіе въ Москвѣ ни родственниковъ, ни благодѣтелей, пріемлющихъ отвѣтственность за ихъ поведеніе, состоя подъ надзоромъ особаго Начальника, получали бы, кромѣ одежды, все необходимое для жизни за самую умѣренную плату. — Для того, чтобы бдительный надзоръ за Университетскимъ юношествомъ простирался и внѣ стѣнъ Университета, Высочайшимъ Указомъ 1-го Маія 1834 года опредѣленъ Инспекторъ Студентовъ изъ постороннихъ Военныхъ или Гражданскихъ Чиновниковъ, не имѣющихъ никакихъ другихъ должностей и занятій, и ему дано пять Помощниковъ, которые также обязаны не имѣть никакихъ иныхъ занятій, кромѣ надзора за Студентами. 18-го Ноября того же года Инспекторъ снабженъ Инструкціею, гдѣ во всей полнотѣ раскрыта вся важность его обязанностей по нравственному управленію надъ учащимися въ Университетѣ и надзору надъ ними. 30-го Іюля въ 1834 году утвержденъ былъ въ долж-

ности Инспектора Студентовъ Капитанъ 2-го ранга Платонъ Степановичъ Нахимовъ, избранный Попечителемъ Княземъ С. М. Голицынымъ. Имя Платона Степановича, понявшаго умомъ и сердцемъ мысль важнаго дѣла, ввѣреннаго ему Начальствомъ, осталось незабвеннымъ между Студентами Московскаго Университета. Расписаніемъ мундировъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, 27-го Февраля 1834 года, данъ Студентамъ Университета тотъ мундиръ, который сдѣлался для нихъ наградою за ихъ успѣхи умственные и нравственные, благородною мечтою стремленія юношескаго и внѣшнимъ признакомъ образованія и учебнаго труда.

Частныя училища.

Частныя учебныя заведенія составляли важный вопросъ въ общей системѣ государственнаго воспитанія. Они должны были подчиниться закону единства, принятому въ основу управленія. Указомъ 4-го Ноября 1833 года пріостановлено на время открытіе частныхъ Пансіоновъ и объявлено требованіе, чтобы содержатели и содержательницы ихъ были подданные Россійской Имперіи. Постановленіемъ 26-го Дек. 1833 года учреждены надъ ними Инспекторы въ столицахъ,— и почти постоянно мѣста сіи ввѣрялись Профессорамъ Университета, чтобы привести въ ближайшее отношеніе эти сторонніе разсадники образованія съ главнымъ и центральнымъ. 17-го Апрѣля 1834 года Министръ снабдилъ Инспекторовъ инструкціею, которая приводила и это управленіе къ общему единству, и давала имъ возможность требовать во всѣхъ случаяхъ содѣйствія или разрѣшенія Университета, поставляя ихъ въ прямыя сношенія съ его Ректоромъ. Января 12-го въ 1835 году частныя Учебныя заведенія были снабжены отъ Министра новымъ Положеніемъ.

Домашнее воспитаніе.

За частнымъ воспитаніемъ общественнымъ слѣдовало воспитаніе домашнее: здѣсь затрудненія Правительства еще болѣе возрастали и стремленіе его къ единству Государственному могло встрѣтить сильнѣйшія препятствія. Живо возобновлена тогда постоянная мысль Правительства, заботливо ограждавшаго легковѣріе родителей отъ злоупотребленія учителей иностранныхъ. Въ указѣ 25-го Марта 1834 года, которымъ строго воспрещено принимать въ домы Дворянъ, Чиновниковъ и купцевъ,—иностранцевъ обоего пола, не получившихъ аттестатовъ отъ Университетовъ на учительскія, наставническія или гувернерскія званія и не имѣющихъ требуемыхъ Указомъ 12-го Іюня 1831 года свидѣтельствъ о нравственности и поведеніи, — приведенъ на память Указъ Императрицы Елисаветы Петровны 29-го Апрѣля 1757 года, подтвержденный въ 1812 году Императоромъ Александромъ I. Неусыпная мысль Царствующаго Государя выразилась ясно и живо въ слѣдующихъ словахъ: «Мы увѣрены, что родительская нѣжность и здравый смыслъ любезнѣйшихъ вѣрноподданныхъ Нашихъ вполнѣ открываютъ имъ всю важность и пользу сихъ мѣръ; что каждый истинно Русскій отецъ раздѣляетъ Нашу заботливость о водвореніи по всему пространству Имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ Нашихъ учрежденій и о предохраненіи юныхъ сердецъ отъ впечатлѣній, противныхъ Вѣрѣ, нравственности и народному Нашему чувству. Мы не сомнѣваемся, что всѣ благомыслящіе, постигая безпрерывное попеченіе, обращаемое Нами на сію важную вѣтвь Государственнаго благоустройства, всѣ готовы содѣйствовать Правительству въ достиженіи великой цѣли, столь ясно изображенной въ дѣйствіяхъ онаго по сей части.» 1-го Іюля 1834 года подписано было Государемъ Императоромъ Положеніе о домашнихъ На-

ставникахъ и Учителяхъ, которымъ Правительство, какъ сказано въ Указѣ, утверждало связь между воспитаніемъ домашнимъ и публичнымъ. Наставники семействъ, въ силу этого положенія, начали считаться на службѣ Государственной; имъ присвоены награды и пенсіи. Испытаніе воспитателей и учителей обоего пола ввѣрено снова по преимуществу Университетамъ, и составленъ для того особый испытательный Комитетъ изъ Профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ Ректора. Позднѣе подвергнута особымъ правиламъ самая форма испытанія, и предметы раздѣлены на главные и вспомогательные.

Передъ самымъ введеніемъ новаго Устава въ Московскій Университетъ, умноженіе учебныхъ пособій и водвореніе молодаго поколѣнія ученыхъ, образовавшихся за границею, были предметомъ особенныхъ заботъ Правительства. Указомъ 29-го Ноября 1834 года повелѣно употребить на учебныя пособія нужную сумму изъ добавочныхъ денегъ 220,700 р. асс., въ этомъ году пожалованныхъ на Московскій Университетъ. Немедленно учрежденъ былъ для этой цѣли особенный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Помощника Попечителя, изъ Профессоровъ: Давыдова, Перевощикова, Альфонскаго, Геймана, Васильева, Эйнбродта и производителя дѣлъ Профессора Щуровскаго. Комитетъ, сообразивъ всѣ требованія по Университетскимъ каѳедрамъ со справками о цѣнахъ, составилъ списки учебнымъ пособіямъ, признаннымъ за нужныя для Университета, и съ своимъ заключеніемъ представилъ ихъ Министру Народнаго Просвѣщенія. Мы еще возвратимся къ этому предмету. Умноженіе учебныхъ пособій.

Между тѣмъ 16 молодыхъ ученыхъ, въ 1828 году вызванныхъ на испытаніе въ Академію Наукъ, до- Возвращеніе молодыхъ ученыхъ изъ-за границы.

канчивали за границею свое образованіе и готовились къ занятію Университетскихъ каѳедръ. Надзоръ за воспитанниками Русскихъ Университетовъ въ Берлинѣ былъ ввѣренъ Генералъ-Маіору Мансурову 17-го Февраля 1834 года. По его представленію, Указомъ 1-го Маія, прибавлено было имъ содержаніе: восьми человѣкамъ посвятившимъ себя Медицинѣ и Математикѣ по 300, а остальнымъ восьми по 200 Прусскихъ талеровъ въ годъ. По возвращеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно юристовъ, въ Россію, въ 1834 г., для испытанія ихъ, составлена была Д. Тайнымъ Совѣтникомъ М. М. Сперанскимъ особенная программа, напечатанная по Высочайшему повелѣнію. Испытаніе поручено Коммиссіи, назначенной изъ Профессоровъ Юридическаго Факультета въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и старшихъ Чиновниковъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ Начальника этого Отдѣленія, Статсъ-Секретаря Балугъянскаго. Другимъ же воспитанникамъ, возвратившимся въ 1835 году, Указомъ 23-го Іюля, повелѣно было сдѣлать также испытаніе въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, примѣняясь въ его формѣ къ тѣмъже самымъ Правиламъ, какія Высочайше утверждены были для Юристовъ. Въ 1835 году, въ слѣдъ за новымъ Попечителемъ, Графомъ С. Г. Строгановымъ, по его избранію, прибыли въ Московскій Университетъ, для занятія каѳедръ, Доктора Философіи: Шиховскій и Крюковъ, Доктора Медицины: Филомаѳитскій и Иноземцевъ, Доктора Законовѣдѣнія: Рѣдкинъ, Крыловъ, Баршевъ, и Магистръ Философіи Чивилевъ. Между тѣмъ мѣра образованія молодыхъ ученыхъ за границею, принятая Правительствомъ, дѣятельно продолжалась. Указомъ 20-го Января 1836 года Государь Императоръ соизволилъ на отправленіе въ Берлинъ и въ Кенигсбергъ 11-ти Студен-

товъ Главнаго Педагогическаго Института, изъ которыхъ трое: Лешковъ, Менщиковъ и Спасскій, заняли, впослѣдствіи, каѳедры въ Московскомъ Университетѣ.

Училищное управленіе Округомъ снято съ Университетовъ.

Обязанности, лежавшія на Профессорахъ въ учебномъ отношеніи внутри самыхъ Университетовъ, возрастали, а потому и управленіе Учебными Округами для сихъ послѣднихъ становилось слишкомъ отяготительно. Министръ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ Отчетѣ за 1835 годъ: «Неудобства такого порядка вещей съ давняго времени были ощутительны, но въ особенности сдѣлались замѣтны съ умноженіемъ числа Учебныхъ заведеній и съ возрастающею дѣятельностію Министерства.» Положеніемъ 25-го Іюня 1835 года Университеты освобождены отъ завѣдыванія Гимназіями и Училищами: оно возложено непосредственно на Попечителей Учебныхъ Округовъ, которымъ, кромѣ осмотра личнаго, черезъ Помощника и Инспектора казенныхъ училищъ, дана возможность, для обозрѣнія учебныхъ заведеній Округа, употреблять и Профессоровъ или Адъюнктовъ, съ тѣмъ однако, чтобы такія порученія не затрудняли хода Университетскаго преподаванія. Во всемъ же, что касается до ученыхъ соображеній и усовершенствованія въ преподаваніи наукъ, Попечитель поставленъ въ прямое отношеніе къ Университетскому Совѣту.

Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ 26 Іюля 1835 г.

26-го Іюля 1835 года, Государь Императоръ благоволилъ утвердить Общій Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ. Въ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено: «Утвердивъ въ 25 день Іюня сего года Положеніе объ Учебныхъ Округахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Мы обратили дѣятельность Университетовъ Нашихъ на существенную пользу Наукъ и публичнаго воспитанія.

«Желая довершить устройство Высшихъ Учебныхъ Заведеній и поставить ихъ на степень имъ слѣдующую, Мы признали за благо даровать имъ новое Учрежденіе, болѣе приспособленное къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію. На сей конецъ, подъ собственнымъ руководствомъ Нашимъ составленъ въ Комитетѣ Устройства Учебныхъ Заведеній проэктъ Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, съ принадлежащими къ нему Штатами.»

Въ распредѣленіи наукъ новаго Устава находимъ мы гораздо большее противу прежняго развѣтвленіе. Для Догматическаго и Нравоучительнаго Богословія, Церковной Исторіи и Церковнаго Законовѣдѣнія опредѣлена особенная каѳедра, не принадлежащая ни къ какому Факультету, для всѣхъ вообще Студентовъ Греко-Россійскаго исповѣданія. Прежде, какъ извѣстно, каѳедра Богословія стояла во главѣ Отдѣленія Нравственно-Политическихъ наукъ. Въ Словесныя науки введена была новая каѳедра Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій; Политическая Экономія отдѣлена отъ Дипломатики, съ которою связана была прежде, а соединена съ Статистикою. Къ наукамъ естественнымъ присоединены Физическая Географія, Геогнозія и Лѣсоводство. Впослѣдствіи 2-е Отдѣл. Философскаго Фак. раздѣлено на двѣ вѣтви: 1) наукъ Математическихъ и 2) Естественныхъ. Науки Юридическія распредѣлены согласно Своду Законовъ, съ присоединеніемъ Римскаго Законодательства и его Исторіи, равно Началъ Общенароднаго Правовѣдѣнія. Науки Медицинскаго Факультета представляютъ несравненно бо̀льшее противъ прежняго раздробленіе, которое еще умножилось дальнѣйшимъ образованіемъ Факультета. Къ тремъ прежнимъ Лекторамъ присоединенъ Лекторъ Италіянскаго языка, Профессоры обязаны имѣть ученую степень Доктора, Адъюнкты покрайней мѣрѣ

степень Магистра. Полный курсъ Студента по тремъ факультетамъ опредѣленъ четырьмя годами, по Медицинскому пятью. Университетамъ дана своя Цензура для ученыхъ сочиненій, ими или ихъ Профессорами издаваемыхъ; предоставлено право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія; книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя Университетами изъ чужихъ краевъ, освобождены отъ разсмотрѣнія Комитетовъ цензуры иностранной. Снято также цензурное разсмотрѣніе съ книгъ, рукописей и повременныхъ изданій, выписываемыхъ Професcорами изъ-за границы для собственнаго ихъ употребленія; но возложена на нихъ отвѣтственность за распространеніе книгъ непозволительнаго содержанія, если бы въ числѣ выписываемыхъ случились такія. Собственные домы Профессоровъ, Адъюнктовъ и Лекторовъ, равно какъ и наемные, занимаемые ими, освобождены отъ постоя. Приглашаемымъ изъ чужихъ краевъ Профессорамъ и Адъюнктамъ дано право, при первомъ въѣздѣ въ Государство, въ теченіи года выписывать вещей по количеству причитающихся съ нихъ пошлинъ суммою на три тысячи рублей ассигнаціями, не включая, разумѣется, сюда учебныхъ пособій. Умножено число Профессоровъ. Оклады Профессорамъ Ординарнымъ увеличены въ два съ половиной раза; жалованье Адъюнктамъ въ четыре раза слишкомъ, кромѣ того, что всѣмъ прибавлены квартирныя деньги. Учебныя пособія несравненно умножены числомъ; штаты на нихъ увеличены на библіотеку въ 10 разъ, на другія въ четыре, въ три, въ два раза. Сумма штатовъ въ 454,200 р. асс. умножена противъ прежней 220,700 руб. Состояніе Профессоровъ, Адъюнктовъ и Лекторовъ, и семействъ ихъ, въ случаѣ смерти, обезпечено пенсіями щедрыми и великодушными. Всѣ Сту-

денты Университетовъ, по окончаніи полнаго курса вышедшіе съ аттестатами, причислены къ Чиновникамъ перваго разряда; позднѣе, о первенствующихъ своекоштныхъ Кандидатахъ лично повелѣно Министру ежегодно представлять Его Императорскому Величеству, даруя имъ особенное право на выборъ службы по Министерствамъ; всѣ же не окончившіе полнаго курса въ Университетѣ Указомъ 14-го Апрѣля 1836 года причислены къ чиновникамъ втораго разряда. Новое, болѣе точное, узаконеніе вызвало вопросъ о прежнихъ питомцахъ Университета, къ какому разряду причитать ихъ: постановленіемъ 14-го Марта 1844 года предоставлено Сенату: о всѣхъ Университетскихъ аттестатахъ прежняго времени, по коимъ лица, получившія ихъ, причисляются по чинопроизводству къ первому разряду, требовать предварительнаго заключенія Министра Народнаго Просвѣщенія; въ руководство же принять правиломъ, чтобы только тѣ воспитанники Университета причисляемы были къ чиновникамъ перваго разряда, у которыхъ въ аттестатахъ обозначено, что они три года слушали Университетскія лекціи.

Распоряженіемъ Министра отъ 29-го Января 1837 года утверждены въ видѣ опыта на четыре года Правила испытанія для желающихъ поступить въ Университеты. Впослѣдствіи опытъ утвержденъ былъ еще на четыре года и потомъ принятъ за постоянную мѣру. Другими распоряженіями Министра 12-го Апрѣля 1837 года утверждена форма Студентовъ, а 3-го Ноября того же года устроенъ правильный переходъ Студентовъ, въ случаѣ необходимости, изъ одного Университета въ другой.

Новый Уставъ требовалъ отъ Профессора степени Доктора: нѣкоторые преподаватели Университета не имѣли этой степени и потому не могли быть повы-

шены въ званіе Профессоровъ. Въ видѣ изъятія позволено было имъ въ теченіи 1837 года представить диссертаціи и послѣ ихъ публичнаго защищенія получить высшую ученую степень. По этому случаю Экстраординарные Профессоры Зерновъ и Морошкинъ представили диссертаціи: первый: *Объ интеграціи уравненій съ частными дифференціалами*, второй: *О правѣ владѣнія по началамъ Россійскаго Законодательства*; Адъюнктъ Чивилевъ: *О народномъ доходѣ*; Ад. Шевыревъ: *Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*, и всѣ четверо удостоены степени Докторской.

Въ 1837 году, 28-го Апрѣля, Высочайше утвержденъ былъ на три года первый опытъ Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени вмѣстѣ съ Таблицами для сего испытанія. Въ 1844 году, 6-го Апрѣля, этотъ опытъ, повѣренный на дѣлѣ и болѣе развитый въ подробностяхъ, вновь утвержденъ подъ именемъ Положенія о производствѣ въ ученыя степени. Для степени Магистерской признанъ одинъ предметъ главнымъ, другой тѣсно съ нимъ связанный второстепеннымъ; для степени Докторской оба предмета, тѣсно между собою связанные, поставлены на равной степени. Отъ Магистра опредѣлено требовать *историческаго* знанія предмета, отъ Доктора *критическаго*. Это Положеніе, равно сильное для трехъ факультетовъ: Историко-Филологическаго, Физико-Математическаго и Юридическаго, благодѣтельно послужило въ нашемъ Отечествѣ къ образованію спеціальныхъ ученыхъ по разнымъ частямъ наукъ, теперь уже занимающихъ каѳедры. **Положеніе о производствѣ въ ученыя степени.**

Между тѣмъ Правительство не переставало давать средства молодымъ ученымъ за границею почерпать **Путешествія Русскихъ молодыхъ ученыхъ.**

познанія въ наукахъ, которымъ они себя посвящаютъ. 20-го Февраля 1834 года, дозволено Доктору Медицины Армфельду отправиться на три года за границу, въ Германію, Англію и Италію, для усовершенствованія себя по части Физіологіи и Патологіи, на собственномъ иждивеніи, съ оставленіемъ на службѣ при Московскомъ Университетѣ.—4-го Маія 1836 года, Государь Высочайше соизволилъ на отправленіе Кандидата Грановскаго въ Берлинъ на счетъ Московскаго Университета для усовершенствованія въ Историческихъ наукахъ. — 5-го Декабря того же года, дозволено Кандидату Драшусову ѣхать для усовершествованія въ Физико-Математическихъ наукахъ и особенно въ Астрономіи за границу, въ Италію, Германію и Швейцарію, на два года, съ производствомъ ему по 5000 р. асс. въ годъ изъ экономическихъ суммъ Московскаго Университета. — Въ томъ же году, 31-го Августа, изъявлено Высочайшее соизволеніе на отправленіе Магистра М. У. Бодянскаго для усовершенствованія въ Исторіи и литературѣ Славянскихъ нарѣчій, въ извѣстныя чѣмъ либо въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ мѣста Австріи, Турціи, а также и въ Варшаву, на два года, съ производствомъ ему по 4000 р. въ годъ изъ экономическихъ суммъ М. У. 20-го Іюня 1839 года, продолженъ ему срокъ пребыванія за границею на шесть мѣсяцевъ съ отпускомъ на это время 3000 р., и 14-го Ноября дозволено ему пробыть за границею до Сентября 1840 года. — Въ 1838 году, 13-го Января, дозволено Э. О. Профессору Щуровскому предпринять ученое путешествіе по Уральскому хребту, для осмотра его въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи; 3-го Маія, Адъюнкту Топорову на одинъ годъ въ Германію, Италію и Францію, для обозрѣнія важнѣйшихъ тамъ клиникъ и госпиталей, съ сохраненіемъ Адъюнктскаго жалованья;

4-го Октября Э. О. Профессору Шевыреву пробыть за границею до окончанія 1838 академ. года, для усовершенствованія себя въ древней Филологіи и Исторіи изящныхъ искусствъ, съ сохраненіемъ жалованья.—Въ 18$\frac{39}{40}$ году совершилъ заграничное путешествіе Проф. Погодинъ.—Въ 1841 г., 4-го Марта, дозволено Адъюнкту Варвинскому отправиться на два года и четыре мѣсяца въ Берлинъ, Вѣну и Парижъ для усовершенствованія себя въ избранныхъ имъ предметахъ; 22-го Апрѣля отправленъ за границу Магистръ Линовскій на 2 года и 4 мѣсяца въ Германію, Францію, Белгію и Англію для усовершенствованія по части Сельскаго Хозяйства и занятія каѳедры по возвращеніи; 13-го Апрѣля 1848 года продолженъ Линовскому срокъ пребыванія за границею по 22-е Іюля 1844 года, для основательнѣйшаго изученія практическаго Сельскаго Хозяйства въ Англіи и Белгіи, съ производствомъ содержанія 1143 р. сер. въ годъ; въ 1841 году совершили заграничныя путешествія Профессоры Гейманъ, Рулье, Крюковъ; Профессоръ Погодинъ по Сѣверовосточнымъ предѣламъ древняго Новгородскаго Княжества. — 21-го Іюля 1841 года, Кандидатъ М. У. Ершовъ отправленъ за границу по 1-е Августа 1843 года, въ Германію, Францію и Англію, для усовершенствованія въ Техническихъ наукахъ.—17-го Августа 1843 года отправлены въ чужіе краи для усовершенствованія въ наукахъ Кандидаты М. У. Леонтьевъ, Пѣховскій, Кудрявцевъ и Мильгаузенъ, Докторъ Басовъ, Лѣкарь Лясковскій. Эти молодые ученые были уже питомцами вновь преобразованнаго Университета и представляли собою то спеціальное развитіе въ наукахъ, къ которому привело ихъ Правительство новыми своими учрежденіями. — Для облегченія странствія ученымъ, отправляемымъ

ствѣ вольнослушающихъ и подвергнуться испытанію для полученія званія Дѣйствительнаго Студента или степени Кандидата, выдержавъ однако прежде на любомъ изъ курсовъ гимназическое испытаніе или представивъ изъ Гимназіи свидѣтельство. Другимъ распоряженіемъ Министерскимъ 30-го Ноября 1846 г., на основаніи того же Положенія, дозволено молодымъ людямъ, исключеннымъ изъ числа Студентовъ Университета за безуспѣшность въ наукахъ, посѣщать Университетскія лекціи приватными слушателями. — 16-го Іюня 1847 года, Государь Императоръ изволилъ утвердить Мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ, съ упраздненіемъ разряда приватныхъ слушателей, служащіе и отставные чиновники, равно лица всѣхъ свободныхъ состояній, желающія пріобрѣсть спеціальныя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ Университетѣ, могутъ быть допущены къ посѣщенію Университетскихъ лекцій, съ разрѣшенія Ректора, которому предъявляютъ свои документы, а служащіе дозволеніе своего Начальства. Посѣщающіе на семъ основаніи лекціи могутъ подвергаться испытаніямъ или на ученую степень, на основаніи 5-й ст. Положенія, или для полученія ученаго аттестата на причисленіе къ первому разряду гражданскихъ Чиновниковъ. — Высочайшимъ Указомъ 9-го Маія 1847 года, по представленію Г-на Министра Юстиціи объ устройствѣ состава докладывающихъ на консультаціи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи, повелѣно: назначить для того четырехъ кончившихъ въ Россійскихъ Университетахъ курсъ Юридическихъ Наукъ Кандидатовъ, для приготовленія къ званію докладчиковъ, съ правами Государственной службы, съ жалованьемъ, какое получаютъ Адъюнкты Университетовъ, и черезъ два года замѣнять ихъ другими четырьмя Кандидатами, имъ

же предоставлять мѣста или Исправляющихъ должность Юрисконсультовъ, или Секретарей въ Сенатѣ, или по Министерству Народнаго Просвѣщенія мѣста Преподавателей.—Высочайшимъ постановленіемъ 22-го Августа 1847 года повелѣно опредѣлять ежегодно до десяти молодыхъ людей, обучавшихся въ Университетахъ и получившихъ званіе Дѣйствительныхъ Студентовъ, при тѣхъ изъ Гражданскихъ и Уголовныхъ Палатъ, въ которыхъ болѣе дѣлъ, съ преимущественнымъ правомъ на занятіе вакансій Столоначальниковъ.

Новое образованіе Врачебной части.

Потребности государственныя, особенно военныя, и потребности общежитія были причиною распространенія и умноженія Медицинскаго Факультета. Сама собою обнаружилась необходимость дать этой огромной части Университета образованіе стройное, органическое, соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ науки и развитію государственныхъ силъ Россіи. Это стремленіе вызвало много новыхъ Высочайшихъ постановленій и распоряженій Правительственныхъ. 28-го Декабря 1838 года, Высочайше утверждены Правила испытанія Медицинскихъ, Ветеринарныхъ и Фармацевтическихъ чиновниковъ и вообще лицъ, занимающихся врачебною практикою. Высочайшимъ Указомъ 27-го Апрѣля 1840 года Московская Медико-Хирургическая Академія вмѣстѣ съ Виленскою перечислена изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ тою цѣлію, чтобы сосредоточить по возможности преподаваніе Врачебныхъ Наукъ и управленіе высшими Учебными Заведеніями по сей части въ одномъ вѣдомствѣ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Министра, отъ 29-го Апрѣля 1840 года, повелѣно Министру поставить Академію въ ближайшую связь съ Московскимъ Университетомъ. Во всеподданнѣйшемъ От-

четѣ Министра за 1840 годъ сказано: «Ваше Величество, передавая двѣ вышесказанныя Академіи въ мое управленіе, изволили указать необходимость дать этой части медицинскаго ученія въ Россіи стройное, однообразное движеніе, приведя раздробленныя силы къ одному знаменателю, къ знаменателю, согласному съ современнымъ положеніемъ Наукъ въ Европѣ, и съ потребностію въ Русскихъ Врачахъ, могущихъ, въ полномъ смыслѣ слова, оправдать щедрое попеченіе Правительства. Принявъ эту священную волю Вашего Величества къ обдуманному соображенію, я съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ при Министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ Лейбъ-Медика Маркуса, временный Комитетъ, въ который стекаются нынѣ разные по сей части возникающіе вопросы, и предварительному разсмотрѣнію и обсужденію коего будутъ подвергнуты и всѣ дальнѣйшіе виды Министерства, по предмету Медицинскихъ Наукъ.» Временный Медицинскій Комитетъ открылъ свои дѣйствія 18-го Февраля 1841 года. Плодами его дѣятельности и соображеній Министра были: Дополнительное Постановленіе о Медицинскомъ Факультетѣ Московскаго Университета, Дополнительный Штатъ сего Университета, въ видѣ опыта на пять лѣтъ, Высочайше утвержденные во Флоренціи 7-го Декабря 1845 года, и Правила испытанія врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ, дентистовъ и повивальныхъ бабокъ, Высочайше утвержденные въ Вѣнѣ, въ томъ же году, 18-го Декабря. Въ постановленіи подробно обозначены предметы вспомогательные, необходимые для Медика, и существенные, расположенные на 12 каѳедръ и систематически объемлющіе: 1) предметы необходимые для изученія человѣка въ здоровомъ и больномъ его состояніи, 2) излагающіе пособія для сохраненія и возстановленія его здоровья, 3) занимающіеся при-

мѣненіемъ врачебныхъ пособій къ практикѣ, 4) составляющіе Государственное Врачебновѣдѣніе и заключающіе въ себѣ приложеніе Физико-Медицинскихъ свѣдѣній къ потребностямъ Государства, 5) представляющіе объемъ Медицины, способъ ея изученія, ея Исторію и Литературу. — Министерскимъ распоряженіемъ 23-го Маія 1847 года положены Правила порядка испытанія Медицинскихъ Студентовъ на степень Доктора. — Въ 1849 году, 16-го Февраля, Государемъ Императоромъ утверждено Положеніе о гражданскихъ и служебныхъ преимуществахъ, соединяемыхъ съ медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными степенями.

Присоединеніе Медико-Хирургической Академіи.

Между тѣмъ Московская Медико-Хирургическая Академія была постепенно упразднена или, лучше сказать, слита съ Московскимъ Университетомъ. Ея учебныя пособія всѣ перешли въ собственность Университета. Высочайшимъ Указомъ 14-го Октября 1842 года учрежденъ Строительный Комитетъ для перестройки зданій Московской Медико-Хирургической Академіи подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Академіею Помощника Попечителя Д. П. Голохвастова, а 8-го Августа 1844 года утвержденъ Штатъ Комитета. Клиника, учрежденная въ домѣ прежней Академіи и превосходствомъ устройства ставшая едва ли не выше всѣхъ подобныхъ заведеній въ Европѣ, была освящена 28-го Сентября 1846 года Высокопресвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, произнесшимъ при освященіи назидательное слово. Начальникъ Терапевтическаго Отдѣленія Клиники Профессоръ Оверъ открылъ ее Латинскою рѣчью о Христіанскихъ обязанностяхъ врача. При открытіи присутствовали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ С. С. Уваровъ, Министръ Государственныхъ

Открытіе Клиники.

Имуществъ Графъ П. Д. Киселевъ, Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ Князь А. Г. Щербатовъ и всѣ Профессоры Университета. Въ 6-ый день по открытіи, 4-го Октября, Государь Императоръ посѣтилъ Клинику и обрадовалъ врачей Профессоровъ и страждущихъ на постеляхъ Своимъ Царскимъ радостнымъ привѣтомъ. 13-го Января 1852 года Государь Императоръ, по ходатайству Наслѣдника Цесаревича, Высочайше повелѣть соизволилъ: Воспитанниковъ Корпусовъ Московскихъ и Губернскихъ, вблизи Москвы расположенныхъ, одержимыхъ хроническими болѣзнями, отправлять для пользованія въ Москву въ Хирургическую Клинику Московскаго Университета, съ отпускомъ потребной на лѣченіе ихъ суммы изъ Государственнаго Казначейства.

Постановленія и распоряженія Правительства за послѣднее пятилѣтіе.

Пройдемъ окончательно постановленія и распоряженія Правительства за послѣднее пятилѣтіе Московскаго Университета. Циркулярными предложеніями Министра отъ 3-го Марта и 9-го Іюня 1849 года не дозволено принимать своекоштныхъ Студентовъ на казенное содержаніе, иначе какъ со 2-го курса, когда обозначутся ихъ поведеніе, способности и успѣхи, за исключеніемъ тѣхъ, которые изъ казенныхъ учебныхъ заведеній округа поступаютъ прямо въ Университетъ и уже извѣстны Начальству; запрещено казеннокоштнымъ Студентамъ оставаться на одномъ и томъ же курсѣ два года, и исключенія дозводять не иначе, какъ съ разрѣшенія Министерства.

Высочайшимъ постановленіемъ 11-го Октября 1849 года избраніе Ректоровъ Университета предоставлено Министру Народнаго Просвѣщенія изъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, съ представленіемъ о нихъ на Высочайшее утвержденіе. Избраніе Декановъ отъ факультетовъ осталось на прежнемъ основаніи; но

предоставлено Министру право назначать Декана изъ Профессоровъ факультета и независимо отъ Университетскихъ выборовъ. Ректоръ и Деканы снабжены особенною инструкціею, которая начертана Министромъ и утверждена Государемъ Императоромъ.

Высочайшимъ указомъ 10-го Декабря 1849 года повелѣно принять за правило, чтобы исключенные изъ Университетовъ Студенты не оставались на жительствѣ въ томъ городѣ, гдѣ были въ Университетѣ, съ изъятіемъ изъ правила тѣхъ исключаемыхъ, у которыхъ въ городѣ есть родители. — Высочайшимъ указомъ 15-го Декабря 1849 года повелѣно запретить Студентамъ Медицинскаго факультета въ Университетахъ переходить въ другіе факультеты, и выбывшихъ изъ Медицинскаго вновь въ другіе не принимать. — Высочайшими указами 11-го Маія и 26-го Сентября 1849 года повелѣно ограничить число своекоштныхъ Студентовъ и вольныхъ слушателей въ каждомъ Университетѣ тремя стами, не распространяя сего правила на Медицинскіе факультеты всѣхъ вообще Университетовъ, въ которыхъ число своекоштныхъ студентовъ не опредѣляется. Въ пріемѣ же въ Университеты, при равныхъ правахъ по успѣхамъ и нравственности, 26-го Января 1850 года повелѣно отдавать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу.— Указомъ того же числа два Отдѣленія Философскаго факультета переименованы: первое Историко-Филологическимъ, и второе—Физико-Математическимъ. — Чтеніе Логики и Психологіи въ томъ же году возложено на Профессоровъ Богословія, а надзоръ за этимъ преподаваніемъ, по просьбѣ Министра, предоставленъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Главнымъ Наблюдателямъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Высочайшимъ указомъ 12-го Іюня 1850 года повелѣно: назначенную по Дополнительному штату Московскаго Университета изъ городскихъ доходовъ столицы сумму 8,571 руб. 50 коп. сер. на содержаніе Факультетской Клиники отпускать, по прежнему, изъ тѣхъ же доходовъ.

5-го Ноября 1850 года повелѣно учредить въ Университетахъ особую каѳедру Педагогіи, по примѣру существующей въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, для теоретическаго и практическаго приготовленія Студентовъ къ учительскому званію. Съ 10-го Января 1851 года эта каѳедра учреждена и въ Московскомъ Университетѣ.

Министерскимъ распоряженіемъ отъ 16-го Января 1852 года разрѣшено открыть въ составѣ Историко-Филологическаго факультета Московскаго Университета каѳедру Восточныхъ языковъ: Санскритскаго, Еврейскаго, Арабскаго и Персидскаго, для желающихъ заниматься оными.

Устроеніе и освященіе храма.

Обозрѣвъ Высочайшія постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Московскаго Университета за послѣднія 29 лѣтъ, перейдемъ къ событіямъ. Обновленіе внѣшнее и внутреннее Университета осѣнилось обновленіемъ его храма. Высочайшимъ повелѣніемъ 19-го Іюня 1834 года приходская церковь Св. Георгія, причисленная къ Университету, возвращена въ Духовное вѣдомство. Новый храмъ, устроенный по плану Архитектора Тюрина, освященъ былъ во имя Св. Великомученицы Татіаны, 12-го Сентября 1837 года. Освященіе совершилъ Высокопреосвященный Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. Во время литургіи, по освященіи церкви, Архипастырь возвелъ Священника храма и Профессора Богословія П. М. Терновскаго въ санъ Про-

тоіерея. Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ присутствовалъ при торжествѣ. Памятно всѣмъ осталось назидательное слово Архипастыря: о необходимости соединенія Религіи и Науки, на текстъ Псалмопѣвца: *Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Утѣшительно было искателямъ истины въ познаніи услышать изъ устъ служителя Истины живой, что «Тотъ, Который, открывая Свои сокровища, *даетъ премудрость, и отъ лица* Котораго исходятъ *познаніе и разумъ,*—пришелъ сюда нынѣ, и притомъ не только какъ посѣщающій Гость, но и какъ водворяющійся Обитатель; и открываетъ здѣсь Свое училище, какого никто, кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его, не могъ образовать.» Силою глубокаго разума и еще высшею силою Вѣры здѣсь очевидно доказано, что мудрецъ въ существенныхъ вопросахъ жизни: какъ утѣшиться въ печали грѣха, о возможномъ облаженствованіи человѣка, о сочетаніи Божественнаго правосудія съ милосердіемъ, о избавленіи насъ отъ всѣхъ скорбей нашихъ, долженъ прибѣгать къ Истинѣ живой, ихъ разрѣшающей. Архипастырь въ заключеніи слова призывалъ служителей науки къ высшему свѣту словами, начертанными на челѣ храма: *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.*

Вскорѣ послѣ торжества, 22-го Ноября, въ 3 часа пополудни, Государь Императоръ посѣтилъ новоосвященный храмъ, принялъ въ немъ благословеніе отъ Настоятеля Протоіерея Терновскаго и изволилъ, въ присутствіи Попечителя, изъявить лично Профессору Богословія Свое Монаршее благоволеніе за его усердіе и полезные труды.

Богослуженія, совершенныя Митрополитомъ Московскимъ.

Въ исторіи нашего храма мы не можемъ не записать тѣхъ праздничныхъ дней Университета, въ которые Митрополитъ Московскій Филаретъ совершалъ богослуженіе и поучалъ своимъ словомъ Профессоровъ и Студентовъ. Это было 12-го Января 1850 и 1851 года. Два слова великаго проповѣдника остались живою и всегдашнею памятью участія и вниманія, изъявленныхъ Архипастыремъ Московскому Университету. Въ первомъ, на примѣрѣ Іова, онъ доказалъ, какъ премудрость, мать, воспитательница и покровительница истинныхъ знаній и полезныхъ наукъ, ведетъ свое начало отъ благочестія. Во второмъ преподалъ для мудреца высокій образецъ премудрости въ Христіанскомъ мученичествѣ, какъ свидѣтельствованіи истины Христовой. Припоминая отношенія Архипастырей Московскихъ къ нашему Университету, намъ пріятно видѣть, какъ постоянно хранилась высокая духовная связь между ими и нашимъ училищемъ, какъ Преосвященные Тимоѳей, Амвросій, Платонъ, Августинъ и Филаретъ не переставали своими благословеніями, молитвами, назидательнымъ словомъ освящать нашу обитель знаній.

Посѣщенія Государя Императора.

Въ 1826 году, когда совершилось священное коронованіе Государя Императора, Московскій Университетъ имѣлъ счастіе въ первый разъ увидѣть Его Величество въ стѣнахъ своихъ, 27-го Сентября. Передадимъ словами современниковъ-очевидцевъ подробности этого счастливаго для Университета событія. «Со скромностію любопытнаго Посѣтителя и тонкою прозорливостію Любителя истиннаго просвѣщенія бесѣдовалъ Государь съ мѣстными чиновниками о положеніи всѣхъ заведеній, находящихся при Университетѣ; съ благодушіемъ неизъяснимымъ изрекъ Онъ

въ кругу ихъ мудрое желаніе *«видѣть въ воспитанникахъ Московскаго Университета прямо Русскихъ.»*

Обновивъ Университетъ Своею щедростію, великодушнымъ покровительствомъ, неусыпными заботами о немъ Министровъ и Попечителей, которыхъ посылалъ для обозрѣнія его ежегодно, Государь Императоръ благоволилъ вторично посѣтить Университетъ 22-го Ноября 1837 года. Тогда, кромѣ посѣщенія храма, о чемъ сказано выше, Государь изволилъ обозрѣть новый Университетскій домъ, его аудиторіи, залъ, устроенный для Музея; въ Музеѣ встрѣтивъ Архитектора Тюрина, благодарилъ его за труды по устроенію Университетской церкви; перешедъ въ большой Университетскій корпусъ, въ столовой Студентовъ, удостоилъ Монаршимъ привѣтствіемъ Ректора и Заслуженнаго Профессора Каченовскаго, какъ ученаго, лично извѣстнаго Его Величеству. Изъ столовой Государь вошелъ въ студенческія комнаты, гдѣ изволилъ милостиво спрашивать нѣкоторыхъ Студентовъ о мѣстѣ ихъ прежняго воспитанія. Осмотрѣвъ Музей, Кабинеты, Библіотеку, Клиники и Акушерскій Институтъ, Императоръ изъявилъ Попечителю Высочайшее соизволеніе на распространеніе Университетскихъ Клиникъ пристройкою новаго зданія. Государь посѣтилъ также вновь отстроенное зданіе для Химической Лабораторіи. Въ заключеніе Его Величество благоволилъ изъявить Попечителю Высочайшее Свое удовольствіе за найденный порядокъ и устройство.

Въ 1846 году, 4-го Октября, Государь Императоръ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ вновь открытую Клинику Университета.

Въ 1851 году, 29 и 30-го Августа, Государь Императоръ и Государь Наслѣдникъ изволили посѣтить Клинику Университета и обратить милостивое вниманіе на ея устройство и порядокъ.

Посѣщенія Государя Наслѣдника.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичь, вступивъ въ совершеннолѣтіе и вѣнчая образованіе свое путешествіемъ по всей Имперіи, въ 1837 году посѣтилъ свою родину, Москву, и 31-го Іюля Московскій Университетъ. Его Высочество сопровождали Генералъ-Лейтенантъ Кавелинъ, Д. С. Совѣтники Жуковскій и Арсеньевъ, и Офицеры Свиты. Въ большой залѣ Государю Наслѣднику были представлены Попечителемъ, Ректоръ, Деканы, Профессоры и Преподаватели, Инспекторъ Студентовъ съ Помощниками своими и казеннокоштные Студенты. Великій Князь Цесаревичь каждому изъ Профессоровъ изволилъ сказать ласковое слово и привѣтствовалъ Студентовъ. Осмотрѣвъ Музей Естественной Исторіи и Кабинеты Университета, Великій Князь вошелъ въ залу Ученыхъ Обществъ, гдѣ Попечитель поднесъ Августѣйшему Гостю сочиненія, изданныя Профессорами и Обществами въ истекшемъ академическомъ году. Государь Наслѣдникъ обозрѣвалъ также комнаты Студентовъ и Библіотеку, гдѣ въ особо заведенной для высокихъ и знаменитыхъ посѣтителей книгѣ благоволилъ записать свое имя. Въ память своего посѣщенія, Государь Наслѣдникъ пожаловалъ Университету, 7-го Августа, Фрауэнгоферовъ микроскопъ. Профессоръ Анатоміи Эйнбродтъ имѣлъ счастіе въ Ноябрѣ и въ Декабрѣ мѣсяцахъ прочесть въ присутствіи Его Высочества краткій курсъ Антропологіи въ девяти лекціяхъ. 3-го Декабря Великій Князь посѣтилъ лекціи Русской Словесности О. П. Давыдова и Русской Исторіи О. П. Погодина, который имѣлъ счастіе еще прежде представить Его Высочеству, при самомъ прибытіи Его въ древнюю столицу, *Записку о Москвѣ*.

11-го Ноября 1850 года, Государь Наслѣдникъ вновь осчастливилъ Университетъ своимъ посѣщеніемъ, изволилъ разспрашивать многихъ Членовъ Универси-

тета о ихъ занятіяхъ, обратилъ вниманіе на рѣдкія рукописи и книги Библіотеки, гдѣ благоволилъ вторично вписать свое имя, осматривалъ Институты Медицинскій и Педагогическій, и въ заключеніе такими словами выразилъ свое удовольствіе Начальству Университета: «Благодарю и остаюсь совершенно доволенъ, сколько могу судить по наружному виду; увѣренъ, что ему соотвѣтствуетъ и внутреннее достоинство: ученіе и нравственность, какъ основа ученію.»

Посѣщенія и отношенія Особъ Императорской Фамиліи.

Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ первомъ возрастѣ совершеннолѣтія обозрѣвая для окончанія наукъ всѣ предѣлы Отечества, во время пребыванія въ Москвѣ, посѣтили нашъ Университетъ. 4 Сентября 1850 года, осматривали Клинику, Кабинеты, Библіотеку, присутствовали на лекціяхъ у Профессоровъ. Пишущій эту Исторію имѣлъ счастіе прочесть лекцію въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ изъ Исторіи Русской Словесности: о древнихъ книгохранилищахъ въ Россіи, и заключилъ ее слѣдующимъ обращеніемъ къ слушателямъ:

«Вѣчно памятенъ для меня и для васъ, Гг. Студенты, будетъ тотъ день, когда я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ вами объ Исторіи книгохранилищъ нашего Отечества, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Августѣйшихъ Сыновей нашего возлюбленнаго Государя, Которые такъ прекрасно и достойно вѣнчаютъ благословенно царствующій Домъ Его. Да благоденствуетъ онъ всегда! Да славится, по примѣру предковъ, своею любовію къ книжному просвѣщенію! А наша любовь и преданность Государю Императору и Августѣйшимъ Его Дѣтямъ да будетъ всегда краеугольнымъ камнемъ, вторымъ послѣ Православной Вѣры, въ нравственныхъ основахъ Москов-

скаго Университета. Эта любовь и преданность, съ нашей стороны, могутъ быть только слабымъ знакомъ той благоговѣйной благодарности, которую мы всѣ питаемъ къ Государю нашему за тѣ благодѣянія на пользу просвѣщенія, какими угодно было Его Величеству осыпать насъ, въ теченіи двадцатипятилѣтняго Его мудраго и славнаго царствованія.»

Профессоръ имѣлъ счастіе получить личное изъявленіе благодарности Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Въ 1851 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и Великая Княгиня Екатерина Михаиловна съ Августѣйшимъ супругомъ своимъ Его Высочествомъ Герцогомъ Мекленбургъ - Стрелицкимъ изволили посѣтить Университетъ, и просвѣщенному вниманію Ихъ представленъ былъ новооткрытый опытъ Фуко (наглядное доказательство суточнаго обращенія земнаго шара около своей оси), устроенный Орд. Профессоромъ Физики Спасскимъ, который имѣлъ счастіе объяснять этотъ опытъ Августѣйшимъ Посѣтителямъ.

Въ 1826 году Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна осчастливила Университетъ своимъ посѣщеніемъ и обозрѣвала всѣ кабинеты, въ немъ находящіеся, съ благосклоннымъ вниманіемъ.—Въ 1832 году, 31-го Августа, Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Марія, Екатерина и Елисавета Михаиловны изволили обозрѣвать Музей Университета, и Заслуженный Профессоръ Фишеръ имѣлъ счастіе показывать Ихъ Высочествамъ все достойное примѣчанія.—Въ 1845 году, Ихъ Императорскія Высочества Герцогъ Лейхтенбергскій и Принцъ Ольденбургскій благоволили, по просьбѣ Университета, принять на себя званіе его Почетныхъ

Членовъ. Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій двукратно удостоилъ Университетъ своего внимательнаго обозрѣнія: 21-го Августа 1842 года и также въ Августѣ 1851-го.—Иностранные Принцы изъявляли также нашему Университету вниманіе своими посѣщеніями: въ Сентябрѣ 1826 года Его Королевское Высочество Герцогъ Виртембергскій Александръ; въ 1829 году, Е. К. Высочество, Прусскій Принцъ Албертъ, и Чрезвычайный Посланникъ Персидскаго Двора, Принцъ Хозревъ-Мирза со всею свитою; въ 1851 году Принцъ Саксенъ-Веймарскій.

Изъ знаменитыхъ ученыхъ, посѣтившихъ нашъ Университетъ, упомянемъ въ 1829 году Александра Гумбольдта. Университетъ поднесъ славному гостю дипломъ на званіе Почетнаго Члена.

Посѣщенія Министровъ Народнаго Просвѣщенія.

Ни одно царствованіе не было такъ изобильно посѣщеніями Университета отъ его высшихъ Начальниковъ, какъ царствованіе Государя Николая Павловича. Бдительный и самый близкій надзоръ Министровъ, можно сказать, не прерывался въ теченіи лѣтъ. Въ 1826 году Университетъ обозрѣвалъ А. С. Шишковъ; во второй половинѣ Декабря 1829 года Князь К. А. Ливенъ, и въ теченіи 4-хъ дней слушалъ лекціи Профессоровъ. Графъ С. С. Уваровъ посѣщалъ Университетъ въ 1832, 1834, 1837, 1841, 1842, 1844, 1846 (по случаю открытія Клиники), 1848 годахъ. Посѣщенія Графа Сергія Семеновича совершались обыкновенно при началѣ академическаго года, и бывали всегда продолжительны, въ теченіи Сентября и Октября мѣсяцевъ. Не было, конечно, Профессора, котораго бы Министръ не выслушалъ съ каѳедры. Не рѣдко присутствовалъ онъ въ началѣ на пріемныхъ экзаменахъ Студентовъ. Студенты высшихъ курсовъ читали при немъ лекціи на нѣсколько темъ, предва-

рительно заданныхъ, изъ которыхъ избиралась одна по желанію Министра. Новые таланты, оживленные присутствіемъ просвѣщеннаго цѣнителя способностей и знаній, открывались здѣсь внезапно.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ въ 1850 и 51 годахъ, при началѣ академическихъ курсовъ, присутствовалъ двукратно при ихъ открытіи, и неутомимо посѣщалъ и внимательно выслушивалъ лекціи Профессоровъ.—Въ 1852 году, Товарищъ Министра А. С. Норовъ, на пути въ Одессу, во время однодневнаго пребыванія своего въ Москвѣ, посѣтилъ Университетъ и осмотрѣлъ его Библіотеку и Кабинеты.

Частныя пожертвованія.

Пройдемъ пожертвованія и приношенія, какія были сдѣланы Университету частными лицами, по порядку лѣтъ. О пожертвованіяхъ въ пользу учебныхъ его пособій скажемъ, говоря объ ихъ умноженіи. Начнемъ же съ приношеній для Университетскаго храма.

Въ 1851 г. Г. Попечитель, Гг. Профессоры и Студенты пожертвовали 385 р. 57½ коп. сер. для устроенія напрестольнаго Евангелія въ серебряной позлащенной оправѣ. Супруга Г. Попечителя, Анастасія Александровна Назимова, украсила переднюю сторону Св. престола пеленою, вышитою по пунсовому бархату золотомъ, бусами и искусственными цвѣтными каменьями превосходной работы. Воздухи такой же точно работы въ 1852 году принесены въ даръ храму Анною Алексѣевною Аверкіевою. Въ разныя времена пожертвовали: Марья Павловна Дирина воздухи, вышитые ею самою шелками по серебряной канвѣ; содержательница учебнаго заведенія Госпожа Дебоннъ воздухи, вышитые шелками и дымкою по серебряному глазету — трудъ ея воспитанницъ; Александра Васильевна Ильина пелену для аналоя изъ голубаго бархата съ вышитою каймою и воздухи по голубому

атласу вышитые серебряными блестками; семейство Г. Ректора А. А. Альфонскаго позлащенное кресло съ вышитыми по канвѣ подушками для отдохновенія Преосвященнѣйшихъ во время богослуженія. Дѣйствительный Камергеръ Алексѣй Николаевичь Бахметевъ, бывшій Студентомъ Университета въ 1815 г., принесъ въ даръ церкви хрустальныя съ позолотою свѣчи къ престолу и ко всѣмъ мѣстнымъ иконамъ, изящное произведеніе его собственнаго хрустальнаго завода. Адъюнктъ Степанъ Ивановичь Клименковъ пожертвовалъ полное священническое и діаконское облаченіе изъ серебряной насыпи.

Къ столѣтнему празднику Университета Попечитель, Профессоры, Студенты и прежніе воспитанники Университета собрали подпискою сумму 1600 р. сер. для устроенія двухъ иконъ: Св. Николая Чудотворца и Св. Елисаветы Праведной. Иконы были написаны Италіянскимъ художникомъ Рубіо, въ превосходномъ Византійскомъ стилѣ.

Бывшій Попечитель Университета, Графъ Сергій Григорьевичь Строгановъ принесъ въ даръ храму Университетскому двѣ иконы Спасителя и Богоматери, написанныя тѣмъ же самымъ художникомъ и въ томъ же стилѣ: приношеніе единственное по изяществу древняго вкуса, въ какомъ написано, и драгоцѣнное сердцу Членовъ и питомцевъ Университета.

Такимъ образомъ, ко дню столѣтняго юбилея, Университетскій храмъ украсился произведеніями художественными въ священно-Византійскомъ родномъ намъ стилѣ. Кромѣ того церковь поновлена и потолокъ ея расписанъ кистью художника Ланжилотти. Обновленное благолѣпіе нашего храма отвѣчаетъ значенію нашего радостнаго праздника.

Въ 1826 году, Почетный Смотритель Московской Гимназіи, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Арсень-

евъ принесъ въ даръ портретъ Его Величества, Императора Николая Павловича, въ золотыхъ рамахъ.

Въ 182$\frac{6}{7}$ году купчиха Кулакова пожертвовала въ пользу Университета 10,000 рублей и машину дѣлителя, за что̀ удостоилась получить Высочайшій Рескриптъ, въ которомъ Государь Императоръ соизволилъ изъявить ей Свое благоволеніе. — Почетный Членъ Университета, Греческій дворянинъ и Кавалеръ З. П. Зосима выразилъ желаніе Г. Попечителю подарить Университету дачу свою, находящуюся въ Москвѣ на Трехъ горахъ. Дача въ слѣдующемъ году была укрѣплена за Университетомъ—и на этомъ самомъ мѣстѣ возведено зданіе Обсерваторіи.

Въ 183$\frac{0}{1}$ году Учитель Трехсвятительскаго въ Москвѣ частнаго училища Солнцевъ принесъ въ даръ портретъ Государя Императора Николая Павловича, писанный во весь ростъ.

Въ 1831 году Операторъ Александръ Семеновичъ Кустовскій, служившій въ Саратовѣ и въ томъ же самомъ году умершій, завѣщалъ въ распоряженіе Университета 16,000 р. асс. съ тѣмъ, чтобы на проценты сего капитала обучаемы были Врачебнымъ наукамъ сироты бѣдныхъ врачей совершенно Русскихъ, которыхъ даже и фамилія была бы не иностранная. Государю Императору благоугодно было, по представленію начальства, утвердить волю завѣщателя. — Въ 183$\frac{1}{2}$ г. Ординарный Профессоръ Е. О. Мухинъ пожертвовалъ 1000 р. асс. для устроенія громоваго отвода, воздушнаго электрометра и вѣтропоказателя при Университетской Обсерваторіи. — Тогда же Моршанскій купецъ Смѣсовъ и крестьянинъ Малюгинъ прислали въ даръ Университету, каждый по 1000 р. асс.— Почетный Членъ Университета Пресвитеръ Экономидъ пожертвовалъ 20 экз. своей книги: О ближайшемъ

сродствѣ языка Словено-Россійскаго съ Греческимъ, для награжденія отличныхъ Студентовъ Словеснаго Отдѣленія. — Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Корниловъ прислалъ для учебныхъ заведеній Московскаго Округа 20 экз. книги своего сочиненія: Замѣчанія о Сибири.

Въ $183\frac{8}{9}$ году М. П. Погодинъ подарилъ Университету бюстъ умершаго въ 1830 году Профессора Мерзлякова.

Въ $184\frac{0}{1}$ году отставной Гвардіи Капитанъ Горихвостовъ пожертвовалъ 5,714 р. $28\frac{4}{7}$ к. сер. на покупку у Доктора Озена изъ Парижа изобрѣтенной имъ машины, изображающей женщину родильницу, и сверхъ того 1,142 р. $85\frac{5}{7}$ коп. сер. въ уплату Г. Озену за то, чтобы показалъ Студентамъ употребленіе этой машины.

Для образованія на службу въ Военное Вѣдомство искусныхъ Врачей Наставниковъ, Главный Инспекторъ Медицинской части по Арміи, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Баронетъ Виллie, въ 1841 году, пожертвовалъ 100,000 р. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы капиталъ находился въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, а на проценты съ него постоянно содержался въ одномъ изъ Университетовъ по Медицинскому Факультету воспитанникъ его имени, съ посылкою его по окончаніи курса на три года за границу. По возвращеніи въ Отечество, Стипендіатъ долженъ выдержать испытаніе на степень Доктора и прослужить не менѣе 10 лѣтъ въ одномъ изъ Госпиталей въ качествѣ Наставника молодыхъ Врачей, съ жалованьемъ и преимуществами Университетскихъ Профессоровъ. Положеніе о сей стипендіи удостоено Высочайшаго утвержденія 28-го Февраля. Мѣстомъ образованія Стипендіата Баронета Виллie назначенъ Московскій Университетъ.

Въ 184$\frac{3}{4}$ году, Московскій купецъ Иванъ Николаевичь Денкоглу пожертвовалъ четыре билета Сохранной Казны, всего 4285 р. 71 коп. сер., на содержаніе въ Московскомъ Университетѣ изъ процентовъ съ сего капитала одного пансіонера изъ Болгаръ. Министерскимъ распоряженіемъ 1-го Декабря 1852 года опредѣленъ особенный порядокъ для избранія молодыхъ Болгаръ, согласно желанію жертвователя.

Сенаторъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Кн. Ив. Ал. Лобановъ-Ростовскій, въ 1852 г., по случаю приближавшагося пятидесятилѣтняго служенія въ офицерскомъ чинѣ, а именно 15-го Авг., пожелалъ въ знакъ благодарности къ Московскому Университету, давшему ему образованіе, пожертвовать пять тысячъ р. серебромъ для учрежденія изъ процентовъ съ сего капитала ежегодной стипендіи въ пользу того изъ Студентовъ, который, при отличныхъ способностяхъ и нравственности, будетъ болѣе нуждаться въ пособіи. Стипендія, по желанію жертвователя, должна была именоваться «Стипендіею благодарнаго подданнаго Императора Николая I-го.» Государю Императору благоугодно было, по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, 31-го Іюля утвердить сіе пожертвованіе и собственноручно на всеподданнѣйшей докладной запискѣ написать: «Согласенъ; но подъ названіемъ *стипендіи К. Лобанова.*» Университетъ поднесъ Князю Лобанову-Ростовскому дипломъ на званіе Почетнаго Члена.

Умноженіе учебныхъ пособій.

Возрастаніе существовавшихъ учебныхъ пособій и заведеніе новыхъ принадлежатъ къ числу блистательныхъ событій Исторіи Университета за послѣднее тридцатилѣтіе, свидѣтельствующихъ о щедротахъ къ нему Государя Императора. Главною причиною этого быстраго приращенія сокровищъ науки при Универ-

ситетѣ было увеличеніе на нихъ ежегодной суммы и назначеніе въ 1834 году первой Высочайше пожалованной добавочной къ прежнимъ штатамъ суммы 220,700 р. асс. спеціально на умноженіе учебныхъ пособій. Сіе послѣднее потребовало новыхъ распоряженій отъ Правительства касательно ихъ храненія. Въ 1837 году, 9-го Іюня, Высочайше повелѣно состоящихъ при четырехъ Великороссійскихъ Университетахъ хранителей Музеевъ, смотрителей Клиническихъ Институтовъ и Университетскихъ больницъ, Лаборантовъ и Механиковъ считать въ государственной службѣ, а Библіотекарю Московскаго Университета въ разныя времена дано пять помощниковъ.

Пройдемъ эти числа, знаменательныя въ Исторіи Русскаго просвѣщенія и Московскаго Университета.

Библіотека, въ 1826 г. состоявшая изъ 30,000 том., къ 1855-му возрасла до 73,208 соч. въ 115,509 том. Сюда кромѣ ежегодныхъ пріобрѣтеній покупкою вошли: 1) Присланные по Высочайшему повелѣнію дары Государя Императора: въ 183$\frac{2}{3}$ г. Album d'un voyage en Turquie; въ 183$\frac{3}{4}$ экземпляръ литографированныхъ видовъ путешествія Академика Купфера на Уралъ и изданное въ 1827 году по Высочайшей волѣ Описаніе занятій войскъ бывшаго во время коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ своднаго Гвардейскаго корпуса. 2) Приношенія частныхъ лицъ: въ 182$\frac{7}{8}$ г. Колл. Сов. Я. Е. Арсеньевъ подарилъ драгоцѣнное собраніе географическихъ картъ, видовъ городовъ и крѣпостей, плановъ и рисунковъ морскихъ и сухопутныхъ сраженій и портретовъ, пріобрѣтенное отъ наслѣдниковъ Адмирала Нагаева.—Въ 18$\frac{29}{30}$ г. Университетская Библіотека подѣлилась съ Александровскимъ Университетомъ въ Финляндіи, отправивъ ему Библіотека.

въ пособіе 3236 книгъ.—Въ 1844 году, супруга Михаила Никитича Муравьева, Тайная Совѣтница Екатерина Ѳедоровна Муравьева пожертвовала Университету библіотеку, состоящую изъ 2378 сочиненій въ 4067 томахъ, изъ 60 картъ и плановъ, 25 рукописей Русскихъ, 4-хъ Латинскихъ, 1 Французской и 10 Нѣмецкихъ. Этотъ даръ для Университета былъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что Библіотека нѣкогда принадлежала первому его Попечителю, двинувшему успѣхи науки въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и что черезъ нее вознаградились нѣсколько утраты, понесенныя Университетомъ въ пожарѣ 1812 года.—Въ 1851 году Почетный Гражданинъ Гарелинъ принесъ въ даръ Университету 6 замѣчательныхъ Русскихъ рукописей и прекрасное изданіе видовъ Рима Пиранези, въ 2-хъ томахъ. — Въ 1851 году, по распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, передано изъ Московскаго Цензурнаго Комитета 780 изданій въ 286 томахъ и 1173 fasc.; изъ Клинической Библіотеки 1126 сочиненій въ 2111 томахъ, и въ 1852 году, точно также, изъ Клинической Библіотеки 4140 сочиненій въ 6598 томахъ, и 119 періодическихъ журналовъ въ 1073 томахъ; да послѣ покойнаго Библіотекаря Рихтера поступило 963 сочиненія въ 1261 томѣ, въ замѣнъ утраченныхъ во время его управленія Библіотекою. — Въ 1853 году Тайный Совѣтникъ Вигель пожертвовалъ въ пользу Библіотеки Собраніе 3139 отдѣльныхъ гравированныхъ портретовъ и до 800 рисунковъ, помѣщенныхъ въ особыхъ изданіяхъ. Эта превосходная коллекція, плодъ многолѣтняго труда и собиранія, содержитъ въ себѣ самую занимательную галлерею лицъ отечественной и всемірной новой исторіи.—Почетный Гражданинъ Хрусталевъ, вступая въ званіе Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета, принесъ въ даръ Библіотекѣ 2000 то-

мовъ, большею частію относящихся до Французской литературы XVIII столѣтія. — Неизвѣстный благотворитель пожертвовалъ библіотеку покойнаго Московскаго Коменданта, Генерала отъ Инфантеріи Стааля, состоящую изъ 958 сочиненій въ 2207 томахъ и 100 картъ.—Д. С. Сов. И. М. Снегиревъ подарилъ 7 томовъ древнихъ актовъ и рѣчей Московскаго Университета, 17 печатныхъ документовъ, относящихся къ его исторіи, въ числѣ коихъ самые первые каталоги лекцій, и еще прежде принесъ въ даръ 15 томовъ рукописныхъ актовъ Конференціи М. Университета за первыя 15 лѣтъ его существованія.—Ст. Сов. П. Ил. Страховъ пожертвовалъ также 10 томовъ актовъ, рѣчей и разсужденій, относящихся къ нашему Университету. — Эти драгоцѣнные и теперь уже рѣдкіе матеріалы, принесенные въ даръ обоими жертвователями, бывшими учениками и Профессорами Унив., мѣсту ихъ воспитанія, послужили богатыми источниками для его исторіи.—3) Значительныя пріобрѣтенія: въ 183½ году Университетъ купилъ за 27,000 р. асс. богатую и по рѣдкости и важности многихъ книгъ и рукописей драгоцѣнную библіотеку у Д. Ст. Сов. Александра Ивановича Тургенева, который къ проданнымъ книгамъ присоединилъ еще превосходное собраніе ландкартъ и медалей.—Въ 1836 году у наслѣдниковъ покойнаго Профессора Дерптскаго Университета Франка куплено 1501 сочиненіе въ 2,162 томахъ. — Въ 1841 и слѣдующихъ годахъ вошли въ библіотеку остальныя книги изъ библіотеки Барона Молля, выбранныя по смерти его на мѣстѣ изъ наслѣдства, послѣ него оставшагося, болѣе 5000 томовъ. — Въ 1843 г. пріобрѣтено покупкою отъ Профессора Бодянскаго около 2000 сочиненій, относящихся до Славянскихъ племенъ, на 10,000 р. асс.—Въ 1853 году пріобрѣтены покупкою за 500 р. сер. у Губернскаго

Секретаря Г. Благово, въ дополненіе къ Вѣдомостямъ находящимся въ Библіотекѣ, Вѣдомости Московскія и С.Петербургскія, изданныя при Петрѣ Великомъ, и равно послѣдующія до 1811 года. — Въ 1854 году пріобрѣтено: сто старинныхъ календарей и коллекція драматическихъ произведеній на Русскомъ языкѣ, оригинальныхъ и переводныхъ, преимущественно напечатанныхъ въ Типографіи Московскаго Университета: она состоитъ изъ 700 экземпляровъ и начинается съ 1764 года. Книги еще не внесены въ каталогъ.

Замѣтимъ по порядку лѣтъ ежегодныя приращенія Университетской Библіотеки, начиная съ тѣхъ, когда отчетность числовая достигла большей точности:

182$\frac{7}{8}$	год.	515	книгъ	1,067	томовъ.	
182$\frac{8}{9}$	—	215	—	399	—	
18$\frac{29}{30}$	—	195	—	314	—	
183$\frac{0}{1}$	—	87	—	87	—	
183$\frac{1}{2}$	—	742	—	1,408	—	
183$\frac{3}{4}$	—	5,551	(Сюда входятъ книги библіотеки Тургеневской.)			
183$\frac{4}{5}$	—	383	—	467	—	
1835	—	3,651	—	5,170	—	
1836	—	5,699	—	7,730	—	
1837	—	1,786	—	4,483	—	
1838	—	1,081	—	2,017	—	
1839	—	711	—	1,258	—	
1840	—	689	—	1,486	—	
1841	—	1,171	—	2,004	—	
1842	—	573	—	892	—	
1843	—	2,180	—	3,196	—	
1844	—	651	—	1,342	—	
1845	—	2,636	—	4,759	—	
1846	—	317	—	709	—	
1847	—	463	—	1,039	—	
1848	—	245	—	703	—	

1849	год.	504	книгъ	1,001	томовъ.	
1850	—	491	—	1,082	—	
1851	—	3,234	—	3,754	—	
1852	—	5,733	—	10,593	—	
1853	—	1,344	—	5,655	(Сверхъ того 3,839 портретовъ и рисунковъ).	
1854	—	547	—	915 т. и 423 fasc.		

Говоря о Библіотекѣ Университета съ благодарностію мы должны упомянуть о нашихъ библіотекаряхъ: Коршѣ, Рихтерѣ, уже покойномъ, Полуденскомъ и ихъ вѣрныхъ помощникахъ: Штейнбергѣ и Бѣляевѣ. Своими умными распоряженіями, усердіемъ и любовію къ дѣлу они много содѣйствовали процвѣтанію перваго учебнаго пособія Университета — Библіотеки.

Сверхъ общей Университетской Библіотеки есть еще двѣ частныя: одна для казеннокоштныхъ студентовъ состоитъ изъ 2872 сочиненій въ 4948 томахъ и 9 періодическихъ изданій. Мы знаемъ уже изъ предъидущаго, что она была основана приношеніями Университетскихъ Профессоровъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ библіотекѣ образовалось особенное значительное отдѣленіе для Студентовъ Медицинскаго Факультета. Съ 1826 года въ умноженіи этой библіотеки участвовали Профессоры: Мухинъ, почти ежегодно присылавшій въ нее щедрые дары, Цвѣтаевъ, Болдыревъ, Ловецкій, Перевощиковъ, Снегиревъ, сами Студенты, книгопродавцы: Осипъ Хрусталевъ и Коммиссіонеръ Ширяевъ. Въ нее переданы были также дублеты изъ общей Университетской библіотеки. Помощникъ Инспектора Студентовъ С. И. Клименковъ много содѣйствовалъ къ ея распространенію и составилъ ей полный каталогъ. Другая Библіотека, учрежденная съ 1835 года для Студентовъ 1-го курса, за-

нимающихся Русскою Словесностію, на добровольныя ихъ пожертвованія, состоитъ изъ 800 томовъ.

Физическій кабинетъ.

Физическій кабинетъ, въ 1826 году, находившійся въ связи съ Астрономическимъ, заключалъ въ себѣ 272 инструмента и снаряда. Къ 1855 году онъ имѣетъ ихъ 405. Астрономическіе, находящіеся при Обсерваторіи, не полагаются въ томъ числѣ. При Физическомъ кабинетѣ находится 7 технологическихъ моделей. Большая часть инструментовъ кабинета выписана изъ Парижа. Съ 1835 года началось значительное умноженіе Физическаго Кабинета, какъ выпискою инструментовъ изъ-за границы, такъ и трудами механика Нейгебауэра, который сдѣлалъ въ 1835 году 28 снарядовъ для электрическихъ и магнитныхъ опытовъ.—Далѣе, кромѣ Нейгебауэра, пріобрѣтаемы были инструменты отъ механика въ Москвѣ Кони, отъ механика Казанскаго Университета Нея. — Пріобрѣтенія покупкою продолжались ежегодно. Въ 1839 г. былъ пріобрѣтенъ первый дагерротипъ за 600 руб. Въ 1846 г. куплено три прибора для опытовъ надъ парами и Сирена, приборъ для теоріи звука. Въ 1847 г. 8 инструментовъ; въ 1850 г. 6; въ 1853 г. куплены приборъ Фуко для доказательства постоянства оси вращенія, съ механизмомъ для приведенія во вращеніе быстрое, и параболическая машина для бросанія тѣлъ подъ разными углами.

Зоологическій кабинетъ.

Зоологическій Кабинетъ, къ 1-му Января 1855 года, въ своихъ собраніяхъ считаетъ животныхъ и ихъ частей на лицо 66,163 экземпляра. Кабинетъ заключаетъ въ себѣ два собранія, различныхъ по цѣли: 1) Собраніе систематическихъ животныхъ и 2) Собраніе животныхъ отечественныхъ. Первое содержитъ въ себѣ, какъ нынѣ живущія, такъ и допотопныя жи-

вотныя и ихъ части, размѣщенныя по естественной системѣ Кювье, впрочемъ нѣсколько измѣненной. Сверхъ этихъ двухъ собраній къ Кабинету присоединено въ 1845 году Зоологическое собраніе изъ бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи. Въ кабинетѣ находится Фрауэнгоферовъ телескопъ, подаренный Университету Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ. Главнымъ участникомъ въ умноженіи Зоологическаго кабинета было, конечно, Общество Испытателей природы, благодаря его всемірнымъ сношеніямъ. Исчислимъ приношенія и пріобрѣтенія по порядку лѣтъ. Въ $182\frac{6}{7}$ г. куплено за 12,000 р. на хозяйственную сумму Университета собраніе насѣкомыхъ у Ст. Сов. Стевена: проценты съ этой суммы, какъ мы уже знаемъ, опредѣлены на содержаніе двухъ Студентовъ, преимущественно занимающихся Естественною Исторіею.— Въ $182\frac{7}{8}$ г. пожертвованія сдѣланы Д. Ст. Сов. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ и между прочимъ часть нижней челюсти огромнаго морскаго животнаго съ береговъ Ледовитаго моря.—Въ $183\frac{1}{2}$ г. покойный членъ Общества Испытателей природы К. Ал. Беклемишевъ завѣщалъ ему богатое собраніе млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, раковинъ и библіотеку дорогихъ зоологическихъ и ботаническихъ книгъ.— Въ $183\frac{3}{4}$ г. были приносителями: Заслуж. Пр. Двигубскій, Штабъ-Лѣкарь Майеръ изъ Новоархангельска, Лялинъ, О. Проф. Мухинъ; въ $183\frac{4}{5}$ г. Лекторъ Гарве.—Въ 1837 году пріобрѣтено покупкою у вдовы покойнаго Профессора Эшгольца до 19,000 экземпляровъ насѣкомыхъ за 3500 р. — Въ 1838 г. Музей Естественной Исторіи, находившійся прежде въ главномъ корпусѣ Университетскаго зданія, перемѣщенъ въ одну большую залу вновь отстроеннаго Пашковскаго корпуса. Тогда произошли нѣкоторыя измѣненія

въ систематическомъ размѣщеніи предметовъ. При входѣ повѣшены указатели для посѣтителей. Правую сторону Музея занимаютъ животныя, лѣвую минералы. Всѣ Русскіе животныя и минералы составляютъ два отдѣльныхъ собранія подъ названіемъ отечественныхъ. Въ томъ же году началось возобновленіе и умноженіе Кабинета Зоологическаго пріобрѣтеніемъ животныхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Пожертвовано было восемь частей различныхъ костей мамонта, найденныхъ при рытіи фундамента Храма Спасителя въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.—Общество Испытателей природы ежегодными приношеніями своихъ членовъ быстро умножало кабинетъ. Пріобрѣтенія покупкою стали также дѣятельнѣе посредствомъ заграничныхъ сношеній. Въ 1841 г. куплено полное и превосходное собраніе раковинъ Неаполитанскаго Королевства изъ 437 видовъ и 3723 экземпляровъ. Тогда же пріобрѣтенъ былъ зубръ, убитый для Музея въ Бѣловѣжской пущѣ, по Высочайшему повелѣнію. — Въ 1842 г. Музей былъ значительно умноженъ отечественными звѣрями и птицами, которыхъ собралъ Г. Карелинъ во время путешествія своего по Алтаю, и 218 раковинами съ Филиппинскихъ острововъ черезъ Г. Кимминга. — Въ 1844 г. куплено собраніе животныхъ Бразиліи, привезенныхъ Д. Ст. Сов. Ломоносовымъ: 37 звѣрей, 351 птица, 20 птицъ съ гнѣздами, 75 гнѣздъ разныхъ колибри. — Въ 1845 г. изъ Музея Московской Медико-Хирургической Академіи поступило 16,608 экз. животныхъ. — Въ 1847 году, по повелѣнію Его Величества Государя Императора, присланъ зубъ мамонта, найденный Московской Губерніи близь станціи Завидова; отъ Г. Ломоносова получены еще 2 самыя рѣдкія Бразильскія птицы, и проч. — Въ 1848 г. Попечителемъ Д. П. Голохвастовымъ подаренъ приготовленный остовъ извѣстнаго по бѣгу

рысистаго жеребчика Бычка; Генералъ-Маіоромъ С. В. Шереметевымъ буйволъ изъ имѣнія его Лазарева Нижегородской Губерніи. Покупкою пріобрѣтено изъ Берлина собраніе гипсовыхъ слѣпковъ различныхъ ископаемыхъ третичной формаціи на Рейнѣ и изъ другихъ мѣстностей, въ 66 экземплярахъ. Куплено у Г. Романовскаго 30 экз. птицъ изъ Сѣверной Америки. О. Испыт. Прир. продолжало обогащать Музей съ тою же дѣятельностію. Въ 1849 г. пріобрѣтено 492 животныхъ и 85 гипсовыхъ слѣпковъ. Графъ Георгій Карловичь Мнишекъ черезъ О. И. п. подарилъ прекрасное собраніе насѣкомыхъ изъ разныхъ странъ въ 16-ти экз. Отъ Московскаго Дворянскаго Института, по случаю его закрытія, принято 52 экз. птицъ. Въ 1850 г. приносителями были: Предводитель Оренбургскаго дворянства Г. Крашенинниковъ, Графъ Чапскій, Проф. Рулье (постоянно за всѣ годы), Г. Фаренколь, Г. Бѣлавинъ, помѣщикъ Малоярославскаго уѣзда Калужской Губерніи. Куплено въ Берлинѣ у Кранца 1,045 видовъ окаменѣлостей въ 1819 экземплярахъ. — Изъ пріобрѣтеній 1851 года особенно значительны: коллекція Бразильскихъ рѣдкихъ бабочекъ въ числѣ 40 экз., пожертвованная Графомъ Мнишекъ, отъ него же самый рѣдкій и новый видъ прямокрылыхъ съ Гималайскаго хребта; коллекція превосходныхъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ въ числѣ 48 экз. изъ Портъ-Наталя, присланная Г. Дорномъ изъ Штетина; 50 экз. рѣдкихъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ изъ Алжиріи, Испаніи и Южной Франціи изъ Парижа отъ Бюкета; отъ Г. Ильина изъ Симферополя фазанъ ожерельчатый и гагара. Сверхъ того приносителями были Студенты Кн. Долгорукій, Климашевскій, Гг. Щеголевъ, Сѣверцовъ. Отъ Проф. Ярославскаго Лицея Ценковскаго пріобрѣтено покупкою 34 экз. рѣдкихъ птицъ и 4 экз. другихъ животныхъ, собранныхъ имъ са-

имъ во время путешествія его по Африкѣ. — Въ 1852 году Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій пожертвовалъ 24 вида раковинъ въ 63 экземплярахъ; Докторъ Себ. Фишеръ 33 вида раковинъ въ 294 экземплярахъ съ островов Сициліи, Мадеры, и изъ Португалліи. Жертвователями были также Г. И. Фишеръ, подарившій весьма рѣдкихъ и прекрасныхъ бабочекъ, Академикъ Погодинъ, Гг. Кельбергъ, Гамбургеръ, Кандидатъ Гедвилло, чучельникъ Василій Андреевъ, содержатель звѣринца Бернабо. Изъ Общ. Исп. прир. поступило 27 птицъ Кіевской губерніи; отъ Г. Фаренколя пріобрѣтено покупкою 28 экз. ракообразныхъ животныхъ, рѣдкихъ и хорошо сохраненныхъ. Въ 1853 г. Графъ Г. К. Мнишекъ подарилъ еще коллекцію весьма рѣдкихъ и превосходныхъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ изъ Бразиліи, Новой Голландіи, Южной Африки и другихъ мѣстъ въ числѣ 50 экз. Отъ Г. Карелина получено 280 экз. насѣкомыхъ, собранныхъ имъ въ Сибири въ 1842 году. Въ 1854 г. Графъ Мнишекъ подарилъ вновь 60 экз. самыхъ рѣдкихъ бабочекъ съ горъ Гималайскихъ; отъ Г. Карелина Сибирскихъ насѣкомыхъ получено до 420 видовъ. Изъ Сѣверной Америки присланъ экземпляръ большаго морскаго медвѣдя. Г. Доригъ изъ Штетина прислалъ 3-й экз. жесткокрылыхъ насѣкомыхъ самыхъ рѣдкихъ изъ Бразиліи. Пріобрѣтенъ покупкою у Г. Фаренколя экз. раковины необыкновенной величины, вѣсомъ въ 4 пуда 27 фун.

Минералогическій кабинетъ.

Минералогическій кабинетъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *большаю*, объемлющаго обширное собраніе минераловъ, и *малаю*, служащаго собственно для лекцій. Большой заключаетъ въ ориктогностическомъ собраніи 4903 №, въ геогностическомъ 800 №, въ отечественномъ 3082 №, въ палеонтологическомъ

2304 №; малый въ ориктогностическомъ 1606 №, въ геогностическомъ 1000. Всѣхъ же минераловъ 11,391 (8785 въ большомъ и 2606 въ маломъ), всѣхъ ископаемыхъ 2304 №. Лишнихъ минераловъ 305. При маломъ кабинетѣ находится значительное собраніе инструментовъ, снарядовъ, моделей и другихъ пособій, необходимыхъ для изученія Минералогіи.—Въ теченіи 29 лѣтъ Кабинетъ Минералогическій умножался приношеніями и пріобрѣтеніями. Исчислимъ и тѣ и другія. Въ 182$\frac{6}{7}$ году купчиха Кулакова подарила минеральный кабинетъ изъ 1500 кусковъ для врачебнаго отдѣленія; Г-жа Матвѣева 79 окаменѣлостей. Тогда же въ Лейпцигѣ куплено геогностическое собраніе Фрейслебена, состоящее изъ 1070 предметовъ.—Въ 182$\frac{7}{8}$ году повелѣніемъ Государя Императора препровождено въ Музей три золотыхъ самородка: 1) окристаллованный вѣсомъ въ 7 зол. 21 долю, 2) неправильный въ 17 зол. 37 дол., 3) составленный изъ октаэдровъ и разломившійся пополамъ въ 3 зол. 59 дол. Участвовали въ приношеніяхъ Пробирный мастеръ Харинскій и Колл. Сов. Тургеневъ; въ 182$\frac{8}{9}$ г. Помощникъ Горнаго Начальника Златоустовскихъ заводовъ Германъ и Ректоръ Двигубскій.—Въ 183$\frac{0}{1}$ г., по Именному Высочайшему повелѣнію, въ даръ отъ Императора присланъ Горнымъ правленіемъ изумрудный кристаллъ въ чернобурой слюдѣ, изъ окрестностей Екатеринбурга, замѣчательный по своей рѣдкой величинѣ и мѣсту нахожденія.—Въ 183$\frac{4}{5}$ г. Гг. Шепелевы подарили 22 штуки желѣзныхъ рудъ.—Въ 1836 г. С. Петербургское Минералогическое Общество прислало 20 штуфовъ.—Въ 1837 году покупки значительно умножили минералогическій кабинетъ, куплено 63 штуфа рѣдкихъ минераловъ, выписанъ изъ Гейдельберга геогностическій кабинетъ изъ 1000 штуфовъ. Кромѣ того, вдругъ пріобрѣтено значи-

го хрусталя и аметиста. Въ 1853 г. большое палеонтологическое собраніе увеличено покупкой у Фаренколя 68 в. раковинъ. Въ 1854 г. отечественное собраніе минераловъ увеличилось значительно. Общ. Испыт. прир. прислало 28 Финляндскихъ минераловъ, Генералъ-Маіоръ Фелькнеръ 186 номеровъ горныхъ породъ Новороссійскаго края и Крыма, Главный Начальникъ Уральскаго хребта Генералъ-отъ-Артиллеріи Глинка 450 номеровъ горныхъ породъ и заводскихъ продуктовъ Воткинскаго, Верхнеисетскаго и другихъ Уральскихъ заводовъ. Большоеориктогностическое собраніе увеличилось покупкою у Колл. С. Титова 24 Нерчинскихъ и 7 Уральскихъ минераловъ.

Гербарій. Въ 1826 году, Гербарій заключалъ въ себѣ 20,800 экз. растеній (виды не показаны). Къ 1855 году онъ содержитъ въ себѣ до 12,000 видовъ. Главныя пріобрѣтенія гербарія принадлежатъ предъидущей Исторіи. Въ 1829 году М. А. Максимовичъ внесъ 3-е собраніе сухихъ растеній Московской Губерніи, состоящее изъ 300 экземпляровъ. Въ 1837 году Гербарій получилъ новое и болѣе удобное помѣщеніе въ новомъ Университетскомъ домѣ, бывшемъ Пашкова, такъ что сдѣлался доступнѣе для ученыхъ справокъ. Въ 1840 г. купленъ панкратическій микроскопъ для ботаническихъ демонстрацій, изобрѣтенный Профессоромъ Ботаники и Хранителемъ Гербарія Фишеромъ. Въ 1841 г. поступило 1200 сухихъ растеній изъ коллекціи Барона Молля. Въ 1842 г. Колл. Сов. Сѣдаковъ подарилъ 325 Иркутскихъ растеній; купленъ одинъ изъ Капскихъ травниковъ Дрежа изъ Гамбурга, содержащій до 2,000 видовъ. Въ 1843 г. Гербарій Университета обогатился присоединеніемъ къ нему Гербарія Московской Медико-Хирургической Академіи. Сей послѣдній составляли гербарій Ака-

демика Тринiуса, расположенный Профессоромъ Гольдбахомъ по естественной методѣ, въ которомъ было болѣе 9,500 видовъ въ 221 портфелѣ, и частныя собранiя Профессора Гофмана, обозначенныя извѣстными именами Форстера, Диксона, Галлера, Гуго, Муррая, Эргарта, Гоппе, Роберта.—Въ 1847 г. отъ Казанскаго Профессора Вагнера прiобрѣтено собранiе растенiй Киргизскихъ и Прибайкальскихъ изъ 251 вида въ прекрасныхъ образчикахъ. Въ 1848 г. пожертвована Н. И. Анненковымъ первая сотня издаваемой имъ Московской флоры, въ прекрасныхъ точно опредѣленныхъ образчикахъ; въ 1849 г. вторая сотня того же собранiя. Въ 1852 г. поступила половина собранiя растенiй Багамскихъ, Флоридскихъ, Кубскихъ, и наиболѣе Мексиканскихъ, собранныхъ извѣстнымъ путешественникомъ Барономъ Карвинскимъ, и коллекцiя образцевъ деревъ средне-Американскихъ.

Въ Ботаническомъ саду воспитывалось болѣе 2,500 растенiй въ 1826 году. Въ 1854 году было всѣхъ растенiй 7,275 видовъ и разностей со многими дублетами. Постепенное распространенiе растенiй Ботаническаго сада совершалось въ порядкѣ лѣтъ такимъ образомъ. Въ $182\frac{6}{7}$ году Начальникъ Нерчинскихъ заводовъ Т. С. Бурнашевъ прислалъ для посѣва сѣмена разныхъ Сибирскихъ растенiй; Дерптскiй Профессоръ Ледебуръ, по возвращенiи своемъ изъ путешествiя на Алтайскiя горы, прислалъ черезъ Общество Испытателей природы сѣмена новооткрытыхъ породъ растенiй. Въ $182\frac{7}{8}$ г. отъ Г. Фишера изъ С. Петербургскаго Ботаническаго сада получено 70 породъ растенiй. Въ $182\frac{8}{9}$ отъ него же и отъ Ледебура еще сѣмена Алтайскихъ растенiй, имъ вновь открытыхъ; отъ Пизанскаго Профессора Сави сѣмена растенiй Ита- Ботаническiй садъ.

ліянскихъ. — Въ $183\frac{3}{4}$ г. изъ Императорскаго С.-Петербургскаго сада присланы сѣмяна 75 растеній Закавказскихъ и Забалканскихъ, и 100 растеній Южной Сибири отъ Н. С. Турчанинова. — Въ $183\frac{4}{5}$ году поступило карпологическое собраніе 44 видовъ Сѣверо-Американскихъ деревъ и собраніе сѣмянъ 134 видовъ растеній по большей части новыхъ изъ юговосточной Россіи и Персіи. — Въ 1836 г. изъ Франкфуртскаго сада присланы сѣмена 326 видовъ растеній, отъ Лѣкаря Л. Вейса 87 видовъ, частію Алпійскихъ, отъ А. В. Рихтера 100 видовъ Италіянскихъ растеній. — Въ 1837 году получено изъ Императорскаго С. Петербургскаго сада сѣмянъ 133 вида, отъ С. А. Маслова 53 вида сѣмянъ Бразильскихъ растеній, отъ Ѳ. Я. Эвенса 87 Альпійскихъ и садовыхъ 23 вида. Между тѣмъ ежегодно пріобрѣтались растенія оранжерейныя покупкою. — Въ 1838 г. получены сѣмяна изъ С. Петербургскаго сада 257 видовъ новыхъ растеній, отъ Г-на Попечителя Графа С. Г. Строганова 47 видовъ Китайскихъ, изъ Вѣнскаго сада 112, изъ Дрезденскаго 131, изъ Гамбургскаго черезъ А. В. Рихтера 156, изъ Дерптскаго мѣною пріобрѣтено 1790 видовъ, изъ Падуанскаго сада 220, и проч. Сношенія съ садами С. Петербургскимъ, Дерптскимъ, Вѣнскимъ, Падуанскимъ продолжались и въ слѣдующихъ годахъ. Въ 1842 г. Г. Сѣдаковъ доставилъ сѣмянъ 140 видовъ Сибирскихъ растеній, Г. Борисовъ Бразильскихъ 12, Баронъ Карвинскій Мексиканскія сѣмена. Изъ сада Медико-Хирургической Академіи, по причинѣ его уничтоженія, поступило 160 растеній и изъ С. Петербургскаго сада 75 видовъ, новыхъ для Московскаго. Г. Карелинъ снабжалъ также сѣменами Сибирскихъ растеній. Баронъ Карвинскій, Ѳ. Я. Эвенсъ продолжали свои приношенія. Въ 1844 г., кромѣ приношеній сѣменами отъ сихъ лицъ и постоянно изъ

С. Петербургскаго сада, — мѣна и покупка продолжали обогащать оранжерею и теплицу живыми растеніями. — Въ 1845 г. изъ Кіевскаго Университетскаго сада прислано сѣмянъ 249 видовъ, черезъ Общество Испытателей природы 66 видовъ Даурскихъ, Тибетскихъ и Китайскихъ. — Въ 1846 г. изъ Киргизской степи 67 видовъ сѣмянъ и луковицъ 67 шт. получено черезъ Казанскаго Профессора Вагнера. Живыхъ пальмъ куплено 14.—Въ 1848 г. изъ Кіевск. Унив. сада получено 134 вида сѣмянъ, изъ С.-Петербургскаго сада нѣкоторыя рѣдкія оранжерейныя растенія. Въ 1849 г. изъ Страсбургскаго сада прислано сѣмянъ 94 вида, изъ Кіевскаго 147. Въ 1850 г. сношенія съ С.-Петербургскимъ садомъ, Дерптскимъ, Кіевскимъ были весьма дѣятельны. Въ 1853 г. сѣмянъ прислано изъ Кіева 165 видовъ, отъ Г. Фонъ Зибольдта Японскихъ масличныхъ и огородныхъ 37; растеній Японскихъ куплено 74. Въ 1854 г. сѣмянъ С. Петербургскаго сада 261 в., изъ Дерпта 219 в., изъ Кіева 186 в., отъ Общ. Исп. прир. 53 в., отъ разныхъ лицъ 88 в. Японскихъ растеній куплено 75.

Астрономическая Обсерваторія.

Астрономическая Обсерваторія не существовала до 1828 года. Снаряды астрономическіе находились при физическомъ кабинетѣ, и въ 1826 году ихъ было всего 3. Въ 1829 году, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ построить на дачѣ, подаренной З. П. Зосимою на Трехъ горахъ, Университетскую Обсерваторію, для чего уже прежде отпущена была сумма 53,121 рубль. Въ 1830 году приступлено было къ самому строенію и на первый случай куплено 5 астрономическихъ снарядовъ у Надворной Совѣтницы Кейслеръ въ Ригѣ. Въ 1831 году зданіе уже приводилось къ окончанію. Въ число астрономическихъ снарядовъ отъ Утцшнейдера изъ Мюнхена выписа-

ны были полуденный кругъ, шестифутовой ахроматической рефракторъ и кометоискатель, имѣющій параллактическое движеніе. Для Обсерваторіи устроены астрономическіе часы извѣстными художниками Толстыми. Для современныхъ наблюденій надъ магнитною силою земли, по приглашенію С. Петербургской Академіи Наукъ, устроенъ при Обсерваторіи особый павильонъ, въ которомъ помѣщены магнитные снаряды, пріобрѣтенные Университетомъ на Московской выставкѣ Русскихъ издѣлій. Съ Августа мѣсяца начаты наблюденія астрономическія и магнитныя. Въ $183\frac{1}{2}$ году устроенъ при Обсерваторіи громовой отводъ съ воздушнымъ электрометромъ и вѣтропоказателемъ на сумму 1,000 р. асс., пожертвованную Проф. Мухинымъ.—Въ $183\frac{2}{3}$ году полученъ былъ Теодолидъ, сдѣланный въ механическомъ заведеніи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. — Въ $183\frac{3}{4}$ году пріобрѣтены отъ Утцшнейдера изъ Минхена круглой двойной микрометръ, филярный микрометръ съ кругомъ положенія, астрономическіе часы и секундникъ. — Съ $183\frac{4}{5}$ года уже постоянно производились астрономическія, метеорологическія и магнитныя наблюденія Проф. Перевощиковымъ и помощникомъ его Драшусовымъ. — Обсерваторія съ тѣхъ поръ продолжала умножать свои снаряды. Въ 1836 г. пріобрѣтены универсальный снарядъ Эртеля и золотой хронометръ Берда. Заказывали инструменты и Казанскому механику Нею. — Въ 1839 г. было пріобрѣтено 8 инструментовъ отъ сего послѣдняго. — Съ тѣхъ поръ ежегодно совершались значительныя пріобрѣтенія покупкою. — Въ 1843 г. Ис. д. Ад. Астрономіи Драшусовъ, по приказанію Попечителя Графа Строганова, составилъ, при содѣйствіи Архитектора Авдѣева, проэктъ для устройства болѣе обширной обсерваторіи при Московскомъ Университетѣ. Ближай-

шій надзоръ за всѣми работами на обсерваторіи, устройство механизма ставней и вертящихся крышъ надъ двумя отдѣльными павильонами, назначавшимися для помѣщенія малыхъ инструментовъ и практическихъ упражненій Студентовъ, и заказъ художникамъ самыхъ снарядовъ былъ порученъ Г. Попечителемъ Ад. Драшусову.

Какъ всѣ расходы по покупкѣ снарядовъ и перестройкѣ зданія должны были падать на счетъ экономическихъ суммъ Университета, и по значительности предстоявшихъ расходовъ нельзя было сдѣлать всего вдругъ, то пріобрѣтеніе большаго рефрактора и устройство обширнаго подвижнаго павильона надъ террасою предназначенной для его помѣщенія круглой двухъ-этажной башни были на нѣкоторое время отложены. — Гамбургскимъ художникамъ, братьямъ Ренсольдамъ, заказанъ полуденный трехфутовой кругъ съ трубою, которой объективъ долженъ былъ имѣть 60 линій въ діаметрѣ. Пассажный снарядъ для перваго вертикала, ради уменьшенія расходовъ, предположено сдѣлать въ малыхъ размѣрахъ. — Онъ былъ заказанъ, по особому предложенному Драшусовымъ плану, Пулковскому механику Брауеру. Оба снаряда оказались превосходными. — Сверхъ того при Попечителѣ Графѣ Строгановѣ, съ его разрѣшенія, пріобрѣтены Драшусовымъ покупкою въ разное время: 12-ти-дюймовой вертикальный кругъ Эртеля, часы съ ртутнымъ маятникомъ Кессельса, четыре хронометра, одинъ Кессельса и три Дента, рычагъ для испытанія уровней Порта, два барометра у него же, два нормальныхъ термометра и нѣкоторые другіе менѣе важные аппараты. Въ 1847 г. новое зданіе было окончено. — Въ концѣ 1848 г. Драшусовъ, по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ былъ уволенъ на четыре мѣсяца для излѣченія болѣзни, приступилъ къ уста-

новкѣ большаго полуденнаго круга. Въ промежуткѣ, съ разрѣшенія Г. Попечителя В. И. Назимова, были сдѣланы всѣ техническія принадлежности для сбереженія и употребленія снаряда, изготовлена нужная мебель и положено основаніе небольшой библіотекѣ.

Въ 1851 году доставленъ на Московскую обсерваторію Пулковскимъ механикомъ Брауеромъ сдѣланный имъ снарядъ для наблюденій въ первомъ вертикалѣ. Въ 1853 году, исходатайствовано Г. Попечителемъ разрѣшеніе Министра на пріобрѣтеніе большаго рефрактора, который и заказанъ уже въ Мюнхенскомъ Оптическомъ Институтѣ Мерца. Объективъ Московскаго рефрактора долженъ имѣть въ діаметрѣ 10 дюймовъ. — Черезъ два года можно такимъ образомъ ожидать, что обсерваторія Московскаго Университета будетъ вполнѣ окончена и по богатству своихъ средствъ станетъ на ряду съ первыми астрономическими учрежденіями Россіи и Европы. — Въ настоящее время считается въ ней 36 снарядовъ.

Химическая лабораторія. Химическій кабинетъ при Лабораторіи въ 1826 г., состоялъ изъ 1000 простыхъ и сложныхъ веществъ, изъ 339 естественныхъ тѣлъ всѣхъ трехъ царствъ природы; изъ главныхъ противодѣйствующихъ средствъ и снарядовъ, необходимыхъ для химическаго разложенія тѣлъ; изъ двухъ собраній кристалловъ, сдѣланныхъ изъ воска Товіемъ Ловицемъ, одно въ 288, другое въ 300 формъ кристалловъ; изъ собранія химическихъ инструментовъ и снарядовъ, числомъ до 500. Къ 1855 г. было кристалловъ и препаратовъ 634; снарядовъ инструментовъ и другихъ орудій 1356; книгъ 215 томовъ. Главныя пріобрѣтенія всѣ были сдѣланы покупкою. Въ 183$\frac{4}{5}$г. Лаборантъ П. Шульцъ принесъ въ даръ 42 рѣдкихъ химическихъ препарата.—Съ 1835 г.

началось быстрое умноженіе препаратовъ химическихъ и инструментовъ. — Въ 1836 году, по распоряженію Г-на Попечителя, выписано было изъ-за границы въ Химическую Лабораторію большое количество посуды стеклянной, фарфоровой и глиняной.—Въ 1838 г. пріобрѣтено 520 инструментовъ и снарядовъ; въ 1840 г. 566; въ 1841 г. 152 и т. д.

Анатомическій кабинетъ. Анатомическій кабинетъ въ 1826 году состоялъ изъ 5,000 препаратовъ. Къ 1855 году въ немъ было препаратовъ 7018, инструментовъ 852. Въ $183\frac{0}{1}$ году Прозекторъ Гумбургъ подарилъ 15 препаратовъ, въ $183\frac{1}{2}$ 27. Въ $183\frac{4}{5}$ г. пріобрѣтены искусственное строеніе тѣла человѣческаго Доктора Озу и анатомическія картины Масканье. Въ 1835 году Прозекторъ Шмидтъ и помощникъ его Басовъ внесли 25 препаратовъ. Въ 1837 г. пріобрѣтено было покупкою у Прозектора Анатоміи Шмидта 108 препаратовъ и у Прозектора Зоотоміи Басова 23. Эти пріобрѣтенія продолжались. Въ 1839 г. пріобрѣтено было нѣсколько нервныхъ препаратовъ, отлично изготовленныхъ Студ. Медицинскаго Факультета. Въ 1841 г. Проф. Севрукъ содѣйствовалъ умноженію кабинета новыми препаратами, и выписаны изъ Парижа 52 модели патологическихъ препаратовъ, изготовленныхъ Докторомъ Тиберомъ. Въ 1843 г. изъ Московской Медико-Хирургической Академіи поступило 57 препаратовъ и 180 инструментовъ, и пріобрѣтены покупкою полные анатомическіе рисунки Лангенбека. Въ 1844 г. кабинетъ пріобрѣлъ, кромѣ другихъ инструментовъ, отличный панкратическій микроскопъ изобрѣтенія Московскаго Профессора Фишера, сдѣланный Парижскимъ Оптикомъ Шевалье. — Въ 1848 г. пріобрѣтено покупкою 100 анатомическихъ инструментовъ. Тогда же завѣдываніе Анатомическимъ кабинетомъ перешло къ

Прозектору Соколову. — Въ 1850 г. отъ Берлинскаго Оптика пріобрѣтено 2 сложныхъ микроскопа. Прозекторъ Соколовъ умножилъ кабинетъ 35-ю препаратами своего приготовленія. Въ 1851 онъ же изготовилъ микроскопическихъ препаратовъ 337. Въ 185⅔ Прозекторъ Никитинъ внесъ 167 экз. препаратовъ своей работы; въ 1854 г. 100; помощникъ его Балашевскій 50 экз., Студенты 2-го курса 7, всѣхъ новыхъ препаратовъ 324.

Кабинетъ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи.

Кабинетъ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи домашнихъ животныхъ заведенъ въ Университетѣ съ 1834 года. При самомъ началѣ, въ немъ было зоотомическихъ препаратовъ 299, и 14 инструментовъ. Въ 1836 году число сихъ послѣднихъ было вдругъ значительно умножено и пріобрѣтенъ новый снарядъ для наливанья сосудовъ массами, работы Парижскаго мастера Шарьера. Въ 1837 г. пріобрѣтено покупкою 155 зоотомическихъ препаратовъ, изготовленныхъ Прозекторами Шмидтомъ и Басовымъ. Эти пріобрѣтенія продолжались и послѣ, постоянно, и служили къ умноженію кабинета. Дѣятельность Прозектора Басова ежегодно его обогащала.

Въ 1844 году этотъ кабинетъ, можно сказать, былъ вновь основанъ присоединеніемъ къ нему изъ Медико-Хирургической Академіи славной коллекціи Профессора Глѣбова, собранной имъ за границею, и названъ тогда общимъ именемъ Кабинета Сравнительной Анатоміи и Физіологіи. Коллекція Глѣбовская состояла изъ 426 цѣльныхъ экземпляровъ (198 рыбъ, 100 раковъ, 25 моллюсковъ и проч.) Въ кабинетъ вошли 448 препаратовъ прежнихъ Университетскихъ; 44 препарата изъ Зоотомическаго кабинета Академіи; 111 препаратовъ, пріобрѣтенныхъ отъ Прозектора Басова, и 306 препаратовъ различныхъ животныхъ, пригото-

вленныхъ помощникомъ Прозектора Соколовымъ. При кабинетѣ было тогда 46 инструментовъ, пять микроскоповъ изъ Парижа отъ Шевалье, рисунки, Атласъ Вагнера и друг. Въ 1845 г. пріобрѣтено 236 инструментовъ изъ Парижа отъ Шарьера и нѣсколько животныхъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: кенгуру, рысь, золотой заяцъ и жираффа. Въ 1847 г. пріобрѣтено отъ Докт. Мед. и Хир. Басова 7 препаратовъ изъ папье-маше, привезенныхъ имъ изъ Парижа. Въ этомъ же году кабинетъ значительно умножился трудами помощника Прозектора Лѣкаря Орловскаго, который изготовилъ 206 препаратовъ изъ различныхъ животныхъ и значительное число скелетовъ, преимущественно изъ животныхъ Россіи. Въ 1849 г. Орловскій изготовилъ 128 препаратовъ. Въ 1851 году Ад. Варнекъ и Орловскій изготовили 142 препарата и пожертвовано Обществомъ Испытателей природы необдѣланныхъ остововъ 26. Г. И. Фишеръ подарилъ собственноручно имъ отпрепарированный скелетъ летяги. Число инструментовъ обогащено 55-ю. Въ 1852 г. покупкою и пожертвованіями получено 22 препарата. Въ 1853 г. Профессоръ Варнекъ пожертвовалъ собраніе насѣкомыхъ, 8 экз. разныхъ животныхъ въ спирту и собраніе коконовъ шелковичнаго червя и образцевъ шелка. Американское Правленіе прислало остовы птицъ и звѣрей, числомъ 79, съ острова Св. Павла. Цѣлыя животныя пожертвованы разными лицами. Пріобрѣтено покупкою 42 предмета, 78 препаратовъ изготовлено Прозекторомъ Орловскимъ и сверхъ того изготовляемы имъ были препараты изъ пріобрѣтеннаго покупкою экземпляра рѣдкой лани, составляемы описанія и подъ его надзоромъ приготовляемы рисунки для изданія полной анатоміи этого животнаго. Въ 1854 г. у Французскаго Хирургическаго мастера Луэра въ Парижѣ купленъ для тонкихъ ана-

томическихъ работъ ящикъ съ анатомическими инструментами, инъекціонными трубками и ртутнымъ аппаратомъ. Въ настоящее время въ кабинетѣ находится 2,344 препарата и 414 анатомическихъ и оптическихъ инструментовъ.

Анатомико-Патологическій кабинетъ.

Особый анатомико-патологическій Кабинетъ существуетъ при Университетѣ съ открытія Госпитальной Клиники въ 1846 году. Въ составъ его поступили препараты, собранные и приготовленные въ Екатерининской больницѣ, благодаря просвѣщенному вниманію и дѣятельности Профессора Поля, Докторовъ Самсона, Мина и др. До 1849 года кабинетъ распространялся подъ руководствомъ Профессора Севрука, а съ 1849 года подъ руководствомъ Профессора Полунина. Профессоры, при практическихъ занятіяхъ въ Госпитальной Клиникѣ, собирали органы, представляющіе важныя анатомическія измѣненія, и опредѣляли сіи послѣднія. Прозекторъ Летуновъ, по назначенію преподавателей Патологической Анатоміи, готовилъ собранное для сохраненія. Также въ кабинетъ поступило нѣсколько весьма замѣчательныхъ препаратовъ изъ Хирургической Клиники Профессора Поля и отъ разныхъ врачей Московскихъ и иногородныхъ. Въ 1848 году Патологическій кабинетъ состоялъ изъ 309 препаратовъ, 30 рисунковъ, 197 инструментовъ и собранія мочевыхъ камней. Въ 1849 году онъ умноженъ сотнею разныхъ предметовъ. Въ 1850 года собрано и изготовлено 99 препаратовъ и пріобрѣтены 54 рисунка. Число инструментовъ и разныхъ вещей умножено 61-мъ. Въ 1851 г. въ кабинетъ поступило 49 препаратовъ, а въ 1852 г. 24 преп. Инструментовъ анатомическихъ и разныхъ вещей въ 1852 г. куплено 46. Въ 1853 г. изготовлено препаратовъ 50, пріобрѣтены 3 патолог. атласа; инструментовъ и другихъ вещей

куплено 54. Въ 1854 года поступили въ Кабинетъ 23 препарата, 2 анатомическихъ атласа, 12 анатомическихъ инструментовъ. Къ 1-му Января 1855 г. въ кабинетѣ препаратовъ было 634, книгъ и рисунковъ 72, инструментовъ и другихъ вещей 429: между сими послѣдними два микроскопа сложныхъ, работы Шика, и одинъ простой. Спиртовые препараты сохраняются въ банкахъ изъ толстаго стекла, съ пришлифованными крышками. Патологическіе препараты Университетскаго анатомическаго собранія остаются въ этомъ собраніи.

Фармацевтическій кабинетъ. Фармацевтическій кабинетъ, въ 1826 году, состоялъ изъ 418 простыхъ врачебныхъ веществъ, самыхъ употребительнѣйшихъ. Въ 1854 году онъ состоялъ изъ разныхъ реактивовъ и медикаментовъ, употребляемыхъ на лекціяхъ Фармаціи, Фармакогнозіи, Токсикологіи и Рецептуры, и нужныхъ для того снарядовъ, а именно въ такомъ числѣ: фармацевтическихъ экземпляровъ 816, фармацевтическихъ препаратовъ 795, книгъ 548, посудинъ, орудій стеклянныхъ и другихъ 499. Новое образованіе его началось съ 1838 года.

Десмургическій кабинетъ. Собраніе учебныхъ пособій при каѳедрѣ Теоретической Хирургіи подъ именемъ Десмургическаго Кабинета, состоявшаго изъ 295 инструментовъ и снарядовъ для лекцій Десмургіи и Офталмологіи, до 1846 г., находилось въ завѣдываніи у Профессора Эвеніуса, а потомъ перешло къ Проф. Иноземцеву и наконецъ къ Проф. Басову. Къ 1855 г. въ немъ было 252 хирургическихъ снаряда и инструмента, и сверхъ того пріобрѣтено въ 1854 году 11 снарядовъ для глазныхъ болѣзней; восковыхъ слѣпковъ и таблицъ съ изображеніями хирургическихъ болѣзней и анатомическими рисунками было 106.

Сельско-хозяйственный кабинетъ.

Сельско-хозяйственный кабинетъ былъ основанъ въ 1846 году, при Попечителѣ Графѣ С. Г. Строгановѣ, Профессоромъ Линовскимъ. До тѣхъ поръ существовало только собраніе 21 вида древесныхъ и кустарныхъ растеній, обдѣланныхъ изъ древесины въ видѣ книгъ. Въ 1846 году куплено было 58 моделей земледѣльческихъ орудій, 70 сортовъ сѣмянъ хозяйственныхъ растеній, 20 образцовъ домашнихъ животныхъ, сдѣланныхъ изъ картона Гейзеромъ, и тѣмъ положено первое основаніе кабинету. Графъ С. Г. Строгановъ подарилъ модель Пермской сохи и 30 образцевъ древесныхъ главнѣйшихъ лѣсныхъ породъ Пермской Губерніи; Вольное Экономическое Общество прислало 31 модель земледѣльческихъ орудій; Московское Общество Испытателей природы, Г. Анненковъ, Генералъ-Маіоръ Жуковскій, Студентъ Зубовичь участвовали въ пожертвованіяхъ, но особенно Профессоръ Сельскаго Хозяйства Желѣзновъ. Кабинетъ, кромѣ того, умножался покупкою на сумму, для него назначенную. Въ 1850 году въ немъ было уже 138 моделей земледѣльческихъ орудій, 45 приборовъ для разныхъ изслѣдованій, 274 вида и разностей хозяйственныхъ растеній, 119 видовъ и разностей сѣмянъ, 111 образцевъ почвъ, 139 образцевъ древесныхъ — всего же 880 предметовъ. Въ 1851 г. кабинетъ пріобрѣлъ 26 моделей земледѣльческихъ орудій, собраніе 65 видовъ полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ въ 130 экземплярахъ, 30 землемѣрныхъ орудій, собраніе образцевъ деревъ изъ Южной Россіи.—Въ 1852 г. Кабинетъ былъ обогащенъ еще 338 предметами. Въ 1854 г. отъ Главнаго Начальника Уральскихъ заводовъ прислано 49 образцевъ деревъ; Проф. Калиновскій, завѣдывающій кабинетомъ, подарилъ 78 видовъ и разностей хозяйственныхъ растеній; пріобрѣтено покупкою поперечныхъ разрѣзовъ древесныхъ породъ,

приготовленныхъ Профессоромъ Нёрдлингеромъ, 100. Всѣхъ предметовъ въ этомъ году въ кабинетѣ было 1705.

Минцъ-Кабинетъ, въ 1826 году, имѣлъ 3731 монету и медаль. Къ 1854 году онъ заключалъ въ себѣ ихъ 16,464: въ томъ числѣ золотыхъ 450; серебряныхъ, потиновыхъ и посеребренныхъ 9187; мѣдныхъ, оловянныхъ, чугунныхъ 6827. Сверхъ того въ кабинетѣ есть собраніе сѣрныхъ оттисковъ Греческихъ и Римскихъ монетъ, числомъ 10,111; Липпертова Дактиліотека и 100 гипсовыхъ слѣпковъ съ рѣзныхъ камней Берлинскаго музея; собранія одѣяній сибирскихъ инородцевъ, разныхъ частей древняго Американскаго и Скандинавскаго оружія изъ камня (31 №), и мелкихъ древностей и достопримѣчательностей (23 №). Замѣтимъ значительныя пріобрѣтенія въ теченіи 29 лѣтъ. Въ 182$\frac{6}{7}$ году Почетный членъ Университета, Статсъ-Секретарь Н. Н. Муравьевъ подарилъ древнюю серебряную Новгородскую гривну и два серебряныхъ же рубля. Въ 182$\frac{7}{8}$ году куплено 237 Консульскихъ фамильныхъ медалей (214 серебряныхъ и 23 мѣдныхъ). Жертвовали Учитель Рязанской Гимназіи Ляликовъ, Прапорщикъ Смагинъ. Въ 182$\frac{8}{9}$ г. по Высочайшему повелѣнію прислано черезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія 10 древнихъ слитковъ серебра, найденнаго въ Рязанской губерніи. Въ 18$\frac{29}{30}$ г. также по Высочайшему повелѣнію 66 сер. копѣекъ, изъ числа найденныхъ въ округахъ военныхъ поселеній. Проф. Ловецкій подарилъ серебряную медаль на кончину Императрицы Елисаветы. — Въ 183$\frac{3}{4}$ г., по Высочайшему повелѣнію, изъ Императорской Академіи Наукъ прислано 317 монетъ древняго чекана, вырытыхъ близъ Нижняго-Новгорода; своен. Студентъ Владиміръ Линовскій подарилъ 31

Минцъ-кабинетъ.

Римскую монету и 7 Польскихъ; уволенный изъ купеч. званія Костроминъ 11 монетъ и 1 большую золотую медаль. — Въ 183⅘ г. Кіевскій Митропотитъ Евгеній прислалъ въ даръ кусокъ древняго серебра въ 38 золотн. подъ названіемъ Кіевскаго рубля.— Въ 1836 году, по приглашенію Г. Попечителя, Академикъ Френъ разобралъ Восточные монеты и составилъ имъ особый катологъ: ученый нашелъ здѣсь монеты рѣдкія и даже до тѣхъ поръ неописанныя.— Въ 1838 г. были приношенія отъ Н. Г. Рюмина и Кн. М. А. Оболенскаго. Въ 1839 году кабинетъ значительно умножился покупкою собранія древнихъ Римскихъ медалей и монетъ у Г. Рейхеля въ Петербургѣ. Изъ числа ихъ: 65 золотыхъ, 2421 серебряная, 3292 бронзовыхъ и 57 ассовъ. Тогда же Н. Г. Головинъ пожертвовалъ 230 мѣдныхъ монетъ древнихъ Русскихъ. Въ 1840 г. отъ Министерства Финансовъ черезъ Министерство Народнаго просвѣщенія поступила коллекція медалей на славныя дѣла Монарховъ изъ Русской Исторіи и коллекція портретовъ Великихъ Князей. Въ 1841 г. пріобрѣтено Г. Попечителемъ 75 серебряныхъ восточныхъ монетъ. Въ 1850 г. кабинетъ перешелъ въ вѣдомство И. д. Э. О. Проф. Леонтьева. Тогда же И. А. Ковецкій подарилъ 1264 сер. копѣйки, преимущественно Царя Михаила Ѳедоровича, найденныя въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской Губерніи; купецъ Гарелинъ 100 гипсовыхъ слѣпковъ съ рѣзныхъ камней Берлинскаго Музея. Кромѣ того приносителями были Г. Попечитель Университета, Рафнъ Профессоръ въ Копенгагенѣ, Надворный Совѣтникъ М. Е. Клечановскій, Капитанъ М. А. Леонтьевъ, Студенты Рыжовъ и Казариновъ, Проф. Вернадскій, Кандидатъ Зедергольмъ.—Въ 1852 г. Г. Воейковъ пожертвовалъ 396 серебряныхъ старинныхъ Русскихъ монетъ, найденныхъ въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязан-

ской губерніи; пріобрѣтено покупкою у Г. Пестова 190 серебряныхъ копѣекъ Московскихъ удѣльныхъ княженій; мѣною и покупкою 2 золотыя, 57 серебряныхъ, 49 бронзовыхъ монетъ. Приносителями были Копенгагенское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, Университетскій Совѣтъ въ Прагѣ, Г. Носовъ изъ Омска, Г. Мазуровъ, Г. Фаренколь. Въ 1853 г. по Высочайшему повелѣнію прислано 80 монетъ серебр. Джучидскихъ изъ клада, найденнаго въ степи, въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской Губерніи; пріобрѣтено Хранителемъ кабинета Леонтьевымъ во время его путешествія на югъ Россіи 3 золотыя монеты, 46 серебряныхъ, 346 бронзовыхъ; сверхъ того вымѣнено 17 сер. и 2 бронзовыя. Въ 1854 г. пріобрѣтено покупкою, мѣною и приношеніями Русскихъ монетъ и медалей: серебряныхъ 231, мѣдныхъ 276; Греческихъ сер. 8, мѣдныхъ 28, Таврическая сер. 1, Сидона сер. монета 1, Сассанидская монета 1, Персидская мѣдная 1, иностранныхъ медалей 2. Болгарскихъ монетъ 6; золотыя пуговицы, серги, перстень и проч., изъ Керчи и Анапы (въ числѣ 10); коллекція античной посуды. Графъ А. С. Уваровъ пожертвовалъ красивую амфору, полученную имъ изъ Италіи.

Многочисленныя учебныя пособія Университета увѣнчались въ 1846 году учрежденіемъ обширныхъ Клиникъ. Терапевтическая, вмѣсто прежнихъ 16 кроватей, учреждена была на 60; Хирургическая, вмѣсто прежнихъ 15-ти, также на 60; Акушерская, помѣщенная въ особенномъ домѣ, вмѣсто прежнихъ 6-ти, на 30. Кромѣ сихъ Клиникъ, еще въ большее пособіе учащимся открыта Госпитальная Клиника съ двумя своими отдѣленіями: Терапевтическимъ и Хирургическимъ, въ которыхъ 250 кроватей. Такимъ учрежденіемъ Клиникъ въ Мо- Клиники.

скв̀ устроено было великое прибѣжище для страждущихъ и предложено молодымъ врачамъ обширное поле къ изученію ихъ науки. Здѣсь, благодаря добросовѣстности, неусыпной дѣятельности, знанію и искусству главныхъ врачей и ихъ ревностныхъ помощниковъ, во славу Бога и науки, совершаются дивныя изцѣленія. Въ губительные періоды холеры, въ Клиникахъ Университетскихъ всегда открываемо было особенное холерное отдѣленіе, и всѣ привозимые больные были принимаемы безъ отказу. Удобство помѣщенія, чистота воздуха, размѣщеніе больныхъ по степенямъ развитія болѣзни предлагали средства спасительныя противъ грознаго недуга. Умноженіе числа больныхъ и особенно приходящихъ за совѣтами обнаруживаетъ довѣренность народа къ полезному учрежденію. Операцій въ Хирургическомъ Отдѣленіи Унив. Клиники произведено было, съ 1846 года по 1854 г. включительно, 2239. Инструментовъ въ ней 950, въ Анатомическомъ театрѣ 249, въ десмургическомъ кабинетѣ 386.

Быстрое возрастаніе учебныхъ пособій Университета въ теченіи этихъ лѣтъ есть лучшее очевидное свидѣтельство и быстрому движенію въ преподаваніи наукъ. Прослѣдимъ сіе послѣднее, раздѣливъ его на два періода: до введенія новаго устава, т. е. до конца 1835 года, и по введеніи, или съ начала 1836 года.

Преподаваніе (1825—1835).

Въ Нравственно-Политическомъ Отдѣленіи Архимандритъ Иннокентій Платоновъ преподавалъ Богословіе Догматическое и Нравственное, по руководству Епископа Ѳеофилакта Горскаго, и Исторію Церковную Ветхаго Завѣта по руководству Преосвященнаго Филарета, а Новаго Завѣта по руководству Епископа Иннокентія. Съ 182$\frac{8}{9}$ года преподаваніе этого предмета поручено было О. Профессору П. М. Терно-

скому. Шлецеръ 1826 годомъ заключилъ преподаваніе Политической Экономіи. Цвѣтаевъ читалъ Римское право, въ главныхъ предметахъ сравнительно съ законодательствомъ другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Смертію въ 1835 году заключилось преподаваніе Профессора: перерывъ въ его лекціяхъ былъ также въ $183\frac{1}{2}$ и $183\frac{2}{3}$ годахъ. Сандуновъ продолжалъ Россійское Практическое законоискусство и занималъ Студентовъ чтеніемъ древнихъ рукописей; смерть въ Іюнѣ 1832 г. прекратила его дѣятельность. Василевскій читалъ Право Политическое или Народное и Дипломатію по Ахенвалю, Клуберу и Мартенсу, до $183\frac{4}{5}$ Акад. года; Бекетовъ Дипломатику въ $182\frac{8}{9}$ году; смерть прекратила чтенія сего послѣдняго. Маловъ читалъ Уголовное право съ примѣненіемъ къ Русскимъ законамъ, Исторію Римскаго законодательства, частное Гражданское право; все по руководствамъ своего Профессора Цвѣтаева, до $183\frac{2}{3}$ года. Смирновъ Исторію Россійскаго Законодательства, порядокъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ по своей книгѣ, частныя права Губерній и областей, на особенныхъ постановленіяхъ состоящихъ; Россійское практическое законоискуество перешло къ нему по смерти Сандунова; Смирновъ заключилъ свое преподаваніе $183\frac{3}{4}$ мъ Акад. годомъ. Щедритскій съ $182\frac{8}{9}$ года началъ читать Исторію и Статистику Россійскаго Государства; съ $18\frac{29}{30}$ г. читалъ Статистику знатнѣйшихъ Европейскихъ Государствъ по руководствамъ Гейма и Зябловскаго, по конецъ 1835 года. Въ $182\frac{8}{9}$ г. Погодинъ открылъ лекціи Политической Исторіи и Статистики Европейскихъ Государствъ; въ $18\frac{29}{30}$ г. читалъ Исторію Россійскаго Государства, въ $18\frac{30}{31}$ г. Исторію среднихъ вѣковъ по Рюсу и Исторію Царства Польскаго по Бантке; въ $183\frac{1}{2}$ и $183\frac{2}{3}$ годахъ Россійскую Исторію по Карамзину. Въ $182\frac{8}{9}$ году Васильевъ (Иларіонъ)

обучалъ Студентовъ Россійскому Законовѣдѣнію. Васильевъ (Николай) тогда же началъ лекціи Политической Экономіи по Шлецеру, Шторху и Рау; сверхъ этого предмета въ 183$\frac{2}{3}$ г. онъ читалъ Исторію Римскаго права и Римское Гражданское право по Макельдею; въ 183$\frac{3}{4}$ г. право Россійское публичное, уголовное, гражданское; въ 183$\frac{4}{5}$ г. право Россійское уголовное и въ 1835 г. начала Русскаго гражданскаго права по Своду Законовъ Россійской Имперіи. Съ 183$\frac{3}{4}$ г. началъ преподаваніе Морошкинъ: въ этомъ г. читалъ права знатнѣйшихъ древнихъ (кромѣ Римлянъ) и нынѣшнихъ народовъ; въ 183$\frac{4}{5}$ г. сверхъ того Исторію Россійскаго законодательства и о составѣ присутственныхъ мѣстъ; въ 1835 году къ сему послѣднему предмету присоединилъ Римское право по Макельдею. Въ этомъ же году читалъ еще Іовскій (Петръ) Право народное по Клуберу и Мартенсу, Россійское Государственное право по Своду Законовъ Россійской Имперіи.

Въ Физико-Математическомъ Отдѣленіи, смерть, въ Мартѣ 1826 г., прекратила дѣятельность старшаго Профессора Гофмана, читавшаго Ботанику и Фармакологію. Фишеръ, отецъ, преподавалъ общую и Частную Зоогнозію по своимъ таблицамъ, Исторію животныхъ безпозвоночныхъ, объяснялъ окаменѣлости, и заключилъ чтенія свои 183$\frac{1}{2}$ годомъ. Рейсъ читалъ Всеобщую Химію, приспособляя науку къ потребности Медиковъ, по руководству Пайена; въ 183$\frac{0}{1}$ г. и 183$\frac{1}{2}$ г. Теоретическую Химію по Берцеллію, и симъ послѣднимъ годомъ заключилъ свое преподаваніе. Двигубскій читалъ Физику по своей книгѣ; съ 182$\frac{7}{8}$ г. Ботанику съ помощью Адъюнкта Максимовича, именно Терминологію растеній и классификацію, Анатомію и Физіологію растеній и Исторію Ботаники; 183$\frac{2}{3}$ годомъ онъ прекратилъ преподаваніе. Чумаковъ—Меха-

нику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ по своей книгѣ и Пуассону, и Оптику по Лакалю. При немъ Ад. Василій Лебедевъ занимался составленіемъ машинъ и объясненіемъ оныхъ. Сіе послѣднее продолжалось до 183$\frac{0}{1}$ года. Въ 1832 году смерть прекратила преподаваніе Чумакова. Денисовъ читалъ Технологію, сначала по книгѣ Двигубскаго, потомъ съ 182$\frac{8}{9}$ г. Частную по руководству Поппе, Общую по своей; 183$\frac{0}{1}$ годомъ кончина пресѣкла его службу. Павловъ преподавалъ Минералогію по Фишеру, Сельское Хозяйство по своей Земледѣльческой Химіи и книгѣ Албрехта Теэра; съ 182$\frac{7}{8}$ г. Физику по Двигубскому и Біоту, и продолжалъ Сельское Хозяйство; съ 182$\frac{8}{9}$ г. одну Физику, по Гей-Люйсаку и Пулье; въ 183$\frac{3}{4}$ году ее же по своей книгѣ; въ 183$\frac{4}{5}$ вмѣстѣ съ Физикою вновь Сельское Хозяйство; въ 1835 г. одну Физику. Щепкинъ читалъ Высшія вычисленія, Аналитическую Геометрію, Дифференціальное и Интегральное Исчисленіе, Высшую Алгебру по Франкеру; 183$\frac{3}{4}$ годомъ прекратилъ онъ преподаваніе. Мягковъ читалъ Теорію военнаго искусства по Жомини, Временную Фортификацію по Дюверну и своей книгѣ, Теорію Артиллерійской науки по руководству Шеля и Артиллеріи Генералъ-Маіора Гогеля; при немъ Ад. Галлеръ составлялъ и объяснялъ фортификаціонные и артиллерійскіе чертежи; 182$\frac{7}{8}$ годомъ прекратились чтенія Мягкова. Перевощиковъ преподавалъ Раціональную и Сферическую Астрономію по сочиненію Шуберта; упражнялъ Студентовъ въ наблюденіяхъ; съ 182$\frac{7}{8}$ г. Теоретическую Астрономію по своей книгѣ; въ 18$\frac{29}{30}$ г. присоединилъ къ предмету Сферическую Тригонометрію; въ 183$\frac{1}{2}$ г. читалъ Теорію Элиптическаго движенія, Теорію планетъ и кометъ по своему руководству; съ 183$\frac{2}{3}$ г. сверхъ Астрономіи читалъ 2 года Механику

твердыхъ и жидкихъ тѣлъ по своему сочиненію съ дополненіями изъ твореній Прони и Лагранжа; съ 183$\frac{4}{5}$ г. снова одну Астрономію; съ 1835 г. онъ началъ съ Студентами практическія вычисленія и занятія на Обсерваторіи. Коцауровъ преподавалъ Начала и Основанія Геометріи, Аналитическую Геометрію, въ 183$\frac{3}{4}$ г. двухъ и трехъ измѣреній, по Франкёру; этимъ самымъ годомъ заключилъ онъ свое преподаваніе въ Университетѣ. Съ 182$\frac{6}{7}$ года началъ свои лекціи Гейманъ: онъ читалъ опытную Химію по Пайену и сверхъ того Аналитическую Химію по руководствамъ Берцеллія, Пфаффа, Тенара, Розе, Гмелина, Гесса, и другихъ современныхъ писателей; съ 183$\frac{3}{4}$ г. раздѣлилъ онъ Химію на неорганическую и органическую. Фишеръ, сынъ Г. И., въ 182$\frac{6}{7}$ году, преподавалъ въ первый разъ Ботанику, но потомъ продолжалъ свой курсъ во Врачебномъ Отдѣленіи; въ 183$\frac{0}{1}$ году онъ помогалъ своему родителю въ преподаваніи Зоологіи, замѣняя его въ случаѣ отсутствія. Въ 183$\frac{3}{4}$ года онъ началъ преподаваніе Зоологіи и читалъ ее 2 года; съ 183$\frac{4}{5}$ г. вновь Ботанику по руководствамъ Декандоля и Ришара. Съ 182$\frac{8}{9}$ г. Давыдовъ читалъ Высшую Алгебру по Франкеру до 1832 года, когда перешелъ на каѳедру Русской Словесности. Съ 182$\frac{8}{9}$ года Ловецкій читалъ Минералогію по Фишеру и Гаюи, потомъ но своему сочиненію, руководствуясь Беданомъ и Соколовымъ, Сельское Хозяйство по Теэру и Павлову; съ 183$\frac{4}{5}$ года Зоологію по своей книгѣ съ дополненіями изъ Кювье и Сентъ-Илера. Съ 183$\frac{0}{1}$ г. Погорѣльскій училъ Студентовъ Исчисленіямъ на счетахъ, повторялъ съ ними нѣкоторыя части Алгебры, читалъ Прямолинейную Тригонометрію и Коническія сѣченія; далѣе Элементарную Статику по Поансу, Аналитическую Геометрію но Перевощикову и Леруа: 1835 годомъ прекратилось его препо-

даваніе. Въ $183\frac{3}{4}$ года Максимовичь, бывшій съ $182\frac{7}{8}$ года Адъюнктомъ при каѳедрѣ Ботаники*, принадлежавшей Двигубскому, читалъ уже предметъ самостоятельно, а именно: Органологію растеній и Линнееву систему, по собственному сочиненію, Физіологію растеній по Декандолю и Естественную систему растеній по своимъ запискамъ. Въ $183\frac{4}{5}$ и въ 1835 годахъ Страховъ читалъ Технологію по Денисову и Поппе; Брашманъ началъ преподаваніе Оптики и Механики; Зерновъ всѣхъ высшихъ частей Чистой Математики по Перевощикову съ дополненіями изъ Лефебюра де Фурси, Лежандра, Леруа и Коши; Щуровскій Минералогію по Бедану, Ловецкому и Соколову, а Геогнозію по Броньяру и Гумбольдту. Въ $183\frac{4}{5}$ г. Жодейко одинъ годъ преподавалъ Прямолинейную Тригонометрію и Приложеніе Алгебры къ Геометріи.

Во Врачебномъ Отдѣленіи, Лодеръ, Почетный Членъ Университета, продолжалъ чтеніе Анатоміи по книгѣ, имъ изданной на Латинскомъ языкѣ: ему съ $182\frac{6}{7}$ года вспомоществовалъ ученикъ его и Адъюнктъ Эйнбродтъ, который преподавалъ эти лекціи, то на Латинскомъ, то на Русскомъ языкѣ. Гильтебрандтъ преподавалъ Хирургію съ операціями на Латинскомъ языкѣ до $183\frac{0}{1}$ года. Мухинъ Физіологію по-Русски съ опытами надъ живыми животными по Ленгоссеку, Судебную Медицину по Пленку и Шпренгелю, Медицинскую Полицію по Шнейдеру и Рёмеру, и въ 1835 году прекратилъ свое преподаваніе. Мудровъ, изложивъ ученіе Общей Клиники, преподавалъ частную Медицину клиническую по руководству Іосифа Франка при постеляхъ больныхъ, примѣнялъ къ объясненію болѣзней новѣйшія начала Анатоміи Патологической, слѣдуя своей Физіологической Нософафіи; продолжалъ давать въ присутствіи учащихся врачеб-

ные совѣты приходившимъ ремесленникамъ и всѣмъ бѣднымъ людямъ; въ 1831 году холера прекратила его дѣятельность. Котельницкій читалъ Врачебное Веществословіе по Шпренгелю, Шнейдеру, Виллie, Вирею и Гартману, и Исторію Медицины по Геккеру, и показывалъ Студентамъ въ Аптекѣ Химико-Фармацевтическіе опыты, а потомъ Рецептуру по Консбургу и Эбермейеру; въ половинѣ 1835 года прекратилъ онъ преподаваніе. Бунге читалъ ветеринарную науку по Фейту. Ризенко о повивальномъ искуствѣ по Рихтеру, Штейну, Зибольду и другимъ; также науку о женскихъ болѣзняхъ по Капюрону. Смерть въ 1827 году прекратила его чтенія. Ромодановскій Общую Патологію по Ипею и Общую Терапію по Шпренгелю; смерть въ 1830 г. положила конецъ его чтеніямъ. Альфонскій читалъ о Хирургическихъ операціяхъ и инструментахъ на Латинскомъ языкѣ по книгѣ Гильтебрандта, и упражнялъ слушателей въ производствѣ Хирургическихъ операцій надъ трупами; по выходѣ въ отставку своего наставника Гильтебрандта, онъ принялъ въ полное свое завѣдываніе каѳедру Хирургіи и хирургическія операціи. Съ $182\frac{5}{6}$ г. Ловецкій читалъ Минералогію и Ботанику во Врачебномъ Отдѣленіи, а въ $182\frac{8}{9}$ г. перешелъ въ Физико-Математическое. Въ $182\frac{5}{6}$ г. преподавалъ Рихтеръ, сынъ, науку о дѣтскихъ болѣзняхъ по Генке и Рау, объ инструментальныхъ акушерскихъ операціяхъ, далѣе Повивальное искусство по Зибольту съ операціями на фантомѣ. Эвеніусъ продолжалъ Офталмологію или Науку о глазныхъ болѣзняхъ, сначала по Веллеру, а потомъ по своему конспекту, и упражнялъ слушателей въ наложеніи хирургическихъ повязокъ и снарядовъ на человѣческое тѣло. Веселовскій читалъ Математику и Физику для Медиковъ до $183\frac{0}{1}$ года. Страховъ для нихъ же Общую Химію по руководству Орфилы; съ

18$\frac{29}{30}$ года Сравнительную Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ по Фейту до 183$\frac{3}{4}$ года. Терновскій (Алексѣй) читалъ Анатомію со введеніемъ въ ея Исторію и показывалъ слушателямъ вскрытія труповъ, производимыя по правиламъ Судебной Медицины; потомъ упражнялъ Студентовъ въ разсѣченіи труповъ при помощи Прозектора Гумбурга; въ 183$\frac{4}{5}$ и 1835 гг. читалъ Діэтетику по руководству Вальтбрехта и тѣмъ заключилъ свои лекціи. Съ 182$\frac{6}{7}$ г. по 18$\frac{29}{30}$ г. Тихоновичь преподавалъ Рецептуру по Консбургу и Эбермейеру. Съ 182$\frac{6}{7}$ г. Рясовскій читалъ Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ по Фейту до 182$\frac{8}{9}$ года, въ которомъ началъ излагать науку о женскихъ болѣзняхъ по Зибольту и продолжалъ эти чтенія до конца 1835 года. Лебедевъ (Никифоръ) съ 182$\frac{6}{7}$ г. читалъ Исторію Медицины по Шпренгелю, излагая врачебныя системы по Геккеру, Медицинскую Греческую Литературу по Кюну и заключилъ свои чтенія концемъ 1835 года. Эйнбродтъ, съ 182$\frac{6}{7}$ г. бывшій уже Адъюнктомъ при Лодерѣ, продолжалъ преподаваніе Анатоміи тѣла человѣческаго вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, а съ 18$\frac{29}{30}$ г. началъ уже самостоятельное преподаваніе этого предмета. Въ 182$\frac{7}{8}$ г. Іовскій (Александръ) открылъ преподаваніе Аналитической Химіи, сначала по Шевалье и Пайену, потомъ по собственнымъ запискамъ, и съ половины 1835 года началъ читать Фармацію по Шевалье, Фармакологію по Ратье и Эдвардсу, Рецептуру по Рейссу. Фишеръ съ 18$\frac{29}{30}$ по 183$\frac{1}{2}$ г. читалъ Зоологію, Ботанику и Минералогію для Медиковъ. Топоровъ началъ преподаваніе Математикою и Физикою для Медиковъ съ 183$\frac{0}{1}$ г., и въ 183$\frac{4}{5}$ и 1835 читалъ одну Физику. Съ 183$\frac{1}{2}$ г. излагалъ Лебедевъ (Козьма) Общую Патологію по Ипею и Общую Терапію по Шпренгелю; съ 183$\frac{5}{4}$ г. руководствовался онъ для первой

науки своимъ сочиненіемъ: чтенія свои заключилъ концомъ 1835 года. Съ 183$\frac{4}{5}$ г. открылъ каѳедру Частной Терапіи въ Университетѣ Дядьковскій, съ практическими упражненіями въ клиникѣ при постеляхъ больныхъ: его лекціи заключились также концемъ 1835 года. Въ томъ же 183$\frac{4}{5}$ г. открылъ лекціи Минералогіи, Ботаники и Зоологіи для Медиковъ Щуровскій; но во второй половинѣ 1835 года перешелъ на каѳедру Минералогіи въ Физико-математическое Отдѣленіе. Съ 183$\frac{4}{5}$ г. Гильтебрантъ, сынъ, читалъ науку о кровавыхъ хирургическихъ операціяхъ; Протасовъ въ 184$\frac{4}{5}$ и 1835 годахъ Сравнительную Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ по Фейту. Шиховскій въ 1835 г. читалъ для Медиковъ лекціи Ботаники по Декандолю, Линдлею и Максимовичу. Филомаѳитскій тогда же открылъ первой курсъ Физіологіи по руководству Миллера.

Въ Словесномъ Отдѣленіи, старшій Профессоръ Мерзляковъ продолжалъ чтеніе Риторики и Піитики и критическіе разборы Русскихъ писателей, до половины 1830 года, когда смерть прекратила его прекрасную дѣятельность. Гавриловъ преподавалъ Славянскій языкъ, теоретически и исторически, и въ тоже время Теорію и исторію изящныхъ искусствъ по Зульцеру, и Археологію по Эшенбургу и Винкельману; въ послѣднее время сынъ его помогалъ ему въ чтеніи предмета; кончина въ началѣ 1829 года пресѣкла его поприще. Каченовскій читалъ Статистику Россійскаго государства, въ 182$\frac{6}{7}$ году Исторію Россійскаго государства по учебной книгѣ Эверса; въ 182$\frac{7}{8}$ г. соединенную Исторію и Статистику Россійскаго государства по своему конспекту; въ 183$\frac{1}{2}$ г. къ этимъ предметамъ, по смерти Мерзлякова, присоединилъ правила Россійскаго языка и слога, относящіяся преимущественно къ Поэзіи; въ 183$\frac{2}{3}$ г.,

когда Русская Словесность перешла къ Профессору Давыдову, кромѣ Русской Исторіи, читалъ Всеобщую Исторію древнихъ вѣковъ и среднихъ. При немъ Магистръ Гастевъ излагалъ вспомогательныя историческія науки: Географію, Хронологію, Геральдику, Нумисматику и Генеалогію. Въ $183\frac{3}{4}$ и слѣд. году Каченовскій ограничился Русскою Статистикой и Исторіей; но въ 1835-мъ, за отсутствіемъ Пр. Погодина, читалъ Всеобщую Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій. Болдыревъ преподавалъ основанія Арабскаго языка и объяснялъ Арабскую Хрестоматію, по таблицамъ и книгѣ, литографически имъ изданнымъ; также правила Персидскаго языка съ объясненіями избранныхъ мѣстъ изъ Персидской Хрестоматіи, равно имъ изданной. Съ $182\frac{8}{9}$ г. до $183\frac{2}{3}$ г. ему помогалъ въ преподаваніи языка Кандидатъ Коркуновъ, а съ этого года Кандидатъ Коноплевъ. Давыдовъ съ $183\frac{2}{3}$ г. началъ преподаваніе Русской Словесности изложеніемъ Исторіи и отличительныхъ свойствъ Русскаго языка и Теоріею Краснорѣчія, далѣе читалъ Теорію Поэзіи и Исторію Русской Словесности. Ульрихсъ Всеобщую Исторію и Статистику, по Шрекку и Гейму, до $183\frac{2}{3}$ года. Въ $183\frac{1}{2}$ г. при немъ излагалъ вспомогательныя историческія науки Кандидатъ Гастевъ. Лекціи въ сихъ наукахъ Бекетова прекратились $182\frac{5}{6}$ г. Ивашковскій преподавалъ Греческую Словесность и Древности. Въ $182\frac{8}{9}$ года помогалъ ему Кандидатъ Ежевскій, а съ $183\frac{0}{1}$ г. Магистръ Оболенскій. Побѣдоносцевъ читалъ Правила Россійской Словесности для Студентовъ 1-го года всѣхъ отдѣленій до $183\frac{4}{5}$ г. Снегиревъ преподавалъ Римскую Словесность и Древности и заключилъ свои лекціи 1835 годомъ. Ад. Кубаревъ съ $182\frac{8}{9}$ г. началъ вспомогательное ученіе Латинскаго языка и Словесности. Кистеръ читалъ Нѣмецкую Литературу до половины 1835 года; Пельтъ

Французскую до 18$\frac{29}{30}$, когда этотъ предметъ перешелъ къ Геннекеню, за годъ начавшему свои лекціи. Эвансъ преподавалъ Англійскую Словесность до 182$\frac{7}{8}$ года, когда она перешла къ Бакстеру. Рубини въ 182$\frac{7}{8}$ г. началъ чтеніе Италіянскаго языка и Словесности. Гавриловъ, по смерти отца, читалъ въ 18$\frac{29}{30}$ г. и слѣд. Теорію изящныхъ искусствъ. Въ томъ же году Англійскій языкъ перешелъ отъ Бакстера къ Гарве; въ 183$\frac{0}{1}$ Французскій отъ Геннекеня къ Декампу. Съ 183$\frac{1}{2}$ г. начали преподаваніе Герингъ и Куртенеръ, первый Нѣмецкаго, второй Французскаго языка. Въ 183$\frac{2}{3}$ г. Теорія изящныхъ искусствъ и Археологія отъ Гаврилова перешли къ Надеждину, который читалъ сверхъ того Логику въ 183$\frac{3}{4}$ г. и этимъ годомъ заключилъ свое преподаваніе. Съ 183$\frac{3}{4}$ года началъ свои лекціи, уже въ Словесномъ Отдѣленіи, Погодинъ и читалъ Всеобщую Исторію. Коркуновъ съ 183$\frac{3}{4}$ г. излагалъ вспомогательныя Историческія науки и въ 1835 г. Древнюю Географію. Щедритскій въ 183$\frac{4}{5}$ г. и 1835 г. въ Словесномъ Отдѣленіи читалъ Всеобщую Статистику. Съ 1834 года Ад. Шевыревъ началъ преподаваніе Исторіи всеобщей Поэзіи и Русской Словесности. Гавриловъ читалъ сей послѣдній же предметъ для Медиковъ. Крюковъ, со второй половины 1835 г., началъ преподавать Римскую Словесность.

Въ 1827 году напечатаны были Профессорами конспекты, разсмотрѣнные и утвержденные Начальствомъ и служившіе имъ руководствомъ для чтеній.

Ректоры и Деканы.

Въ теченіи этого времени, отъ 182$\frac{5}{6}$ г. по конецъ 1835 г., Ректорами Университета были: Антонскій (182$\frac{5}{6}$), Двигубскій (182$\frac{7}{8}$ — 1833), Болдыревъ (1833 — 1835); Деканами Нравственно-Политическаго Отдѣленія: Цвѣтаевъ (182$\frac{6}{7}$), Сандуновъ, Васильевъ; Фи-

зико-Математическаго: Двигубскій, Чумаковъ, Фишеръ, Перевощиковъ, Ловецкой; Врачебнаго: Котельницкій, Мудровъ, Бунге, Альфонскій; Словеснаго: Мерзляковъ, Болдыревъ, Каченовскій.

Въ течeніи этихъ лѣтъ, ученіе Университетское въ 1830 году прервано было первымъ вторженіемъ холеры въ нашу столицу. Болѣзнь губительная и врачамъ неизвѣстная объяла ужасомъ городъ. Но грозное несчастіе послужило поводомъ къ тому, чтобы народъ Русскій увидѣлъ во всей силѣ любовь Царя къ нему и къ древнему средоточію государства. Императоръ явился среди него въ самой грозный часъ опасности, и подалъ силы и утѣшеніе. Одушевленный примѣромъ Государя, достойный и незабвенный Градоначальникъ Князь Д. В. Голицынъ, сталъ бодро на стражѣ. Московскій Университетъ, въ лицѣ своихъ начальниковъ и врачей, дѣятельно вспомоществовалъ Правительству. По предложенію Попечителя, учрежденъ былъ Комитетъ для охраненія учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Предсѣдателемъ Комитета былъ Ректоръ Двигубскій; Членами: Мухинъ, Бунге, Каченовскій, Болдыревъ, Давыдовъ, Павловъ, Щепкинъ и Докторъ Топоровъ. Комитетъ устроилъ особыя больницы въ Университетѣ, въ его Типографіи, въ Университетскомъ Пансіонѣ, въ Губернской Гимназіи; опредѣлилъ особенныхъ врачей въ Ботаническій Садъ и Обсерваторію; помѣстилъ просторнѣе казеннокоштныхъ Студентовъ, принялъ мѣры предосторожности въ ихъ одеждѣ и пищѣ. Больница Университета ввѣрена была Профессору Бунге, и ему даны въ помощники Доктора Армфельдъ и Гильтебрантъ; больница Университетскаго Пансіона, подъ управленіемъ Павлова, поручена Докторамъ Іовскому и Георгіевскому; больница Типографіи устроена Профессоромъ Альфонскимъ, кото-

Холера въ 1830 году.

рому препоручена и больница Воспитательнаго Дома; Губернская Гимназія ввѣрена Доктору Рясовскому, а управленіе больницы поручено Профессору Ловецкому. Кромѣ главныхъ врачей, при больницахъ, въ Ботаническомъ саду, въ Обсерваторіи, безотлучно находились Медицинскіе воспитанники Университета: Аристовъ, Барклай де Толли, Бѣлявскій, Голиковъ, Иванъ Голицынскій, Гуссинскій, Давришевъ, Ивановскій, Косачь, Красовъ, Марьинскій, Михайловскій, Поздиякъ, Ризскій, Сакенъ, Соколовъ, Терентьевъ, Ушаковъ, Шабловскій, Шенявскій, Яковъ Шереметевскій, Даніилъ и Павелъ Щировскіе, и Фицхелауровъ. Смотритель Университетской больницы Андреевъ устроеніемъ паровой ванны принесъ большую пользу страждущимъ.

По требованію Временнаго Медицинскаго Совѣта и Медицинской конторы, Университетъ отправилъ многихъ Студентовъ Медиковъ въ городскія больницы и карантины. О. Профессоры Мухинъ, Рихтеръ и Ад. Гейманъ, въ званіи Инспекторовъ, управляли больницами Таганскою, Прѣсненскою и Мясницкою. По временнымъ городскимъ больницамъ распредѣлены были Студенты: Авдѣевъ, Бенедиктовъ, Гагаринъ, Дьяконовъ, Капацинскій, Кременецкій, Ласкинъ, Левицкій, Логиновскій, Павловскій, Полишкевичь, Преображенскій, Успенскій, Щеголевъ, Яснопольскій, Яхневичь и Осиповъ. Питомцы Университета повсюду заслужили одобреніе точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Студенты: Фицхелауровъ, Плаховъ и Рябининъ, проѣзжая черезъ Воронежъ, добровольно вызвались помогать страдавшимъ холерою и заслужили похвальный отзывъ начальства.

Профессоръ Мудровъ былъ главнымъ врачемъ при Центральной Коммиссіи, учрежденной по Высочайшему повелѣнію; ему сопутствовалъ въ Саратовъ Про-

фессоръ Эвеніусъ. Не можемъ не вспомнить о горестной утратѣ, которую понесъ Университетъ тогда въ лицѣ Мудрова: упорный противникъ болѣзни, самъ палъ ея жертвою въ С. Петербургѣ, 8-го Іюля 1831 года.

Когда болѣзнь въ Москвѣ уменьшилась, а въ Университетѣ прекратилась совсѣмъ, 12-го Января 1831 года, передъ открытіемъ ученія, совершена литургія соборнѣ Преосвященнымъ Діонисіемъ въ Университетской церкви. Послѣ литургіи, Студенты подняли мѣстныя иконы и образъ Великомученицы Татіаны, и внесли ихъ, въ сопровожденіи Преосвященнаго, въ большую аудиторію, гдѣ совершено было благодарственное молебствіе и возглашено многолѣтіе Государю Императору и Августѣйшему Его Дому. За тѣмъ комнаты Студентовъ, столовая и залы лекцій, окроплены были святою водою. На актѣ, послѣдовавшемъ за церковнымъ обрядомъ, Профессоръ Перевощиковъ читалъ разсужденіе: *о заслугахъ Ломоносова относительно наукъ физическихъ*.

Благоволеніе Государя Императора увѣнчало полезные труды Членовъ Университета въ тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ Отечество и столицу.

Перейдемъ теперь къ Исторіи Университетскаго преподаванія, по введеніи новаго Устава, съ начала 1836 года. Здѣсь главная отличительная черта въ распредѣленіи предметовъ преподаванія по факультетамъ заключается въ томъ, что всѣ Профессоры принадлежатъ предметамъ, ими избраннымъ и основательно изученнымъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь того безпрерывнаго колебанія ученыхъ между разными науками, которое поражало насъ не рѣдко во всей предъидущей Исторіи преподаванія. Науки теряютъ уже вовсе энциклопедическій характеръ: каждая требуетъ Преподаваніе (1836—1854).

себѣ всего человѣка, изучается исторически по источникамъ. Профессоръ избираетъ себѣ предметъ по призванію: Правительство и Начальство распоряженіями своими не только не противорѣчатъ ему въ этомъ избраніи, а предлагаютъ всѣ средства, и въ отечествѣ и за границею, къ тому, чтобы ученый могъ обнять свой предметъ вполнѣ, а потомъ посвятить ему всего себя. Безпримѣрной щедротѣ Монаршей, благоразумнымъ дѣйствіямъ исполнителей великодушной воли Государя, не одинъ Университетъ Московскій, но и всѣ Русскіе Университеты обязаны тѣмъ значительнымъ числомъ спеціальныхъ Русскихъ ученыхъ, которые поставлены теперь въ рѣшительную возможность воздѣлывать науку въ Россіи и насаждать ея сѣмена между своими соотечественниками. Здѣсь Исторію преподаванія мы представимъ уже не по лицамъ, а по предметамъ въ каждомъ Отдѣленіи.

Догматическое и Нравоучительное Богословіе и Церковная Исторія составляли по 14 § Устава особую каѳедру, не принадлежащую къ отдѣльному факультету, и преподаваемы были постоянно О. Профессоромъ, теперь уже Заслуженнымъ, Докторомъ Богословія, П. М. Терновскимъ, для всѣхъ вообще Студентовъ Грекороссійскаго исповѣданія. Позднѣе, по соединеніи съ этимъ предметомъ преподаванія Философіи, Профессоръ сдѣлался Членомъ Историко-Филологическаго факультета.

Въ первомъ Отдѣленіи Философскаго факультета, переименованномъ теперь въ Историко-Филологическій, науки, его составляющія, преподаваемы были, въ теченіи послѣднихъ 18 лѣтъ (1836 — 1854), слѣдующими лицами:

Изъ наукъ Философскихъ преподавали: Логику Магистръ Богословія Ив. Терновскій (1837—1839); Логику, Психологію и Исторію Философіи Ад. Катковъ

(1845—1850); Логику и Психологію О. П. Терновскій (1850—1854).

Греческую Словесность и Древности: въ должности Э. О. профессора Кандидатъ Печеринъ (1836 до начала Іюня), Адъюнктъ Магистръ Оболенскій (1836—1842), О. Проф. Докт. Филос. Гофманъ (1837—1848), О. Проф. Докторъ Философіи Менщиковъ (1839 — 1854), И. д. Э. О. Пр. Магистръ Шеховскій (1848—1854).

Римскую Словесность и Древности: О. Профессоръ, Докторъ Философіи, Крюковъ (1836—1845); Ад. Магистръ Кубаревъ (1836—1839); Преподаватель Клинъ (1838—1854); О. Проф. Д. Фил. Якубовичь (1839—1842); Ад. Магистръ Шестаковъ (1845—1854); И. д. Э. О. П. Магистръ Леонтьевъ (1847—1854).

Россійскую Словесность и Исторію Россійской Литературы: О. Профессоръ, теперь Заслуженный, Докторъ Философіи, и Предсѣдательствующій втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Давыдовъ (1836—1846); О Профессоръ и О. Академикъ, Докторъ Философіи, Шевыревъ (1836—1854); И. д. Э. О. Профессора Магистръ Буслаевъ (1846—1854).

Исторію и Литературу Славянскихъ нарѣчій: Заслуж. Проф., Докторъ Философіи, Ректоръ Университета, Каченовскій (1836—1842); И. д. О. П. Магистръ Бодянскій (1842—1848); Э. О. П. Докт. Фил. Григоровичь (1848—1849); снова И. д. О. П. Бодянскій (1849—1854).

Всеобщую Исторію: Ординарный Профессоръ, О. Академикъ, Магистръ Погодинъ, (1836—1837); О. Проф. Крюковъ (одну Древнюю Исторію) (1837—1845); О. Проф. Докт. Историко-Полит. наукъ Грановскій (1839—1854); И. д. Э. О. П. Магистръ Кудрявцевъ (1847—1854.)

Россійскую Исторію: Заслуженный Профессоръ,

Докторъ Философіи, Каченовскій, вмѣстѣ съ Россійскою Статистикою (1836 г. въ первой половинѣ); О. Проф. О. Академ. Маг. Погодинъ (1836—1844); О. Проф. и Докторъ Истор. Пол. н. Соловьевъ (1845—1854).

Политическую Экономію: О. Профессоръ, Магистръ Васильевъ (1836); О. Проф. Докт. Филос. Чивилевъ (1836—1848); О. П. Докт. Истор. Пол. н. Вернадскій (1850—1854.)

Статистику; иностранныхъ государствъ: О. Проф. Докторъ Философіи Чивилевъ (1836—1848); О. П. Д. Истор. Пол. н. Вернадскій (1850—1854).

Россійскую Статистику: З. П. Каченовскій (1836—по Мартъ 1837), а потомъ О. П. Васильевъ (1837); О. Проф. Чивилевъ (1837—1848), О. П. Вернадскій (1850—1854).

Восточную Словесность: языки Санскритскій, Арабскій и Персидскій И. д. Ад. Петровъ (1852—1854).

Всеобщую Географію: Доцентъ Ефремовъ (1845—1847.)

Педагогію: О. П. Шевыревъ (1851—1854).

Въ второмъ Отдѣленіи Философскаго факультета, переименованномъ теперь въ Физико-Математическій, преподавали:

Чистую Математику: О. Профессоръ Брашманъ (1836); О. Профессоръ, Докторъ Философіи, Зерновъ (1836—1854).

Прикладную Математику: Механику и Оптику О. Профессоръ Брашманъ (1836—1854); Механику Э. О. П. Докт. Математ. н. Давидовъ (1853—1854).

Астрономію: О. Профессоръ, теперь Заслуженный, и Адъюнктъ Академіи, Перевощиковъ (1836—1851): Ад. и Маг. Драшусовъ (1843—1854); И. д. Ад. Швейцеръ (1851—1854).

Физику: О. П. Д. М. Веселовскій (1836—1838); О. П. Перевощиковъ по болѣзни Профессора (1838—1839); О. П. Док. Физики и Химіи, Спасскій (1839—1854); И. д. Ад. Любимовъ (1854).

Физическую Географію и Метеорологію: О. Проф. Спасскій (1839—1854).

Химію: О. Профессоръ, теперь Заслуженный, Докторъ Медицины, Гейманъ (1836—1853); Ад. Гивартовскій (1849—1854); И. д. Ад. Лясковскій (1854).

Минералогію и Геогнозію: О. Профессоръ, Докторъ Медицины, Щуровскій (1836—1854).

Ботанику: О. Профессоръ, Докторъ Медицины, Фишеръ (1836—1854).

Зоологію: О. Профессоръ, Докторъ Медицины, Ловецкій (1836—1840); О. Проф. Докт. Медиц. Рулье (1840—1854).

Сельское Хозяйство: О. Профессоръ, Докторъ Медицины, Павловъ (1836 — 1839); Э. О. Проф. Маг. Линовскій (1844—1846); О. П. Докт. Физ. Мат. н. Желѣзновъ (1847 — 1853); С. Х. въ связи съ Лѣсоводствомъ: О. П. Калиновскій (1853—1854).

Анат. и Физіол. тѣла человѣческаго, и Сравнительную Анатомію и Физіологію: О. П. Д. М. Глѣбовъ (1842—1849); И. д. Э. О. П. Варнекъ (1849—1854).

Практическую Механику: Доцентъ и потомъ И. д. Э. О. Проф. Магистръ Ершовъ (1844—1854).

Начертательную Геометрію: онъ же (1849—1854).

Теорію Вѣроятностей: Э. О. Профессоръ Давидовъ (1850—1854).

Педагогію: О. П. Шевыревъ (1851—1854).

Въ Юридическомъ Факультетѣ:

Энциклопедію и Методологію Законовѣдѣнія О. П. Д. Правъ, Рѣдкинъ (1836—1841); О. Пр. Лешковъ, за отсутствіемъ Профессора, бывшаго за границею (1842—1843); О. П. Д. П. Орнатскій (1848—1854).

Россійскіе основные Государственные Законы и Учрежденія и Законы о состояніяхъ: О Пр. Рѣдкинъ (1837 — 1847); О. П. Докт. Пр. Орнатскій (1848—1854).

Римское Законодательство и Исторію онаго: О. Профессоръ, Докторъ Правъ, Крыловъ (1836—1854).

Исторію Россійскаго Законодательства: О. Профессоръ, Докторъ Правъ, Морошкинъ (1836—1844); Ад. и Магистръ Кавелинъ (1844—1847); И. д. Э. О. П. Маг. Калачевъ (1848 — 1852); И. д. Ад. Бѣляевъ (1852—1854).

Законы Гражданскіе общіе, особенные и мѣстные, Россійской Имперіи, Теоретическое и Практическое Гражданское Судопроизводство: О. Профессоръ, Докторъ Правъ, Морошкинъ (1836—1854).

Законы Уголовные и Полицейскіе: О. Профессоръ, Докторъ Правъ, Баршевъ (1836—1854).

Законы Благоустройства и Благочинія: О. Проф. Васильевъ (1837—1839); О. Проф. Докт. Правъ Даниловичь (1839—1842); О. Проф. Докт. Пр. Лешковъ (1842—1854).

Законы о Государственныхъ повинностяхъ и финансахъ: О. Проф. Васильевъ (1837—1845); И. д. Ад. Мильгаузенъ (1847—1854).

Дипломацію и Общенародное Правовѣдѣніе: О. Проф. Баршевъ (1838 — 1839); О. Профессоръ Лешковъ (1839—1852); Ад. Маг. Капустинъ (1852—1854).

Церковное Законовѣдѣніе: О. Профессоръ Терновскій (1837—1854).

Законы о Государственныхъ и Губернскихъ учрежденіяхъ: О. Пр. Д. П. Лешковъ (1839—1841); О. П. Васильевъ (1841—1845); Ад. Маг. Кавелинъ (1845—1847); И. д. Э. О. П. Маг. Калачевъ (1848—1852); О. П. Лешковъ (1852—1854).

Гражданское право Царства Польскаго: О. П. Да-

милович (1841—1842); Гражданское Польское судоустройство и судопроизводство, вмѣстѣ Ипотеческія и Нотаріальныя постановленія: О. Проф. Залозѣцкій (1845—1847); О. П. Циммерманнъ (1849—1854).

Историческое обозрѣніе Законодательства Царства Польскаго, Каноническое право и Администраціонные Законы Царства Польскаго: О. П. Коровицкій (1841—1854).

Уголовные Законы и уголовное судопроизводство Царства Польскаго: О. П. Коровицкій (1845—1854).

Въ Медицинскомъ факультетѣ:

Анатомію тѣла человѣческаго: О. Профессоръ, Докторъ Медицины, Эйнбродтъ (1836—1840); О. Проф. Д. М. Севрукъ (1840 — 1852); Э. О. Проф. Док. М. и Хир. Соколовъ (1852—1854).

Физіологію: О. Профессоръ, Д. М., Филомаѳитскій (1836—1847), вмѣстѣ съ сравнительною Анатоміею (1847—1848); О. П. Д. М. Глѣбовъ (1849—1854).

Общую Патологію: О. Проф. Д. М. Филомаѳитскій (1836—1847).

Врачебное Веществословіе, Гигіену и Общую Терапію (до 1849): О. Пр. Д. М. Анке (1836—1854).

Общую Терапію и Патологическую Анатомію: О. П. Д. М. Полунинъ (1849—1854).

Фармацію, Рецептуру, Токсикологію и Химическое ученіе о Минеральныхъ водахъ: Э. О. Проф. Д. М. Іовскій (1836—1843); О. П. Анке, за исключеніемъ Фармаціи (1843—1854).

Фармацію и Фармакогнозію: Исправляющій должность Учен. Аптекаря Д. М. Лясковскій (1845—1854).

Частную Патологію и Терапію внутреннихъ болѣзней: О. Проф. Д. М. Сокольскій (1836—1848); О. П. Д. М. Топоровъ (1843—1854); Психіатрію О. П. Сокольскій (1845—1848); О. П. Топоровъ (1848—1854).

Клиническое ученіе о распознаваніи и лѣченіи бо-

лѣзней: О. Проф. Д. М. Бунге съ Ад. Топоровымъ (1836—1842); О. П. Топоровъ (1842 — 1843); О. П. Д. М. и Хир. Оверъ (1843—1846); О. П. Д. М. Варвинскій (1846—1854).

Хирургію Умозрительную или Теоретическую: О. Профессоръ, теперь Заслуженный и Ректоръ Университета, Д. М. и Хир. Альфонскій (1836 — 1847); Теоретическую Хирургію съ Наукою о глазныхъ болѣзняхъ: О. П. Д. М. и Хир. Басовъ (1846 — 1854).

Хирургію Практическую: О. Проф. Д. М. Иноземцевъ (1836—1854) и при немъ Адъюнкты: Д. М. и Хир. Гильтебрантъ (1836 — 1843) и Д. М. и Хир. Матюшенковъ (1843 — 1854).

Науку о глазныхъ болѣзняхъ и Десмургію: О. Пр., Док. М. Эвеніусъ (1836-1844); Ад. Гильтебрантъ (1844-1846); Десмургію: Ад. Матюшенковъ (1846—1854).

Повивальное искусство, женскія и дѣтскія болѣзни: О. Профессоръ, теперь Заслуженный, Д. М. Рихтеръ (1836—1852); Э. О. П. Д. М. Кохъ 1847—1854); Ад. Д. М. Николаевъ (1852—1854).

Судебную Медицину и Медицинскую Полицію: О. Проф. Д. М. Страховъ (1836 — (1837); О. Проф. Д. М. Армфельдъ (1837 — 1854).

Исторію и Литературу Медицины, Энциклопедію и Методологію Медицины: онъ же (1837—1854).

Скотолѣченіе: Сравн. Анатомію и Физіологію домаш. животныхъ, Ветеринарную Патологію, Фармакологію и Терапію, О. Проф. Страховъ (1836—1846); Ад. Кикинъ (1846—1851); Эпизоотическія болѣзни Ад. Д. М. Клименковъ (1851—1854).

Гигіэну и Діэтетику: О. П. Армфельдъ (1836—1846); Ад. Кикинъ (1846-1851); Ад. Клименковъ (1851-1854).

Патологическую Семіотику: О. Проф. Д. М. Топоровъ (1836 — 1837); О. П. Сокольскій за отсутствіемъ Топорова (1838 — 1839); снова Топоровъ

(1839 — 1843); О. Проф. Оверъ въ связи съ практическимъ ученіемъ о распознаваніи и лѣченіи болѣзней (1843—1845); О. П. Топоровъ (1845—1849); Ад. Д. М. Млодзіёвскій (1849—1854).

Изъ Частной Терапіи: Ученіе о нервныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ: Д. М. Варвинскій (1838—1839); о болѣзняхъ головнаго и спиннаго мозга, и пр.: онъ же (1839—1840).—О сифилитическихъ болѣзняхъ: О. П. Топоровъ (1840 — 1841).

Хирургическая госпитальная Клиника: О. П. Д. М. и Хир. Поль и при немъ Ад. Д. М. и Хир. Поповъ (1846—1854).

Терапевтическая госпитальная Клиника: О. П. Варвинскій (1846—1854): Ад. Полунинъ (1847); Ад Д. М. Пикулинъ (1847—1854).

Практическое ученіе о распознаваніи и лѣченіи глазныхъ болѣзней: Э. О. Пр. Д. М. Броссе (1846—1854).

Факультетская Терапевтическая Клиника: О. П. Оверъ (1847—1854); Ад. Млодзіёвскій (1849—1854).

Факультетская Хирургическая Клиника: О. П. Иноземцевъ (1836 — 1854); при немъ Ад. Гильгебрантъ, (1836—1843) и Матюшенковъ (1843—1854).

Факультетская Акушерская Клиника: О. П. Рихтеръ (1836—1854); Э. О. П. Кохъ (1847—1854); Ад. Николаевъ (1852—1854)

═

Новѣйшіе языки и иностранную словесность преподавали: Нѣмецкій языкъ и Словесность: Лекторы: Герингъ (1836—1854), Книрнмъ (1837—1845), Фёлькель (1845—1854).

Французскій языкъ и Словесн.: Лекторы: Декампъ (1836—1837), Куртенеръ (1836—1848), Пако (1837—1854), Монастье (1848—1852), Шоръ (1853—1854).

Англійскій языкъ и Словесность: Лекторъ Гарве (1836—1854).

Италіянскій языкъ и Словесность: Лекторъ Рубини (1836—1854).

Ректорами Университета, въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ, были: А. В. Болдыревъ (1836 — 1837), М. Т. Каченовскій (1837 — 1842), А. А. Альфонскій (1842 — 1848), Д. М. Перевощиковъ (1848 — 1850), А. А. Альфонскій (1850—1854).

Проректорами: Бунге (1836 — 1839), Альфонскій (1840—1842), Перевощиковъ (1842—1844), Давыдовъ (1844—1846), Фишеръ (1846 — 1850). Съ этого времени должность Проректора упразднена, а, въ случаѣ отсутствія Ректора, возлагается по усмотрѣнію его на одного изъ Декановъ.

Деканами въ факультетахъ: Историко-Филологическомъ: Каченовскій (1836—1837), Давыдовъ (1837—1846), Шевыревъ (1846—1854); Физико-Математическомъ: Перевощиковъ (1836 — 1848), Щуровскій (1848—1850), Фишеръ (1850—1853), Спасскій (1853—1854); Юридическомъ: Васильевъ (1836—1838), Крыловъ (1839—1846), Баршевъ (1846—1854); Медицинскомъ: Альфонскій (1836 — 1842), Эвеніусъ (1842 — 1846), Филомаѳитскій (1846—1848), Севрукъ (1848—1850), Анке (1850—1854).

Здѣсь представлены только имена и числа. Исторія преподаванія наукъ заключается въ подробныхъ Отчетахъ Университета за всѣ годы, начиная съ 1835-го, въ которыхъ каждый Преподаватель изложилъ свои дѣйствія на каѳедрѣ, далъ понятіе о томъ объемѣ, въ какомъ излагалъ и излагаетъ науку, объ его взглядѣ на нее, о всѣхъ пособіяхъ и руководствахъ, какія служатъ ему на лекціяхъ. При обширныхъ учебныхъ средствахъ, дарованныхъ передъ введеніемъ новаго Устава и непрерывно умножаемыхъ щедрымъ Правительствомъ, дана каждому Профессору

возможность поставить свою науку въ уровень съ современнымъ ея развитіемъ. Нѣтъ новаго открытія, опыта, событія, мысли, которыя бы укрылись отъ проницательнаго глаза Преподавателей, воспитаніемъ и ученіемъ пришедшихъ въ живое сообщеніе съ ученымъ міромъ. Науки же, имѣющія предметомъ все отечественное, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ, получили въ послѣднее время всѣ средства и способы къ самостоятельному развитію. Изученіе своей природы, Русской исторіи, духа народнаго, языка, Словесности, въ связи съ тѣми же предметами во всемірномъ ихъ значеніи, вошло въ насущную потребность, безпрерывно удовлетворяемую и наставниками и ихъ учениками.

Рѣчи и ученые труды Профессоровъ принадлежатъ уже нашему времени, живутъ въ памяти современниковъ, безпрерывно служатъ и Студентамъ и всѣмъ любителямъ наукъ. Многіе изъ этихъ трудовъ были награждены Демидовскими преміями отъ Академіи Наукъ. Одно исчисленіе ихъ заняло бы много мѣста и было бы излишнимъ, а оцѣнка ихъ внутренняго содержанія и языка могла бы послужить предметомъ особеннаго, большаго сочиненія. Нѣтъ, конечно, Профессора, который бы по своему предмету не издалъ книги, разсужденія, лекціи, и не обнаружилъ бы передъ публикою какимъ бы то ни было образомъ своей ученой дѣятельности. Рѣчи и ученые труды.

Восходя къ первымъ годамъ царствованія Императора Николая Павловича, приведемъ на память четыре Университетскихъ акта, особенно важныхъ по событіямъ, съ какими они соединялись. Первый, 12-го Января 1826 года, былъ посвященъ воспоминанію о почившемъ Императорѣ Благословенномъ Александрѣ I: Акты.

рѣчь о благодѣяніяхъ Его Величества Московскому Университету сказана была тогда Э. О. Профессоромъ Снегиревымъ. На слѣдующій 1827 годъ, актъ 12-го Января посвященъ былъ Воспоминанію Священнаго Коронованія и Мѵропомазанія Императора Николая Павловича. Ораторами были Профессоръ Рейсъ, избравшій сей предметъ темою для своей Латинской рѣчи, Снегиревъ, Лекторы Пельтъ на Французскомъ, Кистеръ на Нѣмецкомъ языкѣ. Мерзляковъ одушевилъ это торжество чтеніемъ своего прекраснаго стихотворенія: *Шуваловъ и Ломоносовъ*, которое посвятилъ своимъ Сочленамъ по Университету. Въ 1830 году два раза праздновать былъ семидесятипятилѣтній юбилей Университета: въ первый разъ, 12-го Января, Адъюнктъ Максимовичъ сказалъ теплое слово: *объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи.* Въ другой разъ торжественнѣе праздновался юбилей на актѣ 26-го Іюня 1830 года. Цвѣтаевъ сказалъ слово: *о вліяніи правовѣдцевъ на усовершенствованіе Римскаго Законодательства.* Снегиревъ въ Латинскомъ словѣ изложилъ *Исторію первоначальнаго Университета въ Царствованіе его Основательницы, Императрицы Елисаветы Петровны*, и приложилъ къ рѣчи своей нѣкоторые любопытные историческіе документы. Слово Погодина: *о назначеніи Университетовъ вообще, и въ особенности Русскихъ*, одушевило всѣхъ теплыми чувствами любви и радости о просвѣщеніи, которыя отъ лица Членовъ Университета и присутствовавшихъ выражены были Оратору. Наконецъ здѣсь, въ послѣдній разъ, звучалъ голосъ вдохновеннаго Мерзлякова: онъ пропѣлъ свою предсмертную лебединую пѣснь въ честь *Юбилею* — и вскорѣ его не стало.

Публичныя лекціи.

Публичныя лекціи и диспуты при Университетѣ

питали и поддерживали безпрерывно вниманіе Московской публики всѣхъ сословій. Проф. Гейманъ въ теченіи 18-ти лѣтъ читалъ Техническую Химію для фабрикантовъ, привлекая къ себѣ слушателей изъ дворянства, купечества и даже крестьянства. Припомнимъ публичныя лекціи Популярной Астрономіи Перевощикова; Сельскаго Хозяйства Павлова и Линовскаго, Физики Спасскаго, краснорѣчивыя лекціи Исторіи Всеобщей Грановскаго, Зоологіи Рулье, Фармаціи и Химіи Лясковскаго, соединенный курсъ пяти Профессоровъ, въ пользу неимущихъ Студентовъ. Вниманіе Московскаго Общества къ тремъ публичнымъ курсамъ пишущаго эту Исторію осталось напечатлѣннымъ въ его сердцѣ.

Журналы.

Журнальная дѣятельность при Университетѣ потерпѣла перерывъ въ 1830 году. Тогда прекращено было изданіе Вѣстника Европы Каченовскимъ, Новаго Магазина Естественныхъ наукъ Двигубскимъ, Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала Адъюнктомъ Гавриловымъ, наслѣдовавшимъ изданіе послѣ покойнаго отца своего. Съ Іюля 1833 года возобновлена была эта дѣятельность изданіемъ *Ученыхъ Записокъ*, которыя продолжались въ теченіи двухъ лѣтъ съ половиною, до конца 1835 года. Редакторами были Профессоры Давыдовъ и Перевощиковъ, ихъ помощниками Адъюнкты: Щуровскій и Шевыревъ. Изданіе имѣло счастіе заслужить благоволеніе Государя Императора. Профессоры дѣятельно участвовали статьями своими въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыя постоянно были ими оживляемы. Нѣкоторые изъ Профессоровъ сами предпринимали изданіе Журналовъ. Павловъ издавалъ Атеней, Надеждинъ Телескопъ и Молву, Погодинъ Московскій

Вѣстникъ и Москвитянинъ, Іовскій Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ и Медицины, Эвеніусъ и Полунинъ Московскій Врачебный Журналъ.

Чиновники при Университетѣ.

При введеніи новаго Устава и болѣе строгой отчетности во время преобразованія Университета, нельзя не вспомнить съ благодарностію о трудахъ перваго Секретаря Университетскаго Совѣта, уже въ новомъ его видѣ, М. Л. Назимова, который далъ законныя и полныя формы вновь учрежденному порядку, а своимъ благодушіемъ и трудолюбіемъ внушалъ всегда сочувствіе и любовь къ себѣ во всѣхъ Членахъ Университета. И теперь онъ христіански несетъ на себѣ обязанности Смотрителя Университетской Клиники. Университетъ, въ чиновникахъ Правленія и Совѣта, всегда имѣлъ счастіе видѣть благодарныхъ своихъ питомцевъ, которые дорожили его славою, честію и пользою.

Ученыя Общества.

При Университетѣ постоянно продолжали свои дѣйствія три ученыя Общества: Испытателей Природы, Исторіи и Древностей Россійскихъ, и Физико-Медицинское. Исторія ихъ дѣятельности, въ подробномъ начертаніи, принадлежитъ имъ самимъ, какъ мы уже сказали. Общество Историческое въ 1837 году 29-го Апрѣля, при своемъ покойномъ Предсѣдателѣ А. Ѳ. Малиновскомъ, имѣло счастіе заслужить титулъ Императорскаго, а потомъ, при наслѣдовавшемъ Предсѣдателѣ, Графѣ С. Г. Строгановѣ, отъ щедроты Государя получило ежегодную сумму 5000 р. асс. для своихъ изданій. Общество Любителей Россійской Словесности, за неимѣніемъ капитала, прекратило свою дѣятельность.

Пройдемъ, въ заключеніе, извѣстныя имена питомцевъ Университета, до введенія новаго Устава и послѣ введенія.

От 1825 до 1836 года въ Докторахъ Медицины встрѣчаемъ: Петра Эйнбродта (1826), Григорія Щуровскаго (1829), Николая Топорова (1829), Ивана Гильтебранта (1829), Козму Лебедева (1830), Илью Протасова (1831), Александра Армфельда (1834); въ Лѣкаряхъ: Ивана Шиховскаго (1826), Григорія Сокольскаго (1826), Михаила Воскресенскаго (1826), Ивана Сахарова (1827), Өедора Смѣльскаго (1827), Григорія Щуровскаго (1827), Александра Армфельда (1827), Николая Пирогова (1829), Юрія Венеловича Венелина (1830), Дмитрія Осиповскаго (1832), Петра Дубовицкаго (1834), Василія Басова (1834), Графа Михаила Толстаго (1835).

Питомцы Университета до новаго Устава.

Въ Докторахъ Словеснаго Отдѣленія: Николая Надеждина (1830); въ Магистрахъ: Алексѣя Кубарева (1826), Николая Васильева (1826), Михаила Погодина (1826), Петра Іовскаго (1827), Ивана Григоровича (1827), Николая Зернова (1827), Флора Жодейко (1827), Платона Погорѣльскаго (1827), Алексѣя Зиновьева (1827), Ивана Танѣева (1827), Василія Болтина (1828), Михаила Максимовича (1828), Василія Уткина (1829), Николая Черняева (1830), Ивана Средняго-Камашева (1830), Заблоцкаго (1832), Михаила Гастева (1833), Өедора Морошкина (1833), Алексѣя Савича (1834); въ Кандидатахъ: Дмитрія Баева (1826), Алексѣя Галахова (1826), Николая Коноплева (1826), Аполлона Скальковскаго (1827), Андрея Заблоцкаго (1827), Михаила Коркунова (1827), Андрея Краевскаго (1828), Николая Любимова (1828), Евгенія Корша (1828), Михаила Гастева (1828), Графа Ивана Толстаго (1829), Алексѣя Савича (1829), Николая Кояндера (1830), Вадима Пассека (1830), Александра Уманца (1830), Петра Өедорова (1830), Виктора Оглоблина (1831), Михаила Чистякова (1832), Василія Межевича (1832), Іаннуарія Невѣрова (1832),

Кастора Лебедева (1832), Павла Петрова (1832), Ивана Бѣляева (1833), Ивана Горлова (1833), Якова Лукьянова (1833), Семена Протопопова (1833), Александра Мохтина (1834), Александра Драшусова (1834), Владиміра Драшусова (1834), Константина Зеленецкаго (1834), Ивана Лебедева (1834), Іосифа Бодянскаго (1834), Александра Ефремова (1834), Василія Красова (1834), Николая Станкевича (1834), Сергѣя Строева (1834), Владиміра Линовскаго (1835), Григорія Забѣлина (1835), Николая Лавдовскаго (1835), Константина Аксакова (1835), Өедора Бѣляева (1835), Каэтана Коссовича (1836), Владислава Классовскаго (1836), Ярослава Линовскаго (1836); въ Д. Студентахъ: по Нр. П. О. Николая Мурзакевича (1828), Николая Кетчера (1829), Дмитрія Струкова (1830), Александра Будрина (1833); по Физико-Матем. Ивана Золотарева; въ Слушателяхъ по Слов. О.: Александра Полежаева (1826), Николая Кирова (1827).

До введенія новаго Устава, въ теченіи 11 лѣтъ (1825—1836), Университетъ произвелъ 37 Докторовъ Медицины; образовалъ 484 Лѣкаря; 138 Кандидатовъ и 372 Дѣйствительныхъ Студента по Нравственно-Политическому Отдѣленію; 63 Кандидата и 56 Дѣйств. Студентовъ по Физико-Математическому; 93 Кандид. и 180 Д. Студент. по Словесному.

Питомцы М. У. по введеніи новаго Устава.

По введеніи новаго Устава, съ 1836 года, таково было движеніе образованія въ питомцахъ Московскаго Университета.

Возведены въ степени Докторовъ: въ Историко-Филологическомъ факультетѣ: 1) Шевыревъ (1838), 2) Чивилевъ (1838), 3) Соловьевъ (1848), 4) Вернадскій (1849), 5) Грановскій (1850), 6) Павловъ (1850), 7) Бабстъ (1853), 8) Медовиковъ (1854): въ Физико-Математическомъ: 1) Зерновъ (1838), 2) Спасскій (1848).

3) Давидовъ (1852), 4) Бутлеровъ (1854), 5) Вагнеръ (1854); въ Юридическомъ: 1) Морошкинъ (1838), 2) Лешковъ (1841); въ Медицинскомъ: 1) Степанъ Клименковъ, 2) Иванъ Авдѣевъ, 3) Степанъ Ивановскій, 4) Карлъ Либерманъ, 5) Ѳедоръ Красовскій, 6) Сергѣй Голубцевъ, 7) Павелъ Владиміровъ, 8) Григорій Плаховъ, 9) Алексѣй Погорѣльскій, 10) Алексѣй Степановъ (всѣ 10-ро въ 1836—38 г.), 11) Павелъ Заблоцкій-Десятовскій, 12) Графъ Михаилъ Толстой, 13) Николай Скаренниковъ, 14) Иринархъ Зыревъ, 15) Христіанъ Декуртенъ, 16) Алексѣй Строгановъ (1839), 17) Николай Петровъ, 18) Степанъ Зефировъ (1840), 19) Людвигъ Гебель, 20) Яковъ Прибиль, 21) Алексѣй Билетовъ (1841), 22) Алфредъ фонъ-Вендрихъ, 23) Владиміръ Дмитревскій (1843), 24) Левъ Вейсъ (1844), 25) Петръ Клюшниковъ (1846), 26) Антонъ Кастеляно, 27) Іосифъ Дропси (1847), 28) Пеликанъ, 29) Алексѣй Полунинъ (1848), 30) Андрей Бекетовъ, 31) Эдуардъ Гринвальдъ, 32) Корнелій Млодзіёвскій, 33) Михаилъ Гейманъ, 34) Адамъ Пепловскій (1849), 35) Иванъ Матюшенковъ, 36) Иванъ Соколовъ, 37) Ад. Пикулинъ, 38) Ученый Аптекарь Лясковскій, 39) Ад. Николаевъ, 40) Осиповъ, 41) Минкевичъ, 42) Зедергольмъ, 43) Шереметевскій, 44) фонъ-Ваксманъ (1850), 45) Минъ, 46) Быковскій, 47) Смирновъ, 48) Редлихъ, 49) Гурновъ, 50) Пржиборовскій (1851), 51) Юлій Клейненбергъ, 52) Михаилъ Гиляровъ (1852), 53) Константинъ Ницманъ, 54) Сергѣй Ловцовъ, 55) Юлій Швейкертъ (1853), 56) Григорій Захарьинъ, 57) Василій Тарасовъ, 58) Несторъ Постниковъ, 59) Вильгельмъ Броссе, 60) Аркадій Альфонскій, 61) Вильгельмъ Аблесъ (1854).

Возведены въ степени Магистровъ: въ Историко-Филологическомъ факультетѣ: 1) Зеленецкій (1838), 2) Бодянскій (1838), 3) Ѳедотовъ (1840), 4) Василій

Григорьевъ (1843), 5) Николай Битовтъ (1845), 6) Юрій Самаринъ (1845), 7) Грановскій (1845), 8) Катковъ (1846), 9) Соловьевъ (1846), 10) Константинъ Аксаковъ (1847), 11) Θедоръ Буслаевъ (1848), 12) Шестаковъ (1849), 13) Евгеній Новиковъ (1849), 14) Леонтьевъ (1850), 15) Медовиковъ (1850), 16) Кудрявцевъ (1851), 17) Бабстъ (1851), 18) Шафрановъ (1852), 19) Львовъ (1853), 20) Гильфердингъ (1854); въ Физико-Математическомъ: 1) Астраковъ, 2) Акимовъ, 3) Пановъ (всѣ трое 1836—38), 4) Лукьяновъ, (1840), 5) Воздвиженскій (1840), 6) Іосифъ Сомовъ (1842), 7) Дмитрій Щепкинъ (1843), 8) Дмитрій Байковъ (1844), 9) Александръ Ершовъ (1845), 10) Чебышевъ (1847), 11) В. Перевощиковъ (1848), 12) Давидовъ (1848), 13) Рахманиновъ (1852), 14) Александровъ (1853), 15) Щеглеевъ (1854); въ Юридическомъ: 1) Александръ Поповъ (1843), 2) Константинъ Кавелинъ (1845), 3) Николай Калачевъ (1847); 4) Александръ Лакіеръ (1848), 5) Пахманъ (1851), 6) Михаилъ Капустинъ (1853), 7) Петръ Бибиковъ (1853).

Въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ, Историко-Филологическій факультетъ выпустилъ 155 Кандидатовъ и 139 Дѣйствительныхъ Студентовъ; Физико-Математ. 178 Кандидатовъ и 275 Д. Студентовъ; Юридич.: 254 Кандидата и 548 Д. Студентовъ; Медицинск.: 958 Лѣк.

Движеніе въ числѣ Студентовъ и Слушателей съ 1836 года было по отчетамъ слѣдующее:

1836 — 438	1842 — 878	1848 — 1210
1837 — 611	1843 — 852	1849 — 926
1838 — 673	1844 — 811	1850 — 906
1839 — 765	1845 — 917	1851 — 847
1840 — 889	1846 — 1088	1852 — 1009
1841 — 875	1847 — 1251	1853 — 1068
		1854 — 1089.

Со времени введенія новаго Устава Московскій Уни-

верситетъ произвелъ 76 Докторовъ, 39 Магистровъ, 587 Кандидатовъ, 962 Д. Студента, 958 Лѣкарей.

Въ теченіи же всего царствованія Императора Николая Павловича, за 29 лѣтъ, Московскій Университетъ произвелъ Докторовъ 114, Магистровъ 58, Кандидатовъ 881, Дѣйствительныхъ Студентовъ 1670, Лѣкарей 1442: слѣдоват., если исключить нѣкоторыя повторяющіяся въ разныхъ степеняхъ одни и тѣже лица, число всѣхъ, получившихъ ученое образованіе отъ Университета за послѣднія 29 лѣтъ, будетъ простираться за 4000.

Въ грозныхъ событіяхъ военныхъ, предшествовавшихъ почти два года совершенію нашего столѣтія, юношество Университета обнаружило тотъ же духъ, который пылалъ въ его предшественникахъ 1812 года. Наука не только не ослабила, но укрѣпила въ немъ святыя чувства преданности Вѣрѣ, Государю и Отечеству. Студенты Московскаго Университета, первые, изъявили желаніе поступить въ военно-медицинскую службу:—Государь Императоръ приказалъ объявить Высочайшее благоволеніе Студентамъ: Князю Долгорукову, Преображенскому, Орфѣнову, какъ *показавшимъ первый тому примѣръ.* На призывъ Царя все юношество наше будетъ готово стать въ ряды воиновъ: оно не измѣнило своимъ предшественникамъ. Нашъ Университетъ, вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями, 24-го Іюня 1854 года, принялъ изъявленіе Монаршей благодарности за пожертвованія, въ которыхъ участвовалъ онъ на пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ.

Намъ пришла пора, какъ въ оныя времена священной брани, изготовляться на всѣ возможныя жертвы, какихъ бы отъ насъ ни потребовали Государь и Отечество. А на старѣйшемъ изъ Университетовъ Русскихъ лежитъ святая обязанность, и мыслію, и словомъ, вызывать всѣ духовныя, и умственныя и нравствен-

ныя силы наши, на утвержденіе народныхъ началъ нашей жизни, на защиту и спасеніе нашего Отечества. Денно и нощно наука пускай работаетъ надъ познаніемъ Россіи и огромныхъ ея силъ природы тѣлесной и духовной. Нѣкогда грозило намъ варварство отъ Татаръ и востока: теперь оно грозитъ намъ отъ запада. За миръ, за добро и любовь къ просвѣщенію намъ платятъ войною, зломъ и угрозами отодвинуть насъ въ тьму невѣжества на цѣлое столѣтіе. Не бывать тому. Брани отъ запада были всегда намъ полезны тѣмъ, что призывали насъ къ народному самопознанію. Завистники силъ нашихъ думаютъ принести намъ вредъ своею враждою: нѣтъ, они принесутъ намъ пользу, заставивъ насъ сосредоточиться болѣе въ самихъ себѣ, узнавать и разработывать силы нашей земли, нашего неизмѣримаго Отечества. Задача Русскихъ Университетовъ въ этомъ дѣлѣ есть задача великая, святая, неистощимая.

Въ такихъ-то мысляхъ встрѣчаетъ Московскій Университетъ свое столѣтнее празднество. Съ полнымъ упованіемъ на Промыслъ Божій, недремлющій надъ нашимъ Отечествомъ и видимый ясно въ его Исторіи, съ благодарностію въ сердцѣ къ Монарху, умножившему средства и способы познанія, и къ Августѣйшимъ Его Предкамъ, Основателямъ и распространителямъ нашего святилища науки, вѣрный своей задачѣ неутомимо служить ею соотчичамъ и разливать свѣтъ ученья живой, согрѣвающій, благотворный, во всѣ концы Отечества, Московскій Университетъ идетъ на встрѣчу второму своему столѣтію, нося въ умѣ и сердцѣ напечатлѣннымъ желаніе своего Государя, выраженное ему въ незабвенный день перваго посѣщенія, 27-го Сентября 1826 года: *«видѣть въ воспитанникахъ Московскаго Университета прямо Русскихъ.»*

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ 11-й страницѣ. Въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ есть весьма замѣчательная бумага объ одномъ Студентѣ, Алексѣѣ Лебедевѣ, который былъ сыномъ крѣпостнаго человѣка.

Къ 17-й страницѣ. Г. Помощникъ Попечителя, П. В. Зиновьевъ сообщилъ Автору Исторіи весьма любопытный ученый рукописный сборникъ, въ которомъ помѣщена и рѣчь Барсова: *о пользѣ учрежденія Московскаго Императорскаго Университета.* Начало рѣчи переведено на Латинскій языкъ — и многія слова Русскія обозначены сверху Латинскими. Видно, что рѣчь для образца переписываема была Студентами и Семинаристами, вмѣстѣ съ одами Ломоносова, и что ее переводили по Латыни для упражненій риторическихъ на этомъ языкѣ.

Къ 20-й страницѣ. Черезъ И. Д. Бѣляева изъ Сибири прислана рукопись, въ которой заключаются: 1) Рѣчь на всерадостный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, говоренная при публичномъ собраніи въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ того Университета Директоромъ и Мануфактуръ - Коллегіи Совѣтникомъ Алексѣемъ Аргамаковымъ Сентября 6-го дня 1755 году; 2) Рѣчь (на тотъ же случай), говоренная (тамъ же) Ассессоромъ Михаиломъ Веревкинымъ (тогда же); 3) Ода (на тотъ же случай), сочиненная 1755

году Сентября 5-го дня. (Авторъ не названъ.) Изъ этихъ актовъ ясно видно, что Университетское ученіе въ 1755 году уже было устроено. Аргамаковъ въ рѣчи своей говоритъ: «Я съ моей стороны не могу болѣе продолжать молчаніе, чтобъ не принести мою благодарность всѣмъ тѣмъ, кои способствовали трудами своими къ успѣхамъ начинающагося сего Императорскаго Университета. Короткое время, на то употребленное, показываетъ довольно, что оно всуе не пробѣжало. Такимъ образомъ возрастая наши надежды ободрятъ насъ ожидать милостивыхъ щедротъ Августѣйшей нашей Монархини.» Веревкинъ такъ выражается, обращаясь къ Императрицѣ: «Въ сердцахъ подданныхъ твоихъ Царствующая Елисавета! воззри милостивымъ окомъ на безсмертной знакъ промысла твоего о твоемъ народѣ, на сей твой Университетъ, наполненной дѣтьми общества, слѣдовательно дѣтьми твоими, и удостой его навсегда Монаршескаго твоего покровительства.»

Къ 30-й страницѣ. Отецъ Барсова, Алексѣй, показанъ первымъ въ числѣ пятерыхъ учениковъ типографской школы, переведенныхъ въ Заиконоспасскую Академію къ братьямъ Лихудамъ, лишь только она учредилась въ 1685 году.

Къ 95-й и 100-й страницамъ. Князь М. А. Оболенскій, позднѣе, благосклонно сообщилъ мнѣ любопытную промеморію изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Императорскій Московскій Университетъ, которая рѣшаетъ дѣло. Вотъ она.

«Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку Сержантъ и онаго Университета Студентъ Денисъ Фонъ-Визинъ поданнымъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ прошеніемъ представилъ, что онъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ обучался Латинскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ и желаетъ нынѣ при дѣлахъ оной Коллегіи служить, почему оной Фонъ-Визинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ

достаточнымъ, и къ дѣламъ оной Коллегіи способнымъ; и потому Коллегія Иностранныхъ дѣлъ отъ И. М. У. требуетъ, чтобъ оной благоволилъ помянутаго Сержанта Фонъ-Визина выключа изъ числа Университетскихъ Студентовъ прислать въ оную Коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и лейбъгвардіи Семеновскаго полку въ полковую канцелярію.»

Подписали: Г. Михайла Воронцовъ.
К. Александръ Голицынъ.

Октября 24-го дня.
1762.

Оригинальная промеморія отдана была въ руки Фонъ-Визину тогожъ числа.

Такая же промеморія послана изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Университетъ, отъ 30-го Марта 1764 года, о Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Капралѣ и Студентѣ И. М. У. Аркадіи Морковѣ.

Къ 137 страницѣ. Въ Моск. Архивѣ хранится бумага, подписанная Директоромъ Херасковымъ Маія 3-го 1765 года, о переводѣ денегъ Десницкому и Третьякову въ Глазговъ. Изъ бумаги видно, что они терпѣли нужду, потому что банкиръ купецъ Томсонъ не доставлялъ имъ отъ Университета назначенной суммы.

Къ 151 страницѣ. Въ Моск. Арх. находятся два письма Куратора Ададурова къ Графу Панину: первое отъ 24-го Ноября 1763 г. при посылкѣ стиховъ для Цесаревича; второе отъ 23-го Октября 1763 г. при отправленіи также къ Графу Панину той же самой рѣчи Профессора Дильтея, съ изложеніемъ ея содержанія на Русскомъ языкѣ.

Къ 207 стран. Изъ Моск. Арх. сообщенъ мнѣ былъ весьма любопытный всеподданнѣйшій рапортъ на Высочайшее имя Императрицы, о успѣхахъ, понятіи, прилежаніи и поступкахъ обучающихся въ Университетѣ Студентовъ и въ Гимназіяхъ учениковъ, по экзамену сего

1774 года Іюня съ 2-го по 27-е число. Рапортъ о Студентахъ подписанъ Кураторомъ Ададуровымъ и Директоромъ Михаиломъ Приклонскимъ, а рапортъ объ ученикахъ Гимназіи Кураторомъ Мелиссино. Противъ всякаго Студента обозначено, какими науками онъ занимался, степень его понятія и прилежанія, и что онъ поступковъ честныхъ. Далѣе слѣдуютъ такіе же подробные списки объ ученикахъ разночинскихъ казеннаго содержанія, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имена Петра Страхова, отмѣченнаго понятнымъ и прилежнымъ, Василія Аршеневскаго, Матвѣя Гаврилова, Алексѣя Малиновскаго, Петра Плавильщикова, Василія Подшивалова; далѣе объ ученикахъ своекоштныхъ изъ дворянъ, между коими встрѣчаемъ трехъ Князей Волконскихъ, Василія и Петра Лихачевыхъ, и Алексѣя Окулова. Число Студентовъ въ этомъ году было 44. Въ ученикахъ гимназическихъ наибольшее число обучалось въ математическихъ классахъ, а именно 311. Число всѣхъ учащихъ и учащихся, всѣхъ чиновниковъ Университета и служителей типографіи простиралось до 690. Такого рода рапорты ежегодно представлялись отъ Университета Императрицѣ.

Къ стран. 222. Въ Моск. Арх. сохранилась весьма любопытная переписка Мелиссино съ Шуваловымъ, касательно Шварца, и нѣкоторыхъ подробностей относящихся къ Ученому Дружескому Обществу. Письма начинаются съ 1783 года и продолжаются до 1780 го.

Къ стран. 239. Въ Моск. Арх. хранятся: бумага Университета въ Иностранную Коллегію отъ 25 Окт. 1783 года и письмо Шувалова къ Графу Ивану Андреевичу отъ 19-го Окт. тогоже года о сообщеніи изъ Архива Иностранной Коллегіи въ Университетъ Русскихъ Лѣтописцевъ для выписокъ Ея Императорскому Величеству.

Къ стран. 253. Общество Любителей Учености, открытое Мелиссино, было недолговѣчно. Изъ письма его

къ Шувалову отъ 30-го Августа 1789 года, видно, что Шуваловъ самъ изрекъ ему приговоръ, сказавъ, что оно уже умерло при самомъ своемъ рожденіи. Мелиссино съ отчаянія такъ выражался: «Казалось, изъ всѣхъ прежнихъ бывшихъ доселѣ четырехъ чадъ моихъ оно при рожденіи своемъ имѣло крѣпчайшій составъ и довольно твердое основаніе, какъ въ упованіи на Ваше Высокопревосходительство, такъ и на природное свое сложеніе.»

Къ стран. 239. Пансіонъ Шадена существовалъ еще въ 1788 году; тогда же существовалъ и другой частный пансіонъ Профессора Чеботарева. Когда въ слѣдствіе Указа, подчинявшаго Народныя Училища Вѣдомству Приказа Общественнаго Призрѣнія, спрошены были Шаденъ и Чеботаревъ: съ чьего разрѣшенія содержать они пансіоны? — ихъ отвѣтъ былъ: съ Университетскаго. Университетъ же, на вопросъ, ему о томъ сдѣланный, 16-го Іюня 1788 г. отвѣчалъ, что онъ не только съ удовольствіемъ позволилъ помянутымъ двумъ Профессорамъ открыть у себя пансіоны, но ему желательно, чтобъ и другіе Профессоры, Лекторы и лучшіе Учители открыли у себя такіе разсадники народнаго просвѣщенія въ пользу своихъ соотечественниковъ и тѣмъ бы исполняли волю Монаршую, изображенную въ Манифестѣ объ учрежденіи Московскаго Университета. Но пансіоны отданы были 7-го Декабря 1788 года въ вѣдомство Приказа Общественнаго Призрѣнія въ силу указа Ея Величества объ училищахъ.

Къ стран. 389. Къ числу добрыхъ дѣлъ М. Н. Муравьева, должно отнести еще, что онъ исходатайствовалъ 26-го Окт. 1801 г. у Императора Александра Павловича Профессору Страхову 6,000 р. для напечатанія перевода его: Путешествіе младшаго Анахарсиса, съ обращеніемъ всѣхъ экземпляровъ въ пользу переводчика. См. письмо Проф. Чеботарева къ Проф. Страхову отъ 2-го Іюня 1802 г., напечатанное въ 12 N Москвитянина 1842 года.

—

Къ стран. 501 и 502.

Въ дополненіе къ Высочайшимъ Постановленіямъ за истекшій 1854 годъ, спѣшимъ передать два слѣдующія:

Въ 20 день Декабря, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: для Университетовъ С. Петербургскаго и Московскаго, въ тѣхъ Факультетахъ, гдѣ пріемъ общаго числа обучающихся ограниченъ тремя стами, принимать сверхъ сего числа еще по пятидесяти.

Усмотрѣвъ съ особеннымъ удовольствіемъ благородное стремленіе воспитанниковъ Гражданскихъ Учебныхъ заведеній къ военной службѣ при настоящихъ обстоятельствахъ и что уже многіе изъ сихъ воспитанниковъ показали себѣ достойными сынами Отечества на этомъ поприщѣ, Государь Императоръ, въ 29 день Декабря, Всемилостивѣйше соизволилъ открыть способы къ осуществленію ихъ патріотическаго рвенія и Высочайше повелѣлъ: въ столичныхъ Университетахъ и высшихъ классахъ всѣхъ Гимназій открыть для воспитанниковъ съ наступающимъ новымъ годомъ преподаваніе Строеваго Устава пѣхотной службы, ротнаго и баталіоннаго, не далѣе, — чтобы такимъ образомъ они могли быть Офицерами практически приготовленными и уже знакомыми съ теоріею Строеваго Устава. Сверхъ того въ Университетахъ обѣихъ столицъ ввести преподаваніе Артиллеріи и Полевой Фортификаціи, имѣя преимущественно въ виду практическую часть онаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I, ПАВЛОВИЧА.
(1801—1825).

ЦАРСТВОВАНІЕ
БЛАГОСЛОВЕННО ЦАРСТВУЮЩАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I-го ПАВЛОВИЧА.

